

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

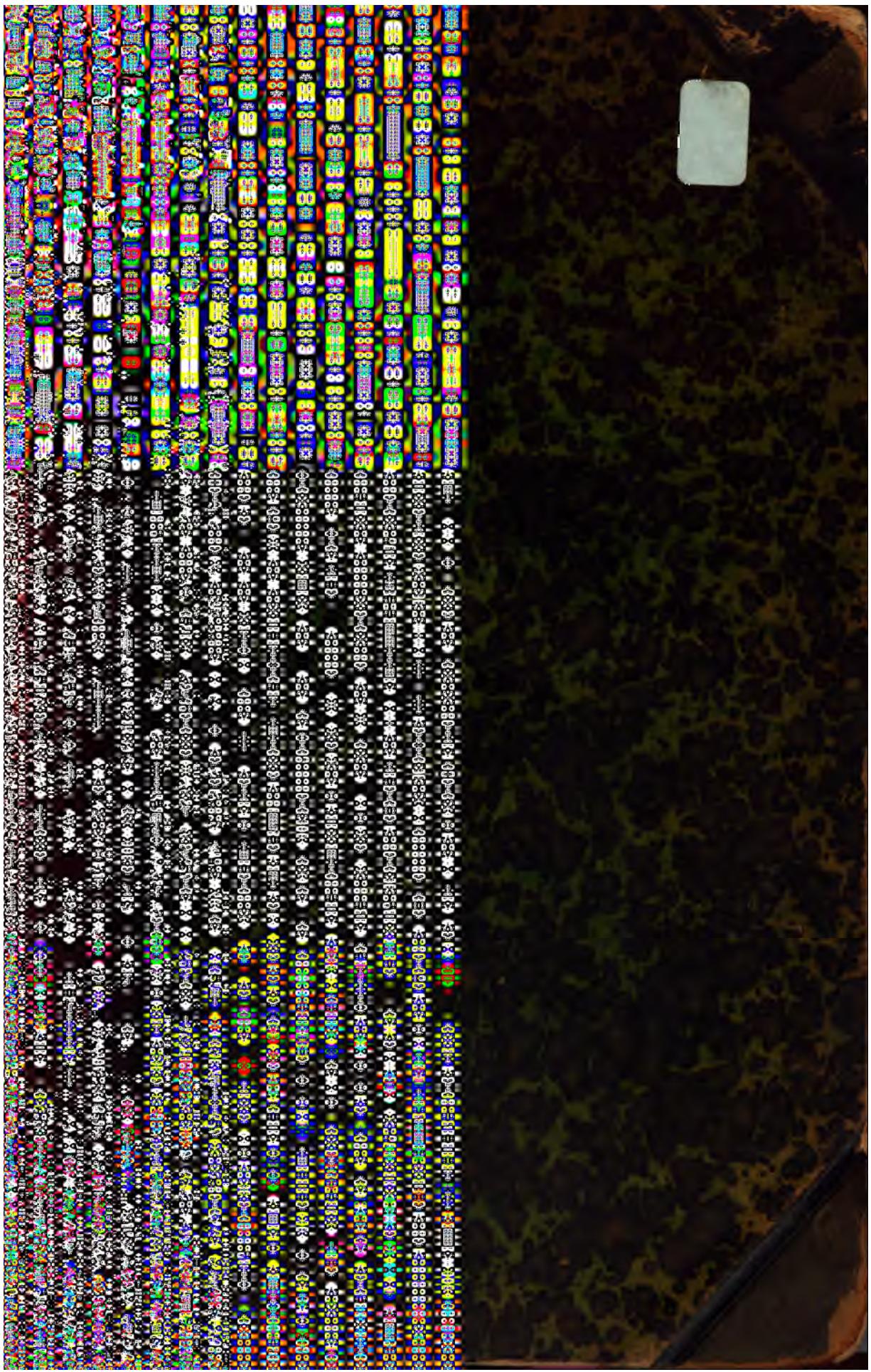
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

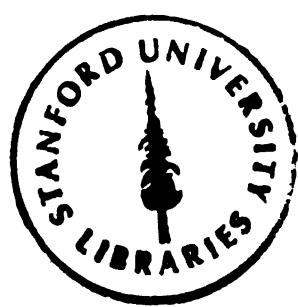
Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

8811

ОЧЕРКИ
ІСТОРІЯ УКРАИНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ
XIX СТОЛІТІЯ

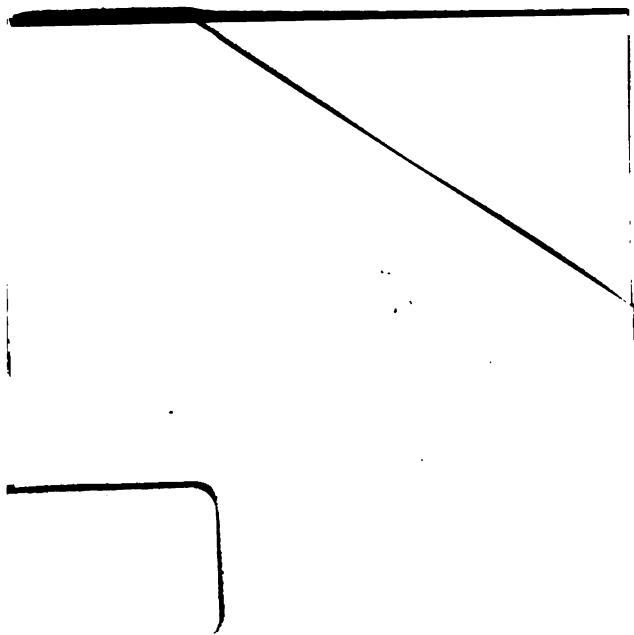
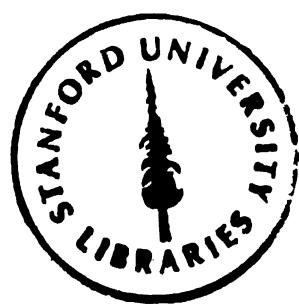
Х. І. Петрова.

Киевъ.

Въ типографії И. и А. Давиденко, Мало-Житомирская улица, собствен. домъ.

1884.

28710

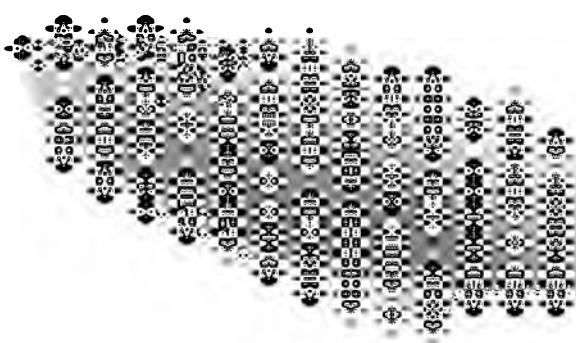
ОЧЕРКИ
ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ
XIX СТОЛІТІЯ

Ж. І. Петрова.

Киевъ.

Въ типографії И. и А. Давиденко, Мало-Житомирская улица, собствен. домъ.

1884.

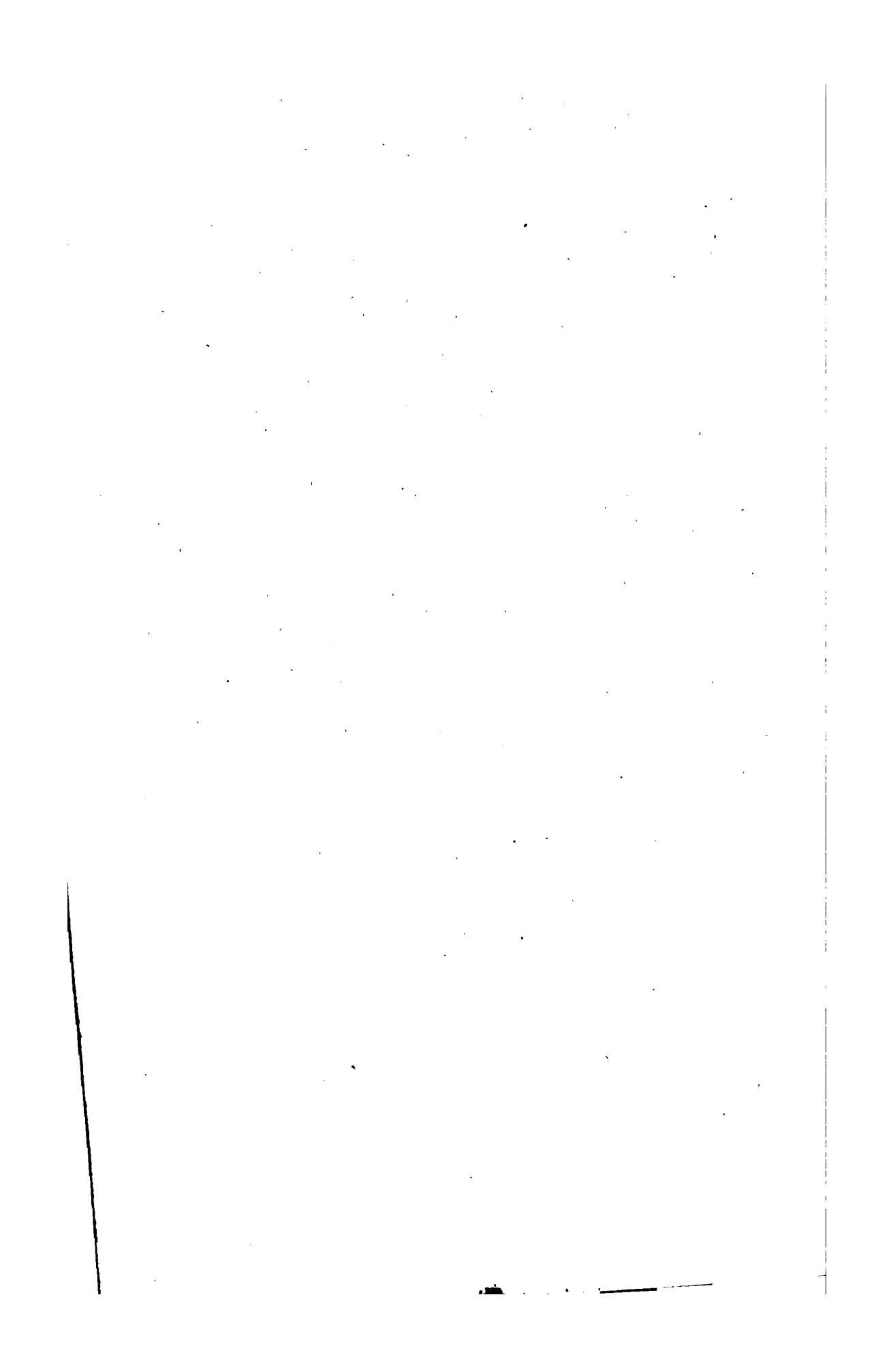
Сборник

ЛИТЕРАТУРЫ

R I T

Сборник

ал улица, собствен. домъ.

Petrov, N.I.

ОЧЕРКИ

ІСТОРІЯ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

XIX СТОЛІТІЯ

Н. І. Петрова.

Киевъ.

Въ типографії И. и А. Давиденко, Маю-Житомирская улица, собствен. домъ.

1884.

P6 39/6
P37

Печат. съ разрѣшенія Совѣта Кіевской Духовной Академіи 13 сентября 1883 г.
Ректоръ А. Сильвестръ.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Введение.</i> Очеркъ исторії української літератури. Точка зоріння на исторію української літератури и разделеніе єя на отдили или періоды	1 — 17
<i>I. Псевдокласическая украинская литература нынешнилю вѣка и реакція псевдоклассицизму</i> (стр. 18—21). Іванъ Петровичъ Котляревскій (22—36), Павелъ Петровичъ Белецкій-Носенко (36—56), Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій (56—71), Константина Даниловичъ Думитрашковъ (72—77), Василій Асанасьевичъ Гоголь (77—82) и Яковъ Герасимовичъ Кухаренко (82—85) .	18 — 85
<i>II. Сентиментальная украинская литература нынешнилю вѣка</i> (86—87). Григорій Феодоровичъ Квитка-Основьяненко (87—108), Степанъ Писаревскій (108—112), Петръ Писаревскій (112—114), Степанъ Васильевичъ Александровъ (114—116), Михаилъ Михайловичъ Макаровскій (116—118) и Кириллъ Тополя (119—122)	86 — 122
<i>III. Романтико - художественная украинская литература</i> (123—128). Амвросій Лук'яновичъ Метлинскій (123—135), Александръ Алексєевичъ Корсунъ (135—140), Левъ И. Боровиковскій (140—146), Порфирій Кореницкій (146—148), Викторъ Николаевичъ Забѣлла (149—154), Тимофея Думитрашко-Райчъ (155—159), Семенъ Лук'яновичъ Метлинскій (159—161), Михайло Николаевичъ Петренко (161—164) и Александръ Степановичъ Асанасьевъ-Чужбинскій (165—169)	123 — 169
<i>IV. Украинский национализмъ или национальная школа въ украинской литературѣ</i> (170—177). Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (177—183), Осипъ Максимовичъ Бодянскій (183—188), Николай Васильевичъ Гоголь (188—203), Евгеній Павловичъ Гребенка (203—210), Александръ Петровичъ Стороженко (211—227) и Петръ Раевскій (228—232)	170 — 232
<i>V. Украинское славянофильство и его представители</i> (233—235). Николай Ивановичъ Костомаровъ (235—257), Алек-	

— IV —

Ісандръ Александровичъ Навроцкій (257—264), Пантелеймонъ Александровичъ Кулішъ (264—296) и Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (297—368)	233 — 368
<i>VI. Ноєцьша українська література</i> (369—373). Марко-Вовчокъ (374—392), Іванъ Семеновичъ Левицкій (392—412), П. Мирный (412—416), М. Л. Кропивницкій (416—426), Яковъ Івановичъ Щоголевъ (427—439), Леонідъ Івановичъ Глібовъ (439—443), Степанъ Руданскій (443—447) и Михаилъ Петровичъ Старицкій (448—455)	369 — 455
Указатель	I — XII

В В Е Д Е Н И Е.

Украинская литература до сихъ поръ не получила полнаго права гражданства въ нашемъ отечествѣ и периодически подвергалась враждебнымъ нападкамъ со стороны извѣстныхъ литературныхъ партій и даже правительственныймъ запрещеніямъ. Вслѣдствіе этого въ разное время являлись—съ одной стороны тенденціозность во взглядахъ на украинскую литературу, съ другой—раздражительность и вмѣсть какая-то боазливость украинскихъ писателей, часто печатающихъ свои произведения за границей, или скрывающихъ свои подлинныя фамиліи за псевдонимами. Оба эти явленія одинаково препятствуютъ серьезному изученію украинской литературы. Исследователь постоянно встрѣчается съ самыми противоположными и притомъ неустойчивыми взглядами на исторію украинской литературы, затѣмнающими сущность дѣла. Тогда какъ одни, и именно недоброжелатели украинской литературы, относятся къ ней пренебрежительно, обзываютъ ее хохлацкою, хохломанскою и хлопоманскою литературою и не считаютъ достойною серьезнаго изученія,—другіе, преимущественно изъ украинцевъ, замѣчаютъ въ ней особую свѣжестъ, дѣственность и оригинальность, ставить ее несравненно выше сѣверно-русской искусственной литературы и давать ей почетное мѣсто между литературами другихъ славянскихъ племенъ и другихъ народовъ. Въ томъ и другомъ лагерѣ не достаетъ спокойнаго изученія историко-литературныхъ фактovъ и даже надлежащей полноты этихъ фактovъ, необходимой для правильнаго уразумѣнія украинской литературы.

Между тѣмъ, историческое изученіе украинской литературы вынѣшняго вѣка, и только оно одно, можетъ развязать гордѣвъузель запутанныхъ отношеній между обѣими отраслями русской литературы, который силился, по временамъ, разрубить насильственнымъ образомъ. Историческое изученіе украинской литературы показало бы истинное происхожденіе ея и характеръ, исследовало бы ту почву, на которой она прозябаетъ, и опредѣлило бы, насколько устойчива и питательна эта

почва, и потому имѣть ли свою будущность украинская литература, или не имѣть ея.

Въ виду тенденціозности существующихъ взглядовъ на украинскую литературу и важности объективнаго изученія ея, мы рѣшаемся сдѣлать опытъ такого изложенія украинской литературы нынѣшняго вѣка, въ которомъ менѣе всего было бы априорныхъ взглядовъ и побольше фактическихъ данныхъ, служащихъ къ уясненію вопроса объ украинской литературѣ. Съ этой цѣлію мы постараемся ввести въ наши очерки украинской литературы не только важнѣйшихъ, но и второстепенныхъ писателей украинскихъ, изложить содержаніе доступныхъ намъ, болѣе замѣчательныхъ въ какомъ либо отношеніи сочиненій, сопоставить важнѣйшіе критические отзывы объ этихъ сочиненіяхъ, иногда совершенно противоположные между собою, и привести ихъ къ одному знаменателю. При всемъ томъ, мы далеки отъ претензіи на совершенную полноту историко-литературныхъ фактovъ и на спокойную объективность представлений ихъ, которую можетъ нарушить, помимо воли и сознанія автора, иночлененное происхожденіе его.

Главными источниками для изученія новѣйшей украинской литературы должны служить самыя произведенія ея и отчасти критические отзывы о нихъ. Но при этомъ неналишне будетъ принять во вниманіе и тѣ немногочисленныя указатели, обзоры украинской литературы и взгляды на нее, какіе извѣстны въ нашей литературѣ, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, исходную точку для установленія общаго взгляда на исторію новѣйшей украинской литературы и періоды ея развитія.

Прежде всего, въ составъ исторіографіи украинской литературы входять справочные указатели по исторіи новѣйшей украинской литературы у Кеппена (Словарь харьковскихъ писателей), архіеп. Филарета Черниговскаго, Межова, Геннади и Ильницкаго (въ „южно-русскомъ отдѣлѣ“ каталога книгъ и періодическіхъ изданій его библіотеки въ Киевѣ). Выше ихъ стоитъ „Показчикъ нової української літератури“ М. Комарова. 1883 г., составляющій необходимое пособіе для каждого специалиста и любителя. Но эти обзоры сами по себѣ не даютъ цѣлѣнаго представлія о ходѣ и направленіи украинской литературы и только съ большею или меньшею полнотою указываютъ отдѣльныя литературныя явленія. Будучи необходимы для специалистовъ, эти указатели неинтересны для читающей публики.

Интереснѣе ихъ частные обзоры или одного какого нибудь отдѣла украинской литературы, или одного періода въ ея историческомъ развитіи. Таковы: „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ Из. И. Срезневскаго въ „Ученыхъ запискахъ московскаго университета“ за 1834 годъ; „Лицей князя Безбородко“, 1859 года, где изложены біографіи и перечислены труды литераторовъ изъ бывшихъ

преподавателей и воспитанниковъ лицея ¹⁾); „Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края“, А. Лазаревскаго, 1858 года; „Украинская старина“ Гр. Данилевскаго, 1869 г., въ которой заключаются биографическія свѣдѣнія о Сквородѣ, Каразинѣ и Квяткѣ-Основяненкѣ; „Критический обзоръ украинской драматической литературы“ М. К., въ львовской „Русалкѣ“ за 1866 годъ; „Малороссія въ ея словесности“ Прыжова, 1869 года ²⁾); „Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій,—культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1874 годъ, гдѣ есть воспоминанія о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ, А. Метлинскомъ, Н. Костомаровѣ, Я. Щоголевѣ и др.; „Передне слово про галицко-русскe письменство“, М. Драгоманова, къ изданію повѣстей Федьковича, 1876 г.; „Русинская литература“ въ III томѣ „Исторія всемірной литературы“ В. Зотова, 1881 г. ³⁾.

Есть, наконецъ, и цѣльные обзоры украинской литературы нынѣшняго вѣка. Изъ нихъ доступны для насъ были слѣдующіе обзоры: „Малороссійскія повѣсти, разсказываемыя Грыцькомъ Основяненкомъ“, Г. Мастака (Бодянскаго, по другимъ—Венелина), съ краткимъ очеркомъ предшествовавшей украинской литературы, въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета“, за октябрь, 1834 г.; „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійскомъ языке“, Іеремія Галки (Н. И. Костомарова), въ „Молодикѣ“ за 1844 годъ; „Обозрѣніе собранныхъ и напечатанныхъ этнографическихъ, или народо-описательныхъ свѣдѣній и материаловъ относительно здѣшнаго и вообще южно-русскаго края“, А. Метлинскаго, при его извѣстіи объ изданіи „Южнаго Русскаго Сборника“, 1848 г., въ харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и особой брошюре; „Литературные замѣтки по поводу сочиненія Г. Давилевскаго объ Основяненкѣ“, Скубента Чуприны (студента А. А. Котляревскаго), въ 41 № литературного отдѣла Московскихъ Вѣдомостей за 1856 годъ „Взглядъ на происхожденіе рѣчи люда козацко-русскаго и его украинъ“; Н. Гатцука, въ его „Ужинкѣ рідного поля“, 1857 г.; эпилогъ къ исторической повѣсти г. Кулиша „Чорна Рада“, 1857 г. ⁴⁾; „Взглядъ

1) Второе изданіе—въ 1881 году.

2) Объ этомъ сочиненіи см. критическую статью М. Драгоманова въ „Вѣстникѣ Европы“, за юль, 1870 г.

3) Кроме того, извѣстны еще слѣдующіе очерки нѣкоторыхъ отдѣловъ и periodовъ украинской литературы: „Очерки украинской драматической литературы: Котляревскій, Гоголь—отецъ, Кухаренко“, К. Маруси, въ „Русской Сценѣ“, 1866 года, № 6 и 7; „Харьковская письменная и словесная старина“, въ прибавл. къ харьковскому губернскому вѣдомству за 1867 годъ.

4) По поводу этой повѣсти и эпилога къ ней отрицательный взглядъ на украинскую литературу высказать въ „Библіотекѣ для Чтенія“, 1857, т. 146.

на малорусскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги „Народніе оповѣданія Марка Вовчка“, того-же Кулиша, въ XI томѣ „Русского Вѣстника“ за 1857 годъ; „Взглядъ на украинскую словесность“ въ предисловіи къ альманаху „Хата“ Кулиша, 1860 г. ¹); „Обзоръ украинской словесности“ того-же Кулиша, въ журналѣ „Основа“, за 1861 годъ; „Краткій очеркъ исторіи украинской литературы“ П. Петраченка, въ его „Исторіи русской литературы“ 1861 года ²); „Малороссы“ въ „Обзорѣ исторіи славянскихъ литературу“, Пыпина и Спасовича, 1865 года; „Украинофильскія движенія въ юго-западной Россіи“, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1867 годъ ³); „Малорусская литература“, Н. И. Костомарова, въ „Шозгіи славянъ“ Гербеля, 1871 года; „Литература россійска, великорусска, украинска и галицка“ въ галицкой „Правдѣ“ за 1874 годъ ⁴); „Южнороссы“, въ 1-мъ томѣ втораго изданія „Исторіи славянскихъ литературу“, Пыпина и Спасовича, 1879 года ⁵).

Но и эти болѣе или менѣе цѣльные обзоры украинской литературы нынѣшняго вѣка далеко не всѣ отличаются полнотою и обстоятельностью. Первые по времени обзоры украинской литературы, полные для своего времени, не приходятся по мѣрѣ современной украинской литературы, выросшей изъ этихъ обзоровъ. Нѣкоторыя позднѣйшія обозрѣнія украинской литературы составлены самыми видными ею дѣятелями, напр. Н. И. Костомаровымъ и Кулишомъ, которые, по весьма понятной причинѣ, умалчивали о самихъ себѣ и своихъ литературныхъ трудахъ и потому не доводили исторіи украинской литературы до конца. Не могли владѣть полнотою литературныхъ фактovъ и сѣвернорусские писатели, рѣшавшіеся обозрѣвать исторію украинской литературы; въ большей или меньшей мѣрѣ они зависѣли отъ малороссовъ. Къ этому присоединилось еще различие вкусовъ и направле-

¹) О „Хатѣ“ см. рецензію въ „Свѣточѣ“, 1860 г., кн. IV.

²) Критическая статья о немъ—въ „Основѣ“, за мартъ, 1862 г.

³) Перепечатана въ „Кievлянинѣ“ за тотъ-же годъ. съ примѣчаніями редакціи.

⁴) Критическая статья—въ „Русскомъ Вѣстнике“, за мартъ, 1875 г.

⁵) Критич. статья А. Будиловича въ „Журн. Мин. Народ. Просв.“, за юнь, 1879 года. Кромѣ перечисленныхъ, извѣстны еще слѣдующіе обзоры украинской литературы: 1) Біограф. свѣдѣнія о духовныхъ и свѣтскихъ писателяхъ, уроженцахъ здѣшняго края (Малороссіи), въ полтав. губерн. вѣдом., за 1846—1847 гг.; 2) „Указаніе бібліографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи“, Гр. Милорадовича, въ черніг. губерн. вѣдом., за 1855, 1856 и 1859 гг.; 3) „Біографіи достопамятныхъ малороссіянъ“, тамъ-же, за 1860 г., и 4) „Малорусская литература“ въ Одесскомъ Вѣстнике за 1861 г. О заграниценныхъ обзорахъ Онышкевича, Франка, Кошеваго и др. см. въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г.

ний обозрѣвателей украинской литературы, которые обращали преимущественное вниманіе только на такие литературные факты, которые подтверждали ихъ теоретические взгляды, и затѣмъ игнорировали и опускали всѣ другіе факты. Относительно большей или меньшей полноты литературныхъ фактovъ и направлениія обзоровъ украинской литературы, въ исторіографіи этой литературы можно различить три группы. Къ первой относятся обозрѣнія украинской литературы въ національно-романтическомъ духѣ, до 1857 года; вторую группу составляютъ обзоры съ оттѣнкомъ украинскаго славянофильства, съ 1857 г. до начала 1870-хъ годовъ; къ третьей группѣ принадлежать новѣйшіе обзоры украинской литературы смѣшаннаго характера.

Къ первой группѣ обозрѣвателей украинской литературы относятся: I. Мастакъ, Іеремія Галка (Н. Н. Костомаровъ), А. Метлинскій, Гатцукъ и Чуприна (А. А. Котляревскій). Ихъ обзоры дорожатъ всякимъ, даже маловажнымъ явленіемъ въ области украинской литературы, тогда еще очень бѣдной, и отличаются извѣстною долею панегиризма. Всѣ они писаны въ періодъ пресловутаго когда-то сліяння классицизма и романтизма въ принципѣ народности и разсматриваютъ произведенія украинской литературы съ художественно-національной точки зрењія. Разница между ними въ этомъ отношеніи незначительная. Мастакъ, по поводу выхода въ свѣтъ первого тома малороссійскихъ повѣстей Основьяненка, обращаеть преимущественное вниманіе на прозаическія украинскія сочиненія и съ похвалою отзыается о „Дворянскихъ выборахъ“ и „Шельменкѣ“ Квитки-Основьяненка, которымъ мы не встрѣчаемъ похвалъ у позднѣйшихъ украинскихъ писателей. Онъ снисходительно говоритъ даже объ оперѣ-водевилѣ „Козакъ-Стихотворецъ“ Шаховскаго, осужденномъ малороссами при первомъ появленіи его на свѣтъ. Іеремія Галка въ своемъ „Обзорѣ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языке“, одинаково говоритъ какъ о прозаическихъ, такъ и поэтическихъ украинскихъ произведеніяхъ, но съ гораздо болѣею разборчивостью и эстетическимъ чутью: онъ преимущественно стоитъ на художественной точкѣ зрењія. А. Метлинскій перечисляетъ литературные произведения и этнографическія изданія съ самой краткой характеристикой ихъ, но въ своемъ перечинѣ упоминаетъ о такихъ изданіяхъ, о которыхъ не говорится въ другихъ обзорахъ украинской литературы. Между прочимъ, у него упоминаются: 1) „Маруся“, повѣсть въ стихахъ, неизвѣстнаго. Одесса 1834. 2) „Литухъ Горемыка“, опера. Таганрогъ. 1846. 3) „Мотыль“, стихотворенія Меха. Львовъ. 1841. Н. Гатцукъ въ своемъ перечинѣ украинскихъ писателей помѣщаетъ даже польско-украинскаго писателя Чайковскаго. Но ни Мастакъ, ни Іеремія Галка, а тѣмъ болѣе Метлинскій и Гатцукъ, не имѣли въ виду дать въ своихъ обзорахъ сравнительную оцѣнку каждому изъ украинскихъ писателей и указать имъ

жъсто въ прогрессивномъ развитіи украинской литературы. Выполнить эту задачу задумалъ г. Чуприна (А. А. Котляревскій). Небогата съ фактической стороны, его замѣтка по поводу сочиненія Г. Данилевскаго объ Основъяненкѣ пытается уловить отг҃ынки между однородными, повидимому, писателями украинскими и показать ходъ прогрессивнаго развитія украинской литературы, въ связи ея съ общерусскою.

Вторую группу обозрѣвателей украинской литературы, съ отг҃ынкомъ украинского славянофильства, составляютъ Кулишъ и его послѣдователи и нѣкто Волынецъ. У нихъ уже ясно обозначаются два періода въ развитіи украинской литературы, и нѣкоторые литературные авторитеты теряютъ теперь свое прежнее значение. Эта группа открывается г. Кулишомъ, который началь съ отрицанія авторитета Гоголя и мало по-малу дошелъ до отрицанія другихъ прежнихъ авторитетовъ украинской литературы. Въ эпилогѣ къ своей исторической повѣсти „Чорна Рада“, 1857 года, Кулишъ старался выставить несостоительность прежнихъ опытовъ историческихъ романовъ и особенно украинскихъ повѣстей Н. В. Гоголя. „Судя строго,—говорить здѣсь Кулишъ, малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовывать родное племя. Онъ брался за исторію, за исторіческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою“, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ“. „Во время Гоголя,—продолжаетъ Кулишъ,—не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь“. Повѣсть Кулиша, съ эпилогомъ къ ней, вызвала нѣсколько критическихъ статей въ тогдашихъ журналахъ, и между прочимъ статьи М. А. Максимовича и нѣкоего Е. К. въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Отвѣчая послѣднему въ „Русскомъ Вѣстнике“, г. Кулишъ невыгодно отозвался о многихъ прежнихъ и современныхъ ему украинскихъ писателяхъ. Имена Квитки-Основьяненка, Шевченка и Марка Вовчка онъ ставить на первомъ планѣ, а на второмъ—имена Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гребенки. За ними слѣдуетъ довольно длинный рядъ отдѣльныхъ книгъ и сборниковъ на малороссійскомъ языке; но всѣ они, за немногими исключеніями, составляютъ больше предметъ библіографіи, нежели критики. „Теперь намъ нечего дѣлать,—говорить Кулишъ,—съ сочиненіями Ілька Материнки (Бодянскаго), Іеремія Галки, Амвросія Могили (Метлинскаго), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти 5—6 стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины. Еще менѣе зай-

муть насть произведения Кирила Тополи, который въ первой своей пьесѣ „Чары“ обѣщалъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ затѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность,—тупая басни г. Льва Боровиковскаго, унизительная для Малороссіи вирши г. Морачевскаго подъ заглавiemъ „До чумака“, стихи г. Забилы, напоминающіе языки, которыхъ говорятъ въ Малороссіи цыгане, и сочиненія г. Шишацкаго-Илліча, собираителя пѣсенъ и преданій, который возжелалъ славы поэта и, вместо пегаса, осѣдалъ осла. Пустился онъ въ догонку за Шевченкомъ, подражая ему до нестерпимости, и кончилъ тѣмъ, что передразнилъ его въ своихъ поэмахъ и лирическихъ стихотвореніяхъ самимъ обиднымъ образомъ. Остается упомянуть еще, какъ о замѣчательныхъ по отсутствію какого либо дарованія, сочиненіяхъ братьевъ Карпенковъ, между которыми трудно разшить, кто кого превосходитъ бездарностью и какимъ-то цинизмомъ пошлости. Въ „Южномъ Русскомъ Зборнику“ Метлинскаго, 1848 г., напечатано много стиховъ гг. Петренка и Александрова; но эти стихи не лучше тѣхъ, какими г. Максимовичъ передразнилъ древняго пѣвца Игорева. Десятилѣтіе отъ 1847 до 1857 года было самое бесплодное въ малороссійской словесности. Исключение составляютъ развѣ басни Глѣбова и поэма покойнаго Макаровскаго „Наталя“. Тѣ же мысли Кулишъ развивалъ въ предисловіи къ альманаху „Хата“, 1860 года, и въ „Обзорѣ украинской словесности“ въ журналѣ „Основа“ за 1861 годъ. Въ послѣднемъ, унизивъ еще болѣе Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и особенно украинскіи повѣсти Н. В. Гоголя, Кулишъ началъ исторію украинской литературы собственно съ Квитки-Основьяненка. Но этотъ обзоръ, предпринятый, повидимому, въ видахъ полемики съ М. А. Максимовичемъ, остановился на бранчивомъ разборѣ украинскихъ повѣстей Гоголя и не продолжался въ слѣдующемъ году существованія журнала „Основы“, можетъ быть потому, что далѣе пришлось бы г. Кулишу говорить о самомъ себѣ. Во всякомъ случаѣ, его бѣглые и незаконченные обзоры украинской литературы ясно разграничили два періода въ развитіи этой литературы: прежній, отжившій свою пору, и новый, представителями котораго являются Квитка-Основьяненко, Шевченко и Марко-Вовчокъ.

Ближайшими послѣдователями Кулиша въ исторіографіи украинской литературы были Петраченко и Пыпинъ. Первый изъ нихъ исключительно слѣдовалъ взглядамъ Кулиша и въ свой „краткій историческій очеркъ украинской литературы“ включилъ только рекомендован-

¹⁾ „Взглядъ на малороссійскую словесность, по случаю выхода въ свѣтъ книги „Народні Оповідання Марка Вовчка“, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1857 года, т. XII.

ныхъ Кулишомъ писателей втораго періода — Квитку, Шевченка и Марка-Вовчка, присоединивъ къ нимъ и самого Кулиша. Что же касается г. Пыпина, то въ первомъ изданіи его „Очерка исторіи славянскихъ литературуъ“, 1865 года, хотя онъ и пользовался разнообразными источниками, но тоже въ значительной мѣрѣ подчинился влиянию взглядовъ Кулиша. Всльдъ за послѣднимъ, г. Пыпинъ дѣлить новѣйшую украинскую литературу на два періода: предуготовительный, съ недостаткомъ элементовъ народности, до Квитки-Основьяненка, и періодъ собственно народной украинской литературы съ Квитки до позднѣйшаго времени Къ первому отнесены писатели XVIII вѣка — Климентий Зиновіевъ и Скворода, и XIX вѣка — И. П. Котляревскій и П. П. Гулакъ-Артемовскій. Второй періодъ открывается Квиткой-Основьяненкомъ, около котораго группируются второстепенные писатели — Боровиковскій, Гребенка, Бодянскій, Тополя и Метлинскій, продолжается въ дѣятельности Іеремія Галки, Кулиша и Шевченка и завершается повѣстями Марка-Вовчка. „Это было продолженіемъ приема Основьяненка,— говоритъ г. Пыпинъ,— но продолженіемъ гораздо болѣе непосредственнымъ и настолько болѣе совершеннымъ, насколько разнятся два литературныхъ поколѣній“.

Но ни у Кулиша, ни у его ближайшихъ послѣдователей не указаны ясно отличительныя черты двухъ намѣченныхъ ими періодовъ въ развитіи украинской литературы. Попытку указать специальный, отличительный характеръ обоихъ этихъ періодовъ представляютъ статьи Волынца, подъ заглавиемъ „Украинофильська движенія въ Юго-Западной Россії“, которая направлены были противъ ходачаго въ русскомъ и польскомъ обществахъ инѣнія, будто украинская литература возникла подъ влияниемъ польской и представляетъ изъ себя ея видоизмененіе или слабое отраженіе. Авторъ старается доказать, что украинское направленіе возникло не подъ влияниемъ польскимъ. „Украинское направленіе, говоритъ Волынецъ,— явилось болѣе 50-ти лѣтъ назадъ, и притомъ въ Харьковѣ и Полтавѣ, гдѣ со временъ Мазепы польского влияния не было замѣтно. Стремленіе къ изученію прошлаго и народности Украины и желаніе выражать украинскую жизнь на украинскомъ языкѣ явилось еще въ концѣ прошлаго вѣка, потомъ развилось всльдъ за открытиемъ въ Харьковѣ университета и попало въ такъ общему въ первой четверти XIX вѣка обращенію къ народности“. Представителями этого направленія украинской литературы являются — Котляревскій, Гулакъ Артемовскій и Квитка. Еѣ нимъ нужно причислить Боровиковскаго, Гребенку, Іська Материнку и др. Всѣ эти писатели — уроженцы лѣваго берега Украины. На правомъ берегу родился только Шевченко. Начавшееся въ Харьковѣ, литературное движеніе перешло на правый берегъ Днѣпра только въ сороковыхъ го-

дахъ. „Въ течениі сороковыхъ годовъ оно поддерживалось въ Киевѣ лѣвобережными украинцами, преимущественно переселившимися изъ Харькова (М. Максимовичъ, начавшій писать въ Москвѣ, Н. Костомаровъ и А. Метлинскій,—сначала харьковские, а потомъ кievskie профессора). Оно усилилось, когда въ Петербургѣ стали выходить произведения Шевченка. Выражалось это направление преимущественно въ стихотворной формѣ, какъ и тогдашнее славянофильство. Сказавъ, затѣмъ, о судьбѣ кирилло-мѣѳодіевскаго кружка, образовавшагося въ Киевѣ въ 1847 году, и о важнѣйшихъ его представителяхъ, главнѣцѣль коихъ была археологическая, съ примѣсь мистического оттѣнка, Волынецъ продолжаетъ: „на нѣсколько лѣтъ было пріостановлено печатаніе на малорусскомъ языке; но скоро явился сборникъ пѣсенъ А. Метлинскаго, а затѣмъ и литературные произведенія его же и другихъ. Съ 1856—1857 гг., въ числѣ другихъ направлений, съ новою силой поднялось славянофильство. Къ нему примкнуло и украинское направление. Изъ дневника Шевченка видно, какъ покровительствовали ему Хомяковъ, Аксаковъ, Кирѣевскій, и „Русская Бесѣда“ радовалась появленію проповѣдей о. Гречуловича. Въ Русской же Бесѣдѣ появилась первая статья, которая пыталась доказать законность и необходимость украинскаго движения въ литературѣ,—„Эпилогъ къ Черной Радѣ“ г. Кулиша. Впрочемъ, украинское движение не имѣло крайностей славянофильства, а потому къ нему относились сочувственно и западники. Русскій Вѣстникъ печаталъ переводы повѣстей Марка-Вовчка и даже „Майора“ г. Кулиша, разсказъ, въ основѣ которого лежитъ краинянинъ мысль о необходимости образованіемъ классамъ соединяться съ народною жизнью даже въ самыхъ мелочныхъ бытовыхъ чертахъ“. Все это подготовляло собою появленіе журнала „Основы“, украинскаго органа. Этотъ журналъ любилъ доказывать возможность всесторонней малорусской литературы. Практическія цѣли украинофильства, какимъ оно является въ „Основѣ“, были слѣдующія: 1) изученіе историческое, этнографическое и экономическое юга Россіи; 2) художественное изображеніе малорусского народнаго быта на малорусскомъ же языке и 3) издание на этомъ же языке книгъ для элементарного образованія“. Эти цѣли считала законными и газета „День“.—Со временемъ перенесенія центра дѣятельности на правый берегъ Днѣпра, украинофильское движение приходить въ столкновеніе съ польскими тенденціями, и въ борьбѣ съ ними вырабатывается типъ народолюбцевъ изъ среды самихъ же поляковъ, который окрестили они названіемъ „хлопоманства“. Представителями этого типа являются Ф. Рыльскій и В. Антоновичъ, тоже пріимыкавшіе свою дѣятельностью къ „Основѣ“. Поляки всячески старались очертить этихъ хлопомановъ и скомпрометировать ихъ, предъ обществомъ

отличаются слабостью, повторением избитых мотивовъ о редкихъ, объ ея ворогахъ, о славѣ козацкой, о волѣ, безъ указанія,—какою она должна быть,—о несчастной долѣ Украины ¹⁾). Послѣдній періодъ украинской литературы и долженъ быть, по идеѣ автора, съ реально-соціальнымъ направленіемъ.

Послѣдній изъ очерковъ украинской литературы принадлежитъ г. Пыпину во второмъ изданіи „Исторія славянскихъ литературъ“, 1879 года, вновь переработанномъ и дополненномъ. Хотя г. Пыпинъ и не имѣлъ внутреннихъ побужденій увлекаться національными украинскими интересами, но, обращаясь за источниками и пособіями къ украинскимъ писателямъ, особенно новѣйшимъ, онъ невольно подчинился ихъ взглядамъ и, по справедливому замѣчанію критики, въ своемъ обзорѣ украинской литературы измѣнилъ своему основному взгляду на исторію славянскихъ литературъ. Въ такомъ видѣ обзоръ украинской литературы г. Пыпина можетъ быть отчисленъ къ третьей группѣ исторіографіи украинской литературы и служить ея завершеніемъ. Въ новомъ изданіи своемъ г. Пыпинъ слѣдуетъ болѣе Костомарову и его отзывами умѣряетъ рѣзкія выходки Кулиша противъ вѣкоторыхъ украинскихъ писателей. Повидимому, онъ пользовался и устными совѣтами г. Костомарова и потому особенное вниманіе обратилъ на эпоху украинофильства, рассматривая ее глазами Костомарова. Въ новомъ своемъ обзорѣ украинской литературы г. Пыпинъ удерживается прежнее свое дѣление украинской литературы на періоды, но въ этихъ періодахъ указываетъ частнѣйшіе оттѣнки литературныхъ направленій и въ этомъ отношеніи сближается съ авторомъ статей: „Литература россійская, великорусская, украинская и галицкая“. Первый періодъ украинской литературы идетъ у Пыпина до конца тридцатыхъ годовъ и обнимаетъ собою Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Гоголя—отца и даже Квитку съ его послѣдователями. Но тогда какъ у первыхъ изъ этихъ писателей замѣчается комически-карикатурное изображеніе малорусской жизни или преувеличенная сентиментальность,—Квитка-Основьяненко искренно любилъ свой народъ и сочувственно рисовалъ его этнографическій бытъ и нравственныи черты и сталъ ступенемъ отъ первыхъ начинателей малорусской литературы къ новому направленію ея съ конца тридцатыхъ годовъ, въ духѣ славянского возрожденія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ малорусской литературѣ обнаруживаются всѣ особенности славянского возрожденія: въпервыхъ, усиленная литературная дѣятельность, усердное стихотворство и поѣст-

¹⁾) „Русскій Вѣстникъ“, за февраль, 1875 г. „Современное украинофильство“, стр. 831 и сл.

воціненіе на народномъ языке,—отчасти повтореніе народныхъ мотивовъ, отчасти стремленіе передавать на народномъ языке литературные идеи высшаго порядка; вовторыхъ, усиленный интересъ къ этнографическимъ изученіямъ; въ третьихъ, столь же сильный интересъ къ преданіямъ исторической жизни своего народа, и здѣсь именно къ тѣмъ, которымъ принадлежали специално новой южно-русской формациі, къ преданіямъ времени козачества и борьбы за національную свободу. Къ писателямъ этого времени относятся—Боревиковскій, Гребенка, Бодянскій, Тополя, Метлинскій, Писаревскій, Петренко, Корсунъ, Щоголевъ, и др. Малорусской этнографіей и исторіей занимались князь Цертелевъ, псевдо-Конисскій, Метлинскій, Бодянскій, Срезневскій, Максимовичъ и др. Къ концу тридцатыхъ годовъ является тріада замѣчательныхъ талантовъ—Костомарова, Кулиша и Шевченка, дѣятельность которыхъ, съ перерывомъ въ сороковыхъ годахъ, составляетъ крупнѣйшее явленіе послѣднихъ десятилѣтій. Это было настоящее начало такъ называемаго новѣйшаго украинофильства, представителей которого интересовали—мысль о славянствѣ, мысль о просвѣщеніи народа, мысль о защитѣ малорусскихъ народныхъ элементовъ отъ господства польского элемента. Такова была общественно-политическая подкладка литературного движения, возникшаго въ сороковыхъ годахъ. Послѣ про-межутка десятилѣтия молчанія, тѣ же идеи возобновились и нашли, болѣе или менѣе, выраженіе въ „Основѣ“ и другихъ трудахъ ее главныхъ дѣятелей. При освобожденіи крестьянъ, всѣмъ разумнымъ людямъ была ясна мысль о необходимости работать для народа, его просвѣщенія, для поднятія его положенія. Новое поколѣніе, какъ обыкновенно бываетъ, приняло идеи старого украинства съ жаромъ, еще не охлажденнымъ опытами, вело ихъ изъ отвлеченной области въ практическую жизнь, отдавало имъ искренній энтузіазмъ и вызвало въ неразвитомъ большинствѣ обвиненія, создавшія тягостную атмосферу, матеріальную и нравственную. Издание „Основы“ вызвало къ дѣятельности многихъ, болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, которые занялись изображеніемъ народнаго южно-русскаго быта, отчасти продолжая прежнюю нить малорусской литературы (съ Основьяненко), отчасти въ связи съ русской реалистической школой. Къ болѣе замѣчательнымъ украинскимъ писателямъ новѣйшаго времени у Пыпина отнесены: Марко-Бровчокъ, А. П. Сторожако, Л. И. Глѣбовъ, А. Нечуй-вітеръ, Ст. Руданскій, М. Т. Номисъ (Симоновъ), А. Конисскій, Ф. Г. Кухаренко, Д. Олельковичъ (псевдонимъ), Ст. Носъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Гатцукъ, Ив. Левицкій (Нечуй) и М. Старицкій ¹⁾.

1) Со взглядами Онышкевича, Франка и Кошового на украинскую литературу мы, къ сожалѣнію, не могли познакомиться.

Большая часть этихъ обзоровъ и въ настоящее время можетъ имѣть значеніе при оцѣнкѣ отдельныхъ явленій украинской литературы и уясненіи прагматической связи ихъ между собою. Но для установленія общаго взгляда на исторію украинской литературы особенно важное значеніе имѣютъ обзоры Костомарова и Пыпина во второй редакціи, а также Волынца и Украинца. Первые двое представляютъ всю новѣйшую украинскую литературу продуктомъ пробудившагося у славянъ стремленія къ самобытному развитію, а Волынецъ и Украинецъ ограничиваются эту мысль Костомарова и Пыпина воздѣйствіемъ на украинскую литературу сосѣднихъ литературъ польской и русской. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что украинцы воспитали свои идеи и направленія въ духѣ славянскаго возрожденія подъ непосредственнымъ вліяніемъ литературъ польской и русской, отрицательнымъ ли то, или положительнымъ. Волынецъ въ своихъ статьяхъ—„Украинофильскія движения въ юго-западной Россіи“ старается доказать только отрицательное воздѣйствіе полонизма на украинскую литературу со времени перенесенія ея съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и столкновенія съ польскими стремленіями, въ сороковыхъ годахъ винѣшнаго столѣтія. Но вѣтъ сомнѣнія, что польское вліяніе воздѣйствовало на украинскую литературу гораздо раньше этого времени, и притомъ не только отрицательнымъ, но и положительнымъ образомъ. Необходимо имѣть въ виду, что стародавнія враждебныя отношенія между Украиной и Польшей составляютъ существенную часть содержанія украинской народной литературы. Эти стародавнія отношенія живо припоминались украинцами при каждой новой попыткѣ поляковъ къ возстановленію своей народности, такъ что всѣ эпохи наибольшаго возбужденія украинской литературы нынѣшиаго вѣка совпадаютъ съ эпохами такого же возбужденія польскихъ тенденцій, предшествуя польскимъ движеніямъ, или непосредственно слѣдя за ними. Такъ напр., въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ явился цѣлый рядъ историческихъ романовъ изъ жизни Малороссіи, съ цѣллю опровергнуть поляковъ, которые называли козаковъ просто разбойниками. Въ то же время Исько Материнка издаетъ украинскія сказки, „щобъ якій врагъ нетруженый нашою батькivчиною не пожывывся“, а М. А. Максимовичъ разъясняетъ въ своемъ „Кievлянинѣ“ историческія отношенія киевской земли къ полякамъ. Къ концу сороковыхъ годовъ, передъ новымъ польскимъ движеніемъ, учреждается въ Киевѣ правительственная комиссія для разбора древнихъ актовъ, съ цѣллю доказать, что этотъ край—русскій, а не польскій, а вслѣдъ за комиссіею образуется въ Киевѣ и кирилло-мееодіевскій кружокъ съ панславистскими и украинофильскими стремленіями, враждебными полонизму. Къ концу пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ послѣднимъ

польскимъ повстаніемъ, снова и съ большою силою возникаетъ украинофильство и въ журналѣ „Основа“ съ замѣчательною прозорливостью начинаетъ громить польскую интригу, еще тогда не обнаружившуюся съ достаточнouю ясностью.—Такимъ образомъ, значительную долю участія въ развитіи новейшей украинской литературы имѣла и борьба ея съ польскими тенденціями, наложившая на нее особенный характеръ. Борющіеся нерѣдко пользовались орудіемъ врага и волей-неволей ассилировались съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, стоя на одной съ нимъ точкѣ зренія. П. П. Гулакъ-Артемовскій во вступительной лекціи своей къ преподаванію польского языка въ харьковскомъ университетѣ говорилъ, между прочимъ, что „языкъ польский есть столь новый и столь обильный для россійской словесности источникъ, кото-раго выразительность и сходство съ нашимъ россійскимъ языками никакими другими языками замѣнена быть не можетъ“, и что „отечественной нашей литературѣ ... польский языкъ съ прочими единобрат-ними можетъ содѣйствовать болѣе, нежели какой либо иностранный ¹⁾.“ Эти слова украинскаго писателя вполнѣ примѣнны къ украинской но-вейшей литературѣ, въ которой мы видимъ цѣлый рядъ переводовъ и передѣлокъ съ польского и подражаній польскимъ образцамъ. Южно-русскія интерлюдіи XVIII вѣка, послуживши исходнымъ пунктомъ для развитія новейшей украинской литературы, по всей вѣроятности, воз-никли подъ вліяніемъ польскихъ образцовъ. Въ вынѣшнемъ вѣкѣ Гулакъ-Артемовскій и Л. Боровиковскій переводятъ на украинскій языкъ поэмы и баллады Мицкевича; А. Метлинскій переводить стихи Вѣт-вицкаго, Суходольскаго, Одынца и др.; Аванасьевъ-Чужбинскій издастъ „Галлерею польскихъ писателей“; въ „Скарбѣ“ 1859 г. помѣщенъ пе-реводъ повѣсти Крашевскаго. Даже у самого Шевченка и въ журналѣ „Основа“ мы находимъ нѣсколько переводовъ изъ польскихъ писате-лей—Мицкевича, Ленартовича, Нѣмцевича, Антонія Совы и др.—Но, при всемъ томъ, это польское вліяніе на украинскую литературу зна-чительно перевѣшивалось вліяніемъ на нее русской литературы, вслѣд-ствіе племенного родства и политического соединенія Малороссіи съ Россіей. Поэтому, справедливо замѣчаетъ Украинецъ, что въ украин-ской письменности отражались всѣ тѣ мотивы и направленія, кото-рые по временамъ господствовали въ общерусской литературѣ, какъ-то: сентиментализмъ, романтизмъ, націонализмъ (славянофильство) и демократизмъ. Вообще-же отношение южноруссовъ и ихъ литературы къ Россіи и Польшѣ можно характеризовать слѣдующими словами Н. И. Костомарова: „Южнорусское племя справедливо должно было усту-

¹⁾ Рѣчь эта—въ „Украинскомъ Вѣстнике“, за февраль, 1819 г.

пять племен великорусскому, примкнуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составление государства... Совсемъ другое отношение южнорусской народности къ польской. Если южнорусский народъ дальше отъ польского, чѣмъ отъ великорусского, по соотаву языка, то за то гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народного характера... Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа: поляки и южноруссы—это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе—музицтва”¹).

Такимъ образомъ, точка зрења на новѣйшую украинскую литературу должна обнимать двоякія отношенія ея къ Польшѣ и Россіи, и притомъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя, но подъ преобладающимъ вліяніемъ россійской литературы. Съ этой точки зрења въ исторіи новѣйшей украинской литературы можно различать слѣдующіе моменты ея развитія:

I. Періодъ украинского псевдоклассицизма и пародированныхъ поэмъ и одъ, комическихъ оперъ и т. п., открывающійся И. П. Котляревскимъ.

II. Періодъ сентиментальной украинской литературы, главнымъ представителемъ которой является Квятка-Основыненко.

III. Періодъ романтико-художественной литературы, развившейся подъ обоюднымъ вліяніемъ русскихъ и польскихъ поэтовъ-художниковъ: Пушкина, Мицкевича и др. Сюда относятся А. Метлинскій, М. Н. Петренко, В. Забѣлла, А. С. Асанасьевъ-Чужбинскій и др.

IV. Періодъ національной литературы, которая понималась какъ соединеніе классицизма и романтизма въ принципѣ народности, а въ дѣйствительности была отраженіемъ темныхъ славянофильскихъ стремленій. Сюда относятся прежде всего собиратели украинскихъ народныхъ произведеній и историческихъ материаловъ, какъ напр. Максимовичъ, Боданскій и др. Въ литературномъ отношеніи это направленіе выразилось въ историческихъ романахъ и драмахъ изъ украинской жизни и особенно въ украинскихъ повѣстяхъ Н. В. Гоголя и его подражателей²).

V. Періодъ украинского славянофильства, съ конца 40-хъ годовъ и до начала 60-хъ, имѣющій связи съ русскимъ славянофильствомъ и

¹⁾ „Основа”, за мартъ, 1861 г.: „Двѣ русскія народности”. См. монографія г. Костомарова.

²⁾ Первые четыре періода и шестой изложены были авторомъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ” за 1880, 1881, 1882 и 1883 годы. Теперь они предлагаются здѣсь въ исправленномъ и дополненномъ видѣ; пятый-же періодъ появляется въ печати въ первый разъ.

враждебный полонизму. Главными представителями его были—Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко.

VI. Періодъ новѣйшаго украинофильства, съ 60-хъ годовъ и до поацнѣшаго времени. Среди разнообразія мотивовъ и направленій этого періода, въ немъ мало по малу пробивается демократическое направление, которое встало въ оппозицію польскому шляхетству и имѣло связи съ русской реалистической школой.

Впрочемъ, намѣчая эти періоды въ развитіи украинской литературы, мы должны оговориться, что по нимъ нельзя строго распределить всѣхъ украинскихъ писателей. При быстрой сменѣ литературныхъ понятій и вкусовъ, объясняемой подражательностью украинской литературы, часто одинъ и тотъ же украинскій писатель пробовалъ себя въ разныхъ родахъ и направленіяхъ литературы, такъ что его дѣятельность можетъ быть раздроблена между нѣсколькими періодами. Поэтому, желая сохранить цѣльное представление о всей литературной дѣятельности извѣстнаго писателя и выѣсть съ тѣмъ указать въ немъ родовые черты извѣстнаго періода, мы будемъ дѣлать сначала общий обзоръ извѣстнаго періода украинской литературы, а потомъ—обзоръ дѣятельности каждого отдельнаго писателя, отчисляя его къ извѣстному періоду по преобладающему характеру его произведеній.

I.

Псевдоклассическая украинская литература нынѣш- няго вѣка и реакція псевдоклассицизму.

Начало украинской литературы нынѣшняго вѣка коренится въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Украинскую литературу иѣкоторые возводятъ къ древнѣйшимъ временамъ существованія россійскаго государства и видѣть отраженіе ея на „Словѣ о полку Игоревѣ“, волынской лѣтописи, актахъ и грамотахъ, начиная съ XIV вѣка, судебникѣ вели-
каго князя Казимира (1468 г.), Литовскомъ Статутѣ, библіи Франциска Скорины (1517—1519 гг.), литовской метрикѣ и т. п.¹). Мы съ сво-
ей стороны прибавимъ къ этимъ памятникамъ „Четью“ 1489 года,
писанную въ Каменцѣ поповичемъ Березкою, съ явными признаками
слагавшагося уже тогда западнорусскаго нарѣчія²). Еще опредѣленіе
выступаетъ южнорусское нарѣчіе со второй половины XVI вѣка частью
въ цѣломъ рядъ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ, каковы на-
примѣръ пересопницкое евангеліе 1556—1561 гг., евангеліе на славян-
скомъ и малороссійскомъ языкахъ, напечатанное въ типографії Тяпин-
скаго около 1580 г., четвероевангеліе въ южнорусскомъ переводѣ Не-
хорошевскаго около того-же времени, находящееся въ библіотекѣ Киево-
Златоверхо-Михайловскаго монастыря, и др., частію въ козацкихъ ду-
махъ, идущихъ непрерывно до самаго конца XVIII вѣка. Были даже
опыты соединенія обоихъ этихъ теченій украинской литературы, устной
и письменной, въ малороссійскомъ вертепѣ, который въ извѣстныхъ тѣ-
перь редакціяхъ восходитъ своимъ началомъ къ половинѣ XVII вѣка и,
несмотря на школьнное происхожденіе свое, воспринимаетъ въ себя эле-

¹⁾ „Исторія славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 года.

²⁾ См. о ней „Русскій Филологический Вѣстникъ“, 1881 года, кн. 4, стр. 54; но здѣсь ошибочно выставленъ 1397 годъ вместо 1489.

менть козацкихъ думъ и народныхъ пѣсень и преданій¹⁾). Но эти опыты долго оставались въ тѣпи и заглушались общимъ направленiemъ книжной южнорусской литературы XVII и XVIII вв., частью слѣдовавшей латино-польскимъ образцамъ, частю подчинявшися вліянію русской литературы, пока, наконецъ, съ 30-хъ годовъ XVIII в. не явилось вновь цѣлаго рода попытокъ дать въ книжной литературѣ права гражданства украинской рѣчи и украинскимъ народнымъ преданіямъ. Мы преимущественно имѣемъ здѣсь въ виду комическая малорусская интерлюдія къ школьнѣмъ драматическимъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, Танского, Георгія Конисскаго и др., у которыхъ малорусский народный языкъ является почти на той же степени развитія, на которой онъ находится и въ настоящее время²⁾). Въ вѣкъ Екатерины II южнорусская интерлюдія стушевываются и почти забываются. Южнорусская литература совершенно подчиняется общерусской, въ кѣтой госпоствовалъ тогда псевдоклассицизмъ, смягчаемый просвѣтительными идеями XVIII вѣка. Молодые люди изъ малороссовъ, какъ напримѣръ Рубанъ, Капнистъ, Богдановичъ, Гнѣдичъ и другіе, пишутъ въ общерусскомъ направленіи. Повидимому, южнорусская литература не имѣла уже будущности. А между тѣмъ въ самой общерусской литературѣ того времени былъ такой пунктъ, который послужилъ потомъ точкою отправленія для новѣйшей украинской литературы. Это были гуманные просвѣтительные идеи XVIII вѣка, подъ вліяніемъ которыхъ русские писатели мало по малу стали отыкать отъ изображеній знаменитыхъ героевъ и знаменитыхъ подвиговъ и спускаться въ низменныя сферы человѣческой жизнедѣятельности. Въ литературѣ поворотъ этотъ выразился въ наибольшемъ развитіи комедіи со временемъ Сумарокова и въ пародированныхъ „поэмахъ“ въ простонародномъ духѣ, напримѣръ у Осипова и Котельницкаго. Этому литературному движенію не остались чужды и писатели изъ украинцевъ. Богдановичъ перевелъ въ шутливомъ духѣ Психею Лафонтена, назвавъ ее „Душенькой“, и, по выражению г. Галахова, представилъ ее какъ-бы комической пародіей мноа, въ которомъ нѣть ничего комического, Психеей, вывороченной наизнанку, и тѣмъ подорвалъ значение псевдоклассического торжественнаго эпоса. Другой тогдашній писатель изъ украинцевъ Капнистъ, написавшій въ 1783 году скорбную оду на закрѣпощеніе малороссіи

1) „Кievskaya Starina“, за декабрь 1882 г.: „Старинный южнорусский театръ и въ частности вертепъ“.

2) Объ интерлюдіяхъ см. изслѣдованіе автора: „Кievskaya искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“, Кіевъ, 1881 года.

за помѣщиками¹), въ своей комедіи „Ябода“ изображаетъ чиновный міръ такими красками, сквозь которыхъ нельзя не видѣть въ комедіи отраженія малорусской дѣйствительности съ ея чиновничествомъ, взятками и клевузами, получившей художественное выраженіе въ „Повѣсти о томъ, какъ посорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, и въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Отсюда уже недалекъ былъ переходъ къ изображенію малорусской дѣйствительности на малорусскомъ языке. Въ 1777 году Григорій Калиновскій издаетъ въ С.-Петербургѣ „Описываніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“ и проч. Въ 1794 году нѣкто Лобысевичъ, бывшій воспитанникъ кіевской академіи, просилъ у архіепископа Георгія Конисскаго интерлюдій къ его трагедіи о воскресеніи мертвыхъ, сочиненныхъ или самимъ Конисскимъ, или славнымъ природнымъ стихотворцемъ Танскимъ, во вкусѣ площадномъ, во вкусѣ Плавтовомъ, писаль о нихъ слѣдующее: „какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наиладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученоствомъ великихъ людей имѣвшій, столько свѣтловъ выпустивши для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоценности мыслей, прошу Вашего Преосвященства великодушно одолжить меня—интерлюдіи Танскаго то, или ваши, приказать списать, по почтѣ миѣ въ С.-Петербургѣ доставить, да дасть величе отечеству своему нашъ Плавть, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣ“²). Но самъ Георгій Конисскій, повидимому, иначе смотрѣлъ на эти интерлюдіи, не считая ихъ достойными ставить на риду съ тогдашними лоскарованными псевдоклассическими произведеніями и не допустивъ ихъ къ обнародованію. Ихъ площадной, грубый тонъ и силлабическое стихосложеніе не могли мириться съ изысканностью и вѣшнимъ лоскомъ тогдашнихъ псевдоклассическихъ произведеній русскихъ. Чтобы поставить малорусскую рѣчь на высотѣ тогдашней литературы, для этого нужно было подчинить ее литературнымъ приемамъ и формамъ господствующей русской литературы. А это мы и находимъ въ сочиненіяхъ И. Петр. Котляревскаго и его близайшихъ послѣдователей. Котляревскій первый ввелъ въ украинскую рѣчь тоническое стихосложение вместо сил-

¹) См. эту оду въ журналѣ „Основа“, за мартъ, 1861 г.

²) Археологический сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, т. II, стр. 147. Самые интерлюдіи Г. Конисскаго или Танскаго напечатаны въ сборникѣ „Древняя и Новая Россія“, за ноябрь, 1878 года.

лабического, господствовавшее здесь до А. Метлинского. Вместе съ тѣмъ онъ подчинилъ украинскую словесность формамъ господствующей русской литературы и написалъ свою „Энеиду“ по образцу пародированной Энеиды Осипона и Котельницкаго и комедію „Москаль-Чаривникъ“ по образцу такихъ же русскихъ комедій Фонвизина, Капниста, Аблесимова, Крылова, кн. Шаховскаго и др. Содержаніе или, по крайней мѣрѣ, общій колоритъ этихъ произведеній Котляревскаго и рѣчь ихъ остались малорусскими, какъ и въ интерлюдіяхъ XVIII вѣка; но они получили болѣе приличную форму и отдѣлку, и малорусская рѣчь впервые получила право гражданства въ русской литературѣ. Недаромъ съ Котляревскаго нѣкоторые и начинали украинскую литературу. Всльдѣ за нимъ появляются и другіе украинские писатели, и примѣтъ писавшіе въ тѣхъ же рѣдахъ словесности, къ какимъ относятся и сочиненія И. П. Котляревскаго. Сюда относятся: во первыхъ, пародированныя переложенія на украинскую рѣчь классическихъ поэмъ и одъ, какъ напр. „Горгинида“ П. П. Белецкаго-Носенко, Гораціевы или Гараськины оды П. П. Гулака-Артемовскаго, „Жабомышодраківка“ К. Д. Думитрашкова и отчасти „Патреть“ Квитки-Основяненна; во вторыхъ, комедіи и оперы Гоголя—отца, Я. Кухаренка и др. Но какъ самъ И. П. Котляревскій, такъ и его ближайшіе преемники и послѣдователи не остановились на однѣхъ шутливыхъ пародіяхъ и смѣшилівыхъ комедіяхъ и операхъ изъ простонародного быта, но, всльдѣ за русской и отчасти польской литературой, пошли далѣе, къ изображенію положительныхъ свойствъ украинской жизни, внутренникъ чувствъ украинца и его возвышенныхъ идеаловъ. Котляревскій пишетъ „Наталку-Полтавку“ и собираетъ пословицы и пѣсни украинскія; Григорій Кошицъ-Квитницій печатаетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1807 годъ „оду, сочиненную на малороссійскомъ нарѣчіи по случаю временнаго ополченія“ (№ 9); П. П. Гулакъ-Артемовскій переводить или передѣлываетъ басни и сатиры польского писателя Красицкаго въ псевдо-классическомъ духѣ; П. П. Белецкій-Носенко пишетъ исторический романъ и драматический разсказъ и собираетъ этнографические и лингвистические материалы; П. П. Гулакъ Артемовскій и К. Д. Думитрашковъ, переворачивая на украинскую рѣчи Горація и Жабомышодраківу непосредственно съ классическихъ оригиналловъ, свободнѣе своихъ предшественниковъ относились къ своимъ источникамъ и удачнѣе примѣняли ихъ къ быту и обстановкѣ малороссіи и отъ этихъ пародированныхъ переложеній перешли къ переводамъ на украинскую рѣчь нѣкоторыхъ романтическихъ художественныхъ произведеній. На этомъ пути одни переходятъ уже въ слѣдующіе періоды развитія украинской литературы.

I.

Иванъ Петровичъ Котляревскій¹⁾.

Иванъ Петровичъ Котляревскій (1769—1838 г.) родился въ Полтавѣ 29 августа, 1769 года. Родители его, хотя принадлежали къ дворянскому роду, но были весьма недостаточного состоянія. Послѣ домашней дѣлковской науки, его отдали учиться въ полтавскую семинарію, гдѣ онъ сошелся и подружился съ известнымъ переводчикомъ Илады Гомера, Николаемъ Ивановичемъ Гайдичемъ. Еще на семинарской скамьѣ онъ писалъ стихи и за искусство подбирать рифмы проявилъ быть риѳмачемъ. По выходѣ Котляревскаго изъ семинаріи, ему предлагали вступить въ духовное званіе, но онъ избралъ поприще свѣтское. Сначала Котляревскій находился въ нѣсколькохъ помѣщичьихъ домахъ при дѣткахъ учителемъ и, какъ страстный любитель роднаго языка, народныхъ обычаевъ и преданий, собирая этнографическія сбѣдѣнія и писалъ украинскіе стихи. Нерѣдко онъ ходилъ непредѣтымъ на деревни гулять, игры и вечеринки и здесь-то изучать народную жизнь, которую потомъ представлять съ юмористической стороны въ „Эпизодахъ“. Хорошія познанія изъпольскому и французскому языкамъ, умѣніе владѣть перомъ и скѣтами уда, казалось, могли бы скоро доставить ему уѣзжать въ службу; но, безъ покровителей, онъ попалъ лишь въ штатъ бывшей новороссійской канцеляріи и дослужился здѣсь до губернскаго регистратора. Въ 1796 году онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ военную: участвовать въ кампаніи противъ турокъ въ 1806—8 гг. и въ 1808 году вышелъ изъ отставки съ чиномъ капитана и съ звѣздою. Не имѣя средствъ къ жизни, онъ отправился въ С.-Петербургъ, долго здѣсь терпѣлъ нужду и тоскался по передачѣ сильнаго мира, коего накопить не удалось ему, благодаря пропажѣ одного значительного лица, изъ іюня 1810 года, получившаго должность начальника полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ, изъ которога воспитывались тогда отъ 200 до 250 дѣтей.

1) Главные источники: 1) „Журналъ“, 1844 г.; 2) „Обзоръ украинской и словенской“, Кишинѣвъ въ „Окнѣахъ“, за январь 1861 г.; 3) „Иванъ Петровичъ Котляревскій“, А. В. Терентьевъ, газета-журналъ, февраль, 1861 г.; 4) „Песни славянинъ“ Гербера, 1877 г.; 5) предисловіе къ собранию сочинений Болгаревскаго, Сергея И. Болгаревскаго, Кишинѣвъ, 1875 г.; 6) „История славянской литературы“, Панновъ и Симоновъ, 1 изд., г. I, 1879 г., стр. 357—8; 7) „Столѣтій юбилей З. Е. Котляревскаго“ С. Стебанича-Котляревскаго, изъ 38-ї кишинѣвской губернск. газеты, изъ 1864 года; 8) „Библіографія“ И. Котляревскаго, изъ 1863 г.; Другие источники и пасынки указаны въ „Литературѣ“ И. Котляревскаго, 1883 г.

Котляревский весьма заботился об улучшении дома дѣтей бѣдныхъ дворянъ. По потребностямъ времени, въ нововведеніяхъ Котляревскаго преобладали военные порядки: дѣти были одѣты по формѣ; въ число предметовъ преподаванія, кромѣ курса уѣзднаго училища и гимназіи, вошли также военные упражненія, ситуация, черчевіе и танцованиe. 5 октября, 1817 года, по истечениіи семи лѣтъ со вступленія его въ должность надзирателя, онъ былъ награжденъ, за улучшеніе дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, чиномъ маюра, брилліантовымъ перстнемъ и по смерть пенсіономъ въ 500 рублей ассигнаціями.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. Н. Лобановъ-Ростовскій, любившій изящныя искусства, содѣйствовалъ къ образованію въ Полтавѣ театра любителей, и директоромъ его является И. П. Котляревскій. Играли преимущественно комедіи Княжнина. Часто и Котляревскій являлся на сценѣ въ роляхъ бывшихъ тогда въ славѣ комедій и оперъ. Онъ отлично игралъ въ „Сбитеньщикѣ“ и „Кутерьмѣ“, или безъ обѣду домой не ёду“. Кроме того, между бумагами Котляревскаго найдена комедія И. А. Крылова „Трумфъ“, переписанная рукою самого Котляревскаго и, вѣроятно, назначавшаяся для полтавскаго театра. Въ 1817 году на полтавскомъ театрѣ поставлена была опера князя Шаховскаго „Казакъ стихотворецъ“, повидимому, заимствованная изъ малорусскаго быта; но при второмъ объявленіи о постановкѣ этой оперы многие полтавцы отзывались о ней такъ: „чего итты въ кіатръ? Хиба слухать, якъ за наши гроши да нась же будуть и лалть?“ ¹⁾). Можетъ быть, неуспѣхъ этой оперы, имѣвшей претензію на изображеніе украинскаго быта, и побудилъ Котляревскаго написать свою „Наталику-Полтавку“, которая и явилась на сценѣ въ 1819 году, благодаря содѣйствію бывшаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Н. Г. Репнина. Черезъ нѣсколько времени на полтавскомъ театрѣ показался водевиль Котляревскаго „Москаль-Чарівникъ“. Обѣ пьесы приняты были съ громкимъ одобрениемъ и похвалою, но напечатаны были только въ 1837 и 1841 годахъ.

25 августа, 1827 года, Котляревскій былъ назначенъ испечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Подъ старость Иванъ Петровичъ сталъ хворать и сдѣлался раздражителенъ. Онъ, какъ вообще люди старого времени, былъ требователенъ, а подъ конецъ своей службы, говорить, считалъ за обязанность наказать пойманнаго имъ воспитанника, которого товарищи поставили сторожить пріѣздъ надзирателя. Усилившееся разстройство здоровья принудило его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ службы. Котляревскій былъ уволенъ 31 января,

1) „Украинскій Вѣстникъ“, за декабрь, 1817 г. стр. 369.

1835 года, и, по положению комитета министровъ, ему назначено, независимо отъ пенсіи, еще по 600 руб. въ годъ. Онъ умеръ 29 октября 1838 года, на 70 году жизни. Женатъ онъ не былъ и еще до кончины отпустилъ на волю своихъ людей, состоявшихъ изъ двухъ семействъ, а движимое и недвижимое имущество раздалъ роднымъ и приятелямъ. Онъ погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ, расположенномъ по кобелякской дорогѣ. Могила его находится рядомъ съ могилою переводчика Иліады, Н. И. Гнѣдича.

Кромѣ „Энеиды“, „Наталики-Полтавки“ и „Москаля-Чарівника“, Иванъ Петровичъ занимался собираниемъ малороссійскихъ пѣсень и нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались въ современныхъ ему периодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторые изъ лично знавшихъ поэта рассказываютъ, что имъ неразъ приходилось слышать читанные и переведенные Котляревскимъ басни Лафонтена. П. Ефименко сообщаетъ, что изъ 120 малороссійскихъ пословицъ, помѣщенныхъ въ изданіи И. Снегирева „Русскіе въ своихъ пословицахъ“, 1831 г., часть перепечатана изъ грамматики Павловскаго, 1818 г., а другая часть доставлена Котляревскимъ, авторомъ „Энеиды“ ¹⁾). Извѣстны также слѣдующія произведенія и записки его, не напечатанныя въ свое время: ода малороссійскому губернатору князю А. В. Куракину, 1805 года ²⁾), „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса, 1806 года“³⁾, въ трехъ тетрадахъ, составленный по порученію барона Мейendorфа; „Размысленія о расположении, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размысленію о св. евангеліи Луки“, — переводъ съ французскаго, сдѣланный по порученію княгини В. А. Репниной, бывшей попечительницы полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ; „Собраніе анекдотовъ“; „Замѣтки о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ“, и проч.

Слава И. П. Котляревскаго, какъ украинскаго писателя, основывалась и основыvается на трехъ важнѣйшихъ его произведеніяхъ — „Энеидѣ“, „Наталиѣ-Полтавкѣ“ и „Москаль-Чарівникѣ“, хотя въ недавнее время и старались нѣсколько уменьшить эту славу. Нечего и говорить, что современники Котляревскаго приняли его произведенія съ энтузиазмомъ ⁴⁾). Полное уваженіе къ Котляревскому, какъ къ писателю, сохранилось и въ слѣдующемъ поколѣніи. Въ 1841 году Т.

1) Основа, октябрь, 1862 г., стр. 40.

2) Изд. въ Основѣ, за январь, 1861 г.

3) Объ этомъ отчасти свидѣтельствуетъ количество изданій его сочиненій. „Энеїда“ въ первый разъ издана въ трехъ частяхъ въ 1798 г.; въ четырехъ частяхъ въ 1808 и 1809 гг. и въ шести частяхъ въ 1842 году. Объ изданіи „Наталики-Полтавки“ и „Москаля-Чарівника“ мы уже упоминали. Полное собраніе сочиненій издавалось въ 1872, 1875 и 1876 гг. Въ 1883 г. вышло новое изданіе „Наталики-Полтавки“.

Г. Шевченко въ стихахъ „На вічну память Котляревскому“ писалъ слѣдующее:

Недавно, недавно у насъ на Вкраїнѣ
Старый Котляревский отакъ щебетаѣ,
Замокъ неборака, сиротами кинувъ
И гори и море, де перше сіявалъ,
Де ватагу пройдисвіта (Энея)
Водивъ за собою.
Все осталось, все сумуе,
Якъ Руїни Трої...
Все сумуе—тілько слава
Сондемъ засіяла,—
Не вмре кобзарь, бо на віки
Его привітала.
Будешъ, батьку, пановати,
Поки живуть люде:
Поки сонце зъ неба сме,
Тебе не забудутъ ¹⁾.

Но послѣ Шевченка малорусские критики разошлись въ своимъ мнѣнняхъ о Котляревскомъ: одни порицаютъ его за насыщливое, карикатурное, или же сентиментальное изображеніе малорусской дѣйствительности и, давая произведеніямъ его лишь историческое значеніе, считаютъ ихъ анахронизмомъ для настоящаго времени; другіе, наоборотъ, возвышаютъ его на степень истиннаго поэта и видѣть въ его произведеніяхъ неувадаемую прелесть. Приведемъ важнѣшіе отзывы о Котляревскомъ гг. Костомарова, Кулиша и Катранова.

Въ 1844 году, въ „Обзорѣ сочиненій, написанныхъ на малороссийскомъ языке“, г. Костомаровъ писалъ о Котляревскомъ слѣдующее: „во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, виусь общества портился и принялъ самое странное направлѣніе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣты предразсудки, не смѣли принять формъ нового рода, казавшихся еще дикими,—смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерѣшительности явился особенный родъ сочиненій—пародій. Писатель бралъ предметы классические, одѣгалъ ихъ въ романтическую одежду и такимъ нескладнымъ нарядомъ смыслилъ публику. Такова „Энеїда“ Котляревскаго. „Энеїда“, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но та же

¹⁾ „Ластовка“, Гребенки, 1841 г., стр. 309—320. Малорусскій текстъ мы вездѣ будемъ приводить съ тѣмъ правописаніемъ, съ какимъ онъ находится въ изданіяхъ, которыми мы пользовались.

самая „Энейда“, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоценное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыхъ были скрыты отъ современныхъ читателей „Энейда“, рассматриваемая съ этой точки зреінія, имѣть для насъ три неотъемлемыхъ достоинства. Во-первыхъ, мы видимъ въ ней вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссию, жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него передъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ—истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ его приемахъ. Во вторыхъ, она драгоценна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоить только вспомнить описание ада,—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыхъ только придумать въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едва ли у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ который онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости. Что касается до т्रивиальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онъ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ; тогда думали, что все отвратительное можетъ забавлять“.)—„Не ограничивалась „Энейдой“,—говорить г. Костомаровъ въ другомъ своемъ обзорѣ 1871 г.,—Котляревскій написалъ еще двѣ драматическія пьесы: „Наталику-Полтавку“ и „Москаля-Чарівника“. Обѣ эти пьесы долго игрались на сценѣ въ Малороссіи, а послѣдняя въ столицахъ, гдѣ она и до сихъ поръ остается единственнымъ малорусскимъ драматическимъ произведеніемъ, не сходящимъ со сцены. И правду сказать: эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству. въ качествѣ простонародной комедіи. „Наталика“ очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлялись почти народными“.

Г. Кулишъ произнесъ надъ И. П. Котляревскимъ и его произведениями строгій судъ. Особенно ему не нравится перелицованный „Энейда“ Котляревскаго. „Его воспитаніе,—говорить Кулишъ,—совпало съ эпохой протеста противъ деспотического классицизма,—протesta, выразившагося въ европейскихъ литературахъ осмѣяніемъ боговъ и героевъ. По предавію, онъ еще въ семинаріи началъ перелицовывать „Энейду“ Виргилія на карикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему известенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ, это

занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступая въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей не на шутку. Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, смѣшилъ товарищѣй Котляревскаго до слезъ, и рукоопись его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхокотались надъ „Энеидою“ не хуже офицеровъ; расхокотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрѣзаны двороновою жизнью и съ кого списаны Котляревскими карикатурными портреты. Одни простолюдины не смѣялись: имъ было не до „Энеиды“... Тотъ вѣкъ былъ вообще послѣднею пробою нашей народности, которая упала мало по малу до безсознательного состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго... Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно склонъ къ сокровищамъ народной поэзіи и заговорилъ впослѣдствіи другимъ языккомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщицкихъ семействахъ и армейскому офицеру, представился только съ карикатурной своей стороны. Когда сличите первыя три книги „Энеиды“ съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе и наконецъ переходитъ въ насильтвенную карикатуру. Это объясняется тѣмъ, „что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхоторнаго исчисленія ея принадлежностей, авторъ смутно почуялъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся уже безъ искренности“.

„Будучи созданиемъ своего вѣка и общества и не обладая способностями геніальными, Котляревскій былъ не въ силахъ возвыситься надъ современниками такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественные понятія. Его пѣсни „Віють вітри“, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсни, недалеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Капниста, и только языкъ ея и голосъ провели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ на Украинѣ. Но самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыхъ безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи впослѣдствіи частымъ гостемъ—анекдотистомъ у малороссійского военнаго губернатора, князя Репнина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: „Наталику-Полтавку“ и „Москаля-Чарівника“. Обѣ онъ говорять много

въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшишшей всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской престонародной жизни трогательное рядомъ съ комическими и до известной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; во его герояхъ и героянкахъ часто выражаются языкомъ Доброправовыхъ, Правдолюбивыхъ, и терпимы до сихъ поръ на сцѣнѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ пародийныхъ пѣсень... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самихъ монологахъ. Все-таки въ этихъ пѣсняхъ Котляревский шагнулъ дальше, чѣмъ въ „Энейдѣ“, въ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутѣе сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съonomicкой стороны поставили „Наталку-Полтавку“ и „Москаля-Чарівника“ выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободясь отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревский впалъ тутъ въ другую крайность, въ аффектацію и сентиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій имѣтель“.

Вотъ сущность отзыва г. Кулиша о произведеніяхъ И. П. Котляревскаго! Въ противоположность ему, г. Катрановъ даетъ произведеніямъ Котляревскаго весьма важное значеніе даже и для настоящаго времени. „Кто,—говорить онъ,—изъ малороссовъ неразъ пѣнялся этимъ умнымъ и веселымъ, исполненнымъ наблюдательной остроты и въ то же время глубокаго и свѣтлаго пониманія народной жизни стихомъ „Энейды“? А „Наталка-Полтавка“, эта художественная по постановкѣ и изложенію пьеса, отъ начала до конца изобилующая свѣтлыми и пѣнительными, за сердце хватающими аріями? Есть ли подобное,—говоримъ только модѣбное,—что нибудь ей въ нашей украинской литературѣ? Все, что есть и что было, обветшало и, уступивъ времени, сошло со сцены... А „Наталка“ и до сихъ поръ не сходить со сцены не только нашихъ провинціальныхъ театровъ, но даже и въ столицахъ она имѣть полный успѣхъ. Мы уже не говоримъ о томъ неподражаемомъ комизѣ, который, напримѣръ, на каждомъ шагу проглядываетъ въ „Москаль-Чарівнике“, имѣющемъ въ репертуарѣ почти каждого театра значеніе одного изъ лучшихъ дивертисментовъ... А во-чemu? Потому, что все, писанное незабвеннымъ Иваномъ Петровичемъ, взято изъ жизни, схвачено съ натуры, да еще, нужно прибавить, съ неподражаемымъ, чисто талантливымъ искусствомъ. Не дорогъ ли становится послѣ этого намъ, малороссамъ, Иванъ Петровичъ Котлярев-

скій, и не возвышаютъ ли его произведенія на степень истинного поэта, и притомъ поэта двигателя”?

Чтобы найтись среди разнорѣчивыхъ отзывовъ о Котляревскомъ самихъ земляковъ его и установить правильную точку зрѣнія на его произведенія, обратимъ внимание на предшествовавшіе литературные элементы, служившіе пробнымъ камнемъ для поэтическаго таланта Котляревскаго, и на отношеніе его къ современной малорусской жизни.

Въ своей „Энеидѣ“ Котляревскій далеко не первый сталъ пародировать малорусскую народную жизнь на родномъ нарѣчи: онъ только первый облагородилъ прежнее карикатурное изображеніе простонародной жизни и сообщилъ ему лучшую техническую постройку и болѣе чистый и правильный языкъ. Мы уже упоминали о комическихъ интермедіяхъ или интерлюдіяхъ къ школьнімъ драматическимъ пьесамъ XVIII вѣка. Эти интерлюдіи, по всей вѣроятности, имѣли въ виду воспроизведеніе комическихъ малорусскихъ сказокъ, но утрировали до крайности народный комизмъ и допускали иногда такія плоскія и грязныя шутки, которыхъ не могутъ быть пропущены въ современной печати: сокращеніе насхальныхъ интерлюдій Митрофана Довгалевскаго, 1737 г., не могло быть напечатано по неприличию содержанія ихъ¹⁾). Если прибавить къ этому неуклюжую силлабическую форму интерлюдій и другихъ южнорусскихъ стихотвореній XVIII вѣка, то для насъ будетъ весьма понятно, что комическая интерлюдія, не смотря на свой народный языкъ, не могли выдержать конкуренціи съ лоскированной, благонравной русской литературой временъ Екатерины II и постепенно вытеснялись этой литературой. Въ такомъ положеніи засталъ Котляревскій отечественную литературу на югѣ Россіи. Слѣдя за ходомъ обстоятельствъ, онъ долженъ былъ или увлечься языкомъ и формами сѣвернорусской литературы, отказавшись отъ украинскаго нарѣчи, или же удержать послѣднее вмѣстѣ съ силлабическимъ стихосложеніемъ и сколастическими формами и навсегда застынуть въ кругѣ понятій и формъ сколастики. Къ частіи Котляревскаго, онъ не остановился ни на томъ, ни на другомъ, и сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію большую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія. Онъ удержалъ въ своихъ произведеніяхъ малорусскую рѣчь XVIII вѣка, но очистилъ ее отъ слишкомъ грубаго содержанія и макаронизмовъ и подчинилъ требованіямъ и формамъ современной русской лите-

¹⁾ Извлеченіе изъ рождественскихъ интерлюдій Довгалевскаго издано въ „Трудахъ кіев. дух. акад.“, за февраль 1865 г.

ратуры. Достаточно сличить интерлюдіи Довгалевского и Г. Конисского или Танского съ „Энеидой“ Котляревского, чтобы видѣть неизмѣримое преимущество послѣдней предь интерлюдіями въ отношеніи сдержанности и приличія. Изъ „Энеиды“ изгнаны и прежніе макаронизмы рѣчи и являются лишь въ видѣ насыпки надъ уснащенною латинскими фразами рѣчью южнорусскихъ школьнниковъ XVIII вѣка. Такова, напримѣръ, рацея старшаго изъ Энеевыхъ пословъ предь царемъ Латиномъ:

Энеусъ постерь маинусъ пакусъ
И славный Троянорумъ князъ,
Шмыглывъ по морю якъ чытанусъ,
Адъ те, о рексъ! прылавъ нункъ нась...

Видѣть съ тѣмъ, прежнее силлабическое стихосложеніе замѣняется новымъ тоническимъ, по образцу съвернорусской литературы. Мы имѣемъ основаніе полагать, что самая идея перелицованный „Энеиды“ не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у „Энеиды“, вывороченной на изнанку“; Осипова и Котельницкаго, 1791—1807 гг. Но „у Котляревскаго,—по словамъ одного малорусскаго критика,—вездѣ живыя картины народнаго быта; напротивъ, Осиповъ и Котельницкій хотятъ представить міръ великорусскій, но только сочиняютъ грубо про-заически, тускло и многословно“. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Котляревскій превзошелъ своихъ современниковъ и учителей.

Конечно, первые шаги Котляревскаго на новомъ для него и для всѣхъ малоруссовъ поприщѣ не всегда были удачны: такъ и должно быть по естественному порядку вещей. и всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія. Но чѣмъ дальше шелъ онъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь. Уже въ раннихъ частяхъ своей „Энеиды“ Котляревскій высказывалъ глубокое сочувствіе къ бѣдному классу народа. Таково его описание праведныхъ въ третьей части „Энеиды“, которое приводимъ здѣсь по первому изданію, съ соблюдениемъ его правописанія:

Не думай, щобъ були чыновны,—
Сивилла сей дала отвѣтъ:
Або що грошай скрини повны,
Або въ якихъ товстый живитъ.
Не тѣ се, що въ цвѣтныхъ жупанахъ,
Въ кармазинахъ, або въ сапьянахъ.
Не тѣ жъ, что съ книгами въ рукахъ;
Не рыцари, не росбишаки;
Не тѣ се, що кричать илаки,
Не тѣ, що въ золотыхъ шапкахъ.

Се бѣдни нищи, наизнены,
Що дурнями счисляли ихъ,—
Старци, хромы, слѣпорожденны,
Зъ якыхъ бувъ людскій глумъ и смѣхъ;
Се, що съ порожними сумками
Жили голодны пидъ тынами,
Собакъ дражнили по дворахъ;
Се тѣ, якихъ выпровожали
Въ потылицю и по плечахъ.

Съ дальнѣйшимъ развитиемъ поэта, жизненная струя его поэзіи должна была получить еще большее развитіе. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Въ послѣдникъ частахъ „Энейды“ г. Кулишъ отмѣтилъ одно мѣсто, рекомендующее патріотическія чувства Котляревскаго. Это мѣсто слѣдующее:

Такъ, вічной памяти, бувало,
У наць въ Гетьманщинѣ колись,
Такъ просто війско шиковало,
Не знаяши: стій, не шевелись!
Такъ славніі полки козацькі:
Лубенскій, Гадяцкий, Полтавскій,
Въ шапкахъ, будо, якъ маекъ цвітуть...
Якъ грануть, сотнями ударять,
Передъ себѣ списи наставлять,
То мозъ метлою все метутъ.

Еще болѣе жизненнаго народнаго элемента замѣчается въ драматическихъ пьесахъ Котляревскаго—„Наталя-Полтавка“ и „Москалѣ-Чарівникъ“, хотя и въ этихъ произведеніяхъ нужно отличать отрицательные типы отъ положительныхъ. Какъ и въ „Энейдѣ“, Котляревскій осмысляетъ здѣсь отживающихъ свой вѣкъ представителей рутины и сколастики XVIII в. и, въ противоположность имъ, указываетъ на свѣжую, здоровую жизнь и рѣчь простолюдина, изображаемаго въ сентиментальномъ вкусѣ караиминской школы. Представителями старой рутины являются: въ „Наталя-Полтавка“—Выборный и Возный, а въ „Москалѣ-Чарівникѣ“—судовый панычъ Финтикъ. Имъ противопоставляются: въ „Наталя-Полтавка“—Микола, Петро и сама Наталя, а въ „Москалѣ-Чарівникѣ“, пожалуй, Тетяна и Михайло Чупрунъ.

Ходъ оперы „Наталя-Полтавка“ слѣдующій. Наталя-Полтавка любить Петра, бѣднаго парубка, который обѣщалъ жениться на ней и отправился на чужую сторону зарабатывать деньги на свадьбу и обзаведеніе хозяйствомъ. Въ его отсутствіе Наталя однажды идетъ за водой и въ раздумыѣ поетъ пѣсню: „Віуть вітри“. На обратномъ пути къ ней пристаетъ Возный и объясняется ей въ любви канцеляр-

скимъ языкомъ, котораго Наталка не понимаетъ. Возный задумываетъ жениться на Наталкѣ, встрѣчается съ Выборнымъ и уговариваетъ его идти, въ качествѣ свата, къ Терпилихѣ, матери Наталки. Въ антрактахъ Возный и Выборный поютъ пѣсни Сквороды, переносящія насъ въ XVIII вѣкъ, а именно: „Всякому городу нравъ и нрава“ и „Ой, доля людская—доля есть сліпая“. Между тѣмъ, у бѣдной вдовы Терпилихи происходитъ объясненіе съ дочерью, которой она жалуется на свою крайнюю нужду и даже попрекаетъ ее неизѣбной любовью къ бѣдному Петру, который, притомъ, можетъ быть, и не воротится съ чужой стороны. Наталка даетъ матери слово выйти замужъ за первого попавшагося жениха, во сама тайно грустить. Въ это время является Выборный сватать Наталку за Возного и получаетъ ея согласіе. Но скоро возвращается Петръ съ чужой стороны, и дѣло принимаетъ другой оборотъ. Возный получаетъ отказъ и настолько примиряется съ своей судьбой, что самъ даже содѣйствуетъ устроенію брака Наталки съ Петромъ. Пьеса оканчивается поквалой миролюбію полтавцевъ.

Нѣкоторыя мѣста въ этой оперѣ запечатлены жизненною правдой. Такова особенно, по нашему мнѣнію, сцена объясненія Терпилихи со своей дочерью Наталкой. Самыя пѣсни молодыхъ людей—Наталки, Петра и Миколы (играющаго въ пьесѣ невидную роль), несмотря на сентиментальный оттѣновъ, повидимому, представляютъ изъ себя передѣлку народныхъ малорусскихъ пѣсенъ или вольное подражаніе имъ. Таковы, напримѣръ, пѣсня Наталки „Віють вітри“, напоминающая своимъ содержаніемъ чумакскую пѣсню „Забіліли сніги, заболіло тѣло“, и пѣсня Миколы „Гоминъ, гоминъ по діброві“, тоже напоминающая собою одну чумакскую пѣсню¹⁾.

Не менѣе, если не болѣе, находимъ народного элемента и въ водевилѣ Котляревскаго „Москаль-Чарівникъ“, не смотря на то, что г. Кулишъ не очень одобрительно отзывается объ этомъ произведеніи Котляревскаго. Ходъ водевила слѣдующій. Тетяна, въ отсутствіе своего мужа, чумака²⁾ Чупруна, принимаетъ у себя судового панича Финтика, который объясняется Тетянѣ въ любви и поеть ей силлабическій романсь: „Не прельщай меня, драга!“ Этотъ романсь, въ полномъ видѣ, мы нашли въ рукописи, писанной около 1760 года, и слѣдовательно онъ, по намѣренію автора, рекомендуетъ Финтика, какъ послѣдователя отсталой школьной версификаціи XVIII вѣка. Тетяна съ Финтикомъ собираются вечерить; но имъ помѣшалъ подавившій немножко солдатъ, поставленный на квартиру къ Тетянѣ. Притворившись сна-

1) „Чумакія пѣсни“, И. Рудченка, Кіевъ, 1874 г., №№ 32 и 41.

2) Чумаками назывались украинцы, юзившие за солью и рыбой въ Крымъ и на Донъ.

щимъ, онъ подслушиваетъ, какъ Тетяна рассказывала Финтику, гдѣ припратала она приготовленное для него угощеніе—приженую колбасу, печеную курку и пляшку запеканой. Между тѣмъ возвращается мужъ Тетяны, Михайло Чупрунъ, отъ которого Финтикъ прячется подъ пріпекоукъ. Чупрунъ спрашиваетъ у жены поѣсть чего нибудь; но получаетъ отказъ. Тогда проснувшійся яко-бы солдатъ, выдавая себя передъ Чупруномъ за чародѣя, находить припрятанное для Финтика угощеніе, подчуаетъ себя и Чупруна и выгоняетъ самого Финтика, заставивъ его принять на себя роль черта. Водевиль заключается слѣдующимъ нравоученіемъ: „поэтому, правда, что шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія“.

Г. Кулишъ, сравнивая „Москаля-Чарівника“ съ пьесой Гоголя—отца „Простакъ“, имѣющей почти тоже самое содержаніе, не совсѣмъ выгодно отзыается о первомъ: „У Котляревскаго,—говорить онъ,—хозяинъ хаты—зажиточный мужикъ, а роль ловеласа играеть судовой панычъ. Новидимому, въ этомъ нѣть ничего, что бы можно было поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго; а между тѣмъ изъ этого выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относится къ народу, какъ отецъ гоголя. Молодая женщина, принимающая у себя, въ отсутствіе мужа, жалкаго канцеляриста, у него—женщина, не возбуждающая къ себѣ никакого участія, и даже болѣе того.. Съ другой стороны, чумакъ, возвратившійся съ дороги, играеть у Котляревскаго роль простака вовсе неумѣстно. Чумаки въ нашемъ простонароды—самые развитые люди. Не такъ-то легко провести ихъ солдату-постояльцу! Не таковы они въ домашнемъ быту на дѣлѣ, какъ Чупрунъ Котляревскаго въ комедії“¹⁾.

Не входя въ сравненіе комедіи Гоголя—отца „Простакъ“ съ „Москалемъ-Чарівникомъ“ Котляревскаго, замѣтимъ только, что обѣ эти комедіи заимствованы изъ украинскихъ народныхъ преданій и разрабатываются ихъ съ нѣкоторыми варіаціями. Нарушеніе супружеской вѣрности женами чумаковъ есть обычный мотивъ чумацкихъ пѣсенъ. Такъ, въ одной изъ нихъ, записанной въ полтавской же губерніи, говорится слѣдующее:

Святій Боже, святій кріпкій,
Святый безсмертный!
Полюбила чумаченька—
Треба зъ жалю вмерти.
Не сама ж я полюбила,
Полюбила мати,

1) Основа, февраль, 1862.

Що звеліла за чумаченька
Рушники отдать.
Не літувавъ чумаченько,
Нейде й зімовати,—
Прийде нічка осіння,
Ні з ким розмовляти.
Обізвався дячокъ з Нашох;
— Ось де я гуляшті!
— Прииди, дяче, вечеряті,
То будешъ найкращий.

Дьякъ, конечно, воспользовался приглашениемъ; но, на его бѣду, въ тоже время—

Прийшовъ чумакъ з Крыму.
— „Ой здорова, моя мила!
Чи все гаразд дома?“
— „Ой все гаразд, ой все гаразд,
Тільки одно і на-що:
Виглядає вражай дячок
Із-заїчка часто...“

Послѣдние шесть стиховъ представляютъ юмористическую передѣлку словъ изъ исторической пѣсни о Савѣ Чаломъ.

Чумакъ очень „засмутився“, но особенного вида о присутствіи дьячка не подалъ, чтобы тотъ „не догадався“. Выходитъ чумакъ на дворъ будто бы выпрягать воловъ, но вместо того—

Якъ ухопити чумачонько
Од воза бичину,—
Побив—побив, помолотив
Та дякові спину,

приговаривая, чтобы тотъ не ходилъ „до чужихъ жінок“. Дьякъ, вырвавшись послѣ побоевъ, заявляетъ:

Далась мині біда знати,
Аж у третій хаті,
Через тини тікаючи,
Що й сліду не знати.

Очевидно, интрига водевиля „Москаль-Чарівникъ“ въ сущности та же, что и въ чумацкой пѣснѣ, сейчасъ приведенной, съ тою незначительной разницей, что вместо дьяка является у Котляревскаго „судовый панічтъ“, помазанный, однако, однимъ и тѣмъ же масломъ; следовательно, водевиль Котляревскаго въ этомъ отношении имѣть бытовую народную почву.

Г. Кулишу кажется несообразнымъ съ действительностью малорусской жизни, чтобы прохода москаль (солдатъ) одурилъ бывалаго и

умаго чумака, какимъ долженъ быть, по мысли Кулиша, Чупрунъ въ „Москалъ-Чарівникѣ“. Но малорусская поэзія не слушаетъ резоновъ г. Кулиша и нерѣдко представляетъ москаля обманщикомъ, а чумака обманутымъ. Достаточно указать на малорусскую сказку „Москалъ-рыбакъ“, въ которой разсказывается о солдатахъ, какъ одинъ изъ нихъ, чтобы одурить проѣзжавшихъ съ рыбой чумаковъ, сталъ ловить рыбу долотомъ и привлекъ къ себѣ ихъ вниманіе, а другой, собравши душъ пять товарищѣй, позабиралъ изъ возовъ у чумаковъ всю рыбу ¹⁾.

Впрочемъ, какъ ни строго судилъ Кулишъ произведенія Котляревскаго, но и онъ признавалъ большое значеніе ихъ для современного и послѣдующихъ поколѣній малороссовъ. „Своей пародіей и двумя театральными пьесами,—говорить Кулишъ,— Котляревскій напомнилъ украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобы выбранить неисправнаго мужика... „Энеїда“ Котляревскаго пріокотила къ народному языку даже тѣкъ грамотныхъ во всѣхъ слояхъ общества, кто или мало зналъ, или чуждался его: доказательствомъ тому—что эта пародія, будучи печатаема въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, расходилась въ Малороссіи въ огромномъ множествѣ списковъ и попадалась и у селянъ, и у горожанъ, и у полупанковъ, и у пановъ. „Наталка-Полтавка“ и „Москалъ-Чарівникѣ“, вѣрная дѣйствительности, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже въ наше время, возбуждали смѣхъ и слезы зрителей не только въ провинциальныхъ, но и въ столичныхъ театрахъ. Даже и его пѣсня „Віють вітри“ имѣетъ свое историческое значеніе: отчужденнымъ отъ народа панночкамъ временъ Котляревскаго не стыдно было спѣть ее за фортепіано: то была не мужицкая пѣсня, да и чувства въ ней выражены такъ деликатно, какъ и въ романахъ Калиниста. А эта пѣсня могла провести за собой не одну народную пѣсню въ тогдашнее общество. По крайней мѣрѣ, то несомнѣнно, что другія сочиненія Котляревскаго дали законность появленію украинской простонародной рѣчи на бумагѣ и произвели подражанія. Въ концѣ „Грамматики малорусскаго нарѣчія“ Павловскаго, 1817 года, помѣщены были малорусскіе стихи, подъ заглавiemъ „Вакула Чмиръ“, составленные въ духѣ „Энеїда“.

Но вліяніе произведеній Котляревскаго на послѣдующую украинскую литературу не ограничивалось этими мелочами и, въ большей или меньшей мѣрѣ, непосредственно или посредственно, отразилось почти на всѣхъ важнѣйшихъ представителяхъ украинской литературы до конца пятидесятыхъ годовъ. Ближайшими послѣдователями или преем-

1) „Народныя южнорусскія сказки“, И. Рудченка, вып. 2, № 40.

никами литературной деятельности Котляревского были — П. П. Белецкий-Носенко, П. И. Гулакъ-Артемовский, К. Д. Думитрашковъ, В. А. Гоголь, Я. Г. Кухаренко и др. Первые трое составляли пародированыи поэмы и оды въ духѣ „Энеиды“ Котляревского, а послѣдніе двое писали комедіи и комическія оперы, похожія на „Натальку-Полтавку“ и особенно на „Москаля-Чарівника“. Тѣ и другіе, впрочемъ, не были слѣпыми подражателями Котляревского, подчинялись и другимъ литературнымъ вліяніямъ, и нѣкоторые изъ нихъ пошли далѣе Котляревского въ пониманіи и изображеніи народной жизни, какъ это и должно быть по естественному порядку вещей, и въ свою очередь подготовляли почву для литературной деятельности послѣдующихъ поколѣній.

2.

Павелъ Павловичъ Белецкий-Носенко¹⁾.

Павелъ Павловичъ Белецкий-Носенко, изъ дворянъ помѣщиковъ нынѣшней полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда, производилъ свой родъ отъ князя луцкаго Александра Носа. Одинъ изъ потомковъ этого князя Иоаннъ Нось, владѣвшій имѣніемъ въ Малороссіи, но во время войнъ удалившійся въ Польшу, въ 1650 году снова получилъ достояніе свое, а особливо земли, съ обязательствомъ присягнуть Малороссіи на вѣрность и отбывать всѣ повинности съ имѣній своихъ. Ему пожаловано потомъ въ 1694 году царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ прилуцкомъ полку въ вѣчное и потомственное владѣніе село Голубовка, за вѣрныя службы „отцу нашему, брату нашему и намъ“, какъ сказано въ грамотѣ. Потомъ, онъ пожалованъ императоромъ Петромъ Великимъ въ 1708 году полковникомъ прилуцкимъ за то, что способствовалъ князю Мевышкову взять укрѣпленный городъ Батурина. Отъ внука его, Анны Петровны Носенковой, родился россійскій

¹⁾ Источники: 1) „Ізвѣстія о трудахъ П. П. Белецкаго-Носенка“ въ Москвитинѣ, 1855 г., № 8, стр. 132. 2) „Горянинъ“, Кіевъ, 1871 г. 3) „Приказки“, Кіевъ, 1871 г. 4) „Гостинецъ землякамъ і співи въ образніхъ річахъ“, Кіевъ, 1872 г. 5) Рукописныя сочиненія, приобрѣтенные покойнымъ И. Н. Нововимъ. Кромѣ того, мы пользовались отрывкомъ изъ біографіи П. П. Белецкаго-Носенка, предназначавшейся къ печати, найденнымъ въ бумагахъ покойнаго М. Г. Щербака. Мы пишемъ фамилію г. Белецкаго-Носенка такъ, какъ онъ самъ подписывался.

фельдмаршалъ графъ Ив. Васильевичъ Гудовичъ. „Я обязанъ почтить память моего предка“,—говорить П. П. Белецкій-Носенко. Мать Павла Павловича приходилась племянницею знаменитому духовному писателю XVIII вѣка Георгію Конисскому. По словамъ старожиловъ, Павелъ Павловичъ воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ пансионовъ и, по обычаю дворянъ того времени, поступилъ въ военную службу. Когда это случилось,—съ точностью неизвестно, но, кажется, въ 1788 году онъ уже состоялъ въ военной службѣ и былъ подъ Очаковомъ, какъ можно заключать изъ одного разсказа его объ одномъ обстоятельствѣ изъ исторіи осады этого города. Въ 1794 году онъ участвовалъ въ штурмѣ г. Праги, получивъ за то установленный штурмовой крестъ, и около 1798 года оставилъ военную службу въ чинѣ капитана и навсегда поселился въ родномъ своемъ городѣ Прилукахъ ¹⁾). Здѣсь въ октябрѣ 1789 года открыто было малое народное училище, состоявшее изъ двухъ классовъ, которое преобразовано было 14 сентября 1812 года въ повѣтовое или уѣздное училище,—и Павелъ Павловичъ является сначала штатнымъ смотрителемъ двухкласснаго училища, а потомъ, по преобразованіи его въ трехклассное, почетнымъ его смотрителемъ, каковое званіе сохранялъ приблизительно до 1840 года. Вѣроятно, еще будучи штатнымъ смотрителемъ, онъ учредилъ частный пансионъ, существовавшій еще въ 1831 году, и въ этомъ пансионѣ получилъ первоначальное образованіе другой малороссійскій писатель Н. А. Маркевичъ ²⁾).

Въ педагогической своей дѣятельности Павелъ Павловичъ старался развивать въ каждомъ воспитанникѣ врожденныя его способности. Замѣтивъ въ одномъ изъ своихъ учениковъ охоту и способность къ танцеванію, онъ платилъ за обученіе его танцамъ „одной искусной танцмейстершѣ“, пока тотъ не сталъ танцевать съ совершенствомъ ³⁾). При такомъ свободномъ направленіи образованія, Павелъ Павловичъ совершенно иначе, чѣмъ его современники, смотрѣлъ на воспитаніе: не только у себя дома, „въ своемъ маленькомъ пансионѣ“, онъ допускалъ полную волю рѣзвости мальчикамъ, лишь бы она не переходила за должные предѣлы, но и въ уѣздномъ училищѣ онъ вывелъ строгое и суровое обращеніе съ учениками. По его мнѣнію, неприлично было мальчику въ десять лѣтъ казаться степеннымъ человѣкомъ, а каждый долженъ казаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и поэтому даже должно на-

¹⁾ Около 1845 года онъ писалъ о себѣ, что живетъ въ Малороссіи болѣе 45 лѣтъ. Въ 1798 году онъ уже былъ въ Малороссіи и слушалъ отъ Гоголевскаго сотника Шума историческое преданіе объ Иванѣ Золотаренкѣ.

²⁾ Основа, январь, 1861 годъ: „Воспоминаніе о Н. А. Маркевичѣ“.

³⁾ Письмо къ В. В. Е—чу въ 1831 г.,

слаждаться безнечностью своихъ счастливыхъ лѣтъ. Павелъ Павловичъ не любилъ прибѣгать къ наказаніямъ. Единственнымъ, можно сказать, наказаніемъ было—не пускать дѣтей домой, когда за ними присыпали на праздники. Тѣлесныя наказанія онъ совсѣмъ не признавалъ нужными въ системѣ воспитанія; онъ говорилъ, что это не его способъ воспитанія, и если, употребивши всѣ возможныя для него мѣры, онъ видѣлъ, что ученикъ его все-таки не исправлялся, то просилъ родителей взять его назадъ.

Обладая обширными познаніями, Павелъ Павловичъ самъ преподавалъ всѣ предметы. Изъ одного письма его мы можемъ видѣть, че-му онъ училъ, своихъ воспитанниковъ. „Всякое утро до обѣда,—пи-салъ онъ,—выключая четверга, мы упражняемся въ латинскомъ, фран-цузскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ по правиламъ грамматиче-скимъ и въ переводахъ какъ съ иностраннныхъ языковъ на русский, такъ и съ этого на французскій и нѣмецкій. Утро четверга опредѣлено для рисованья. Въ понедѣльникъ и среду по полудни отъ двухъ ча-совъ и до четырехъ мы занимаемся математикою, а именно: ариѳмети-кою и геометрію. Въ четвергъ, пятницу и субботу по полудни отъ двухъ до четырехъ часовъ—географія; въ понедѣльникъ отъ пяти до семи—реторика и поэзія, и миѳология; во вторникъ, среду, четвергъ, пятницу и субботу отъ пяти до семи часовъ—исторія всеобщая, древ-нна и россійская. Въ праздники и воскресные дни—законъ Божій и св. писание ветхаго и новаго завѣта, а по вечерамъ занимаемся чте-ніемъ лучшихъ писателей всякаго рода, какъ отечественныхъ, такъ и французскихъ. Изъ этого вы можете заключить, что мы не тратимъ времени, и если бы бренность тѣла нашего позволяла, а особенно нѣж-ность дѣтскаго возраста, я бы еще отдалъ время отъ ночи¹⁾). Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „основаніе нашего образованія есть за-конъ Божій, уставы гражданскій и военный, слѣдовательно—нравствен-ность. Всакій праздникъ и воскресный день дѣтамъ изъясняю законъ Божій, одну исторію ветхаго и новаго завѣта и одну главу изъ уста-вовъ. Прочія науки преподаются у мене: языки русскій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Успѣвшіе уже обучаются риторикѣ, поэзіи и эстетикѣ; математикѣ, т. е. ариѳметикѣ, геометріи, алгебрѣ; артиллеріи и фортификації; особо съемкѣ плановъ и ситуаціи; географіи матема-тической, древней и новой, всеобщей и въ особенности частной рос-сійского государства; физикѣ, естественной исторіи и рисованію²⁾). Кромѣ этихъ предметовъ, онъ преподавалъ еще исторію живописи и

1) Письмо къ Н. О. Т—му, 1809 года.

2) Письмо къ П. С. Т—рѣ въ 1817 году.

скульптуры, излагая ее въ видѣ биографій славныхъ художниковъ, архитектуру военную и гражданскую, перспективу и теорію свѣта и тѣней. Изъ этого видно, что курсъ образованія, которое Павелъ Павловичъ давалъ своимъ ученикамъ, былъ весьма обширенъ: онъ не ограничивался только предметами общечеловѣческаго образованія, но простирался дальше. Павелъ Павловичъ подготавлялъ своихъ учениковъ къ специальнымъ занятиямъ не только развитіемъ ихъ ума и пріученіемъ къ труду, но и изученіемъ тѣхъ наукъ, которыхъ непосредственно относятся къ ихъ будущей специальности. Большая часть учениковъ Павла Павловича поступила въ военную службу. Это обусловливалось положеніемъ тогдашнаго высшаго, такъ называемаго образованаго общества.

Со времени поселенія въ Прилукахъ и учебно-педагогической службы и дѣятельности Белецкаго-Носенка начинается и его ученолитературная дѣятельность. Первымъ его литературнымъ трудомъ былъ переводъ съ французскаго романа „Семейство фонъ-Гальденъ“, Августа Ляфонтена, въ 4-хъ частяхъ, сдѣлавший въ 1808 году. Вѣроятно, въ бытность его штатнымъ смотрителемъ прилуцкаго училища написана имъ „Горгинида чи вхопленная Прозерпина“, какъ можно заключать изъ конца этой поэмы, писанной между дѣломъ, въ рождественскіе праздники. Гораздо болѣе свободнаго времени оставалось Павлу Павловичу послѣ переименованія его въ почетные смотрители училища. Правда, и на эту номинальную должность свою Павелъ Павловичъ смотрѣлъ сначала серьезно и „по долгу службы своей и по совѣсти почиталъ себя въ-правѣ содѣйствовать улучшенію училища въ учебно-педагогическомъ отношеніи“. Но скоро онъ убѣдился на опытѣ, что не требуютъ и не желаютъ отъ него дѣятельного участія въ судьбахъ училища и предоставляютъ ему только право дѣлать пожертвованія на училище. Въ 1818 году П. П. Белецкій-Носенко писалъ къ ректору харьковскаго университета Ив. Петровичу Рижскому, что представленія почетныхъ смотрителей „въ пользу просвѣщенія нимало не уважаются, и многія важныя распоряженія въ пользу училищъ, которыхъ бы должно онимъ сообщать, никѣмъ не сообщаются; и я скажу о себѣ, что въ теченіе сего года я получилъ по должности моей только одну бумагу отъ г. директора, и то оскорбительную для меня“. Какъ бы понять, послѣ этого, прямыя свои обязанности по отношенію къ училищу, Павелъ Павловичъ въ томъ же году „принесъ въ даръ для библиотеки прилуцкаго училища книгъ на 1000 рублей“, жалуясь при этомъ, что о прежнихъ его пожертвованіяхъ не было донесено вышшему начальству. Но чѣмъ болѣе нашъ авторъ устранился отъ училищныхъ дѣлъ, тѣмъ шире становился кругъ его ученой и литературной дѣятельности. Съ 1812 года онъ завязываетъ сношенія съ различными

учеными учреждениями въ Россіи, именно: съ обществомъ наукъ при императорскомъ харьковскомъ университѣтѣ, императорскимъ московскимъ обществомъ испытателей природы, императорской россійской академіею, императорскимъ с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ и др., и пишетъ решения на всевозможныя задачи и преміи; хотя и рѣдко имѣть успѣхъ. Болѣе прочныя связи онъ имѣлъ съ обществомъ наукъ при императорскомъ харьковскомъ университѣтѣ и императорскимъ с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, юрь званіи членовъ ихъ. Съ первыми онъ велъ дѣятельную корреспонденцію съ 1813 по 1826 годъ, а со вторыми съ 1826 по 1839 годъ. Перечислимъ некоторые изъ его сочиненій, относящихся къ этому времени.

- 1) „Сказки на малороссійскомъ языке“, (23), около 1812 г.
- 2) „Метаполитическое экономическое разсужденіе, что выгоднѣе для хозяина,—обрабатывать земли наемными людьми, где ихъ найти можно, или собственными крестьянами? или отвѣтъ на осмью задачу, предложенную отъ императорского с.-петербургскаго вольного экономического общества на 1812 годъ“, 1812 г.
- 3) „Исторія о началѣ училищъ въ г. Прилукахъ и прилудкомъ повѣтѣ“, съ краткимъ обозрѣніемъ „начала народнаго просвѣщенія въ Россіи вообще и распространенія онаго“, послѣ упоминаемаго здѣсь 1815 года.
- 4) „Словарь нѣмецкихъ писателей“, 1816 года.
- 5) „Лингвистика“, съ объясненіемъ словъ— колъ, волкулака и лемехъ, рефератъ, посланный въ общество наукъ при харьковскомъ университѣтѣ 10 апрѣля, 1817 года.
- 6) „Эстетика,—о подражаніи природѣ“, 20 сентября, 1817 года, посланная въ харьковское общество наукъ.
- 7) „Разсужденіе объ одѣ Боя сочиненія г. Державина“, около 1818 года.
- 8) „Ломоносовъ и Державинъ, величайшия лирики россійскіе,—сравненіе“, 1818 года. Это сравненіе, въ дополненіи видѣ, послано было въ 1829 году въ императорскую россійскую академію, въ качествѣ решения на задачу, предложенную обществомъ любителей россійской словесности въ 1817 году.
- 9) „Пасѣчникъ, или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи“, 1818 года, съ предисловіемъ и добавленіями на поляхъ, сдѣланными около 1845 года.
- 10) „Полезно ли критиковать великихъ писателей?“ по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, вскорѣ послѣ 1818 года.

- 11) „Толкование нѣкоторыхъ старинныхъ словъ въ хѣтописяхъ, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ „Исторіи Государства Россійскаго“, соч. Н. М. Карамзина“, около того же времени.
- 12) „Существенные свойства поэзіи и реторики“, 1821 года.
- 13) Логика, 1821 года.
- 14) Баллады на малороссійскомъ языке (числомъ 15), писанныя между 1822 и 1829 годами.
- 15) „Басни (числомъ 333), передѣланныя на малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ баснописцевъ, также и собственнаго своего сочиненія, въ четырехъ частяхъ“.
- 16) „Начальное основаніе римского права“, представленное 20 июня 1826 года министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, вслѣдствіе предложенія его чиновникамъ его вѣдомства отъ 26 января 1821 года и 12 февраля 1826 года; но въ 1831 году оно возвращено автору, такъ какъ „сочиненіе сіе, по разсмотрѣніи, не признано учебнымъ“.
- 17) „Полный переводъ литовскаго статута“.
- 18) Рѣшеніе на данную с.-петербургскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1825 году задачу: „извѣстно, что въ новороссійскихъ, малороссійскихъ и слободско-украинской губерніяхъ при посѣѣ озими рѣдко употребляютъ унавоживаніе, полагая оное вреднымъ; между тѣмъ частые неурожаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣхъ губерній подаютъ причину сомнѣваться въ основательности сего мнѣнія. Общество предлагаетъ: въ награду большую серебряную медаль тому поселенному, который въ тѣхъ губерніяхъ унавоживаніемъ озимой пашни получить урожай гораздо лучше своихъ сосѣдей, не смотря ни на какую погоду и мѣстоположеніе“. Рѣшеніе послано въ закрытомъ пакетѣ 15 октября 1829 г.
- 19) „Зиновій Богданъ Хмельницкій. Историческая картина событий, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссії“, въ трехъ частяхъ, 1829 года, съ позднѣйшими дополненіями.
- 20) „О заразительной болѣзни холерѣ“, посланное въ 1831 году въ харьковское общество наукъ, въ с.-петербургское вольное экономическое общество и министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому, приглашавшему сообщать о способахъ лечения холеры, съ обѣщаніемъ вознагражденія въ 2500 рублей. Но медицинскій совѣтъ нашелъ, что объясненіе г. Белецкимъ-Носенкомъ происхожденія холеры весьма неправильно, а указываемыя имъ средства, извѣстныя и совѣту, дѣйствительно могутъ оказывать пользу въ началь болѣзни.
- 21) „Словарь герменевтический, лингвистико-исторический, географический, съ изъясненіемъ истиннаго смысла засурьныхъ, вы-

шедшихъ изъ употребленія, находящихся въ лѣтописяхъ россійскихъ", и проч., 1832 г., громадный фоліантъ.

22) „Иванъ Золотаренко“, драматический рассказъ (истинное проишествіе), въ одномъ дѣйствіи, и „Историческое преданіе о Иванѣ Золотаренко“, 1839 года.

Послѣ 1839 года мы не видимъ въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ П. П. Белецкаго-Носенка никакихъ корреспонденцій съ учеными обществами; но его ученко-литературная производительность не прекращалась до 1846 года. Въ этотъ періодъ времени имъ составлены или окончены: 1) „Лингвистические памятники повѣрій у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными тѣснами“, 1839—1840 гг.; 2) „Эстетика“, 1840 года, съ позднѣйшими дополненіями, сдѣланными около 1845 года; 3) „Словарь малороссійского или юго-восточного русского языка, филологический, этимологический, съ показаніемъ частей рѣчи, окончательныхъ корней словъ, метаплазмовъ, идиотизмовъ, со сводомъ синонимовъ, съ пословицами и поговорками, составленный по произиошенію, какъ говорить въ Малой Россіи и Южной Россіи“, 1841—1842 гг., съ предувѣдомленіемъ „о языке малороссійскомъ“, заключавшій въ себѣ болѣе 20,000 статей; 4) „Грамматика малороссійского языка“.

Неизвѣстно, къ какому времени относятся переводы Павла Павловича на русскій языкъ слѣдующихъ произведеній: 1) Ода на счастіе, Руссо; 2) Бой съ дракономъ, Шиллера; 3) Гробница Агамемнона, баллада; 4) Сто басенъ, Мольво; 5) Лизморъ или замокъ клостернскій, романъ въ двухъ частяхъ, Шердана,

Въ 1855 году П. П. Белецкій-Носенко былъ уже глубокимъ старцемъ и въ первый разъ удостоился печатнаго сочувственнаго отзыва о своихъ ученко-литературныхъ трудахъ. Въ „Москвитянинѣ“ за этотъ годъ, въ „извѣстіи о трудахъ П. П. Белецкаго-Носенка“, между прочимъ, сказано: „сколько есть по мѣстамъ достойныхъ тружениковъ, которыхъ важные труды покоятся подъ спудомъ за недостаткомъ гласности, между тѣмъ какъ другіе, за ея излишкомъ, получаютъ незаслуженную извѣстность, даже славу, хоть и преходящую. Редакція недавно имѣла случай узнать о слѣдующихъ сочиненіяхъ и переводахъ одного престарѣлого малороссійского литератора“. Перечисливъ важнѣйшія изъ этихъ сочиненій и переводовъ, „Москвитянинъ“ совѣтуетъ почетному автору войти въ сношеніе съ академіей наукъ и отдѣленіемъ русского языка и словесности, которое, вѣроятно, найдетъ средства воспользоваться такими важными трудами“. Но авторъ не воспользовался совѣтомъ „Москвитянина“ и, вѣроятно, вскорѣ умеръ. Въ 1871 и 1872 годахъ изданы были въ Кіевѣ его „Горпинида“ и „Приказки“, „Гостище землякаль і сїви въ образникъ річахъ“ и „Пасѣчникъ, или опытное пчеловодство въ южной полосѣ Россіи“, и

притомъ безъ всякихъ свѣдѣній о жизни автора и времени написанія этихъ сочиненій.

Нельзя не удивляться многочисленности и разнообразію сочинений П. П. Белецкаго-Носенко. Пересматривая длинный списокъ его переводовъ и сочиненій по разнымъ отраслямъ знанія (свыше 60), невольно задаешься вопросомъ,—какая же собственно была его специальность? Онъ является въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ и эстетикомъ, и романистомъ, и философомъ, и историкомъ, и филологомъ, и этнографомъ, и врачомъ, и сельскимъ хозяиномъ, и проч. Недоумѣніе рѣшается просто, если мы припомнимъ время воспитанія Белецкаго-Носенко, эпоху царствованія Екатерины II, когда старались дать юношеству энциклопедическое образованіе и сдѣлать его способнымъ къ государственной службѣ всеваго рода. Для примѣра, достаточно указать на сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, въ которомъ, по уставу 1766 года, обучали всѣмъ наукамъ, художествамъ и гимнастическимъ искусствамъ, необходимымъ для совершенного образованія въ воинскомъ и гражданскомъ званіи, такъ чтобы „они могли, по выражению Екатерины II, оставя предводительство надъ арміями, засѣдать въ сенатѣ, и оставя сенатъ, начальствовать надъ арміями“. Конечно, такое универсальное образованіе имѣло ту мевыгоду, что производило все-знаекъ, не имѣющихъ специальныхъ познаній ни по какой отрасли; но оно же сообщало широкій кругозоръ и извѣстнаго рода эластичность мысли, чуткость и восприимчивость къ новымъ явленіямъ исторической жизни. Выгоды и невыгоды энциклопедического образованія испыталъ на себѣ и П. П. Белецкій-Носенко. Оставивъ военную службу, онъ вступилъ на ученое-педагогическое поприще и пробовалъ себя во всѣхъ отрасляхъ знанія, но весьма часто терпѣлъ неуспѣхъ, потому что ни въ одной почти области знанія не съумѣлъ ориентироваться надлежащимъ образомъ. Съ другой стороны, универсальность его образованія дѣлала его весьма чуткимъ ко всякой новой мысли, ко всякому соціально-общественному и ученено-литературному явленію. Онъ съ удивительной для нашего времени внимательностью слѣдилъ за движениемъ современной ему науки и литературы въ Россіи и потому не остановился въ своихъ познаніяхъ и понятіяхъ на точкѣ замерзанія, какъ это часто бываетъ съ другими писателями, а постоянно старался идти въ уровень съ развитиемъ общественной и научно-литературной мысли. Это нужно сказать какъ о соціально-общественныхъ его убѣжденіяхъ, такъ и его ученено-литературной дѣятельности.

Для характеристики первыхъ, мы обратимъ внимание на отношенія нашего автора къ крестьянскому вопросу. Свое разсужденіе о томъ, что выгоднѣе для хозяина, обрабатывать земли наемными людьми, или собственными крестьянами, онъ написалъ въ 1812 году, „будучи под-

стремясь благословить мужей отличившихся рвениемъ для пользы общей и желая въ ней участвовать по возможности своихъ способностей". Здѣсь онъ прямо и решительно старается доказать законность и государственную пользу крѣпостничества. „Какъ бѣдна та монархія,— восклицаетъ онъ,—гдѣ подданные своеобразны! Какъ непрочно она соединена! Мы видѣли изъ переворотовъ имперій, сохранившихъ имъ исторіей, и малыхъ владѣльцевъ, которые воздѣлываютъ свои поля наемниками. Такой владѣлецъ подобенъ главѣ какой-то демократической республики, или луккскому гольфалоніере, котораго наемники избираютъ на одинъ или на нѣсколько дней своимъ господиномъ; подчиненные его не страшатся, ибо они, когда захотятъ, могутъ его оставить. Напротивъ того, помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ... Не на этой ли благодѣтельной власти этихъ малыхъ монарховъ отчасти покоится непоколебимо дѣятельнос мгущество и слава Россіи?.. Самое то государство, въ которомъ помѣщики воздѣлываютъ свои земли собственными крестьянами,—дѣятельнѣе, богатѣе и, слѣдовательно, могущественнѣе". Но впослѣдствии времени, подъ влияніемъ новыхъ идей, тотъ же П. П. Белецкій-Носенко въ своихъ этнографическихъ этюдахъ высказывалъ просвѣщенное сочувствіе къ быту крестьянъ и даже выставлялъ на видъ дурную наклонности и привычки помѣщиковъ. Говоря о „кунице“, или выводныхъ деньгахъ за дѣвку, выдаваемую замужъ изъ владѣній помѣщика въ чужія руки, П. П. Белецкій-Носенко замѣчаетъ, что нѣкоторые подъ куницею разумѣются *jas grima noctis*. „Мнѣ известно,—прибавляетъ онъ,—что одинъ чокайный панъ хвалился самъ, что онъ не бралъ съ своихъ крестьянокъ куницу деньгами, а натурою, по праву господина въ Вольтеровой комедіи *Le droit du Seigneur*. Теперь бы онъ, вѣроятно, не поживился такою куницею“. Неизвестный для нась бiографъ П. П. Белецкаго-Носенка передаетъ слѣдующій разсказъ о гуманныхъ отношеніяхъ нашего автора къ крестьянамъ. Однажды Павелъ Павловичъ встрѣтилъ на дорогѣ партію крестьянъ, изъ которыхъ одинъ ревѣлъ благимъ матомъ, и обратился къ его спутникамъ съ просьбой унать несчастнаго. „Да ні, добродію,—отвѣчали они,—це бачьте така оказія: прізвівъ неборакъ телицу на ярмарокъ, продавъ ї за десять рублівъ, да й сковавъ за пазуху червоний билетикъ. Отъ якъ прийшло пять могоричъ, купивъ гарячу паланицу, одломикъ шматокъ, а решту й засунувъ зновъ за пазуху. Ість себі, балакае, почавъ й остатню половину істи; ажъ люде чогось зареготались, да й кажуть ему: що се ти, чоловіче, іси? дивись, якась папирка пріпiласъ!: Бідолага зіркъ, ажъ справді—бильшу половину чірвоного билетика умавъ вінъ въ паланицю... Отъ и пїшовъ тоді репетувати“. Послѣ такого объясненія, „чірвоний билетикъ“ вилетѣль изъ

бумажника Павла Павловича, и неистовые крики замънились „широю даю“.

Еще более прогрессивного развития мы замѣчаемъ въ учено-литературной и собственно литературной дѣятельности нашего автора. Сначала П. П. Белецкій-Носенко былъ врагомъ малороссіанизма. Въ 1804 году А. Г—скій писалъ ему слѣдующее: „продолжайте вашу переписку со мною: она приносить мнѣ безмѣрное удовольствіе, ибо она не пахнетъ этимъ духомъ малороссіанизма, который я ненавижу“. Но, поселившись и живя въ Малороссіи, П. П. Белецкій-Носенко впослѣдствія полюбилъ украинскій языкъ и литературу и старался идти въ уровень съ ихъ развитіемъ. Изъ его произведеній къ области украинской литературы относятся: 1) Горпинида; 2) Сказки, баллады, басни и пѣсни на малороссійскомъ языке; 3) „Зиновій Богданъ Хмельницкій“—исторический романъ; 4) „Іванъ Золотаренко“; 5) „Лингвистические памятники повѣрь у малороссіянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями“, и 6) Словарь и грамматика малороссійского языка. Въ сфере этихъ произведеній мы можемъ различать три стадіи въ развитіи литературныхъ понятий и вкусовъ нашего автора, обусловливаляемыя историческимъ ходомъ развитія малорусской литературы. Свою „Горпиниду“ Павелъ Павловичъ написалъ по подражанію „Энеидѣ“ Котляревскаго; его баллады и пѣсни явились подъ влияніемъ немецкаго романтизма, а въ историческихъ сочиненіяхъ „Зиновій Богданъ Хмельницкій“, „Іванъ Золотаренко“ и въ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ онъ является однимъ изъ провозвѣстниковъ славянского возрожденія и украинофильства.

„Горпинида чи вхопленна Прозерпина, жартливая поэма въ трехъ писняхъ“ приготовлена была самимъ авторомъ для печати, хотя и не была издана при его жизни. Она есть не что иное, какъ переложеніе съ русскаго языка на украинскую рѣчъ „Похищенія Прозерпины“ Котельницкаго, 1795 года. Да и это переложеніе сдѣлано было по образцу перелицованный „Энеиды“ Котляревскаго, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ „Горпиниды“:

Сміешся, жвава Шієрида!

Дмухни въ мене тотъ самий жаръ,

Зъ якимъ спивалась Енейда.

Сюжетомъ ея служить пародированный миѳ о похищенніи Плутономъ Прозерпины,—дочери Цереры, о поискахъ Цереры за нею и о свадьбѣ Плутона съ Прозерпиною. Какъ и Энеида Котляревскаго, Горпинида обладаетъ частными орнаментами, изображающими комическую сторону малорусской жизни, и намеками на современные общественные явленія. Прозерпина превращается здѣсь въ сельскую красавицу Горпину и собирается съ подругами въ лѣсъ на гулянья. Мать Церера

дастъ ей наставлениe, которое авторъ считалъ особенно пикантнымъ и повторялъ его нѣсколько разъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Церера говорить:

Що-сь дуже николи тоби!
Дивись! куда се захапалась?..
Охъ, доньку, цноты не згубы!
Избави Боже понеділка,
Якъ витече кризь дно горилка!
Щобъ хомута не надіватъ... ¹⁾)
Нема якъ цнота для дивчини,
На зло й виситъ на волосини;
Якъ плюнуть—латво одирвать.
— А що-то, мамо, тая цнота?
Дочка у матери пита;
Я чула, кажуть, се пустота:
Чи прайде гарная въ літа,
Соби и знайде парубику,
Жартую зваже те до вику,
Що вже нельза ін згубить.
— Иди жъ, гуляй, моя Горлинка!
Якъ бачу, ты вже не дитинка:
Чи вже самій ни розсудить?

Когда дѣвицы гуляли въ лѣсу, въ это время Плутонъ, богъ ада, поѣхалъ въ Сицилію заткнуть провалъ, образовавшійся въ Этнѣ. Дорогой онъ заѣжалъ въ Грѣхополь, любимый свой городъ.

Тамъ всяки знахорки, шентухи,
Що любощи дивкамъ дають;
Судьи, що для безвинныхъ глухи,
За гроши казять нашъ статутъ;
Вдовиць и сиротъ обиждають
И такъ на світъ той спроважають,
Покиль самихъ не стриска бись.
Тамъ душепагубны пранцузы,
Що дома гнили на ланцузи,
А въ насть зъ дитей псують гульвись.
Багато е ліохизъ шальпанскихъ,
Де ядъ за вина продають.

1) Въ понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ свадьбы, справляемой обыкновенно въ воскресенье, если молодая потеряла до брака цѣломудріе, матери ея подносили водку въ рюмкѣ съ заткнутой дырой и водили ее по селу въ хомутѣ. На эти обычай и намекается здѣсь.

Въ заключеніе перелагатель обращается къ музѣ и говорить:

• Покуда годы, муга жвава,
Повисъмо кобзу на гвоздокъ!
Се одъ беадилья лишь забава;
Прощай до будучихъ съятокъ!
Бачъ, пріймайся зновъ за дило...
Тогда лети до мене смило,—
Мы зновъ заграемо зъ тобой,
Якъ вдохновенъя жаръ почуемъ,
Для Вкрайны нове зкомпонуемъ
На наськой мови дидовской.

Но къ пародированнымъ поэмамъ нашъ авторъ не возвращался болѣе. Нѣкоторое время его занимала нѣмецкая эстетика и нѣмецкая литература. Въ его бумагахъ мы нашли двѣ эстетики въ нѣмецкомъ духѣ и „Словарь писателей нѣмецкихъ“ за 1816 годъ. Плодомъ этихъ занятій въ литературномъ отношеніи были его баллады и пѣсни, большою частію переведенные или передѣленные съ нѣмецкихъ подлинниковъ. Болѣе ранніе изъ этихъ произведеній есть романъ „Завитная лулька“, 1822 г., о которомъ прямо сказано, что онъ составленъ въ подражаніе нѣмецкому. Въ немъ выводится на сцену старый, искалѣченный гусарь, идущій на богомолье въ Киевъ. Голодный и усталый, онъ присѣлъ подъ тѣнью отдохнуть и закурилъ трубку, съ янтаремъ на мундштуке. Въ это время проѣзжалъ мимо въ каретѣ какой-то господинъ. Гусарь-калька протянулъ къ нему руку за милостыней. Проѣзжій замѣтилъ у гусара дорогую трубку и посовѣтовалъ ему продать ее, вмѣсто того, чтобы просить подаянія; но инвалидъ ни за что не хотѣлъ разстаться съ завѣтною трубкою, такъ какъ получилъ ее въ подарокъ отъ своего храброго маюра, дѣлившаго съ нимъ боевыя опасности и убитаго подъ Измайломъ. Оказалось, что храбрый маюръ приходился дѣдомъ проѣзжему господину, который послѣ этого взялъ къ себѣ инвалида на содержаніе, а инвалидъ передалъ ему въ наслѣдие „завѣтную лульку“. — Баллада „Ивга“ написана у Белецкаго-Носенка тою мѣрою, какъ по-нѣмецки написалъ ее Бюргеръ.

Языкъ этихъ стихотвореній, равно какъ и „Горгиниды“, довольно нечистъ и тажеловать и притомъ же скованъ размѣрами тоническаго стихосложенія. Для примѣра, приведемъ его „Романсъ, подражаніе Гете“, посвященный соотечественницамъ, съ эпилогомъ изъ И. Козлова: „Милъ напѣвъ земли родной изгнанинику въ странѣ чужой“.

Я згадую тебе, ты на уми одна:
Якъ зирька ясная на всходи загорытса;
Якъ мисица чоло жемчужне, въ добу сна,

Кризъ легкихъ хмаръ въ води, задумавшись глядитъ,—
Ты на уми одна!

Тебе лишь бачу я, ты все въ моихъ очахъ:
Де витерь на шляху густую пыль здымает,
Де тинъ дорожнаго, по стежки на горахъ,
Манячить и мелька, якъ сонечко сидает,—

Ты все въ моихъ очахъ!
Я прислушаюся, твій чую голосокъ:
Якъ рудка въ осоди крій берега хвилюется;
Якъ шепчетсѧ въ садку зъ трояндой витерокъ,
Або, якъ соловій крій него голосится,—

Твій чую голосокъ!
Ой де бъ ты ни була, нема разлуки намъ:
Усе крій мене ты, якъ ангель легкокрылый!..
Жыву съ тобою тутъ—сь тобою буду тамъ,
Де непробудный сонъ—підъ дернью у могили

Нема разлуки намъ!..

Впослѣдствіи времени Павелъ Шавловичъ, кажется, вовсе пересталъ писать стихи и обратился къ историческимъ романамъ и драматическимъ рассказамъ. Переворотъ этотъ совершился въ немъ съ одной стороны подъ вліяніемъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, продившій новый свѣтъ на прошедшія судьбы нашего отечества, съ другой стороны—подъ вліяніемъ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта, Загоскина, Булгарина и др. Плодомъ этихъ вліяній были, главнѣйшимъ образомъ, два произведения нашего автора: „Зиновій Богданъ Хмельницкій, историческая картина событий, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссії“, 1829 года, съ позднѣйшими дополненіями, и „Іванъ Золотаренко, драматический разсказъ (истинное происшествіе) въ одномъ дѣйствіи“, 1839 года.

Въ предисловіи къ роману „Зиновій Богданъ Хмельницкій“ авторъ говорить о немъ слѣдующее: „любители изящной словесности читаютъ съ удовольствіемъ историческія картины Вальтеръ-Скотта, Булгарина, Загоскина, и справедливо хвалять ихъ: они переносятъ воображеніе въ тѣ любопытныя времена, кои они живописали, и заставляютъ насъ принимать живѣйшее участіе въ нихъ. Исторія повѣствуетъ съ важностью для соображеній одного разума достопамятнѣя проишествія; но романтическія картины, живописуя нравы и духъ времени, занимаютъ разумъ и воображеніе, чтобы кроткими страстями согрѣть сердце. Клю важная, пламенная Мелпомена, веселая Талія согласно ихъ составляютъ. Я осмѣливамъ представить любителямъ отечественной старинъ опытъ подобной исторической картины нравовъ и обычаевъ XVII вѣка. Почту себя счастливымъ, если привнесу удовольствіе

имъ. Цѣль сего сочиненія, притомъ, оправдать предъ лицемъ свѣта народъ и предводителя его, коихъ историки польскіе, французскіе и нѣмецкіе, переписывавшіе одинъ у другаго клеветы, описали самыми черными красками: называютъ просто разбойниками, скрывающими истинныя причины, принудивши ихъ поднять оружіе противъ своихъ угнетателей, сражаться болѣе 60-ти лѣтъ, освирѣпить не хуже того, какъ и всѣ обитатели западной Европы того времени ¹⁾.

Соответственно съ своею цѣлью, онъ прежде всего обратился къ историкамъ и историческимъ материаламъ и, кроме „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, пользовался „Исторіей Малой Россіи“ Н. Бантышъ-Каменскаго и особенно лѣтописью съ именемъ Георгія Конисскаго, тогда еще не изданною. Для оживленія же историческаго материала нашъ авторъ нерѣдко прибегалъ къ народнымъ историческимъ преданіямъ. При помощи этихъ источниковъ и средствъ, онъ представилъ Богдана Хмельницкаго и его сподвижниковъ истинными патріотами, которые, желая блага Українѣ, видѣли невозможность этого блага подъ владычествомъ польскимъ и сознательно стремились къ возсоединенію Малороссіи съ Россіей. Существенная причина и цѣль козацкихъ войнъ съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ выражены въ романѣ въ слѣдующемъ разговорѣ между Дамъяномъ Многогрѣшнымъ и Максимомъ Кривоносомъ:

„Дамъянъ. Знаешь ли, на чёмъ основана эта война? Мы одни действуемъ примодушно: мы защищаемъ наши пепелища, истинную вѣру и права. Враги наши, подъ личиною своей ложной вѣры или изувѣрства, действуютъ страсти: корыстолюбіе и сдѣлай-мѣсть ими управляютъ. Король же думаетъ въ мутной водѣ ловить рыбу: ему хочется пріобрѣсть надъ буйными головами вельможъ самовластіе. Онъ изъ-подъ руки ласкаетъ насъ; ибо знаетъ, что съ помощью русской сабли ему легко покорить Польшу и даже Швецію. Столько страостей нельзя согласить. Всякій думаетъ: лишь бы мнѣ хорошо, пусть остальное гибнетъ.

Максимъ. Ты мнѣ открылъ глаза. Это безконечная война“.

Тогда какъ Польша страдала разнузданностью страстей и безурядицею, самодержавная Москва, напротивъ, несмотря на грубость своихъ нравовъ, представляла всѣ выгоды единодушія государственныхъ сословій, хотя и пассивнаго, сираедливости, тишины и спокойствія. Эти нравственные преимущества московскаго государства, въ связи

1) Примущественно, кажется, онъ имѣлъ въ виду *Annales de la petite Russie ou Historie des Cosaques Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, et caet. par Jean Benoit Scherer, et caet. Paris. 1788.*

съ единовѣріемъ, окончательно склонили Малороссію и Богдана Хмельницкаго въ пользу Россіи.

Обращаясь къ частностимъ романа, мы и въ нихъ нерѣдко видимъ яркую тѣнь исторической правды, но далеко не всегда. Рѣзко бросаются въ глаза исторические анахронизмы романа, въ родѣ того, напримѣръ, что Семенъ Палѣй является младшимъ сотрудникомъ Богдана Хмельницкаго, и что во время жизни этого гетмана будто бы вполнѣ образовался старообрядческий расколъ въ московскомъ государствѣ. Нельзя думать, чтобы самъ И. П. Белецкій-Носенко не замѣчалъ подобныхъ историческихъ несообразностей: онъ сознательно, кажется, допускалъ ихъ, по обычаю того времени, чтобы представить полную картину русскихъ нравовъ и обычаевъ всего XVII вѣка, хотя бы на основаніи и разновременныхъ фактовъ. Поэтому у него вокругъ Богдана Хмельницкаго сгруппированы всѣ важнѣйшіе малорусскіе дѣятели XVII вѣка, хотя многие изъ нихъ и не имѣли непосредственныхъ связей съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Страннѣе для насъ кажется анахронизмъ литературный въ романѣ Белецкаго-Носенка, который позволилъ себѣ помѣстить здѣсь переводныя басни и баллады Ляфонтена и Бюргера и даже выдержки изъ собственной поэмы „Горгинида“, написанная, притомъ же, тоническими размѣромъ. Кажется, этотъ грѣхъ сознавалъ за собою и самъ Белецкій-Носенко и старался загладить его со временемъ. Уже въ первой редакціи романа записано много народныхъ историческихъ преданій, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о разумномъ взглѣдѣ автора на дѣло. Эти преданія легко отдѣлить при помощи позднѣйшихъ этнографическихъ и лингвистическихъ замѣтокъ автора, въ которыхъ они повторяются въ болѣе исправномъ и чистомъ видѣ. Таковы преданія объ Иванѣ Золотаренкѣ, о насилияхъ уніатовъ, о княгинѣ Сангушкіцой, запершей разбойниковъ въ подвалѣ, о гадачской полковницѣ, обреченной толпою на сожженіе за чародѣйство, о топленіи вѣдьмъ въ Гадачѣ при полковникѣ Гладкомъ, и проч. Но въ позднѣйшихъ добавленіяхъ къ этому роману, писанныхъ около 1839 года, еще болѣе замѣтно заимствованія изъ народныхъ преданій. Ко второй главѣ второй части романа приписанъ поэтический разсказъ о козакѣ Оманѣ, который покумилъ со смертью и при помощи ея исцѣлялъ людей, а въ заключеніе самъ сдѣлался ея жертвою, послѣ двукратнаго предостереженія, какое давала ему смерть въ видѣ сѣдыхъ волосъ и потери зубовъ.

Мы приведемъ одно историческое преданіе, встрѣчающееся въ романѣ „Зиновій Богданъ Хмельницкій“, которое легло потомъ въ основаніе драматического разсказа „Иванъ Золотаренко“, не дошедшаго до насъ въполномъ видѣ. Преданіе это рассказывали автору мать его,

племянница архієпископа Георгія Коцисского, и бывшій Гоголевскій сотникъ Шуйцъ, женатый на сестрѣ того же Георгія, въ 1798 году. „Іванъ Никифоровичъ Золотаренко, славный впослѣдствіи наказный гетманъ малороссійскій при взятії Смоленска въ 1654 году, сентября 10, родился въ Корсунѣ отъ дворянина, обучался въ кіево-братской академіи, былъ ума необыкновенного, чрезвычайно изобрѣтательного, такъ что въ тотъ темный вѣкъ прослылъ волшебникомъ. Рассказывалось о безчисленныхъ его проказахъ съ поляками, жидами и гайдамаками, которыхъ онъ всегда преслѣдовалъ и губилъ, когда находилъ къ тому случай. Между прочимъ повѣстываютъ, какъ онъ волшебнымъ фонаремъ, который самъ случайно изобрѣлъ и сдѣлалъ, при помощи такихъ же шалуновъ, какъ самъ, напугалъ и выгналъ монаховъ католическихъ, которые насильно овладѣли однимъ православнымъ монастыремъ въ Кіевѣ. Наконецъ, послѣ многихъ его проказъ и фокусовъ, которыми изумлялъ всѣхъ, его всѣ признали волшебникомъ и, по повѣрю того времени, хотѣли пытать и сжечь живымъ на кострѣ. Золотаренко привужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Кіева въ Запорожье. Однажды на ночлегъ пришли въ ту корчму, где онъ отдыхалъ, разбойники. Онъ ихъ одурачилъ мнимыми волшебствами и, ослѣшивъ, связалъ и предалъ въ руки правосудія. Непостижимая храбрость его иронесла о немъ молву, даже между поляками, будто его не береть ни пуля, ни ядро пушечное. Его убилъ въ Старомъ Быховѣ подкупленный органистъ Томашъ серебряною пулею, освященною въ чашѣ причащенія съ латинской надписью изъ священнаго писанія“.

Это замѣчательное преданіе объ Иванѣ Золотаренко, разсказанное еще въ XVIII вѣкѣ, показываетъ, какой драгоцѣнныи запасъ историческихъ народныхъ преданій хранился въ памяти Белецкаго-Носенко, и какую важную услугу онъ могъ бы оказать малорусской этнографіи и исторіи. Подъ старость лѣтъ, благодаря пробудившемуся тогда стремленію къ изученію славянскихъ народностей, Белецкій-Носенко сталъ собирать малорусскія слова и записывать народные обычая, обряды и суевѣрія и, кромѣ мелкихъ замѣтокъ, составилъ довольно капитальные труды: „Лингвистические памятники повѣрій у малороссіянъ“ и „Словарь малороссійскаго или юго-восточнаго русскаго языка“, съ историческимъ предисловиемъ и „Грамматикой малороссійскаго языка“, до насы не дошедшій. Въ предувѣдомленіи къ словарю онъ говоритъ о себѣ слѣдующее: „Живи и служа въ Малороссіи болѣе 40 лѣтъ, я могъ постигнуть духъ народа и языка его, и когда я увидѣлъ на западѣ и юго-западѣ движеніе всѣхъ славянскихъ племенъ возродить свою письменность, я почувствовалъ въ себѣ смѣлость приняться за составленіе частной грамматики и словаря малоруссовъ, какъ языка одного изъ богатѣйшихъ нарѣчій славянскихъ“.

Особенное значение имѣютъ для настъ „Лингвистические памятники повѣрій у малороссиянъ“. Принадлежа по своему воспитанію къ XVIII вѣку, Белецкій-Носенко описываетъ здѣсь не только то, что самъ видѣлъ, но и то, что происходило не за его память; слѣдовательно, его свѣдѣнія о народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и суевѣрияхъ отличаются глубокою стариною, теперь уже вымершою или вымирающею. Въ иныхъ случаяхъ этнографическая его свѣдѣнія еще носятъ отпечатокъ удалаго и безшабашнаго казачества и могутъ служить къ уясненію этнографического элемента въ болѣе раннихъ малорусскихъ произведеніяхъ Квитки-Основяненка, Гоголя, Олексы Стороженка и др. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ труда Белецкаго-Носенка.

„Въ Ивановскую ночь всѣ вѣдьмы, намазавшись сокомъ изъ миной травы *тиричъ*, вылетали сквозь печную трубу, иная на ухватѣ, другая на помель или на лушинѣ отъ воза, другая верхомъ на упыряхъ, и собирались въ Киевѣ на Лысую гору или въ садѣ Кучинскаго совершать оргіи съ бѣсами и вѣдьмами. Когда вѣдьма больна и не можетъѣхать верхомъ, то для спокойной єзды садится въ простую ступу, въ которую впряженъ двухъ упрыей или нетопырей. Когда умираетъ, то не можетъ испустить духъ, доколѣ не взорвутъ надъ нею потолка. Когда она бродитъ въ ночи доить коровъ, распускаетъ свои волосы и наматку и представляетъ бѣлое привидѣніе, отъ котораго всѣ убѣгаютъ или прачутся; собаки съ воемъ и поджатымъ хвостомъ прачутся отъ нея и не смѣютъ на нее бросаться: она знаетъ, какъ ихъ проучить. Въ глазахъ пьяныхъ она превращается въ бѣлую кошку, въ свинью и въ собаку, а чаще въ клѣбокъ, который прямо катится подъ ноги и бѣдныхъ сшибаетъ въ грязные рвы и лужи. Иногда, обмывши больной членъ непочатою водою *трійчи*, *двійчи*, разъ, показываетъ въ мискѣ кровь; она также читаетъ ночью по *зирямъ* (звѣздамъ), какъ дьячекъ псалтирь. Не за нашей памяти вѣрили, что она можетъ превращаться въ дымъ и летать сорокою; огненный змѣй приносить къ ней клады. Говорить, что однѣ бываютъ *родимыя*, у которыхъ есть хвости, и другія *ученыя*, хитры и злые, наученнымъ разславлять о себѣ всякий вздоръ и всегда дѣйствовать отважно, будучи увѣренными, что ихъ всѣ боятся и отъ нихъ бѣрутъ, потому что на нихъ не дѣйствуетъ никакое оружіе, ни дерево, кромѣ осинового, изъ котораго можно сдѣлать тонкую палочку и должно бить не прямо, а на отмакъ назадъ, что не всякий знаетъ, и въ торонахъ очень неловко. Не будучи одарены хвостомъ, онъ не могутъ летать на Лысую гору. Всѣмъ известно, какъ онѣ крадутъ дождь на дно колодязей, и какъ въ засухи собирали всѣхъ старыхъ бабъ въ прошедшемъ столѣтіи не только у насъ въ Малороссіи, но и въ Германіи и во Франціи, и тошили ихъ, чтобы вынудить дождь, или открыть виноватую вѣдьму, которая, будучи

связана за руки и ноги на-крестъ, всплюваетъ непремѣнно, какъ коровай свинаго сала. Вѣдьмы снимаютъ также зирки, перечищають ихъ и опять на небо вставляютъ. За 40 лѣтъ прежде того въ одномъ полковомъ городѣ (Гадячѣ) козаки и жены ихъ среди площади складывали костеръ дровъ, таскали сухой хворость и солому, чтобы сжечь свою полковницу, которая возбудила своею красотою и богатствомъ одѣждъ и уборовъ общую зависть, по доносу нѣсколькихъ бабъ, на сходкѣ у колодца. Основываясь на законѣ того времени— „два козака судять третьяго, а паче громада“, „громада—великій панъ“, бѣшеные бабы принудили своихъ козаковъ, не смотря на могущество и власть своего полковника, осудить на всесожженіе его супругу. Весь городъ взолновался. Несчастный мужъ прибѣгнулъ къ помощи *благочестиваго* (православнаго) соборнаго протоіерея, котораго всѣ боялись и почитали. Старецъ вышелъ къ народу въ церковномъ облаченіи съ крестомъ въ руки; знаменіемъ крестнымъ укротилъ волненіе и сильнымъ поученіемъ погасилъ возгорѣвшійся костеръ. Въ чёмъ же состояло обвиненіе? У гетманши ¹⁾ не было дѣтей. Этому причина была полковница: она сняла зирку, засадила ее въ злекъ (кувшинѣ), заткнула пеленою и такъ закопала въ криницѣ, что подъ горою Никольскаго монастыря".

Около 1800 года Белецкій-Носенко наблюдалъ малороссійскіе свадебные обряды и записалъ нѣкоторые такие, кои могли имѣть мѣсто только въ XVIII вѣкѣ. „Въ городѣ полковомъ,—говорить онъ,—у богатыхъ гражданъ и чиновниковъ совершалось таинство вѣнчанія торжественнѣе: молодыхъ передъ папертью церковною встрѣчали команда пѣшихъ козаковъ съ ружьями, сурначи (трубачи) и дозвѣши съ макрами (литаврщикъ съ литаврами), съ честью. Молодымъ подстилали въ церкви коверъ, на него подъ ноги клали серебряныя деньги, которыя застилали кускомъ шелковой матеріи. По выходѣ изъ церкви, козаки опять отдавали молодымъ честь; сурны и накры и стрѣльба изъ ружей оглашали воздухъ. Зимою, послѣ брачнаго обѣда, въ городахъ, у богатыхъ, устраивали нѣчто въ родѣ маскера. Связываютъ вмѣстѣ нѣсколько *принжалъ* (большихъ полозьевъ), замащиваютъ ихъ досками, застилаютъ коврами, ставятъ накрытые столы съ напитками и скамьи, впряжены нѣсколько паръ воловъ съ позолоченными рогами, у которыхъ на лбу навязаны красныя ленты и пучки барвінку и калины. Гости, переодѣвшись въ разные смѣшные костюмы, садятся на нихъ и

---

¹⁾ Белецкій-Носенко допустилъ анахронизмъ: за 40 лѣтъ передъ тѣмъ не было уже гетмана. Подобное было, по свидѣтельству лѣтописи Самовидца, въ концѣ XVII вѣка, при гетманѣ Самойловичѣ.

съ музыкантами проезжаются по улицамъ: все плашетъ и смеется при стечениі народа“.

„Въ настоящее время вышли изъ употребленія и чуберачки. Въ старинныя времена дѣды наши совершили подъ этимъ названіемъ вакханалии (попойки). Это слово составлено изъ двухъ: чубъ (хохоль, обритая голова) и раки (ползкомъ, подобно раку). Чубе—звательный падежъ, требующій глагола въ повелительномъ наклоненіи: ползай, кланяйся въ поясъ, пресмыкайся. Гуляли такъ: постилали на полу среди комнаты ковръ, ставили чашку съ вареною, т. е. наливкой, сваренной съ медомъ или сахаромъ, съ пряными кореньями; кругомъ чаши ставили кубки и чары. Вся честная компания ложилась на коврѣ съ бахчическими пѣснями, у которыхъ припѣвомъ было: чубе-рачки! Гуляли, плясали и пили до положенія ризъ, какъ тогда выражались, просто на-поварль, потому что тутъ же засыпали и проводили ночь. Были примѣры, что въ такихъ оргіяхъ участвовали и женщины, хотя по выраженію чубе-рачки касалось это только до чубовъ, а не до очипковъ (чепцовъ); но дѣвицы—никогда“.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о малорусскомъ словарѣ П. П. Бѣлецкаго-Носенка или, скорѣе, о предисловіи къ этому словарю. „Я не вносиль въ мой словарь,—говорить авторъ,—тѣхъ словъ, которыхъ принадлежать безъ всякаго различія языку великорусскому и малорусскому, а только тѣ, которыхъ или совершенно отличны, или разнятся произношеніемъ и слѣдовательно правописаніемъ. Я придерживаюсь строгого произношенія обитателей полтавской губерніи и прикоcновенныхъ къ ней кіевской, волынской, подольской, южной части черниговской, екатеринославской, харьковской и проч., какъ по-томковъ древнихъ Полянъ и Угличей. Вотъ причина, почему словарь мой содержить въ себѣ только нѣсколько десятковъ тысячъ словъ“. Исторія малороссійскаго языка можетъ быть раздѣлена на три періода: I) отъ самодревнѣйшихъ временъ до покоренія Киева монголами; II) до присоединенія Южной Россіи къ Польшѣ при великомъ князѣ литовскомъ Ягеллону 1383 гоода и подъ игомъ Польши и унії до славнаго гетмана Богдана Зиновія Хмельницкаго, поддавшагося Россіи въ 1654 году, и наконецъ III) новѣйшій отъ Хмельницкаго до нашихъ временъ.

„Періодъ I. Искони надъ славянами-Полянами, Угличами и другими владѣли Готы, до временъ Эрманариха ихъ короля, котораго побѣдили бичъ Божій Атала, гунискій царь, наложившій дань впослѣдствіи на обѣ римскія имперіи. Отъ владѣній Готеовъ остались въ языкахъ безчисленные лингвистические памятники словъ, необходимыхъ въ просторѣчіи, напримѣръ: плугъ—rugg; хлібъ въ Ульфиловой бібліи—chlaib; гараздъ—garazds; мусити—müsssen; мандровати, вандровати—

wandern; паламарь (пономарь)—palmer; мордовати—mordern, и проч. Когда тѣ же Готы, подъ названіемъ варагорусовъ или норманновъ, положили основаніе русскому государству (въ 862 году), то множество ихъ словъ еще болѣе усвоилось языку Полянъ; а до того вкрадись въ него многія азіатскія выраженія отъ Гунновъ, Козаровъ, Печенеговъ, Касоговъ, Торковъ, Берендейевъ, Черныхъ Клобуковъ и проч., построившихъ города на Днѣпрѣ и Росі, а впослѣдствіи отъ Половцевъ, Монголовъ и Крымцевъ. Вотъ нѣкоторыя изъ очень многихъ азіатскихъ словъ: сарай, амбаръ, башка, базарь, буздыгария, бардахъ, бурдюгъ, кавунъ, гарбузъ, баштанъ, козакъ, гайдамакъ и проч. Со введеніемъ православной вѣры равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ (988 г. по Р.Хр.), съ новыми понятіями явились и новые слова изъ греческаго,—богословскія, догматическія и церковныя. Изъ нихъ многія остались въ испорченномъ видѣ у простаго народа, напримѣръ: бискупій, проскура, пипъ, архипатрика, крутопипъ, калугерь, катавласія, тишикъ, вовкулака (изъ врохулахасъ), крилость, опитемья и проч.

„II Періодъ польско-запорожскій. Запорожцы составили себѣ осо-бое условное нарѣчіе, смѣсь изъ всѣхъ славянскихъ, принявшихъ об-щую опоку (форму) этимологическую славяно-церковнаго. Для оконча-тельныхъ корней отношеній стали превращать разные звуки въ иные, ввели многіе метаплазмы, т. е. усѣченія и вставки, безъ перемѣны значенія, и проч. Такимъ образомъ въ южной Россіи отразилось новое нарѣчіе простонародное, и вошло въ употребленіе говорить: вмѣсто медвѣдь—ведмидь, рыцарь—лыцарь, воробей—горобецъ, монисто—на-мисто, и проч. Къ этому присоединилось еще вліяніе польского и ев-рейско-нѣмецкаго языковъ. Доказательствомъ польского вліянія служать многіе универсалы (грамоты, манифесты) и акты судебные, тогда пи-санные. Здѣсь открылось свободное поле писарямъ (секретарамъ) повѣ-товымъ, полковымъ, войсковымъ, показать сколько можно своей бойко-сти и запестрить свой слогъ польско-латинскими оборотами и словами, чтобы отмѣниться отъ языка поспольства (простонародья). Вкрадось также множество испорченныхъ нѣмецко-жидовскихъ словъ, напримѣръ: кгвалтъ, шинкъ, оренда, ранда, оландарь, лихтарь, мешензъ, пранци-беръ, рахунокъ, талирка, кварта, кербелъ и проч.

„III новѣйшій періодъ отъ Богдана Хмельницкаго (1654) до на-шихъ временъ. Въ это время южно-русскій или малороссійскій языкъ принялъ первобытную чистоту славяно-церковнаго, сроднился съ чи-стымъ россійскимъ, очистился отъ несвойственнаго, испорченного ла-тинизма, смягчился и сдѣлался способнымъ такъ, что на немъ мо-жеть быть выражено все, что есть написано на всѣхъ языкахъ“.

Лингвистические труды П. П. Белецкаго-Носенка представляются для вынѣшнихъ филологовъ наивными и устарѣлыми; но не слѣдуетъ

забывать, что они составлены еще въ 1841—1842 годахъ, и что самъ Белецкій-Носенко по своему воспитанію принадлежитъ къ эпохѣ царствованія Екатерины II.

3.

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій ¹⁾.

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій (1790—1865 г.), сынъ священника, родился 16 января, 1790 года въ м. Смѣлой, черкасскаго уѣзда, киевской губерніи. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича во время своего студенчества, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него неразъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла принадлежала еще Шольшѣ, отличался горячою привязанностью къ Россіи, за то, что въ 1789 году, во время смуты, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны полковъ. Въ память этого события, старикъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которымъ его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню, виѣсть съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ послѣ смерти отца этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, при чёмъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образование въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ киевскую академію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большаго пожара (1811 г.), который истребилъ чуть не половину Киева, дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузовыми корками, которая онъ собиралъ на базарной площади. Въ киевской академіи Артемовскій не окончилъ курса, по случаю закрытія ея предъ преобразованіемъ въ 1819' году, и въ 1817 г. перешелъ въ харьковскій университетъ, попечителемъ котораго состоялъ польскіймагнатъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Здѣсь Артемовскій записался вольнослушателемъ университетскихъ лекцій и въ тоже время опредѣлился препо-

¹⁾ Источники указаны въ „Покажчикѣ нової української літератури“ М. Комарова, Кіевъ, 1883 г. Къ нимъ можно прибавить еще: „Справочникъ словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, Геннади, т. I, Берлинъ, 1876 г., стр. 47, и брошюру Д. Мордовцева „За крашанку писанка“, С.-Петербургъ, 1882 года, стр. 12, гдѣ приводится отрывокъ изъ одного стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго.

давателемъ польского языка. Въ 1818 году онъ является преподавателемъ въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а съ 1820 года читаетъ въ университетѣ лекціи русской исторіи, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ выдержалъ кандидатскій и затѣмъ магистерскій экзаменъ, защитивъ въ 1821 году диссертацио „О пользѣ исторіи всеобщей и преимущественно отечественной и о способѣ преподаванія послѣдней“. Въ январѣ 1823 года онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ, чemu будто бы обязанъ былъ своей институтской службѣ. Съ 1831 года Артемовскій былъ инспекторомъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, а съ 8 декабря 1841 года, до выхода въ отставку въ 1849 году, и ректоромъ университета. За это время г. де-Пуле представляетъ его намъ какъ плохаго профессора, представителя чиновной, казенной учености, которою онъ импонировалъ вездѣ и всюду, и на администрацію, и на все тогдашнее харьковское общество. Но оставивъ университетъ по поводу непріятной исторіи съ однимъ студентомъ-грузиномъ, Артемовскій не оставлялъ института; въ началѣ 1854 года онъ производить экзаменъ въ полтавскомъ институтѣ. Артемовскій умеръ въ 1865 году.

Кромѣ магистерской своей диссертациі, П. П. Гулакъ-Артемовскій напечаталъ: рѣчъ при открытии курса его, во 2 № „Украинскаго Вѣстника“, за 1819 годъ; рѣчъ 1 сентября 1828 года отдѣльной брошюрою, и диссертацио De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis, 1827 года. Но въ область литературной исторіи онъ входитъ своими стихотвореніями, которыхъ насчитывается свыше сорока.

Первые его стихотворенія были писаны на русскомъ языке и помѣщались въ „Украинскомъ Вѣстнике“ за 1817 годъ. Это были переводы съ иностранного на русскій языкъ, какъ напримѣръ: „Осляпленіе смертныхъ“, изъ Жанть-Жака Руссо, „Мученіе Сатаны при возврѣніи на Эдемъ“, изъ Мильтонова „Потеряннаго раа“ и „Пророчество Йода“ изъ Расиновой „Гоеоліи“. Но не смотря на то, что переводъ этихъ произведеній былъ вольный, языкъ его отличается напыщенностью и тяжеловатостью. Вотъ какъ, напримѣръ, Артемовскій начинаетъ свой переводъ „Пророчества Йода“:

Но что? куда мой духъ смущенный воспаряетъ?
Какой священный страхъ составъ мой потрясаетъ?
Не духъ ли Еговы, во образѣ огня
Объемля грудь мою, вдругъ озарилъ меня?

Гулакъ-Артемовскій и самъ чувствовалъ неуклюжесть своихъ переводовъ и задавался вопросомъ объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ чистому русскому въ литературныхъ произведеніяхъ. Посыпая „Пророчество Йода“ въ „Украинскій Вѣстникъ“, онъ писалъ издателямъ его слѣдующее: „Вы мнѣ скажете, что въ сей писѣ есть

много славянскихъ выраженийъ. Это правда. Но мнѣ казалось, что въ подобныхъ случаяхъ онъ неизбѣжны, и не взирая на нынѣшнія усиленія замѣнить ихъ чистымъ русскимъ языкомъ, я осмѣливаюсь предполагать, что или изгнаніе славянскаго языка изъ круга нашей словесности (разумѣется, въ духовныхъ материалахъ) не принадлежитъ нашему вѣку, или заставить вѣкъ нашъ жалѣть объ изгнаніи оного. Одно только время можетъ пріучить народное ухо съ такимъ же благоговѣніемъ слушать пророковъ, говорящихъ по-русски, съ какимъ оно внимаетъ имъ, выражающимъ высокія, божественные и таинственные истины на славянскомъ языке¹⁾). Очевидно, въ этихъ словахъ выразилось колебаніе автора между шишковцами и карамзинистами. Съ дѣтства привыкнувъ къ украинской рѣчи и воспитавшись на церковно-славянскихъ книгахъ, Артемовскій не могъ хорошо владѣть живою литературною рѣчью русской и всегда отличался напыщенностью и высокопарностію своихъ выражений на русскомъ языке, а потому въ приведенномъ письмѣ, повидимому, склонился на сторону шишковцевъ и считалъ необходимымъ участіе церковно-славянского языка въ литературной рѣчи. Но скоро, даже въ томъ же 1817 году, онъ началъ писать свои малоруссікіе стихи, которые были прямымъ осуществлениемъ правила карамзинистовъ „писать какъ говорять, и говорить какъ пишутъ“, въ примѣненіи этого правила въ украинской литературѣ. Эти-то малоруссікіе стихи, печатавшіеся въ „Украинскомъ Вѣстнику“, „Славянинѣ“ 1827 г. и „Утренній Звѣздѣ“ 1834 г., собственно и доставили Артемовскому литературную его славу. Они пріобрѣли чрезвычайную популярность,—и можно встрѣтить много малороссовъ, знающихъ большую часть ихъ наизустъ. „Артемовскій-Гулакъ,—по словамъ Н. И. Костомарова,—былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малоруссікіхъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ“.

Изъ малоруссікіхъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія: 1) Справжня добристъ (до Грицька Основѧненка), 17 сентября 1817 года; 2) Пань та собака (казка), 2 декабря, 1818 г., съ эпилогомъ изъ польскаго писателя Красицкаго: Pies szczekal na złodzieja, całę nos się trudnił; 3) Супплика до Грицька Основѧненка, при посыпкѣ ему казкі „Пань та собака“; 4) Солопій та Хавря, або горохъ при дорозі (казка), 25 сентября,

1) „Украинскій Вѣстникъ“. 1817 г., стр. 224 и сл.

1819 г.; 5) Тюхтій та Чванько (подбрехенька), 1 ноября, 1819 г.; 6) Де-що про того Гараська (Гораций), 2 ноября 1819 года; 7) Три приказки: „Ликарь и здоровье“, „Цикавий и Мовчунъ“ и „Дурень и Розумный“, 1 декабря 1820 г.; 8) Твердовский, малороссийская баллада, напечатанная въ 1827 году; 9) Рибалка (баллада), съ эпилогомъ изъ Гете, 26 октября 1827 г.; 10) Батько та синъ, 29 октября 1827 г.; 11) Дві пташкі в клітці, 1 ноября 1827 г.; 12) Пліточка (байка), 4 ноября 1827 года; 13) До Пархіма, два посланія, 4 и 5 ноября 1827 14) Расказініе Охрима (до Грицька Основ'яненка), съ эпилогомъ изъ Гораций, 26 февраля 1828 г.; 15) До Терешка, съ эпилогомъ изъ Гораций, 1831 г.; 16) До Грицька Основ'яненка, съ эпилогомъ изъ Гораций, 20 февраля 1832 г.; 17) До Любки, съ эпилогомъ изъ Гораций, 16 марта 1856 г., переведенное Фетомъ на русскій языкъ; 18) Текла річка невеличка,—стихи, переложенные на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ († 1883 г.), неизвестного года; 19) Упадокъ вѣка, съ эпилогомъ изъ Лермонтова „печально а гляжу на наше поколѣнїе“, 24 марта 1856 г., и 20) стихи П. А. Кулишу, писанные незадолго передъ смертью.

Мысль примѣнить карамзинское правило къ украинской рѣчи, вѣроятно, навѣяна была Гулаку-Артемовскому не одними впечатлѣніями его дѣтства, но и примѣромъ Котляревского, написавшаго свою пародированную „Энеиду“ украинской рѣчью. Литературное родство Гулака-Артемовскаго съ Котляревскимъ признаютъ почти всѣ украинскіе критики, хотя и отдаютъ предпочтеніе первому изъ этихъ писателей. „Подобно Котляревскому,—говорить Костомаровъ,—и Гулакъ-Артемовскій сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить, и началъ пародіями на оды Гораций, приспособленіе возврѣнія римскаго поэта къ понятіямъ малорусскихъ поселянъ“. Гулака-Артемовскаго „ставятъ въ числѣ подражателей Котляревскаго,—говорить г. Чуприна,—и указываютъ на единственную его пьесу *Рыбалка* Гете, какъ на исключеніе, не поддающее подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремлениемъ къ пародіи. Дѣйствительно, нельзѧ сказать, чтобы произведения Гулака-Артемовскаго были совершенно чужды пародіи; но она является болѣе виѣшнимъ образомъ, какъ форма: содержаніе уже измѣнилось, и стоитъ только сравнить перелицованную „Энеиду“ Котляревскаго съ передѣлками Горациевыхъ сатиръ г. Артемовскаго, чтобы увидѣть всю разницу между ними. По нашему мнѣнію,— продолжаетъ Чуприна,—въ ходѣ украинской литературы произведенія Гулака-Артемовскаго представляютъ значительный шагъ впередъ. Правда, что заключенные въ тѣсномъ кругу переводовъ или передѣлокъ изъ древнихъ писателей, они не были богаты внутреннимъ содержаніемъ и не представляли ничего полнаго, художественнаго; но вы

не встрѣтите въ нихъ ни одной черты, которая бы могла обличить ихъ немалороссійское происхождение. Подъ бойкимъ перомъ его, какъ бы наперекоръ историческимъ условіямъ, латинскій нарядъ пришелся по вкусу малороссійской литературѣ: она въ немъ немного странна на первый взглядъ съ ея философскими увѣщеніями оставить жизнь и смерть въ покой, да подумать о томъ, есть ли горѣлка, (съ ея забавными шутками; но все это искренно и чуждо циническихъ продѣлокъ предшествовавшей пародіи и такъ согласно съ малороссійскимъ народнымъ характеромъ, что нельзя отказать въ особенномъ значеніи передѣлкамъ г. Гулака-Артемовскаго и не признать ихъ въ тѣсномъ смыслѣ народными". Въ примѣръ подобныхъ переложеній язъ Гораций, приведемъ пьесу г. Артемовскаго „До Пархіма“:

Пархиме! въ щасти не брыкай!
Въ нудьзи прытъмъ не лизъ до неба,
Людей пытай—свій розумъ май;
Якъ не мудрый, а вмерты треба!
Чы каратаешъ викъ въ журби,
Чы то за поставцемъ горилки
Въ шынку наризуютъ тоби
Цымбалы, кобзы и сопилка,
Чы пьяный пидъ тыномъ хропешъ,
Чы до господы лизешъ рачки
И жинку макогономъ бъешь,
Чы самъ товчесся на вкулачки;
Оры и засивай ланы,
Косы широки перелогы,
И грошики за баштаны
Лупы,—та все одынешъ ногы,
Покинешъ все—стижки й скырты,
Вси ласонцы—паслинъ, цыбулю;
Загарба иишилъ все, а ты
Ззисы за гирку працу дулю...
Чы соцькимъ батько твой въ сели,
Чы самъ на панщыни праце,—
А смерть зринане всіхъ въ земли:
Ни зъ кымъ скажена не жартуе...
„Чы читъ, чи лышка?“ загука.
Ты крикнешъ: чимъ!—„Ба, брешешъ, сыну!“
Озвѣтца пашлюга зъ кутка,
Та й здунить зъ печи въ домовыну.

Слѣди подражанія Котляревскому г. Кулешъ видѣть даже въ басняхъ Гулака-Артемовскаго, считающихся болѣе самостоятельными и

лучшими его произведениями, и даже указывает въ нихъ почти буквальное заимствование изъ „Энеиды“ Котляревского. Басня „Пань та Собака“ у Гулака-Артемовского начинается такъ:

На землю злиза ничъ... нигде а ни шышырхне,
Хыба то де-куды криз сонъ що-небудь пырхне.
Хочъ въ око стрель соби—такъ темно на двори!
Углався мисаць спать; нема а ни зори,
И ледви крадъкома яка маленька зирка
Зъ-за хмары выглане, неначе мышъ въ засѣка.

Эти стихи написаны такимъ же тонаическимъ размѣромъ, какъ и „Энеида“ Котляревского, и имѣютъ почти буквальное сходство съ слѣдующими стихами послѣдней:

Якъ тілько та сумрачна, темна
Изъ неба зліза чорна пічъ,
Година жъ стала дуже певна,
Якъ повтікали зірки прічъ...

Но, состоя въ литературномъ родствѣ съ авторомъ перелицованной „Энеиды“, Артемовскій, „не смотря на то,—говорить Кулишъ,—одной ужъ темой первого (?) своего печатного произведения („Пань та Собака“) придалъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ Артемовскаго-Гулака также далеко чище и разнообразнѣе языка Котляревского. Даже смѣшное у него является уже не въ карикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнное ни во что усердіе Рябка смѣшить насть, не оскорбляя нашегоуваженія къ личности, заключенной въ его собачью шкуру; да и самъ авторъ ужъ далекъ отъ смѣха Котляревского; каждая черта въ его юмористической живописи имѣеть внутренній смыслъ, который придается ею смѣху достоинство благородной сатиры. И при этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету“.

Не отрицая вліянія „Энеиды“ Котляревского на басни Гулака-Артемовского, по крайней мѣрѣ съ вѣнчаній ихъ стороны и языка,—мы, однако, имѣемъ основаніе полагать, что едва ли не болѣе сильное вліяніе на эти басни имѣла польская литература, которая была ему известна, какъ преподавателю польского языка въ харьковскомъ университѣтѣ, и именно сочиненія Красицкаго (1735—1801 г.). Изъ его сочиненій Гулакъ-Артемовскій взялъ эпилогъ къ своей баснѣ „Пань та Собака“, приведенный нами выше, который однако же не помѣщается въ печатныхъ изданіяхъ ея. Не смотря на свой епископскій санъ, Красицкій былъ ревностный приверженецъ той философіи XVIII столѣтія, которая, затѣявъ войну на-смерть со средними вѣками и вѣруя въ силу разума и въ свободу человѣка, мечтала о радикальномъ преобразованіи

всего человѣчества, безъ крови и насилия, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Онъ содѣйствовалъ успѣхамъ этой философіи больше, чѣмъ всѣ остальные современные ему польскіе писатели, вмѣстѣ взятые. Красицкій сначала пробовалъ себя въ героическомъ эпосѣ, но неудачно. Гораздо лучше героического удался ему эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или заимствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума, и по духу времени, занятаго разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла разыграться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаця на необыкновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ шутливыхъ эпическихъ произведеній принадлежать три поэмы: „Мышелда“, „Монахомахія“ или война монаховъ и „Антимонахомахія“. Въ полнѣйшемъ же блескѣ сатирическій талантъ Красицкаго выражался въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которая исполнены тонкой скептической ироніи въ отношеніи къ тѣмъ вѣкамъ варварства и суевѣрія, когда „лавники съ бурмистромъ жгли вѣдьмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старости, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ виновности, опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ дитяти зароки, когда чортъ плясалъ нѣмчикомъ на развалившейся башнѣ, когда свирѣпствовала колтунь вслѣдствіе чарованій и болтали по-французски бѣснующіеся бабы или, чихая на папертихъ церквей по св. мѣстамъ, наводили неисповѣдимый страхъ на жителей“. Но, по отзыву г. Спасовича, „элегантная сатира Красицкаго была самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, носить пудру и манжеты и невиннымъ образомъ подсмѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка“¹⁾.

Мы достали только сатиры Красицкаго въ изданіи 1779 года, и хотя не нашли здѣсь его стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемонскаго „Панъ та Собака“, но за то нашли сатиру подъ заглавиемъ „Pan piewart slugi“, совпадающую содержаніемъ своимъ съ этой баснею. Въ этой сатирѣ, между прочимъ, изображается панъ Мацѣй, выскочившій изъ пана изъ лакеевъ и жестоко обращающійся со своимъ слугой Мартыномъ, „Спитъ его милость въ полдень, хоть и не трудился,—говорить сатира; не спить Мартынъ, всю ночь не смыкаль и глазъ: пана можно и нисколько не вредитъ имъ, хоть немножко не годится для бѣдной челяди. Проснулся его милость; Мартынъ слышаль это, усердно возится, хочетъ какъ можно лучше угодить. Напрасное

1) „Исторія славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, т. II, Спб., 1881 г., стр. 563—572.

старanie! Кто же угодитъ панамъ? Какъ легъ, такъ и всталъ недоволенъ его милость господинъ: все ему не по вкусу; ночь проигралъ въ карты; все худо, проигрался, вчера заложилъ клейноты. Пришелъ купецъ съ роспиской; напоминаетъ срокъ; нужно отдать, а нечѣмъ; сто нагаекъ Мартыну! Онъ плачетъ въ уголку, рыдаетъ; послѣ нагаекъ спрятался, а далѣе—въ другой разъ—вдвойнѣ, почему не благодарили! Онъ благодарить и плачетъ; панъ за это разсердился, и Мартыну не пришлось бы послѣ другихъ нагаекъ получить и третью. Несчастные вы, служащіе игрушкой для злости палачей вашихъ, а не пановъ! Скоты по работѣ, а слуги по названію! И плакать вамъ нельзя, а говорить—еще хуже! Тѣмъ скорѣе придется за словомъ жестокая месть ²⁾. Тотъ же слуга Мартынъ является и у Гулака-Артемовскаго, только въ собачьей шкурѣ. Въ его баснѣ „Панъ та Собака“ разсказывается о дворовой собакѣ Рябѣ, которая всю ночь стерегла господское добро и безустанно лаяла, но, вместо ожидаемой награды за усердіе, была больно выбита по приказанію своего господина, который проигрался въ эту ночь въ карты и поутру не могъ заснуть будто бы отъ лая Рябка. Послѣ побоевъ Рябко забрался въ уголокъ и пересталъ по ночамъ лаять, чтобы не будить барина, и опять попался въ бѣду: онъ допустилъ воровъ обокрасть дворъ и выбить былъ еще болыне.

Чорты бѣ убывъ твого, Явтухъ, зъ панами батька

И дядыну, и дядька

За ласку ихъ! сказавъ Рябко туть на-одризъ.

Нехай имъ служыть бильшъ рабый въ болоти-бись!

Той дурень, кто дурнымъ иде панамъ служыты,

А бильшый дурень—хто имъ дума угодыти!

Годывъ Рябко имъ, мовъ болачци й чыраку,

А що жъ за те Рябку?

Саку мать та таку!

А до того ище споролы батогами,

А за выслугу палюгами,

Чы гавкае Рябко, чы мовчы спыть,

Все выпада—такы Рябка прытъмомъ побыть...

Зъ ледачымъ все бида: хочъ верть-крутъ, хочъ круть-верть;

Винъ, найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

Въ свое время басня „Панъ та Собака“ вызвала довольно удачную пародированную эпиграмму въ „Телеграфѣ“ Полеваго, которая гласитъ такъ:

Пускай въ Зоилѣ сердце ноеть,—

Онъ Артемовскому вреда не принесеть:

1) Satyry. Warszawa, 1779, kart. 96—97.

Рябко хвостомъ его прикроетъ

И въ храмъ беземертья унесеть.

Г. де-Пуле передаетъ, что Гулакъ-Артемовскій никакъ не могъ простить Полевому этого четверостишія и на своихъ университетскихъ лекціяхъ старался вточтать въ грязь его „Исторію русскаго народа“. Между тѣмъ, это четверостишіе дѣйствительно было пророчественнымъ. Послѣдующее поколѣніе выше всего цѣнило басню Артемовскаго „Панъ та Собака“ и на ней особенно основывало литературную славу ея автора. „Изъ нѣсколькоихъ басенъ, написанныхъ имъ,—говорить Н. И. Костомаровъ,—„Панъ та Собака“, по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что она выражаетъ болѣзньное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволъ крѣпостничества“. „Сцены дикаго произвола,—говорить Кулишъ,—подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечатлѣніе на благороднѣйшія натуры: иначе, эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія“.

Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны уменьшить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польского оригинала. Заслуга Артемовскаго состоить развѣ въ томъ только, что онъ сообщилъ этой баснѣ народный украинскій колоритъ и явился съ нею весьма кстати. Въ то время въ Россіи, въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ, подняты былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Многіе тогда стояли за крѣпостничество и между ними нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ. Мы видѣли, какъ Белецкій-Носенко, самъ владѣвшій крестьянами и „будучи подстрекаемъ благодѣстью мужей отличнѣйшихъ“, доказывалъ пользу крѣпостничества политическими соображеніями. Но Гулакъ-Артемовскій не былъ помѣщикомъ, не имѣлъ интереса защищать крѣпостничество и дѣйствительно направилъ свою басню противъ злоупотребленій крѣпостныхъ правомъ. А для этого все-таки нужно было гражданское мужество, свидѣтельствующее о твердости и благородствѣ души нашего автора.

Согласно съ общимъ направленіемъ сатирическихъ сочиненій Красицкаго написана и другая басня Гулака Артемовскаго—„Солопій та Хивра, або горохъ при дорозі“. Содержаніе ея слѣдующее. Солопій добылъ весною гороху и совсѣмъ забылъ о жене своей Хиврею, что дѣлать съ горохомъ,—продать ли его, или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, насчетъ этого разошлись во мнѣніяхъ: Хивра совсѣмъ забыла посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать его понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ

нибудь вдали отъ дороги, за пашнею. На первый разъ онъ, однако, уступилъ женѣ и, не смотря на убыль отъ ребятишекъ, все таки получилъ пять мѣшковъ гороху чистой прибыли; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако, на селѣ все таки узнали, гдѣ Солопій посѣялъ горохъ, стали ходить туда черезъ пшеницу и рожь и совершенно смили ихъ. У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, и онъ пошелъ съ торбовою по-міру Басня заключается такимъ нравоученiemъ:

Послушайте мене, вы вси Солопії,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зпа надъ чымъ морочите до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчать, намъ класти кошенята,
Якъ груши на верби и дули вамъ ростутъ;
Якъ исты дазьбига, та ще й гладкими буть;
Якъ локшины варить для війска изъ паперу,
Якъ квашу намъ робить зъ чернила и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часникомъ,
Якъ кохви пить панамъ зъ квасоли зъ бураками;
Якъ нивы засиватъ безъ симъя кизяками,
Якъ сино намъ перомъ косить, якъ киньми жать,
Щобъ людямъ и сніпка не дать на заробитоѣ
И птащи ни зерна погодовать дитокъ...
Заплюйте лышъ ою, скажени вы, брехню.
Де треба руки трити, тамъ треба и оиню!
Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесами;
А якъ на землю злизъ, — пишовъ въ старци съ торбами!..

Г. Кулишъ не очень высоко цѣнить эту сказку Гулака-Артемовскаго и замѣчаетъ, что она имѣеть общій смыслъ, заключающійся въ недовѣріи тогдашняго провинціального общества къ новѣйшимъ способамъ жизни. Пиша по-украински, Гулакъ-Артемовскій необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Но намъ кажется, что какъ эта сказка, такъ и большая часть произведеній Гулака-Артемовскаго писаны на извѣстные случаи и явленія, между дѣломъ. Этимъ объясняется ихъ малочисленность и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ живой, индивидуальный характеръ. Басня „Солопій та Хиця“, по нашему мнѣнію, имѣеть ближайшее и непосредственное отношеніе къ „Филотехническому обществу домоводства“, учрежденному въ Харьковѣ въ 1811 году по мысли и старанію В. Н. Каразина и существовавшему до 1818 года. Оно имѣло задачею своею „распространять и усовершать всѣ виды досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Российской имперіи“. Самъ В. Н. Каразинъ, душа этого

общества, занимался улучшениемъ и упрощениемъ селитроваренія, винокуренія, кожевенного производства, сушенія плодовъ по новому, имъ придуманному способу,— теплотою водяныхъ паровъ, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водяночка, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минераллами, выращиваніемъ у себя иностранныхъ житъ, опытами упакованія своихъ полей, проектами новыхъ хлѣбныхъ хранилищъ, нового изобрѣтеннаго имъ украинскаго овина, усовершенствованнаго имъ китайскаго молотильного катка и опытомъ въ собраніи общества надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вокругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ мясными консервами. Онъ дѣлалъ также опыты надъ превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя и въ 1813 году предлагалъ русской арміи поставку питательной вытяжки, родъ сухаго бульона, на что почти прямо указываетъ Гулакъ-Артемовскій словами:

Якъ локшину варить для війска изъ паперу.

Вообще, каждая бойкая мысль о приложении научныхъ открытий къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила свое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывалъ, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него собственные деньги и своими затѣями постепенно разстраивалъ свои хозяйственныя дѣла¹⁾. Поэтому во всей силѣ къ нему должны быть отнесены заключительныя слова басни Гулака-Артемовскаго:

Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесами;

А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбами!

Доселѣ мы рассматривали стихотворенія Гулака-Артемовскаго, вращающіяся въ области классицизма, преимущественно шутливаго и сатирическаго характера. Но Артемовскій имѣть значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма. Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнейшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрагивающій лучшія стороны человѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго и вызвалъ въ его поэзіи новые струны, болѣе задушевныя и симпатичныя. Въ этомъ отношеніи Гулакъ-Артемовскій из-

---

1) „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 года, стр. 133, 140 и сл.

въстенъ на мъ своими переводами и передѣлками изъ Мицкевича, Лермонтова и Гёте въ самостоятельными стихотвореніями въ романтическомъ духѣ.

Впрочемъ, нѣкоторые опыты Гулака-Артемовскаго въ романтическомъ направлениі не были совершенно чужды нѣкотораго рода балагурства и пародіи, хотя послѣдняя и является болѣе вышнимъ образомъ, какъ форма. Мы разумѣемъ здѣсь его переводъ баллады Мицкевича „Панъ Твардовскій“ и передѣлку думы Лермонтова: „Печально я гляжу на наше поколѣніе“. Баллада Мицкевича уже сама по себѣ заключала долю комического элемента и въ переводѣ Гулака-Артемовскаго получаетъ только сильный украинскій оттѣновъ. „Предметъ ея,— говоритъ г. Костомаровъ,—тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій вариантъ отличается большою образностью и народнымъ комизмомъ, чѣмъ польскій“. Иначе хотѣлъ поступить Артемовскій съ думою Лермонтова и думалъ написать только пародію на нее; но онъ не могъ измѣнить основнаго ея тона, и потому его пародія мѣстами превращается въ грустную иронію. Въ своей пародированной думѣ „Упадокъ вѣка“ Гулакъ-Артемовскій комически-печально смотритъ на теперешнее поколѣніе людей, которые не пьютъ горѣлки, какъ пили отцы и дѣды ихъ, слабосильны, болѣзнивы и неспособны къ серьезному труду и домовитости.

З похмілля нудяться, ідять за горобця,
Об Семені дрижать, об Петрі зранку мліють;
А скопить трясця... гвалтъ! покличте панотця!
Хай сповіда!.. притъмомъ конають и дублють!

Но заключительные стихи этой пародированной думы, за исключениемъ развѣ нѣкоторыхъ выраженій, такого рода, что они нисколько не нарушили бы общаго впечатлѣнія, производимаго „Думой“ Лермонтова:

И марно як жили, такъ марно и помрутъ,
Як ті на яблуни червиві скороспілки,
Що рано одцвіли, та рано й опадуть;
Ніхто по іх душі та й не лизне горілки.
И років через сто на цвинтарь прииде внукъ,
Де грішни кости іх в одну копицю сперли;
Поверне череп іх, та в лоб ногою—стукъ!
Та й скаже: „як жили, так дурнами и вмерли!“

Но щъ чистѣйшимъ звукамъ романтизма въ поэзіи Гулака-Артемовскаго относится переводъ его Гётевої баллады „Рыбакъ“. „Это—безспорно лучшее произведение г. Артемовскаго,—говорить г. Чуприна: оно сдѣлало-бы честь любому изъ малороссійскихъ писателей. Особо-

бенно замечательна здѣсь та свободная гибкость стиха, съ какою авторъ передаетъ трудности нѣмецкаго произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ— большой мастеръ своего дѣла, и то, что на языкѣ другаго явилось бы непремѣнно въ простонародной одеждѣ, у него получаетъ простую, но изящную форму". Приводимъ здѣсь саму балладу въ переводе Гулака-Артемовскаго:

Вода шумыть!.. вода гула!..
На берези Рыбалка молоденький
На поплавець глядѣть и прымовля:
Ловитца, рыбоньки, вѣлыки и маленьки!

Що рыбка смыкъ, то сердце тѣхъ!..
Серденько щось Рыбалочци вишуе:
Чы то тугу, чы то переполохъ,
Чы то коханничко?.. Не зна винъ, а сумуе.

Сумуе винъ, ажъ ось реве!
Ажъ ось гуде! и хвyllя утикае!..
Ажъ—гулькъ!.. Эъ воды дивчинонька плыве,
И косу счисуе, и бриквами моргае...

Вона й морга, вона й кива:
„Гей! гей! не надъ, Рыбалка молоденький,
На зрадный гакъ ни щуки, ни лына!..
На що ты нивечышь мий рідъ и цлідъ любенъкъ?

Колы бъ ты знатъ, якъ Рыбалкамъ
У мори жить изъ рыбками гарненько,
Ты бъ самъ пирнувъ на дно къ лынамъ
И парубоцькое оддавъ бы намъ серденъко.

Ты жъ бачышъ самъ, не скажешъ: ни,—
Якъ сонечко и мисаць червоненъкъ
Хлюпощутца у насть въ воли на дни
И изъ воды на свить выходять веселеньки!

Ты жъ бачышъ самъ, якъ въ темну ничъ—
Быщать у насть зироньки пидъ водомъ;
Ходы жъ до насть, покинь ту удку причъ!
Зо иною будешъ жить, якъ братъ живе зъ сестрою.

Зирны сюды!.. чы се жъ вода?..
Се дзеркало: глянь на свою уроду!.

Ой, я не за тымъ прыйшла сюды,
Щобъ намовлять тъ воды на парубка незгоду!“

Вода шумить!.. вода гуде!..
И ниженъки по кисточки зайнае!..
Рыбалка вставъ, Рыбалка йде,
То спиньтия, то впять все глыбшенько пирнае!..

Вона жъ морга, вона й спива...
Гулькъ!.. приснули на снинъ мори скалки!..
Рыбалка хлюпъ!.. За нымъ шубовстъ вона!..
И бильше вже нигде не бачили Рыбалки!

Было время, когда эту переводную балладу Артемовского считали исключениемъ, не подходящимъ подъ общій характеръ его произведеній, которых будто бы вообще отличаются стремлениемъ къ пародіи. Но такъ думали при жизни автора, когда еще не завершился и не опредѣлился весь кругъ его стихотвореній, которых, притомъ же, онъ печаталъ весьма неохотно и рѣдко. Теперь мы можемъ указать и другія стихотворенія Гулака-Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего заключается насмѣшка и пародія и которыхъ по тону своему ближе всего подходятъ къ его балладѣ „Рыбалкѣ“. Таковы его стихотворенія: „Справжня Добрість“—посланіе къ Квіткѣ; „Дві пташки въ клітці“; „Пліточка“; „До Любки“, и пѣсня „Текла річка невеличка“.

Не знаємъ, по какому поводу написано посланіе къ Квіткѣ, подъ заглавіемъ „Справжня Добрість“; но по содержанию этой пьесы можно заключить, что она служила какъ бы одобреніемъ Квіткѣ, оставившему монастырскую жизнь, и старалась доказать, что истинная доброта возможна и въ мірской жизни, при гармоническомъ сочетаніи людскихъ ваклонностей и страстей.

Хто Добрість, Грицьку, намъ намалевавъ плаксиву,
Понуру, мов чернець турецкій, и сопливу,
Той далебі—що москаля підвіз;
Той Добрісти не зна, не бачив и не чуе,
Не пендзлем той ії, але квачем малює;
Той Добрість обікрав. Не любить Добрість сліз;
Вона на всіх гладить так гарно й веселенько,
Як дівка, од свого идути панотця
    До церкви до вінца,
Гладить на парубка, мов ясочки, пильненько
Не квасить Добрість губъ, бо изъ ії очей
    Палає ласка до людей.
Вона регоче там, де и другі регочуть;

Сокоче, без брехні, де и други сокочуть,
И не цураєтца гульні и вечериць,
Чорнявеньких дивчат и круглих молодиць.
Вона й до милого пригорнетца по-волі,
Та ба! та не дає рукам свавильним волі.
Вона й горіочки ряди—вгоди хлісне,
Та носом—мов свиня—по улиці не рие,
По соромицькому не кобинить, не вие,
Під лавкою в шинку—мов, цуцик—не засне.

Вона, де треба, пожартує,
Та з глузdom жарти всі и з розумом миркує...

Въ другомъ мѣстѣ пьесы говорится:

По сemu ж, Грицьку, тут и Добрість пізнають:
Клеймо ій—канчукі, імення ій—терпінна;
Хто іх не коштував, нехай не жде спасіння;
Того нехай поміж сватими не кладуть!

Такъ и кажется, что въ этой характеристицѣ доброты у Артемовскаго представленъ первообразъ женскихъ типовъ въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки-Основяненка, его Марусь, Оксанъ, Ганусь и проч.

Въ баснѣ „Пліточка“ маленькая плотичка жаловалась на судьбу за то, что слопимъ ротикомъ не можетъ захватить червячка, надѣтаго на уду. Шука схватила червячка и виѣстѣ съ нимъ очутилась на судѣ. Плотичка испугалась—

И бильшъ не скажилася на долю пліточокъ
За ласенъкій на удочки шматокъ:
Що Богъ пославъ, чи то багато, чи то трошки—
Въ кущирь залиши, ила мовчки.

Въ другой баснѣ „Дві яташкі въ кlyтцї“ старый снігирь упрекаетъ молодаго за то, что онъ имѣеть всего вдоволь, и сїмечка, и проса, и ішеници, и все таки нарекаетъ на свою долю.

„Ой, дадьку, не глузуй!“ озвався молодой.
Не дарма и журюсь и сізонъкай винявлюсь,
Не дарма и присъця и сімъзачка цураюсь!
Ти рад пожарі сїй, бо зрас в нїй и вродилася—
Я ж вільний був, тепер в неволі опинився!“

Стихотвореніе „До Любки“ написано, вѣроятно, на какой либо случай изъ семейной жизни и избѣжными красками изображаетъ невинную застѣнчивость девушки-невѣсты или новобрачной:

На що ты, Любочко, козацьке серце сушиш?
Чого, як кіzonька маменька та в бору,
Що, чи то піжкою сухенькай лист зворушить,
Чи вітерець шепче, чи жовна де кору

На липі подовбе, чи ящирка зелена
Зашелестить въ кущі,—вона, мов тороплена,
Дрижитъ, жахаетца, за матірью втіка:
Чого ж, як та, и ти жахливая така?
Як зуздиш, то й дріжиш! себе й мене лякаеш!
Чи я до тебе,—ти як від мари втікаеш!
Та я-ж не вовкулак, та й не медвідь-бортник
З Литви; вподобав я не з тим твою уроду,
Щоб долею вертіть твоєю сяк и так
И славу накликать на тебе и незгоду!
Ой час-бы дівчині дівоцьку думку матъ:
Не вік же ягоді на гільці червоніти,
Не вік при матері и дівці дівовать..
Ой час теляточко від матки одлучити..

Какъ одно изъ лучшихъ произведений Гулака-Артемовскаго, это стихотвореніе переведено г. Фетомъ на русскій языкъ.

Въроатио, по поводу какого либо семейнаго событія написана Артемовскимъ и слѣдующая граціозная п'есенка:

Текла річка невеличка
Та й поняласъ моремъ;
Була радість хоч на старість,
Та й узяласъ горемъ.

Нема пташки-полінашки,
Нема й співів рідних;
Полетіла, не схотіла
Тішити насъ бідних.

Эта п'есня переложена была на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ.

Въ произведеніяхъ послѣднаго рода Гулакъ-Артемовскій является передовымъ дѣятелемъ украинской литературы и пролагаетъ въ ней путь новому романтическому направленію. Къ его послѣдователямъ въ этомъ отношеніи принадлежатъ К. Думитрашковъ, Л. Боровиковскій, отчасти Квитка-Основьяненко и другіе.

4.

Константи́н Дани́лович Ду́митрашко́въ.

Константи́н Дани́лович Ду́митрашко́въ, сынъ священника полтавской губерніи, золотоношского уѣзда, воспитывался въ полтавской семинаріи и въ кievской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1889 году со степенью магистра. По окончаніи курса въ академіи, онъ назначенъ быть преподавателемъ въ кievскую духовную семинарію, въ 1870 году избранъ секретаремъ совѣта кievской академіи, а съ 1872 года состоять библиотекаремъ той же академіи.

К. Д. Думитрашковъ много писалъ въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ; но эти труды его не относятся къ исторіи украинской литературы. Насть интересуютъ болѣе ранніе его опыты, писанные по-малорусски, которые онъ началъ писать еще на академической скамьѣ, слѣдовательно въ концѣ тридцатыхъ годовъ вынѣшняго вѣка. Изъ печатныхъ малорусскихъ его сочиненій извѣстны: три стихотворенія въ журналѣ „Малкъ“ за 1843 годъ, подъ псевдонимомъ К. Д. Ко-пѣтка, и „Жабомышодраківка (ватрахоміомахія)“ зъ греческаго лица на казацкій выворотъ на швидку нитку перештопана“, С.-Петербургъ, 1859 года. Кроме того, остаются неизданными вѣсколько его стихотворныхъ легендъ и балладъ, думъ, переводовъ съ іѣменскаго и другихъ мелкихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія его не пролагаютъ новыхъ путей въ исторіи украинской литературы и должны занять въ ней скромное мѣсто. И по формѣ, и по содержанію и тону, его стихотворенія представляютъ отчасти подражаніе стихотвореніямъ И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго, отчасти дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Относительно формы своего стиха К. Д. Думитрашковъ говоритъ слѣдующее: „Народная малороссийская думы и пѣсни составлены силлабическимъ размѣромъ. Котляревский и Гулакъ-Артемовскій прекрасными своими стихами показали, что малорусскому стихосложенію свойственъ и тонический размѣръ такъ же, какъ и русскому. Но они писали преимущественно ямбъ, употребительный-шиль въ ихъ время у русскихъ поэтовъ. Здѣсь представляются опыты и другихъ размѣровъ тонического стихосложенія, какими пишутся русские стихи. Ватрахоміомахія переложена гекзаметронъ. Правописаніе употреблено новозможности церковно-славянское“. Въ самыхъ стихотвореніяхъ К. Д. Думитрашкова мы дѣйствительно входимъ примѣненіе всѣхъ размѣровъ тонического стихосложенія къ малорусскому стиху, а именно: ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и амфibraxій. „Ватрахомі-

махія“ переложена примѣнительно къ размѣру подлинника, съ кото-
рымъ перелагатель непосредственно имѣлъ дѣло, вѣроятно по подража-
нию Гейдичу въ его переводѣ Гомеровой „Иліады“.

И по содержанию стихотворенія К. Д. Думитрашкова имѣютъ род-
ство съ произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, но въ
извѣстныхъ отношеніяхъ и отличаются отъ послѣднихъ. Мысль о пере-
ложении „Ватрахоміомахіи“ на украинскую рѣчь очевидно навѣяна ав-
тору „Энейдой“ Котляревскаго, но не отличается той безцѣльной па-
родіей на малорусскій простой народъ, въ какой обвинилъ Котлярев-
скаго г. Кулишъ. „Жабомышодраківка“ имѣеть свою цѣлью изобразить
взаимные политическія отношенія между малороссами, поляками и рус-
скими; и скѣдовательно стоитъ на историко-политической почвѣ. По
словамъ перелагателя, жабамъ данъ характеръ сѣчевыхъ козаковъ, а
мышамъ—ляховъ прежнихъ, потому что и Гомеровы жабы и мыши
очень похожи характеромъ на козаковъ и лаховъ. Мы съ своей сторо-
ны прибавимъ, что явившіеся въ концѣ поэмы раки похожи на рус-
скія войска, положившія конецъ вѣковымъ столкновеніямъ козаковъ съ
поляками. И не смотря на общий шутливый тонъ „перепѣпанной Жа-
бомышодраківки“, очевидно сочувстіе перелагателя къ лагушкамъ и
ракамъ, т. е. козакамъ и москалемъ. Вида перевѣсь мышей, Юпитеръ
бросилъ съ неба молнию, которая перепугала сражавшихся и заставила
ихъ спрятаться по своимъ мѣстамъ.

Тильки жъ недовго одѣ близнаки мыши заваляти жахались,
Дружно взялися упять, щобъ жабъ у кінецъ доконати.
Те бѣ и було, та Сатурновичъ жабамъ велику підмогу,
Мовъ бы изъ неба, изъ озера выславъ мышамъ на погибель.
Выйшовъ шкадронъ карасірівъ страшнихъ, якъ марюка пекельный,
Въ чорнихъ мундирахъ и штанахъ, а хто гарачій — въ чер-
вонихъ,

Спина—ковадло, а ноги якъ кліщи, а въ роті два списи,
Маса чортъ має зверху, одна шкаляруща изъ кістки.—
Тихо пили клешоноги, хоть нігъ до стогаспіда мали,—
То були раки; мышай вони кліщами дуже щипали,
И поламали ихъ ратищи и покололи муницю,
Басъ увірвався мышамъ, и одѣ раківъ дали вони драла.
Сонечко въ дальній байракъ спочивати лягало, а раки
Жабъ и мышай пороспуживали и війну порішили.

Легенды и баллады, думы и другія мелкія стихотворенія К. Д.
Думитрашкова примыкаютъ своимъ содержаніемъ и тономъ къ стихо-
твореніямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. У послѣднаго мы видѣли под-
ражанія римскому поэту Горацио или, какъ онъ называется его, Гараскѣ,
балладу „Твардовскій“, переведенную изъ Мицкевича, и „Рыбалку“,—

переводъ изъ Гете. И у Думитрашкова есть параллельный имъ стихотворенія, какъ то: стихотвореніе „И дома и въ гостяхъ“, написанное по подражанію метаморфозамъ Овидія, шесть легендъ или балладъ и „Молитва Маргариты“,—переводъ изъ Гетеева Fausta. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній—юмористического характера и напоминаютъ юморъ Гулака-Артемовскаго; но большая часть ихъ отличается серьезнымъ содержаніемъ и даже иногда грустнымъ тономъ. Послѣднія проникнуты духомъ любви къ низшему классу народа, соединенной съ нѣкоторою на-смѣшкой надъ его пріятѣнителями, какъ и у Гулака-Артемовскаго въ его баснѣ „Панъ та Собака“. Для примѣра, приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія „Доля“, напоминающаго нѣкоторыми выраженіями своими Гулака-Артемовскаго:

Иде мольба до неба и хула
Изъ сіль и городівъ, якъ иара зъ гною:
Той долі радъ за те, що вже дала,
Той сваритьца зъ годиною лихою,
Той въ ченці йде, другій жевитьци радъ;
Одинъ одъ немочи, другій одъ пузя крекче;
Той родытьца, другій бажа вмиратъ,
Бо дума—на тімъ світі буде легче.
Той дметьца вверхъ, щобъ лопнуть якъ пузирь,
А той, якъ вьюнъ хвостомъ вила въ болоті,
Въ мороці, тузі и трудахъ ввесь міръ
И вікъ немовъ бы въ катаржній работі.
И всімъ на світі, кажуть, важко житъ,
Не хочетьца остатню тратить силу,
Осточортіло все робить—робить,
И щобъ спочити, здається бъ лігъ въ могилу.
Отъ, тілько кажуть, що панамъ багатыръ
Ніколы и на умъ неайде вмирати.
Але хочъ багатыръ еси, та ба!
Не підешъ мабуть прудко противъ Бога:
Бо якъ придавить дядина судьба,
To все-таки одкимешъ, брате, ноги!
Вже, що написано намъ на роду.
To те и буде; такъ скачи же, враже,
Шідъ дудку долі, грай до-ладу!
Такъ нуло жъ те робишъ, що доля скаже!
А доля каже: дурни нависни!
Хіба не знаете, що Божа воля
Все робить на світі, а вы, дурни,
Говорите, що все те робить доля...

Означенные курсивомъ стихи напоминаютъ собой некоторые выражения въ двухъ стихотвореніяхъ Гулака-Артемовскаго „До Пархома“.

Легенды и баллады К. Д. Думитрашкова частію имѣютъ книжное происхожденіе, но больше всего заимствованы изъ быта и вѣрованій простаго народа. Легенда „Заклятый“ заимствована изъ рассказа Петра Могилы о разрѣшеніи имъ въ Вильнѣ проклятаго самозванца, тѣло котораго найдено неразложившимся. Баллада „Поминки“ начинается разсказомъ о самомъ обычномъ явленіи въ приднѣпровской жизни, какъ одного утопленника литвина, конечно, сплавлявшаго весною лѣсъ по Днѣпру, принесло къ сельской мельницѣ, „мовъ бы на пакость народу“. Никто изъ крестьянъ не рѣшался вытащить его изъ воды; только дѣдъ Степанъ вытащилъ его оттуда, привезъ до своего двора, сдѣлалъ для него гробъ и нанялъ дьячковъ читать надъ покойнымъ исалтиры, пока выйдетъ судь и дастъ приказаніе похоронить его. Но судь не выѣхала, а „замісъ себе приславъ вінъ бумагу“,

А въ папері тому

Не велівъ никому

Самовольно въ Дніпрѣ уточать,

А мярцва литвинка,

Безъ попа, безъ дака

Приказавъ крій села поховать.

Дѣдъ Степанъ похоронилъ литвина, какъ слѣдуетъ, и поминаль его, какъ родное дитя. Въ сороковую ночь онъ видѣть во снѣ, будто бы находится въ Киевѣ и вмѣстѣ съ другими спѣшить въ пещеры. Между богомольцами очутился и утопленникъ литвинъ. Онъ поблагодарили дѣда Степеана за его молитвы о себѣ и сказали ему:

И прійшовъ я теперь

Ажъ до дальнихъ пещерь,

Відкіль водять въ небеснее царство,

Бо зъ пещерь намъ ити

По узкому пути

Ажъ до самого Божого неба.

Попросивъ снова молитвъ дяди Степана, литвинъ прощается съ ними въ полной надеждѣ увидѣться на томъ свѣтѣ.

Баллада „Змій“ взята изъ народныхъ вѣрованій о летаніи огненныхъ зміевъ къ женщинамъ и сожительствѣ съ ними. Въ селѣ Драбицахъ была молодица, „уродою наикраца всіхъ въ селі“, и неудивительно: мать ея на одного „панка дивилась, дочка въ неи якъ панна уродиласъ“. И дочь Марина тоже не любила никого изъ простыхъ мужиковъ, а заглядывалась на панковъ, „и замужъ по закону хочь пішла, да зъ чоловікомъ довго не жила“. Сельскій голова, имѣвшій виды на Марину, отдалъ ея мужа въ солдаты. Оставшись не вдовой и

не молодушкой, Марина втайне желала смерти мужа въ какомъ либо сраженіи и мечтала пріобрѣсть любовь сосѣдняго пана. Мечты ея, по-видимому, сбылись,—сосѣдній панъ навѣщалъ ее каждую ночь; но впослѣдствіи оказалось, что то былъ не панъ, а принимавшій его видъ огненный змѣй. Узнавъ объ этомъ, мать Марини трижды окурила ея хату ладономъ; но огненный змѣй замѣгъ хату, вмѣстѣ съ которой сгорѣла и Марина—

Отъ-то за те, щобъ пана не любила.

Но почерпая свое содержаніе изъ народныхъ вѣрованій и преданий, баллады Думитрашкова не воспроизводить ихъ въ натуральномъ видѣ и посыть замѣтный слѣдъ искусственности и морали.

„Молитва Маргариты“ изъ Гетеева Fausta переведена Думитрашковымъ съ нѣмецкаго подлинника, но, вѣроятно, по примѣру Гулака-Артемовскаго. Мы приведемъ эту молитву сполна, какъ лучшее стихотвореніе Думитрашкова:

(Владычице многоскорбящай!

Ты дивишься, зчепивши руки,
На Сынови смертельни муки
Коло хреста животворящаго.

О милосердная! схились,
На мене бідну подивись!
Хіба жъ Ты вздыхаешь
И слезы проливаешь
Усе тілько за Сына одного?
Охъ, а колы бъ Ты знала,
Якъ таже я страдала,
Схилилась бы до горя Ты моего!

Да хтожъ и знає більше, якъ не Ты,
Яка въ мене на серці туга,
Яка въ душі моїй недуга?!
Пречистая, спаси мене й прости!

Куды не повернуся,
Нигде не розминуся
Зъ годиною лихою.
На що жъ я літа трачу?
Я плачу, плачу, плачу,
Одъ долі плачу злою.
До зіроньки вставала
И квітки поливала
Слезами дрібными, немовъ водою,
Нарвала ихъ раненько,
Звазала ихъ гарненько,

Щобъ ихъ поставити передъ Тобою.
А скільки досхідъ сонця
Зъ постели я зхоплялась,
Сідала у віковця,
Слезами обливалась!
Заступнице усердная,
Избави одъ напасти!
Помилуй, милосердная,
Не дай души пропасти!

Этимъ стихотворенiemъ своимъ К. Д. Думитрашковъ подаетъ руку романтическому направлению въ украинской литературѣ.

5.

Василій Аєанасьевичъ Гоголь.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко являются продолжателями другой стороны литературной деятельности Котляревского, именно его комическихъ оперъ.

Василій Аєанасьевичъ Гоголь ¹⁾, сынъ полковаго писаря, отецъ Н. В. Гоголя, по женской линії имѣлъ предками своими Танскихъ, изъ которыхъ одинъ, въ сорowychъ годахъ прошлаго вѣка, извѣстенъ былъ, „какъ славный поэтъ“—писатель интерлюдій въ простонародномъ украинскомъ духѣ ²⁾. Самъ Василій Аєанасьевичъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный; обладалъ даромъ рассказывать занимательно, о чёмъ ему ни вздумалось, и приправлялъ свои рассказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича Гоголя, 19 марта 1809 года, Василій Аєанасьевичъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора, „что въ провинціи,—говорить Кулишъ,—еще въ тогдашней провинціи, было рѣшительнымъ доказательствомъ—во пер-

---

¹⁾ Біографіческія свѣдѣнія—въ „Запискахъ о жизни Гоголя“, Кулиша. С.Петербургъ, 1856 года. Бібліографіческія свѣдѣнія—въ „Покажчикѣ“ М. Комарова.

²⁾ См. „Лицей князя Безбородко“, 1859 года, отд. 2, стр. 29. Сл. Сборникъ „Древняя и Новая Россія“, за ноябрь 1878 года: „Драматическія сочиненія Г. Конисскаго“.

ыхъ умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ—бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ известную степень образованности—теоретической, или практической, все равно¹. Положимъ, въ чинѣ коллежскаго асессора онъ могъ быть переименованъ, при уничтоженіи гетманщины, изъ соответствующаго козацкаго чина; но все-таки нужно признать за Василиемъ Аѳанасьевичемъ известную долю образования. Положительнымъ доказательствомъ умственного его развитія служить драматическая его дѣятельность. Въ сосьдствѣ съ В. А. Гоголемъ, именно въ селѣ Кибинцахъ, поселился съ 1822 года известный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который изъ бѣднаго козацкаго мальчика своими способностями и заслугами сумѣлъ возвыситься до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго. Между прочимъ, Трощинскій устроилъ домашній театръ въ Кибинцахъ, въ репертуарѣ котораго мы находимъ рукописную комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума“¹). Собственная ли это была затѣя Трощинскаго устроить театръ, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву, не знаемъ; только старикъ Гоголь былъ дирижоромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языке. Извѣстны двѣ его комедіи: „Собака—Вивця“ и „Романъ и Параска“, иначе „Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“, которая Гоголь—сынъ въ письмѣ къ матери прямо называетъ папенькиными комедіями. Василій Аѳанасьевичъ умеръ въ началѣ 1825 года; следовательно, его комедіи, назначавшіяся для домашнаго театра Трощинскаго, написаны были между 1822 и 1825 годами.

Первая комедія не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ: содержаніе ея записано со словъ Гоголихи. Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ овцу на ярмарку для продажи, и вздумалъ овладѣть ею. Товарищъ этого солдата забѣжалъ впередъ, на встречу мужику.

— Ба, мужичокъ, сказалъ онъ, гдѣ ты ее нашелъ?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: вивцю?

---

¹⁾ См. „Каталогъ антикварной библиотеки книгоиздателя Е. Я. Федорова, приобрѣтеної послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Киевъ, 1874 г., № 4222.

— Нѣть, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака, и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, москалю, вивца,—говорить мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивца?

— Та що бо ты кажешъ? А клыть же, чи пиде вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ подъ полы, говорить: „цуцу! цуцу!”¹⁾

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату. Мужикъ колеблется, а солдатъ началь ему представлять такие резоны, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобы только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще копу гропей²⁾.

Нѣть сомнѣнія, что мотивъ этой комедіи заимствованъ отомъ Гоголемъ изъ народныхъ преданій. О подобной продѣлкѣ солдата съ малорусскимъ мужикомъ мы находимъ нѣсколько народныхъ разсказовъ. По одному изъ нихъ, мужикъ Хома, по настоянію жены своей, пошелъ на ярмарку покупать лошадь и купилъ за четыре рубля „таку шкапу, що здыхать збиралась“. Онъ повезъ ее домой и съ усилиемъ тянуль за поводъ. Гдѣ ни взялись два москаля. Одинъ изъ нихъ перерѣзаль поводъ, на которомъ велъ мужикъ клячу, передаль ее другому москалю, а самъ ухватился за конецъ повода, оставшійся въ рукахъ мужика, и пошелъ за нимъ, упираясь какъ кляча. Около заставы люди стали спрашивать Хому, зачѣмъ онъ тащить за собой москаля на веревкѣ. Хома какъ глянуль, такъ и похолодѣль, и въ перепугѣ бросиль веревку и москаля и уѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ кумомъ Омелькомъ и снова отправилъ съ нимъ на ярмарку. Смотрѣть Хома, а кляча, перевернувшаяся у него въ москали, опять стоитъ на томъ же мѣстѣ. Кумъ Омелько дѣсталъ было торговатъ ее, но Хома толкнулъ его подъ бокъ и тихонько сказалъ: „Омельку, дядьку! відчи-пись та відъ свѣйї шкапи: се не коняка, а москаль“³⁾. По другому разсказу, записанному Я. Г. Кухаренкомъ, лошадь такимъ же способомъ превратилась въ монаха⁴⁾.

Комедія „Простакъ“ издана Кулишомъ въ „Основѣ“⁵⁾, вѣроятно съ рукописи, хранившейся въ бывшей библіотекѣ Д. П. Трощинскаго⁶⁾,

1) „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, 1856 г., т. 1. стр. 15—16.

2) „Народныя южнорусскія сказки“ Рудченка, вып. 2. Киевъ. 1870 года, № 41.

3) „Основа“, за октябрь, 1861 г.

4) Тамъ же, за февраль, 1862 г.

5) „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобрѣтеннай послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Киевъ, 1874 года, № 4222.

и отсюда трижды перепечатывалась въ особыхъ изданіяхъ и сборникахъ. Содержаніе этой пьесы почти то же самое, что у Котляревскаго въ „Москаль-Чарівникѣ“. „Мы не знаемъ навѣрное,—говорить Кулишъ,—которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если „Простакъ“, то комедія Гоголя—отца сбавляетъ много цѣнны произведеній Котляревскаго; если же Гоголь—отецъ взялъ сюжетъ „Москаля-Чарівника“ и обработалъ его посвоему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраивали ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь“. Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя—отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онъ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ, о которыхъ мы говорили выше при разборѣ „Москаля-Чарівника“. Эти народные источники могли оразнообразиться тѣми слушающими изъ бытовой, дѣйствительной жизни, которые подали Котляревскому и Гоголю—отцу мысль написать свои комедіи. По крайней мѣрѣ о пьесѣ Гоголя—отца тотъ же Кулишъ передаетъ, что въ ней представлены дѣйствительны лица, мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованіи, или на другихъ условіяхъ, и принадлежавшіе, какъ видно, къ высшему лакейству. Они авились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянскомъ быту, и хотя разыгрывали почти то же, что случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ человѣкъ екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоумiemъ, которому бывшій министръ юстиції не могъ достаточно надивиться. Что касается до жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ¹⁾.

Дѣйстіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска выпроваживаетъ Романа въ поле за зайцами и вмѣсто гончей собаки даетъ ему поросенка, увѣряя, что кумъ всегда ловить зайцевъ поросятами, а сама, между тѣмъ, въ отсутствіе мужа собирается погулять съ дѣлкомъ Хомой Григоровичемъ. Является дѣлъкъ и объясняется съ Параской книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, котораго она вовсе не понимаетъ; но ихъ объясненія прерваны были появленіемъ соцкаго, который велъ къ Параскѣ солдата на постой. Параска спрятала дѣлчка подъ прилавокъ и закрыла ридномъ. Соцкій, увидѣвъ на столѣ водку, приготовленную для Хомы Григоровича, выпиваетъ ее съ солдатомъ и Параской, платить деньги за водку и уходи-

1) „Записки о жизни Гоголя“, 1856 г., т. I, стр. 13.

дить, а солдат ложится будто бы спать. Но не успѣлъ Хома Григоровичъ выйти изъ своей засады, какъ возвращается Романъ, разсерженный неудачной охотой на зайцевъ: его поросенокъ убѣжалъ куда-то. Параска показываетъ Роману заранѣе приготовленного зайца иувѣряетъ своего глупаго мужа, что поросенокъ дѣйствительно перенялъ зайца и принесъ его домой. Но не удалось ей провести хитраго москаля. Проснувшись, солдатъ просить у хозяюшки поѣсть чего нибудь и, получивъ отказъ, самъ вызывается накормить хозяина; ставить его седьмь хаты съ закрытыми глазами, а между тѣмъ выносить и ставить на столъ кушанье и варену, приготовленныя для Хомы Григоровича. Романъ со страхомъ приступаетъ къ волшебному кушанью, которое, по его предположенію, варилось въ адѣ. Послѣ того Параска упрашиваетъ солдата выпустить дѣяка, и солдатъ соглашается. Подъ видомъ изгнанія изъ хаты чертей, приготавлившихъ кушанье, солдатъ ставить супруговъ среди хаты, завязываетъ имъ глаза, связываетъ руки и велить произносить волшебныи будто бы слова, а самъ въ это время раздѣваетъ дѣячка, намазываетъ его сажей и, развязавши глаза супругамъ, выгоняетъ его изъ хаты.

Дѣякъ, выпачканный, черезъ сцену уходитъ вонъ.

Романъ дрожитъ и крестится. „Який же страшний“.

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгналь, а гнѣздо себѣ возвѣму (прибираеть дѣяково платье).

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тильки прошу не въ гнѣвѣ: скажить, будте ласкаві, я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами, а у сего и ріжківъ нема.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! (хватаеть себя за лобъ).

Солдатъ. Ничого, Романъ! (Трепля Романа по плечу). И получше тебе бывають съ рогами.

Романъ. Парасю! що жъ міні робити?

Параска. Якъ би ти не лежавъ зранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, то бъ не було сего нічого; а то поти лежавъ, поки вилупивъ чорта. Я тобі скілько казала: „Эй, Романе, це ліпуйся! Ліність до добра ніколи не приводить“.

Гоголь—отецъ искусно почерниулъ изъ роднаго быта содержаніе своей комедіи. „Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе,—говорить Кулишъ. Простота изложенія, умѣренность карикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при іныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественного творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдельными выраженіями,

которыхъ неудрено набратъ чловѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: иѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самого положенія венцей въ убогой сельской хатѣ и отзыкается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размыщенія“.

„Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ еще болѣе властительныхъ лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая, молодая женщина, очутясь женцю глуповатаго и лѣниваго старика, говорить слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дѣячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, тѣмъ болѣе, что дѣячки, при тогдашнемъ состояніи бурсъ, были большей частью люди изуродованыя наївки. Солдатъ, служившій впроголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, попавъ къ мужику въ хату, преслѣдуя самые наївные свои интересы... *Pauvre diable*, онъ пускается на смѣшия штуки; иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ“¹⁾.

Кромѣ внутренняго своего достоинства, комедіи Гоголя—отца имѣютъ значеніе для послѣдующаго развитія украинской литературы. Гоголь—сынъ интересовался комедіями своего отца, выписывалъ изъ нихъ эпиграфы къ своимъ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканки“ и воспроизводилъ здѣсь некоторые отдельныя сцены изъ этихъ комедій.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко²⁾.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко воспитывался въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, приблизительно въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка³⁾. Въ 1836 году Кухаренко написалъ оперетту „Черноморскій побѣдѣ“. Т. Г. Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее въ 1842 г. въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но она неиздава была въ то время. Много разъ пробовалъ Кухаренко свое перо и посыпалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю для

1) Основа, за февраль, 1862 г.,

2) Источники: „Основа“, за 1861 и 1862 гг.; 2) „Збірникъ творівъ“ Я. Кухаренка. Кіевъ. 1880 т. 3) „Показчикъ“ М. Комарова, Кіевъ, 1883 г.

3) „Основа“, за октабрь 1862 г., рѣчь З. є. Недоборовскаго.

печати; но въ теченіи многихъ лѣтъ ни одна строка не была предана тисненію ¹⁾). Ель концу срока ссылки Шевченка, Яковъ Герасимовичъ переписывался съ нимъ и высыпалъ ему денежное пособіе; а Шевченко, по освобожденіи изъ Ново-Петровскаго укрупленія, думалъ было зайти къ Кухаренко въ гости. Вѣроятно, близкія, дружескія отношенія Кухаренко къ Шевченку были причиной того, что на произведенія перваго стали смотрѣть теперь снисходительнѣе: журналъ „Основа“ любезно открылъ для него свои страницы. Въ этомъ журнале помѣщены были слѣдующія сочиненія Я. Г. Кухаренка: 1) „Вороний кінь“ ²⁾; 2) „Черноморскій побитъ,—оперетта, часть первая“ ³⁾; 3) „Пластуни“ ⁴⁾; 4) „Вівці і чабани въ Черноморії“ ⁵⁾). Кроме того, Я. Г. Кухаренко намѣревался писать о многомъ, что хранила его память, изъ военного и гражданскаго быта родной Черноморіи, и все написанное сообщать въ „Основу“, которой передадъ также вторую часть „Черноморскаго побиту“ и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть „Черноморскаго побиту“ Яковъ Герасимовичъ думалъ было исправить. Но неожиданная трагическая смерть прервала его литературныя занятія. Будучи начальникомъ одного изъ закубанскихъ отрядовъ, генераль-маіоръ Кухаренко вызванъ былъ командующимъ войсками кубанской области, по лѣтамъ службы, изъ Черноморія въ Ставрополь и 19 сентября 1862 года, на почтовомъ трактѣ по Бубани, подвергся внезапному нападенію партии конныхъ абаздеховъ и взятъ въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми. Связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ принужденъ былъ двѣ ночи мчаться почти двухсотверстное разстояніе, трижды или болѣе падалъ съ коня и умеръ въ плѣну, въ абаздехскомъ аулѣ. Тѣло его было выкуплено сыномъ его Степаномъ Кухаренкомъ и 6 октября 1862 года предано землѣ на екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ ⁶⁾. Вскорѣ послѣ смерти Я. Г. Кухаренка умерла и „Основа“, и потому не были въ ней напечатаны остальные сочиненія Кухаренка, равно какъ и его биографической очеркъ, приготовлявшися синовьями покойнаго для „Основы“.

Изъ напечатанныхъ сочиненій Я. Г. Кухаренка „Пластуни“ и „Вівці і чабани въ Черноморії“ имѣютъ чисто этнографическій интересъ; „Вороний кінь“—есть не что иное, какъ пересказъ народной сказки, похожей на комедію Гоголя—отца „Собака—Вивця“. Собственно

¹⁾ Тамъ же, за ноябрь и декабрь 1861 г.

²⁾ Тамъ же, за октябрь 1861 г.

³⁾ Тамъ же, за ноябрь и декабрь 1861 г.

⁴⁾ Тамъ же, за февраль 1862 г.

⁵⁾ Тамъ же, за май, 1862 г.

⁶⁾ Тамъ же, за сентябрь и октябрь 1862 г.

литературное значение имѣть оперетта „Черноморский побить“, характеризующая бытъ кубанскихъ козаковъ между 1794 и 1796 годами, во время первоначального заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины.

Нравы и обычай тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самые, что и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубоствью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и нерѣдко были съ нею въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой беззенной жизни столкнулась съ необходимостию жениться и вести жизнь семейную. И такъ какъ мѣстные власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ, то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Сами священники черноморскіе были, такъ сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству єеодосійского епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ какъ черноморскіе козаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою жеувѣренностью въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго козака неисправимымъ въ задорной, беспокойной для общества жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Разсчетъ здѣсь былъ тотъ, что козакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорить, примѣра, чтобы поставленный такимъ образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ. Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ,—говорится въ примѣчаніи къ опереттѣ,—представлены г. Кухаренколъ въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искусства.

Содержаніе первой части оперетты „Черноморский побить“ слѣдующее. Маруся, дочка Явдохи Драбинихи, любить молодаго козака Ивана Прудкаго, тогда какъ сама Явдоха имѣть въ виду другаго жениха для своей дочери. Между тѣмъ Иванъ Прудкій отправляется за Кубань на черкесовъ; но, прощаясь съ Марусей, онъ узнаетъ отъ нея о намѣреніяхъ ея матери и поручаетъ свою Марусю надзору брата своего Илька и покровительству своего крестнаго отца, сотника Тупицы. Предосторожности оказались неизлишними. Явдоха дѣйствительно задумала выдать свою дочь за богатаго старика Кабицю, который безобраз-

ничаль цѣлую ночь на досвѣткахъ и поутру явился въ пьяномъ видѣ сватать Марусю. Не смотря на отказъ послѣдней, мать Явдоха настаиваетъ на своемъ и приглашаетъ на заручины безшабашныхъ супруговъ Цвіркува и Цвіркунку, послѣ чего Кабица отправляется къ попу, недавно поставленному изъ козаковъ, и улаживаетъ съ нимъ дѣло относительно свадьбы. Но сотникъ Тупица разстраиваетъ ихъ планы и, напоивъ Кабицу пьянымъ, женить его на некрасивой дѣвицѣ Кулинѣ, а Марусю сберегаетъ для своего крестника Ивана Прудкаго, который и женится на ней по возвращеніи изъ похода.

Ходъ пьесы напоминаетъ собою „Наталку-Полтавку“ Котляревскаго. Тамъ и здѣсь героиня любить молодаго человѣка, оставляющаго на время свою родину, и приуждается своею матерью выйти замужъ за богатаго, но беспардоннаго старика; та и другая пьеса оканчивается желаннымъ соединенiemъ молодыхъ людей. Самые отрицательные типы обѣихъ пьесъ походятъ одни на другихъ, какъ родные братья. Замѣтную особенность „Черноморскаго побита“ составляетъ развѣ введеніе въ пьесу народныхъ историческихъ думъ изъ появившихся тогда сборниковъ ихъ, напримѣръ думъ о Савѣ Чаломъ, Гнатѣ, Харкѣ и др., и характеристическая отличія черноморскаго быта; но и эти отличія составляютъ только фонъ пьесы, а не существенное содержаніе, которое въ обѣихъ пьесахъ сконно. Поэтому мы полагаемъ, что оперетта „Черноморскій побитъ“ написана по подражанію оперѣ Котляревскаго „Наталка-Полтавка“, и обѣ эти пьесы должны быть рассматриваемы и оцѣниваемы съ одинаковой точки зрѣнія,—первая какъ подражаніе, а послѣдняя какъ оригиналъ.

Въ 1878 году оперетта Кухаренка появилась въ передѣлкѣ г. Старицкаго подъ заглавиемъ „Черноморці“, съ музыкой М. Лисенка; но и эта передѣлка не имѣла успѣха въ малорусской публикѣ.

II.

Сентиментальная украинская литература нынѣш- наго вѣка.

Сентиментальная литература представляет прямую противоположность классической и псевдоклассической литературѣ. Взаимънь высокаго и торжественнаго содержанія и тона послѣдней, сентиментальная литература имѣть своимъ предметомъ вседневную жизнь съ ея радостями и страданіями, съ ея мелкими случайностями и великими, не всегда и для всѣхъ замѣтными жертвами. Она возникла въ западной Европѣ непосредственно за развитіемъ средниго сословія, явилась на симъ псевдоклассицизму и выражалась въ различныхъ формахъ — сентиментальной повѣсти, семейномъ и нравственномъ романѣ и мѣщанскої драмѣ. Представляя одинъ изъ моментовъ общечеловѣческаго развитія, сентиментальность, безъ ея крайностей и увлеченій, или истинная чувствительность, занимаетъ извѣстное мѣсто и въ жизни отдѣльнаго лица, и въ жизни цѣлаго народа или племени, причастнаго общечеловѣческому развитію. Если примѣнить это общее положеніе къ украинской литературѣ, то нужно признать, что и въ ея исторіи былъ періодъ, запечатлѣнныи особеною чувствительностью или сентиментальностью въ сравненіи съ другими ея періодами. Украинская литература въ своемъ развитіи шла о бокъ съ соудними литературами, — польскою и особенно русскою, и отражала на себѣ какъ всѣ другія литературные направлѣнія ихъ, такъ и сентиментальное. Еще у И. П. Котляревскаго въ его оперѣ „Наташка-Полтавка“ замѣчается значительное присутствіе сентиментальнаго элемента, родниющаго ее съ сентиментальными повѣстями Карамзина и Жуковскаго. Полнѣ же выразилось сентиментальное направлѣніе въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ и драматическихъ пьесахъ Квитки или Основяненка. Но въ то время, когда писалась „Наташка-Полтавка“ Котляревскаго, въ русской литературѣ сен-

тиентализмъ дешель уже до своихъ крайностей и замѣтно переходилъ въ новое направлѣніе—романтическое. Жуковский, написавъ свою „Марьяну роину“ по премьру „Бѣдной Лизы“ Карамзина, въ другихъ своихъ новинкахъ и балладахъ являетъ уже представителей романтизма, сущность котораго составляли—стремленія души къ христіанскому идейству, нравственная чистота, непоколебимая вѣра, семейная добродѣтели, исцеленія сердечныхъ призванности и проч. Въ правильной постановкѣ новыхъ идеаловъ поэзіи, въ предпочтеніи идеального реальному, нравственному матеріальному, въ стремленіи души къ небесному, въ грустномъ чувствѣ отъ неизбѣжныхъ сердечныхъ утратъ заключается главная, существенная сторона романтизма Жуковскаго. Она нисколько не противорѣчитъ сентиментализму, напротивъ восполняетъ и завершаетъ его. Кроме того, въ романтизмѣ Жуковскаго отмѣчаютъ общновленіе еще одну сторону второстепенной важности, а именно—особенную любовь Жуковскаго къ средневѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ и къ средневѣковымъ суевѣріямъ, привидѣніямъ, мертвѣцамъ и проч. Обѣими этими сторонами романтизмѣ Жуковскаго имѣть вліяніе и на украинскую литературу въ лицѣ Квитки и его близайшихъ послѣдователей и умѣрять крайности его сентиментального направлѣнія. Среди повѣстей и разсказовъ идеально-нравственного характера, у Квитки встрѣчаются поэзіи, захватывающія таинственный міръ демонологии и волшебства, какъ напримѣръ „Мертвѣцький великий день“, „Отъ тоби и скорбь“, и проч. Но ближайшіе послѣдователи Квитки не останавливаются и на этомъ идеально-сентиментальномъ мірѣ и, оставаясь вѣрными основному призаццу, въ значительной мѣрѣ подчиняются вліянію Пушкина и подаютъ руку романтико-художественному направлѣнію русской литературы. Такимъ образомъ, сентиментальное направлѣніе въ украинской литературѣ, начинаясь подражаніями сентиментальнымъ повѣстямъ Карамзина и Жуковскаго, въ конечномъ своемъ развитіи граничитъ съ художественнымъ романтизмомъ Пушкина. Центромъ или фокусомъ этого сентиментального направлѣнія въ украинской литературѣ служитъ Григорій Федоровичъ Квитка-Основьяненко.

1.

Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко)¹), родился въ подгородномъ харьковскомъ селѣ Основѣ, отъ котораго заимствовалъ впослѣдствіи свой псевдонимъ Основьяненко. Родъ Квитки вышелъ изъ

¹⁾ Важнѣйшіе источники: 1) „Москвитянинъ“, 1843 г., № 10, ст. К. М. Сементовскаго; 2) „Южный русскій сборникъ“, Метлинскаго, 1848 г.; 3) „Гри-

приднѣпровской Украины и принадлежалъ къ стариннымъ дворянскимъ родамъ въ Харьковѣ. Старшій братъ нашего писателя, Андрей Федоровичъ, былъ до конца жизни въ числѣ первыхъ харьковскихъ магнатовъ и около 25 лѣтъ сряду состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Григорій Федоровичъ родился 18 октября, 1778 года, и съ первыхъ дней своей жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ и отъ золотухи потерялъ зрѣніе. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въсосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Это обстоятельство, въ связи съ семейными преданіями рода Квитокъ, къ которому принадлежали архимандритъ Палладій Квитка и, по женской линіи, бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Горленко, опредѣлило навсегда его религіозно-нравственное настроеніе и влекло вътишину монастырскаго уединенія. Цервоначальное образованіе свое онъ получилъ подъ руководствомъ дяди своего, настоятеля Куряжскаго монастыря, архимандрита Палладія Квитки, и, достигнувъ 12 лѣтъ, изъявилъ желаніе поступить въ монашество. Но, по неотступнымъ просыбамъ матери, онъ оставался въ теченіи двухъ лѣтъ въ домѣ родителей, потомъ числился нѣсколько времени въ военной и гражданской службѣ, и только на 23 году своей жизни исполнилъ завѣтное свое желаніе и поступилъ въ Куряжскій монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками, около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ исполнялъ разныя послушанія, ходилъ за монастырскими лошадьми и проч. По другому преданію, Григорій Федоровичъ Квитка и въ монастырѣ пользовался нѣкоторыми льготами и игралъ на фортепіано въ своей келлії. О томъ, какъ онъ оставилъ монастырь, рассказываютъ слѣдующій анекдотъ. Будто бы однажды Квитка повезъ на парѣ воловъ въ Харьковъ продавать сдѣланнія на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень, и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и застѣль въ грязь. Мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали моло-

---

горій Квитка и его повісті“,—слово на новий виходъ Квитчинихъ повістей“, Кулиша, С.-Петербургъ, 1858 г.; 4) „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г.; 5) „Поэзія славянъ“, Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 года; 6) Краткій очеркъ жизни и литературныхъ заслугъ Г. Ф. Квитки“,—изложеніе реферата В. Науменка, въ № 143—4 „Кievлянина“ за 1878 годъ; 7) „Григорій Федоровичъ Квитка,—біографіческий очеркъ“, А—ра, Одесса, 1878 года; 8) „Древняя и Новая Россія“, за апрель 1879 года; 9) „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, изд. 2, т. 1, С.-Петербургъ, 1879 года, и 10) „Г. Ф. Квитка“, Н. Маркова, и три письма Г. Ф. Квитки къ М. А. Максимовичу, въ „Кievской Старинѣ“, за іюнь, 1883 г. Остальные источники показаны въ „Шокажчикѣ“ М. Комарова, 1883 года. По слухамъ, въ Харьковѣ приготавливается собраніе сочиненій Г. Ф. Квитки, подъ редакціей профессора Потебни.

даго человѣка и стали кричать: Квитка! Квитка!.. Онъ махнулъ рукою, бросилъ возь на улицѣ и возвратился въ Основу.

Съ этой поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта, но религіозно-нравственное настроеніе удержаносъ въ немъ навсегда и про-глядываетъ въ большей части его литературныхъ произведеній. Между тѣмъ, здоровье Квитки совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ, и хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, взрывомъ пороха опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ, но началъ появляться въ обществѣ, котораго вначалѣ по возвращенію изъ монастыря дичился. Молодость взяла свое,—и у него явилась веселость. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 годовъ, Квитка занимался музыкой и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, при чемъ обыкновенно выбиралъ для себя роли самыя веселыя и трудныя. Въ 1806 году онъ снова и въ послѣдній уже разъ опредѣлился въ военную службу и оставался въ ней одинъ только годъ.

Между тѣмъ, въ 1805 году въ Харьковѣ открыты были университетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилось въ городѣ сильное умственное и общественное движение. Явились театръ, клубы, литературные вечера, литературныя periodическія изданія, разныя общества и учрежденія. Григорій Федоровичъ Квитка, безъ сомнѣнія, многимъ обязанъ быть въ своемъ развитіи этому умственному и общественному движению и вскорѣ самъ принялъ въ немъ дѣятельное и видное участіе. Въ началѣ 1812 года въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ, и директоромъ его вскорѣ явился Квитка. Званіе директора театра онъ бросилъ по случаю занятій по женскому институту, который тоже открытъ былъ по его мысли харьковскимъ „Благотворительнымъ обществомъ“. Даже литературное поприще свое Г. Ф. Квитка началъ статьями, замѣтками и отчетами о названныхъ учрежденіяхъ. Особенно близкія связи онъ имѣлъ съ институтомъ. „Институтъ для образования бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ“ открытъ былъ въ 1812 году. Квиткѣ ввѣрою было главное управление дѣлами института, на который онъ, по словамъ г. Срезневскаго, „принесъ въ жертву почти все достояніе свое“. Чрезъ отношенія къ нему онъ тѣсно сблизился съ талантливымъ украинскимъ писателемъ П. П. Гулакъ-Артемовскимъ, который, состоя лекторомъ и потомъ профессоромъ харьковскаго университета, съ 1818 года былъ и преподавателемъ института, и познакомился съ одной изъ достойнейшихъ классныхъ дамъ института, Анной Григорьевной Вульфъ, которая около 1818 года пріѣхала изъ Петербурга въ Харьковъ на мѣсто классной дамы изъ пепиньерокъ Екатериинскаго института. Тогда Квиткѣ было уже подъ 40 лѣтъ. Черезъ два года по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, около 1821 года, Анна Гри-

Григорьева вышла за Квитку замужъ. И Гуляевъ-Артемьевъ, и Анна Григорьевна имѣли въѣмъ важное значеніе въ литературной жизни Основанчика: первый написалъ нѣсколько стихотворныхъ посланий къ Квиткѣ и имѣлъ значительную долю влиянія на выборъ предмета и характеръ некоторыхъ его произведений; Анна Григорьевна принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ своего мужа, ледѣла его жизнь, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, выслушивала и поправляла его сочиненія и даже давала иногда темы для его украинскихъ повѣстей. Но институтскому образованію своему, она склонна была къ чувствительности и къ моднѣмъ въ то время сентиментальнымъ повѣстямъ, въ родѣ повѣстей Каражина и Жуковскаго, и елѣтъ влиянію, безъ сомнѣнія, много обизанѣ украинскія повѣсти Квитки своєю задушевностью и теплотою чувства. Въ послѣдствіи времени и В. А. Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами.

При всемъ томъ, Г. Ф. Квитка не былъ слѣпымъ орудіемъ стороннихъ влияній, но, какъ человѣкъ талантливый, способенъ быть и самъ понимать яченія окружающей его жизни и давать имъ посильную оценку и художественное выраженіе. А жизнь Квитки поочередно раздѣлялась между городомъ и селомъ и представляла для его наблюденія самые разнообразные, даже противоположные типы: съ одной стороны—чиновный міръ, выкроенный по одной формѣ и возвышающейся надъ масою народа; если не образованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніемъ; съ другой—патріархальная, идиллическія картины сельскаго быта. Съ 1817 по 1829 годъ Григорій Федоровичъ занималъ должность предводителя дворянства харьковскаго уѣзда и проживалъ въ самомъ Харьковѣ; но около 1831 года онъ переселился въ Осию на свой хуторъ, и хотя съ 1832 года состоялъ совѣтникомъ судью Харькова, а съ 1840 года—предсѣдателемъ харьковской палаты уголовнаго суда, но навѣдывался въ Харьковъ только по дѣламъ службы. Онъ умеръ въ 1843 году. Эти два периода въ жизни Г. Ф. Квитки,—городской и сельской,—наложили рѣзкую печать на произведенія нашего автора и раздѣлили ихъ на двѣ группы: къ первой относятся комедіи и правоописательные романы его на русскомъ языкѣ, въ которыхъ необращаются отрицательные типы изъ чиновничьей и дворянской среды; ко второй—малорусскія драматическія произведенія и чувствительныя повѣсти изъ простонароднаго быта. Впрочемъ, обѣ эти группы подходить подъ общее начало идиллии и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городской изысканною и сельской простой жизнью и преувеличенную наклонность автора къ послѣдней. Поэтому, обѣ означенныя группы Квиткиныхъ сочиненій должны быть разсмотриваемы съ одной точки зренія, какъ члены одного общаго цѣлаго.

Изъ комическихъ и правоописательныхъ произведений Квитки на русскомъ языке болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: 1) комедія „Пріїздъ изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“, написанная въ 1827 году, но изданная лишь въ 1840 году; 2) „Дворянскіе выборы“, 1829 года; 3—4) комедіи „Шельменко-писарь“, 1831 года, и „Шельменко-деньщикъ“, на смѣшанномъ русско-украинскомъ языке, и 5—6) два правоучительные романа „Панъ Халавскій“, 1839 года, и „Жизнь и похожденія Петра Степановича сына Столбія .., поѣзжива въ трехъ намѣстничествахъ“. 1841 года, во задуманные и начатые гораздо раньше означенныхъ годовъ.

Небезынтересна по своей судьбѣ первая комедія Квитки— „Пріїздъ изъ столицы“, по сюжету имѣюща сходство съ „Ревизоромъ“ Гоголя. У Квитки такъ же, какъ и въ „Ревизорѣ“ Гоголя, дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводить мнимаго ревизора; мнимый ревизоръ также мальчишка, не окончившій ученія и пленадежный въ службѣ. Другія лица здѣсь такіи же: и судья Спальникъ, и почтовый экспедиторъ Печаталинъ, кото-рый, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ Ученосвѣтovъ, и частный приставъ Шаринъ, напоминающій Держиморду, и, наконецъ, двѣ пріятныя дамы— сестра городничаго Труслкина и племянница его, которая также влюбляются въ „милашку ревизора“. Здѣсь также вол кутерьма происходитъ отъ полу-ченного городничимъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго го-рода; чиновники также представляются ревизору, и тотъ занимаетъ у нихъ деньги отъ 27 руб. 80 коп. до 500 руб. асс.,—значительного ку-ша, взятаго у городничаго. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы тол-куютъ о храмѣ изящества и о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ, при развязкѣ также происходитъ, по словамъ Основьяненка, нѣмая сцена, и всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, насто-ящемъ, какъ видно, ревизорѣ: „Вотъ бумаги отъ губернатора, съ жандармомъ присланны!“ Вслѣдствіе такого сходства между обѣими комедіями, явившимися въ печати почти одновременно, въ 40-хъ годахъ ходили разные толки о взаимномъ отношеніи ихъ между собою: одни считали комедію Квитки подражаніемъ „Ревизору“ Гоголя, не зная, что „Пріїздъ изъ столицы“ написанъ былъ еще въ 1827 году; другіе съ большими основаніемъ утверждали, что Квитка въ этой суматохѣ многое подмѣтила до „Ревизора“ и довѣсь ему о разныхъ беспорядкахъ въ губерніи къ сѣдѣнію. Самъ Гоголь утверждалъ, что мысль „Реви-зора“ передана ему Пушкинымъ, съ которымъ едва не было подобнаго события во время его поѣздки за материалами для исторіи пугачевскаго бунта въ Оренбургъ, и что Пушкинъ сообщилъ ему— Гоголю о подоб-

ной же исторіи, случившейся съ Свинынымъ во время его поѣзки въ Бессарабію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь передавалъ Аксакову, что онъ слышалъ о комедіи Квитки, хотя и не читалъ ее. Конечно, на основаніи этого показанія Гоголя, С. Т. Аксаковъ разрѣшилъ недоумѣніе слѣдующимъ образомъ: „не подлежитъ сомнѣнію, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варьаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ“.

Конечно, комедія Квитки не можетъ въ художественномъ отношеніи и сравниваться съ комедіей Гоголя, но, представляя для своего времени весьма интересное изображеніе окружающей дѣйствительности, она свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ относился Квитка къ извѣстнымъ сторонамъ этой дѣйствительности, въ которой чуть не всѣ „служащіе“ могли попадать въ положеніе чиновниковъ комедіи Гоголя, по пословицѣ— „на ворѣ, и шапка горитъ“. Отнесясь отрицательно къ окружающему, Квитка проявилъ уже въ своей первой комедіи и достаточно живую наблюдательность, и остроуміе, что еще больше сказалось въ другой его комедіи „Дворянскіе выборы“, которая попала въ некоторыи не въ бровь, а прямо въ глазъ. „За „Выборы“ теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ“, писалъ Квитка Плетневу. По поводу этой комедіи, В. А. Жуковскій совѣтовалъ автору продолжать въ тотъ же тонѣ и съ тою же цѣлью. „Когда же я,—говорить Квитка,—изяснилъ трудность составить изъ всей этой кутерьмы правильную драму, то онъ мнѣ совѣтовалъ помѣстить и развить все это въ романѣ, украсивъ и наполнивъ сценами изъ губернскихъ обществъ“. Результатомъ совѣтовъ В. А. Жуковскаго явились два нравоописательные романа Квитки— „Панъ Халицкій“ и „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ (Пустолобова), которые, поэтому, являются прямымъ и естественнымъ продолженіемъ его комедій. Первый изъ этихъ романовъ „начать,—говорить Квитка,—по порученію Василія Андреевича, прерданному мнѣ чрезъ здѣшняго чиновника Панина, чтобы описать старинный бытъ малороссійскаго, родъ жизни, воспитаніе, занятія и все до послѣднаго... Тутъ будетъ молодость его, служба, домашняя жизнь и занятія, пребываніе въ столицѣ, раздѣлъ съ братьями, процессы, женитьба, воспитаніе дѣтей и проч“ Краски для романа взяты изъ устныхъ разсказовъ старожиловъ и даже изъ собственнаго житейскаго опыта Квитки. Другой романъ „Жизнь и похожденія Петра Степановича Столбикова“ тоже имѣлъ въ виду осмѣяніе общественныхъ недостатковъ. „Давно я приступилъ къ описанію жизни Пустолобова (тоже, что Столбикова), имѣющаго родныхъ по всѣмъ званіямъ, говорить Квитка. Онъ простачекъ, не получившій образованія, чудно мыслить, будто понимаетъ дѣло, во превратно отъ общихъ разумѣній.

и изъявляютъ судьи, опекуны; въ земельныхъ выборахъ и много—многа. Квитка Члтневу,— пансионъ, содержатели пансионовъ, именованіемъ лица, всѣ Вышла „Козырь-дѣвка“, ковъ не принимаетъ отъ Квитки съѣсть меня го- це „Скотъ“ (отрывокъ изъ романа). Что же будетъ, когда Квитка, какъ будто бы люди во всѣхъ въль сдѣлать свой романъ

связь, хотя и слабыхъ Квитки на русскомъ язы- интересами провинціаль- помогла ему и его служеб- поле для наблюдательно- говорить о Квиткѣ одинъ ии, природному здравому съумѣль понять зна- ии общественному благу, и упо- възможностей разныхъ сторонъ окружавшей

съ биографомъ имѣли живой интересъ въ немъ всякаго рода толки, разнаго рода обществен- по поверхности провинці- менія и не приносila об- вала его въ новое, лучшее биографическихъ сочиненіяхъ биографовъ и рецензентовъ, которые изъ малорусскихъ кри- писательныхъ сочиненій Квитки въ русской литературѣ, между недоразвитостю автора. Г. Квитки говорить слѣду- онъ началъ еще съ 1816 годомъ, и то въ связи объ институтѣ, записи, получивши доступъ

щання якъ завязано" и повѣсть „Ганнуся". Къ драматическимъ произведеніямъ Квитки на малорусскомъ языкѣ г. Костомаровъ от-числяетъ: комедіи — „Шельменко-писарь" и „Шельменко-деньщикъ", „Сватання на Гончаривці", „Щира любовь" и „Бой-жинка", изъ которыхъ послѣднія не была напечатана, но игралась на харьковской сценѣ.

Всѣ почти эти украинскія произведенія Квитки переведены были и на русскій языкъ, но въ русскомъ переводѣ значительно утратили свою первоначальную свѣжестъ. Самъ Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу слѣдующее: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски, и совершиенно по-русски, точно какъ вы ж-лаете. Слушаемъ въ чтеніи,—и что же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находить маскарадомъ: выраженія, не свойственныя обычаямъ, изъясненія—національности, дѣйствія—характерамъ, мыслящимъ по-своему". Подобнымъ образомъ отзывался о русскихъ переводахъ малорусскихъ произведеній Квитки и Даль-Луганскій. „Я думаю, говорилъ онъ, что Квитка—одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разсказчиковъ на народномъ нарѣчіи своемъ. Многословная болтовня его на родномъ языкѣ всегда простодушна и умна, на русскомъ же—нерѣдко пошловата". Изъ этого мы заключаемъ, что главное достоинство украинскихъ произведеній Квитки заключается въ томъ, что онъ писаны не „иноязычной рѣчью", а на украинскомъ же языкѣ, который въ первый разъ примѣненъ у него къ понѣтіямъ. Правда, этотъ языкъ изобилуетъ у Квитки харьковскими провинціализмами, но этотъ недостатокъ значительно искупается сочувствиемъ автора къ простому народу и желаніемъ освѣтить и возвысить его убогую жизнь. Изъ И. Срезневскаго говорилъ о Квиткѣ: „худо бы одѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко зналъ онъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, вѣ въ томъ, однако, его истинная заслуга. Заслуга его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубокое пониманіе онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языккомъ, покренимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться, и любовью къ книгѣ—душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣтельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческий только въ своемъ простомъ, селѣскомъ быту". „Взялъ онъ для разсказа,—говорить Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Квитки,—самую низшую матерію изъ всѣхъ, какія были у него предъ глазами: покинулъ дворянъ, покинулъ суды, институты, монастыри, взялъ неграмотнаго, темнаго,

простаго земледѣльца и рассказалъ его же рѣчю, что дѣлается въ его хозяйствѣ, въ сельской околице и въ хатѣ между бабьемъ. И вышелъ у него прекрасный Божій міръ какъ будто еще прекраснѣе, нежели у насть передъ глазамя". „Этими достоинствами Квитка имѣлъ,— по словамъ г. Костомарова,— громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда читалъ ему произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ".

Но писатель можетъ питать горячее сочувствие къ низшему классу народа и вызывать у читателей слезы и все-таки не совсѣмъ вѣрно изображать народную жизнь: доказательствомъ тому служатъ сентиментальные, слезливыя русскія повѣсти, начиная съ „Бѣдной Лизы" Караваціна. Поэтому спрашивается,—вѣрю-ли и насколько вѣрно изображается въ украинскихъ произведеніяхъ Квитки малорусская народная жизнь? Вопросъ этотъ рѣшался и рѣшается различно. „Русскимъ читателямъ,—говорить г. Пыпинъ,—повѣсти Основьяненка казались вообще сентиментальными идиліями, его женскіе народные характеры слишкомъ идеализированными, фраза слишкомъ манерной и болтливой; но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое проявили въ нихъ повѣсти Основьяненка при своемъ первомъ появлѣніи". Приведемъ отзывы наиболѣе видныхъ представителей сѣверно-русской и южно-русской литературы объ украинскихъ произведеніяхъ Квитки. По-поводу оперетки нашего автора—„Сватання на Гончаривці"—Бѣлинскій писалъ слѣдующее: „Мужицкая жизнь сама по себѣ мало интересна для образованного человѣка; следственно, много нужно таланта, чтобы идеализировать ее до поэзіи... Содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интерес ихъ—мужицкая наивность и наивная прелестъ мужицкаго разговора. Все это нѣсколько прискучило". Г. Костомаровъ, напротивъ, во всѣхъ украинскихъ произведеніяхъ Квитки видѣтъ вѣрное изображеніе истинной народной жизни, чуждое всякой идеализаціи и преувеличенія. „Трудно опредѣлить превосходство одной его повѣсти предъ другою,—говорить онъ, потому что каждая имѣетъ свои достоинства и представляетъ то ту, то другую сторону народнаго быта, нравовъ и взглядовъ. Если въ „Солдатскомъ портретѣ" Квитка, описывая сельскую ярмарку, рисуетъ простодушнаго поселанина до того комически, что возбуждаетъ смѣхъ въ самомъ серьезномъ читателѣ, то въ „Марусѣ", „Сердечной Оксанѣ", и въ „Божихъ дѣтакахъ", при разнообразіи отношеній и положеній, выражаетъ такую полноту, глубину и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу у самого веселаго и беззечаго. Въ повѣстяхъ „Конотопска видьма", „Отъ тоби й скарбъ", „Мертвецкій великий-день" онъ выставляетъ самыя затѣйливыя фантастическія представленія; въ повѣстяхъ „Добре роби—добре й буде", „Перекоти-

поле“—изображаетъ народныя нравственныя понятія; въ „Козырь-дивѣ“ выводить отношенія, въ которыхъ народная сельская жизнь ста-
кивается съ властью и администрацией; и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣстователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника Гоголя, хотя много уступаетъ ему въ художе-
ственномъ построеніи“. Чтобы отклонить упреки, дѣлаемые великокорус-
скими критиками Квиткѣ за искусственную сентиментальность, ко-
торую онъ будто бы навязываетъ изображаемому имъ народу, и вѣ-
стѣ обезоружить этихъ критиковъ, г. Костомаровъ неразъ утвер-
ждаетъ, что „именно у Квитки какъ этого, такъ и ничего навязыва-
емаго народу нѣтъ: незаслуженный упрекъ происходить отъ того, что
критики не знали народа, который изображалъ малороссійскій писатель!“

Впрочемъ, и нѣкоторые изъ авторитетныхъ малороссовъ находили извѣстную долю искусственной сентиментальности въ украинскихъ про-
изведеніяхъ Квитки. Г. Чуприна (А. А. Котляревскій) говорить о Квит-
кѣ слѣдующее: „Сфера чувства, такъ сказать сердечная, дотолѣ почти неизвѣдомая въ малороссійской словесности, широко раскрывается во
всѣхъ лучшихъ произведеніяхъ Основьяненка, и съ этой стороны его
можно назвать вполнѣ народнымъ романистомъ. Но, отдавая справед-
ливость достоинствамъ и заслугамъ Основьяненка, не забудемъ и его
недостатковъ: они по большей части состоятъ въ невыдержанности ха-
рактеровъ. Дѣло въ томъ, что онъ не былъ художникомъ. Оттого при
изображеніи любви простой украинской „дивчины“ онъ такъ часто сбива-
ется на искусственную сентиментальность, едва ли возможную въ
быту простолюдина“. Да и самъ г. Костомаровъ въ 1844 году нахо-
дилъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Квитки неестественность и сентимен-
тальность, какъ напримѣръ въ изображеніи характера Василия въ Квит-
киной повѣсти „Маруся“. К. Шейковскій замѣчаетъ о повѣстяхъ Квит-
ки, что онъ замѣчательны не въ художественномъ отношеніи, а какъ
слабые материалы для изученія народнаго быта. И только въ посѣд-
ствіи времени, сопоставляя Квитку съ Шевченкомъ, украинскіе критики
стали игнорировать эти недостатки Основьяненка и приписывать ему
то, чего онъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду. Г. Булинъ необину-
ясь говоритъ, что „когда осіяла Квитку съ его простодушными творе-
ніями огненная поэзія Шевченка, тогда понятно стало намъ, что На-
умъ Дротъ (въ „Марусѣ“ Квитки)—тотъ же Кішка Самійло народный,
потому что выдержалъ онъ пробу не менѣе Самойловой, живущи дома на
чужбинѣ, и, бѣдя вѣкъ за вѣкомъ, не погнулся, не унизился духомъ твер-
дымъ и высокимъ“. Но, вѣдь, Квитка и Шевченко—не сіамскіе близне-
цы, и каждый изъ этихъ писателей долженъ быть оцѣниваемъ съ исто-
рической точки зрењія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что искусственную сентиментальность признаютъ далеко не за всѣми украинскими произведеніями Квитки, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ дѣйствительно является вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ украинскія произведенія Квитки можно раздѣлить на два разряда: 1) веселыя, насмѣшливыя, комическая повѣсти и драматическая пьесы, съ замѣтнымъ этнографическимъ колоритомъ, и 2) трогательныя, чувствительныя повѣсти и пьесы, съ легкимъ этнографическимъ оттенкомъ, въ которыхъ естественный элементъ чувства доводится иногда до преувеличения и крайностей. Къ первымъ относятся „Солдацкій патреть“, „Мертвѣцький великанъ-день“, „Конотопська видьма“, „Отъ тоби й скарбъ“, „Купований розумъ“, „Пархимово снданіе“, „Пидбрехачъ“, „Напущання якъ завязано“; ко вторымъ—всѣ остальные украинскія произведенія Квитки. Рассмотримъ тѣ и другія отдельно.

Еще г. Мастакъ, различая у Квитки комическая и трогательныя украинскія повѣсти и драматическая пьесы, сопоставлялъ первыя съ русскими комедіями Квитки „Дворянские выборы“ и „Шельменко“ и находилъ между ними родство. Въ самой дѣйствіи, эти комическая украинскія произведенія Квитки суть не что иное, какъ продолженіе его русскихъ комедій, постепенно углубляющееся въ малорусскую народную почву. Въ первой его комической повѣсти „Солдацкій патреть“ еще замѣтны литературные приемы И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака-Артемовскаго и отчасти карикатурное изображеніе малорусской жизни; но въ дальнѣйшихъ повѣстяхъ этого рода Квитка иногда прямо беретъ содержаніе для себя изъ народныхъ преданій и народной жизни, подвергая лишь незначительной передѣлкѣ.

Повѣсть „Солдацкій патреть“ имѣть еще слѣдующее добавочное заглавіе: „Латынська побреженька, по-нашему рассказана“. По словамъ Мастака, „основаніемъ этой повѣсти послужила извѣстная латинская пословица: *ve sutor ultra (supra) speridam*¹⁾. Мы съ своей стороны прибавимъ, что эта повѣсть напоминаетъ памъ также басню Эзопа — *Mosci censura*. Во всякомъ случаѣ, повѣсть основана на латинскихъ источникахъ, между тѣмъ какъ самъ Квитка не владѣлъ латинскимъ языками. Поэтому позволительно предположить, что самая идея повѣсти внушиена Квиткѣ кѣмъ либо другимъ и именно другомъ его, П. Гулакомъ-Артемовскимъ, который извѣстенъ своими переложеніями съ латинского языка на малорусский,—и повѣсть во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою литературную манеру Гулака-Артемовскаго и отчасти И. П. Котляревскаго и Гоголя—отца. Въ ней разсказывается объ одномъ искус-

1) См. „Ученые записки московского университета“, октябрь, 1834 г.

номъ малороссійскомъ малярѣ (живописцѣ) Кузьмѣ Трохимовичѣ, кото-
рый подряделся одному господину написать солдата, да такого, кото-
рый былъ бы какъ живой и пугалъ воробьевъ на огородѣ. Кузьма Тро-
химовичъ написалъ солдата, но предварительно отправился съ нимъ на
ярмарку, чтобы выставить его тамъ и выслушать, что будуть говорить
люди. Здѣсь сначала все принимали солдатскій портретъ за живаго
солдата, и только впослѣдствіи разсмотрѣли, въ чёмъ дѣло. Позже всѣхъ
проходила мимо портрета толпа парней, большую частью занимавшихся
какимъ нибудь ремесломъ. Предводитель ихъ „швецъ“ (сапожникъ) Тер-
ешко сначала отдалъ портрету честь, какъ живому; но, пристыженный
другими, говорилъ, будто онъ нарочно поклонился портрету, чтобы по-
дразнить маляра, но что на самомъ дѣлѣ портретъ плохо написанъ,
такъ какъ неправильно изображенъ голенище, подборы и подъемъ.
Кузьма Трохимовичъ нашелъ справедливымъ замѣчаніе швеца и тотчасъ
же, по уходѣ парней, исправилъ у солдата обувь. Между тѣмъ парни
вернулись назадъ и замѣтили, что маляръ послушался Терешки. „Этѣ
еще бѣ то не послухавъ,—замѣтилъ самодовольный Терешко и, подбо-
ченясь, проложилъ: я вже силу знаю и заразъ побачу, що недошмыги.
Чуботы теперъ якъ чуботы, якъ я навчивъ,—такъ мундиръ не туды
дышыцьци. Треба, щобъ рукава ось такъ..“—„А зась, не злаешь!“—
крикнулъ Кузьма Трохимовичъ изъ своего шалаша: „швецъ знай свое
шевство, а у кравецтво не мишайся!“ Г-ну Мастаку особенно нравил-
ся въ этой повѣсти „мастерской очеркъ сельской малороссійской ярмар-
ки“ и эпизодъ о похожденіяхъ ливчать, „вышедшихъ на ярмарку по-
глазѣть,—та щобъ чи не пожартують парубки въ нымы“. Нужно, ви-
рочемъ, замѣтить, что парни и дѣвушки ведутъ себѣ на ярмаркѣ не со-
всѣмъ-то скромно и прилично, и вся ярмарка представлена Квиткою въ
нѣсколько карикатурномъ видѣ. Пародіей отзываются и слѣдующіе раз-
сказы Квитки: „Пархимово синданія“, „Купованій розумъ“, „Пидбре-
хачъ“ и нѣкоторые другие. Въ первомъ изъ этихъ рассказовъ Пархомъ—
такой же набитый дуракъ, какъ и Романъ въ комедіи Гоголя—отца
„Простакъ“. Замѣтилъ шашинъ своей жены, Пархомъ требуетъ отъ нея
нѣсколько котѣкъ на лакомства, но по своей глупости покупаетъ хрѣ-
ну и съѣдастъ его. „Пидбrehачъ“ это—человѣкъ, помогающій свату
вратъ о достоинствахъ жениха; но, по глупости, онъ преувеличиваетъ
не только достоинства, но и недостатки жениха. „Купованій розумъ“
представляетъ наль школыника, доучившаго до сонершенного оту-
пленія.

Выше этихъ пародированныхъ произведений Квитка стоитъ его
комическія повѣсти и рассказы, заимствующіе свое содержаніе изъ на-
родныхъ преданій, какъ то: „Мертвець-день“, „Бонотонська-
відьма“ и „Отъ тебі й скарбъ“. Правда, въ нихъ есть отчасти карри-

катурный элементъ, но онъ заслоняется народнымъ содержаниемъ этихъ рассказовъ и повѣстей. „Мертвець-день“ есть пасха мертвѣцій, которую оня спрavitъ въ четвергъ на святой недѣлѣ, собираясь въ свою приходскую церковь на ночное богослуженіе, которое совершаеть умершій сященникъ. И горе тому живому человѣку, который случайно попадетъ на ихъ праздникъ! Квитка воспользовался этимъ народнымъ повѣремъ и старался объяснить его происхожденіе хмѣльнымъ бредомъ пьяныхъ мужиковъ; но почему-то пріурочилъ „Мертвець-день“ къ масляничному заговѣнью и чистому понедѣльнику, когда въ Малороссіи спрavitъ собствено „полоскозубъ“. „Полоскозубъ“ состоитъ въ полосканіи зубовъ водкою, чтобы не осталось между ними масляничаго сыра; въ противномъ случаѣ, за этомъ сыромъ придутъ вѣдьмы. Очевидно, Квитка смѣшилъ въ своей повѣсти эти два народные праздника. Повѣсть „Конотопська відьма“ основана на чисто малорусскомъ историческомъ преданіи. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ козацкій сотникъ Забреха и писарь Пистрякъ, не понимая прямыхъ своихъ обязанностей, занимались топленіемъ мнимыхъ вѣдьмъ въ прудѣ и сами сдѣлялись жертвою мести этихъ вѣдьмъ и получили заслуженное наказаніе отъ своего начальства. „Топленіе (мнимыхъ) вѣдьмъ при засухѣ, говорить самъ Квитка, не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но, къ удивленію и даже ужасу, возобновленное помѣщицю сосѣдней губернії“. Объ этомъ обычай говорить и современный Квиткѣ украинскій писатель П. П. Белецкій-Носенко. Повѣсть „Отъ тобі й скарбъ“ разсказываетъ о Хомѣ Маслякѣ изъ села Джигуниці, который помѣшился на отысканіи кладовъ, растратилъ на нихъ все свое состояніе и, наконецъ, рѣшился на послѣднее средство — продаться чорту, чтобы съ его помощью получить кладъ. Дѣло было какъ-разъ передъ пасхой, когда его односельчане приготовлялись къ этому свѣтлому празднику. Хома Маслякъ встрѣчается съ цыганкой и при помощи ея знакомится съ Юдуномъ, т. е. самимъ чортомъ. Черти заводятъ его въ непроходимыя болота и спрavitъ съ нимъ свой чертовскій шабашъ. Хома едва выбрался отъ нихъ и добрался до своего села, но вскорѣ послѣ того умеръ. Нѣчто подобное разсказывается въ Малороссіи объ отысканіи кладовъ и въ настоящее время¹⁾; слѣдовательно, повѣсть Квитки основана на народныхъ малорусскихъ преданіяхъ. Но мы видѣли уже случай замѣтить, что Квитка не остается вполнѣ вѣренъ народнымъ преданіямъ и перѣдко измѣняетъ и церемониуетъ ихъ; слѣдовательно, онъ смотрѣлъ на эти преданія только какъ на материаль для своихъ повѣстей и рассказовъ и въ этомъ отношеніи поступалъ

1) См. „Малорусскія преданія и рассказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 43.

шаль точно такъ же, какъ И. П. Котляревскій въ своихъ операхъ и Гоголь—отецъ въ своихъ комедіяхъ.

Совершенно почти новымъ явленіемъ въ украинской литературѣ были повѣсти и драматическія пьесы Квитки съ сентиментальнымъ и трогательнымъ содержаніемъ. Раньше Квитки написана была въ этомъ тонѣ только „Наталка-Полтавка“ Котлиревскаго. Квитка даѣтъ сентиментальности широкое развитіе и въ первый разъ сполна ввѣль ее въ украинскую повѣсть. Къ сентиментальнымъ и трогательнымъ произведеніямъ его относятся: „Маруся“, „Сердешна Оксана“, „Щира любовь“, „Добре роби—добре й буде“, „Козырь-дивка“, „Перекати-поле“ и др.

Содержаніе повѣсти „Маруся“ слѣдующее. Жиль-быль Наумъ Дротъ, человѣкъ честный, трудолюбивый, хороший хозяинъ, товарищъ, супругъ и отецъ; его жена Настя во всемъ была подъ-пару ему. Долго не было у нихъ дѣтей; наконецъ Богъ послалъ имъ дочь Марусю, скромную, добрую, червоную якъ панська рожа (роза). Въ нее-то влюбился парубокъ Василь, горожанинъ, ремесломъ свитныхъ, увидѣвшіи ее разъ на свадьбѣ у одной ея подруги; онъ познакомилъ съ ней по дорогѣ въ городъ и заслалъ сватовъ къ родителямъ Маруси, но получилъ отказъ отъ Наума, потому что Василю была очередь идти въ рекрутъ; если же онъ непремѣнно хочетъ сдѣлаться его зятемъ, то впередъ долженъ пріискать за себя наемщика. Василь пошелъ къ купцу, торговавшему желѣзомъ, въ сидѣльцы, выучился у него грамотѣ и такъ полюбился хозяину, что онъ обѣщалъ поставить на его мѣсто рекрута. Наумъ, обрадованный этимъ, сдѣлалъ говорѣ и обручилъ свою дочь Василемъ; но свадьба отложена была на время, по случаю отѣзда жениха по разнымъ торговымъ дѣламъ въ Одессу, Москву и др. Въ отсутствіе его Маруся простудилась, получила воспаленіе легкихъ и умерла. Василь воротился къ похоронамъ Маруси и затѣмъ навсегда удалился изъ села. Онъ умеръ іеродакономъ Венедиктомъ въ кіево-печерской лаврѣ.

Этнографического элемента въ этой повѣсти весьма мало: онъ проглядываетъ только въ описаніи народныхъ обрядовъ сватанія и похороненія. Затѣмъ, все содержаніе Маруси—общечеловѣческаго характера, въ духѣ сентиментальности, получившей у насъ широкое развитіе съ легкой руки Н. М. Карамзина. И Квитка, подобно Карамзину, бралъ сюжеты своихъ повѣстей изъ низшаго или средняго класса народа, влагалъ въ своихъ героевъ и героинь возвышенныя, благородныя и нѣжныя чувства, располагающія въ ихъ пользу и высшіе классы общества, и заставляла своихъ читателей и читательницъ проливать обильныя слезы. „Написалъ Квитка свою повѣсть „Маруся“, говоритъ Кулишъ, и кто ни читалъ ее, всякий плакалъ. О чёмъ же плакать, читая „Марусю“? Развѣ ея доля ужъ очень несчастна? Нѣть, тутъ не печаль об-

нимаеть душу, не изъ этого источника текуть у читателя слезы. Душа тутъ обновляется, смотри на роскошную красу девичью и чистое девическое сердце. Это—не Маруси у насъ передъ глазами: это—ваша юность, это—тѣ дни святые, приснопамятные, когда и у насъ было красно, чисто и свято въ сердцѣ¹. „Это—первая была книжка,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—которая дышала тѣмъ же духомъ, какимъ и слово Учителя благаго. Квитка посмотрѣлъ на насъ, простыхъ людей, тѣмъ же самымъ простымъ взглядомъ, какъ и тотъ великий человѣкољбецъ. Мы изумились, какъ ясно засиялъ нашъ народный образъ, даромъ, что къ нему густымъ слоемъ присталъ пахарскій потъ. Глубоко заглянули мы сть Квиткой въ душу простаго народа и сами задумались, откуда у него такая неотразимая глубина.. Квитка первый довѣрь украинцевъ до слезъ рѣчью украинской и тѣмъ показалъ, что мы еще не сдѣвались никуда негодными, потому что и у насъ есть что рассказать по-своему, есть надѣль чѣмъ заплакать. И, должно быть, много значить нашъ народъ простой въ своихъ домотканыхъ свиткахъ, когда, вошедши въ семью, самый разумный и ученый изъ насъ считаетъ эту семью своею родною, самый славный и знатный изъ насъ, самый высокій и чистый духомъ не отказался бы признать Марусю родною сестрою, и ея матерь—родною матерью, и ея отца—роднымъ отцомъ.. Одна очень развитая въ области вкуса дама выразилась о Наумѣ Дrottѣ: „это—такой мужикъ, у которого сть почтеніемъ можно поцѣловать руку². Въотъ такимъ-то людомъ, убогимъ и смиреннымъ, похвалился нашъ Квитка передъ всѣмъ свѣтомъ: есть ли, моль, другой такой на всемъ великомъ свѣтѣ³). Въ этомъ восторженномъ отзывѣ г. Кулиша о Квиткиной „Марусѣ“ довольно ясно обрисованы сентиментальные черты ея, можетъ быть—помимо сознанія самого г. Кулиша. А Н. И. Костомаровъ въ первомъ (по времени) своемъ обзорѣ украинской литературы прямо замѣчаетъ, что „характеръ Василя неядсенъ и даже неестественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Марусѣ,—онъ сентименталенъ, и самое его удаленіе въ монастырь не производить сильного эффекта⁴). Кромѣ того, г. Мастакъ находилъ, что повѣсть „Маруся“ чрезвычайно растянута и невольно наводить скучу при чтеніи.

Совершенно подъ-пару Марусѣ другая герояня Квитки Галочки въ его повѣсти „Щира любовь“ и драматической пьесѣ съ тѣмъ же заглавиемъ. Галочка, дочь обывателя подгородья Гончаривки, Таравца

1) „Основа“, мартъ, 1861 г., стр. 28, и апрѣль того же года, стр. 54 и 81.

2) „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійскомъ языке“, въ Мододникѣ, за 1844 годъ.

полюбилась умному, честному и благородному офицеру Зорину и сама его полюбила, но любовью идеальной и самоотверженной, и не хотела выйти за него замуж, чтобы неравнымъ бракомъ съ нимъ не повредить его общественному положению и служебной карьерѣ. Она выходитъ замужъ за своего работника Миколу, сохнеть отъ грусти и умираетъ. Повѣсть несомнѣнно написана при участіи жены Квитки Аны Григорьевны и отличается сильной идеализацией и сентиментальностью. Редакторъ „Современника“ Плетневъ назвалъ Галочку существомъ нѣсколько идеальнымъ. Въ отвѣтъ на это Анна Григорьевна писала ему „Почему вы находите, что Галочка—существо неземное? Право, мнѣ жаль, что вы такъ думаете, чтобы въ простомъ быту не было благородства души и возвышенныхъ чувствъ! Я вѣсль могу увѣрить, что Галочка существовала и что теперь есть въ томъ мѣстѣ, где она жила, люди, которые рассказываютъ о ея умѣ и о красотѣ ея столько похвалъ, что онѣ даже въ пѣсняхъ сохранились... Извините, что я такъ горячо вступаюсь за Галочку—мое милое дитя, которое тѣмъ для меня болѣе интересно, что это истинное происшествіе, о которомъ я давно просила мужа описать его“. — „Увы!—замѣчаетъ по поводу этого письма Г. Данилевский,—почтенная Анна Григорьевна, достойная всякой похвалы и справедливости, не знала, что можно слышать объ интересномъ, живомъ происшествіи и — разсказать его все-таки сентиментально и вилю“.

Болѣе живой и человѣческій характеръ представляетъ „Сердешна Оксана“. Она была дочь вдовы Веклы Ведмедихи, которая, не смотря на свое вдовство, платить подушное, какъ мужчина, и во всѣхъ важныхъ дѣлахъ даетъ умные совѣты сельскому старостѣ. Оксана, въ противоположность сосредоточеннымъ въ себѣ Марусѣ и Галочкѣ, отличалась веселымъ характеромъ. Она привѣтлива быва къ матери, но, какъ избалованное дитя, ничего не работала, хотя и способна бывала работать. Она согласилась выйти замужъ за крестьянина Петра, но втайне мечтала о панской жизни. На бѣду, въ селѣ остановился на постой одиный капитанъ со своими солдатами, полюбился Оксанѣ, соблазнилъ ее и увезъ съ собою. Но и для капитана она стала въ тягость, какъ только добился онѣ своей нечистой цѣли, и потому онѣ напоилъ ее пьяновъ, остригъ ей волосы и бросилъ ее на постоюломъ дворѣ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, у Оксаны родился ребенокъ. Поруганная Оксана бѣжать съ этимъ ребенкомъ къ родному селу и на дорогѣ встрѣчается съ Петромъ, который любить ее по-прежнему и возобновляетъ сватовство; но Оксана считаетъ себя недостойною его руки и отказываетъ ему. Когда же и мать Оксаны бывта убита горемъ и дочернимъ срамомъ, Оксана соглашается поселиться въ хатѣ Петра, но все-таки не выходить за него замужъ. Однажды подросшій ей сынокъ увидѣлъ

въ селѣ капитана, который по лицу узналъ въ немъ сына Оксаны и далъ ему гривенникъ, но Оксана, догадавшись, что этотъ капитанъ былъ ея обольститель, выбросила гривенникъ за окно. Квитка самъ, какъ видно, считалъ „Сердешну Оксану“ одною изъ лучшихъ своихъ повѣстей и даже сопоставлялъ ее съ „Катериной“ Т. Г. Шевченка. Въ письмѣ отъ 23 октября, 1840 года, Квитка писалъ Шевченку: „А что Катерина, такъ ужъ подлинно Катерина! Хорошо, батюшка, хорошо! Больше не умѣю сказать. Вотъ такъ-то москалики военные обдуриваютъ нашихъ дѣвушекъ! Написалъ и я „Сердешну Оксану“, вотъ точнѣонъко, какъ и ваша Катерина. Прочитаете, какъ г. Гребенка напечатается. Какъ это мы одно думали про бѣдныхъ дѣвушекъ да про бу-сурманскихъ солдатъ!—По крайней мѣрѣ, это совпаденіе предметовъ у двухъ лучшихъ малорусскихъ писателей показываетъ, что и „Сердешна Оксана“ и „Катерина“ имѣютъ подъ собою бытовую почву, дѣйствительные жизненные факты, вытекающіе изъ склада жизни бездомнаго и зачестствѣлого солдата и простой деревенской красавицы, заглядывающейся на блестящіе военные мундиры. Но, за исключеніемъ этой правдоподобной коллизіи, остальное въ повѣсти Квитки все-таки довольно идеально. Особенно это нужно сказать о характерѣ Оксаны, ея матери и Петра.

Повѣсть Квитки „Добре роби—добре й буде“ доводить идеализацію сельской жизни до крайнихъ предѣловъ. Герой ея, простой крестьянинъ Тихонъ Брусъ, представляетъ изъ себя олицетвореніе разума и небесной добродѣтели на землѣ, безъ всякихъ земныхъ пленъ, безъ живыхъ мѣняющихся красокъ. Въ виду угрожающаго голода, Тихонъ Брусъ совѣтовалъ своему обществу сдѣлать складчину хлѣба и производить аккуратную и бережливую выдачу изъ общественного магазина. Но общество не послушалось его, а между тѣмъ голодъ приближался. Тогда Брусъ употребилъ все свое доколѣно значительное состояніе на покупку хлѣба, даже заложилъ вещи своихъ домашнихъ, къ ихъ великому огорченію и неудовольствію, и спасъ все общество отъ голода, продавая ему закупленный хлѣбъ по сравнительно дешевой цѣнѣ. Повидимому, такой святой подвигъ долженъ быть найти вознагражденіе въ себѣ самъ; но онъ вознаграждается у Квитки самыи обыденными образомъ: Тихонъ Брусъ получаетъ серебряную медаль отъ царя и денежнное вознагражденіе за убытки. Самъ издатель повѣстей Квитки, г. Кулинъ, въ своей рекламѣ объ этихъ повѣстяхъ какъ будто чувствовалъ всю неправдоподобность подобнаго черезчуръ идеального характера въ крестьянской средѣ и нерѣзъ увѣряетъ, что это не выдумка, а сущая правда, но увѣряетъ голословно.

Значительная доля идеализаціи находится и въ повѣсти „Козирь-дівка“. Содержаніе повѣсти слѣдующее. Зажиточный крестьянинъ Тро-

химъ Макуха, содержатель постоянаго двора, имѣлъ въ семье семейство сына Тимоху—гулящаго и безпутнаго парня, дочь Ивгу—умную и добрую девушку, и кроме того прѣмита Левка—честнаго и трудолюбиваго парня. Левко и Ивга полюбили другъ друга и мечтали о взаимномъ счастьи въ супружествѣ. Но на постояномъ дворѣ у Макухи случилась пропажа денегъ. Икъ укралъ сына Макухи Тимоха, а волостной писарь, самъ разсчитывавшій жениться на Ивгѣ, обвинилъ въ покражѣ Левка и препроводилъ его въ уѣздный судъ. Судъ, въ которомъ засѣдали бездѣятельные и безголовые суды, притомъ же взяточники, не разслѣдовавъ дѣла, подтвердилъ обвиненіе и отправилъ Левка въ губернію для окончательного утвержденія судебнаго приговора надъ Левкомъ и отправки его въ Сибирь. Ивга знала дѣйствительнаго виновника покражи и рѣшилась во что бы то ни стало раскрыть передъ блюстителями правосудія истину и спасти ни въ чёмъ неповиннаго и дорогаго для нея Левка. Она послѣдовала за своимъ Левкомъ въ уѣздный городъ; напрасно здѣсь домогалась того, чтобы ее выслушали уѣздные суды. Ивга отправляется за осужденнымъ Левкомъ въ губернскій городъ и, по указанію губернаторскаго чиновника, обращается къ самому губернатору, который оказался въ высшей степени человѣкомъ безкорыстнымъ, благороднымъ и дѣятельнымъ. Разумѣется, онъ выслушалъ Ивгу, приказалъ разслѣдовывать дѣло и возводить каждому по дѣламъ его. Кстати, и самъ виновникъ всей этой кутерьмы,—Тимоха, явился въ ту пору въ губернскомъ городѣ, въ качествѣ рекрутскаго кутилы—наймита за другое лицо.—Справедливо говорить г. Кулишъ, что эта повѣсть есть „горкій укоръ тѣмъ людямъ, которые выбились изъ темнаго, безграмотнаго народа въ законники, да и засѣли въ законахъ, какъ мыши въ засѣкѣ“. Это собственно относится къ волостнымъ писарямъ и членамъ уѣзднаго суда. Но, кроме этихъ мышей или канцелярскихъ крысъ, у Квитки въ этой повѣsti представлены и положительные типы, не только въ лицѣ Ивги и Левка, но и въ лицѣ губернатора. Напрасно г. Кулишъ говоритъ,—и притомъ не къ чести Квитки,—будто бы послѣдній похвалилъ губернатора, боясь его задѣять чѣмъ либо, или оскорбить. По нашему же мнѣнію, Квитка былъ вѣренъ себѣ, изображая въ хорошихъ чертахъ губернатора. Квитка часто изображалъ людей не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а какими они должны быть по евангельскому слову и общечеловѣческому идеалу. Поэтому и губернаторъ его есть губернаторъ идеальный, существовавшій только въ воображеніи автора.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о повѣsti Квитки „Перекати-поле“. Она не можетъ быть отнесена къ сентиментальнымъ повѣстямъ, равно какъ и не принадлежитъ къ разряду шутливыхъ, комическихъ повѣстей Квитки и составляетъ особое въ нѣкоторомъ родѣ

исключительное явление. Повесть изображает народный нравственный понятие и для этого пользуется народнымъ степнымъ преданіемъ о расстеніи перекати-поле, которое, оторвавшись отъ своего корня, перекатывается вѣтромъ черезъ поля и степи и иногда пробѣгаєтъ громадныя пространства. Въ фантазіи украинскихъ писателей перекати-поле часто служитъ поэтическимъ символомъ безроднаго скиталяца, оторванаго отъ роднаго корня. Квитка разсказываетъ въ своей повѣсти о двухъ парубкахъ—Денисѣ Лискотунѣ и Трохимѣ, сынахъ Бенгериихъ, изъ которыхъ первый издавна занимался воровствомъ, хотя и слылъ за честнаго человека. Оба они отправились на заработки въ одинъ городъ; Трохимъ достаточно заработалъ, а Денисъ Лискотунъ прогулялъ все время и пустился на воровство, но былъ пойманъ Трохимомъ. Домой возвращались они вмѣстѣ, и Лискотунъ, опасаясь дома огласки своего воровства, убилъ и обобралъ своего спутника, который передъ смертью указалъ своему убийцу на перекати-поле, какъ на свидѣтеля преступленія. Дѣйствительно, перекати-поле глубоко врѣзалось въ душу убийцы, мучило его преступную совѣсть и заставило, наконецъ, сознаться въ убийствѣ Трохима. По народному колориту, поэтическому замыслу и естественности разсказа, это—одна изъ лучшихъ, по нашему мнѣнію, украинскихъ повѣстей Квитки.

Итакъ, мы видимъ, что произведенія Квитки—самаго разнообразнаго содержанія и характера: писаны частію на русскомъ, частію на малорусскомъ языке, касаются то городской и панской, то сельской жизни, и изображаютъ ту и другую въ отрицательномъ и положительному свѣтѣ. Мы выше замѣтили, что все это разнообразіе произведеній Квитки можетъ быть подведено подъ одно общее начало идилліи и сентиментальности, которое предполагаетъ собою противоположность между городской изысканной и сельскою простой жизнью. Тѣмъ не менѣе, не всѣ его произведенія имѣютъ равную цѣну и значеніе. Ниже всего стоять его нравоописательные романы на русскомъ языке— „Панъ Халявскій“ и „Лохожденія Столбикова“. Выше ихъ стоять русскія его комедіи „Дворянскіе выборы“, „Шельменко деньгищикъ“ и „Шельменко писарь“, но крайней мѣрѣ нравившіеся русской публикѣ. Но малороссы собственно цѣнили его произведенія на украинскомъ языке, къ которымъ относятся его драматическія пьесы и повѣсти. Однѣ изъ нихъ представляютъ украинскую жизнь въ комическомъ и отчасти карикатурномъ видѣ и имѣли предшественниковъ своихъ въ операхъ и комедіяхъ Котляревскаго и Гоголя—отца; другія, и притомъ болѣе многочисленныя, развивали элементъ чувства, свойственный малорусской природѣ, но нерѣдко доводили его до крайностей искусственной сентиментальности и иногда только приближались къ чистѣйшимъ звукамъ украинской народной словесности и поэзіи. Послѣднія-то собственно и пред-

ставляютъ новый вкладъ въ исторію украинской литературы и поэтому должны характеризовать Квитку, какъ писателя попреимуществу сентиментальнаго.

Но современники и ближайшее поколѣніе часто обращаютъ вниманіе не на характеристическая произведенія известнаго писателя, а на второстепенные и подражательныя. Такъ случилось и съ Квиткой. Какъ талантливый писатель, онъ имѣлъ немало послѣдователей; но собственно его идеалистическимъ и сентиментальнымъ повѣстямъ подражали только немногіе, и притомъ большую частію позднѣйшіе писатели, напримѣръ Кулишъ, Марко-Борчокъ, Ганна Барвинокъ и др. Большинство же его послѣдователей имѣло въ виду его комическая произведенія въ драматической формѣ и такимъ образомъ смотрѣло на него, какъ только на продолжателя литературной дѣятельности Котляревскаго въ его операхъ; но къ этому прибавляло кое-что изъ новыхъ русскихъ писателей—Крылова, Жуковскаго и даже Пушкина, а можетъ быть—и изъ польскихъ писателей

Къ числу ближайшихъ послѣдователей Квитки, но съ примѣсью другихъ литературныхъ элементовъ, относятся: Степанъ и Петъръ Писаревскіе, Степанъ Васильевичъ Александровъ, Михайло Михайловичъ Макаровскій и Кирилъ Тополя¹⁾. Первые четыре писателя принадлежать лѣвобережной Украинѣ и находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ русской или малорусской литературы; послѣдній, хотя писалъ на малорусскомъ языкѣ, но отчасти носитъ на себѣ слѣды польского вліянія и принадлежить правобережной Украинѣ.

2

Степанъ Писаревскій²⁾

Степанъ Писаревскій, больше известный подъ псевдонимомъ Стецька Шерепери, по свидѣтельству Закревскаго, былъ харьковскимъ про-

¹⁾ Извѣстны еще слѣдующія украинскія произведенія этого времени: 1) „Маруся“, повѣсть въ стихахъ, Одесса, 1834 года; 2) „Явтухъ-Горемыка“, Таганрогъ, 1846 года; 3) „Цыганьска Шолопутьнява, або мій шляхъ до родини“, Петра Довгоносенка (Сил...ль...ва), Петербургъ, 1836 года; 4) „Повисть Ганка, чи цвітъ підъ судьбнію косою“, Вильгельма Чеховскаго, Кіевъ, 1852 г. Но мы не могли достать этихъ повѣстей. Сюда же можно отнести сочиненія братьевъ Карленковъ.

²⁾ Свѣдѣнія о его произведеніяхъ см. въ „Купала на Ивана“, опера, Харьковъ, 1840 г.; „Сніпъ“, Корсунъ, Харьковъ, 1841 г.; „Ластовка“, Гребенки, 1841 г., и „Старосвѣтскій бандуристъ“, Н. Закревскаго, 1860 г., стр. 29.

топопомъ и, вѣроятно, получилъ образованіе свое въ харьковской духовнѣй коллегіумѣ или семинаріи; произведенія его писались и печатались между 1813 и 1841 годами. Ихъ числа ихъ намъ известны: 1) „Писулька до моего братухи Яцька, Мірянскаго пап-отца, тоді-ще, якъ я бурлакувавъ“; 2) пѣсни „За Нѣманъ иду“, сочиненная на походъ русскихъ войскъ за границу въ 1813 году для освобожденія Европы отъ власти Наполеона; 3) „Купала на Ивана, малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ, въ которой обряды купала и свадьбы, какъ водится у малороссіянъ, представлены въ подлинномъ ихъ видѣ съ национальными пѣснями, сочиненіе Стецька Ш(ерепери), Харьковъ, 1840“; но сочиненная еще въ 1888 году; 4) „Байка:—Крути, Панько, головово“; 5) „Пісня—Де-бъ-то донитаться правди“, и 6) нѣсколько народныхъ пѣсень, собранныхъ Шереперею, подходящихъ къ разряду соромливыхъ.

„Писулька до моего братухи Яцька, Мірянскаго пап-отца (священника)“ есть еще школьное произведеніе автора, въ которомъ онъ описываетъ въ комическомъ тонѣ благородное житіе своего брата священника, въ противоположность жалкому положенію школьнаго:

Ты, мабуть, новні законелки
Уже накопѣвъ дітвори;
И цвіркуни, буцімъ суремки,
Цвірчать до тебе пѣвъ иори...
Теперь, братко, тобі ні-гадка!
Засівъ, якъ вовкъ, біля пань-матки;
Гризешъ шкоринку відъ книша...
Та дмешъ сивуху изъ ківша...

Дерешъ въ мертвого, зъ живого,
Захарамаркаешь—та й шагъ!
Чи хто окотиться у кого,
Чи машу знайдутъ въ бурякахъ,
Чи хто кому пашню закрутить,
Чи відъ кутти кому завудить,
То треба жъ, бачъ, тобъ помоглось:
Вже тутъ тобі не безъ чогось!

До тебе йде весь міръ въ поклономъ,
Несе горілку та иинши:
А якъ не такъ, то й макогономъ!
Адже?—Кажи жъ бо, не бреші!
Шани до тебе—сповидатися,
Смирени вдови—покуматися,

Куци, цигане, шинкарі
Въ тебе, якъ бджоли, на дворі!

А нашу братню школяруку
Теперь десь, мабуть, ні-ухомъ¹⁾, и проч.

По комическому тону, впрочемъ благородному и задушевному, эта писулька напоминаетъ намъ комическихъ произведеній Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго и, вѣроятно, написана подъ ихъ вліяніемъ. Комическимъ тономъ отзыается и байка (басня) С. Писаревскаго „Крути, Панько,—головою!“ хотя содержаніе ея, повидимому, историческое. Въ баснѣ разсказывается, какъ Панько съ своею Одаркою, засмышавъ о набѣгѣ татаръ, спрятались на чердакъ. Къ нимъ прильзали еще Тимішъ и Харько; но всѣ они, одинъ за другимъ, выдали себя татарамъ неумѣстными воскликаніями. Когда татары поймали Панька на арканъ, ему—

Тимішъ кричить зъ журбою:
— Та що се ти, Панько! Крути лишь головою!
„Алла! Тутъ не одинъ Иванъ¹⁾.“

Й Тимішъ попався на арканъ!
— Ой, сучі ви сини! Ну, шобъ було мовчати!
Харько тоді озвавсь,—
Та й самъ на той арканъ попавсь...
И досі ще, якъ хто зустрінеться зъ бідою,
То ми кричимъ ему: крути лишь головою!

Но болѣе замѣчательными въ историко-литературномъ отношеніи произведеніями С. Писаревскаго мы считаемъ его пѣсню „За Нѣманъ иду“ и оперу „Купала на Ивана“, такъ какъ въ нихъ авторъ болѣе приближается къ уровню современной русской и украинской литературы, чѣмъ въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ. Его пѣсня „За Нѣманъ иду“, написанная тоническимъ размѣромъ, есть подражаніе стихамъ В. А. Жуковскаго—„Дубрава шумить, собираются тучи“, въ его стихотвореніи „Тоска по миломъ“, а опера „Купала на Ивана“ похожа своимъ содержаніемъ и складомъ на Квиткины драматическая пьесы изъ народной жизни и, кроме того, носить на себѣ печать вліянія поэзіи Пушкина.

Пѣсня „За Нѣманъ иду“ въ настоящее время сдѣлалась почти народной пѣснею и въ устахъ народныхъ потеряла первоначальный размѣръ свой. Мы возвстановляемъ этотъ размѣръ въ первыхъ строкахъ ея, чтобы нагляднѣе видѣть ея отношеніе къ оригиналу Жуковскаго:

¹⁾ Иванами называютъ русскихъ.

За Нѣманъ иду,
Ой, коню мій, коню!
Заграй підо мною,
Дивчино, прощай!

—За Нѣманъ идешь, мене покидаешь:
Чого жъ ти, мій милий, собі тамъ бажаешь?
Хиба жъ тобі краща чужа сторона,
Своєї милийше родини вона?—

—Иду я туды,
Де роблять на диво
Червонее пиво
Зъ крові супостать.

—Чи вже-жъ ти задумавъ тимъ пивомъ упитись?
Чи вже-жъ ти задумавъ зо мной розлучитись?
Тобі мої слези, тобі моя кровь;
Да тилько не кидай за вірну любовь! и проч.

Содержаніе и ходъ оперы „Купала на Ивана“ слѣдующіе: парубокъ Иванъ Коваленко, влюбленный въ Любку Мирошинивну, возвращается съ Дочу домой и останавливается отдохнуть въ лѣсу у старого дуба, невдалекъ отъ хора дѣвицъ, справлявшихъ Купала. Отъ хора отдѣляется его Любка, подходитъ къ тому же дубу, отламываетъ вѣтки для купальского костра и, не замѣчая Ивана, обращается къ дубу, какъ къ живому существу, и высказываетъ передъ нимъ свою любовь къ Ивану и жалобу на то, что ее хотятъ отдать за немилаго, и затѣмъ возвращается къ подругамъ. Иванъ пораженъ этой новостью и не знаетъ, что дѣлать. Между тѣмъ, изъ цыганскаго шатра, расположеннаго вблизи, доносится цыганская пѣсня, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина:

Мы блукаемъ по поляхъ,
По лисахъ дремучихъ.

По поводу этой пѣсни, Иванъ вспомнилъ про цыгана Шмагайла, расторопнаго и способнаго на вся штуки человѣка, и рѣшился обратиться къ нему за помощью. Является и самъ Шмагайло и сообщаѣтъ Ивану, что мать Любки Феська умерла, и Любку взялъ къ себѣ для ея Ванько Шерепера и хочетъ отдать ее, противъ ся воли, за криво-скаго Юрка Палыводу. Цыганъ обѣщается отбить Любку у Палыводы и прокупить всю его компанію и для этого употребляетъ совершенно такой же приемъ, какой употребилъ для той же цѣли его единоплеменникъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя: перерядившись со своей компанией въ вѣдьмъ, вовкузаковъ (оборотней) и домовыхъ, Шмагайло пугаетъ Юрка Палыводу и его компанію и заставляетъ его отказаться отъ Любки въ пользу Ивана Коваленка. Въ заключеніе празднуется

свадьба Ивана съ Любкой, на которой цыганъ Шмагайло является дружкомъ.

Съ художественной стороны эта опера незамѣчательна и даже слабовата; но она заслуживаетъ вниманія по нѣкоторымъ отношеніямъ своимъ. Квитка также писалъ оперу „Купала на Ивана“, до настъ не дошедшую¹⁾, и опера С. Писаревскаго-Шерепери, по всей вѣроятности, есть подражаніе Квиткиной оперѣ, если не передѣлка ея. Даѣе, въ оперѣ Писаревскаго-Шерепери приведена цыганская пѣсня, по-малороссійски составленная изъ цыганской пѣсни Пушкина въ его поэмѣ „Цыганы“. Очевидно, подъ вліяніемъ этой поэмы цыганъ Шмагайло является въ оперѣ С. Писаревскаго-Шерепери не вѣроломнымъ конокрадомъ, какимъ представляется цыгана простой народъ, а человѣкомъ честнымъ и правдивымъ, и участвуетъ на свадьбѣ Ивана и Любки въ качествѣ дружка. Съ такими же чертами цыганъ является и въ повѣсти Гоголя „Сорочинская ярмарка“.

3.

Петръ Писаревскій²⁾.

Петръ Писаревскій, вѣроятно, братъ Степана Писаревскаго, тоже воспитывался въ „бурсѣ“, т. е. въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, вѣроятно, въ харьковскомъ коллегіумѣ. Въ своей стихотворной повѣсти „Стецько“ онъ самъ называетъ себя „бурсакомъ“. Изъ его произведеній известны: 1) „Мирошникъ“ (мельникъ), изъ Державина; 2) басни „Панъ“ и „Цыцінѧ“ (щенокъ), изъ коихъ первая, повидимому, есть переложеніе басни Крылова „Вельможа“; 3) басни—„Панське слово—велике дило“ и „Собака та злодій“ (воръ) и 4) „Стецько можебилиця“, повѣсть. Изъ нихъ первыя два стихотворенія показываютъ отношеніе автора къ русской литературѣ. Басни „Собака та злодій“ и „Панське слово—велике дило“, по своему содержанію и характеру, ближе всего подходятъ къ малорусскимъ баснямъ П. Н. Гулака-Артемовскаго. Объ онъ, подобно баснѣ „Панъ та собака“ послѣднаго, имѣ-

1) „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, 1866 г., стр. 284.

2) Стихотворенія его помѣщались въ альманахахъ: „Сніпъ“, А. Корсуня, и „Ластовка“, Е. Гребенки, 1841 года, и въ Сборникѣ галицко-русской матицы, Львовъ, 1869 г.

ють въ виду представить и осмеять несправедливыя отношения помѣщиковъ къ крестьянамъ и иногда прямо подражаютъ баснѣ Гулака-Артемовскаго. Такъ, въ баснѣ „Собака та злодій“ является тотъ же Рябко, что и у Гулака-Артемовскаго, и также допускаетъ воровъ обокрасть своего пана, но по нѣсколько иной причинѣ: Рябка не бываетъ у Писаревскаго, но привязываются за цѣнь дѣлъ канурѣ и лишаютъ возможности свободно преслѣдоватъ воровъ.

Рябко вже бачить, що видъ хаты
Ему пидмоги та не ма,—
Сказавъ: „теперь-то й глузоваты,
Якъ въ мене волонъки чортъ-ма!

Въ другой баснѣ—„Панське слово—велике дило“, крестьянинъ терпить отъ забывчивости своего пана, равнодушнаго къ крестьянскимъ нуждамъ. Басня эта основана на малорусской поговоркѣ—„Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле“—и оканчивается слѣдующимъ выводомъ:

....Такъ бува частенько намъ,
Що панъ намъ тильки обищає;
Згадай,—не дастъ, та ще й полає.

Больше капитальнымъ произведениемъ И. Писаревскаго была его повѣсть или поэма—„Стецько можебилица“, написанная совершенно въ духѣ украинскихъ повѣстей Квитки. Въ началѣ авторъ разсказываетъ о себѣ, что, будучи еще школяромъ, онъ отправился домой на рожденіескіе праздники пѣшкомъ и дорогой выпросился погрѣться въ одну хату. Хозяинъ, дядя Сидоръ Петровичъ Швидкій, принялъ школюра, если не совсѣмъ радушно, то и не враждебно.

Узнавши жъ відъ мене, що птиця школарьська,
По книжному моятъ зо мною звязавсь;
„А ну—лишень, Петре! (мене це такъ звати)
Що е вишче неба? а ну, відгадай!“
—Огонь би, чи що то? я ставъ відвічати.
—„Писаніе каже, що вишче вода!“
Та й ставъ глузувати: „От-так-то, небого,
Й сего ты не знаешъ! Чому жъ ви вчитесь?
А се е въ псалтирі: Хваліте, бачъ, Бога!
Тамъ ще яксь: Вода ще що вишче небесь“.

У этого Сидора Петровича была дочка Любка и приемышъ Стесько, которые собственно и являются главными героями повѣсти. Любка была привѣтливая, ласковая дѣвица, которую Сидоръ Петровичъ берегъ, какъ зеницу ока, и думалъ было выдать ее за хозяйствскаго сына Но Любка полюбила безроднаго сироту-приемыша Стесько и призывалась въ этомъ отцу. Сидоръ Петровичъ разсудилъ такъ:

„Кричати на неї и все-бъ то свариться—
Не в-могу, бо Любку вінь дуже люблю..
Пустить мимо очи, віддати за его—
А хто вінь? Підкидишь?— От-тут-то й біда!
Ще що въ его е!. Охъ, багацько усего!
И небо зъ зірками, земля и вода!“
Вінь здумавъ: якъ буду Стецькові сміятись:
То дурнемъ, то ще якъ его лицевать;
То Любка й розлюбить и стане жахатись,
И вйти за его не буде бажать.

Онъ и сталъ при всякомъ случаѣ сміятися надъ Стецькомъ; но Любка еще болѣе полюбила его, безталанного и несправедливо обижаемаго. Тогда отецъ послалъ Стецька за рыбою на Донъ. Въ отсутствіе его, къ Любкѣ посватался сынъ богатаго хозяина Пархома, но она отказалася ему, рѣшившись идти въ монахини, если ее не отдадутъ за Стецька. Наконецъ, воротился съ Дону Стецько, какъ разъ въ то время, когда у Сидора Петровича почесаль авторъ.

Війшовъ парубійко облипливий снігомъ:
Високий та гарний, якъ явиръ стрійній!..
Тутъ Сидіръ спитався: чи все було справно,
Чи дуже багацько вінь риби привізъ;
И потімъ сказавъ вінь: „Якъ хто уже гарній,
То сквернимъ не зробишъ, хочъ якъ не мудрись!
Теперъ же, Степане, ось сердце порука!
За все твое добрѣ, що ти не робивъ,
Даю тобі дівку от-сю, мою Любку:
Бо знаю, ти дуже іи полюбивъ.
Кохайтесь у-правді, живіть собі з Богомъ!
А ти будь покірна и слухай Стецька,
То будешъ щастлива, й година лиха
Ніколи не буде за вашимъ порогомъ!“
Тутъ Сидіръ заплакавъ и річъ закінчавъ.

4.

Степанъ Васильевичъ Александровъ.

Степанъ Васильевичъ Александровъ родился близъ города Изюма, харьковской губерніи, въ казенному селеніи Цареборисово; воспитывался въ харьковскомъ колегіумѣ еще до преобразованія училищъ; по

окончаниі ученія (около 1815 г.), три года жилъ въ Цареборисовой, потомъ перешелъ въ Бугаївку, селеніе изюмскаго же уѣзда, принадлежавшее помѣщикамъ Донецъ-Захаржевскимъ, и живши тамъ постоянно въ продолженіи 26-ти лѣтъ, имѣлъ случай изучить народный бытъ. Въ 1845 году онъ перешелъ въ военное поселеніе Граково. На этомъ прерываются біографическія скѣдѣнія объ Александровѣ, который, по всему вѣроятію, былъ приходскимъ священникомъ. Отъ него дошло одно только сочиненіе: „Вовкулака, украинськіе повирие, разсказъ въ стихахъ“.

Вовкулаки—это оборотни, чародѣйскою силою превращенные изъ людей въ волковъ. Герой разсказа г. Александрова, Володька, гуляетъ на Савкиной свадьбѣ; но здѣсь онъ разсердилъ, и то заочно, злую вѣдьму Колпачку, которая и превратила его на три года въ вовкулаку. Въ первой части разсказа описывается довольно иѣрно свадебные обычай и обряды малороссовъ, а во второй изображаются трехлѣтнія страданія героя въ волчьей шкурѣ,—какъ онъ скрывался отъ людей и собакъ, какъ онъ голодалъ и съ опасностью жизни искалъ себѣ пищи, какъ его были люди и рвали собаки и проч. Черезъ три года онъ снова сталъ человѣкомъ и воротился къ семейству въ богатой одеждѣ и съ деньгами, которыхъ оставилъ у него убѣжища напуганный его волчимъ воемъ человѣкъ.

Подъ какими литературными вліяніями появился этотъ разсказъ,—объ этомъ говорить самъ г. Александровъ въ предисловіи къ нему. Здѣсь онъ упоминаетъ объ „Эвенѣдѣ“ Котляревскаго, „Салдацькомъ патретѣ“ и „Марусѣ“ Квитки, баснѣ „Панъ та Собака“ Гулака-Артемовскаго, „Думахѣ“ А. Могилы (Метлинскаго) и альманахѣ „Снігъ“ Корсуня. Въ предисловіи же „до земляківъ“ Александровъ говоритъ даже, что онъ принялъ за перо подъ вліяніемъ „Кобзаря“ Шевченка, который, какъ известно, первымъ изданіемъ вышелъ въ С.-Петербургѣ, въ 1840 году. Вотъ слова Александрова:

Двинацать лить проживъ я въ бурси,
Та й не прийшло тоди въ догадъ,
Що наша кобза въ Петенбурси
Колись-то буде грati въ ладъ
Тепера жъ икъ въ мое виконце
Писень знакомихъ эть пять прийшло,—
Мени здалося—наче сонце
Посередъ ночи изийшло.

Но между оригиналами Александрова и его „Вовкулакою“ большая разница, и притомъ далеко не въ его пользу. Этнографический элементъ разсказа напоминаетъ нѣсколько нѣкоторыхъ украинскихъ повѣстей Квитки; но анализъ внутренняго состоянія „Вовкулаки“ или обо-

ротия слишкомъ неестественъ и произволенъ. Г. Александровъ не имѣть и серьезной задачи. Вся мораль рассказа ограничивается слѣдующимъ четверостишиемъ:

Въ биду-жъ Володъка-бъ не попався,
Якъ би Колпачки не страмивъ;
Та ще горилки не вливався,
То-й досе-бъ дома тихо живъ.

Что касается Т. Шевченка, „Кобзарь“ которого вдохновилъ собою Александрова, то, кроме формы рассказа и стихотворной рѣчи, между этими писателями нѣтъ ничего общаго. Да и самое стихотвореніе—тоническое, и языкъ г. Александрова отстоять отъ поэмъ Шевченка, какъ небо отъ земли. Въ этомъ литературномъ курьезѣ интереснѣе всего для насъ то, какъ понимали Шевченка подобные Александрову господа и пародировали его самымъ обиднымъ образомъ.

Михаиль Михайловичъ Макаровскій ¹⁾.

Михаиль Михайловичъ Макаровскій родился въ 1783 году. Отецъ его былъ священнонамѣстникомъ во флотѣ, а потомъ священникомъ въ селѣніи Галицкомъ (хорольского или кременчугскаго уѣзда) и въ иѣстечкѣ Кропивної (золотоношскаго уѣзда). Макаровскій окончилъ курсъ ученія въ полтавской семинаріи, на содержаніи своего старшаго брата. До 1818 года онъ былъ домашнимъ учителемъ у помѣщиковъ Корсуня, Кодинця, Кулябки; съ этого же года опредѣлился на службу въ гадяческое уѣздное училище, гдѣ былъ сначала учителемъ закона Божія, истории, географіи, латинскаго и русскаго языковъ, а потомъ штатнымъ смотрителемъ. Въ числѣ учениковъ его былъ Амвросій Метлинскій. Макаровскій зналъ и говорилъ по-латыни, по-французски и по-нѣмецки, имѣлъ даръ произношенія и написалъ довольно сочиненій; но русскій литературный языкъ, по обстоятельствамъ жизни, всегда оставался у него нѣсколько книжно-устарѣлымъ. „Несравненно чище и сильнѣе,

1) Источники: „Южный русский сборникъ“, А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 года; „Русский Вѣстникъ“, 1857 года, т. ХII, ч. 1, „Современная Лѣтопись“, стр. 231, статья Кулиша: „Мова зъ України“; Полтава, 1864 г.

говорить Метлинский, его необыкновенное эпическое дарование проявилось въ сочиненияхъ народныхъ, потому что онъ глубоко зналъ языкъ и быть народный, и, кажется, если бы онъ началъ заниматься этимъ раньше, то могъ бы сдѣлаться творцомъ замѣчательной народной эпопеи". Онъ умеръ въ чинѣ коллежского ассесора и кавалера, 7 сентября, 1846 года, 63 лѣтъ отъ роду. Послѣ него остались—поэма „Наталя" и повѣсть въ стихахъ „Гарасько, або таланъ и въ неволи", на основаніи которыхъ Метлинский такъ высоко цѣнилъ эпический талантъ Макаровскаго, и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. „Наталя" написана была въ 1844 году, а „Гарасько"—нѣсколько позже.

Содержаніе поэмы „Наталя" слѣдующее. Въ селѣ Теплицахъ женщина Харитина восемь лѣтъ горевала по своему мужу Тарасу, который отправился погонцемъ за Думай и прошалъ безъ вѣсти. Но она не сидѣла сложа руки, а трудилась съ дочерью своею Натальей и имѣла хорошее хозяйство и деньги. Ея Наталья славилась красотою и расторопностью, но съ нѣкотораго времени стала грустить и сохнуть. Напрасно ей старались помочь знахарки: Наталья полюбила прохожаго молодца Опанаса и сохла по нему. И Опанасъ, въ свою очередь, полюбилъ Наталью съ первого взгляду, но не признался ей въ этомъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ присыпалъ своего дядю развѣдать о Натальѣ и всѣдѣ затѣмъ посватался къ ней. Дѣло сладилось, и начали спрашивать „весилле", т. е. свадьбу. Но передъ самыми послѣсвадебными обѣдомъ пришелъ къ Харитинѣ и мужъ ея Тарасъ. Бывши за Дунайемъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ турку, бѣжалъ отъ него къ греку, облетѣлъ море и землю и, сколотивши копѣйку, вернулся теперь домой. Такимъ образомъ Харитина имѣла двѣ доли разомъ: дочку выдала замужъ и встрѣтила资料 своего мужа, котораго считала пропавшимъ. Старики разбогатѣли, дождались внука и тихо умерли, отказавши имѣніе свое зятю и внуку.

Поэма эта, по словамъ Кулиша, была замѣчена всѣми знатоками малороссийской словесности. По эпическому складу, по отдѣлкѣ стиховъ и красотѣ простонародныхъ типовъ, она составляетъ истинную драгоценность. Послѣ Квитки и Шевченка, это было самое замѣчательное произведение въ южнорусской словесности, тѣмъ болѣе, что появилось въ эпоху внезапнаго перерыва дѣятельности малочисленныхъ южнорусскихъ писателей. Эта поэма—скажемъ отъ себя—есть панегирикъ простой, трудолюбивой жизни и домовитости малорусского крестьянина и отличается идеалистическимъ характеромъ. При несложности содержанія, она богата вѣрнымъ изложеніемъ бытовыхъ частностей украинскаго простолюдина и отличается хорошимъ языкомъ.

Гораздо ниже цѣнится другая поэма Макаровскаго—„Гарасько, або таланъ и въ неволи", которая, по словамъ Кулиша, едва можетъ

быть признана сестрою первой. Герой поэмы, Гарасько Знемога, отправленъ былъ своими родными въ чужie ирая искать счастья и нанялся въ Таганрогъ писаремъ у одного купца-грека. Этотъ грекъ велъ заморскую торговлю и отправился съ Гараськой въ Трапезонть на кораблѣ. Во время пути поднялась бура и потонила корабль и людей. Спасся какимъ то чудомъ Гарасько и присталъ къ берегу, гдѣ замѣтилъ его черкесь Баязетъ и взялъ къ себѣ въ плѣнъ. Гарасько исправно служилъ своему господину и пріобрѣлъ его довѣріе, но отказывался отъ его предложения принять магометанство. Въ домѣ у Баязета жила сестра его, дѣвица Мериме, терпѣвшая отъ него притѣсненія и обиды. Она полюбила Гараська и ухаживала за нимъ во время болѣзни; полюбиль еe и Гарасько. Однажды, въ отсутствіе Баязета, они бѣжали вдвоемъ при помощи одного богатого грека Фоки, бывшаго другомъ-пріятелемъ отцу Мериме, и прибыли въ Таганрогъ. Здѣсь Мериме приняла христіанство и вышла замужъ за Гараська, а грекъ Фока купилъ для нихъ домъ. Молодые разбогатѣли, пригласили къ себѣ жить старииковъ Знемоговъ и успокоили ихъ старость.

Языкъ этой поэмы такой же, какъ и въ „Наталя“; но въ ней нѣтъ уже характеристическихъ особенностей украинского быта, по свойству самого рассказа, переносящаго читателей на Кавказъ и въ Таганрогъ, въ среду черкесовъ и грековъ и таганрогскихъ купцовъ. Нельзя не замѣтить, что поэма „Гарасько“ своимъ содержаніемъ напоминаетъ „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина, отличаясь только тѣмъ, что Гарасько не оставляетъ влюбленной въ него черкешенки, но возвращается съ ней на родину и женится на ней.

Какое же мѣсто занимаютъ поэмы Макаровскаго въ общемъ ходѣ развитія украинской литературы? Виѣшней формой своей онъ напоминаютъ намъ поэмы Пушкина и Шевченка, и нѣтъ сомнѣнія, что авторъ написалъ свои поэмы не безъ вліянія этихъ поэтовъ. Но въ поэмахъ Макаровскаго нѣтъ ни драматического нерва, проходящаго почти чрезъ всѣ произведения Шевченка, ни демоническаго жала, какимъ снабжены Пушкинскіе герои. Макаровскій просто рисуетъ идеалы семейнаго, ильянскаго счастія, съ разными препятствіями, возвышающими цѣну этого счастія. Въ этомъ отношеніи его поэмы ближе всего подходятъ къ характеру украинскихъ повѣстей Квитки, дѣлая только виѣшнія уступки новому направленію русской и украинской литературы въ лицѣ Пушкина и Шевченка.

6.

КИРИЛЛЬ ТОПОЛИ¹⁾.

О жизни этого писателя мы ничего не знаемъ положительнаго. Нѣкоторыя предположительныя свѣдѣнія можно заимствовать изъ его сочиненій: 1) „Чари, или нѣсколько сцѣнъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ“, Москва, 1837 года, разрѣшеннаго цензурой еще въ 1834 году, и 2) „Чуръ-Чепуха, или нѣсколько фактовъ изъ жизни украинскаго панства“, Казань, 1844 года. Слѣдовательно, литературная дѣятельность К. Тополи относится къ десятилѣтію между 1834—1844 годами. Дѣйствіе пьесъ происходитъ на правомъ берегу Днѣпра, въ кievской Украинѣ, „что ниже Кіева по Днѣпру, тамъ, гдѣ города Черкасы, Каневъ и сосѣднія имъ мѣста“; слѣдовательно, здѣсь жилъ нѣкогда авторъ и наблюдалъ малорусскую жизнь, которую потомъ изобразилъ въ своихъ пьесахъ. „Предувѣdomленіе“ къ „Чарамъ“ написано довольно безграмотно и обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, весьма мало знакомаго съ русскимъ языкомъ. „Въ сей пьесѣ, подъ на-званиемъ Чари и проч., говорить авторъ, представлены мною частіи очевидныя были, частію разсказы преданій народныхъ. А доказатель-ствомъ чего-либо, могутъ служить пѣсни. Такъ, какъ служили они въ нѣкоторыхъ истинамъ историческимъ“. По всей вѣроятности, К. Тополѣ былъ полякъ, долго жившій на Украинѣ и изучившій ея языкъ, обычаи и обряды. О литературныхъ преданіяхъ его и о литературной школѣ, къ которой онъ принадлежалъ, тоже нельзя сказать ничего положительнаго. Правда, его пьесы представляютъ значительное сходство съ нѣкоторыми пьесами Квитки и съ „Купало на Ивана“ Шерелери, пакрайней мѣрѣ—по общему колориту; но первая пьеса Тополи „Чары“ явилась раньше этихъ произведеній и скорѣе сама могла имѣть на нихъ свою долю вліянія. Поэтому съ большими правами можно предположить, что литературные преданія Тополи заключались въ польской литературѣ, а не въ русской или украинской. Въ польской литературѣ тоже былъ сентиментальный періодъ съ этнографическимъ оттенкомъ, смѣнившій собою псевдоклассическую литературу, а съ начала нынѣшняго вѣка образовалась даже цѣлая школа польско-украинскихъ поэтовъ, ро-

1) Источники: „Чари“ и „Чуръ-Чепуха“ Кирилла Тополи и „Обзоръ сочиненій, писанныхъ на малорусскомъ языкѣ“, Іеремій Галки, въ „Молодикѣ“ за 1844 годъ, стр. 180—182; ст. Кулиша въ „Русскомъ Вѣстнике“ за 1857 годъ; „Семейная Библіотека“ С. Шеховича, Львовъ, 1865 г.

домъ изъ Украины, которые стали воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ необозримую ширь южнорусскихъ степей и вдохновляться зачудившими мотивами пѣсенъ малорусского простонародья, его повѣрьями и проч. Къ числу сентиментально-идиллическихъ польскихъ писателей принадлежитъ, между прочимъ, Войтѣхъ Богуславскій (1760—1829). Его опера „Краковяки и горцы“, игранная въ 1794 году, воспроизводила въ наивной простотѣ нравы, пѣсни и напѣвы крестьянъ и пастуховъ, занимающихъ предгорья Карпатъ. Того же характера и пьеса Тополя „Чари“, въ которой, кроме изображенія народныхъ обычаевъ, заключается болѣе 20-ти украинскихъ народныхъ пѣсентъ; разница только въ томъ, что К. Тополя писалъ свои пьесы для русской публики и потому не употреблялъ польского языка.

Ходъ пьесы „Чари“—слѣдующій. Въ первой вступительной сценѣ представлено народное гулянье въ жидовскомъ шинкѣ, куда, ради воскресенья, собрались войти и парубки съ дивчатами. Между ними выдѣляются парубки—Гриць и Василь и дивчата—Гала, Христя и Любка. Во второмъ дѣйствіи Гриць и Василь разговариваютъ о дивчатахъ, но, завидѣвши Галю и Любку, прачутся за колодки и подслушиваютъ ихъ разговоръ, изъ которого узнаютъ, что Гала любить Грица, а Любка Васilla. Отцы этихъ парубковъ, Лопата и Коваль, застаютъ ихъ въ компаніи съ Галей и Любкой и находить ихъ подходящими невѣстами для своихъ сыновей. Но Гриць былъ вѣтреный и избалованный парубокъ, обманувшій не одну дивчину и уже неспособный полюбить искренно. Однажды Гала съ подругами, спрятавшись за колодки, подслушала его насмѣшилымъ рѣчи о дивчатахъ и стала сохнуть отъ безнадежной любви къ нему. Мать еи Кугутка, по происхожденію полька, пригласила къ дочкѣ Домаху Зміючу, мѣстную знахарку и вѣдьму, къ которой, по народному повѣрю, леталъ огненный змѣй. Въ одной изъ сценъ пьесы изображаются сборы Домахи съ ея подругами на чертовскій шабашъ и самый этотъ шабашъ на Лысой горѣ, куда попалъ и деревенскій войти, по ошибкѣ выпившій у Домахи вѣдомскаго зелья, вмѣсто водки. Хоромъ вѣдьмы и знахарей на Лысой горѣ заправляла самъ чортъ, въ образѣ жида, и пѣлъ слѣдующую пѣсню на польско-жидовскомъ языке:

Яце, таце, супарнаце¹⁾—
Моя зъ бабусенько-зъ!
У ине-зъ бендо бабусенько
Вельми-зъ старенько-зъ.

1) Это латинская пословица—tace, jace sub fornace, свидѣтельствующая о школьномъ происхожденіи пѣсни.

Завше сеньзе на пецу,
Ядле собе калапу—
—Пифъ пифъ, пифъ пифъ!
Якъ калапуфъ не достаю-эъ,
Беньзе люсю гадаю-эъ,
Тшеба-эъ также й ворожбыць,
Цобъ цымъ бендо и позиць—
—Охъ вій, охъ вій, вій!
Яце-эъ, таце-эъ, супарнаце-эъ—
Моя-эъ бабусенько-эъ.

Домаха Зміюха, по приглашенню Кугутки, лечить Галю отъ пристрия и привораживаетъ къ ней Грица; а потомъ и сама Гали обращается къ Зміюхѣ, чтобы отравить Грица, сосватанного на Христѣ, и получаетъ отъ нея какое-то настоенное зелье, которымъ и отравляется Гриця. Умирая, Гриць сознается въ своей винѣ противъ Гали и говоритъ: „Ахъ, Боже мій! теперъ тильки я бачу, що хто не по правдѣ вѣкъ живе, той не по правдѣ и вмирає“. Послѣдня сцена представляетъ гуляющую на улицѣ деревенскую молодежь, которой, однако, послѣ смерти Грица, все какъ будто не доставало чего-то. Нѣкоторые парубки поютъ пресловутую украинскую пѣсню—„Ой, не ходы, Грицу, довго на улыцю“, которая такъ шла къ положенію покойнаго Грица и можетъ быть названа тѣмою цѣлой пьесы.

„Чары“ г. Тополи,—писаль о нихъ въ 1844 г. Н. И. Костомаровъ,—какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновенного круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ „Библіотекѣ для чтенія“ указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ „Чарахъ“ нѣть здраваго смысла, ни тѣни народности. „По мнѣнію г. Костомарова, „читатель малороссіянинъ не увидить въ „Чарахъ“ отпечатка творчества, во онъ все-таки прочтеть ихъ съ удовольствиемъ, прочтеть не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на „Чары“, какъ на нѣчто полное, оконченное,—то онъ вамъ представится съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ и признался въ томъ: содержаніемъ своей пьесы взялъ онъ народную пѣсню—„Не ходы, Грицу, на вечерницу“; но если бы онъ взялъ для этого и другую пѣсню, „Чары“ бѣ все остались „Чарами“;—нужно бы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ назвалъ „Чары, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и рассказовъ украинскихъ“,—и далъ самое опредѣленное название. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами по себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что видѣлъ, слышалъ, что умелъ подмѣтить. У него нѣть развитыхъ характеровъ,

но за то каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ: по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица вы можете представить себѣ въ воображении его приемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ „Чарахъ“ нѣть единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвушки спрятались за колодками, чтобы подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. Напримѣръ, чортъ, начальникъ вѣдъмъ, изображенъ въ видѣ жида, говорящаго по-польски: это—въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинкѣ, гдѣ изображенъ разгуль малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представилъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между тѣмъ какъ поэтически дурная сторона не видна, хотя сцена списана прямо съ натуры. Это—не идеаль, котораго разсѣянныи черты вы должны искать вездѣ: это—простое описание того, что авторъ видѣлъ, и описание вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безъискусственны у Тополя пѣсни, которыхъ поютъ его герои!.. Языкъ г. Тополя не можетъ даже называться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усыпанный затѣйливыми пословицами и поговорками...; однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи, прочтите „Чары“,—и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта“.

Но подобные восторженные отзывы о Тополѣ значительно охладили съ появлениемъ второй его пьесы—„Чуръ-Чепуха“, которая своимъ содержаниемъ дѣйствительно оправдывала вторую половину своего заглавія. Г. Закревскій видѣть въ этой пьесѣ необработанный материалъ, изъ котораго могла выйти занимательная статья только при тщательной обработкѣ. Еще строже отзывается о г. Тополѣ Кулишъ, говоря, что „въ первой своей пьесѣ—„Чары“—онъ обѣщаѣтъ что-то похожее на талантъ, но въ слѣдующихъ затѣмъ обнаружилъ рѣшительную бездарность“. Даже самъ г. Костомаровъ, такъ восхвалившій Тополя за его „Чары“, не обращаетъ на него вниманія въ позднѣйшемъ своемъ очеркѣ украинской литературы.

III.

Романтико-художественная украинская литература.

Романтизмъ—слово довольно неопределъенное. Адамъ Мицкевичъ показываетъ существенные черты романтизма путемъ историческимъ, сопоставляя романтизмъ съ другими литературными явленіями. Во всемирной истории литературы онъ видѣтъ слѣдующія крупныя явленія: классицизмъ, средневѣковой романтизмъ новыхъ народовъ, французскій псевдоклассицизмъ и романтизмъ ново-европейскихъ литературъ. Творческий талантъ греческаго художника былъ слѣдствиемъ равновѣсія между воображеніемъ, чувствомъ и разсудкомъ; поэтому, художественный произведенія грековъ имѣли изящную соотвѣтственную форму какъ въ построеніи, такъ и во внутреннемъ содержаніи,—и такое свойство и характеръ изящныхъ произведеній называется стилемъ греческимъ, или классическимъ. Новые чувства и представленія, свойственные только варварамъ, такъ называемый духъ рыцарскій и соединенный съ нимъ уваженіе и любовь къ женщинѣ, чуждый Греціи и Риму, строгое сохраненіе правилъ чести, религіозный экстазъ, миѳические вымысли и представленія варварскихъ народовъ, прежде язычниковъ, а теперь христіанъ, перемѣшанныя между собою,—все это составляетъ въ средніе вѣка міръ романтическій, котораго поэзія называется тоже романтическою. Поэзія эта имѣла свой опредѣленный характеръ, видоизмѣняемый только мѣстнымъ вліяніемъ суровыхъ и восторженныхъ норманновъ, веселыхъ миннезенгеровъ, чувствительныхъ трубадуровъ. Французская псевдоклассическая поэзія, подавившая собою средневѣковый романтизмъ, только драпировалась въ классическую одежду, а въ сущности была поэзіею разсудочною и формальною. Въ ней не могли найти мѣста никакіе смѣлые з^{дѣ}слы, никакія народныя басни; скорѣй искали предметовъ историческихъ но если брали изъ старины, или изъ среднихъ вѣковъ, то всегда принашивали къ французской знати. Наконецъ, новая романтическая поэзія явилась

на смѣну французскому псевдоклассицизму и отчасти вызвана была его злоупотреблениями. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Великобританіи, менѣе другихъ подчиненной чужимъ вліяніямъ, гдѣ въ Шотландіи до сихъ поръ сохраняются древнія народныя пѣсни. Великий Шекспиръ воспитался единственно на взглядахъ народныхъ. Преемниками его въ позднѣйшее время являются два британскія генія: Вальтеръ-Скоттъ и Байронъ. Первый посвятилъ свой талантъ народной исторіи, издавая народныя повѣстія изъ міра романтическаго, обработанныя классически; онъ создалъ народныя поэмы и сдѣлался для англичанъ Аристомъ. Байронъ, оживляя образы чувствомъ, создалъ новый родъ поэзіи повѣстовательной и описательной, въ которомъ онъ—то же, что Шекспиръ въ драматической поэзіи. Въ Германіи новоромантизмъ осложнился вліяніями греческимъ, итальянскимъ, англійскимъ и другими и имѣть представителями своими Шиллера, Гёте и др. ¹⁾). Сущность этого новоромантизма, смѣшанного съ другими направленіями литературы и поэзіи, нѣкоторые новѣйшия писатели понимаютъ какъ гармоническое сочетаніе въ новѣйшемъ художественномъ идеалѣ романтической глубокой жизни души и классической красоты формы. Поэтому, новоромантизмъ върнѣе слѣдуетъ назвать художественнымъ романтизмомъ. Нѣкоторые представители его вели борьбу противъ французского псевдоклассицизма, чтобы возстановить дѣйствительное классическое образованіе, какъ оно было въ Греціи. Греческая поэзія, греческая философія въ дѣлѣ новоромантическаго движенія нерѣдко были руководительными началами.

Но гармоническое сочетаніе романтическаго содержанія съ классической формой проявилось не во всей новоромантической литературѣ одинаково, смотря по различію національностей, стороннихъ вліяній и личнаго настроенія поэтовъ. Въ Англіи романтизмъ, если представителями его признать Вальтеръ-Скотта, Бориса, Байрона, Мура, Вашингтона-Ирвинга, былъ прежде всего национальнъ и соотвѣтствовалъ какъ историческому развитію народа, такъ и кореннымъ начальамъ, лежавшимъ въ основаніи его умственной, нравственной и религіозной жизни, и потому пришелъ къ отраднымъ явленіямъ, изъ которыхъ очень многое по справедливости носятъ на себѣ признаки классицизма. Англійская романтика получала мотивы для поэтическихъ созданій изъ „древней романтической страны“, но вмѣстѣ съ тѣмъ служила орудіемъ для разрешенія вопросовъ современной жизни. Въ Германіи новоромантика, въ лицѣ Гёте и Шиллера, опиралась на классическую древность и тоже имѣла въ виду насущныя потребности настоящаго времени. Но возник-

1) О поэту романтическому, А. Мицкевичу,—предисловіе къ первому изданію его стихотвореній 1822 г.

шай затѣмъ въ собственномъ смыслѣ романтическая школа, со Шлегелями и Тикомъ во главѣ, всѣ погрузилась въ отжившую старину, тосковала по утраченной родинѣ и сдѣлалась даже орудіемъ политической реакціи и застоя. Нѣмецкіе романтики этого рода искали высшаго единства жизни и обратились къ романтизму среднихъ вѣковъ, въ кото-ромъ, по ихъ понятіямъ, христіанство связывало въ единство—государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктахъ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многогодѣтную жизнь; что, поэтому, въ средніе вѣка, несмотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни приобрѣли тѣсную связь съ народной жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственныи и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣко-ваго ромартического міра—въ церкви, государства и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука¹⁾.

Хотя романтизмъ быль собственно продуктомъ жизни западноевропейскихъ народовъ, но возобновленіе его или новоромантизмъ отразилось и на литературѣ славянскихъ народовъ, въ силу тѣснаго общенія ихъ съ западною Европой, и представителями этого новоромантизма являются у поляковъ—Адамъ Мицкевичъ, отчислявшій себя къ разряду романтиковъ, а у русскихъ—Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и Лермонтовъ. Но у поляковъ и русскихъ новоромантизмъ выражился нѣсколько различнымъ образомъ. Мицкевичъ въ изданіи своихъ стихотвореній 1829 года, въ предисловіи „къ читателю о критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ“, указывая на представителей новоромантизма Гёте, Мура, Байрона и др., ссылается также на Шлегелей, Тика, Гизо, Вильмена и др., т. е. на авторитеты реакціоннаго романтизма, обращеннаго на давно прошедшую жизнь, и слѣдовательно является романтикомъ отчасти регрессивнымъ. Въ противоположность господствовавшему въ Варшавѣ псевдоклассицизму, онъ обратился къ народнымъ преданіямъ и баснямъ и открылъ для себя новую Шотландію, но нашелъ ее не между поляками, утратившими наивную прелесть первоначальной поэзіи, а въ русскомъ народѣ, который имѣлъ неизсякаемый источникъ народной поэзіи. Эти преданія онъ и разрабатывалъ съ романтической точки зренія и образовалъ цѣлую школу польско-украинскихъ поэтовъ, къ которой, между прочимъ, принадлежали Мальчевскій, Богданъ Залевскій, Одынецъ, Северинъ Гощинскій, Занѣ и др. Но такъ какъ Польши въ то время болѣе не существовало, то идеалы этихъ писателей обращены

1) „Обзоръ англійской литературы XIX столѣтія“, Ю. Шмидта.

были къ прошлымъ временамъ самостоятельного существования Польши и освещали собой многія ненормальные явленія въ жизни этого безобразно-феодального государства. Въ другомъ положеніи находилась Россія, могущественное и новое государство, которое, при своей молодости и сравнительномъ недостаткѣ образованія, было воспріимчивѣе ко всяkimъ литературнымъ вліяніямъ, вообще и въ частности, къ новоромантическому, быстро воспринимало ихъ и примѣняло не столько въ прошлой своей жизни, сколько къ настоящей. Здѣсь мы видимъ чистѣйший романтизмъ у Жуковскаго, мотивы классической поэзіи древникъ у Батюшкова и соединеніе обоихъ элементовъ у Пушкина и Лермонтова.

Что же касается собственно украинской литературы, то и она не чужда была этого новоромантическаго движенія и знакомилась съ нимъ или непосредственно изъ первыхъ рукъ, или же при посредствѣ польской и русской литературы. Одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, Кронебергъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка по знакомилъ русскихъ съ важнѣйшимъ представителемъ новоромантической поэзіи Шекспиромъ. Малорусский писатель Кулишъ говорить за себя и за своихъ земляковъ, что, наравнѣ съ Пушкинымъ и Гоголемъ, они почитывались Байрона и Шиллера. К. Думитрашковъ и И. П. Гулакъ-Артемовскій переводятъ нѣкоторыя стихотворенія изъ Гете. Н. А. Маркевичъ перевелъ на русскій языкъ „Еврейскія мелодіи“ Байрона и свои „Украинскія мелодіи“ написалъ по образцу „Ирландскихъ“ и „Еврейскихъ мелодій“ Томаса Мура и Байрона. Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) написалъ нѣсколько стихотвореній въ подражаніе Байрону и съ эпиграфами изъ него, какъ напримѣръ „До жидивки“, „Журба еврейска“, „Місацъ“, „Погибель Сеннахерибова“, „Дика Коза“ и проч. а въ своихъ историческихъ драмахъ и отчасти историческихъ изслѣдованіяхъ является послѣдователемъ Вальтера-Скотта. А. Навроцкій переводить изъ Гейне, Мареа Писаревской (псевдонимъ) переводить соеты Петрарки, а Кулишъ вдохновляется Даутомъ.

Но болѣе всего малороссы знакомились съ новоромантизмомъ чрезъ русскихъ и отчасти польскихъ представителей его и воспроизво-дили ихъ мотивы въ своей литературѣ. А. Навроцкій переводить изъ Мицкевича и Хомякова, Шерепера (Ст. Писаревскій) подражаетъ въ одной пѣснѣ Жуковскому. Нѣкоторые признаютъ даже, что первыми произведениями Т. Г. Шевченко „Причинна“, „Утоплена“, „Тополя“, написаны въ формѣ баллады въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго¹⁾). Классические мотивы Батюшкова отчасти воспроизводятся

1) „Т. Г. Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, Одесса, 1879 г., стр. 6.

въ антологическихъ стихотвореніяхъ Я. Щоголева, товарища поэта Щербины по университету. Но особенное вліяніе на украинскую литературу имѣли два наши великия поэта Пушкинъ и Лермонтовъ. „Больше всего мы полюбили изъ съсѣдней славесности Пушкина,—говорить Кулишъ,—и—негдѣ правды дѣть—поупивались его поэзіей, какъ будто тѣмъ старымъ медомъ, что называются пьяное чено. Онъ силой затащилъ насъ на пышный бенкетъ¹⁾). Мотивы пушкинской поэзіи мы видимъ у Шерепери, Макаровскаго, Л. Боровиковскаго, П. Кореницкаго, Гребенки и др. Не меньшимъ почетомъ иуваженіемъользовался въ украинской литературѣ и Лермонтовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали уже о пародированномъ переложеніи П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ „Думы“ Лермонтова на украинскую рѣчь. Кроме того, ясные слѣды подражанія Лермонтому мы находимъ у малорусскихъ стихотворцевъ М. Петренка и С. Л. Метлинскаго (подъ псевдонимомъ Родыны). Но, что всего замѣчательнѣе, вліянію двухъ знаменитыхъ поэтовъ русскихъ въ извѣстной степени подчинился даже Т. Г. Шевченко. Кулишъ говорить, что Шевченко „Пушкина зналъ наизусть, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бы ни ѻхалъ²⁾). Изъ дневника же самого Шевченка мы знаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова и называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его—очаровательными. Въ послѣднее время изъ Лермонтова переводили на малорусскій языкъ В. Александровъ и М. Старицкій. Тотъ же Александровъ переводилъ изъ Козлова, а Руданскій подражалъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцову. Конечно, вліяніе русскихъ новоромантическихъ поэтовъ на украинскую литературу имѣло мѣстный отпечатокъ и характеръ; но нельзя не замѣтить, что мѣстному колориту этихъ вліяній немало помогли басни Крылова, которыя часто переводились и передѣльвались на украинскую рѣчь и украинские нравы, и притомъ украинскими писателями въ романтическомъ духѣ.

Менѣе замѣтно на украинской литературѣ вліяніе польского новоромантизма, хотя оно все-таки есть, и притомъ иногда немаловажное. П. П. Гулакъ-Артемовскій переложилъ нѣкоторыи польскія стихотворенія на малорусскій языкъ и, между прочимъ, „Пана Твардовскаго“ Мицкевича. Изъ послѣдующихъ украинскихъ писателей извѣстны своими переводами польскихъ романтическихъ образцовъ или подражаніями имъ А. Метлинскій, Асанасьевъ-Чужбинскій, Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ), А. Навроцкій, Кулишъ и Ломусъ, подъ которымъ скрывается,

1) „Хата“ Кулиша, 1860 г., стр. VIII.

2) „Основа“, январь, 1862 г., библиографія, ст. 60—61.

по всей вѣроятности, тотъ же Кулишъ. Между романтическими польскими писателями немаловажное значеніе имѣлъ для украинской литературы Богданъ Залѣсскій, избравшій специальностью для своей поэзіи малорусскія думы. Изъ его стихотвореній выбранный эпилогъ къ „Русалѣ Днѣстровой“ 1887 года, освѣщавшій идею этого русинскаго сборника. Украинскіе критики находятъ, что Богданъ Залѣсскій и другіе украинско-польские писатели имѣли въ свое время большое значеніе для пра-вобережной Украины.

Нѣкоторые изъ украинскихъ романтическихъ писателей съ теченіемъ времени выросли изъ этого направления и преслѣдовали другія цѣли и задачи,—и о нихъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ мы остановимся на такихъ украинскихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе оставались вѣрными романтико-художественному направлению. Это большую частію незначительные поэты, о которыхъ часто умалчиваютъ критики и историки украинской литературы, или отзываются о нихъ мимоходомъ и даже съ извѣстной долей пренебреженія. Таковы: А. Л. Метлинскій, А. Корсунъ, Л. Боровиковскій, П. Кореницкій, В. Забѣлла, Т. Думитрашко-Райчъ, М. Петренко, С. Л. Метлинскій (подъ псевдонимомъ Родины) и А. Асанасьевъ-Чужбинскій¹⁾.

1.

Амвросій Лук'яновичъ Метлинскій.

Амвросій Лук'яновичъ Метлинскій²⁾, извѣстный также подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, родился въ 1814 году, въ гадачскомъ уѣз-дѣ, полтавской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ гадачскомъ уѣздномъ училищѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго уже

¹⁾ Извѣстны еще сборники стихотвореній: 1) „До чумака“, Ф. С. Морачевскаго, 1855 г.; 2) „Pienia“ и „Ukrainky“ Тимка Надурры, 1842 и 1844 гг.; 3) „Українська Квітка“ Шишацкаго-Илліча, 1856—7 гг.; 4) „Хохлацьки співки“, Крутоярченка, С.-І.тербургъ, 1858 г.; 5) „Прочинокъ, вистачину М. Прибура“, Лейпцигъ, 1859 г.; 6) „Поспіви и розмови“ Петраченка, Київъ, 1858 г. Но, кроме стиховъ Крутоярченка и Надурры, мы ихъ не видѣли. Судя по отзывамъ другихъ, они рѣшительно не стоять вниманія.

²⁾ Источники и пособія указаны въ „Шокажчикѣ нової української лите-ратури“ М. Комарова. Київъ, 1883 г. Бѣ нѣть нужно еще прибавить: критику на „Народныя южнорусскія пѣсни“ въ „Современникѣ“ за 1855 г., т. 50; „Иллюстрированную Газету“, 1870 года, т. 26, № 31; „Справочный Словарь“, Ген-нади, II, 314.

намъ украинскаго писателя М. М. Макаровскаго. Отсюда перешелъ онъ въ харьковскую гимназію, а потомъ въ харьковскій университетъ, въ которомъ окончилъ полный курсъ наукъ. Затѣмъ, онъ занималъ нѣкоторое время мѣсто библіотекара университета, посвящая свободное отъ служебныхъ занятій время на приготовленіе къ магистерскому экзамену и сочиненіе магистерской диссертациі. Въ качествѣ этой диссертациі явилась рѣчь его „объ истинномъ значеніи поэзіи“, 1843 г. Новый магистръ вошелъ въ среду профессоровъ харьковскаго университета и занялъ въ немъ каѳедру русской словесности. Въ 1849 году А. Л. Метлинскій изъ адъюнктъ-профессоровъ былъ переведенъ ординарнымъ профессоромъ на ту же каѳедру въ университетъ св. Владимира въ Кіевѣ и въ 1858 году издалъ въ Харьковѣ свою докторскую диссертациі: „Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи“. Въ Кіевѣ Амвросій Лукьяновичъ оставался недолго (до 1854 года). По возвращеніи въ Харьковъ, онъ занялъ прежнюю свою каѳедру и не оставилъ ее до выхода въ отставку въ 1858 году. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ на берегахъ Женевскаго озера и на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, гдѣ и умеръ въ концѣ юна мѣсяца 1870 года отъ раны, нанесенной собственной рукой въ припадкѣ меланхоліи.

Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, не допускавшаго возможности усидчивыхъ занятій. Даже его докторская диссертациі есть только передѣлка „Теоріи поэзіи въ ея историческомъ развитії“ Шевырева. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ—не болѣе, какъ только удовлетворительный, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требовавшемъ отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литературной школы 20-хъ годовъ, писавши и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и не признававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина. Другой типъ педагоговъ-словесниковъ представили дѣйствительно литераторы по натурѣ, но забытые, строчившіе гладкіе и звучные стихи, писавши поэмы и восторгавшіеся Пушкинымъ, не понимая его, но болѣе обожавшіе Бенедиктова, Марлинскаго и Нестора Кукольника. Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать: надобно было отучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ, и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда,—и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу не много отличались отъ взглядовъ Вѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ

и почитатель тогдашихъ корифеевъ немецкой литературы и эстетики. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, поистинѣ рѣдкаго. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ. Близость его къ студентамъ,—смѣло можно сказать,—была идеальная, товарищеская. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположение Метлинскаго легко было тому, кто писалъ недурно, кто имѣлъ страстишку поисывать стишкы, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни, кто даже, по его украинскому мнѣнію, отличался чистотою великорусскаго говора. Самъ Метлинскій писалъ преимущественно стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворства вообще не поощрялъ; но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направление, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Оставивъ замѣтный слѣдъ въ южнорусской литературѣ своими „Думками и пѣснями“ 1839 г. и „Южнимъ русскимъ сборникомъ“ 1848 г., Метлинскій еще болѣе сдѣлалъ для русской этнографіи. Онъ записывалъ не только пѣсни южнорусскія, но и ихъ мелодіи, по примѣру Н. А. Маркевича. Нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсень украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій. Переbrавшись въ Кіевъ, онъ издалъ здѣсь въ 1854 году „Народныя южнорусскія пѣсни“ и вмѣстѣ съ княземъ Дабижевъ составилъ „Программу для этнографического описанія губерній кіевскаго учебнаго округа“, изданную въ томъ же году. Такимъ образомъ, ученолитературная дѣятельность Метлинскаго распадается на два отдѣла: собственную его стихотворную дѣятельность и собираніе этнографическаго материала и особенно южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ¹⁾.

Стихотворенія Метлинскаго помѣщались въ „Молодикѣ“ Бецкаго за 1843 годъ („Розмова зъ покійними“ и „Ридна мова“) и въ двухъ изданныхъ имъ сборникахъ: „Думки и пѣсни та ще де-шо Амвросія Могилы“, 1839 г., и „Южный русскій сборникъ“, 1848 года. Въ первый сборникъ, кромѣ оригиналъныхъ произведеній, вошло собраніе его

1) Извѣстны еще мелкія статьи и брошюры Метлинскаго: „Красногорскій монастырь“ въ „Очеркахъ Россіи“ Пасека, „Дополненіе къ статьѣ Сементовскаго—замѣчанія о праздникахъ у малороссіянъ“ въ „Москвитянинѣ“ за 1841 годъ и „Маякѣ“ за 1843 годъ, т. XI, стр. 71 и сл., и „Извѣстіе объ изданіи южнаго русскаго сборника“, съ перечнемъ явлений украинской литературы, 1848 г., изъ Харьков. Губерн. Вѣдом.. Кромѣ того, въ 1852 году онъ издалъ въ Кіевѣ „Байки“ Л. Боровиковскаго, будто бы безъ согласія на то автора, и въ 24 № „Москвитянина“ за 1852 годъ помѣстилъ рецензію этой книги, подъ псевдонимомъ „Землякъ“.

переводовъ изъ славянскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ; во второмъ сборни-
кѣ помѣщены сочиненія М. Петреака, С. Александрова, М. Макаров-
скаго и Г. Бытки и только четыре стихотворенія самого Метлин-
скаго, да и то не новые, а лишь немного передѣланныя изъ первого
сборника.

Какъ поэты, Метлинскій пользовался въ свое время болѣею из-
вѣстностью. Малорусскіе критики видѣли во всемъ имъ написанномъ
большую глубину чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и
художественное выполненіе. По поводу его „Думокъ и пѣсенъ“, Еремія Галка (Н. И. Костомаровъ) писалъ слѣдующее: „Большая часть изъ
его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается
особенною художественностью. У Могилы вѣтъ того саморазвитія, какъ
у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ
чувствъ, которыхъ бы невольно лились изъ невѣдомаго источни-
ка: его чувство идетъ объ руку съ мыслью; онъ изучилъ сокровищницу
поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, созна-
ющій свой предметъ. Могила, по формѣ—поэтъ лирическій, но субъек-
тивность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность,
когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ.
Возьмите, напримѣръ, первое его стихотвореніе „Бандура“.

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Дидъ заспивае, въ бандуру заграе,—
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль визьме дитину, визьме и бурлаку.
Его бандура, скоче винъ, завые;
Его бандура й ворономъ закряче;
Мовъ та дитина, жалибно плаче...
Слезы польются, серденько ные...

„Собственныя чувства поэта высказываются тогда уже, когда яв-
леніе, пробудившее ихъ, овладѣваетъ вами, и вы сталкиваетесь съ его
впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ
высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не
сознаваясь. Это—достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть
здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдить за малороссіяниномъ въ
минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ поднимается
изъ сферы обыкновенной жизни, тотъ можетъ поверить, какъ скопо
малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движений съ другими. Мало-
россіянинъ захочетъ вѣсть напередъ умѣть,—вы невольно высажетесь,
а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки понажметъ
на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отли-
чается глубокою грустью и вѣрными изображеніями древнаго быта. Онъ
прекрасно понялъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ

является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: „Чарка“, отличающаяся горькою ироніею, „Бо-
зачья смерть“, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, „Козакъ та бура“, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физической, и „Смерть бандуриста“, прекрасная по своимъ бестящимъ описаниямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія „Старецъ“ и „Дитина—сиротина“—изображенія другой стороны жизни малороссійской,—горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ „Думкахъ и пѣсняхъ“ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійскіе. Могила пишетъ болѣе силлабическимъ размѣромъ, который иногда подходитъ подъ метрический, часто перемѣняется въ одной и той же пьесѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленной мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполнѣ, и гармонія стиха соответствуетъ гармоніи чувства ¹⁾.

Такая похвала Метлинскому, кажущаяся слишкомъ преувеличеною для нашего времени, показываетъ, какъ высоко смотрѣли на поэтическую дѣятельность А. Метлинскаго его современники, оцѣнивая его преимущественно съ художественной точки зрѣнія. Похвала Метлинскому тѣмъ болѣе понятна для насъ въ устахъ его современниковъ, что онъ началъ писать свои стихотворенія раньше появленія Шевченка и быть въ нѣкоторомъ родѣ его предтечей.

Кромѣ художественного характера, стихотворенія А. Метлинскаго имѣютъ много и народнаго украинскаго элемента. Метлинскій воспиталъ свою музу на украинскихъ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, которые собиралъ почти цѣлую жизнь, и верѣдко кладъ ихъ въ основу своихъ стихотвореній. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія: „Кладовище“, „Пидзэмна церква“, „До гостей“, „Покотиполе“, „Дитина—сиротина“ и др. Возьмемъ для примѣра послѣднее. Въ немъ изображается сиротка, не нашедшая для себя пріютъ даже въ первый день пасхи. Изъ церкви всѣ пошли по своимъ домамъ веселиться, но никто не пригласилъ сиротки. Она подошла къ играющимъ дѣтямъ, но и тѣ не отозвались къ ней ни однимъ словомъ. Сирота опять воротилась къ церкви, побреда дорогою къ кладбищу, поплакала надъ могилками, какъ будто здѣсь нашла родныхъ батька и матку и поговорила съ ними, и вечерней порой опять вошла въ церковь. Это стихотвореніе своимъ содержаніемъ и тономъ напоминаетъ намъ слѣдующую народную южнорусскую пѣсню о сиротѣ:

1) „Молодникъ“, 1844 г., стр. 182—184.

Сталася на світі новина,
Осталася одъ матери сирота едина.
Ой, згадала, якъ на світі жити,
Пішла сирітка по світі блудити.
Блукає сирітка, рочикъ минає,
А мамуні своєї нігде не відає.
Иде сирітка, здивавъ ії Господь,
Ставъ ії питати:
— Куди идешь, сирітко!
— Мамуні шукати!
— Вернися, сирітко, бо далеко зайдешь,
Мамуні не знайдешь!
Бо твоя мамуна на високій горі,
Спочиває въ гробі..
Прийшла на той грібъ, стала ридати,
Ажъ одзываєця рідненька мати.

Мать не можетъ взять сиротки къ себѣ въ гробъ и отсылаетъ ее къ мачихѣ, чтобы она вымыла ей голову и сшила сорочку. Но сиротка отвѣчаетъ, что мачиха ей сорочки не шила, а уже ее здоровья лишила, что мачиха еще не заплела ей косы, а уже ею сироткой всю хату замела. Господь послалъ ангеловъ взять сиротку въ ясное небо, а злую мачиху бросить въ адъ.

Но, воспроизводя въ своихъ стихотвореніяхъ народныя преданія и пѣсни, Метлинскій почти исключительно выбираетъ грустные тоны. Можетъ быть, они соответствовали личному настроению поэта, такъ трагически окончившаго свою жизнь, а можетъ быть вызываемы были и современнымъ ему положеніемъ украинскаго языка и быта, отжившаго или отживавшаго, какъ ему казалось, свою жизнь. Метлинскій—пѣвецъ могиль или кургановъ, этихъ памятниковъ минувшей козацкой, какъ думали тогда, славы, откуда заимствовалъ и свой псевдонимъ „Могила“. „Южнорусскій языкъ“,—говорить онъ,—со дня на день забывается и молкнетъ и—придетъ время—забудется и смолкнетъ... Но можетъ быть и то, продолжаетъ онъ, что въ эпоху пренебреженія русскаго языка любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцовъ своихъ, исчезнувшіе останки южнорусского слова? Они разсыпны отъ Вислы до Кубани. Метлинскій обращаетъ взоры на Россію, какъ на представительницу славянскихъ племенъ, и приглашаетъ ихъ слиться съ нею въ общегардномъ чувствѣ:

Гей вы, самотніи спѣвицы!
Що нижченній для краю
Всѣ самотніи пѣсни!
Той пустився въ синє море,

Той на темный чужій край:
Мовъ не вчули (побъ имъ горе!).
Що мовлявъ розумный царь...
Е въ нась вѣра, царь и мова,
И чи мало нась словенъ,
Все свое въ нась... ву, чого намъ
Ще шукати въ бусурменъ?

На этомъ пункктѣ Метлинскій является однимъ изъ первыхъ представителей украинского славянофильства. Онъ перевелъ также на русскій и малорусскій языкъ нѣсколько стихотвореній славянскихъ поэтовъ—Челяковскаго, Коляра, Вѣтвицкаго, Суходольскаго, Одынца, изъ Кралевворской рукописи и др.

Важнѣйшимъ трудомъ Метлинскаго по части малорусской литературы, которому онъ отдался весь, въ теченіи всей почти своей жизни, начинавъ съ 1836 года, было собираніе малорусскихъ народныхъ пѣсень, которыхъ онъ собралъ до 800 и издалъ ихъ въ 1854 году въ Киевѣ, подъ заглавіемъ „Народныя южнорусскія пѣсни“. Въ предисловіи къ нимъ онъ писалъ слѣдующее. „Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народного слова русскаго, преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣльѣ, по волѣ промысла, на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслю, что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть вачало его общаго самоознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнныій признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между единовѣрными, единородными сыновами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякий другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство береть изъ первоначальнѣйшихъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающа свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величие цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждого русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа... Церезава свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатить нашъ общий и богатый языкъ русскій и его словесность и возвысить взаим-

ное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества”.

О выборѣ пѣсень издатель замѣчаетъ въ предисловіи слѣдующее: „При окончательномъ пересмотрѣ пѣсень, оказалось весьма много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или не сохранившихъ въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченныхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ при окончательномъ выборѣ только то, что нигдѣ не напечатано (кромѣ немногихъ исключеній) и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ нибудь отношеніи. Не допускала шь составленія пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ (различій), я напечаталъ несходные стихи варіантовъ особо, указывая, куда, т. е. къ какимъ стихамъ главной пѣсни они относятся. Если варіанты казались особенно замѣчательными по чему либо (напримеръ, весьма различаясь, или относясь къ любимѣшими пѣснямъ), то и вполнѣ печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни”. Благодаря добросовѣстности и точности изданія и богатству содержанія сборника, онъ и досель не утратилъ своего значенія.

2.

Александръ Алексѣевичъ Корсунъ.

Александръ Корсунъ¹⁾, по всей вѣроятности, изъ помѣщиковъ полтавской губерніи, получилъ образованіе въ харьковскомъ университѣтѣ. Изъ біографіи М. М. Макаровскаго, бывшаго воспитанника полтавской семинаріи, мы узнаемъ, что въ 1818 году онъ былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ у помѣщика Корсунъ²⁾; слѣдовательно, фамилія Корсуновъ имѣла связи не только съ университетомъ харьковскимъ, но и съ духовно-учебными заведеніями того времени. Можетъ быть, вслѣдствіе этого Александръ Корсунъ, задумавъ издаватъ свой „Сніпъ“ (снопъ), вышедший въ 1841 году, пригласилъ въ сотрудники себѣ какъ бывшихъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, такъ и

---

¹⁾ Источники: альманахъ „Сніпъ“ А. Корсуна, Харьковъ, 1841 г.; журналъ „Маякъ“ за 1842 и 1845 годы; рецензія К. Сементовскаго въ 12-й книжкѣ „Маяка“ за 1842 годъ.

²⁾ См. „Южный русский сборникъ“ А. Метлинскаго, Харьковъ, 1848 г.

воспитанниковъ харьковскаго университета. Къ числу первыхъ относятся Порфирий Кореницкій и Степанъ и Петръ Писаревскіе, стихотворенія которыхъ были помѣщены въ „Сніпѣ“. Изъ воспитанниковъ харьковскаго университета сообщили Корсуну свои произведенія для его „Сніпа“ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ) и Михаилъ Петренко. Къ этому г. Корсунъ присоединилъ и собственныя произведенія.

Изъ собственныхъ сочиненій Александра Кореуна помѣщены въ его „Сніпѣ“: „Украинській повіръ“ и „вирши“ (стихи), между коими четыре болѣе или менѣе самостоятельныя и семь переведенныхъ съ чешскаго. Кромѣ того, въ „Маякѣ“ за 1842 и 1845 годы помѣщено семь его малорусскихъ стихотвореній, а именно: „Козакъ та гулянка“, „Перська пісня“, „Мава“, „Рідна сторона“, „Могила“, „Кохання“, „До Шевченка“, „Рожа и дивчина“.

Между оригинальными стихотвореніями А. Корсуна есть пародированныя, въ родѣ пародированныхъ Гораціевыхъ одѣ у Гулака-Артемовскаго.

Такъ, напримѣръ, „Писулька до кума“ содержаніемъ и тономъ своимъ напоминаетъ посланія Гулака-Артемовскаго „До Шархина“, съ такими же комически-философскими увѣщаніями забыть горе, плевать на судьбу и пить водку:

Писавъ ти, куме, що лучилось
Зъ тобою лихо: що й казать!
Чи можно жъ лихомъ те пазвать,
Що по приказу учинилось
Відъ Бога? Годі-жъ сумувати!
Бачъ, вмерла жинка, що-жъ тутъ дива!
Палашка прна, бачъ, була,
Зъ тобою тільки рікъ жила..
Гай, гай!.. Та въ мене здохла сива
Кобыла..:

Въ заключеніе авторъ обращается къ куму съ таїмъ со-
вѣтомъ:

Такъ такъ-то, куме, не журися!
На долю плуй: нехай ій пекъ!
Въ мене хочь трохи поучися:
Якъ стане нудно—заразъ глекъ
Зъ вишнівкою на стілъ я ставлю,
Горіочки туди підбавлю,—
Тамъ глекъ у руки та й у рітъ...
І заразъ веселіше стане—
Нудьга відъ серденька відстане:
На дворі—ничъ, въ очицяхъ світъ.

Въ „Украинскихъ повѣрьяхъ“, изложенныхъ тоническими стихами, г. Корсунъ тоже допускаетъ много пародіи и даже цинизма, во вкусѣ „Энейды“ Котляревскаго, такъ что нѣкоторые стихи, по этой причинѣ, не могли быть вполнѣ напечатаны. Но основа этихъ украинскихъ повѣрій имѣеть народный украинскій характеръ. Всѣ эти повѣрья пріурочены у г. Корсуна къ похожденіямъ Юрка и Петра и Бѣлбога, въ котораго вѣрила тогдашняя русская наука о міеологии. Эти похожденія соотвѣтствуютъ извѣстнымъ апокрифическимъ обходамъ апостольскимъ, получившимъ начало свое еще въ Византіи. У Корсуна передаются въ обработанномъ видѣ повѣрья о томъ, почему жиры не Ѹдѣть свинины, а также о происхожденіи медвѣдей, открытіи тютюна и табаку, происхожденіи черепахи, пугача, жабы, чапуръ и проч. О нѣкоторыхъ изъ нихъ можно сомнѣваться, не присочинены ли они, или не передѣланы ли очень сильно самимъ г. Корсуномъ; но есть между ними и такія повѣрья, которыхъ несомнѣнно заимствованы изъ народныхъ усть. Таково повѣрье о происхожденіи черепахи изъ двухъ мисокъ, которыми закрыла отъ своей матери неблагодарная дочь жареную курицу, однаково встрѣчающееся и въ народныхъ южнорусскихъ разсказахъ, и въ западномъ сборникѣ *Gesta Romanorum*¹⁾. Въ предисловіи къ послѣднему разсказу г. Корсунъ высказываетъ свои патріотическая и славянофильская убѣжденія. „И я, и вы, и всѣ мы родились и выросли, говорить онъ, на Украинѣ. Она кормила насъ, дѣтей своихъ, и за то всѣ мы, сколько насъ ни есть, любимъ ее, какъ родную матерь. Да только вотъ-что; видите, она—мать, стало быть—женщина, а женское дѣло извѣстно: что она? женщина, да и все!. Такъ видите, нужно еще намъ и батька... Такъ какъ-то: благодарите Господа милосерднаго, что онъ не оставилъ насъ сиротами, что онъ далъ намъ роднаго отца, царя православнаго! Такъ видите: мы не сироты, у насъ есть мать, есть и отецъ. А была и для насъ тяжелая пора. Да вы, вѣроятно, слышали, какъ насъ уродовалъ дѣвольскій ляхъ со своимъ невѣрнымъ королемъ: то былъ таки хороший батько!! Нѣть, ребята, нѣть: то не былъ нашъ родной батько; ибо гдѣ жъ таки видано, чтобы у православныхъ былъ батько католикъ?! Спасибо гетману Хмельницкому, что хорошо присоѣтовалъ дѣдамъ нашимъ; спасибо и дѣдамъ, что послушали гетмана. Такъ вотъ какъ! Только это было давнимъ-давно... А еще прежде нашего бѣдованья подъ ляхомъ у насъ были свои князья, цари стало быть: и тѣ цари были тоже крещеные, какъ и мы; и тогда братья

1) См. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 190, и рецензію на эту книгу въ „Трудахъ кіев. духов. акад.“, за мартъ, 1877 г., стр. 607—608.

наши, червоноруссы, сербы, чехи назывались, какъ и мы, славянами и жили вмѣстѣ. А потомъ, какъ нашъ народъ поддался лиху, то и они покорились нѣмцу; и съ того времени всѣ славяне порасползлись, какъ сверчки отъ чаду; ибо у самихъ москвичей оказалась татарва межъ пальцами... Но только москвичи, да мы, и вымолили себѣ у Господа счастія и теперь благоденствуемъ за царемъ православнымъ; а тѣ сердечные, что у нѣмца.. иные бѣдуютъ отъ католиковъ, другіе и сами совратились въ католичество, а нѣкоторые сдѣлались нѣмцами. Вотъ такъ-то это было и есть; а еще вотъ что: у сербовъ, у чеховъ да у червоноруссовъ всѣ простые люди говорятъ по-старому, по-славянски; но такъ какъ и мы изъ славянъ. то и рѣчъ ихная очень смахиваетъ на нашу, и пѣсни и сказки тоже сходны съ украинскими“.

Въ этихъ словахъ высказывается идея возрожденія славянскихъ народностей, но въ связи съ русскою народностью, равно обнимающей и россійскую литературу, и народы славянскихъ племенъ, находившихся въ областяхъ Турціи и Австріи. Примѣръ эту идею къ Українѣ, г. Корсунъ одинаково заимствовалъ и переносилъ въ украинскую литературу произведенія изъ литературы русской и западныхъ славянъ. Есть у него произведенія, писанныя въ духѣ Пушкина и Лермонтова, напримѣръ „Бліскавка“, „Відчого“, „Коханка“. Для примѣра приведемъ начало втораго изъ этихъ стихотвореній, написанного въ 1839 году:

Що се таке—відчого квіточками
Гарнесенько та рожа розцвіта,
Й метеліківъ уранці слізовьками
Заманює, мовъ би коханка та?

Що се таке—чи поділушокъ, може,
У ріці гоне фили гарно такъ;
И соловейко той по-біля рожи
Звідчого тањ виспівве, козакъ?

Що се таке, що серденько такъ бੇться.
И сняться сни такі-собі чудні:
То—мовъ морозъ по тілу розильється,
То—мовъ огонь—и я горю въ огні?

Съ чешскаго переведены или передѣланы Корсуномъ стихи: „Рожа“ (роза), изъ Кралеворской рукописи, „Велика панихида“, „Горе“, „Серце“, „Про себя самого“ (Ганкѣ) и „Гарна дівчина“. Въ этихъ переводахъ Корсуна, какъ и вообще въ его взглядахъ на славянство, нельзя не видѣть сходства со взглядами и литературною дѣятельностью А. Метлинского, которое, по всей вѣроят-

ности, произошло не безъ вліянія одного изъ этихъ писателей на другаго.

Корсуну довелось услышать и громкія п'єсни Шевченкова „Кобзаря и привѣтствовать его особымъ стихотвореніемъ, которое мы здѣсь приводимъ сполна.

Скажи, брате, кобзареві—
Хай собі співає!
Хай співає объ родині
Та й объ тімъ, що знає..
Голосити надъ труною
Дітамъ не мішають;
Співати пісні про колишнї
Не забороняють.
Хай розказує унукамъ:
Якъ діди ихъ жили;
Якъ ходили підъ султана,
Ляхівъ тормошили;
Якъ невірнихъ за чуприну
До вігъ пригинали;
Якъ съ треклятихъ недовірківъ.
Шкуру издирали;
Якъ на Сичи запорожці
Старшину судили,
И хто бувъ зъ ихъ виноватій—
Въ три кія лупили;
Якъ у Глухові зъ гетьманомъ
Рада положила,
Шобъ сердешная Україна
Москалю служила;
Якъ Україна обмогалась,
И якъ уставала;
Якъ протекція у хана
Опісля прошала,—
И якъ вдруге, а тамъ втреттъ...

Скажи жъ, брате, кобзареві:
Хай собі співає!
Бо кобзаря на Україні
Народъ поважає.
Скажи жъ, брате, кобзареві:
Хай співа що знає;

Бо старій, сліпій, понурій
Добрій голось має...

Послѣ 1845 года мы не встрѣчали больше въ печати произведеній Корсуня.

Левъ И. Боровиковскій.

Левъ И. Боровиковскій¹⁾, родомъ изъ Хорола, полтавской губерніи, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ на казенномъ коштѣ, около 1830 года окончилъ здѣсь курсъ по словесному отдѣленію со степенью кандидата за отличие, болѣе семи лѣтъ преподавалъ въ курской гимназіи сначала предметы историческіе, а потомъ латинскій языкъ, и въ 1838 г. перешелъ въ полтавскую гимназію, гдѣ былъ тогда учителемъ и братъ его. Распространившися въ Полтавѣ слухъ, будто бы учителя гимназіи предназначаются къ переводу въ польскія губерніи, побудилъ Боровиковскаго въ 1839 году просить М. А. Максимовича быть заступникомъ его. „При слабомъ здоровьѣ моемъ,—писалъ Боровиковскій,—я нелегко перенесъ бы переводъ, который, конечно, заставитъ оставить службу“. Желаніе Боровиковскаго было исполнено: онъ остался въ Полтавѣ, преподавалъ въ здѣшней гимназіи латинскій языкъ и потомъ русскую словесность, былъ инспекторомъ гимназіи и оставилъ тамъ весьма добрая воспоминанія о себѣ; теперь находится въ отставкѣ. О характерѣ своемъ онъ самъ говорить въ своей байкѣ „Веселій“:

Чого ти, Левку, все веселий та шутливий?

Мене приятель раз спітав;

А я йому сказав:

Такий я зроду вдавсь, и вид того щасливий.

Литературную дѣятельность свою Боровиковскій началъ еще тогда, когда былъ студентомъ харьковского университета, издавъ свою балладу „Маруся“ въ третьей книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1829 г.

1) Источники указаны въ „Покажчикѣ“ М. Кохарова, Кіевъ, 1883 года, № 27.

Поступивъ на службу, онъ постоянно занимался собираниемъ разныхъ памятниковъ малороссійской словесности и литературною обработкою ихъ. Въ письмѣ къ М. А. Максимовичу отъ 1 января 1886 года онъ писалъ слѣдующее: „Занимаясь болѣе пяти лѣтъ собираниемъ разныхъ памятниковъ языка общей намъ родины и простонароднаго быта земляковъ, я, сколько позволялъ досугъ при занятіяхъ по службѣ, приводилъ собранный запасъ въ порядокъ и посильнѣ хотѣлъ знакомить любителей языка малороссійскаго съ преданіями и повѣрьями малороссіянъ, облекая оныя въ свѣжія формы поэзіи. Вотъ плоды трудовъ моихъ I) Собрание простонародныхъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ числомъ болѣе тысячи; приведены въ алфавитный порядокъ. II) Басенки на малороссійскомъ языке, числомъ 250. Изъ нихъ болѣе 200 оригиналъныхъ, прочія—подражаніе Красицкому. III) Простонародный малороссійскія пѣсни (еще выгдѣ не изданныя, или варіанты изданныхъ), числомъ около 150. IV) Словарь малороссійскаго языка, съ показаніемъ корней словъ, буквы а, б, в, г. V) Собственный стихотворенія на малороссійскомъ языке (мнѣніе ложно, яко бы языкъ малороссійскій способенъ только для выраженія смѣшнаго и низкаго). Здѣсь болѣадъ 12, думъ 12 (сюжеты—преданія, повѣрья и пр. малороссійскія), переводъ семи крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича, пѣсень 20, смѣсь—26 пѣсѣ, нѣкоторыи переведены изъ Мицкевича. VI) Переводъ (сонетами) крымскихъ сонетовъ Ад. Мицкевича на русскій языкъ. Кроме сего, я записывалъ суевѣрія, повѣрья, преданія, способы простонароднаго лечения болѣзней и пр. и имѣю—переводъ (въ стихахъ) Федровыхъ басенъ (труды моихъ учениковъ-гимназистовъ), нѣсколько объясненіыхъ и въ стихи переведенныхъ одѣ Гораций и мелкія стихотворенія на русскомъ языке. Теперь я хотѣлъ бы начать издаваіе кой-чего изъ скаганного запаса и начать—баснями. Прилагая у сего 50 (кстати и туземный подарокъ вамъ на новый годъ) ва безпристрастный судъ вашъ, покорнѣйше прошу, если найдете стоящими изданія, помочь мнѣ дѣлать или совѣтомъ вашимъ въ отношеніи типографическомъ: я не могу опредѣлить на это теперь болѣе 300 рублей (думаю—недостаточно этого?); посему, для избѣженія хлопотъ, нельзя ли продать рукопись или поручить кому либо изданіе на условіяхъ? Я самъ не могу по многимъ причинамъ... Истинно жаль, что желаніе мое служить въ Малороссіи пять лѣтъ остается только желаніемъ. А это отнимаетъ возможность употребить въ пользу любозы и пытливость мою ко всему родному малороссійскому въ отношеніи языка. Это была цѣль, для коей изучилъ я языкъ польскій¹⁾. Изъ перечисленныхъ трудовъ Боровиковъ

1) „Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу“, соющ. С. И. Пономаревъ, въ „Истор. Вѣст.“, за май, 1881 г.

скаго въ послѣдствіи времени изданы были: 1) шесть малороссійскихъ народныхъ балладъ, переданныхъ на русскомъ языке въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1840 годъ; 2) малороссійский переводъ „Фариса“ Мицкевича, указываемый г. Пыниномъ; 3) „Народные пословицы“, 10 басенъ и 6 стихотворений въ альманахѣ Е. Гребенки „Ластовка“, 1841 года. Стихотворения эти: „Чорноморецъ“, „Вывидка“; „Палій“, „Волохъ“, „Зимній вечиръ (зъ Пушкина)“ и „Розставання (зъ писенъ)“. 4) „Байки и прибаютки“, изданныя А. Метлинскимъ въ Кіевѣ въ 1852 году, въ составѣ которыхъ, однако, не вошло до пяти басенъ, помещенныхъ въ 1841 году въ „Ластовкѣ“; 5) нѣсколько простонародныхъ малороссійскихъ пѣсенъ издано въ сборникѣ „народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ“ А. Метлинского, 1854 г.

Малороссійскія простонародныя баллады Л. Боровиковскаго заимствованы изъ запаса народной памяти. „Занимаясь постоянно нѣсколько лѣтъ сбираніемъ всего,—говорить Л. Боровиковскій, что выражаетъ характеръ, языки, бытъ, понятия и суевія малороссіянъ. Я, между прочимъ запасомъ, имѣю нѣсколько народныхъ балладъ и легендъ: представляю здѣсь любознательнымъ читателямъ вѣкоторымъ изъ нихъ по-русски, обѣщаюсь со временемъ передать и другое, что есть любопытнаго въ моемъ запасѣ“. Въ подтвержденіе народнаго происхожденія этихъ балладъ можно указать на лучшую изъ нихъ о „двуихъ доляхъ“. Въ „малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ“, 1876 года, мы встрѣчаемъ разсказъ о „долѣ богатаго и бѣднаго“ (стр. 182—184). Здѣсь говорится, что бѣдный братъ однажды ночью замѣтилъ, что какая-то богато убранная женщина ходить по полю, собираетъ волосы на его нивѣ и носить ихъ къ богатому брату. Бѣднакъ поймалъ ее, вывѣдалъ у нея, где живетъ его собственная доля, нашелъ послѣднюю и, получивъ отъ нея три рубля, началъ торговатъ рыбой и разбогатѣть. Тогда и богатый братъ захотѣлъ быть еще богаче и тоже началъ торговатъ рыбой, но разорился совсѣмъ. Содержаніе баллады Л. Боровиковскаго въ общемъ сходно съ приведеннымъ разсказомъ; но у Боровиковскаго, очевидно, этотъ разсказъ значительно выправленъ и округленъ. Самое изложеніе баллады отличается искусственностью; она написана мѣрною рѣчью, какъ будто бѣлыми стихами. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ разсказа о томъ, какъ мещанинъ братъ, позавидовавъ счастью старшаго, хотѣлъ выкопать кладъ и выкопалъ „злыдни“. „Роеть да роеть. Вотъ воль застучалъ, показался: алчной рукой онъ дернулся, и брызнули разомъ фонтаномъ... червонцы? нѣтъ! злыдни! Остолбенѣлъ мой кладокопатель! Домой приѣгаешь—ужъ домъ его заняли гости неожиданные—злыдни“. Въ такомъ же родѣ баллады Боровиковскаго: „Хромой скрипачъ“, „Великанъ“, „Ружье совсѣмъ“, „Лыко“, „Кузнецъ“. Послѣднія имѣть отношеніе къ повѣсти Гоголя „Ночь

наканунѣ Рождества" и свидѣтельствуетъ о народной основѣ этой повѣсти.

Продолженіемъ этнографическихъ работъ Л. Боровиковскаго служатъ "Народны пословици", изданные въ альманахѣ „Ластовка“, 1841 года. Нѣкоторыя изъ нихъ легли въ основу его „баскѣ и прибаютокъ“ и должны быть рассматриваемы въ связи съ послѣдними.

„Байки и прибаютки“ Л. Боровиковскаго пользовались въ свое время значительною извѣстностію. Онъ восполняли собою литературу южнорусскаго языка такою отраслью произведеній, которая дотолѣ почти не существовала на этомъ языкѣ. „Басни Боровиковскаго, говорить Метлинскій,—частію заимствованы изъ Крылова и другихъ баснописцевъ, частію принадлежать самому автору; но всѣ болѣе или менѣе вѣрны духу народа, исполнены юмора, шутливости, остроумія и нерѣдко могутъ служить вѣрнымъ зеркаломъ народныхъ обычаевъ. Часто мысль басни, или нравоученіе выражается формою народной пословицы“¹⁾. Таковы, напримѣръ, пословицы: „поки богат, то поты й сват“; „пьяному море по коліна“; „хто мовчить, той двохъ навчить“ и т. д. Иногда басня составляетъ не болѣе, какъ развитіе и объясненіе народной пословицы. Изъ Крылова, повидимому, переведены басни: „Суддя“, „Розбійник“, „Коник (стрекоза) и Муравей“, „Лев и Миш“, „Брехна“, „Вовк та Вивчари“, и др. Какія изъ басенъ Боровиковскаго составлены по подражанію Красицкому, мы не можемъ сказать въ настоящее время. Басня „Судъ“ заимствована или изъ повѣсти о „Шемяконои судѣ“, или изъ „Смѣющагося Демокрита“ (Democritus ridens), и разсказывается о томъ, какъ Петро, взявши у Федора кобылу для работы, оторвалъ у неї хвостъ, и какъ судья присудилъ Петру держать у себя чужую кобылу до тѣхъ поръ, пока не выростетъ у неї хвостъ. Изъ „Смѣющагося же Демокрита“ заимствованъ сюжетъ басни о „Климѣ пьяному“, который выставилъ впередъ ключъ, думая, что къ нему придется двери. Есть между „байками“ Боровиковскаго и такія, которыхъ обнаруживаются его литературные связи съ предшествующими украинскими писателями и особенно съ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ. Байки Боровиковскаго „Щука и Плиточка“ и „Горохъ“ есть не что иное, какъ сокращеніе сказокъ П. П. Гулака-Артемовскаго „Плиточка“ и „Солопій та Хицри, або горохъ при дорози“. Басня „Дорожній стовпъ“ воспроизводитъ стихотвореніе П. Кореницкаго „Панько та Верства“. Но есть у Боровиковскаго много и такихъ басенъ и особенно „прибаютокъ“, которые представляютъ развитіе и даже близкое переложеніе народныхъ

1) „Москвитянинъ“, 1852 года, ч. VI. Критика и библиографія, стр. 81—84 и др.

пословицъ и поговорокъ. Такова напримѣрь байка „Сидир“, развитая изъ пословицы „оженившись та й зажурился“.

Веселій Сидар оживився
Та й зажурился.
Край гаю сидачи, побачив вин телят —
И скакуть, и шалять,
Та й каже: добрѣ вы, телята, расходились—
Запевно ѹде ви не женилиск;
А вас ѹдоб присмирить—
Женитъ.

Содержаніе подобной басни мы слышали изъ народныхъ усть. Пословицы „сова хочь спыть—та курей бачить“ и „тогда деры лубья, якъ дерутся“, записанныя самимъ Боровиковскимъ, легли въ основу его басенъ „Курча“ и „Хома“. Нечего и говорить, что подобная басня имѣли и имѣютъ полную цѣну, какъ памятники народнаго творчества. Даже и переводныя басни принимаютъ у Боровиковскаго народный характеръ до того, что иногда трудно распознать ихъ чужеземное происхожденіе. Такова, напримѣрь, басня „Чорт“.

Колись у Полщи Чорт на сейли такъ возився,
Що вовся тамъ хвоста лишився.
Отъ, втикли, до дяка просি�лся въ грубникъ жить,
И ставъ дякови говорить:
Що миромъ, безъ хвоста, не буде вже мутить.
Дякъ думае, що чорт вже зовсімъ другимъ стався,
Ставъ лалономъ курить—
Такъ Чорт въ болото швидче вбрався!..
Хотъ вовкъ ливяе,
Та норовъ не переминяе.

Не смотря на специально-украинскій этнографический колоритъ басни, вся она есть не что иное, какъ варьція Федровой или Эзоповой басни „Баюшійся Волкъ“ (*Lupus roenitens*).

Съ появлениемъ украинскихъ басенъ Л. Глѣбова, „Байки и прибаютки“ Л. Боровиковскаго стали терять свое прежнее значеніе. Купиши въ 1857 году назваль басни Л. Боровиковскаго даже „тупыми“ ¹⁾.

Больше для насъ имѣютъ интереса мелкая лиро-эпическая произведенія Л. Боровиковскаго, частію переводныя, частію оригиналныя, ка-ковы „Фарисъ“ (изъ Мицкевича), „Чорноморецъ“, „Вывидка“, „Палій“,

1) „Русский Вѣстникъ“, 1857 года, т. XII. „Современная Лѣтопись“, стр. 230.

„Волохъ“; „Зимній вечіръ“ (изъ Пушкіна). „Розставання (зъ писень)“. Въ нихъ, по крайней мѣрѣ, яснѣе обозначились литературные симпатіи Боровиковскаго. Его „Розставання (зъ писень)“ по содержанию и тону похоже на пѣсню Писаревскаго-Шерепери „За Нѣмань иду“ и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ этой послѣдней. Стихотвореніе „Палій“, не обрисовывая этого исторического героя малорусской исторіи индивидуальными чертами, мѣстами напоминаетъ стихотворенія Державина и особенно его оду „Атаману и войску донскому“, 1807 года. Здѣсь Боровиковскій говоритъ, между прочимъ, о Паліѣ слѣдующее:

Хто якъ стрілка изъ майдану
Выхромъ ичышся за Україну?
Яръ, лисъ, ричка, туча синя
Козакови не запина;

Хто въ трави—вривни съ травою;
Хто въ води—вривни зъ водою;
Хто у лиси—вривни зъ лисомъ,
Ничию—перевертнемъ бисомъ?

Палій.

Особенно важны стихотворные переводы Боровиковскаго изъ Мицкевича и Пушкина, именно „Фарисъ“ и „Зимній вечіръ“, свидѣтельствующіе о его романтическихъ наклонностяхъ. Къ этимъ переводамъ нужно прибавить еще стихотвореніе „Волохъ“, которое есть не что иное, какъ переложеніе отрывка изъ „Цыганъ“ Пушкина. Стихотворенія „Вывидка“ и „Чорноморецъ“ воспроизводить въ художественной формѣ народные сюжеты. Изъ нихъ стихотвореніе „Чорноморецъ“ основано на народной пѣснѣ, одинаково встрѣчающейся и въ южной и въ сѣверной Россіи, и напоминаетъ нѣсколько стихотвореніе русскаго поэта Некрасова „Среди пошлостей жизни и прозы“. Боровиковскій говорить въ этомъ стихотвореніи объ убитомъ черноморцѣ, къ которому три ласточки—

Пригортаютса: перша ластивка
Маты рядна рида;
А другая—сестра;
Третя ластивка—жинка покійного.
Де матуся рида,
Тамъ кровава рика
Протикає до моря глибокого;
Де рядневка сестра,
То вже ричка пройшла
И просохла, не влывши до моря;

А де жижка буда—
И росици нема
И завъяла трава край покійного.

4.

Порфирій Кореницкий.

Порфирій Кореницкий ¹⁾ написав „Вечерниці, сатирическую поему“, и басню „Панько та Верства“. Изъ первого произведения можно заключить, что авторъ былъ воспитанникомъ одной изъ бурсъ, какъ назывались тогда духовно-учебные заведенія, и вѣроятно харьковской семинаріи. Въ этой поэмѣ авторъ прямо называетъ себя бурсакомъ.

Ні! вамъ соромъ буде въ хаті
Зъ бурсакомъ такимъ, ять я,
Що въ смальцеванімъ халаті
Влізé въ хату, мовъ свиня.

Въ другомъ мѣстѣ поэмы дѣякъ, єсть которому заходить авторъ, называетъ его поповичемъ: „Ні, поповичу, не ждавъ!“

Первое изъ произведений П. Кореницкаго представляетъ замѣчательную помѣсь приемовъ Котляревскаго въ его перелицованный „Энеидѣ“ съ мотивами пушкинского стиха и поэзіи, тѣмъ болѣе странную, что тѣ и другіе не срослись въ поэмѣ органически и живутъ своими домами. Сама поэма, очевидно, написана по подражанію „Энеидѣ“ Котляревскаго. Тотъ же сатирическій или, точнѣе, пародированный складъ и тонъ; такимъ же образомъ у Кореницкаго выводятся на сцену классические боги и богини въ карикатурномъ видѣ, гуляютъ въ шинкѣ, дуютъ сивуху и ругаются послѣдними словами, хотя основное содержаніе поэмы заимствовано не изъ классического міра. Воспользовавшись безчувственнымъ состояніемъ пьяного Орфея, авторъ поэмы укралъ у него кобзу и на ней воспѣваетъ свои вечерницы. Онъ говоритъ:

А я кобзу лишь настрою,
Ту, въ Орфія що укравъ
Підъ Парнасью горою,

¹⁾ Стихотворенія его помѣщены въ альманахахъ „Снігъ“ Корсuna и „Ластовка“ Е. Гребенки, 1841 г.

Якъ въ шанку изъ наимъ гулявъ.
Гей, Орфій, любій пане,
Музикантівъ отамане!
Ти й не думавъ, не гадавъ,
Щобъ бурсакъ, школляръ поганій,
Безгаланий, голодрабій,
Такъ швиденько хобзу вкравъ;
А тебе-бъ заставивъ спати
Чуть живого била хати—
На посмишище людять
И парнаськимъ всімъ богамъ.

Самое описание народныхъ вечерницъ написано безъ серьезнаго сочувствія къ народному быту и изображаетъ только разгуль и распущенность молодаго крестьянскаго поколѣнія, едва ли встрѣчающіеся въ такомъ видѣ на вечерницахъ въ дѣйствительной жизни крестьянства. Есть въ поэмѣ и хронологические промахи. Вечерницы, соответствующія сѣверно-русскимъ бесѣдамъ или посидѣнкамъ, обыкновенно бывають глубокою осенюю и зимою; между тѣмъ, Кореницкій рассказываетъ, будто бы парни, ида на вечерницы, залѣзають въ чужіе сады и крадутъ здѣсь яблоки, сливы и груши для дѣвокъ, а дѣвки и молодицы располагаются на ночлегъ въ садахъ.

Но къ этой безобразной поэмѣ приставлена голова, мало соответствующая туловищу. Введеніе къ поэмѣ есть не что иное, какъ списывшъ изъ стихотвореній Пушкина „Зимній вечеръ“ и „Утопленникъ“. Вотъ начало предисловія:

Хмару хмару швидко гоне,
Грімъ по небу торохтить;
Вітеръ плаче, вітеръ стогне;
Дожчъ по вікнахъ порошить.
Шідь чмалену сю незгоду,
Мовъ побиті люди сплатъ;
И хрещеного народу
На сели вже не видать.
Тильки де-коли скотина
Чуха боки коло тина
И на все село реве,
Наче звіръ іи дере.
То собака инде гавкне,
То захрюкає свини,
То шкодлива кішка нявкне,
То цвірінькне горобя;
То відъ ляку сичъ стрипнеться,

Якъ блискавка заблищить;
То дитина въ сні жахнеться,
Грімъ якъ въ небі затріщить.

Надобно полагать, что самая поэма составлена была раньше предисловия.

Серьезнѣе по содержанію другое произведеніе Кореницкаго „Панько та Верста“, помѣщенное въ „Ластовкѣ“ Грѣбенки и представляюще, повидимому, сатири на сельское духовенство. Здѣсь разсказывается о томъ, какъ проживавшій въ Липцахъ „швецъ“ (сапожникъ) Панько однажды отправился въ городъ за товаромъ, сѣлъ отдохнуть около верстового столба и сталъ спрашивать его, почему онъ постоянно стоитъ на одномъ мѣстѣ и не подвигнется немножко къ городу. Верста отвѣчала:

Мене уткнули тутъ небогу;
Щобъ я казала всимъ дорогу,
Хто скильки въихавъ и пройшовъ,
Та й скильки треба мандрувати,
Щобъ що у городи узяты:
Чи брыль кому, чи пидошовъ.

Но хочъ усимъ я проижалымъ
И всимъ по шляху прохожалымъ
Дорогу въ городъ и кажу,—
Сама-жъ стою, та все кунай,
Ити у городъ не бажаю,
Та и николи не хожу.

— Такихъ въ сели у насть баґацько!
Сказавъ Панько ій скорохвацько,—
Що учутъ насть, а самы сплять;
Що намъ велять добро робити,
Мовлять туды й сюды ходити,
Самы-жъ у хатахъ все сидать!

Это стихотвореніе Кореницкаго Л. Боровиковскій воспроизвелъ въ своей баснѣ „Дорожній стовпъ“.

5.

Викторъ Николаевичъ Забѣлла¹⁾.

Главныя свѣдѣнія о жизни Забѣллы мы имѣемъ въ „Запискахъ М. И. Глинки“. Говоря о пребываніи своеемъ въ 1838 году въ Каченовкѣ, въ помѣстии Григ. Степ. Тарновскаго, борзенскаго повѣта, Глинка, между прочимъ, разсказываетъ слѣдующее: „Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Маркевичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣкалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы... Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостили въ Каченовкѣ. Двѣ его малороссійскія пѣсни: „Гуде витерь вельми въ полѣ“ и „Не щебечи, соловейко“ я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ изображать въ лицахъ; въ особенности хорошо представлять слѣпцовъ. Первый скрипачъ, Калиничъ, однажды былъ приведенъ отъ такого представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: „Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ“. Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломанымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно аккуратенъ, и всѣ наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и ранѣе, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался, и гости расходились. Но не всѣ предавались сну: у меня въ оранжерѣ собирались Маркевичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ... Играли русскія и малорусскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, въ нѣкоторой досадѣ аккуратнаго хозяина. Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу“. Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ императорской публичной библіотекѣ. Около 1846 года В. Забѣлла

1) Источники: „Записки М. И. Глинки“, въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. 2, стр. 278—279, и въ особомъ изданіи 1871 г.; „Жизнь и произведения Тараса Шевченка“, М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 г., стр. 59 и 196. Уверяють, что о В. Забѣллѣ говорится еще въ статьѣ Н. М.—са „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника югозападной и западной Россіи“ за 1863 г., но безъ означенія его имени и фамиліи. Нѣкоторыя украинскія стихотворенія В. Забѣллы помѣщены въ „Ластовкѣ“ Гребенки 1841 года. Есть также нѣсколько свѣдѣній о В. Забѣллѣ въ статьѣ Н. М. Бѣлозерскаго „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“ въ „Кіевской Старинѣ“, за октябрь 1882 года.

ла познакомился съ Шевченкомъ и въ 1861 году участвовалъ въ его погребеніи на родинѣ. Умеръ въ 1869 г.

Кромѣ указанныхъ Глинкою двухъ пѣсенъ В. Забѣллы, намъ известны неизданное его стихотвореніе „Остапъ да Чортъ“ и слѣдующія стихотворенія, помѣщенные въ „Ластовкѣ“ Гребенки: „Голубъ“, „Писни“, и безымянная, начинающаяся словами „Повіали витри буйни“. Н. М. Бѣлоzerскій упоминаетъ еще объ его юмористическомъ посланіи „До Тараса“ (Шевченка), въ стихотворной формѣ.

Изъ нихъ стихотвореніе „Остапъ да Чортъ“, заимствованное сюжетъ свой изъ народныхъ повѣрій, повидимому написано по подражанію „Пану Твардовскому“ П. П. Гулака-Артемовскаго. Вотъ это стихотвореніе:

Жывъ соби десь чоловикъ, винъ Остапомъ звався.
Разъ поихавъ въ гай по дрова, зъ чортомъ постричався:
Прылагавъ, бачъ, гаекъ его до болота блызько;
Росла всичына на ему высоко и нызько.
Завелось въ тому болоти чертякивъ до врага,
Булы й голи, й волохати,—цилая ватага;
Булы чорни и перисты, шути и зъ рогами,
На собачыхъ булы лапахъ, булы и зъ ногами.
Остапу тому й казалы, щобъ винъ постеригся,
Щобъ не издывъ самъ у гай той, зъ чортомъ щобъ не
стрився.

Дакъ що! може, винъ ухопить? Сырый—не покурить!
Улепетне й чортъ одъ мене, и рогы загубить!
Дывовалыся мырине, що винъ такъ хвабруе,
Що про бисинъ такъ винъ смило подъ вечеръ толкуе.
Бо вони якъ темно стане, до такъ и шмыгають,
Перевернувшись во що-небудь, да все й пидслушаютъ;
Жабамы инколы скачуть, жукамы литають,
Де-шо робытця на свити—усе бисы знаютъ.
И Остапъ—nehай Богъ простыть—мабуть зъ нымы зневася:
Ходыть въ ночи самъ усюды, чортливъ не боявся.
Разъ рубавъ винъ въ гаю дрова... зиркъ, поручъ чортяка!
Трохи не впустывъ соокры, злякавсь неборака.
— „Здоровъ бувъ, пане Остапе!“—бисъ озвався до его.
Ище билъшъ Остапъ злякався, не сказавъ ничего;
Потимъ трохи прочувявся (дуже бувъ проворный).
— „Чувъ и про тебе, Остапе,—ты на все моторный“—
Чортъ сказавъ до его знову. Остапъ тильки чухався..,
Мовчавъ довго съ переляку, писли оправывася.
— „Якъ въ якому—бачте—дилу“, Остапъ ставъ казаты:

„Оратъ, сіять, змеу плесть, ставить вмію хаты“.
— „Ну, а зайца чи дежавешъ?“ спітався чортака.
— „Не дожену, пане чорте, бо я не собака“.
— „Отъ же и дахъ и піймаю!“ — „Дакъ дежъ его взяты?“
— „Зарахъ буде, коли хочешъ, били настъ стрыбаты“.
Де узялся спради заєць! Остапъ жажа крикнувъ;
Зарахъ и піймає чортака, заєць и не пыкнувъ.
Якъ поймавъ винъ въ свою лашу, тильки стрепенувся.
— „Дыковинка!“ Остапъ жажа, а чорть улыбнувся.
— „Ну, а свыснуть чи звукаєшъ?“ чорть изновъ пытае.
„Я такъ свисну, що зъ дерева листя позлитає.
— „А я не такъ ще умію“. Остапъ почавъ мовить:
„Нихто въ свити, въ закладъ пиду, на ногахъ не встоїть“.
— „Давай въ закладъ, що я встою!“ Остапъ наготовивъ
Гарную соби дубнику, зновъ соби промовивъ:
— „Свиститъ же ви попереду, тоди станемъ бытци
„Ми у закладъ, що впадете, готовъ побожити“.
— „Заразъ! Затуляй же уши!“ Свисъ!!! и лисъ затру-
сывся,—
Ажъ Остапъ насылу встоявъ, зъ дуба листъ звалывся.
— „Теперь же ви, пане чорте, заважить очици:
Бо якъ свисну, то ниначе хто вриже по пыци“.
— „А якій же буде закладъ?“ Чортака пытае.
— „Повну шапку срібныхъ грошей“, — Остапъ одвичає.
— „А ты миши, якъ не впаду, що ты обѣщаєшъ?“
— „Усе, усе, що е въ мене — все позабираешъ!“
— „Добре!“ Да и завизавъ очи, винъ перехристився,
Якъ уризавъ дубцемъ въ високъ, чорть и покотився!
Застогнавъ, ажъ сумно стало, якъ бугай въ болоти;
Остапъ квачемъ ему въ горло, щобъ не сохло въ роти.
Облизувався чортака, насылу ажъ дыхавъ,
Крутывъ зъпершу головою, а дали й зачмыхавъ.
— „На здоровъ, пане чорте! годи ванъ качатца:
„Я пиду уже до дому, пора рощататца“.

Землю пооравъ, якъ плугомъ, чортака рогами,
Повирывавъ зъ корнемъ зилья, якъ дригавъ ногами.
Крутывъ, вертивъ, пидскакувавъ, скреготывъ зубами.
Мабуть дуже винъ бувъ нижний: все планикавъ губами,
Якъ сова при свити въ хати, все лушавъ очима,
Хвостомъ вертивъ, росправлявся да кывавъ ушими;

Прочумався, ставъ на ноги, ниваче бувъ пьяный,
Позихавъ да потягався, ниваче заспанный.
Трошкы зъ годомъ заговорыши: „ну, Остапъ, ты свиснувшъ!
„Справди, ниваче хто въ ухо мене дуже триснувшъ“.
— „Ище добре, що очици соби завязали,
„Не тильки ричь бы отняло, може бъ синни стали“.
Чортъ оддавъ Остапу гроши, та въ болото тагу,
Скорише воды напивши, прогнавъ трохи смагу.
Писля Остапъ рассказувавъ, який бувъ чортака:
Волохатый, и зъ рогами, чорний мовъ собака;
Даое очей въ его лоби: одно превелике,
Якъ жаръ було червонее, а маленьке—дике.
Языкъ въ его предовгений, черезъ губу висить;
Самъ не встоить, все тупае, мовъ бы глину мисыть.

Такъ и виръ отпимъ Остапамъ, чвалаями ходять,
Зовсімъ вони неучени, до бисивъ проводята.

Другія стихотворенія В. Забѣллы—лирическія. Въ нихъ г. Чуприна (А. А. Котляревскій) видить подражаніе Шевченкѣ и А. Метлинскому. „Счастливые опыты въ стихахъ автора Думъ,—говорить онъ,—поэзія которого пришлась такъ по сердцу украинцамъ, и Амвросія Могилы указали другимъ тотъ путь, на которомъ встрѣчаемъ талантливаго Забѣллу, отчасти Чужбинскаго“¹⁾). Не смотря на веселый характеръ В. Забѣллы, какимъ изображаетъ его Глинка, лирическія стихотворенія нашего автора почти всѣ отличаются глубокою грустью человѣка, навсегда потерявшаго радости любви и семейнаго счастія. Можетъ быть, грустный тонъ его лирическихъ стихотвореній навѣянъ Метлинскимъ и отчасти Шевченкомъ, но, можетъ быть, онъ найдетъ свое объясненіе и въ обстоятельствахъ жизни самого автора²⁾). Нѣкоторое исключеніе представляетъ только его „Писня“, въ которой, по крайней мѣрѣ, не высказывается безнадежность любви. Проѣхавъ дважды мимо двора мілой и не видѣвъ ея въ очи, герой пѣсни мысленно обращается къ ней со слѣдующими словами:

Чи й ты такъ скучаешь?
Коли мене вирю любишъ,

¹⁾ Литературный отдѣль „Москов. Вѣдом.“, 1856 г., № 41: „Литературные замѣтки, скубента Чуприны“.

²⁾ Покойный А. А. Котляревскій передавалъ пишущему эти строки, что В. Забѣлла былъ несчастливъ въ своей семейной жизни и потому былъ „великий недурень выпити“.

То й бачить бажаешъ.
Ой, якъ вирно мене любиша,
Будемъ жыть въ тобою:
Цилый викъ, мое серденько,
Якъ рыба эъ водою!

Стихотворение „Повиали витры буйны“ жалуется на разлуку съ дивчиною:

Повиали витры буйны
Зъ холодного краю:
Розлучыли зъ дивчиною,
Котру я кохаю.
Та не витры, люде злни
Мини се зробили;
Самы мене звелы зъ нею,
Самы й розлучили.

Въ стихотворении „Голубъ“ молодой козакъ плачетъ по своей несчастной долѣ, разлучившей его съ подругою жизни и разрушившей его семейное счастье. Козакъ спрашиваетъ голубя, зачымъ онъ такъ тяжко стонеть, и голубъ высказываетъ передъ нимъ такую же печаль—тоску, какая грызла и самого козака:

Того, козаченьку,
Того, кучеравый,
Що я спарувався,
Та не поживъ лита
Зъ съзвою своею:
Яструбы убыли.
И дитокъ прыдбали
Двойко малюсенькихъ,
Згодувать не вспили;
Погинулы й дитки
За мылою швидко,
Я стогнать остався.

Онъ не хочетъ уже летѣть въ поле, чтобы тамъ найти стадо и прогнать свое горе:

Що стадо поможе
Мини бидоласи?
Тамъ усе чужіи.
Однилы у мене
Голубку и ридныхъ
Вороги лихіи...
Коли суха вітка,
Котра пидо мною,

Зновъ зазеленіе,
Тогда сила буде
Зъ рідними до мене,
И сердце зрадіе.
Та й застогнавъ дуже,
И сплеснувъ крылами,
Ажъ лисъ стрепенувся,
Полетивъ по пущи...
Бильшъ на тую витку
Винъ и не вернувся.

Такого же грустнаго тона и пѣсня Забѣллы „Не щебечи, соловейку“, переложенная Глинкою на музыку. Благодаря этому обстоятельству, она получила большую известность въ Малороссіи и стала почти народною. Мы приводимъ ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она записана для насъ на Волыни:

Не щебечи, соловейку,
На зорі раненько!
Не щебечи, малюсенький,
Підъ вікномъ близенько!
Твоя писня дуже гарна,
Ти гарно співаешъ;
Ти щасливий спаровався
И гніздечко маєшъ,
А я бидний, безталаний
Безъ пари, безъ хати;
Не судилось міні въ світі
Весело співати.
Ой, літи ж ты къ тимъ людямъ
Котри веселяться!
Вони піснькою твою
Будуть забавляться.
Міні писенька такая
Серце розриває;
Гірше бъєць въ груді
И духъ замирає.
Міні пугачъ таъ згодився,—
Стогне, не співає.
Нехай стогне коло мене
И смерть возвіщає!

По всей вѣроатности, были у Забѣллы и другія стихотворенія; но онъ писалъ ихъ про себя и скоро дѣлился ими съ публикой.

6.

Тимоей Думитрашко-Райчъ.

Тимоей Думитрашко-Райчъ извѣстенъ въ украинской литературѣ небольшимъ сборникомъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Бандура“, 1858 года ¹⁾). Здѣсь въ стихотвореніи „До предка“ Т. Думитрашко-Райчъ производить свой родъ отъ извѣстнаго въ малороссійской исторіи Переяславскаго полковника Думитрашка, который въ 1674 г., при гетманѣ Самойловичѣ, съ 20,000 козацкаго войска и двумя полками великороссійскими, разбилъ на голову надъ Ташлыкомъ татаръ и Дорошенка ²⁾). Гнѣздомъ этихъ Думитрашковъ было село Бакумовка, близъ м. Березани, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ Бакумовской церкви, теперь упраздненной, въ 1693 году сооруженъ былъ и расписанъ майстромъ Миславскимъ иконостасъ „жертвою пана Радиона Думитрашка Райча“ ³⁾). По всейѣроятности, нашъ авторъ родился и выросъ въ селѣ Бакумовкѣ. О себѣ онъ говорить:

хотівъ предка
Прославить ділами
И положить головоньку
Баючись изъ врагами;
Не трацилось, такъ я теперъ
Граю на бандуру.

Судя по содержанію стихотвореній Т. Думитрашка-Райча, онъ сочинялъ ихъ для себя, на разные случаи изъ собственной жизни и жизни тѣснаго кружка своихъ родныхъ и знакомыхъ; но безплодіе украинской литературы въ періодъ со временемъ ссылки Т. Г. Шевченка и до воцаренія покойнаго императора Александра II и тогдашнее предпочтеніе украинскому слову чужой словесности побудили нашего автора издать свои стихотворенія въ свѣтъ. Въ первомъ стихотвореніи „До віршъ“ онъ обращается къ нимъ со слѣдующими словами:

¹⁾ Полное заглавіе: „Бандура. Думки и піснни Тимофія Думитрашко-Райча. Выпускъ первый. Кіевъ, 1858“.

²⁾ См. „Краткое описание Малороссіи“, составленное около 1734 года, въ издании „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ“, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ..“, Кіевъ, 1878 г., стр. 277.

³⁾ „Ізвѣстія церковно-археологич. общества при кіевской дух. академії за 1879 годъ“, Кіевъ, 1880 г., стр. 80.

Идить, мои сиротата,
У світъ прихильници;
Идить, мои голубата,
Тутъ вамъ нігде дітьца;
Тутъ въ почоті зужи діти,
А свои безъ долі:
Тяжко нудять вони світомъ,
Мовь пташка безъ воли.

Скромность стихотворца и искреннее желаніе его принести посильную пользу родному слову обезоруживаютъ критика и заставляютъ его снисходительно смотрѣть на сравнительно слабыя стихотворенія Т. Думитрашка-Райча на малорусскомъ языке.

Всѣхъ стихотвореній въ первомъ выпускѣ „Бандуры“ (второй выпускъ не выходилъ) 29ъ тъ, которыхъ писаны въ разное время. Старѣшія изъ нихъ должны быть отнесены приблизительно къ 1843 году, такъ какъ въ „Бандурѣ“ есть стихотвореніе „На смерть Квитки“, умершаго въ этомъ году.

Большая часть изданныхъ стихотвореній Т. Думитрашка Райча—любовнаго характера и изображаетъ или разлуку съ милой и одиночество влюбленнаго, или же стремленіе къ ней и желанное соединеніе съ нею. Нѣкоторыя изъ нихъ очень сильно напоминаютъ намъ собою лирическія стихотворенія В. Забѣллы, напримѣръ, „Жайворонокъ“, „Соловейко“, „Лаворъ“ и др. Стихотвореніе „Соловейко“ оканчивается слѣдующими стихами:

Оттакъ я колись спіавъ
У ночи въ садочку,
Якъ траплялось, що виждавъ
Мою коханочку;
И душа такъ вилівалась
Щира-неврадлива,
Якъ до серца пригорталась
Моя чорнобрива!
Та недовго тішивъ таланъ,
Люди разлучили!
Улетівъ вінъ, мовъ той туманъ,
Іи зкоронила!
Теперь уже соловейкомъ
Більшъ я не спіаю,
Тужу пугачемъ въ пустині,
Долю проклинаю!..

Стихотворение „Сиротина“, по сюжету сходное съ соотвѣтствующимъ стихотвореніемъ А. Метлинскаго „Дитина-Сиротина“, перенимаетъ некоторые мотивы у Шевченка:

Дуже тяжко сиротині
Въ світі погибати,
Якъ вікуди прихилитьца,
Та ще въ чужій хаті!
Въ чужій хаті, въ чужій праці,—
Така жиць—не доля!
Сердце знає, що бажає,—
Та не его воля!
А де-жъ тая воля?
Нудьга изсушила!
А дежъ тая доля?
Однала могила!
Свого тата не знаюю,
А веню святую
Ледви-ледв, и мовъ язо сну,
Ії памятую;
Не бацацько живу въ світі,
А дуже змарніала..
Неню моя, люба неню!
Де-жъ моя могила?
Возьми, рідна, молю тебе,
Свою ты дитину!
Тяжко дуже на сімъ світі,
Пришлось до загину;
Бо тутъ люди...—Богъ изъ ними!
Ничого й казати!..
Бога ради, візьми мене,
Моя рідна мати!

Во второй половинѣ первого выпуска „Бандуры“ помѣщены преимущественно стихотворенія, или представляющія передѣлку народныхъ южнорусскихъ лирическихъ и обрядовыхъ пѣсень, или стремившіяся изобразить минувшій бытъ Малороссіи. Къ первымъ относятся— „Сосідъ“, „Обжинки“, „Весільни (свадебныя); ко вторымъ— „Пересловъ“, „Старосвіцький козакъ дома“, „Старосвіцький лицарь на войні“ и „До предка“. Но авторъ не имѣлъ, какъ видно, основательныхъ свѣдѣній ни по этнографіи, ни по истории малорусской, и притомъ наличными свои свѣдѣнія старался перерабатывать и влагать въ искусственную форму, вслѣдствіе чего, при недостаткѣ таланта, только обезличивъ народныя пѣсни и историческія преданія. Стихотвореніе

„Сосідъ“ можетъ служить для насъ прімѣромъ его передѣлокъ народныхъ пѣсень:

А въ сосіда гарна хата,
Всімъ заможна и багата,
Жінка повна, щікі красни,
Ротикъ гарний, очки ясни.

Вона въ домі господина,
А у людяхъ мовъ княгиня,
И танцює и співае,
Усімъ очи засліпляє, и проч.

Это стихотворение есть передѣлка известной ходачей малорусской пѣсни „У сосіда хата біла“, неизвѣстного и сомнительного происхожденія.

Изъ стихотвореній съ историческимъ сюжетомъ приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія Т. Думитрашка-Райча „До предка“:

Дожилася Бакумовка
До самого краю!
Була вона колись гарна,
Мовъ куточокъ рапо;
Тутъ вельможніи живали
Паны на єю губу;
Вони славу добували
Ворогамъ на згубу.
Тутъ гарматы невгомонни
День и вічъ греміли;
Католики й бусурманы
Мовъ трасда третміли;
Тутъ полковникъ Думитрашко
Боронивъ траницы.
Утикали орда, лахи,
Мовъ одъ орла птици.
Громивъ вінь врагівъ лютыхъ,
Де въ кими зідкався;
Злый татаринъ, лахъ зрадливый
Зъ опалу жахався.
Рятовавъ нашъ лицарь славный
Матірь Україну;
А теперъ его забули,
Мовъ малу дитину;
Тилько знає Орломиця,
Та Чигиринъ знає,

Та ще може якій дідусь
Де-коли згадає,—
Якъ Думитрашко, мовъ той соколь,
Уславъ трупомъ поле!..

Это стихотворение основано не на козацкихъ народныхъ думахъ, а на исторической справкѣ въ малороссийскихъ хроникахъ, доступныхъ автору.

7.

Семенъ Лукьяновичъ Метлинскій.

Семенъ Лукьяновичъ Метлинскій ¹⁾, братъ А. Л. Метлинского, родомъ изъ гадячского уѣзда, полтавской губерніи, по его собственнымъ словамъ, съ малолѣтства жилъ въ южной Россіи, собирая народныя украинскія пѣсни для сборника А. Л. Метлинского и состоялъ членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, отъ котораго получилъ за свои сообщенія „самые лестные отзывы благодарности“. Въ 1858 году онъ издалъ въ Кіевѣ сборникъ своихъ стихотвореній на южнорусскомъ языке, подъ заглавиемъ „Мова зъ України“, закрывшись псевдонимомъ С. Л. Родыны. Цѣль сборника состояла въ содѣйствіи народному образованію, которое, по словамъ автора, „не должно уже заключаться въ отдѣльныхъ какихъ либо слояхъ общества, но охватывать должно собою, болѣе или менѣе, судя по потребностямъ, и всѣ низшия классы общественной жизни... Вида,—продолжаетъ онъ,—что въ недавнее время стали издаваться для чтенія простолюдиновъ, при воспитаніи ихъ въ сельскихъ школахъ, книги на языкѣ понятномъ имъ, приспособленномъ къ ихъ разговору, и рѣшился въ этой книгѣ изложить иѣкоторые предметы, необходимые и полезные при религіозно-нравственномъ образованіи простаго народа тѣхъ губерній, гдѣ для него великорусскій языкъ не столько понятенъ, сколько бы это нужно, а употребляется нарѣчіе южнорусское“. Вторая часть „Мовы зъ Укра-

¹⁾ Источники: 1) „Мова зъ України. Кіевъ, 1858“. 2) „Мова зъ України, Полтава. 1864“. Кроме того, мы имѣли подъ руками вторую брошюру въ рукописи, съ письмомъ С. Л. Метлинского въ редакцію „Основы“, отъ 26 августа, 1862 г.

ины" издана въ Полтавѣ въ 1864 года, и въ этой части, кромѣ стиховъ самого С. Л. Метлинского, помещены также стихи М. М. Макаровскаго.

Не смотря однако на свое народолюбіе, авторъ все-таки обнаруживаетъ свои барскія наклонности и взгляды и порой довольно наивно высказываетъ ихъ. Въ стихотвореніи „Начатокъ весны“, описывая прелести этого пріятнаго времени года, онъ говоритъ:

Поидуть пахари съ плугами,—
Рассыдаются по нивахъ зерно
Зъ молитвами до Бога урожаю;
Садки запахнуть, пташки защебечутъ;
И ранкомъ теплымъ, напывшись чаю,
Панъ выйде весело къ своимъ крестьянамъ.
Проснется все, что спало, что замерло;
И мужка и чоловикъ, все славить Бога стане.

Какъ этотъ „панъ“ похожъ здѣсь на взяточника-чиновника съ его идеалистическимъ взглядомъ на весну, когда пчелка съ каждого цвѣточка беретъ себѣ взятку!

Ни по содержанию и техникѣ стиховъ, ни по языку, ни по общественнымъ взглядамъ автора, сборникъ его не заслуживалъ бы вниманія; но онъ интересенъ для насъ по той прозрачности, съ какою отразились на немъ разныя литературныя вліянія. Въ предисловіи къ своему сборнику С. Л. Метлинский говоритъ, что его стихотворенія суть подражанія чисто народнымъ произведеніямъ. И дѣйствительно, между 52-мя его стихотвореніями можно указать нѣсколько такихъ, которыхъ передѣланы изъ народныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи онъ шелъ по слѣдамъ брата своего А. Л. Метлинского и даже иногда повторялъ его сюжеты, напримѣръ въ стихотвореніи „Сиритка“. Въ стихотвореніи „Свекруха—люта видьма“ свекровь послала невѣстку жать пшеницу и силою чародѣйства превратила ее въ колосокъ пшеницы; мужъ отыскалъ ее и снова превратилъ въ женщину. Въ другомъ стихотвореніи, подъ заглавиемъ „Зъ чужой стороны зозулею полетила до родныхъ“, дочка, тосковавшая на чужой сторонѣ по родинѣ, просила ворожею превратить ее въ зозулю и въ такомъ видѣ слетала на родину и подслушивала здѣсь тоску своей матери. Но чаще подражанія эти состояли только въ южнорусскомъ языке и дѣйствительными оригиналами своими имѣли не народные пѣсни, а произведенія Пушкина и особенно Лермонтова, перенимая ихъ вышніе приемы и даже слова и выраженія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его стихотворенія: „Осипъ“, „Печаль невынныхъ душъ про свѣтъ земный“, „Дытина“ и „Пидъ не-бомъ лятае хмаронька высоко“. Первое изъ названныхъ стихотвореній начинается такъ:

Небо крыть хмари темни,
Буря вые, скризь литае,
Листы съ дерева зелени
Осинъ хмурна осыпае;
Сонце въ хмари заховалось,
И десь-недесь часомъ глянве:
Чи-то холоду зликалось?
Чи-то журыцца, що въявне
Те, що въ весну, литомъ землю розкращало?..

Эти стихи—подражаніе „Зимнему вечеру“ Пушкина. Стихотвореніе „Печаль невынныхъ душъ про світъ земный“, повидимому, развивается мысль „Пророка“ и „Поэта“ Пушкина и Лермонтова; но въ срединѣ почти буквально повторяетъ стихотвореніе Лермонтова „Ангель“:

Ще зъ дитку ихъ души
Святую писню анголь проспивавъ;
Та писня на души осталась вичне:
И земный сей мырь турмою мовъ имъ ставъ.
И часто думка ихъ лита на небо.

Стихотвореніе „Дытына“ рисуетъ дитя такими же красками, какими изображена Тамара въ „Демонѣ“ Лермонтова. Наконецъ, стихи С. Л. Метлинского „Пидъ небомъ литае хмаронька wysoko“ есть слабое подражаніе стихотворенію Лермонтова „Тучки“, съ примѣненiemъ его къ человѣческой судьбѣ. Вотъ это стихотвореніе С. Л. Метлинского:

Пидъ небомъ литае хмаронька wysoko,
Литае по-витру, куды винъ несе:
Хочь близъко, далеко,—
Чи знать ій про се?..
Такъ я молодий:
Не знаю, де мисце соби обберу,—
Якій на жытта мене прыйме край,
Въ якій сторони я умру!..

5.

Михайло Николаевичъ Петренко.

Михайло Николаевичъ 1) родился въ 1817 году и большою частью проживалъ и узналъ языкъ и бытъ народный въ г. Слав-

1) Источники: „Спінь“, 1841 г.; „Молодикъ“ Бецкаго, на 1843 годъ, и „Южныи русскій сборникъ“, Метлинскаго, 1848 г.

вянськѣ и его окрестностяхъ, изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи; окончилъ курсъ ученія въ харьковскомъ университѣтѣ въ 1841 году и потомъ опредѣлился на службу по гражданскому вѣдомству. Онъ написалъ одну оперу, нигдѣ не напечатанную, и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, которыхъ помѣщались въ альманахѣ „Сніць“ Корсуня, 1841 г., въ „Молодикѣ“ Бецкаго на 1843 годъ и въ „Южномъ русскомъ сборнике“ А. Метлинскаго, 1848 года. Въ послѣднемъ перепечатаны и прежнія стихотворенія Петренка. Извѣстны слѣдующія его стихотворенія: „Недоля“, „Вечерній дзвінъ“, „Смута“, „Думи та сшви“, „Брови“, „Вечиръ“, „Батьківська могила“, „Небо“, „Весна“, „Славянськъ“, „Іванъ Кучерявий“, „Недугъ“ и „Дума про батька“.

Нѣкоторыя стихотворенія Петренка напоминаютъ собою пѣсни Котляревскаго въ „Наталякѣ Полтавскѣ“ и написаны подъ тою знаменитой его пѣсни „Віють витри“. Такова, напримѣръ, пѣсня Петренка „Минулися мої ходи“, въ которой, между прочимъ, поется:

Другимъ счастя и коханья,
А я тилько плачу,
Сльозам, горю, тоскованью
И киньца не бачу.
Мене милий чернобривий
На-лихо не любе;
Суше мене, псує мене,
Дарма серде губе.

Но другія стихотворенія Петренка написаны подъ вліяніемъ Козлова и Лермонтова. Къ такимъ стихотвореніямъ относятся: „Вечерній дзвінъ“, „Недоля“, „Вечиръ“, „Думка“. „По небу блакитнімъ очіма блукаю“ и др. Изъ нихъ „Вечерній дзвінъ“ свидѣтельствуетъ объ отношенииахъ Петренка къ пушкинской поэзіи и именно къ Козлову, одному изъ представителей пушкинской школы, а остальные три стихотворенія написаны по подражанію Лермонтову. „Вечерній дзвінъ“ Петренка напоминаетъ намъ стихотвореніе Козлова подъ тѣмъ же заглавіемъ и, вѣроятно, написано подъ его вліяніемъ.

Як в сумерки вечерній дзвин
Пид темний вечир сумво дзвоне
Як з витром в поли плаче вин,
А у дуброви тажко стогне,
Тоди душа моя болить,
Вид смути плачу по невирий,
А думка все туди летить,
Де вперш почув я дзвин вечирний,
Де вперше так я полюбив
Поля привольни та діброви,

Де вперше світ и радисть вздрив,
Та кари очи й чорни брови!
Проснеться все в души тоді,
Вечерний дзвин усе розбуде;
Сльоза пробле, и вид нудьги
Душа вси радости забуде..
О! тижкий, дзвоне, твій привит
Тому, хто милой не має;
Душа болить и меркне світ,
А сердце гирше занивае.

Стихотвореніе „Недоля“ сначала напечатано было съ эпиграфомъ изъ „Молитвы“ Лермонтова и въ самомъ дѣлѣ поддѣлывается подъ ея тонъ.

Дивлюся на небо та й думку гадаю:
Чому я не соколь, чому не літаю?
Чому мені, Боже, ти крилля не давъ?
Я бъ землю покинувъ и въ небо злітавъ...
Далеко, за хмари, подальше відъ світу,
Шукать собі доли, на горе привіту,
И ласки у сонца, у зірокъ прохатъ,
И у світі ихъ яснімъ себе покохать;
Бо доли ще змалку кажусь я нелюбій,
Я наймітъ у нея, хлопцюга приблудній:
Чужій я у долі, чужій у людей...
Хиба хто кохає нерідникъ дітей?..
Кохаюся лихомъ и щастя не знаю.
И гірко безъ долі свій вікъ коротаю;
Й у горі спізнявъ я, що тільки одна
Далекое небо—моя сторона...
И на світі гірко! Якъ стане ще гірше
Я очи на небо!—мені веселіше,
И въ думкахъ забуду, що я сирота—
И думка далеко, високо літа!..
Такъ дайте же крилля, орлячого крилля!
Я землю покину—и на новосілля
Орломъ бистрокрилимъ у небо полыну
И въ хмарахъ відъ світу на-вікъ утону.

Лермонтовськіе мотивы и пріемы азмѣтны также въ стихотворенії Петренка „Вечіръ“. Оно ближе всего подходитъ къ стихотворенію Лермонтова „Выхожу одинъ я на дорогу“. Петренко также наблюдаетъ ночное небо и спрашиваетъ его о причинѣ своей грусти:

Схилившись на руку, дивлюся я
Въ вечирне край-небо далеко и глибоко,
И чую, проситься душа моя
Туди, де потонуло в хмарах око.
И тъюхка серде у мені.
А в очах темно, темно, мутно...
Чого ж в души становиться такъ смутно,
Коли дивлюсь, вечирне небо, на тебе?
Покрите хмарами, мов хвилями те море,
Що ти там мовиш в винни?
Чи перши радости, чи тяжке горе
Ти шлеш самотному мени?
Чого твоя журлива мова
Моїй души недовидома?
И мова ся, й велика рич
Для мене темна так, мов тая нич.
Ти, може, мовиш те, що так як хмари
Покрили край-небо, краси твої,
Так потемніють дни мої
Безъ радости и видъ людской кари?
И те, що мий сиритській слідъ
Зальється на свити сльозами,
А доля зла, и хмари бидъ
На бидну голову посыплються громами?
Тебе я не пойму, якъ и того, що буде,
А тилько важко так мени,
Неначе небо все и хмари ти
Мени скилилися на груди.

Но, при несомнѣнномъ подражаніи Лермонтову, поэзія Петренка отличается еще болѣе грустнымъ тономъ, постоянно о чёмъ-то вздыхаетъ и порывается отъ земли къ небу. Къ Петренку болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, идутъ слѣдующіе стихи П. П. Гулака-Артемовскаго въ его пародированномъ переложеніи „Думы“ Лермонтова „Упадокъ вѣка“:

Не ззіли, ні спили, та все, небораки,
На хмари дивлячись, здихаютъ важче й важче.

Повидимому, А. Корсунъ пародировалъ Петренка въ извѣстной уже намъ „Писулькѣ до кума“.

Александр Степанович Асанасьев (Чужбинский).

Александр Степанович Асанасьев¹⁾ родился въ 1817 году, въ лебедянскомъ уѣзда, полтавской губерніи, гдѣ отецъ его владѣлъ небольшимъ населеннымъ имѣніемъ. Въ 1829 году онъ былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и отданъ въ гимназію вышихъ наукъ князя Безбородко Здѣсь онъ изучалъ у профессора Соловьевъ, человѣка весьма замѣчательнаго, выѣхавшаго съ Е. П. Гребенкою, впослѣдствіи пріобрѣвшимъ известность въ качествѣ повѣстователя. Вскорѣ по вступленіи Асанасьева въ число воспитанниковъ гимназіи, это заведеніе было преобразовано въ лицей, и онъ окончилъ курсъ наукъ уже съ званіемъ студента лицея и правомъ на чинъ XIV класса. Отдохнувъ около года въ деревнѣ, Асанасьевъ, по приглашенію одного изъ бывшихъ товарищъ своихъ, описавшаго ему свой бытъ самими поэтическими красками, поступилъ въ 1836 году юнкеромъ въ бѣлгородскій уланскій полкъ, но на первыхъ же порахъ встрѣтилъ самое горькое разочарованіе и 1843 году вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика. Въ 1847 году онъ снова поступилъ на службу въ канцелярію воронежскаго гражданскаго губернатора и въ томъ же году назначенъ редакторомъ неофиціальной части „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей“; но и здѣсь онъ прослужилъ всего два года, послѣ чего снова вышелъ въ отставку. Умеръ въ Петербургѣ 6 сентября 1875 г.

Асанасьевъ началъ писать очень рано, еще въ лицѣ, гдѣ въ то время вѣялъ литературный духъ. Первымъ напечатаннымъ его произведеніемъ было стихотвореніе „Кольцо“, помѣщенное въ „Современникѣ“ (1838 г., т. XI), съ подписью „Чужбинскій“. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ продолжалъ писать до 1851 года, т. е. до появленія въ свѣтѣ двухъ первыхъ его изданій „Галлерей польскихъ писателей“ и „Русскій солдатъ“, подписаныхъ уже его настоящимъ именемъ. Съ тѣхъ поръ Асанасьевъ началъ выставлять подъ своими статьями и сти-

1) Библіографіческія свѣдѣнія о немъ см.: 1) „А. С. Асанасьевъ“ В. Толбина, въ книгѣ „Лицей князя Безбородко“, 1859 г., вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1881 году; 2) „Поэзія славянъ“ Гербеля, С.-Петербургъ, 1871 г., стр. 193—194. Перечень малорусскихъ его произведеній въ „Покажчикѣ нової української літератури“, М. Комарова, Кіевъ, 1863 г. Другіе источники, менѣе важные, будуть указаны въ примѣчаніяхъ къ тексту.

рыя, Богъ икъ святой знасть откуда, вторгались въ душу и громко
вырывались на волю". Въ „Старосвѣтскому бандурѣсту“ Загребинского,
1860 года, между народными пѣснями помѣщена и нижеслѣдующая
пѣсня Асанасьевы-Чужбинского (стр. 29):

Ой у поля на роздольнѣ
Шовкова травица;
Середь неї край тополи
Чистая кривица.
Тильки туди кониченька
Мини не водити,
Изъ тієи криниченьки
Водици не пити.
Травка звяне, травка зсохне
Коню вороному,—
Отрутую вода стане
Мини молодому!
На тій шовковой травици
Багато отруты:
А зъ тієи криниченьки
Пивъ мій ворогъ лютый.

Стихотвореніе „Евгенію Павловичу Гребенкѣ“ положено на ноты
и тоже помѣщается между народными пѣснями ¹⁾). Это самое популярное
стихотвореніе Асанасьевы-Чужбинского. Вотъ оно:

Скажи мини правду, мій добрий козаче,
Що діяти серцю, коли заболить,
Якъ серце застогне и гірко заплаче
И дуже безъ щастя воно защемить?
Якъ горе, мозгъ теренъ, всю душу поколе,
Коли одцуралось тебе вже усе,
И ты, якъ сухее перекоты-поле,
Не знаєшъ, куды тебе вітеръ несе?
„Э, ни!“ кажешъ мовчки: „скосивши былину,
Хочъ ранокъ и вечіръ водою полий,
Не зазеленіе;—кохай сыротину,
А матері й батька не бачити ій.
Оттакъ и у світі: хто рано почуе,
Якъ серце заплаче, якъ серце здыхне,
Той рано й заплаче... А доля шуткує—
Поманить, поманить, та й геть полниє“.

¹⁾ См. „Народни українські пісні зъ голосомъ“, О. Гулака-Артемовскаго,
вип. 1. Кіевъ. 1868 г. № 52.

А можна жъ утерпѣть—якъ яснѣе сонце
Блѣсне и засяє для миру всего
И гдане до тебе въ убоге віконце?..
Осліпнешь, а дивися все на его.

Кромѣ того, ходили по рукамъ стихотворенія: „Безталанія“, „Дівоцька правда“ и двѣ „Думки“. Они напечатаны были въ журналѣ „Основа“ за ноябрь и декабрь 1861 г. и за августъ 1862 г., съ предположеніемъ, что это—первые опыты Т. Г. Шевченка. Между тѣмъ оказалось, что всѣ эти стихи написаны Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ и два первых стихотворенія уже отпечатаны были въ его книжкѣ „Що було на сердці“ ¹⁾). Одно малорусское стихотвореніе Аѳанасьева-Чужбинского пошло даже въ пражское изданіе „Кобзаря Т. Г. Шевченка“, 1876 г. Эта мистификація всего лучше обнаруживаетъ внутреннее достоинство стихотвореній Аѳанасьева-Чужбинского, которые были признаны первыми, слабыми опытами Т. Г. Шевченка.

---

¹⁾ См. журналъ „Основу“, за октябрь, 1862 г. Бібліографія.

IV.

Украинскій націонализмъ или національная школа въ украинской литературѣ.

Национализмомъ въ русской литературѣ обыкновенно называютъ то направлениѳ ея, которое, опираясь на историческое и этнографическое изученіе народа, идеализируетъ прошлую или современную жизнь его, удовлетворяется и услаждается ею и свысока, пренебрежительно смотрѣть на чуждые вліянія, отражавшіяся на русской жизни. Это направлениѳ обязано своимъ происхожденіемъ многоразличными причинами и источниками, и въ томъ числѣ чужеземными вліяніями, отъ которыхъ оно откращивается. Сюда, прежде всего, приналежитъ возбужденіе интереса къ устной народной словесности. „Такъ называемая обыкновенно просвѣтительныя идеи XVIII вѣка,—говорить А. Гулакъ-Артемовскій,—помимо многихъ злоупотребленій ими въ другихъ случаяхъ, благодѣтельно повлиявшая на славянъ, пробудивъ въ нихъ нѣкоторое сознаніе племенного единства и важности значенія памятниковъ внутренней духовной народной жизни, были едва ли не первымъ сознательнымъ монументомъ, обусловившимъ признаніе смысла за вопросомъ о важности значенія произведений народного творчества, хотя нельзя отрицать, что сознаніе важности значенія чисто народныхъ произведений по временамъ изрѣдка проглядывало еще и прежде на Руси“. Но болѣе сильное вліяніе на возбужденіе у славянъ народного сознанія имѣли нѣмцы. „Нельзя не отдать справедливости нѣмцу Гердеру, который, по словамъ чешского научного словаря Ригера, первый обратилъ вниманіе ученыхъ славянскихъ на важное значеніе, между прочими, народныхъ пѣсень. Своимъ лестнымъ отзывомъ о славянской поэзіи и указаниемъ на важное ея значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ возводилъ въ чехахъ неудержимый энтузиазмъ къ дѣлу собирания этого рода этнографического материала. Отъ чеховъ эта sui generis манія перешла и на другіе славянские народы“.

вінські народи“¹⁾. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшнаго вѣка ученые чехи посѣтили Москву и, безъ сомнѣнія, содѣствовали возбужденію среди русскихъ ученыхъ любви къ изученію старинныхъ письменныхъ памятниковъ и устной народной поэзіи. Выѣтъ съ тѣмъ, на пробужденіе народнаго самопознанія въ Россіи имѣлъ непосредственное вліяніе и примѣръ западноеврѣйскихъ народовъ. Говоря о развитіи у насъ любви къ отечественной исторіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшнаго вѣка, Н. Полевої полагаетъ одну изъ причинъ этой любви въ примѣръ нашихъ европейскихъ сосѣдей. „Теперь вездѣ,—говорить онъ,—исторія и матеріалы исторические въ сильномъ ходу и должно разрабатываются; исторія проникаетъ всюду; она вашла въ романъ, она овладѣла драмой, ее прилагаютъ ко всякой наукѣ и ко всѣмъ званіямъ. Мы не могли быть чужды тому, что сдѣгалось общимъ всей Европѣ“²⁾. А профессоръ Шевыревъ въ своей „Исторіи ловзі“ 1836 г. прямо указываетъ на примѣръ вѣцѣвъ, содѣствовавшій развитію у насъ народнаго самосознанія. Онъ именно разумѣеть здѣсь возрожденіе нѣмецкаго романтизма въ отпоръ господству французскаго просвѣщенія. Всѣдѣ за нѣмцами и русскіе обратились къ своей исторіи, къ изученію прошедшаго, искали здѣсь самобытныхъ началъ народной жизни и объявили войну французскому псевдоклассицизму и французскому просвѣщенію. Въ противоположность французской революціи и французскому безбожію, этими вачалами русской жизни оказались: самодержавіе и православіе, къ которымъ присоединено было третье начало—народность. Они получили наглядное выраженіе для себя въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія и въ вѣдомствѣ оберъ-прокурора св. синода. Пламенное желаніе императора Александра I видѣть успѣхи вводимыхъ имъ, по всѣмъ частямъ управления, преобразованій,—говорить одинъ иностранный писатель о Россіи,—побудило ministra внутреннихъ цѣль представить ему отчеты. Ему подражать стали министръ народнаго просвѣщенія и оберъ прокуроръ св. синода. Тріумвиратъ этихъ министровъ представляетъ, будто бы, то символическое единство, которое подъ тройственнюю эгидою *самодержавія, народности и православія* должно со временемъ упрочить славную будущность имперіи“³⁾. Особенное значеніе имѣло министерство народнаго просвѣщенія. Въ 1831 году изданъ былъ высочайший указъ, имѣвшій цѣлью реформировать

¹⁾ Предисловіе къ его сборнику: „Народніи українскіі пісні зъ голосомъ“. Выпускъ I. Кіевъ, 1868.

²⁾ „Очерки русской литературы“. Соч. Н. Полеваго. Ч. 2. 1839 года, стр. 231—232.

³⁾ L'Eglise schismatique Russe, d'apr s les relations recentes du pretendu Saint-Synode. 1846.

общественное воспитание, установить его на твердых национальных основахъ, которыми опять-таки являются православіе, самодержавіе и народность. Въ общемъ отчетѣ, представляемомъ императору Николаю I по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ слѣдующимъ образомъ формулируются главныя основанія упомянутаго высочайшаго указа касательно реформы общественнаго просвѣщенія: „при оживленіи всѣхъ умственныхъ силъ, охранить ихъ теченіе въ границахъ безопаснаго благоустройства, внушить юношеству, что на всѣхъ степеняхъ общественной жизни умственное совершенствованіе, безъ совершенства нравственнаго,—мечта, и мечта пагубная; изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпаго и необузданнаго пристрастія къ поверхностному и къ иноземному, распространяя въ юныхъ умахъ радушноеуваженіе къ отечественному и полное убѣжденіе, что только принаровленіе общаго, всемирнаго просвѣщенія къ нашему народному быту, къ нашему народному духу можетъ принести истинные плоды всѣмъ и каждому, потомъ обніять вѣрнымъ взглядомъ огромное позорище, открытое предъ любезными отечествомъ, оцѣнить съ точностью всѣ противоположные элементы нашего гражданскаго образованія, всѣ исторіческія данныя, которые стекаются въ обширный составъ имперіи, обратить сіи развивающіеся элементы и пробужденія силы, по мѣрѣ возможности, къ одному знаменателю; наконецъ, искаль этого знаменателя въ тройственномъ понятіи *православія, самодержавія и народности*: вотъ въ немногихъ чертахъ направленіе, данное вашимъ величествомъ министерству народнаго просвѣщенія!“ Эту грандиозную программу общественнаго образованія нужно добавить еще тѣмъ, что министерство народнаго просвѣщенія учредило при университетахъ каѳедры славянскихъ нарѣчій и для приготовленія къ нимъ отправило молодыхъ людей въ славянскія земли, что въ свою очередь многое содѣйствовало историческому и этнографическому изученію Россіи въ связи съ другими славянскими племенами.

Правительственные мѣроприятія и взгляды налагали свою казенную печать и на науку и литературу и сообщили имъ общій колоритъ и тона такъ называемаго руссофильства. Совершенно въ духѣ указанного нами общаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1837 годъ говорить М. А. Максимовичъ въ своей „Исторіи древней русской словесности“ о периодѣ ея развитія.. Раздѣляя исторію русской словесности на четыре периода, г. Максимовичъ начинаетъ четвертый периодъ съ царствованія Николая I и характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: „въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытию русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положи-

тельности. Раскрытиемъ и силою народности своей русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашимъ природнымъ свойствомъ народности русской—въ самой поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ". „Послѣ вѣка разрушительного, вѣка борьбы и волненія страстей,—говорить профессоръ Давыдовъ въ своихъ „Чтвіяхъ по словесности”,—настало время мира и тишины, родилась потребность успокоятельный разновѣсія враждующихъ началъ, возникло стремленіе къ произведенію новой жизни человѣчества. Глубокое уваженіе къ вѣрѣ созидає храмы на развалинахъ жертвенниковъ дерзкаго и самонадѣянаго разума. Въ области мышленія опять и умозрѣніе идутъ рука объ руку въ святилище истины... Сближеніе умозрительныхъ наукъ съ дѣйствительностью явилось въ искусствѣ и въ словесности. Уже сущность, мысль берутъ верхъ надъ формою, видѣніемъ; теорія искусства въ соединеніи съ его исторіею образуютъ истинную критику; искусство перестаетъ подражать мертвѣй вещественности природѣ, начинаетъ созидать творенія по живымъ идеаламъ духа. Классицизмъ не считается враждебнымъ романтизму; словесность отличаетъ красоты міровыи отъ народныхъ, согласуетъ наящную форму древней поэзіи съ глубокою идеюю новой. Отсюда—господствующая мысль о словесности народной, созидаемой изъ отечественныхъ элементовъ". Харьковскій профессоръ Якимовъ посвятилъ свою плохую диссертацию „О словесности въ Россіи до Ломоносова” православію, самодержавію и народности, этимъ тремъ основамъ, на которыхъ долженъ былъ стоять русскій міръ. Впослѣдствіи это патріотическое руссофильское направленіе отъ самоуслажденія и самовосхваленія дошло до униженія всякаго значенія западно-европейской цивилизаціи, какъ односторонней, ложной и уже закончившей свое развитіе; но на этой стадіи своего развитія руссофильство уже переходитъ въ славянофильство.

Этотъ-то націонализмъ или руссофильство отразились отчасти и на украинской литературѣ 30-хъ годовъ и послѣдующаго времени, съ некоторыми отличіями отъ сѣверно-руssкаго руссофильства. Украинскіе ученые и писатели этого времени избирали для себя мѣстное, удѣльное содержаніе, но рассматривали его, какъ необходимую часть великаго цѣлага, законное достояніе всего русскаго народа, и часто писали даже на общемъ литературномъ языке русскомъ. Называя русскаго царя роднымъ своимъ батькомъ, они ставили рядомъ съ нимъ свою родную матерь—Украину и идеализировали ея и прошедшую исторію и современную жизнь.

Въ научной области украинскій націонализмъ выразился цѣлымъ рядомъ изданий памятниковъ письменной и устной народной словесности украинской, имѣвшихъ важное значеніе и для литературы. Еще

въ 1777 году нѣкто Григорій Калановскій издалъ въ С.-Петербургѣ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“ и проч., перепечатанное въ 1854 году во 2-й книгѣ „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россії“ Калачова. Въ 1819 году князь Н. А. Церетелевъ, бывшій воспитанникъ московскаго университета, издастъ древнейшія украинскія думы, а въ 1827 году М. А. Максимовичъ издастъ въ Москвѣ „Малороссійскія народныя пѣсни“, изъ коихъ многія получены имъ частію отъ Ходаковскаго, частію отъ князя Церетелева. Это былъ самый влиятельный сборникъ по малорусской народной поэзіи, вызвавшій своимъ появленіемъ польскіе и украинскіе сборники малорусскихъ пѣсенъ, пословицъ и сказокъ, каковы, напримѣръ: „Сборникъ пѣсень Вацлава въ Олеска“ (Б. Залѣскаго) 1833 г., Лукашевича 1836 г., Жеготы Пауля 1839—1840 гг., Из. И. Срезневскаго 1833—1838 гг., А. Терещенка 1848 г., Зенькевича 1851 г., Ед. Руликовскаго 1853 г., А. Метлинскаго 1854 г., Н. Гатцука, Н. Закревскаго и множество другихъ позднѣйшихъ. По изученію украинскихъ пословицъ, первымъ замѣчательнымъ изданіемъ были „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранные В. Н. С.“ (Смирницкимъ), Харьковъ, 1833 г., а народныя украинскія сказки первый началь издававть Осипъ Бодянскій въ своей небольшой книжкѣ „Украинскы казки“, 1835 года. Вмѣстѣ съ памятниками устной украинской словесности издавались и письменные памятники и цѣлые сочиненія по истории Малороссіи, между которыми видное мѣсто занимали „Исторія обѣ унії“ и „Исторія Малороссіи“ Бантышъ-Каменскихъ, „Лѣтопись“ псевдо-Конисскаго, труды Ап. А. Скальковскаго по истории Сѣчи и особенно многочисленныя изданія О. Бодянскаго по разнымъ отраслямъ украинской исторіи.

Эта чисто научная дѣятельность скоро оказала сильное влияніе на возбужденіе народной украинской литературы, и котъ является съ первой четверти настоящаго вѣка дѣллый рядъ историческихъ романовъ и драматическихъ сочиненій изъ жизни Малороссіи, преимущественно на русскомъ языке. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній: „Козакъ-стихотворецъ“, опера-водевиль князя Шаховскаго, С. Петербургъ 1822 г.; „Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Малороссія“ Ф. Н. Глинки, С. Петербургъ, 1819 г.; „Бурсаѣ“ Нарѣжнаго, Москва, 1824 г.; „Наливайко“, поэма въ „Цоларной Звѣздѣ“ 1824 г.; „Іванъ Госницкій, исторический романъ съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ запорожскихъ“, Т—а Ив., Москва, 1827 г.; разсказы и повѣсти Ореста М. Сомова (Порфирия Байскаго)—„Юродивый“, „Гайдамакъ“, „Русалка“ (въ „Подснѣжникѣ“ за 1829 г.), „Оборотень“, „Ночлегъ гайдамаковъ“, „Сватовство“, „Кievскія вѣдьмы“ и др.; романы Голоты—„Іванъ Мазепа“, „Хмельницкіе“, „Наливайко, или времена бѣдствій Малороссіи, романъ XVI вѣка“, 1833 г., „Зарудкій, гетманъ войска

запорожскаго (1606—1616 г.); романы Александра Кузинча—„Козаки“ 1843 г., и „Зиновій Богданъ Хмельницкій“, 1846 г.; „Гетманъ Ст. Острявица, или эпоха смуты и бѣдствій Малороссіи.—исторический романъ В. Кореневскаго“, Харьковъ, 1846 г.; „Головатый“ А. В. Ростиславича въ „Современникѣ“ за 1848 г. (кн. 10); рассказы и повѣсті К. Котляревскаго—„Баштаны,“ и „Гулайпольцы“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1851 и 1852 годы, и др.

Но лучшимъ выразителемъ національного направлениія украинской литературы въ обще-русскомъ духѣ является Н. В. Гоголь. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, именно въ повѣстяхъ и рассказахъ изъ украинскаго быта, онъ представляетъ блестящее изображеніе дорогой ему Украины и является въ нѣкоторомъ родѣ мѣстнымъ писателемъ въ національномъ духѣ. Онъ пишетъ на общелитературномъ языке русскомъ и такимъ образомъ дѣлаетъ свои произведенія достояніемъ всей русской литературы. Мѣстный сюжетъ имѣть и его поэма „Тарасъ Бульба“, представляющая картину прежней жизни Малороссіи и казачества. Но гдѣ дальнѣйшихъ произведеніяхъ своихъ онъ становится все болѣе и болѣе на общерусскую точку зрѣнія, такъ что, по его словамъ, онъ самъ не зналъ, какая у него душа, хохлацкая или русская, и проникается благоговѣніемъ предъ величиемъ и могуществомъ единой и нераздѣльной Россіи. Недаромъ въ его поэмѣ „Мертвые души“ лирическія отступленія о величіи Россіи считались въ свое время лучшими мѣстами, какъ самыхъ поэтически—вдохновленныхъ и патріотическихъ.

Впрочемъ, признавая Н. В. Гоголя лучшимъ выразителемъ націонализма въ украинской литературѣ, мы не считаемъ его единственнымъ представителемъ этого направлениія. При всей своей гениальности, Н. В. Гоголь не явился въ нашей литературѣ внесапно, какъ бы упавъ съ неба, но имѣлъ своихъ предшественниковъ, съ которыми имѣть болѣе или менѣе тѣсныя связи. Мы уже указывали рядъ повѣстей и романовъ изъ украинскаго быта, завершеніемъ которыхъ служатъ украинскія повѣсти Н. В. Гоголя. Между первыми, повѣсти О. Сомова (Порфирія Байского) казались нѣкоторымъ современникамъ его дотого сходными съ украинскими повѣстями Гоголя, что Н. Полевої приписывалъ послѣднія, на первыхъ порахъ появленія ихъ, О. Сомову. Особенное же значеніе для развитія поэтическаго таланта Гоголя имѣлъ М. А. Максимовичъ какъ своимъ сборникомъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ и личными своими отношеніями къ Гоголю.—Съ другой стороны, такое великое свѣтило, какъ Гоголь, не могло пройти одинокимъ и безглѣднымъ на горизонте украинской литературы и не увлечь за собой спутниковъ и подражателей. Что касается послѣдователей Гоголя въ русской литературѣ, то они указаны съ достаточномъ полнотою и обстоятельностью; но доселе почти вовсе не указана и не опредѣлена

Гоголевская школа въ украинской литературѣ. А между тѣмъ и здесь Н. В. Гоголь имѣлъ немало послѣдователей, рядъ которыхъ не прерывается и до настоящаго времени. Особенно онъ имѣлъ влияніе на послѣдующую украинскую литературу своими повѣстями, рассказами и поэмами изъ современной или прошлой жизни Малороссіи. Всѣ они переведены были въ разное время на малорусскій языкъ¹⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвели цѣлый рядъ подражаній. Послѣдователями Гоголя въ этомъ отношеніи нужно признать Е. П. Гребенку, А. П. Стороженко, Г. П. Данилевскаго, Свядинцкаго и въ послѣднее время П. Раевскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ они, болѣе или менѣе, пишутъ въ общерусскомъ направлениі и на русскомъ языкѣ, или по крайней мѣрѣ безразлично на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, всѣ смотрятъ на Украину, какъ только на часть цѣлой Россіи, и идеализируютъ ея прошлое или настоящее, нерѣдко доводя идеализацию до крайностей преувеличения и до фантазированія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти писатели значительно и различаются между собою. Различіе между ними касается и языка, и самого содержанія литературныхъ произведеній, и тона изложения, и зависитъ отъ этнографическихъ разностей, отличающихъ одну часть Малороссіи отъ другой. Микола Гатцуцъ въ предисловіи къ своему „Ужину рідного пола“ различаетъ въ малорусскомъ нарѣчіи говоры—полтавскій, харьковскій или слободской и кіево-чи-гирицкій. Іерѣе два принадлежать лѣвобережной, а послѣдній—правобережной Украинѣ. П. И. Житецкій въ своемъ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ (Кіевъ, 1876 года), различаетъ въ нынѣшней Малороссіи говоры подляскій, галицко-подольскій, волынскій и украинскій и козацкій, къ которымъ нужно присовокупить еще говоръ слободско-украинскій или харьковскій. Всѣ эти говоры развились путемъ историческимъ, въ связи съ жизнью народа, и въ извѣстной мѣрѣ служить ея отраженіемъ. Слѣдуетъ, и въ самой жизни малорусскихъ областей существовало и существуетъ такое же различіе, которое и въ языкахъ и содержаніи самой жизни отчасти отразилось и на перечисленныхъ нами украинскихъ писателяхъ въ національномъ направлениі. Самъ Н. В. Гоголь въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ и рассказахъ является живописцемъ преимущественно гетманщины, существовавшей на лѣвомъ берегу Днѣпра, и въ частности нынѣшникъ полтавской и черниговской губерній, хотя касается также и Запорожья. Ему во всемъ слѣдовала Е. П. Гребенка. А. П. Стороженко, изображая въ бытовыхъ своихъ произведеніяхъ ту же гетманщину, въ историческихъ своихъ поэмахъ и рассказахъ преимущественно

1) Изъ переводчиковъ произведеній Гоголя на украинскую рѣчь известны: М. Лобода, Д. Мордовцевъ, О. Пчілка, М. Старицкій и др.

ствено старается воспроизводить быть Запорожья. Г. Свидницкий, сын священника подольской губерніи, изображает преимущественно исключительные явления подольской жизни, объясняемыя близостью Подолія къ бессарабской и австрійской границамъ. Продолжателемъ его дѣятельности въ настоящее время является Петръ Раевский, родомъ изъ черниговской губерніи. Сначала онъ писалъ сцены изъ мало-российской жизни средней полосы Украины; но въ послѣднее время онъ беретъ сюжеты для своихъ повѣстей и разсказовъ изъ быта Волыни и Полѣсся и представляетъ ихъ въ фантастическомъ, необыкновенномъ видѣ. Наконецъ, Гр. Данилевский, воспитанникъ харьковского университета, въ литературной своей дѣятельности является представителемъ Слободской Украины, соединяясь съ Великороссіей, и отъ явлений харьковской и новороссійской жизни постепенно переходитъ къ изображенію общерусскихъ предметовъ и интересовъ. Послѣднія его произведенія включаютъ автора въ число чисто русскихъ писателей.

Оставляя въ сторонѣ Гр. Данилевского и А. Свидницкаго¹⁾, какъ писавшихъ исключительно на русскомъ языке, мы относимъ къ национальной школѣ въ украинской литературѣ слѣдующихъ писателей: М. А. Максимовича, О. М. Бодянскаго, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенку, А. П. Стороженка и П. Раевскаго.

1.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ²⁾.

Максимовичъ родился 3 сентября, 1804 года, въ украинской степи, неподалеку отъ Золотоноши, полтавской губерніи. Въ 1812 году онъ поступилъ въ новгородъ-сіверскую гимназію, а въ 1819 году въ московскій университетъ по словесному отдѣленію, где восхищался оба-

---

¹⁾ О Свидницкомъ см. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за сентябрь, 1882 года, стр. 529—540.

²⁾ Біографическая свѣдѣнія о немъ: 1) „Біографич. и историко-литературный очеркъ“ С. И. Пономарева, въ „Журн. минист. народн. просв.“ за 1872 г. и особой брошюре; 2) „Юбилей М. А. Максимовича“, С.-Петербургъ, 1872 г.; 3) „Максимовичъ, его литературное и общественное значеніе“, М. Драгоманова, въ „Вѣстникѣ Европы“ за мартъ, 1874 года; 4) „М. А. Максимо-

ятельнымъ словомъ Мерзлякова, котораго Максимовичъ называлъ „словію старого времени“. Черезъ два года онъ перешелъ въ отдѣленіе физико-математическое. Звѣздою этого отдѣленія былъ тогда М. Г. Павловъ, даровитѣйшій ученикъ Шеллинга, только что воротившійся изъ-за границы въ Москву на каѳедру сельскаго хозяйства. Его лекціи о природѣ, въ духѣ натуральной философіи, вѣяли новою жизнью и привлекали студентовъ. Онѣ произвели впечатлѣніе и на Максимовича и сообщили поэтический колоритъ его научнымъ изысканіямъ въ области естествовѣдѣнія. Его „Размышленія о природѣ“ (1827 г.) называются поэмой о природѣ, которая, однако-же, заключала ученыя свѣдѣнія, глубоко оцѣненные не въ одной Россіи, но и за границей. Это были цвѣты науки, поэзія естествознанія“, говорить одинъ изъ современниковъ Максимовича. Въ 1823 году Михаилъ Александровичъ кончилъ курсъ кандидатомъ, но слушалъ лекціи по медицинскому и словесному отдѣленіямъ. Въ 1827 году онъ издалъ сборникъ „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“, съ предисловіемъ, словаремъ и объяснительными примѣчаніями. Въ 1829 году, послѣ защиты магистерской диссертациіи и напечатанія нѣсколькихъ сочиненій по естествознанію, онъ сдѣланъ былъ адъюнктомъ въ московскомъ университетѣ, а въ 1833 году ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Въ 1834 году ботаникъ Максимовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ, въ ново-открываемый университетъ, на каѳедру русской словесности. Переходъ этотъ отъ ботаники къ словесности не покажется очень рѣзкимъ, если мы припомнимъ, что и на природу Максимовичъ смотрѣлъ глазами поэта—мыслителя, и что онъ слушалъ въ университетѣ лекціи по словесности и самъ занимался литературными трудами. Кроме сборника „Малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ“ 1827 г., онъ писалъ статьи объ исторической вѣрности поэмы Пушкина „Полтава“ (1829 г.); въ 1833 году напечаталъ разборъ Вельтманова перевода „Слова о полку Игоревѣ“; въ 1830—1834 гг. издалъ нѣсколько книгъ альманаха „Денница“, а въ 1834 году онъ издалъ второй болѣе обширный сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ, съ историко-филологическими примѣчаніями. Съ 1834 по 1841 годъ Максимовичъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, а до конца 35 года и ректоромъ университета. Въ 1841 году онъ вышелъ въ отставку, по разстроенному здравью, и только временно, съ 1843 по 1845 годъ, по найму препода

вичъ Часева, въ „Русскомъ Архивѣ“ за ноябрь, 1874 г.: 5) „Історія славянскихъ литературъ“ Пипіна и Спасовича, т. 1, 1879 г. стр. 399 и сл.; 6) „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 г., стр. 125, 177 и др. Сочиненія его на русскомъ языке изданы особо, подъ заглавиемъ „Собрание сочиненій М. А. Максимовича“, т. I—III, Кіевъ, 1876—1880 г. Малоруссійскія его сочиненія перечислены въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г.

залъ въ университетѣ. Съ тѣхъ порь Максимовичъ жилъ большою частью въ деревнѣ, изрѣдка появляясь на зиму въ Москву и въ послѣднее время въ Кіевъ.

Со времени переселенія въ Кіевъ, Максимовичъ отъ естествознанія перешелъ къ трудамъ историко-филологическимъ и археологическимъ, которыхъ требовали съ одной стороны его новая специальность, съ другой—самый характеръ Кіева, съ его множествомъ наслойній древнерусской жизни, и современное отношеніе кіевской земли къ полякамъ. Этому историко-филологическому и археологическому направлению М. А. Максимовичъ остался веренъ до конца своей жизни. Но, перейдя отъ природы къ археологии, и для послѣдней старый естествоиспытатель нашелъ въ душѣ своей живую воду: тысячелѣтняя старина являлась ему не голою, иѣмою развалиной, а вся разодѣтая въ благоуханную зелень широкостволъныхъ дубовъ, осокорей, черемухъ и березокъ; камни, ручьи—заговорили, завороженные чудною силою сердца и воображенія. Короткіе разсказы Максимовича о стародавнихъ людяхъ похожи на воспоминанія внука о мастиломъ дѣдѣ, живо памятномъ еще ему и крѣпко-крѣпко любимомъ. Даже коротенькимъ извѣстіемъ о найденной пещерѣ, въ поэтическомъ мракѣ которой онъ бродилъ съ другомъ Иннокентіемъ, онъ вділь и вліяетъ на художника, „какъ тѣ молящіеся въ церквяхъ простолюдини, которые, по слову Гоголя, даютъ крылья вашей молитвѣ, вашему размышленію“.

Независимо отъ поэтическаго колорита, историко-филологическая и археологическая изысканія М. А. Максимовича почти всѣ направлены къ уясненію современного ему положенія Малороссіи и потому имѣли, кроме научнаго значенія, интересъ общественный и политическій. Въ Кіевѣ Михаилъ Александровичъ явился, приготовивъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 года. Если мы посмотримъ на эпиграфы этого сборника, на примѣчанія къ нему,—говорить одинъ изъ его биографовъ,—то мы увидимъ, что руководящей идеей въ немъ была идея о близости малорусской народной поэзіи съ памятниками литературы удѣльного периода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ“. Эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломокъ поэзіи старо-кіевской Руси. Эта же мысль является господствующею въ решеніи капитального вопроса о происхожденіи малорусскаго племени, гдѣ Максимовичъ защищалъ самобытность народа и языка. Всякому, кто знакомъ съ исторіей юго-западной Руси и съ ея положеніемъ, кажется, понятно будетъ, какое огромное практическое государственное значеніе имѣть мысль, что рѣчи, поэзія, чувства хлопа въ юго-западной Руси—прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ князей древне-кіевской земли. И действительно, тѣ работы и тѣ интересы, какими преддавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько же научное, сколько и

политическое значение. Въ 1840—1841 гг. Максимович издавалъ сборникъ „Киевлянинъ“, посвященный изслѣдованию мѣстной старины, о которомъ покойный Хомяковъ отзывался такимъ образомъ: „чора Кіеву отзыватися русскимъ языкомъ и русскою жизнью... Я увѣренъ, что слово и жизнь лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порокъ, а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ—городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщенніями“. Въ 1841 году пришла мысль Максимовичу съ Иннокентіемъ обѣ основавшіи „Киевскаго общества исторіи и древностей славено-русскихъ“. Это общество не состоялось въ то время¹⁾; но взамѣнъ его учреждена была при кіевскомъ генераль-губернаторѣ археологическая комиссія, въ которой Максимовичъ являлся какъ начинатель и какъ дѣятельный сотрудникъ. А известно, что труды этой комиссіи дали возможность прослѣдить непрерывность народной русской традиціи въ юго-западномъ краѣ подъ разными чуждыми наслоеніями. Интересъ къ народности повелъ Максимовича еще къ одному живому дѣлу, въ дѣлу народнаго образованія. Его „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ“, вышедшая въ 1833 году, есть одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ популярной литературы, заглавіе которого показываетъ начало идеи о народности въ педагогії. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ первыя изданія „Букваря“ Максимовича. Максимовичъ же является и однимъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ священнаго писанія на народный языкъ своими „Псалмами, переложенными на украинскій языкъ“, въ „Украинцѣ“ 1859 года, а потомъ въ львовскомъ журналь „Галичанинѣ“ за 1867 годъ.

Вообще, дѣятельность М. А. Максимовича почти исключительно посвящена одному краю: это—мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда, при всей специальности его работы, онъ далеко не имѣлъ благопріятныхъ условій. Одинъ изъ бiографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выражению Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ.

Въ область украинской литературы М. А. Максимовичъ входитъ своими сборниками малороссийскихъ пѣсень и думъ 1827, 1834 и 1848 гг., переводами „Слова о полку Игоревѣ“ и „Псалмовъ“ и собственными

1) Оно учреждено въ послѣдніе годы жизни Максимовича, при кіевскомъ университѣтѣ, и по смерти Максимовича слилось съ кіевскимъ обществомъ Нестора лѣтописца.

ми своими небольшими стихотворениями. Ихъ послѣднихъ четыре напечатаны въ его сборникѣ „Украинецъ“ 1864 г., въ сколько—въ статьяхъ С. И. Пономарева „Киевская старина и новина“, въ „Киевлянинѣ“ за 1881 годъ (№№ 93, 236 и 272), и въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведения Тараса Шевченка“, 1882 года. Кроме того, мы имѣли подъ руками цѣлую тетрадь украинскихъ стиховъ М. А. Максимовича, собственноручно имъ переписанныхъ, подъ заглавіемъ: „Мои украинскіи стихи“. Здѣсь помѣщены слѣдующія его стихотворенія: 1) „П. А. Кульному“, 20 ноября, 1856 г. Михайлова Гора. 2) „Шевченкови“, 25 марта, 1858 г., застольный стихъ. Москва, на Поварскомъ. 3) „Машъ“, 2 ноября, 1858 г. Москва, на Тверскомъ бульварѣ. 4) „Плачъ Ярославны“. 5) „На смерть Т. Г. Шевченка“ 12 марта, 1861 г. 6) „На погребеніе Шевченка подъ Каневомъ“, 10 мая, 1861 г. 7) „Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 року. Посвящается Николаю Дмитровичу Иванющеву. 15 мая, 1862 г. Михайлова Гора. 8) „На люблинскую унію 1569 года“, 1863 г. 9) „Пѣсня“, 1863 г. 10) „На 1864 годъ“. 11) „Пѣсня 1864 года“. 12) „Югозападному оратору“, въ іюнѣ 1864 г. 13) „3 сентября, 1864“. 14) „Пословица“, 3 сентября, 1864 г. 15) „Экспромптъ“, въ Киевѣ, 1864 г. 16) „Олексійку“, 1 декабря, 1864. 17) „22 дек. 1864 г.“ 18) „Олексійку“, 31 декабря, 1864 года. 19) „Пѣсня“, 25 февраля, 1865 года. Киевъ. 20) „Пѣсня“, 10 августа, 1865 г. Михайлова Гора. 21) „Воспоминаніе“, 20 января, 1866.. Михайлова Гора. 22) „Старымъ друзьямъ“, 1866. 23) „На смерть юнаго Г-на“, 2 мая 1869 г. и 24) „Степану Алексѣевичу Маслову въ привѣтъ и отвѣтъ съ Михайловой Горы“, 30 іюня, 1869 г. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ, впрочемъ, уже напечатаны въ вышеуказанныхъ изданіяхъ. О переводахъ М. А. Максимовича на малорусскій языкъ и особенно объ его переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ Гербель, Пипинъ и другіе дѣлаютъ прекрасные отзывы; но г. Кулишъ отозвался о немъ очень невыгодно. Что же касается собственныхъ стихотвореній М. А. Максимовича, то они отзываются недостаткомъ поэтическаго вдохновенія и дѣланностию.

Самое важное значеніе въ историко-литературномъ отношеніи имѣли изданные г. Максимовичемъ сборники малорусскіихъ пѣсень, по ихъ идеѣ и по вліянію на ходъ и направление тогдашней русской литературы. Въ предисловіи къ сборнику пѣсень 1827 года Максимовичъ говорить слѣдующее: „ваступило, кажется, то время, когда по-знаютъ истинную цѣну народности; начинаетъ уже сбываться желаніе, да создастся поэзія истинно русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноязычными, но только средствомъ къ полнѣшему развитію самобытной поэзіи, которая засяла на родимой почвѣ, долго была заглушенна пере-

садками иностранными и только изредка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи больше вниманія заслуживаютъ памятники, въ комъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсѣчивается фантазія народная". Въ этомъ и послѣдующихъ сборникахъ Максимовича ученымъ критика находить поддѣлки и поправки, на которыхъ, какъ видно, смотрѣли тогда очень снисходительно; но и въ такомъ видѣ малорусскія пѣсни Максимовича произвели благопріятное вліяніе на тогдашнюю русскую литературу и сдѣлали его однимъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей жуковско-пушкинской и гоголевской эпохи. Однажды Пушкинъ, встрѣтивъ Максимовича у графа Уварова, сказалъ: „Мы давно знаемъ васъ, Максимовичъ, и считаемъ литераторомъ. Вы подарили насъ малороссийскими пѣснями". Самъ Михаилъ Александровичъ рассказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ. „А я обираю наши пѣсни", — сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву", вышедшую въ 1829 году. „Полтава" — одновѣдно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной, по теперешнимъ понятіямъ, блѣдности изображенія, — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ. Нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Михаиломъ Александровичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ и Погодина, и письмомъ Н. В. Гоголя, который говорилъ о сборникеъ Михаила Александровича 1834 года: „я похвасталось имъ предъ Пушкинымъ". И, можетъ быть, не безъ вліянія этихъ сборниковъ совершился переворотъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго и Пушкина въ национальную сторону, о которомъ Н. В. Гоголь писалъ въ 1831 году г. Данилевскому слѣдующее: „все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть октавами писанная — кухарка (Домикъ въ Коломнѣ), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Бромъ того, сказки, русскія народныя сказки, не то что Русланъ и Людмила, но совершенно русскія. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки — чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Близится, подвигся новый обширный поэтъ, и уже часто русскій, ничего германскаго и прежніго". Самъ Н. В. Гоголь вѣдь знакомство и дружескую переписку съ Максимовичемъ и особенно интересовался его собраниемъ малорусскихъ пѣсень. Вотъ что онъ писалъ о пѣсняхъ украинскихъ Максимовичу отъ 9 ноября, 1833 года: „теперь я принялъ за исторію

нашій Україні... Я порадовался, усlyшавши отъ васъ о богатоѣ при-
сокупленіі п'есенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ
теперь, быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ,
между стѣнами, обитыми книгами и книжною пылью, съ жадностю
жела, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя—п'есни! какъ я
васъ люблю! Что всѣ чертывы лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь,
предъ звонками, живыми лѣтописами!.. Я самъ получила много новыхъ,
и какія есть между ними! прелести!. Я вамъ ихъ спишу... не такъ
скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте ми-
лость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ п'есни, выключая печат-
ныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ
экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ п'есенъ. Вы не понимаете, ка-
какъ это мука. Я знаю, что есть столько п'есенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не
знаю. Вы не можете представить, какъ миѣ помогаютъ въ исторіи
п'есни; даже неисторическая, даже и... онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ
въ мою исторію, все разоблачаютъ искѣ и исѣ... прошедшую жизнь
и... прошедшихъ людей. Велите сдѣлать это (переписать п'есни) скро-
рѣ. Пламенное желаніе Гоголя было исполнено: въ библіотекѣ покой-
наго Максимовича мы видѣли рукописное собраніе малорусскихъ п'есенъ
Ходаковскаго, на пробѣлахъ котораго Н. В. Гоголь собственно-
ручно вписалъ чѣсколько малорусскихъ п'есень, большою частію „со-
ромливыхъ“. Правда, Гоголь не написалъ малороссійской исторіи; но
онѣ написалъ въ этотъ періодъ „Тараса Бульбу“,—до сихъ поръ един-
ственный, вполнѣ художественный русский исторический романъ. Въ
тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими п'еснями
и исторіей, онѣ написалъ „Женитьбу“, „Ревизора“ и т. п. вещи, съ
которыхъ начинается новая эпоха русского самопознанія.

2.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій ¹⁾ родился въ 1808 году, 3 ноября, въ полтавской губерніи, лохвицкаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Варвѣ,

---

¹⁾ Большая часть источниковъ указана въ „Покажчикѣ“ М. Комарова.
Но здѣсь опущены: 1) четыре малороссійскія вирши Бодянскаго въ 99 № „Мол-
ви“ за 1833 годъ, 2) историко-библіографическая поминка А. А. Котлярев-

откуда заимствовалъ свой первый литературный псевдонимъ „А. Бода—
Варшынецъ“. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и учился въ пол-
тавской семинаріи, находившейся тогда въ городѣ Переяславѣ. По сви-
дѣтельству одного школьнаго товарища своего, онъ тогда еще отли-
чался особленною любовью къ упражненіямъ по словесности, игралъ въ
„комедійныхъ дѣйствіяхъ“ роль Наполеона. „Малороссійскія пѣсни“ Мак-
симовича (М. 1827 г.) и въ особленности одушевленное „введеніе“ къ
нимъ возводили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ,
исторіей и поэзіей его родины. Въ 1831 году онъ написалъ четыре
малороссійскія вирши, помѣщенные потомъ въ 99 № „Молви“ за
1833 годъ, и поступилъ для довершенія образованія въ московскій
университетъ. Съ 1831 года мы видимъ его тамъ бодрымъ, дѣятель-
нымъ, остроумнымъ участникомъ ученыхъ занятій въ университетѣ и
литературныхъ вѣтъ его. Е. С. Александровъ въ своихъ „литературныхъ
воспоминаніяхъ“ (въ Днѣ) отзыкается о немъ, какъ о добромъ товари-
щѣ и членѣ кружка Станкевича. Въ словесномъ факультетѣ москов-
скаго университета господствовала тогда историческая школа Каченов-
скаго, который, обладая обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ и
ученостію, умѣлъ привлекать молодые умы къ серьезному труду. Подъ
руководствомъ Каченовскаго, Бодянскій довершилъ свое образованіе и
началь ученолитературную дѣятельность. Въ 1835 году Бодянскій
написалъ кандидатскую диссертацию „О инъїахъ касательно происхож-
денія Руси“ и въ томъ же году издалъ особой брошюркой „Наськи
украинськи казки“, подъ псевдонимомъ „запорозьца Иська Матырины“. —
Въ это время онъ состоялъ учителемъ гимназіи и обратилъ уже на
себя вниманіе попечителя графа Строганова. Въ половинѣ 1837 года
онъ защитилъ свою магистерскую диссертацию „О народной поэзіи слав-
янскихъ илеменъ“. Въ то время возникла мысль обѣ оснований въ на-
шихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ, и въ августѣ 1837 года
Бодянскій отправленъ былъ за границу „для усовершенствованія въ
исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ либо,
въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италии,
Германіи, Пруссіи, а также въ Варшаву“. Въ славянскихъ земляхъ Бо-
дянскій оставался почти пять лѣтъ. Возвратившись въ Москву въ кон-
цѣ октября 1842 года, онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ про-
фессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій. Съ этихъ поръ начинается
его обширная ученая дѣятельность въ области славянскихъ изученій и

скаго въ „Славянскомъ ежегоднику“ Н. Задерацкаго, Киевъ, 1878 года, и 3)
„Исторія славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, т. I, 1879 года,
стр. 394 и др.

русской истории. Въ 1843 году онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика „Славянское народописание“, которая имѣть съ „Древностями“, впослѣдствіи также переведеніемъ Бодянскимъ, имѣла великое значеніе въ изученіи славянства. Въ 1845 году Бодянскій перевелъ съ польского книгу Дениса Зубрицкаго „Критико-историческая поэзія временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси“. Въ февралѣ того же года онъ былъ выбранъ въ секретари „Общества исторіи и древностей российскихъ при московскомъ университѣтѣ“, и съ тѣхъ поръ оно впервые пріобрѣло важное значение въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всегда болѣе, почти исключительно Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Членія“ этого общества, которые съ первого раза стали бого-тымъ запасомъ изслѣдованій и материаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Особенное вниманіе Бодянскій обратилъ на малорусскія историческія произведенія старого времени, до тѣхъ поръ никому неизвѣстныя, кромѣ немногихъ любителей. Это было возстановленіе цѣлой литературы. Въ отдѣлѣ материаловъ, среди множества важныхъ источниковъ исторіи общеславянской и русской, въ „Членіяхъ“ открылся цѣлый рядъ старыхъ малорусскихъ историческихъ памятниковъ. Изъ нихъ болѣе замѣчательны: „Лѣтопись Самовидца“, труды Ригельмана, Симоновскаго, Ханенка, „Исторія Руссовъ“ псевдо-Конисскаго и др. Въ 1849 году изданіе „Членій“ подъ редакціей Бодянскаго было прекращено „по независящимъ обстоятельствамъ“, членено потому, что въ послѣдней книжкѣ „Членій“ Бодянскій помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описание его путешествія въ Россію XVI вѣка. Книга „Членій“ была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянскій, обязанный службой за свое заграничное путешествіе, назначеннѣй былъ къ переводу въ бѣланскій университетъ; но онъ рѣшительно отказался вѣхать изъ Москвы и подалъ въ отставку. Министръ ея не принялъ, дѣло дошло до государя, и только черезъ годъ Бодянскій возвратился на прежнюю каѳедру. Но „Членія“ возстановились только черезъ десять лѣтъ, уже въ новое царствованіе. Бодянскій снова сталъ дѣйствовать въ „Обществѣ исторіи и древностей“ и продолжалъ по прежней программѣ замѣчательное изданіе, необходимое для тѣхъ, кто изучаетъ славянскую, общерусскую и малорусскую древность, исторію и этнографію. Между прочимъ, здѣсь напечатанъ громадный сборникъ „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“ Е. В. Головацкаго. Въ 1877 году издана была Бодянскимъ *сочная* книга „Членій“. Въ 1870 году Бодянскому суждено было перенести ударъ—удаленіе изъ университета вслѣдствіе забаллотировки. Онъ умеръ въ первыхъ числахъ сентября, 1877 года. Подъ его руководствомъ воспитывались и трудились! позднѣйшіе славис-

ты Е. П. Новиковъ, А. Ф. Гильфердингъ, А. А. Майковъ, А. А. Котляревскій, А. А. Дювернуа, А. А. Коцубинскій и др.

Собственно къ области украинской литературы относятся самыи ранніи литературныи произведенія Боданскаго на малорусскомъ языке. Это 1) четыре „малороссійскія вирши“, помѣщенные въ 1833 г. въ 99 № „Молвы“, издававшейся Надеждинымъ при „Телескопѣ“ („До пана здатели слухивъ“, „Козацкая пѣсня“, „Епитафія Богдану Хмѣльницкому“ и „Сухая ложка—апологъ“); 2) вирша „Кирилу Розуму“ написанная 24 апрѣля 1832 г., и помѣщенная во второй части „Молодика“ Бенда, 1843 г., и 3) „Насъкы украинськи казки“, 1835 г.¹). Малороссійскія вирши представляютъ первую литературную пробу нашего автора. Для примѣра, приведемъ его стихотвореніе „Кирилови Розуму“:

Постій, коваче, не бижи!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила?
Остатьного се гетьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи!

Гораздо ихъ выше были „Украинськи казки“, о которыхъ г. Костомаровъ отзывался въ 1844 году, что онъ „достойны вниманія и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка“. Что онъ хорошо зналъ малороссійскую народность и языкъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Сказки его (числомъ три) всѣ заимствованы изъ народныхъ усть, и основное содержаніе ихъ воспроизводится въ записанныхъ въ позднѣйшее время народныхъ малорусскихъ сказкахъ въ изданіяхъ Рудченка, Драгоманова и др. Такъ напр. „Казка про царівъ садъ да живую супилочку“ напечатана у Рудченка ²); „Казка про дурня да его кони срибна шерстынка, золота шерстынка“ и „Казка про малесенького Ивася, змію, дочку іи Олесю та задніхъ гусенять“—въ сборникѣ „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ“ Драгоманова, 1876 г. (стр. 262—267 и 353—355). Но, по обычаю того времени, Боданскій не буквально воспроизводилъ эти народныи сказки, а обдѣльвалъ ихъ литературнымъ образомъ и передавалъ ихъ тоническими стихами съ рилемъ. Для образца, приведемъ начало первой сказки въ переложеніи Боданскаго:

Якъ живъ соби царь да царыца,
Да не было у ихъ дѣтей.
Отъ, бѣдныи, и ну журитьца,
Давай пытаты знакорей:
„Скажить намъ, добры люде,

¹) По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, „Казки“ скоро выйдутъ вторыми изданіемъ.

²) „Южнорусскія народныи сказки“ Рудченка, вып. I, стр. 150—151.

Чи, сиравди, въ васъ не буде
До вѣху вѣчного дѣтскъ?

Чи, може, тильки се на срокъ...

Понятно, что въ настоящее время „казки“ Бодянского почти не имѣютъ этнографического интереса; но за то онъ имѣютъ немаловажное историческое значеніе какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера О. М. Бодянского и его учено-исторической дѣятельности, такъ и дляясненія исторической связи между явленіями украинской литературы. Онъ посвятилъ свои сказки „матери своей ридненькій ненѣцѣ старенький, коханій, любій Українѣ“ и въ предисловіи высказываетъ горячую любовь къ ней и ревнуєтъ о ея славѣ. „Хыба жъ, оце,— говоритъ онъ здѣсь отъ лица пана—головы,— наша нена Украина такъ зъ глузду зсунулась, що вже ни метелыци не потанцює, ни козачка зъ парубкомъ не прогардює? Ой ни, пане куме, вона хоча й старенька, да все такы ще геть-то моторненъка... А дѣти ій? Хыба й вони зледашили? Хыба вони забули, якъ колы-сь весело бурлаковали, хвацько козаковали, въ Крыму й на Дону чумаковали? Хыба мы й доси ще не згадуемо свого батька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, трощывъ,
Де ни піймавъ лахиевъ,— душывъ?

Якъ наши козаченьки всюди залипались: въ Волощынѣ, Туречынѣ, Нѣмешынѣ, Крыму, на синимъ морѣ и по тимъ боцѣ моря, якъ тіи свѣтліи соколонъки просвѣщались?—Або й теперъ, хиба вже бъ тіи перевчалися воевати? Дарма, що въ тій пѣснѣ спѣвають:

Да вже шаблы заржавъли,
Мушкеты—безъ куркivъ...

Слухай, що далѣ?

А ще серде козацьке
Не боиць туркивъ!..

Бачъ? Не боиць туркивъ! Да не тильки туркивъ, й самого чортага, пане-брате!.. Або хыба такы мы не хороше живемъ? А де, лышенъ, знайдешъ ты такіи розмаитни пѣсні, що тильки зачуешь, такъ серде тобѣ ходоромъ й заходить, затѣє, замлїє, серденъка просить... Такую хлібъ-силь, такихъ дѣвонекъ й парубятъ? Нибы въ ротъ тобѣ кажне слово кладуть. Де стильки казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякои всячини?.. Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, луги, степы, рѣчки, про наше збѣжжя... Що й доси никто не скаменѣцьца, не гляне да не подивицьца на сеє? Мій Боже, Боже! Чымъ же мы прошкодились? Хибажъ—то—вже у насъ душа зъ лопуцька, не хоче того, чого й людьска? Не! ни! Въ гостяхъ добре, якъ-то кажуть, а дома ще лучче... Чи, може, хочете дождацьци, щобъ який врагъ нетруженый нашою батькivицію поживився. Насъ же да на-

шныж же добромъ почаствовавъ? Улизъ у солому да ще й шелыстыть?
А, здаецца, не забаромъ тее буде. Но, що-сь, не передъ добромъ, якъ
я бачу, сяки—такы, чемазаны хвертыки шляющыци частесенъко уже
промижъ намы. Гладить, лышень, щобъ воны зъ нашего жъ хворосту
да не загнулы якои чуденныи карлючки! Отъ-то-то буде сорому—соро-
му, за всѣ головы сорому”¹⁾.

По всѣй вѣроятности, мысль о собираніи и изданіи украинскихъ
сказокъ возникла у Боданскаго подъ вліяніемъ М. А. Максимовича,
который въ предисловіи къ сборнику малороссійскихъ пѣсенъ 1827 го-
да указывалъ на украинскія пѣсни и сказки, какъ на такие памятники,
въ коихъ выражается народность. Въ предисловіи къ своимъ сказкамъ
Боданскій обѣщалъ на будущее время печатать и другія подобныя
сказки: а „тамъ, коли воны прыйдуцьца понутру нашему козацству,
якъ пану головѣ,—говорить онъ,—выпечатаю ище дешо его жъ робо-
ты“. Слѣдовательно, Бодинскій по отношенію къ украинскимъ сказкамъ
хотѣлъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ Максимовичъ въ отношеніи къ изда-
нію малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ. Правда, онъ не исполнилъ сво-
его обѣщанія и въ дальнѣйшей своей дѣятельности является попре-
муществу историкомъ; но 1) его примѣръ собиранія и изданія украин-
скихъ народныхъ сказокъ не остался безъ подражанія и вызвалъ собою
дѣятельность въ этомъ родѣ Шишацкаго-Илліча, Г. Данилевскаго, П.
Кулиша, И. Рудченка, М. Драгоманова и др.; 2) та же любовь къ своей
матери родной, старенъкой любимой матери Украинѣ, какую высказывалъ
Боданскій при изданіи украинскихъ сказокъ, побудила его теперь обратить
особенное вниманіе на малорусскую историческую произведенія стараго
времени и въ этой сферѣ содѣйствовать развитію народнаго само-
сознанія.

5.

Николай Васильевич Гоголь.

Н. В. Гоголь входитъ въ область украинской литературы собственно
первоначальными повѣстями своими изъ украинскаго быта, къ кото-

---

¹⁾) „Примѣч. корректора. Сими словами панъ голова (отъ имени коего
идеть рѣчь) называетъ на нерадѣніе своихъ соотечественниковъ къ собранію
и изданію украинскихъ народностей. Столованіе его, конечно, не безъ основа-

рымъ относится его „Вечера на хуторѣ близъ Диканѣки“, „Миргородъ“ и, пожалуй, „Тарасъ Бульба“. На эти-то произведения мы и обратимъ свое вниманіе и коснемся ихъ въ связи съ тѣми биографическими данными, которые могутъ служить къ уясненію происхожденія и характера этихъ произведений Гоголя.

Въ свое время разсказы и повѣсти Гоголя изъ украинскаго быта произвели на русскую публику благопріятное, освѣжающее впечатлѣніе. „Вечера на хуторѣ“ произвели впечатлѣніе прежде всего на вождя тогдашней русской литературы Пушкина. Вотъ что писалъ онъ: „сейчасъ прочелъ Вечера близъ Диканѣки. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А хѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей титературѣ, что я доселъ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличие его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les pr cieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не пропустить; и все это слогомъ камердинера, профессора Тредьяковскаго¹). Вообще, русская читающая публика и критика встрѣтила сочиненія Гоголя съ восторгомъ. Менѣе сочувственно, а иногда и совсѣмъ враждебно, относились къ Гоголю малороссы. „Конечно,—говорить Еремія Галка,—Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссийскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ; но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое то же самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше“²). А г. Кулишъ въ предисловіи къ историческому роману своему „Черная Рада“ и въ „Обзорѣ украинской литературы“ въ журналѣ „Основа“ произнесъ строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта, хотя незадолго передъ тѣмъ издалъ извѣстныя „Записки о жизни Гоголя“ въ панегирическомъ тонѣ. Сущность этого приговора состоять въ томъ, что Гоголь не зналъ, будто бы, въ достаточной мѣрѣ своего народа и невѣрно изобразилъ его въ своихъ украинскихъ повѣстахъ, и что онъ подкупилъ сѣверно-русское общество въ свою пользу блескомъ зиждущей фантазіи, аффектацію и, пожалуй, новостью предмета. Эти повѣсти писаны молодымъ поэтомъ подъ вліяніемъ тоски по родинѣ. „На меня находили припадки тоски,—говорить Гоголь,—и въ самому необъяснимой, которая происходи-

нія; ибо легко можетъ случиться, что и здесь, какъ и во многихъ другихъ земляхъ, кто-нибудь изъ постороннихъ предупредить ихъ на семъ поприщѣ.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, за мартъ, 1874 г., стр. 448.

²⁾ „Молодикъ“, 1844 г. стр. 161.

дила, можетъ быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ мысленно въ самые смѣшные положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего, и кому выйдетъ отъ этого какая польза". Смѣшное онъ пересыпалъ трогательнымъ, а это довершало очарованіе, производимое на умы читателей украинскими повѣстями Гоголя. „Украина у Гоголя,—продолжаетъ г. Кулишъ,—явилась въ воображеніи великороссіанъ какимъ-то блестательнымъ призракомъ, съ изумрудами, топазами, яхонтами эфирныхъ настѣкъ, съ сладострастнымъ куполомъ неба, нагнувшимся надъ землею, съ подоблачными дубами, подъ которыми прыщетъ золото отъ ослѣпительныхъ ударовъ солнца, съ лѣдьми веселыми, лѣнивыми и беззаботными до того, что даже выдача дочери замужъ не въ состояніи ихъ озабочить, съ юморомъ, для котораго нѣтъ никакихъ предѣловъ, съ нравами, для которыхъ нѣтъ ничего останавливающаго, съ исторіею, въ которой происходятъ великія событія по случайной затѣѣ безумца, колотящаго вокругъ себя все и позволяющаго колотить себя роднымъ сыновьямъ, съ воеводскими дочерами, которая забавляются бурсакомъ, пробравшимся къ нимъ въ спальню чрезъ каминъ; съ чертями, которые переносятъ кузнецовыхъ къ императрицѣ во дворецъ, съ русалками на водѣ, переворачивающими на спину передъ галопирующимъ по воздуху на вѣдьмѣ семинаристомъ, и со множествомъ истинно смѣшныхъ и истинно поэтическихъ сценъ, которая обнаружили въ авторѣ самое блестищее литературное дарование, какое только являлось до сихъ поръ въ россійской словесности. Это дарованіе само ручалось за вѣрность своей живописи, и никому не приходило въ голову, что украинскія повѣсти Гоголя не болѣе, какъ ралужная грэзы поэта о родинѣ". Въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголи постоянная аффектація или карикатура. Жизнь и ея поэзія пробиваются у него здѣсь сквозь театральность и искусственность только какъ бы случайно, какъ будто мимо вѣдома самого автора. Поэзія простонародной жизни сказывалась ему только сквозь народную пѣсню, да и пѣсню онъ изучилъ далеко не вполнѣ. Отъ этого любовники простолюдинъ почти всегда объясняются у него такъ, какъ будто поютъ, а иногда и просто-напросто словами извѣстныхъ каждому пѣсенъ.

Рассматривая въ частности съ этнографической и исторической точки зрѣнія украинскія повѣсти Гоголя, г. Кулишъ коснулся, въ неоконченномъ очеркѣ своемъ, слѣдующихъ повѣстей: „Сорочинская ярмарка“, „Ночь наканунѣ Ивана Купала“, „Майская ночь или утопленница“ и отчасти „Тарасъ Бульба“.

Въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Кулишу кажутся неприличными уже самыя фамиліи дѣйствующихъ лицъ, напримѣръ Голопушенко и т. п.

Самый ходъ рассказа и его подробности несогласны съ украинской действительностью и даже прямо противоположны ей. Мужикъ Солопій съ женой своей Хивреи и дочкой Параской отправляются на Сорочинскую ярмарку. Дорогой привязался къ нимъ парубокъ Голопупенко, полюбилъ съ первого взгляда Параску и пустилъ комомъ грязи въ ея зорчливу мачиху Хиврю. На ярмаркѣ за спиной отца, Голопупенко такъ близко познакомился съ Параской, что позволилъ себѣ целовать и обнимать ее, и тутъ же попросилъ у Солопія руки его дочери. Солопій соглашается, забывъ даже сказать объ этой своей женѣ,—и все трое отправляются въ шинокъ пить мороричъ. Голопупенко оказался лихимъ питухомъ и этимъ привелъ въ восторгъ своего нареченного тестя Солопія. Но подоспѣвшая Хиври наотрѣзъ отказалась выдать свою падщерицу замужъ за сорванца и пыжницу Голопупенка. Тогда послѣдній прибѣгаєтъ къ помощи цыгана, который пугаетъ Солопія съ его супругой и кумомъ чертовской красной свиткой и морочитъ ихъ обвинениемъ въ иномомъ воровствѣ кобылы и рукава отъ чертовской красной свитки. Въ видѣ отрывочнаго рассказа, вводится здѣсь любовная сцена между старою Хиврею и поповичемъ Асанасиемъ Ивановичемъ. Дѣло оканчивается согласиемъ Солопія на бракъ своей Параски съ Голопупенкомъ, несмотря на противодѣйствие Хиври. Идя предупредить Параску о приходѣ жениха, Солопій застаетъ ее танцующею съ зеркаломъ въ руکѣ и самъ пускается съ нею въ плясъ.

По отзыву г. Кулиша, несогласно съ вѣковыми обычаями мало-россіянъ, чтобы молодой человѣкъ самъ сватался къ девчинѣ, и при томъ на ярмаркѣ, предварительно обидѣвши мачиху своей невѣсты: обыкновенно засылаютъ сватовъ къ родителямъ невѣсты, съ извѣстными обрядами, и согласие дается отцомъ и матерью вмѣстѣ. Такое важное дѣло, какъ говоры, никогда не запивается у мало-мальски порядочныхъ людей въ корчмѣ, равно какъ нельзя и представить, чтобы когданибудь прибѣгали малороссы къ содѣйствію цыгана въ брачныхъ дѣлахъ. Любовная сцена между старой Хивреи и поповичемъ Асанасиемъ Ивановичемъ, неестественная по ихъ лѣтамъ и положенію, имѣть обстановку вовсе не украинскую: „хата съ подмостками подъ потолкомъ, — говоритъ Кулишъ, — на которыхъ Хиври спрятала поповича, не украинская хата, а московская изба съ московскими полатями“. Неправдоподобно также, что Параска танцуетъ съ зеркаломъ въ руکѣ подъ собственную пѣсенку, а старый Солопій, увлекшись ея пріемомъ, пускается въ присядку.

„Ночь наканунѣ Ивана Купала“ имѣла въ виду представить бытовую картину изъ прежнаго времени, лѣтъ за сто назадъ: но изображенія этого времени, по отзыву Кулиша, нѣть у Гоголя: повѣсть

безразлично можетъ быть отнесена къ какому угодно времени. Въ ней всего захвачено по-немножку, какъ это часто бываетъ у авторовъ, знающихъ исторію своего народа только по нѣсколькимъ случайно прочитаннымъ книгамъ. Есть тутъ намеки хоть бы и на времена Наливайки. Но въ этой повѣсти нѣтъ такихъ грубыхъ ошибокъ противъ украинскихъ нравовъ, какъ въ „Сорочинской ярмаркѣ“, и замѣтно пробиваются мѣстныя краски. Однако и здѣсь Гоголь не понимаетъ своего народа въ его поэтической повседневности и потому считаетъ необходимымъ набѣлить, науменять его, нарядить по-праздничному и вложить ему въ уста перефразированную пѣсню на великорусскомъ языке. „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала мы относимъ, — говорить Кулишъ, — къ безполезнымъ произведеніямъ фантазіи, безъ которыхъ общество могло обойтись точно такъ же, какъ и безъ мыльныхъ пузырей“.

Въ повѣсти „Майская ночь или утопленница“ Гоголь являемся (для Кулиша) поперемѣнно то великимъ живописцемъ того, что онъ видѣлъ или могъ живо себѣ представить, то фальшивымъ рассказчикомъ о томъ, чего никакъ невозможно вообразить безъ предварительного изученія. Блистательны у него описанія природы украинской, хороши небольшія сцены, которыхъ свидѣтелемъ нетрудно быть въ Украинѣ; но все, что относится къ чувствамъ, обыкновенно таинимъ въ душѣ каждого, къ чертамъ характера внутреннимъ, а также къ правамъ и обычаямъ народныхъ,— все это такъ слабо, сбивчиво и даже вовсе невѣрно, какъ всегда бываетъ у писателей, болѣе воображающіхъ дѣйствительность жизни, чѣмъ ее знающихъ. Сліяніе чудеснаго съ дѣйствительностію въ *Майской ночи* сдѣлано Гоголемъ по образцу Гофмановыхъ повѣстей, но безъ Гофмановскаго искусства.

Относительно повѣсти „Тарасъ Бульба“ Кулишъ говорить, что въ ней Гоголь обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества къ прошедшемъ. Перечитывая теперь „Тараса Бульбу“, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсни, лѣтописи или преданіе бросаютъ ему искуру свѣта, съ необыкновенной зоркостью пользуются онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобы распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ, Тарасъ Бульба только поражалъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ зиждущей фантазіи, но дающее не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истинѣ. Въ частности, Кулишъ указываетъ, что подъ Дубномъ не было никакого сраженія, какъ представляется Гоголь, и неестественно, чтобы Тарасъ Бульба дрался на кулачкахъ со своими дѣтьми, и чтобы сынъ его Андрей, истый козакъ, влюбился въпольку.

Съ легкой руки Кулиша, старались умалить достоинство украинских новѣстей и другихъ произведеній Гоголя и послѣдующіе писатели. Нѣкто генералъ Герсевановъ издалъ въ 1861 году въ Одессѣ брошюру подъ заглавиемъ „Гоголь предъ судомъ обличительной литературы“, посвященную русской женщинѣ, оклеветанной будто бы Гоголемъ. Вся книжка наполнена доказательствами, что Гоголь былъ лакей въ низкомъ смыслѣ этого слова, что онъ всячъ надуваль, что онъ безпрестанно обвинялъ родную мать. „Чѣмъ же былъ Гоголь?“ — спросить многочисленные его обожатели. „Онъ былъ нищій, лакей, ненавистникъ русской женщины, клеветникъ ея, клеветникъ Россіи!“ Одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ украинскихъ писателей, коснувшись „Тараса Бульбы“, безъ церемоніи называетъ Гоголя „нетамущимъ“, т. е. почти-что безтолковымъ..

Правда, самъ Гоголь не очень-то выгодно смотрѣлъ на свои украинскіе повѣсти. Въ предисловіи къ изданію 1842 года онъ отзывался о нихъ такъ: „много незрѣлаго, много необдуманаго, много дѣтски несовершенаго!.. Это — первоначальные ученаческіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя“. Въ предполагаемомъ же изданіи своихъ сочиненій 1851 года Гоголь хотѣлъ совершенно выпустить „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“. Но то была лишь у строгаго къ себѣ Гоголя сравнительная оценка „Вечеровъ“ съ болѣе поздними и совершенными произведеніями его, которая не исключаетъ своего рода достоинствъ какъ въ „Вечерахъ на хуторѣ близь Диканьки“, такъ и въ другихъ его повѣстяхъ изъ украинскаго быта. За эти достоинства ручаются уже какъ приведенный нами отзывъ А. С. Пушкина объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, такъ и мнѣніе о нихъ знатока малорусской словесности М. А. Максимовича. Да и самъ Гоголь находилъ въ нихъ много несовершенаго, но не все.

Главную причину недружелюбнаго отношенія Кулиша къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя мы видимъ въ томъ обстоятельствѣ, что Кулишъ рассматриваетъ ихъ относительно этнографической и исторической вѣрности, тогда какъ самъ Гоголь былъ поэтъ — художникъ, который дѣйствительную жизнь своеюльно пересоздавалъ и преображалъ въ новое бытіе, художественно-образцовое. „Въ этомъ отношеніи,—говорить М. А. Максимовичъ,—намъ другой великий художникъ — Пушкинъ, по свойству своего гenia, въ поэзіѣ „Полтава“ былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“¹⁾. То же отчасти нужно сказать и объ его „Вечерахъ на хуторѣ близь Ди-

1) Собрание сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, Кіевъ, 1876. года, стр. 517.

нечъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестного знаменія. „Помилуй, Вакула!“ жалобно простоналъ чортъ: „все, что для тебѣ нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!“ — „А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сейчасъ же на себѣ! слышишь, не въ какъ птица!“ — „Куда?“ произнесъ печально чортъ. — „Въ Петербургъ, прямо къ царице!“ И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя подниающимся на воздухъ. Такимъ образомъ и у Гоголя чортъ, желал отомстить кузнецу—малару, самъ попадается въ бѣгу и силой крестного знаменія вынуждается оказать кузнецу услугу. Разница только въ способѣ чертовской услуги; но эта разница, по всей вѣроятности, зависѣла отъ разницы самой редакціи сказки у Гоголя, которая во всякомъ случаѣ вѣрна стариннымъ русскимъ представлѣніямъ о чортѣ, попадающемъ въ просакъ, и напоминаетъ книжное сказаніе о томъ, какъ св. Иоаннъ Новгородскій въ одну ночь путешестновалъ на бѣсѣ въ Іерусалѣмъ, первоначально связавши бѣса въ рукомайникѣ крестнымъ знаменіемъ.

На этомъ общемъ фонѣ національной сказки Гоголь помѣстилъ въ свое мѣсто „Вечеръ наканунѣ Рождества“ и другія частные черты изъ малороссийскихъ народныхъ повѣрій и разсказовъ. Летанье вѣдьмъ на метлахъ черезъ печную трубу и знакомство ихъ съ чертами—общепризнанный народною мифологіею фактъ. Разсказъ о томъ, какъ чортъ спадѣлъ съ неба мѣсяцъ, не покажется для насъ исключительнымъ и страннымъ, если мы припомнимъ, что, по рассказу Белецкаго-Носенка, въ концѣ прошлаго вѣка (?) коваки присудили гадническую полковницу къ сожженію на костре за то, что она будто-бы снимала „зірки“ съ неба. Рассказъ Гоголя о томъ, какъ кузнецъ Вакула вынесъ въ мѣшкахъ изъ своей хаты чорта и трехъ человѣкъ, любовниковъ своей матери—вѣдьмы, напоминаетъ собою малоруссій народный разсказъ „о гибели трехъ поповъ“¹⁾.

Еще вѣрхнѣе народнымъ преданіемъ повѣсть Гоголя „Вій“, о которой самъ авторъ ея говорить слѣдующее: „Вій есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссій націалистъ гномовъ, у которого щеки на глазахъ идутъ до самой юбки. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ вѣрить въ честь измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ“. Намъ остается только разсмотрѣть, какъ воспользовался Гоголь готовыми народными преданіями. Въ основѣ этой повѣсти Гоголя

1) „Малоруссій народныя преданія и разсказы“. Кіевъ, 1876 года, стр. 55 и сл.

собственно лежать два народных предания: об упыре и Вій. Въ малорусскихъ сказкахъ рассказывается объ упыре, какъ одинъ человѣкъ получилъ отъ царя приказаніе читать три ночи псалтырь надъ его умершей дочерью волшебницей, стоявшей въ церкви. Ему угрожала явная смерть, но отъ нея онъ спасается, благодаря совѣтамъ старичка (св. Николая), и даже жепится на бывшей волшебницѣ¹). И у Гоголя философъ Хома Брутъ такимъ же образомъ читаетъ три ночи псалтырь надъ убитой имъ вѣдьмой, дочерью сотника, испытываетъ разные ужасы и наконецъ на третью ночь погибаетъ отъ нечистой силы. Его отыскало въ церкви чудовище Вій, призванное для этого убитой вѣдьмой въ церковь. Въ народныхъ преданіяхъ этотъ Вій составляетъ предметъ особаго сказанья и представляется приземистымъ, корепастымъ существомъ, у котораго вѣки опущены до земли. Когда ихъ насильно поднимутъ, отъ глазъ Вія летятъ молніи и вихри)

Даже въ такихъ фантастическихъ рассказахъ Гоголя, каковъ, напримѣръ, разсказъ „Страшная месть“, мы увидимъ впослѣдствіи²) присутствіе народного малорусского элемента. Но какъ въ этомъ, такъ и другихъ украинскихъ рассказахъ Гоголя складъ народныхъ воззрѣній и быта рѣдко удерживалъ свою обычную вѣковѣчную элементарность и простоту. Гоголь любилъ и въ столкновеніяхъ своихъ съ простонародьемъ, и въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ вызывать и поставлять малоросса въ исключительное положеніе, нарушавшее обычное теченіе его жизни и заставившее его уклоняться отъ общепринятыхъ обрядовъ и обычаевъ. Въ этомъ отношеніи интересно воспоминаніе о Гоголѣ А. П. Стороженка, который разсказываетъ о томъ, какъ 18-лѣтній Гоголь, уже и тогда удивительно умѣвшій играть на струнахъ человѣческаго сердца, перелѣзши черезъ чужой плетень, нарочно разсердилъ и довелъ до бѣшенства молодицу-хозяйку, и какъ на обратномъ пути онъ эту же молодицу сдѣлалъ своими словами изъ злой фури кроткую овечкою, къ величайшему удивленію ея смиренного мужа³). Читамъ это воспоминаніе г. Стороженка, мы невольно приложимъ Голоупенка въ „Сорочинской ярмаркѣ“, который разозлилъ жену Соловія Черевика Хиврю, бывшую грозою для ея смиренного мужа, и въ заключеніе все-таки женился на ея падчерицѣ. Поэтому само собой напрашивается предположеніе, не скрывается ли въ этой повѣсти какого-либо дѣйствительного проишше-

¹⁾ Тамъ же, стр. 268—269. См., „Народныя южнорусскія сказки“ Рудченка, вып. II, 1870 г., стр. 27 и сл.; „Воспоминаніе о Новомосковскѣ“ Надхина въ „Основѣ“ за октябрь 1862 г., стр. 23 и сл.

²⁾ „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, Аѳанасьевъ, т. I., гл. IV.

³⁾ При обозрѣніи произведеній А. П. Стороженка.

⁴⁾ „Отечеств. Записки“, 1859 г., № 4.

ствія, подстроенного самимъ Гоголемъ въ видѣ эксперимента надъ че-
ловѣческими сердцами.

И такъ, Н. В. Гоголь несомнѣнно хорошо зналъ этнографію своей родины и полагалъ ее въ основу своихъ украинскихъ повѣстей; но при этомъ онъ часто соединялъ и переплеталъ въ своихъ повѣстяхъ нѣ-
сколько народныхъ преданій и говѣрѣй и иногда съ намѣренiemъ вызо-
дилъ крестьянина изъ его обычного, неподвижнаго состоянія и изобра-
жалъ его въ такомъ видѣ. Въ послѣдніхъ случаяхъ онъ какъбы уклонялся отъ этнографической правды; но и самыя эти уклоненія не всег-
да были произвольны и часто опредѣлялись его многоразличными свя-
зями и отношеніями съ искусственной украинской литературой, пред-
шествовавшей Гоголю и современной ему.

Изъ біографическихъ свѣдѣній о Гоголѣ мы узнаемъ, что дѣдъ нашего поэта Аѳанасій Гоголь былъ въ свое время полковымъ писаремъ и женатъ на внучкѣ полковника Танского. Одно уже название писари показываетъ, что онъ могъ получить образованіе въ кіевской академії, или, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ семинарій, которыхъ занимами тог-
да мѣсто нынѣшихъ гимназій, „и кто знаетъ,—говорить г. Кулишъ,—
не изъ его ли разсказовъ заимствовалъ Гоголь разныя обстоятельства
жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти *Вій*. Если
это и не такъ, то можно сказать почти навѣрное, что съ него онъ ри-
совалъ своего идиллическаго Аѳанасія Ивановича. Отъ него Н. В. Го-
голь могъ заимствовать и остатки старинныхъ преданій, заключающих-
ся въ „Пропавшей грамотѣ“, „Тарасѣ Бульбѣ“ и т. п.¹⁾). Къ этому нужно
прибавить, что въ семействѣ Гоголя должны были сохраняться и ро-
довыя литературныя преданія. Одинъ изъ предковъ его по женской лин-
ії Танскихъ несомнѣнно воспитывался въ кіевской академіи и въ свое
время слылъ знаменитымъ стихотворцемъ, который притомъ же писаль
свои стихотворенія на украинскомъ языке²⁾). Можетъ быть, подъ вліян-
іемъ этихъ—то семейныхъ литературныхъ преданій, Н. В. Гоголь лю-
билъ въ своей молодости старинный малороссійскій произведениѣ. Въ его
„Кнігѣ всякой всячины или подручной энциклопедії“ 1826 г., между
прочимъ, вписаны были слѣдующія статьи: „Вирша, говоренная гетману
Потемкину запорожцами“, „Выговоръ гетмана Скоропадскаго Василю
Скалезубу“, „Декреть миргородской ратуши 1702 года“ и др. Вслѣд-
ствіе этого самая рѣчь Гоголя, когда онъ воспитывался въ нѣжинской

¹⁾ „Лицей князя Безбородко“, С.-Петербургъ, 1859 г., II, стр. 29.

²⁾ „Древняя и новая Россія“, ноябрь, 1878 г.; „О драматическихъ про-
изведеніяхъ Георгія Конисскаго“.

гимназии, отличалась словами малоупотребительными, старинными или насыщеннымими¹⁾.

Еще теснее были у Гоголя связи с новейшей украинской литературой и ее важнейшими представителями И. П. Котляревским, П. П. Гулакомъ-Артемовским и особенно отцомъ своимъ В. А. Гоголемъ. Большая часть эпиграфовъ къ его „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки“ взята изъ сочинений этихъ и другихъ современныхъ имъ украинскихъ писателей. Самый тонъ рассказовъ, карикатурно-юмористический, совершенно въ духѣ этихъ писателей. Мѣстами есть даже заимствования и подражания. Совершенно справедливо г. Кулишъ видитъ сходство гоголевского Голопуценка въ „Сорочинской ярмаркѣ“ съ окарикатуреннымъ Энеемъ въ „Энейдѣ“ Котляревского. „Эхъ, хватъ! за это люблю!“ говорить Черевицъ, немного подгулявши и вида, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты и, нимало не поморшившись, выпилъ до дна, хвативъ ее потомъ въ дребезги. „Что скажешь, Параска? какого жениха я тебѣ досталь! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки танеть пѣнную!“ По мнѣнию г. Кулиша, это есть перифразированная рѣчь карикатурного Зевеса у Котляревского объ Энейѣ, вѣстати поставленная эпиграфомъ къ третьей главѣ „Сорочинской ярмарки“:

Чи бачишъ, вінь який парнище?
На світі трохи є такихъ:
Сивуху такъ, якъ брагу, хлыще!
Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ.

Въ той же „Сорочинской ярмаркѣ“ супруги Черевиця Солопій и Хивра напоминаютъ намъ басню Гулака-Артемовскаго о соименныхъ супругахъ, но явдются въ иныхъ положеніяхъ, скодныхъ съ положеніями героевъ комедій отца Гоголя. Солопія, который хотѣлъ было продать на Сорочинской ярмаркѣ свою кобылу, морочать точно такъ же, какъ москаль обманываетъ мужика въ комедіи Гоголя—отца „Собака—вивча“, и очень можетъ быть, что самъ эпиграфъ къ X-й главѣ „Сорочинской ярмарки“ заимствованъ изъ этой утраченной нынѣ комедіи. Любовныи похожденія Хиври съ поповичемъ Афанасиемъ Ивановичемъ напоминаютъ намъ похожденія Хомы Григоровича въ другой комедіи отца Гоголя „Простакъ“. Этотъ Хома Григоровичъ является даже героемъ предисловія къ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки“.

Совмѣщаая въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ всѣ элементы прежней и современной украинской литературы, Гоголь является достой-

1) „Лицей князя Безбородко“. 1859 г., II. стр. 41. Св. „Записки о жизни Гоголя“, 1856 г., т. I.

нымъ завершителемъ новой украинской литературы первого периода ея развитія. Но онъ не ограничивался одними интересами собственно украинской литературы и очень рано сталъ увлекаться чисто художественными стремленіями. „Русская литература того времени,— говорить одинъ изъ воспитанниковъ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, была проникнута духомъ Байрона: Чайльдъ—Гарольдовъ и Онѣгінъ можно было встрѣтить не только въ столицахъ, но даже у насъ въ гимназическомъ саду“. Младшій профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ (съ 1824 г.) открылъ намъ новый живоносный родникъ истинной поэзіи. Любовь къ человѣчеству, составляющая поэтическій элементъ твореній Шиллера, по свойству своему притягивая, быстро привилась и къ намъ и много способствовала развитію характера многихъ. До Зингера на нѣмецкихъ лекціяхъ обыкновенно отдыхали сномъ послѣбѣденнымъ. Онъ умѣлъ разогнать эту сонливость увлекательными преподаваніемъ,— и не прошло года, какъ у нового профессора были ученики, переводившіе „Донъ—Барлоса“ и другія драмы Шиллера; а вслѣдъ за тѣмъ и Гёте, и Кернеръ, и Виландъ, и Клонштокъ, и всѣ, какъ называли, классики германской литературы, не исключая даже и своеобразнаго Жанъ—Поль—Рихтера, втеченіе четырехъ лѣтъ были любимымъ предметомъ изученія многихъ учениковъ Зингера. Кстати замѣтить, что развитію германизма между нѣжинцами много способствовалъ „Телеграфъ“, коего изданіе въ Москвѣ началъ тогда Н. А. Полевой ¹⁾). Гоголь не могъ оставаться въ сторонѣ отъ этихъ художественныхъ стремленій въ литературѣ, и мы видимъ, что онъ участвуетъ въ представлении лучшихъ тогдашнихъ комедій русскихъ—„Недоросль“, „Урокъ дочкамъ“, и издастъ въ гимназіи рукописные журналы, со статьями, писанными высокимъ слогомъ ²⁾). По выходѣ изъ гимназіи, онъ еще болѣе подчиняется художественному направленію тогдашней русской литературы. Одинъ изъ украинскихъ разсказовъ Гоголя „Страшная месть“ представляеть, по нашему мнѣнію, попытку создать по народнымъ преданіямъ титаническій мрачный типъ злодѣя, въ духѣ байронизма. Мы имѣемъ основаніе думать, что типъ цыгана въ „Сорочинской ярмаркѣ“ Гоголя, противорѣчащий народнымъ взглядамъ на цыганское племя, созданъ подъ вліяніемъ поэмы Пушкина „Цыгане“ ³⁾.

¹⁾ „Лицей князя Безбородко“, 1859 г., I, стр. 107.

²⁾ Тамъ же, II, стр. 67,

³⁾ Мы основываемъ это мнѣніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Шерепе-
ря (С. Писаревскій) въ своей оперѣ „Купала на Ивана“ выводить на сцену
совершенно такого же цыгана Шмагайла и заставляетъ его участвовать въ
крестьянской свадьбѣ; но Шереперя создалъ типъ цыгана подъ вліяніемъ по-
эмы Пушкина „Цыгане“ и даже прямо ссылается на нее въ своей оперѣ. Но-

Нѣкоторые видятъ на Гоголѣ вліяніе даже столь второстепеннаго писателя, какъ Марлинскій¹⁾. Но въ послѣдствіи времени заправляющуя роль въ художественномъ развитіи Гоголя имѣлъ А. С. Пушкинъ. „Мы знаемъ изъ *Переписки съ друзьями*—говорить Кулишъ,— что первыя главы *Мертвыхъ душъ* читаны были уже Пушкину, а въ *Авторской исповѣди* говорится даже, что сюжеты *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ* даны были Гоголю Пушкинымъ Слѣдовательно, можно предполагать не безъ основанія, что Пушкинъ иного содѣствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана его комедіи и поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ *Горе отъ Бульба*, *Ревизоръ*, первая часть *Мертвыхъ душъ*, вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина!—пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго гenia, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и перѣездъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлся другимъ“²⁾.

Художественный элементъ въ творческой дѣятельности Гоголя не позволилъ ему остатся въ тѣсной сферѣ украинскихъ интересовъ и литературы и былъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ слиянію въ его произведеніяхъ украинскихъ интересовъ съ сѣверно-русскими и образованію цѣльного русскаго міровоззрѣнія. „Скажу вамъ одно слово насчетъ того, какая у меня душа, хохлатка или русская,— писалъ Гоголь въ 1844 году къ А. О. С(мирновой),— потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлатка, или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,— явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, сліявшиесь воедино, составить собою иѣчто совершенійшее въ человѣчествѣ. На сочиненіяхъ же моихъ не основывайтесь и не выводите оттуда никако-

---

этому можно думать, что та же поэма имѣла вліяніе на типъ цыгана и у Гоголя.

¹⁾ „Лицей князя Безбородко“. 1859 г., II, стр. 67.

²⁾ Записки о жизни Гоголя, 1856 г., т. I, стр. 194.

кихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они всѣ писаны давно, во время глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ видѣнъ покамѣсть писатель, еще не утвердившійся ни на чёмъ твердомъ. Въ нихъ, точно, есть кое гдѣ хвостики душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто и не замѣтить и не увидѣть,¹⁾.

Въ этомъ художественномъ сочетаніи интересовъ двухъ племенъ русскаго народа состоить величайшая заслуга Гоголя, которую признаютъ и украинскіе писатели. Въ эпилогѣ къ „Чорной Радѣ“ Кулішъ говоритъ слѣдующее о Гоголѣ: „Обратясь въ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: материалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Все-таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и наконецъ въ „Мертвыхъ душахъ“, этой великой попыткѣ произвѣсть нѣчто колосальяое. Приверженцы развитія украинскихъ началь въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ „Мертвые души“? Сами москви- ча признаютъ, что, не будь Гоголь украинецъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (К. Аксаковъ). Но созданіе „Мертвыхъ душъ“ или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ его „Исповѣди“ и во множествѣ писемъ), имѣть другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдніго усиленія извѣстной партіи украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ великорусскимъ, поэтъ, воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія бардъ козацкой старины, возвышается надъ исключительной привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному русскому народу, какой только можетъ желать отъ украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это—самое великое дѣло Гоголя по своимъ послѣдствіямъ и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чѣмъ-либо другомъ, оправдывается зародившееся въ немъ еще съ-дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра. Со временемъ Гоголя, взглядъ великоруссона на натуру украинца перемѣнился: почулъ въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенные, поразительны; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильной жизнью и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 43.

русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ болѣе патріотической, нежели тѣ люди, которые славить въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русской, которой величие онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насть также почувствовать. Назначеніе Гоголя было—внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ материально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки¹⁾.

Не имѣя своею задачею подробно анализировать всѣ произведенія Н. В. Гоголя и оцѣнивать ихъ значеніе для русской литературы вообще, обратимся собственно къ украинскимъ писателямъ Гоголевской школы, также ставившимъ поддержать любовную связь съ сѣверно-русской національностью, хотя и не всегда сознательнымъ образомъ. Между ними есть даже такие послѣдователи Гоголя, которые подражали собственно его манерѣ и внѣшнимъ пріемамъ, опуская изъ виду духъ и характеръ сочиненій Гоголя. Рядъ этихъ представителей Гоголевской школы въ украинской литературѣ открывается младшимъ товарищемъ Гоголя по нѣжинской гимназіи Е. П. Гребенкой.

4.

ЕВГЕСІЙ ПАВЛОВИЧЪ ГРЕБЕНКА²⁾.

Е. П. Гребенка родился 21 января 1812 года, въ отцовскомъ помѣстїи Убѣжищѣ, въ 16-ти верстахъ отъ г. Пиратина, полтавской губерніи. Раннее дѣтство Евгения Павловича прошло подъ домашнимъ кровомъ. Впечатлѣнія дѣтскихъ годовъ, проведенныхъ среди патріар-

¹⁾ Предисловіе къ „Черной Радѣ“ Кулиша.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) „Лицей князя Безбородко“, изд. 1869 и 1881 г.; 2) „Литературные воспоминанія“, Панаева, въ „Современикѣ“ за 1861 г.; 3) біографія при „Собраниі сочиненій Гребенки“ 1862 г.; 4) „Памятная книжка полтавской губерніи на 1866 годъ“; 5) „Поэзія славянъ“ Гербеля, 1871 г.; 6) Коротенькая біографія при „Пиратинской Ластівкѣ“ 1878 г. Перечень малорусскихъ произведений Гребенки см. въ „Показчикѣ“ М. Комарова, 1893 г.

хального сельского быта, посреди прекрасной природы, въ сближеніи съ народомъ, богатыи самородною поэзіей, отразились на многихъ произведеніяхъ Гребенки. Вѣроятно, не одна изъ народныхъ былинъ не одно изъ преданій, пересказанныхъ имъ впослѣдствіи, были слышаны имъ дома и заставляли сильно биться его дѣтское сердце. Семейные воспоминанія указываютъ, какъ на первый источникъ, питавшій живое воображеніе ребенка, на разсказы нянѣкіи, которая ходила за Евгениемъ Въ сочиненіяхъ Гребенки есть пѣсколько страницъ, въ которыхъ, несмотря на вымышленную форму, ясны черты изъ его ранней поры. Въ 1825 году Гребенка былъ отведенъ отцомъ въ Нѣжинъ и помѣщенъ въ „Гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко“ (нынѣ институтъ). Здѣсь онъ окончилъ полный курсъ наукъ съ правомъ на чинъ XIV класса и тотчасъ же (въ 1831 году) поступилъ на службу въ резервъ 8-го малороссійскаго казачьяго полка; но вскорѣ вышелъ въ отставку и около 1834 года перѣѣхалъ въ Петербургъ. 1-го февраля этого года онъ былъ опредѣленъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ комиссіи духовныхъ училищъ. Въ ноябрѣ 1838 года Евгений Павловичъ оставилъ службу въ комиссіи духовныхъ училищъ и былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности въ дворянскій полкъ. Вся служба Гребенки съ этихъ поръ ограничивается преподаваніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Состоя на службѣ въ дворянскомъ полку, онъ познакомился съ Т. Г. Шевченкомъ и былъ его руководителемъ въ ознакомленіи съ русской литературой. Въ 1841 г. Гребенка былъ переведенъ изъ дворянскаго полка въ учители словесности во второй кадетскій корпусъ. Въ послѣдніе годы жизни преподавалъ онъ тотъ же предметъ въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ. Гребенка умеръ въ декабрѣ 1848 г. Натура Евгения Павловича была одна изъ самыхъ симпатическихъ; благодушіе его располагало къ нему съ первой встречи. Узнавъ ближе, нельзя было не полюбить его отъ всей души. Всѣ, сходившіе съ Гребенкой, вспоминаютъ о немъ съ особеною теплотою. Разговоръ его былъ пріятелъ и дышалъ веселостью, съ тѣмъ легкимъ отгѣнкомъ юмора, какой замѣчаемъ мы въ его сочиненіяхъ. Вообще, Евгений Павловичъ былъ самый милый собесѣдникъ и всегда гость ко времени.

Гребенка началъ заниматься литературой еще въ нѣжинскомъ лицѣ. Большею частью первые опыты его были писаны по малорусски. Малоруссій переводъ „Полтавы“ Пушкина, не совсѣмъ удачный, также относится ко времени его студенчества, равно какъ и „Малороссійскіи приказки“, выпущенная имъ въ свѣтъ въ 1834 году, въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Гребенка началъ еще усерднѣе заниматься литературой. Его „Приказки“ имѣли успѣхъ и были изданы въ другой разъ въ 1836 году. Въ этомъ же году издалъ онъ и свой малоруссій

переводъ „Полтавы“, съ посвященіемъ Пушкину. Посвященіе это во-
закомило его съ Александромъ Сергеевичемъ. Чушкинъ, съ извѣстною
добротой своей, принялъ теплое участіе въ начинаящемъ литераторѣ.
Вѣроятно, съ его одобренія были напечатаны въ „Современникѣ“ на
1837 годъ два стихотворенія Гребенки. Есть даже свѣдѣніе, что малорусскія басни молодаго писателя такъ понравились Пушкину, что
одну изъ нихъ, именно „Волкъ и Огонь“, онъ перевелъ будто бы на
русскій языкъ. Мы приводимъ ее, какъ образецъ малорусскихъ стихо-
твореній Гребенки:

У лісі хтось раскладвъ Огонь.

Будо то въ осени вже пізно,

Велький холодъ бувъ, вітри шуміли ріжно;

И била ожеледь, и снігъ ішовъ либонь;

Такъ, мабудь, чоловікъ біля багаття грівся

Да идучи й покинувъ такъ его.

Ажъ ось, не знаю я того,

Якъ сірий Вовкъ тутъ опинився.

Обмерзть, забовтався; мабуть, три дні не івъ;

Дріжить, якъ мокрий хіртъ, зубами знай цокоче.

Звірюка до Огню підскочичъ,

Підскочичъ, озвірнувшись, мовъ торопленний сівъ,

Бо зъ-роду вперше вінъ Огонь узрівъ.

Сидить и самъ собі радів,

Що смухъ его Огонь, мовъ літомъ сонце, гріє.

И ставъ вінъ обтавать, ажъ пара зъ шерсти йде.

Ізъ леду бурульки, що знай кругомъ бряжчали,

Уже зовсімъ пообпадали.

Вінъ до Огню то рило підведе,

То лапу коло жару сушить,

То біля поломъя кудлатий хвістъ обтрусиТЬ,

Уже Огонь не ставъ его лякатъ.

Звірюка думає: „Чого его боатъци?

Зо мною вівъ, якъ панібрать!“

Ось вітка утекла, мовъ стало розсвітать,

Мовъ почало на світъ благословлятици.

„Пора!“ — Вовкъ думає, — „у лози удиратъ!“.

Ну, щобъ собі ити? ии, треба попрошатъци:

Скажений захотівъ Огонь поцілуватъ,

И тілько що простягъ свое въбагатте рило,

А поломъе его де-щенту обсмалило.

—
Май батько такъ казавъ: „Съ панами добре житъ,

Водітьца зъ ними хай тобі Господь поможе.

Изъ ними можно істи й нить,
А цілувати іхъ — крий нась Боже!"

Первый стихотворенія Гребенки на малорусскомъ языке имѣли кругъ читателей слишкомъ ограниченный. Онъ перешелъ къ русскимъ стихотвореніямъ и воспроизводилъ въ нихъ мотивы Жуковскаго и Пушкина; но и русскими стихотвореніями своими ему трудно было обратить на себя вниманіе въ то время, когда еще действовалъ Пушкинъ и вся окружавшая его плеяда даровитыхъ поэтовъ. Гребенка попытать это и рѣшился посвятить всю свою дѣятельность повѣстовательной прозѣ. Первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ были „Разсказы Пиратинца“, принятые публикою довольно радушно. Всѣ заимствованные изъ быта и преданий Малороссіи, рассказы напоминаютъ и содержаніемъ своимъ и манерой повѣстований „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. Несомнѣнно, что повѣсти геніального товарища по школѣ заронили въ Гребенку мысль его „Разсказовъ Пиратинца“; несомнѣнно, что и слогъ, и языкъ, и образъ выраженія въ „Вечерахъ“ сильно поразили своею новостію, свѣжестію и свободой молодаго Гребенку и положили свою печать на его манеру. Но при этомъ несправедливо было бы обвинять Гребенку въ исключительномъ подражаніи Гоголю. Если на „Разсказахъ Пиратинца“ и на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ повѣстяхъ и рассказахъ Гребенки есть слѣды вліянія Гоголя, то на нихъ есть слѣды и другихъ вліяній, напримѣръ Марлинскаго, Загоскина. Гребенка принадлежитъ известному литературному періоду, который наложилъ на него свою печать, какъ на человѣка, не обладавшаго самостоятельнымъ талантомъ, пролагающимъ новые пути въ литературѣ. Онъ — изъ числа тѣхъ посредствующихъ дарованій, которыхъ являются въ известную пору цѣлыми группами, какъ связующая нить между геніями, создающими эпоху, и публикой.

Со времени изданія „Разсказовъ Пиратинца“ имя Гребенки начинаетъ все чаще и чаще появляться подъ повѣстями, рассказами, очерками и стихотвореніями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вскорѣ ни одинъ почти журналъ, ни одинъ альманахъ или сборникъ не обходились безъ какого нибудь произведенія Гребенки. Повѣсти его, явившіяся съ 1837 года, почти всѣ распадаются на два отдѣла: въ однихъ описываетъ онъ родныя мѣста, въ другихъ — Петербургъ. Изъ произведеній его за это время болѣе или менѣе заслуживаютъ вниманія: „Записки Студента“, „Вѣрное лекарство“, альманахъ „Ласточка“, „Нѣжинскій полковникъ Золотаренко“, исторический романъ „Чайковскій“ и повѣсть „Іванъ Ивановичъ“.

Въ повѣсти „Записки студента“ есть автобіографические черты. Кромѣ описанія дѣтства, въ лей находятся и еще много взятаго авто-

ромъ изъ жизни. Такъ, опредѣленіе въ военную службу и скорое остав-
леніе ея напоминаетъ поступленіе Евгения Павловича въ малороссійскіе
козаки и его краткое служеніе въ полку. По словамъ людей, близкихъ
къ автору, самая завязка повѣсти заимствована изъ его собственной
жизни. Повѣсть эта едва ли не болѣе всѣхъ другихъ произведений Гре-
бенки имѣла успѣхъ въ публикѣ. Въ ней, точно, много страницъ теп-
лыхъ и задушевныхъ, но въ цѣломъ она неудовлетворительна и нeli-
шена нижоторой слезливости въ тонѣ. Кромѣ того, здѣсь замѣтна не-
брежность и краткость очерковъ, та эскизность, которая вообще ха-
рактеризуетъ повѣсти Гребенки. Онъ описываетъ только вѣнчаность
извѣстнаго типа, но не даетъ ключа къ пониманію и разумному освѣ-
щенію этой вѣнчаности,— ключа, скрывающагося въ свойствахъ чело-
вѣческой природы вообще, и выражающейся въ извѣстной формѣ подъ
влияніемъ различныхъ статистическихъ и историческихъ обстоятельствъ.
Въ „Вѣрномъ лекарствѣ“ болѣе всего видно влияніе Гоголя, именно
его „Записокъ сумасшедшаго“. Нельзя, однако же, не признать за этой
повѣстью замѣчательныхъ достоинствъ: она исполнена истинно комиче-
скихъ чертъ; самое положеніе героя повѣсти богато юморомъ. Главная
ошибка автора заключалась въ томъ, что онъ избралъ форму, въ которой,
послѣ Гоголя, уже трудно было создать что нибудь самостоятельное.
Въ „Вѣрномъ лекарствѣ“ расказывается отъ лица главнаго дѣйствую-
щаго лица, въ формѣ дневника, а это лицо—сумасшедший. — Въ повѣ-
сти „Нѣжинскій полковникъ“ неразъ мелькаютъ воспоминанія о горо-
дѣ, гдѣ воспитывался Евгений Павловичъ. Альманахъ „Ластівка“ на-
полнена сочиненіями Шевченка. Квитки-Основьяненка, Боровиковскаго,
Забѣллы, Кулиша, Мартовицкаго, П. Писаревскаго, С. Шерепери (С.
Писаревскаго). Самъ собиратель пріложилъ къ нему предисловіе „Такъ
собы, до землянки“, гдѣ изображены четыре времена года Малороссіи.
Повѣсть „Іванъ Івановичъ“ принадлежитъ къ числу удачнѣйшихъ
произведеній Гребенки, хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, автору повредилъ
его легкій взглядъ: онъ скользнулъ только по поверхности факта, пред-
ставлявшаго много глубокихъ и потрясающихъ сторонъ, которыми
грѣхъ не воспользоваться художнику. Но замѣчательнѣйшее и лучшее
изъ всѣхъ произведеній Гребенки есть его романъ „Чайковскій“, о ко-
торомъ Бѣлинскій отозвался въ большой похвалѣ. Содержаніе его за-
имствовано преимущественно изъ семейныхъ преданій матери Гребенки
и изъ украинской думы объ Олексіѣ Поповичѣ въ собраніи. М. А.
Максимовича 1834 года.

Дѣйствіе романа открывается въ г. Пиратинѣ, гдѣ проживаетъ
со своей дочкой лубенскій полковникъ Иванъ. Сынъ пиратинскаго
священника Якова, Олексій Поповичъ, учился въ киевской академіи и
предназначался на отцовское място въ Пиратинѣ; но онъ и не думалъ

о посвященіи въ попы. Проживая дома, Олексій Поповичъ сошелся съ дочерью полковника Мариной, полюбилъ ее и неразъ видѣлся съ нею на рѣчномъ островѣ. Но нельзя было и думать о томъ, чтобы гордый и суровый полковникъ согласился на неравный, по его мнѣнію, бракъ своей дочери съ Олексіемъ Шоповичемъ. Къ тому же, между влюбленными сталъ лихой человѣкъ, который постарался разлучить ихъ между собою и чуть не погубилъ самого Олексія Шоповича. Дѣло въ томъ, что у старого полковника въ числѣ домашней членки были два козака совершенно противоположныхъ характеровъ: силачъ Гадюка, босой, нечесанный и ходившій безъ шапки, вѣрный полковнику какъ собака, и плюгавый и хитрый Герцикъ темного происхожденія. Послѣдній привелъ полковника на островъ во время тайного свиданія Олексія Поповича съ Мариной, и Олексій Шоповичъ едва избѣжалъ смерти отъ рукъ разгневанного полковника и долженъ былъ бѣжать изъ Пиратина. Онъ направляется въ Сѣчь, гдѣ кошевымъ тогда былъ товарищъ его покіевской академіи Грицко Стрижка, называющійся теперь Зборовскимъ, и недалеко отъ самой Сѣчи останавливается для отдыха на хуторѣ Варки и Тетяны, куда беззаботные запорожцы собирались пображничать. Между сѣчевыми гостями Олексій Поповичъ засталъ здѣсь нѣкоего Никиту Прихвостни. Здѣсь Тетяна успѣла полюбить Олексія Поповича и призналась ему въ любви; но Олексій Поповичъ открылъ ей, что онъ имѣть уже невѣstu. Наконецъ, онъ явился къ кошевому, дѣлается писаремъ и наединѣ, въ дружеской бесѣдѣ, разсказываетъ ему свою любовную исторію. Кошевомъ обѣщаєтъ оказать ему, при удобномъ случаѣ, свое содѣйствіе. Скоро послѣ этого запорожцы отправились на своихъ чайкахъ опустошать турецкие берега, а съ ними отправился и Олексій Шоповичъ. Во время ихъ похода поднялась бура на Черномъ морѣ и угрожала запорожцамъ гибелью; для утишенія бури, нужно было принести въ жертву морю живаго человѣка,— и Олексій Шоповичъ самъ вызвался быть этой жертвой. Бура тотчасъ же утихла; Олексій Поповичъ остался цѣлъ и невредимъ. Запорожцы тутъ же сложили про него пѣсню:

На Чорному морі, на білому камні

Ясменыїй сокіль жалобно квилить—проквили, и проч.

Они благополучно воротились въ Сѣчь. Между тѣмъ, послѣ побѣда Олексія Поповича изъ Пиратина, старый полковникъ съ Мариною переселился въ Лубны. Бѣжалъ отъ отца и Марина розыскивать Олексія Поповича, преодѣлася у киповника Касильна въ козацкое платье и подъ именемъ Олексія Поповича прибыла въ Сѣчь Запорожскую, куда подъ страхомъ смертной казни запрещено было принимать женщинъ. Здѣсь она отыскала своего Олексія, но ихъ чуть не погубилъ тотъ же Герцикъ, который и прежде немѣшилъ ихъ счастію. На отца Марину,

лубенского полковника, напали татары,— и онъ отправилъ Герцика въ Сѣчь просить помощи. Герцикъ узналъ здѣсь Марину, раскрылъ ея тайну, и запорожцы, возмущенные нарушениемъ икъ стародавнихъ обычаевъ, ведутъ Олексія на судъ къ кошевому и „товариству“ и уже заранѣе посылаютъ за палачемъ—татариномъ. Тетяна хочетъ выручить Олексія изъ подъ топора, но онъ отвергаетъ ея услуги. Его спасаетъ отъ смерти кошевой Зборовскій. Онъ предложилъ товариству назвать Олексія Чайковскимъ, въ память того, что своимъ самоотверженiemъ онъ спасъ козацкія чайки на морѣ отъ крушения, и когда товариство согласилось на это, освобождается Олексія Чайковскаго отъ казни, которую заслужилъ Олексій Поповичъ. Послѣ этого кошевой празднуетъ свадьбу Чайковскаго съ Мариной. Тетяна, узнать объ этой свадьбѣ, умираетъ. Новобрачныеѣдутъ на зимовикъ къ Касьяну, который вслѣдъ за тѣмъ отправляется въ Лубны, чтобы примирить полковника съ дочерью и молодымъ зятемъ. Онъ благополучно отбивается дорогомъ отъ разъѣдовъ крымцевъ и прѣѣзжаетъ въ Лубны; но неблагополучно было въ г. Лубнахъ. Вѣроломный Герцакъ удаляетъ отъ полковника его вѣрнаго слугу Гадюку, запираетъ самого Касьяна въ подвалъ и предаетъ полковника въ руки татарамъ. Правда, его выручаютъ Гадюка, но полковникъ вскорѣ умираетъ отъ ранъ. Герцикъ составляетъ отъ его имени ложное завѣщаніе въ свою пользу и будто бы отъ себя уже посыпаетъ Маринѣ мѣшокъ дукатовъ. Освободившись изъ подвала, Касянъѣдетъ къ свой зимовикъ и передаетъ Маринѣ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Скоро явается на зимовикъ и Герцикъ съ гостинцами въ рукахъ для новобрачныхъ и съ новыми кознами въ душѣ. Но здѣсь на соколиной охотѣ его ужалила змѣя. Знахарка-цыганка, призванная къ нему на помощь, прикладываетъ къ ранѣ какои-то корень и еще болѣе увеличиваетъ его мученія. Въ предсмертныхъ мукахъ Герцикъ приносить страшную исповѣдь, изъ которой открывается, что онъ—родомъ жидъ, ненавидѣль христіанъ, погубилъ полковника, хотѣль погубить и Олексія Поповича и овладѣть Мариной. Мимая цыганка-зناхарка узнаетъ изъ этой исповѣди, что Герцикъ—сынъ ея Йосель, и сознается, что она сама по ошибкѣ погубила его изъ мести христіанамъ, приложивъ яду къ его ранѣ, и что Тетяна—ея родная дочь. Романтъ оканчивается описаніемъ цириушки у пиратинскаго сотника Чайковскаго, на которой были кошевой Зборовскій со своими запорожцами, Гадюка, Никита Прихвостень, Касянъ зимовникъ и другіе. Родъ Чайковскихъ въ настоящее время пресекся. Послѣдній изъ представителей его, офицеръ Созонть Чайковскій, умеръ на Кавказѣ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка.

„Старинный быть Україны, — писалъ Бѣлинскій объ этомъ романѣ, — прекрасно отразился въ „Чайковскомъ“; самъ авторъ воодушевляется,

говоря о дѣлѣ, припомнитъ разсказы стариковъ и изъ нихъ известная картина минувшей жизни этой страны. Онъ самъ наковецъ возвышается до позора очевидца, сочувствуя своему предмету, какъ бы раздѣляя казацкую удаль и примирам горячо къ сердцу страданія южной Руси отъ ея стенныхъ сосѣдей—ханынъ татаръ... Нѣкоторые характеры, особенно полковника Ивана, казака Никиты Приквосты и Касьяна очень хорошо обрисованы авторомъ; въ другихъ лицахъ много историческойѣнности; интрига очень занимательна, хотя мѣстами авторъ впадаетъ въ мелодраму, особенно при изображеніи женщинъ. Вероченье, женщины въ казачествѣ играли неважную роль. Есть сцены эффектныя, а главное—весь романъ рисуетъ быть и обычай и образъ мыслей запорожцевъ. Нѣкоторые не хотятъ признавать въ „Чайковскомъ“ всѣхъ его достоинствъ, потому что Гоголь написалъ „Тараса Бульбу“, гдѣ изображены тѣ же, и еще полнѣе, элементы казачества; но изъ того, что Гомеръ написалъ „Иліаду“, а Орфей „Пехедъ аргонавтова“, развѣ не читали греки съ удовольствиемъ другиѣ поэты, обработывавшихъ эпизоды изъ тѣхъ же событий и изображавшихъ тѣ же лица?

Незадолго передъ смертью Е. П. Гребенка принялъ за собраніе и изданіе всѣхъ своихъ беллетристическихъ произведений. Первые четыре томика вышли въ 1847 году, еще четыре въ 1848 году. Смерть Гребенки превратила это изданіе, въ которое вошло только 18 повѣстей изъ числа 50-ти, написанныхъ Гребенкой. Въ 1862 году книгопродавецъ И. Литовъ издалъ полное собраніе сочиненій Е. П. Гребенки, въ пяти томахъ; но это изданіе рѣшительно не имѣло успѣха. Въ томъ же 1862 году Н. Гатцукъ писалъ, что онъ предполагаетъ издать переведенный уже на малорусскій языкъ романъ Гребенки подъ названіемъ „Чайковскій“¹⁾. Въ переводѣ Ксенофonta Климковича этотъ романъ изданъ былъ во Львовѣ въ 1864 году. Въ 1874 году издава была въ Кіевѣ, въ малорусскомъ переводе Л. Б., повѣсть Гребенки „Ніженський полковникъ Иванъ Золотаренко“, а въ 1878 году въ Кіевѣ же издана была „Пирятинська ластівка, кобзарь Е Гребінки“, съ портретомъ и коротенской біографіей. Тутъ собрано все, что когда либо напечатано было Гребенкой по-украински.

---

1) „Основа“, іюль, 1862 г.: „о правописаніяхъ, заявленныхъ украинскими писателями съ 1834 по 1861 годъ.“

Алексей Петрович Стороженко¹⁾.

Алексей Петрович Стороженко родился въ 1805 году, воспитывался въ одномъ изъ столичныхъ военно-учебныхъ заведеній, и оцѣло 1823 года поступилъ въ военную службу. Въ 1825 году онъ стоялъ со своимъ полкомъ въ Немироѣ, брацлавскаго уѣзда, подольской губерніи, и слушалъ здѣсь разсказы о Немироѣ отъ 98-лѣтнаго священника, ко-рый на девятомъ году своего возраста былъ поводатыремъ у своего прадѣда, также слѣпаго стомѣтнаго дидугана, самовидца немировской рѣзни и козацкаго бунта въ замкѣ князя Четвертинаского, и распѣвшаго „Исаїе ликой“; когда вѣнчали Цавилогу (Кобзу) съ княгинею Четвертинской. Лично также зналъ Стороженко запорожца Коржа и слу-шалъ его разказы, которые, по указанію Алексея Петровича, записаны и изданы были архіепископомъ Гаврииломъ въ 1842 году. Въ 1829 г., въ турецкую кампанію, Алексей Петровичъ раненъ былъ подъ Журжей и получилъ орденъ св. Георгія, а въ 1831 году участвовалъ въ поль-ской кампаніи. Затѣмъ, онъ состоялъ при кievскомъ генераль-губерна-торѣ, а далѣе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ осо-быкъ порученій и съ 1863 года при М. Н. Муравьевѣ въ западномъ краѣ. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ своей усадьбѣ Тишкѣ, близъ Бреста, и состоялъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣда-телемъ съѣзда мировыхъ судей, страдалъ аневризмомъ отъ контузіи г҃ъ биты подъ Журжею. „Не такъ давно,— писалъ онъ незадолго до своей смерти.— еще я сгибалъ двугривенные и носилъ на гору десять пудовъ“. Умеръ 7 ноября 1874 г., 68 лѣтъ отъ роду.

„Съ свѣтлымъ умомъ и чистымъ, теплымъ сердцемъ,— говорить одинъ изъ его біографовъ,— Алексей Петровичъ былъ талантливый му-зыканъ на віолончель, скѣльпторъ и рисовальщикъ. За работы по скѣльптурѣ получиль онъ отъ академіи художествъ медаль, а за про-ектъ памятника Нестору лѣтописцу— званіе художника. Притомъ, какъ

1) Біографическія свѣдѣнія о немъ заключаются въ слѣдующихъ издані-яхъ и статьяхъ: 1) некрологъ въ „Газетѣ Гатцка“, 1875 г., № 47; 2) некрологъ въ „Кіевскомъ Телегр.“, 1874 г., № 150; 3) некрологъ въ „Правдѣ“, 1875 г., № 13; 4) „Стороженко и его литературная дѣятельность“, въ „Одесскомъ Вѣстнике“ 1874 г., № 282.; 5) предисловіе къ поэмѣ Стороженка „Марко проклятій“. Одесса, 1879 г.

большой любитель природы, онъ усердно занимался садоводствомъ при своей усадьбѣ, возлѣ г. Бреста“.

Изъ литературныхъ его трудовъ намъ извѣстны слѣдующіе: 1) „Братя—близнецы“, романъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія“ Дружинина за 1857 годъ и переведенный на нѣмецкій языкъ. 2) „Разсказъ изъ крестьянскаго быта Малороссіи“. С.-Петербургъ 1858. (Изъ „Сѣверной Челы“ за 1857 и 1858 годы). 3) „Сотникъ Петро Серій“. Быль XVI столѣтія. С.-Петербургъ 1858. 4) Рецензія на малороссійский литературный сборникъ Мордовцева, въ „Отечеств. Запискахъ“ за 1859 г. (№ 9, т. 126). 5) „Воспоминаніе о Гоголѣ“ въ 4 № „Отечеств. Записокъ“ за 1859 годъ. 6—7) Переводъ на русскій языкъ повѣстей Квитки: „Свѣтлый праздникъ мертвцевъ“ и „Солдатскій портретъ“. С.-Петербургъ 1860 года. 8) Переводъ на русскій языкъ повѣсти Квитки „Козырь—дівка“. С.-Петербургъ 1861. 9) „Стехинъ Рогъ“, повѣсть. въ „Основѣ“ за январь, 1861 г. 10) „Матусине благословенія“, малороссійская повѣсть въ журналѣ „Основа“ за сентябрь 1861 г. 11—33) двадцать три малороссійскія повѣсти и пьесы, помѣщавшіяся сначала (не всѣ) въ журналѣ „Основа“ за 1861 и 1862 годы и въ 1863 году вышедшемъ особымъ изданіемъ въ С.-Петербургѣ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Українські оповідання“¹⁾. 34) „Изъ портфеля чиновника“, въ 1 № „Отечественныхъ Записокъ“ за 1863 г. 35) „Тетушкіна молитка“ во 2 № „Отечественныхъ Записокъ“ за 1864 г. 36) „Видѣніе въ Несвижскомъ замкѣ“, въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ за декабрь 1864 г. 37) „Встрѣча вновь назначенаго довудцы“ (комедія въ одномъ дѣйствіи) тамъ же, за ноябрь 1865 года и особымъ оттискомъ²⁾. 38) Эпизодъ изъ поѣздокъ по сѣверо-западному краю Россіи“, тамъ же, за 1865 г., кн. IV. 39) „Марко проклятий“. Поэма на малороссійскомъ языкѣ изъ преданій и повѣрій запорожской старины. Одесса, 1879 г. 40) «Вылое не минувшее»,—доселѣ не изданное сочиненіе.

Изъ этихъ сочиненій и переводовъ А. П. Стороженко четырнадцать на русскомъ языкѣ и двадцать шесть на малорусскомъ. Главнейшая разница между тѣми и другими состоить исключительно въ языкѣ. Стороженко прекрасно владѣлъ малороссійскимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ едва ли не первое мѣсто въ ряду

¹⁾ Перепечатки и переводы украинскихъ повѣстей и разсказовъ Стороженко означены въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г. Послѣ изданія этого „Покажчика“ вышли въ Киевѣ, въ 1883 г., особыми брошюрами: „Вуси“, „Межигорскій дідъ“ и „Не въ добрий часъ“.

²⁾ Въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ подъ этой комедіей нѣть фамиліи Стороженко, но она значится подъ особымъ оттискомъ комедіи.

малороссійскихъ писателей. Онъ усвоилъ себѣ ту образность, пластичность языка, которая придаетъ такой оригинальный колоритъ рѣчи малоросса и дѣлаетъ ее особенно малороссійскую рѣчью, а не русскою, въ которой русскія слова замѣнены только малороссійскими¹⁾). Что же касается содержанія произведеній А. П. Стороженка, то, за исключениемъ двухъ его повѣстей изъ русскаго быта „Изъ портфеля чиновника“ и „Тетушкна молитва“ и неподанного сочиненія „Былое не минувшее“, всѣ остальные относятся къ исторіи и этнографіи Малороссіи и отличаются частью идеализацией Украины, частію ультра-русскимъ направленіемъ, въ духѣ покойнаго „Вѣстника юго-западной Россіи“. въ которомъ онъ принималъ въ послѣднее время дѣятельное участіе.

Мнѣніе о внутреннихъ достоинствахъ пропавшенній А. П. Стороженка еще не установилось прочно. Въ былое время его считали однимъ изъ лучшихъ знатоковъ запорожскаго быта и первокласснымъ писателемъ украинскимъ. П. П. Гулакъ-Артемовскій, прочитавши рукописную поэму его „Марко проклятый“, свою рукою написалъ: „зъ роду лучшаго не читавъ, и до смерти вже не прочитаю“. Журналъ „Основа“, помѣщая на своихъ страницахъ его разсказы изъ народныхъ устъ, считалъ ихъ образцовыми въ своемъ родѣ и особенно интересовался его рассказами изъ старинаго запорожскаго быта. „Рассказы запорожца Коржа,— говорить Кулишъ,— были записаны архіепископомъ Гавріиломъ. по указанію А. П. Стороженка, тому назадъ около 20 лѣтъ (слѣдов., около 1840 г.). Такъ какъ А. П. Стороженко зналъ запорожца Коржа лично и, сверхъ того, бесѣдовалъ съ другими подобными ему „січовиками“, то мы не теряемъ надежды, что онъ исполнить нашу неотступную просьбу написать для „Основы“ устное повѣствованіе всѣхъ ихъ по памяти и по книгѣ архіепископа Гавріила, на чистомъ украинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣеть съ такимъ совершенствомъ“²⁾). А. П. Стороженко отчасти исполнилъ эту неотступную просьбу „Основы“, но не удовлетворилъ всѣхъ ея читателей и даже почитателей его таланта, такъ какъ избралъ дѣятельность особаго рода, которая не показывала въ немъ особенного политического и общественного пониманія³⁾). Позднѣйшіе же собиратели памятниковъ устной народной украинской словесности, какъ напр. И. Рудченко, не видятъ

1) „Современникъ“, 1863 г. № 8: „Русская литература“, стр. 129.

2) „Основа“, за январь 1862 г.: библіографія, стр. 45. Рассказы Коржа изданы особой книгой: „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Коржа. Одесса, 1842“.

3) „Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ“ Пилипа и Спасовича, 2 изд., т. 1, 1879.

въ его рассказахъ есть народныхъ есть этнографической точности¹⁾. Это и неудивительно. Алексей Петровичъ жилъ и воспитывалъ свой литературный талантъ при иныхъ условіяхъ и литературныхъ взглядахъ, когда и серьезные ученые, какъ напримѣръ Максимовичъ, Срезневскій и Воданскій, строго не различали чисто народныхъ пѣсень и сказокъ отъ сочиненныхъ и даже сами позволили себѣ дополнять и подкрашивать малороссійскія народныя пѣсни и сказки. Но у А. П. Стороженка это подкрашиванье доходило до крайности, такъ что известное народное произведеніе давало ему иногда только поводъ къ свободной дѣятельности фантазіи. „Наша чудная украинская природа, — говорить Стороженко въ своей повѣсти „Закоханий чортъ“, — согрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ сѣмѧ зреетъ на нивѣ и складывается въ коны и стоги, такъ и оно, это сѣмѧ, зашавши въ сердце и душу, зреетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народные разсказы и легенды“. Эти слова нужно отнести не только къ народнымъ украинскимъ произведеніямъ, но и къ украинскимъ рассказамъ самого Стороженка, который рисуетъ въ нихъ Малороссію какою то сказочную страною, гдѣ люди живутъ во всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки, да хохаются съ чернобривыми красотками. Счастливые обитатели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ. „Чудная природа, согрѣтая полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ... тихій вѣтерокъ щекочеть.. лѣса обнимаютъ прохладою... горлица напечтываєтъ сердцу что-то такое, что заставляетъ сердце млѣть и трепетать“ и проч.²⁾ Сама редакція „Основы“ замѣтила игривость фантазіи у Стороженка въ его украинскихъ рассказахъ и въ примѣчаніи къ повѣсти . Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“ говоритъ слѣдующее: „народъ нашъ — великий и богатый поэтъ. Въ своихъ пѣсняхъ и рассказахъ онъ даетъ нашимъ писателямъ вѣчно свѣжія и здоровыя зерна для дальнѣйшаго творчества. Лучшіе наши писатели подходили ближе всего къ его взгляду, къ тону рѣчи, придавая своимъ произведеніямъ все величіе народной поэтической красоты и грацій. На этотъ небольшой разсказъ г. Стороженка обращаемъ вниманіе нашихъ читателей, какъ на образцовый въ своемъ родѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, народное сказанье, народна пословица часто служили только темою для дальнѣйшаго творчества Сто-

¹⁾ Предисловіе къ первому выпуску „Южнорусскихъ народныхъ сказокъ“, 1869 г. стр. VII.

²⁾ „Современникъ“, 1863 г., № 82: „Русская литература“, стр. 123.

романка, который при этомъ пользовался народными преданиями и по-вѣрьями въ видѣ орнамента, съ особымъ указаниемъ на нихъ въ привѣчаніяхъ, какъ напримѣръ въ упомянутой уже повѣсти „Закоханый чортъ“. Въ этомъ отношеніи произведения А. П. Стороженка представляютъ вѣкотерую параллель съ повѣстями Гоголя изъ украинскаго быта и, можетъ быть, имѣли въ виду воспроизвать то, чего недоставало Гоголю, по мнѣнию вѣкоторыхъ украинофиловъ, т. е. малорусскаго языка. Игровость фантазіи у Стороженка — такая же, какъ и у Гоголя въ его украинскихъ повѣстяхъ, и такое же смыщеніе чудеснаго съ дѣйствительностью. Мы увидимъ впослѣдствіи даже частнѣйшіе пункты соприкоснѣнія между украинскими повѣстями Гоголя и произведениями Стороженка. Но, при вѣкоторыхъ сходныхъ чертахъ въ произведенияхъ обоихъ этихъ писателей, въ творческой ихъ дѣятельности есть и значительная разница. Отъ болѣе или менѣе фантастическихъ украинскихъ повѣстей Гоголь перешелъ впослѣдствіи къ созданию реальныхъ типовъ, живѣмъ выкваченныхъ изъ русской дѣйствительности. Но А. П. Стороженко не имѣлъ того дара читать людскія сердца, какой онъ подмѣталь въ 18-лѣтнемъ Гоголѣ,— и образы дѣйствительныхъ предметовъ верѣдко испаряются въ его произведенияхъ въ заоблачную, безцѣльную игру фантазіи. Читая его произведения, иногда недоумѣваешь, какая реальная подкладка его разсказа, что онъ хотѣлъ сказать и съ какою цѣлью написать его. Таковы, напримѣръ, первыя его украинскія повѣсти: „Стекинъ рогъ“, „Закоханный чортъ“, „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“ и др.

По содержанию своему, произведения А. П. Стороженка изъ украинскаго быта распадаются на два отдѣла: этнографическія и историческія. Въ тѣхъ и другихъ одинаково замѣчается избытокъ фантазіи автора; но тогда какъ первыя легко могутъ быть проигнорированы современными этнографическими материалами,—его историческія повѣсти изъ старииннаго запорожскаго быта, съ уничтоженіемъ въ настоящее время и сѣдовъ этого быта, возбуждаютъ чувство нѣкотораго неудовольствія на автора за то, что онъ, имѣвши случай бесѣдовать съ послѣдними представителями запорожскаго быта, не воспроизвелъ въ подлинномъ видѣ ихъ сказаній, но передалъ въ формѣ искусственныхъ повѣстей, въ которыхъ трудно отличить дѣйствительное отъ вымыслиннаго.

Къ повѣстямъ этнографического свойства у А. П. Стороженка относятся: „Се та баба, що чортъ ій на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ“, „Скарбъ“, „Жонатий чортъ“, „Сужена“, „Два брати“, „Дурень“, „Не въ добрий часъ“ и другіе. Къ нимъ же можно отнести разсказы: „Вчи лінівого не молотомъ, а голодомъ“ и „Вуси“. Рассмотримъ вѣкоторыя изъ этихъ повѣстей.

Въ первой изъ нихъ рассказывается, какъ чортъ, будучи самъ въ состояніи поссорить счастливыхъ супруговъ Якова и Катерину, обратился за помощью къ ехидной, хитрой и лукавой бабѣ и обѣщалъ ей за услугу красные чоботы съ серебряными подковками. Баба напечатала Якову, что его Катерина влюбилась въ Семёна Прудкаго и наизрена зарѣзать мужа, когда будетъ искать у него въ головѣ, а Катеринѣ сказала, что вдова Бистриха приворожила къ себѣ ея Якова, и посовѣтовала, для уничтоженія чаръ Бистрихи, отрѣзать у соннаго мужа клокъ волосъ. Супруги послушались злой бабы. Однажды Яковъ притворился спящимъ, подстерегъ Катерину съ острымъ ножемъ надъ своей головой и этимъ же самымъ ножемъ зарѣзalъ ее за мнимое покушеніе на убийство. Чортъ такъ пораженъ былъ успѣхомъ злой бабы, что боялся близко подойти къ ней и передалъ ей обѣщанные чоботы на маховыхъ вилахъ. Въ цѣльномъ видѣ такого рассказа мы не встрѣчали ни въ одномъ чисто народномъ произведеніи, но знаемъ нѣсколько пословицъ о злобѣ женской, которыя, по всей вѣроятности, и послужили тѣмою для рассказа Стороженко. Такова, напримѣръ, пословица: «гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ бабу пошли». Маховые вилы, которыми чортъ передавалъ злой бабѣ чоботы, напоминаютъ одну южнорусскую сказку въ собраніи И. Рудченка: но здѣсь баба борется съ чортомъ черезъ плетень вилами и побѣждаетъ его¹⁾.

Рассказъ подъ заглавiemъ „Скарбъ“ изображаетъ немыслимаго въ дѣйствительномъ мірѣ лѣтая, которому однако удивительно везеть счастье. Лѣтій этотъ, Павлусь, былъ единственный сынъ у своихъ родителей, любимецъ и баловень своей матери. Старуха-мать умерла, простудившись въ то время, когда пошла отыскивать меду для своего сына; умеръ и старикъ-отецъ. Павлусь остался на попеченіи наймички и ея мужа и только и зналъ, что ъль да пиль. Лежа подъ яблоней, онъ лѣнился даже толкнуть яблонь ногою, чтобы посыпались ему въ ротъ яблоки. „Розбудить его наймичка вечеряти, нагодуе, здйме сантину, чоботи, покладе на перину, а вінъ тільки вже самъ засне“. Однажды парубки позвали его «на зелену неділю» искать „скарба“, т. е. клада; но Павлусь не пошелъ,—и парубки, возвращаясь съ поисками, въ насмѣшку бросили ему въ окно дохлаго „хорта“ (собаку), который оказался владомъ и разсыпался въ хатѣ деньгами. Павлусь разбогатѣлъ, женился и имѣлъ дѣтей. „Завидуете щастю моего Павлуся,—заключаетъ Стороженко свой разсказъ,—а никто бъ не скотівъ бути Павлусемъ“. И этотъ разсказъ не принадлежитъ въ цѣльномъ видѣ народной фан-

1) „Южнорусскія народныя сказки“ И. Рудченка, вып. I, 1869 г., стр. 52—54: „Чортъ и баба“.

тази и представляетъ собою какъ бы мозаическое изображеніе, сдѣланное изъ разныхъ кусочковъ. Существуетъ въ народѣ наимѣшливая пріказка о матушкиномъ сыне—Лѣнтиѣ, который просить свою маму накормить его, уложить въ постель, закрыть и перекрестить, а заснуть обѣщается самъ. По другому разсказу, слышанному, впрочемъ, на сѣверѣ Россіи, Лѣнь и Тварь лежали подъ яблонью, какъ и Павлусь въ повѣсти Стороженка. Лѣнь говорить: „кабы это яблочко да упало ко мнѣ въ ротъ“! На это Таарь замѣчаетъ: „какъ тебѣ, Лѣнь, хочется говорить-то“! Подробныя пріказки и прибаутки сшиты въ одно цѣлое въ рассматриваемой повѣсти.

Ближе къ народнымъ сказаніямъ стоять рассказы А. П. Стороженка: „Жонатый чортъ“ и „Два брати“. Первый изъ нихъ есть не что иное, какъ вольный пересказъ общераспространенной сказки, изданной у Рудченка подъ заглавиемъ „Зла Химка и чортъ“¹⁾). Мужикъ и чортъ, оба пострадавши отъ злой жены, дѣлаютъ между собою, на извѣстный срокъ, условіе, по которому чортъ будетъ входить въ утробы женщинъ, а мужикъ, за хорошее вознагражденіе, будетъ яко-бы выгонять оттуда чорта. Такъ они и дѣлали. По окончаніи срока условія, чортъ забрался въ утробу княжны и не хотѣлъ выходить оттуда, а между тѣмъ князь, подъ угрою смертной казни, требовалъ отъ мужика, чтобы онъ вылечилъ его дочь. Тогда мужикъ вспомнилъ о злой женѣ и напугалъ ею чорта: „тікай, чорте, жінка йде!“ Чортъ испугался и уѣхалъ.

Разсказъ Стороженка „Два брати“ есть осложненная нѣкоторыми подробностями варяція народного рассказа о „двухъ доляхъ“²⁾)

Лучшими въ этнографически-бытовомъ отношеніи мы считаемъ рассказы А. П. Стороженка: „Вчи лінівого не молотомъ, а голодомъ“ и „Вуси“. Оба они дышать житейскою правдою, хотя нѣсколько и утрированы. Первый изъ этихъ разсказовъ рисуетъ лѣнливую Палажку, которую пріучили къ работѣ въ домѣ ея свекра голодомъ. Передъ обѣдомъ свекоръ обыкновенно спрашивалъ своихъ домочадцевъ, кто-что дѣлалъ, и давалъ ёсть соразмѣрно съ работою. Сначала Палажка ничего не дѣлала и оставалась голодною; на другой день она воды прінесла, на третій кашу замѣшивала и мало помалу втянулась въ работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала получать и полный обѣдь. Черезъ нѣсколько времени прітель отецъ навѣдатъ ее и, къ величайшему удив-

1) Тамъ же, стр. 57 и сл.

2) „Отеч. Записки“ 1840 г., кн. II, смѣсь. Си. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, 1876 года, стр. 182 и сл., и выше о Л. Боровиковскомъ.

левію своему, засталъ ее за работою. Зная обычай своего свекра, Палажка дала и отцу своему мать „шкуратокъ“ (кусокъ засохшей кожи), чтобы дать ему право на обѣдъ у свекра.— Другая повѣсть „Усы“ (усы) переносить насъ въ другой, чиновничій міръ и въ комическомъ видѣ сопоставляетъ наивную простоту и патріархальность нравовъ малороссійскаго уѣзднаго дворянства съ чопорною кичливостію губернскаго предводителя дворянства, лоскированного на столичный задъ. Рассказъ ведется отъ лица дворянчина, выбранного въ засѣдатели. По требованію губернскаго предводителя дворянства, онъ отправляется съ своими товарищами въ Полтаву явиться къ нему лично. Здѣсь визитную книгу предводителя дворянства они привели, по своей наивности, за обыкновенный деревенскій альбомъ и написали въ неѣ разные стишкі и глупости. Гневно принялъ ихъ предводитель за эту невинную выходку, нашелъ неформеннымъ ихъ длинные усы и неѣль ихъ сбрить. Рассказчикъ сбрить свои усы, но послѣ этого самъ не узналъ себя. и домашніе встрѣтили его съ испугомъ и слезами. Дѣло, впрочемъ, кончилось благополучно: одинъ изъѣстныхъ уѣздныхъ юристовъ отыскалъ въ законахъ статью, разрѣшающую отставнымъ военнымъ носить усы и на гражданской службѣ. Эта повѣсть Стороженка была въ свое время едва ли не самой популярной изъ всѣхъ его повѣстей.

Вообще же, всѣ рассказы и повѣсти Стороженка съ этиографическимъ и бытовымъ содержаніемъ отличаются веселымъ комизмомъ и служатъ продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитиемъ прежней карикатурной и комической литературной дѣятельности Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и др., но съ тою существенною разницей, что темы для своихъ комическихъ разсказовъ Стороженко заимствовалъ изъ устной народной словесности и иногда пользовался мотивами народныхъ сказаний.

Комический элементъ въ значительной мѣрѣ замѣтенъ и въ историческихъ повѣстяхъ, поэмахъ и драмахъ Стороженка, но онъ не является здѣсь преобладающимъ: рядомъ съ нимъ выступаютъ и серьезные мотивы. Впрочемъ, и въ этихъ произведеніяхъ много вѣмысла и мало правдоподобія. Болѣе фантастичны и менѣе правдоподобны историческія произведения Стороженка изъ XVII вѣка, какъ болѣе отдаленаго отъ него,— тогда какъ разсказы изъ позднѣйшаго быта Запорожья, съ представителями котораго онъ былъ лично знакомъ, можетъ быть, имѣютъ дѣйствительное историческое основаніе. Къ историческимъ произведеніямъ первого разряда относятся: поэма „Марко проклятій“, „Матусине благословенія“, „Стехинъ рогъ“, „Закоханий чортъ“; къ историческимъ произведеніямъ втораго разряда— „Оповідання Грицька Клюшника“, „Братъ близнецъ“, „Гаркуша“, „Межигорський дідъ“, „Кіндратъ Бубненко-Швидкій“ и „Голка“.

Выше всего ценилъ А. П. Стороженко свою поэму „Марко проклятий“. „Это—отверженный скиталецъ,— говорить Стороженко,— которого за грѣхи не принимаютъ ни земля, ни адъ. У малороссіянъ существуетъ поговорка: „тovчёцця якъ Марко по пеклу“. Стало быть, въ изустноязъ преданіи народа должна существовать и легенда о похожденіяхъ Марка. И вотъ, болѣе тридцати лѣтъ отыскивалъ я и собиралъ куски раздробленной легенды и успѣлъ многое собрать. Но народными преданіями, похожденія Марка относятся до далѣкихъ временъ Запорожской Сѣчи и имѣютъ связь съ войною 1648 года, бывшою послѣдствиемъ восстания Хмельницкаго.. Поэма моя выношена подъ сердцемъ. Народныи преданія для нея добывались ревностно изъ устъ народа во многихъ мѣстахъ“.—На это мы прежде всего замѣтимъ, что если существуетъ въ народѣ поговорка о Маркѣ въ пеклѣ, то отсюда не слѣдуетъ заключать о томъ, что въ изустномъ преданіи народа неизрѣмѣнно существуетъ или существовала и легенда о похожденіяхъ Марка. Малоруссійская пословица „товчецця якъ Марко по пеклу“, по словамъ г. Крыжановскаго, есть буквальный переводъпольской пословицы Wykrocię jak Marek w piekło. Она, по сознанію многихъ панистовъ, принесена была въ Польшу съ флорентинскаго собора и составлена для освѣнія Марка Ефесскаго, съ такою твердостію возстававшаго противъ уширеній католиковъ ¹⁾). Если же такъ, то едва ли не напрасны были тридцатилѣтніе поиски А. П. Стороженка за народными сказаніями о похожденіяхъ Марка проклятаго. До сихъ поръ мы ничего не имѣемъ изъ устъ народа ни о какомъ Маркѣ, кроме Марка богатаго, который, однакоже, не имѣть никакого отношенія къ герою поэмы Стороженка. Типъ Марка проклятаго созданъ у него подъ вліяніемъ сказаний о вѣчномъ жидѣ и, можетъ быть, на основаніи вѣковыхъ безыменныхъ легендарныхъ разсказовъ о величайшемъ грѣшнике ²⁾). Есть также въ поэмѣ нѣкоторыя черты, роднѣція ее съ произведеніями Гоголя. Поэма „Марко проклятий“ имѣеть въ виду изобразить ту эпоху въ жизни малоруссійского народа, которую изобразилъ Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“, и такими же крупными, размашистыми штрихами. Личная судьба самого Марка проклятаго напоминаетъ судьбу героя гоголевской повѣсти „Страшная месть“. Въ послѣдней разсказывается, что при Стефанѣ Баторіѣ жили два козака, Иванъ и Петръ, и жили дружно, какъ братъ съ братомъ; наконецъ, Петръ, изъ зависти, рѣшился погубить своего пазванаго брата Ивана и столкнулъ его съ

¹⁾ „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1860 г., т. I, стр. 300.

²⁾ „Малоруссійская народная преданія и разсказы“, Кіевъ, 1876 года, стр. 130—132. „О кровосмѣсителѣ и разбойнике“.

малюткой сыномъ въ глубокій провалъ между карпатскими горами. На судѣ Божиимъ Иванъ просилъ Господа сдѣлать такъ, чтобы все потомство измѣнника Петра не имѣло на землѣ счастія, чтобы послѣдній въ родѣ быть такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и чтобы отъ каждого его злодѣйства дѣды и прадѣды его не имѣли бы покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣdomую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ. „И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, — говорилъ Иванъ, — подымы меня, Боже, изъ того прозала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ этой горы въ самый глубокій провалъ“. Послѣдній изъ потомковъ вѣроломнаго Петра и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ повѣсти Гоголя „Страшная месть“. Это былъ колдунъ, который зарѣзалъ свою жену, убилъ своего зятя и внука, хотѣлъ обольстить свою родную дочь и убилъ святаго старца—схимника, признавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, которому нѣть помилованія. Гонимый внутреннимъ страхомъ, колдунъ вскочилъ на коня и направился—было черезъ Каневъ и Черкасы въ Крымъ, но, противъ собственной воли, заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, къ карпатскимъ горамъ. Чудесный всадникъ ухватилъ колдуна рукою, поднялъ на воздухъ и бросилъ его въ пропасть. Въ то же время поднялись изъ земли мертвѣцы, вскочили въ пропасть, подхватили колдуна и вонзили въ него свои зубы. Нѣкоторые мотивы этой повѣсти, имѣющей основаніе въ народныхъ легендахъ о великомъ грѣшнике, примѣняются у А. П. Стороженка къ Марку проклятому, отецъ которого жилъ и дѣйствовалъ тоже при Стефанѣ Баторіѣ. Будучи вскориленъ кровью вместо материнаго молока, Марко сдѣлался неукротимымъ, кровожаднымъ человѣкомъ. Въ гаївѣ онъ чуть не убилъ отца своего, сожегъ вмѣстѣ съ хатою свою бывшую невѣсту и ея мужа, влюбился въ родную сестру и задавилъ прижитаго отъ нея своего сына и наконецъ убилъ свою сестру и мать. Тѣнь отца поднялась съ того свѣта и прокляла Марка: „проклинаю и я тебе, сыну, зъ того свиту; не прйме тебе ни земля, ни пекло; будешъ ты, оглашенній, икъ той Каинъ, блукати по свиту до страшнаго суду, ажъ поки добрыми дилами, та шырымъ покаяннемъ не спасешь своей души и загубленныхъ тобою душъ!.. Носыся-жъ по свиту зъ тяжкою твою совистью и сими головами, що суботи Божій будемо до тебе приходить!“ Съ послѣднимъ словомъ онъ кинулъ Марку отсѣченныя головы и пропалъ. И пошелъ Марко бродить по бѣлу—свѣту съ этими головами, сорѣтовался съ монахами и попами, и одинъ только пустынникъ въ карпатскихъ горахъ обнадежилъ его милостію Божію, если овъ будетъ исполнять святой законъ Господа и его волю не изъ корысти и благъ будущей жизни, а на утѣху и великую радость своей душѣ и сердцу. Былъ Марко и въ „пеклѣ“, т. е. въ аду, куда путь

шелъ черезъ дупло, на высокой горѣ, въ галицкой землѣ. Тамъ онъ толкался по пеклу цѣлую ночь и поразгонялъ всѣхъ чертей; но загубленные имъ души сказали ему: „тикай, Марку звидди! На симъ свити ты насъ не вырятутешь, а тильки на тимъ!“ Съ тѣхъ поръ Марко, этотъ вѣчный украинскій жидъ, ходить со своею страшною сумою по бѣлому свѣту и творить добрыя дѣла, для спасенія себя и загубленныхъ имъ душъ. Въ войну Хмельницкаго съ поляками Марко явился въ самыя критическія минуты и выручалъ козаковъ изъ бѣды, помогалъ раненымъ и погребалъ убитыхъ. Выбравшись изъ фантастического міра на историческую почву козацкихъ войнъ съ поляками, Стороженко обставляетъ своего героя эпизодами о Кривоносѣ, Вовхурянцахъ, Павлюгѣ и немировской рѣзни, полученными совершенно изъ другихъ источниковъ. По словамъ Стороженка, эпизоды эти основаны на историческихъ фактахъ и подробностяхъ, которые и теперь еще живутъ въ изустномъ преданіи варода. Рассказъ о Немировѣ переданъ Стороженкомъ 98-лѣтнимъ немировскимъ священникомъ, который на девятомъ году своего возраста былъ поводатыромъ у своего прадѣда, тоже столѣтняго старика, бывшаго свидѣтелемъ немировской рѣзни и ея послѣдствій. „Съ этой стороны, нѣкоторыя особенности, касающіяся быта Запорожья, дѣйствительно очень важны: это, въ своемъ родѣ, похоже на вновь открытый островъ среди океана“. Въ нихъ отражается, по изустнымъ народнымъ преданіямъ и повѣрьямъ, древній, почти первоначальный видъ Запорожья, его характеръ и міросозерцаніе.

Къ одному изъ эпизодовъ войны между козаками и поляками при Богданѣ Хмельницкомъ примыкаетъ своимъ содержаніемъ разсказъ Стороженка „Матусине благословення“, который онъ собирался передать Н. В. Гоголю. На дворѣ у козака Тараса Самсоновича Коротая, между Ромнами и Прилуками, росъ вѣковой дубъ, называемый „Матусине благословення“, подъ которымъ семейство обыкновенно обѣдало въ лѣтнюю пору. По поводу этого дуба хозяинъ рассказалъ автору слѣдующее. Працуръ Коротая жилъ во времена Богдана Хмельницкаго, отличался громадною силой и участвовалъ въ дѣйствіяхъ Вовгурянцевъ на Волыни противъ князя Яремы Вишневецкаго. Въ одну изъ развѣдокъ Коротай увидѣлъ у криницы заплаканную дивчину, у которой польские жолнеры убили отца и брата, ранили матерь и сожгли домъ ея, вмѣстѣ съ селомъ. Коротай приходитъ съ дивчиной къ ея умирающей матери, соглашается жениться на Марусѣ,—и мать благословляетъ ихъ дубовыми желудемъ, кромѣ котораго ничего другаго у нея не нашлось, и умираетъ. Коротай отправляетъ свою невѣstu на одинъ хуторъ, а самъ продолжаетъ воевать съ поляками. Между тѣмъ этотъ хуторъ былъ сожженъ, и жители его перешли на другую сторону Днѣпра. Коротай отыскалъ тамъ

свою Марусю и женился на ней, а жолудь посадилъ на дворѣ, и изъ него выросъ громадный дубъ.

Къ XVII-му же вѣку, приблизительно ко временамъ Богдана Хмельницкаго, относятся два фантастическихъ рассказа: „Стехинъ рогъ“ (мысь) и „Закоханий чортъ“, хотя они по своему содержанию безразлично могутъ быть отнесены къ какому угодно вѣку. Дѣйствіе первого рассказа происходитъ на берегу Днѣпра, въ полтавской губерніи, еще припольскомъ владычествѣ. У бѣднаго рыбака съ женой была дочь красавица Стеха, дотого скромная и стыдливая, что купалась ночью одна съ мыса. Однажды подмѣтилъ ее здѣсь водяной царь Синько-воданий, плѣнился красавицей и, чтобы овладѣть ею, устроилъ такъ, чтобы она загубила свою душу. Скоро послѣ этого пришли въ село жолнеры, и молодой ротмистръ ихъ влюбился въ Стеху, которая въ свою очередь полюбила его; ротмистръ обѣщалъ жениться на ней. Скоро ротмистръ отправился на войну въ туречину и утопленъ былъ водяникомъ въ волнахъ Дуная. Стеха съ горя бросилась въ Днѣпръ и такимъ образомъ загубила свою душу. Водяникъ ласково принялъ ее къ себѣ и предпочиталъ ее всѣмъ остальнымъ русалкамъ. Одна изъ нихъ изъ зависти превратила Стеху въ плотичку, которую поймалъ отецъ Стехинъ и принесъ домой. Здѣсь родители узнали въ плотичкѣ свою дочь и умолили за нее Бога. Водяникъ, узнавъ о пропажѣ Стехи, раззярился и поднялъ страшную бурю, вслѣдствіе которой оторвалась скала отъ берега и увала въ Днѣпръ, но не могъ получить обратно Стехи и выбросилъ ея тѣло на рогъ или мысь. Здѣсь оно и погребено было, а мысь стала называться „Стехинъ рогъ“. Заключающіяся въ этой повѣсти сказанія о водяникахъ были бы весьма драгоценны для насъ, если бы были достовѣрны. Къ сожалѣнію, мы не можемъ ручаться за ихъ чисто народное происхожденіе. Въ ней замѣтно только слабое отраженіе народныхъ вѣрованій о русалкахъ.

Еще менѣе народнаго элемента мы находимъ въ другой фантастической повѣсти Стороженка „Закоханий чортъ“, хотя зерно этой повѣсти, по словамъ автора, получено отъ бывшаго січовика, 90-лѣтнаго дѣда, пережившаго разореніе Сѣчи, который, въ свою очередь, слышалъ этуѣ разсказы отъ своего дѣда. Дѣдъ его Кирило былъ запорожецъ — характерникъ и знался съ вѣдьмами и чертами. Потерявши коня въ боевой схваткѣ съ татарами, онъ пошелъ въ слободы искать другаго коня и дорогою остановился переночевать въ лѣсу. Здѣсь подмѣтилъ онъ сцену любовнаго свиданія чорта съ вѣдьмою, которая, однако же, соглашалась отдаваться чорту на десять лѣтъ не иначе, какъ подъ условіемъ исполнить одно ея желаніе. Чортъ согласился. Въ свидѣтели договора приглашенъ былъ дѣдъ Кирило. Вѣдьма пожелала спасенія. При посредничествѣ Кирила, чортъ согласился и на это и даже самъ отвѣзъ Кирила съ вѣдьмою во св. горы къ пустыннику. Пустынникъ за-

творилъ вѣдьму въ пещеру, а Кирилъ далъ противъ дьявола крестъ, при помощи которого Кирило щадилъ на чортѣ пять лѣтъ, какъ на добромъ конѣ. Въ заключеніе черти разрываютъ закоканаго чорта въ клочки, а вѣдьма Одарка избавляется отъ дьявола и выходитъ замужъ за Кирила. Кромѣ общаго представленія о вѣдьмахъ и обманутомъ кривомъ чортѣ, мы не находимъ народныхъ элементовъ и мотивовъ въ этомъ разсказѣ, который иѣстами скорѣе напоминаетъ намъ нѣкоторые эпизоды изъ украинской поэмы Гоголя „Ночь на канунѣ Рождества“, гдѣ чортъ также ухаживаетъ за вѣдьмою.

Чѣмъ болѣе удаляется Стороженко въ своихъ историческихъ повѣстяхъ отъ XVII вѣка и приближается къ своему времени, тѣмъ болѣе его произведенія получаютъ правдоподобіе и реальный характеръ. Первая, по старшинству содержанія, повѣсть Стороженка въ этомъ родѣ есть „Дорошъ“ изъ „Оповідань Грицька Клюшика“. Герой разсказа „Дорошъ“, по разореніи Сѣчи въ 1709 году, удалился съ другими запорожцами въ Алешки, гдѣ и осадились они въ 1712 году. Но въ 1733 году часть запорожцевъ возвратилась въ Россію и осадила новый кошъ на рѣкѣ „Підпольній“. Дорошъ быдь войсковымъ эсауломъ запорожскимъ въ Алешкахъ, вернулся съ другими запорожцами въ Россію въ 1733 году, размѣрилъ окопы и дѣлалъ раскаты для новаго коша. На старости лѣтъ онъ ушелъ въ степь, сѣлъ зимовникомъ и завелъ пасѣку, проводи пустынническую жизнь. Въ то время татары еще дѣлали набѣги на южную Русь, а гайдамаки преслѣдовали татаръ. Дорошъ не боялся нитѣхъ, ни другихъ, и однажды спасъ жизнь татарину Чортенку отъ своеолія гайдамаковъ. Какъ бы для того, чтобы больше оттѣнить простую и патріархальную жизнь Дороша, авторъ выводитъ на сцену хвастливаго шляхтича Бужинскаго, который забрался ночью изъ таинственнаго лѣса и едва былъ вытащенъ изъ болота.

„Межигорскій дідъ—оповідання бабусі“ передаетъ незначительныя черты изъ жизни запорожцевъ XVIII вѣка со словъ бывшаго запорожца межигорского дѣда, и упоминаетъ о нѣкоторыхъ запорожскихъ думахъ. При незначительности содержанія, этотъ разсказъ замѣчательенъ въ томъ отношеніи, что удачно схватываетъ и характеризуетъ болтливость беспамятной старухи-разсказщицы, постоянно сбывающейся въ сторону отъ разсказа.

Драматическая картина „Гаркуша“ и исторический романъ „Братья близнецы“ относятся къ одному и тому же времени и даже оба говорятъ объ одномъ и томъ же герое Гаркушѣ, съ тою только разницей, что въ первомъ произведеніи Гаркуша является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, а во второмъ онъ играетъ второстепенную роль.

Драматическая картины „Гаркуша“ идеализируютъ этого разбойника, который надѣленъ у автора красотою, удальствомъ и храбростью,

умомъ и образованіемъ, великодушіемъ и добрымъ сердцемъ. Онъ похищаетъ у старого сотника Бутуза молодую жену его Марусю, которая, въ свою очередь, полюбила его, не зная, что онъ разбойникъ; онъ убиваетъ подчиненного ему старшину разбойниковъ Шомело за грубое обращеніе съ ливчами, береть въ пльнъ самого сотника Бутуза и издѣвается надъ нимъ. Погулявши съ сотничихой, Гаркуша возвращаетъ ее домой. Здѣсь по подаркамъ отъ Гаркуши она узнаетъ, что ея кокайновъ есть знаменитый въ то время разбойникъ Гаркуша; но тѣмъ не менѣе она бросаеть навсегда своего старого мужа, идетъ за Гаркушемъ и уговариваетъ его идти на войну противъ турокъ. По словамъ запорожцевъ, Гаркуша действительно участвовалъ въ турецкой войнѣ 1768 года и умеръ въ Молдавіи отъ чумы¹⁾.

Въ видѣ эпизода, этотъ же самый разсказъ о Гаркушѣ вводится и въ историческій романъ Стороженка „Братья близнецы“, писанный на русскомъ языке; но здѣсь Гаркуша играетъ второстепенную роль. Главными героями романа являются братья близнецы, Иванъ и Семенъ Бульбашки, сыновья мелкихъ украинскихъ помѣщиковъ. Они учились сначала у мѣстного дьякона, а потомъ у Переяславскаго бурсака Галушки, который преподавалъ имъ грамматику, ариѳметику, географію и исторію. Во время дѣтства братьевъ, однажды весь околодокъ встревоженъ былъ вѣстью о приближеніи разбойника Гаркуши съ шайкою. Окрестные помѣщики, разные Капельки, Малинки, Покрышки, Драбинны, и т. п., держать военный совѣтъ и собираютъ ополченіе противъ разбойника, подъ командою Драбинны. Не смотря на всѣ предосторожности, Гаркуша легко и свободно проникъ въ домъ Бульбашекъ и уже совсѣмъ было хотѣть ограбить ихъ; но его поразили здѣсь храбрость и неустрашимость маленькаго Семенка, который угрожалъ Гаркушѣ саблею, без страшно стоять передъ направленнымъ на него дуломъ и отвергнуль предложеніе Гаркуши побрататься съ нимъ. Уважая въ мальчикѣ эти качества, Гаркуша не только отмѣнилъ свое намѣреніе ограбить Бульбашекъ, но и побратался съ матерью Семенка. Въ качествѣ названнаго ея брата, онъ попиралъ у Бульбашекъ и къ утру улетѣлъ со своей шайкой, не оставивъ и слѣда. Поздно узналъ Драбинца объ этомъ наѣздѣ. Явившись со своимъ ополченіемъ къ Бульбашкамъ, онъ падаетъ отъ внутренняго волненія, передаетъ храброму Семенку саблю Богдана Хмельницкаго и вскорѣ умираетъ. Скоро о Гаркушѣ и слухъ замолкъ. Молодые Бульбашки подростали и готовились въ казаки. Но въ Будища на ту пору квартировалъ армейскій батальонъ, командиръ кото-

1) См. историческія свѣдѣнія о Гаркушѣ въ „Кievской Старинѣ“, за мартъ, 1883 г., не совсѣмъ сходныя съ преданіями у Стороженка.

раго майоръ Красноскуловъ познакомился съ Бульбашами и убѣдилъ ихъ отдать своихъ сыновей не въ козаки, а въ армию, и именно къ нему въ батальонъ. Иванъ и Семенъ поступили подъ команду Красноскулова и начали военную службу на глазахъ родителей. Между тѣмъ, дѣйствія русскихъ войскъ противъ Варскихъ конфедератовъ и сожженіе Балты подали Турціи поводъ объявить войну Россіи. Вслѣдствіе этого русскихъ войска стали подвигаться къ предѣламъ Турціи. Туда же направленье было въ батальонъ Красноскулова, въ которомъ служили молодые Бульбашки. Дорогой они поѣзжаютъ Субботово и Кириловскій монастырь, настоятель котораго архимандритъ Мелхиседекъ дарить имъ по сабль. Наконецъ, они являются въ дѣйствующую армию, участвуютъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, получаютъ раны и подвергаются большой опасности, отъ которой спасаются слуги ихъ Захарко и Гаркуша. Послѣдній извѣщаетъ свою названную сестру о состояніи здоровья ея дѣтей. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, браты берутъ отставку и возвращаются домой въ майорскихъ чинахъ, но уже не застаютъ въ живыхъ своего отца. Иванъ женится на дочери Памушки Галѣ, а Семенъ на подругѣ Гали Любинѣ, жившей у своей тетки, скриги Ховайлихи. Долго они жили счастливо и мирно, но по смерти своей матери раздѣлились и скоро поссорились изъ-за неправильного хода въ карточной игрѣ. Оба они стали постепенно сохнуть и примирились только передъ смертью, въ той самой комнатѣ, въ которой родились 50 лѣтъ назадъ.

И въ этомъ романѣ есть нѣсколько подробностей, заимствованыхъ изъ устныхъ преданій и разсказовъ. Такъ, напримѣръ, о Гаркушѣ разсказывалъ автору въ Екатеринославѣ запорожецъ Коржъ, стольтій старецъ, звавшій Гаркушу еще до побѣга его изъ Коша. Рассказъ о геройскихъ подвигахъ на войнѣ Захарки, слуги Бульбашекъ, взятъ, по словамъ автора, съ истиннаго происшествія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это первое по времени произведеніе Стороженка во многихъ мѣстахъ носить на себѣ явные слѣды подражанія Гоголю. Старики Бульбашки живутъ такою же патріархальною жизнью, какъ Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ Гоголя. Воспитатель молодыхъ Бульбашекъ, бурсакъ Галушка, описывается такими же чертами, какими бурсакъ въ повѣсти Гоголя „Вій“. Сосѣди Бульбашекъ—Дудки, Передерія, Кныши, Малинки и проч., напоминаютъ намъ типы мелкопомѣстныхъ дворянъ въ поэмѣ Гоголя „Мертвые души“. Скряга Ховайлиха есть не что иное, какъ Гоголевский Плюшкинъ въ юбкѣ. Наконецъ, скора братьевъ Бульбашковъ и смерть ихъ довольно точно воспроизводятъ повѣсть Гоголя о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Можетъ быть, колебание Стороженка между разными источниками, т. е. устными преданіями

съ одной стороны и произведениями Гоголя съ другой, были причиной того, что рассматриваемый роман не имѣть выдержанности и единства плана и отличается эпизодичностью и отступлениями отъ главнаго предмета.

Рассказъ А. П. Стороженка, подъ заглавиемъ „Ківдрать Бубненко-Швидкий“, названъ по имени главнаго лица, столѣтнаго запорожца, котораго авторъ зналъ лично въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Съ виду онъ казался шутникомъ и проказникомъ и даже юродивымъ старикомъ, но въ душѣ любилъ правду и чистоту сердечную и своими смѣшными выходками преслѣдовалъ только нехорошихъ людей. Послѣ умансънины, полки вырѣзали его семью, кромѣ дочери, которую одинъ панъ взялъ къ себѣ въ наложницы. Самъ онъ, приговоренный къ смертной казни, убѣжалъ отъ ляховъ изъ каменной башни. Ківдрать Бубненко-Швидкий умеръ въ 1827 году въ день пасхи, и могила его окружена народною любовью.

Рассказъ подъ заглавиемъ „Прокіпъ Ивановичъ“ изъ „Оповідань Грицька Клюшника“ говоритъ уже объ участіи запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи Текелемъ въ 1775 году. Послѣ этого события, одни изъ запорожцевъ пошли въ Черноморію, другіе—во владѣнія султана турецкаго, третьи—на Украину. Между послѣдними были Прокіпъ Ивановичъ и Грицько Клюшникъ. Они встрѣтились съ однимъ добрымъ паномъ, поселились на его земляхъ, женились и обзавелись хозяйствомъ, но все-таки отличались дикимъ характеромъ січовиковъ и неподкущюю правдивостію. Что же касается січовиковъ, отправившихся въ Черноморію, то ихъ отчасти касается извѣстная уже намъ повѣсть Стороженка „Закоханий чортъ“. Рассказчикъ ея, старый дѣдъ, не желалъ быть, послѣ разоренія Сѣчи, панскимъ, отправился съ семействомъ въ Черноморію, но въ степяхъ лишился сына, дочери и жены и изъ Черноморія скончался на родину и скитался здѣсь въ теченіи тридцати лѣтъ.

Этимъ и исчерпывается содержаніе историческихъ повѣстей Стороженка изъ запорожскаго быта. Есть еще одна историческая повѣсть „Голка“, но она касается уже другой среды и говорить объ извѣстномъ панѣ Каневскомъ (графѣ Потоцкомъ), прославившемся своимъ самодурствомъ и выходками. Повѣсть разсказываетъ о томъ, какъ Потоцкій убилъ одного чужаго жида вмѣсто птицы и заплатилъ за него цѣлымъ возомъ своихъ жидовъ, какъ убилъ Вондарівну за то, что она не хотѣла отдаваться ему, и особенно останавливается на истории съ иголкой. Дѣло въ томъ, что Потоцкій во время своихъ разѣздовъ имѣлъ при себѣ иголку съ ниткой, чтобы, въ случаѣ нужды, починить свою одежду, и требовалъ, чтобы и другіе слѣдовали его примѣру. Однажды онъ велѣлъ отдать нагайками шляхтича Кондратовича за то, что этотъ не имѣлъ при себѣ иголки съ ниткой; но и Кондратовичъ отплатилъ ему

тѣмъ же самыемъ. Узнавъ, что Потоцкій ходить по субботамъ въ каплицу одинъ, въ рубищѣ вищаго, молиться Богу, Кондратовичъ подстерь его здѣсь и стащно избилъ его за то, что этотъ мнимый нищий не имѣлъ при себѣ иголки съ ниткой. Потоцкій никому не сказалъ объ этомъ, но черезъ нѣсколько временивелѣлъ отыскать Кондратовича и за науку щедро наградилъ его землею и деньгами. Всѣ эти разсказы о Потоцкомъ или панѣ Каневскомъ (по резиденціи его г. Каневу)увѣковѣчены народной памятью въ историческихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыхъ и доселѣ въ томъ же видѣ ходить въ устахъ народа. Мы слышали ихъ въ волынской губерніи, около Почаева, гдѣ онъ возстановилъ и украсилъ почаевскій монастырь и нерѣдко проживалъ здѣсь въ минуты капризныхъ порывовъ къ спасенію своей мятежной души.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Стороженка въ „Вѣстнике западной Россіи“, въ ультра-руссомъ направлениіи. Она вызвана была послѣднею польскою смутою и отличается чисто-полицейскими возврѣніями на нее. Для примѣра, мы остановимся на его комедіи „Встрѣча вновь назначенного довѣдцы“. Здѣсь авторъ изображаетъ въ карикатурномъ видѣ хвастливый задоръ повстанцевъ, лицемѣрный патріотизмъ польскихъ панъ и паночекъ, которымъ они прикрывали свои мелкие, своеокорыстные интересы, воловитство пановъ и податливость женского пола, самозванство лакеевъ, ловившихъ рыбу въ мутной водѣ, изувѣрство ксендзовъ, дѣйствовавшихъ отравою, трагикомическое положеніе повстанцевъ передъ организованными правительственными войсками и печальный исходъ повстанія. Болѣе благоразумный изъ дѣйствующихъ лицъ, панъ Цибульскій, заканчиваетъ комедію слѣдующею тирадой, выражающей мысли автора: „Творецъ милосердный! до какого безобразія довели насъ не-лѣпци, несбыточныя затѣи?.. Какъ безмысленно, по-дѣтски, нашимъ апатичнымъ бездѣйствіемъ мы предали себя въ руки красной сволочи?.. какъ глупо поставили себѣ между двухъ огней, между кровожаднымъ революціоннымъ жондомъ и законнымъ правительствомъ, которому рано или поздно придется дать отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?.. Оглянитесь-же, безмозглые, что происходитъ вокругъ васъ: самые скверные люди въ краѣ забрали въ руки власть, самопроизвольно назначаютъ налоги, воруютъ общественные деньги и грозятъ вамъ висѣлицей!.. Лакей случайно получаетъ диктаторскую власть, расхищаетъ кассы народного жонда и вѣшаетъ нашего брата—помѣщика!.. Ксендзы, проповѣдники смиренія и кротости, съ кинжалами, наноенными ядомъ, предводительствуютъ шайками и какъ бандиты отправляютъ пилцу!.. И все это совершаются во имя свободы и какой-то идеальной ойцизны!“

6.

Петръ Раевскій.

Петръ Раевскій—сынъ священника черниговской губерніи, современный писатель. Онъ началъ свое литературное поприще съ 1869 года и до настоящаго времени написалъ—„Эпизоды изъ жизни малороссийской (въ сценахъ)“, 1872 г., „Сцены и рассказы изъ малорусского народного быта“, имѣвшія четыре изданія 1871, 1875, 1878 и 1882 гг., „Новые сцены и рассказы изъ малорусского народного быта“, 1883 г., и болѣе 60 повѣстей и рассказовъ на русскомъ языкѣ, помѣщавшихся въ киевскихъ газетахъ „Киевлянинъ“ и „Трудъ“. Съ 1877 года онъ пишетъ среднимъ числомъ по 8 повѣстей и рассказовъ въ годъ. Содержаніе его произведеній самое разнообразное; но среди этого разнообразія можно различать двѣ главныя группы его произведеній. До 1877 года Раевскій почти исключительно пишетъ сцены, эпизоды, повѣсти и рассказы изъ быта крестьянъ черниговской губерніи и изъ жизни Киева. Но съ 1877 года значительное количество повѣстей и рассказовъ Раевскаго починаетъ свое содержаніе изъ быта и преданій Полѣсъя, преимущественно волынского. Эта разница въ содержаніи отчасти отразилась на характерѣ произведеній Раевскаго обонжъ періодовъ его литературной дѣятельности. Правда, въ повѣстяхъ и рассказахъ того и другаго періода замѣтна у автора болѣе или менѣе сильная игра фантазіи, нагромождающая рядъ необычайныхъ событий одно на другое и представляющая рядъ запутанный узловъ; но игривость фантазіи и лементъ необычайного имѣютъ свои стечения развитія и состоянія, и въ этомъ отношеніи черниговскіе и киевскіе сцены, эпизоды, повѣсти и рассказы гораздо трезвѣе и реальнѣе его полѣсскихъ повѣстей и рассказовъ.

Причины этой разности можно видѣть отчасти въ самой разности содержаній украинской и полѣсской жизни. Если Малороссія слыть страною таинственного и чудесъ, то особенно этимъ отличается Полѣсъе. Въ одной изъ своихъ повѣстей, именно „Полѣсскій Кайнъ“, авторъ замѣчаетъ, что полѣсская сторона особенно богата страшными рассказами о лѣсныхъ русалкахъ, вѣдьмакъ, лѣшихъ, разбойникахъ и т. п. Въ глухомъ Полѣсѣ человѣкъ, окруженный таинственностью вѣковыхъ деревьевъ, въ борьбѣ со звѣрями и въ страхѣ отъ укрывающихся тамъ разбойниковъ, болѣе чувствуетъ свою зависимость отъ стороннихъ силъ, поражается ихъ явленіями и создаетъ иногда чудовищные образы фантазіи, какихъ не встрѣчается у жителей равнинъ. Въ этомъ отношеніи

между нынѣшнимъ Цѣльсемъ и собственно Украиною существуетъ такая же разница, какая между древними полянами и древлянами..

Къ этому присоединилось еще различіе литературныхъ вліяній, которымъ подчинялся Раевскій. Въ своихъ украинскихъ эпизодахъ, сценахъ и рассказахъ отъ является въ значительной мѣрѣ реалистомъ, послѣдователемъ того направленія въ нашей литературѣ, которое начато Гоголемъ и въ настоящее время имѣеть своимъ представителемъ Глѣба Успенскаго. Очевидное подражаніе Гоголю замѣчается и въ рассказахъ Раевскаго изъ украинскаго быта, писанныхъ на русскомъ языкѣ. Герой рассказа „Въ голодный годъ“, скряга помѣщикъ Хмара, который, выжидая новышенія цѣнъ на хлѣбъ, допустилъ мышамъ и крысамъ сѣсть его скирды хлѣба и ваконецъ самъ былъ заѣденъ ими, прямо называется у Раевскаго „старымъ Плюшкинымъ“ и создать по образцу этого Гоголевскаго прототипа. Въ другомъ рассказѣ Раевскаго „Что случилось въ Кіевѣ на новый годъ“ почти буквально повторяются нѣкоторыя сцены изъ „Ревизора“ Гоголя, и самыи герой этого рассказа, кіевскій жуликъ Корольковъ, принявшій на себя роль гвардейскаго офицера для обмана богатаго старика, немножко смахиваетъ на Хлестакова. Въ полѣсскихъ же своихъ рассказахъ и повѣстяхъ Раевскій ближе всего походитъ на тѣхъ неумѣлыхъ подражателей и послѣдователей Гоголя, которые больше всего разсчитываютъ на вицѣнюю эффектность и запутанность интриги, а не на внутреннее содержаніе и бытовую правду¹⁾.

Особенною популярностію пользуются въ нѣкоторыхъ слояхъ мѣстного общества „сцены и рассказы изъ малорусскаго народнаго быта“, о чёмъ свидѣтельствуетъ одно уже количество изданій ихъ. Въ нихъ преимущественно изображаются смѣшныя столиновенія простаго украинскаго народа съ изысканною городскою жизнью, съ міромъ чиновниковъ и солдатъ. Да и эти сцены и рассказы далеко не всѣ отличаются самобытностію и оригинальностію. Одни изъ нихъ встрѣчаются у предшествовавшихъ украинскихъ писателей, другіе взяты изъ анекдотической русской литературы, возникшей подъ западно-европейскимъ вліяніемъ. У Кухаренка есть коміческий рассказъ о превращеніи солдата въ монаха и въ лошадь. Подобный рассказъ, имѣющій, впрочемъ, основаніе и въ народной южнорусской литературѣ, мы находимъ и у Раевскаго. Черезъ городскую площадь крестьянинъ ведеть бычка на веревочкѣ; бычокъ упрашивается и неохотно подается впередъ. Крестьянинъ, не осматриваясь, помахиваетъ впереди себя кнутомъ и покривляется: „да гей-же, бодай тебе москаль вхопывтъ“. Въ это время изъ-

1) Обзоръ повѣстей и рассказовъ Раевскаго на русскомъ языкѣ см. въ „Историч. Вѣстникѣ“, за сентябрь, 1882 г.

правленије принесло въ свое время незамѣнную пользу украинской литературѣ. Выходи изъ него и руководясь его указаніями, какъ бы спасительными маяками, другіе украинскіе ученые и писатели отправились на дальнѣйшіе поиски за существенными, отличительными особенностами малорусской жизни, предприняли цѣлый рядъ болѣе тщательныхъ и строгого научныхъ этнографическихъ и историческихъ изысканий и пришли къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ выводамъ относительно отличительныхъ особенностей малороссовъ, мѣстъ и значеній ихъ среди другихъ славянскихъ племенъ. То были украинофилы, которыхъ вѣрно слѣдовало бы назвать украинскими славянофилами.

V.

Украинское славянофильство и его представители.

Тотъ замѣчательный періодъ въ исторіи украинской литературы, къ обозрѣнію котораго мы приступаемъ, доселѣ не имѣть твердо установленнаго названія. Литературу этого періода называютъ и украинофильскою или, въ презрительномъ тонѣ, хохломанскою, и литературою въ духѣ славянскаго возрожденія. Эти названія, однако, не выражаютъ сущности этой литературы, такъ какъ они или слишкомъ тѣсны, напримѣръ названія „украинофильство“ или „хохломанство“, или слишкомъ широки, напримѣръ „славянское возрожденіе“. Первые два названія представляютъ украинскую литературу этого періода слишкомъ узкою, исключительно племенной, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она имѣла въ виду и внутреннія отношенія всего русскаго народа и всеславянскіе интересы; название „славянского возрожденія“ слишкомъ широко, потому что его нельзя приписывать исключительно только этому періоду, и оно можетъ быть приложимо, какъ и дѣйствительно прилагается иногда, вообще къ возрожденію украинской литературы подъ вліяніемъ славянскаго возрожденія. Ближе всего подходитъ къ дѣлу название панславизма или славянофильства, которое одинаково появилось и на сѣверѣ и на югѣ Россіи и состояло въ стремленіи отыскать своеобразныя народныя начала русской жизни, но искаженные позднѣшими наслененіями, возвратить имъ первоначальную чистоту и слиться всѣми славянами въ одну плотную федерацію. Существенное отличие украинского славянофильства или панславизма отъ московскаго состоять въ томъ частномъ пункѣ, что украинофили считали малороссовъ особы племенемъ среди другихъ племенъ славянскаго мѣра, со своимъ особымъ языкомъ и культурой, имѣющими право на дальнѣйшее разви-

тие, чего не допускало большинство московскихъ славянофиловъ. Рельефнымъ выражениемъ украинского славянофильства или панславизма было Кирилло-Меодіевское общество или братство, задуманное въ 1846 году въ Кіевѣ „съ цѣлью дѣйствовать (совершенно мирно) какъ для внутреннаго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности. Общество основывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его къ будущей дѣятельности, рѣшено было дѣйствовать только силой мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насилиственныхъ; въ религіи признавалась полная свобода инѣй. Относительно Украины думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для него полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Дѣломъ первой важности считалось уничтоженіе крѣпостного права и сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и т. п. Чтобы ясно было однако, что Украина вовсе не составляетъ исключительного интереса, патронами общества избраны были всеславянскіе апостолы, и общество названо Кирилло-Меодіевскимъ братствомъ“. Во главѣ общества стояли Гулакъ, Н. И. Костомаровъ, Т. Г. Шевченко; косвенно принадлежали Кулишъ и Бѣлозерскій; потомъ присоединилось еще нѣсколько малорусскихъ патріотовъ. Главныя лица кружка мечтали объ очищеніи идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любить, особенно бѣдника, которое стоитъ за правду и народность. Это были тѣ мечты, которыхъ нашли тогда энтузіастическихъ проповѣдниковъ въ Ламенне, Гверрапци и проч. Слѣды этого христіанскаго направленія можно видѣть въ стихахъ Іереміи Галки (Н. И. Костомарова) и Шевченка, также и въ трудахъ Кулиша. Славянскій вопросъ ставился въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко выражалъ поэтическими образами (его замѣчательная пьеса: „До мертвихъ, живихъ“, „Шафарикові“ и др.). „Изъ этого одного можно видѣть,— говоритъ одинъ бiографъ г. Кулиша,— какимъ духомъ отличался кіевскій кружокъ. Христіанство и исторія славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что славянамъ надо надѣваться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, и этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанско-самопожертвованіе“. Ихъ идеаломъ политическимъ было не централизованное государство, а федерація подъ протекторствомъ русскаго императора; но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего распространить убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостного права и расширенія просвѣ-

щенія. ¹⁾ Но это общество или братство убито было въ самомъ зародыше. Въ 1847 году послѣдовалъ доносъ на руководителей этого кружка съ обвиненіемъ въ составленіи будто бы имъ тайного политического общества, доносъ, который имѣлъ тѣмъ болѣе вѣроятности и успѣха, что въ 1846 году уже начиналось въ бывшемъ царствѣ польскомъ противоправительственное движение, перешедшее затѣмъ и въ Австрію. Самы западные славяне, къ которымъ Кирилло-Меѳодіевское братство простирало свои объятія, вовсе не имѣли желанія идти въ эти объятія. Пражскій сѣвѣдъ, бывшій въ 1848 году, формулировалъ свои мнѣнія о междуславянскихъ отношеніяхъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „въ политическомъ отношеніи мы можемъ высказать только горячее сочувствие ко всѣмъ нашимъ единоплеменникамъ... Если бы наше слово было оцѣнено и въ Австріи (т. е въ Россіи), мы бы высказались за примиреніе русско-польскихъ споровъ и за освобожденіе славянъ изъ подъ турецкаго ига... Когда бы въ особенности русскій народъ въ своемъ отечествѣ скорѣе увидѣлъ свѣтъ свободы!. Когда они (турецкіе славяне) завоюютъ себѣ независимость, тогда обниметъ и ихъ союзъ славянскаго федеративнаго государства“ ²⁾. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ заботиться о соединеніи всѣхъ славянъ въ одну федерацію, подъ главенствомъ Россіи,— нужно было болѣе всего позаботиться объ улучшениіи внутреннихъ отношеній Россіи, что собственно и сдѣлалось задачей русской и украинской литературы съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка. Подъ вліяніемъ горькаго опыта и новыхъ требованій, сами дѣятели братства, получившіе амнистію въ началѣ минувшаго царствованія, впослѣдствії далеко не остались вѣрны своимъ старымъ идеямъ, и между ними особенно Кулишъ.

Главнѣйшими представителями украинскаго славянофильства являются Н. И. Костомаровъ, П. А. Кулишъ и Т. Г. Щевченко. Къ нимъ можно присовокупить еще второстепеннаго дѣятеля А. А. Навроцкаго.

1.

Николай Иванович Костомаровъ ³⁾.

Николай Иванович Костомаровъ, извѣстный русскій исторіографъ, родился 4-го мая, 1817 года, въ острогожскомъ уѣздѣ, воронежской

¹⁾ „Исторія славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, томъ I, 1879 года, стр. 376.

²⁾ Стат. Пыпина въ „Вѣсти. Европы“, за ноябрь 1878 г.

³⁾ Источники: 1) „Художественный Листокъ“, 1860 г., № 20; 2) „Słownik Nauczny“, S. V; 3) „Портретная галлерей русскихъ дѣятелей“, изд. А. Мюн-

губернія. Первоначальне воспитаніе получилъ онъ въ воронежской гимназії Затѣмъ онъ поступилъ въ харьковскій университетъ, жилъ въкоторое время на квартирѣ у П. П. Гулака-Артемовскаго и въ 1836 году окончилъ полный курсъ по словесному факультету, со степенью кандидата. По выходѣ изъ университета, г. Костомаровъ провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя болѣшою частью въ Харьковѣ и его окрестностяхъ и посвящая все свое время изученію малороссійской народности. Тогда же началъ онъ писать на малороссійскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іеремія Галки. Первымъ поэтическимъ произведеніемъ Костомарова на малорусскомъ языкѣ была драма „Савва Чалый“, изданная имъ въ Харковѣ въ 1838 году. Затѣмъ, въ 1839 году онъ напечаталъ свои „Украинскія баллады“, а въ 1840 году сборникъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ „Вѣтка“. Кромѣ того, въ томъ же году помѣстилъ онъ въ сборникъ Корсунъ „Снить“ свою трагедію „Переяславська ніть“ и малорусскій переводъ „Еврейскихъ мелодій“ Байрона. Въ 1840 году Костомаровъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ. Къ этому времени нужно отнести передаваемое М. Де-Пуле извѣстіе, что Н. И. Костомаровъ занималъ нѣкоторое время въ университетѣ одну изъ должностей, къ которой онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей: онъ былъ тогда субъинспекторомъ. Извѣстный уже любителямъ малороссійской литературы подъ псевдонимомъ Іеремія Галки, онъ приобрѣлъ въ это время общую извѣстность въ Харьковѣ и особенное сочувствіе студентовъ свою диссертациою „Объ унії“, которая была одобрена университетомъ, но уничтожена по приказанію министерства. Въ 1843 году молодой ученый написалъ и блистательно защищилъ другую диссертaciю, до сихъ поръ не потерявшую научной цѣни-

---

стера, т. 2, С.-Петербургъ, 1869 г.; 4) „Поэзія славянъ“ Гербеля, 1871 г.; стр. 172—5; 5) „Г. Костомаровъ, какъ историкъ Малой Россіи“, Г. Карпова, Москва, 1871 г.; 6) „Крестный Календарь“ Гатцкука, на 1873 годъ; 7) Письмо Н. И. Костомарова, съ исправленіемъ ошибокъ „Крестнаго Календаря“ въ его биографіи, въ 93 № „Голоса“ за 1874 г.; 8) „Тридцатилѣтіе ученої дѣятельности Н. И. Костомарова“, 1838—1873 г., въ 1 № „Русск. Слова“ за 1874 г.; 9) „Харьковскій университетъ“ М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874 г., т. 1, стр. 107; 10) „Современные дѣятели“, изд. Баумана, С.-Петербургъ, 1877 г., т. 2; 11) „Исторія славянскихъ литературъ“, Пипина и Спасовича, т. 1, 1879 г.; 12) „Русская Старина“, за мартъ 1878 г.; 13) „Худорна поэзія“, Кулиша, Львовъ, 1882 г.; 14) „За красанку—писанка“ Д. Мордовцева, Сиб., 1882 г.; 15) „Кievskaya Старина“, за февраль, 1883 г. Малороссійскія сочиненія Н. И. Костомарова (Іеремія Галки) перечислены въ „Показчикѣ“ Комарова, 1883 г. Гланція изъ нихъ собраны въ „Збірникѣ творівъ І. Галки“, Одесса, 1875 г. Къ нимъ нужно присовокупить повѣсть „Черниговку“ 1881 г.

ности, а для того времени весьма замѣтительную,— „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзії“, въ которой доказывалъ важность изученія народныхъ памятниковъ для исторіи, съ цѣлью уразумѣть взглѣдь народа на себя и на все, его окружющее¹⁾). Получивъ степеньмагистра, Костомаровъ оставилъ Харьковъ и поселился на Волыни, гдѣ принялъ за изученіе тамошней народности, при чемъ осмотрѣлъ всѣ мѣстности, означенованныя событиями изъ эпохи гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго, исторію которого онъ началъ писать съ 1844 года. Въ 1846 году онъ поселился въ Киевѣ и избранъ былъ единогласно тамошнімъ университетомъ на каѳедру русской исторіи. Здѣсь напечатано было имъ, но не могло выйти въ свѣтъ, сочиненіе о славянской міеологии. Но въ Киевѣ онъ пробылъ недолго. Въ томъ же 1846 году онъ познакомился здѣсь съ поэтомъ Шевченкомъ и вмѣстѣ съ нимъ попался въ бѣду. „Въ то время,— говоритъ Н. И. Костомаровъ,— всю мою душу занимала идея славянской взаимности, общенія духовнаго народовъ славянскаго племени, и когда я навелъ разговоръ съ нимъ на этотъ вопросъ, то услыхалъ отъ него самое восторженное сочувствіе, и это болѣе всего сблизило меня съ Таласомъ Григорьевичемъ“. Но въ 1846 году, „въ первый день праздника Рождества Христова, случилось событие, имѣвшее печальное послѣдствія на судьбу мою и Шевченка. Вечеромъ въ этотъ день сошли мы у одного нашего общаго приятеля Николая Ивановича Гулака, молодаго человѣка, очень образованаго и необыкновенно симпатичнаго. Кромѣ насъ, былъ у него еще одинъ помѣщикъ полтавской губерніи, бывшій когда-то воспитанникъ харьковскаго университета, посѣтившій Киевъ проѣздемъ въ чужіе края. Разговоръ у насъ шелъ о дѣлахъ славянскаго міра: высказывались надежды будущаго соединенія славянскихъ народовъ въ одну федерацію государственныхъ обществъ, и я при этомъ излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе ученаго славянскаго общества, которое бы имѣло широкую цѣль установить взаимность между разрозненными и мало другъ друга знающими славянскими племенами. Мысль эта, неразъ уже повторялась всѣми нами, и въ этотъ разъ возбудила у всѣхъ восторженное одобрение²⁾). Въ другомъ мѣстѣ Н. И. Костомаровъ излагаетъ тѣ desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, во ихъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. „Первое желаніе,— говоритъ онъ,— касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые бы нашли въ себѣ силу

¹⁾ Въ этомъ же году онъ помѣстилъ въ XI томѣ „Маяка“ статью: „О циклѣ весеннихъ пѣсень въ народной южнорусской поэзії“.

²⁾ „Русская Старина“, за мартъ, 1880 г.

быть апостолами славянского возрождения. Это желание состояло въ томъ, чтобы соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями; затѣмъ слѣдовали желанія, касавшіяся славянъ. Они были немногочисленны и несложны и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноzemцевъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной связи ихъ между собою; установление точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось временемъ и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукой; 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія, употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научного воспитанія и печатнаго слова, и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ народъ и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей¹⁾). „Разговоръ нашъ объ этомъ прекратился,— продолжаетъ Н. И. Костомаровъ,— и потомъ завелся новый объ исторіи Малороссіи, особенно объ эпохѣ Хмельницкаго, которую я тогда занимался уже въ продолженіе многихъ лѣтъ сряду Между тѣмъ за стѣною квартиры Гулака была другая квартира, изъ которой черезъ сгѣну слушалъ наши бесѣды какой-то неизвѣстный инїй господинъ (студентъ киевскаго университета Петровъ) и потомъ постарался написать и послать куда слѣдуетъ сообщеніе о насъ, сбивъ чудовищнымъ образомъ въ одно цѣлое наши разговоры о славянской взаимности и объ исторіи Малороссіи и выводя отсюда существование тайного политического общества. Устроенный подъ нами подкопъ произвелъ свое дѣйствіе. 31 марта, 1847 года, меня отправили въ Петербургъ²⁾. Его осудили на годичное заключеніе въ петроизаводской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу, съ воспрещеніемъ навсегда печатать и преподавать. Здѣсь Н. И. Костомаровъ безвыѣздно прожилъ съ 1848 по 1856 годъ, продолжая заниматься русскою исторіею, а также мѣстной этнографіей. Съ вѣшествіемъ на престолъ блаженной памяти императора Александра II, Костомаровъ былъ уволенъ отъ обязательнаго пребыванія въ Саратовѣ и въ 1857 году уѣхалъ за границу. По возвращеніи оттуда, онъ отправился, въ концѣ

1) „Киевская Старина“, за февраль, 1883 г., стр. 228—9.

2) „Русская Старина“, за мартъ, 1880 г.

августа 1858 г., въ Саратовъ, куда былъ приглашенъ въ должность дѣлон производителя въ комитетъ по освобождению крестьянъ и вернулся въ Петербургъ въ маѣ 1859 года. Весною 1859 года онъ получилъ приглашение занять каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университѣтѣ и былъ утвержденъ въ званіи экстраординарного профессора въ октябрѣ того же года. Со временемъ амністія возобновляется и учено-литературная дѣятельность Николая Ивановича. Въ 1856 году онъ напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ свою монографію „Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго“ Въ слѣдующемъ году въ томъ же журналь было напечатано его большое историческое сочиненіе „Богданъ Хмельницкій“, пріобрѣвшее всенародную извѣстность и поставившее имя Костомарова наряду съ именами первыхъ русскихъ историковъ. Затѣмъ, въ 1858 году Костомаровъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ новое свое историческое сочиненіе „Бунтъ Стеньки Разина“, а въ слѣдующемъ году въ „Современнике“ монографіи — „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусского народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, „Легенду о кровосмѣсителѣ“ и „Начало Руси“. Послѣдняя статья, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманнскомъ происхожденіи варяго-руссовъ, доказывается, что они пришли изъ прусской Жмуди, возбудила оппозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Николая Ивановича на публичный учёный поединокъ, состоявшійся 19 марта, 1860 года, въ залѣ петербургскаго университета. Въ 1861 году въ журнале „Основы“, кроме мелкихъ статей, было напечатано „Гетманство Выговскаго“. Въ 1862 году Н. И. Костомаровъ вышелъ въ отставку по прошенію¹⁾ и съ этого времени исключительно посвятилъ себя историческимъ изслѣдованіямъ и литературнымъ занятіямъ. Въ 1863 году вышли отдѣльными изданаченіями два замѣчательныхъ его сочиненія — „Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльновѣчеваго уклада“ и „Историческая монографія и изслѣдованія“; затѣмъ, появились въ 1864 году „Ливонская война“, въ 1865 году историческая изслѣдованія „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ и „Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніи царя Михаила“; въ 1866 году въ журнале „Вѣстникъ Европы“ обширная историческая монографія „Смутное время Московскаго Государства“; въ 1869 и 1870 годахъ въ „Вѣстнике же Европы“ — два историческихъ сочиненія „Паденіе Рѣчи-Посполитой“ и „Костюшко и революція 1794 года“. Изъ позднѣйшихъ его произведеній и издаваний болѣе извѣстны: „Историческое значеніе южнорусского

1) О своей отставкѣ Н. И. Костомаровъ помѣстилъ замѣтку въ газетѣ „Кавказъ“ за сентябрь 1881 г.

народнаго пѣсенаго творчества" въ „Бесѣдѣ" за 1872 г.; „Великорусская народная пѣсennaя поэзія" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1872 г., „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главиѣшихъ дѣятелей", 1873—6 г. г., въ пяти выпускахъ; „Збірникъ творівъ Іеремія Галкі", Одесса, 1875 года; „Кудеарт" въ „Вѣстникѣ Европы" за 1876—7 г.; „Сынъ", разсказъ изъ XVII в.; „Черниговка", быль второй половины XVII вѣка", 1881 г.; „Мазепа" историческая монографія въ „Русской Мысли" за 1882 годъ и особой книжкой; „Жидотрепаніе" въ „Кievskoj Старинѣ" за январь и мартъ 1883 года, и др.

Какъ историкъ Россіи, Н. И. Костомаровъ можетъ быть названъ славянофиломъ, съ тою разницей отъ московскихъ славянофиловъ, что онъ не раздѣлялъ ихъ московскаго патріотизма и тяготѣлъ къ родной ему Малороссіи. Славянофильскія стремленія, по всей вѣроятности, явились у него еще въ Харьковѣ, этомъ университетскомъ городѣ съ разнообразнымъ составомъ университетскихъ преподавателей и слушателей. Стремленіе знакомиться съ литературами западныхъ и восточныхъ славянъ мы замѣчаемъ еще у профессора А. Метлинскаго и Александра Корсуня, съ которыми Н. И. Костомаровъ былъ хорошо знакомъ со время харьковской своей жизни. Но особенное возбужденіе въ пользу славянскаго единенія произвѣлъ въ Харьковѣ покойный Измаиль Ивановичъ Срезневскій, извѣстный славистъ и вмѣстѣ любитель и знатокъ украинской литературы. По возвращенію изъ-за границы, гдѣ Измаиль Ивановичъ изучалъ славянскія нарѣчія, онъ открылъ курсъ по этому предмету въ 1843 году. „Успѣхъ его былъ громадный,—говорить М. Де-Пуле. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія, № 1-й, не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженного и пріправленного цитатами изъ Коляра, Шушкина и Мицкевича, то строгого критического, не лишенаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласитъ преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коляра не сходили, можно сказать, съ его устъ, *а славянское братство и единеніе въ духѣ мира и любви* едва ли въ другомъ русскомъ университѣтѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ". Съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ Костомаровъ былъ друженъ еще до отѣза его за границу и проводилъ его туда теплыми дружескими стихами. Нѣть сомнѣнія, что проповѣдь Измаила Ивановича Срезневскаго о славянскомъ братствѣ и единеніи въ духѣ мира и любви произвѣла сильное дѣйствіе и на Н. И. Костомарова. Мы уже слышали его признаніе, что около 1846 года всю его душу занимала

идея славянской взаимности, общениј духовнаго народовъ славянскаго племени, что онъ питалъ надежды на будущее соединеніе славянскихъ народовъ въ одну федерацію государственныхъ обществъ и излагалъ мысль о томъ, какъ было бы хорошо существованіе ученаго славянскаго общества, которое бы имѣло широкую цѣль установить взаимность между разрозненными и мало другъ друга знающими славянскими племенами. Какъ известно, за эти стремленія Н. И. Костомаровъ былъ осужденъ и водворенъ въ Саратовъ. Но его славяно-украинофильскія стремленія получили здѣсь для себя новую пищу. Удаленный изъ Малороссіи, онъ имѣлъ возможность познакомиться здѣсь съ воззрѣніями московскихъ славянофиловъ и умѣрить ими прежніе свои взгляды, ограничивъ ихъ предѣлами взаимныхъ отношеній между соѣднѣми славянскими племенами—польскими, русскими и малороссами. Что Н. И. Костомаровъ хорошо изучилъ и оцѣнилъ лучшихъ представителей московскаго славянофильства, это видно изъ его рѣчи о заслугахъ К. С. Аксакова для русской исторіи, 1861 года, гдѣ онъ выразилъ полное уваженіе и сочувствіе къ этому представителю московскаго славянофильства, съ некоторыми ограничениями его крайнихъ воззрѣній. „Труды Аксакова,— говорилъ здѣсь Костомаровъ,— останутся навсегда знаменательными для науки русской исторіи. Онъ опровергъ теорію родового быта, на которой хотѣли построить русскую исторію; онъ обратилъ вниманіе на другое древнее начало въ русской исторіи—общинное вѣчевое, которое прежде наукой оставлено было въ тѣни онъ; возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ рабскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни и, вместо чуждыхъ напосыпь взглядовъ, поискать своихъ—народныхъ. Онъ превосходно отгадалъ характеръ Ивана Грознаго и тѣмъ открылъ путь къ простому и ясному уразумѣнію его эпохи. Наконецъ, онъ нашелъ двойственность земли и государства въ русской исторіи—идею великую, плодъ того русскаго воззрѣнія, надъ которымъ глумились и издѣвались и безъ котораго неосуществима плодотворность научной дѣятельности въ сфере русской исторіи; ибо никакія события непонятны, если мы не знаемъ воззрѣнія, образовавшагося у того народа, который творилъ эти события и участвовалъ въ нихъ“. Не нравились Костомарову въ трудахъ К. С. Аксакова идеализація старины и исключительность московскаго патріотизма.

Послѣднія ошибки московскихъ славянофиловъ Н. И. Костомаровъ и старался исправить въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ по русской исторіи, но придерживалъся основныхъ воззрѣній этихъ славянофиловъ на федеративное начало въ древней Руси, на двойственность земли и государства, на подавленіе государствомъ земли съ теченіемъ времени и на необходимость сознательного, разумнаго воскрешенія подавленныхъ началъ древнерусской жизни въ настоящее время.

Въ этомъ отношеніи программа русской исторіи у Н. И. Костомарова почти совпадаетъ съ историческою программою другаго московскаго славянофила, европейски образованнаго человѣка, Хомякова. По воззрѣніямъ Хомякова, въ до-татарскій періодъ русской исторіи, случайно были соединены нѣсколько племенъ славянскихъ, мало извѣстныхъ другъ другу, не жившихъ никогда одною общиною жизнью государства; соединены они какою-то федераціею, основанною на родствѣ князей, вышедшихъ не изъ народа, и, можетъ быть, отчасти единствомъ торговыхъ выгодъ: какъ мало стихій для будущей Россіи!. Области жили жизнью отдѣленной, самобытною... Народъ не просилъ единства, не желалъ его. Когда же честолюбивый князь стремился къ распространенію власти своей, то противъ него не только возвставало властолюбіе другихъ князей, но еще болѣе завистливая свобода общинъ и областей, привычныхъ къ независимости... До нашествія монголовъ никому,—ни человѣку, ни городу,—нельзя было сказать: „я—представитель Россіи, я—центръ ея, я сосредоточу въ себѣ ея жизнь и силу“! Когда же пришли татары, то многие, убѣжавши съ береговъ Дона и Днѣпра и т. д. въ лѣса, покрывавшіе берега Оки и Тверцы, верховья Волги и скаты Алаускіе, построили новые села и новые города, такъ что съверъ и югъ, смѣшившись между собою, проникнули другъ друга,—и началась въ пустопорожнихъ земляхъ, въ дикихъ поляхъ Москвы, новая жизнь, уже не племенная и не окружная, но обще-руssкая. Москва была городъ новый, не имѣющій прошедшаго, не представляющій никакого опредѣленнаго характера, смѣщеніе разныхъ славянскихъ семей, и это—ея достоинство.. Она столько же была созданіемъ князей, какъ и дочерь народа; съдѣвательно, она совмѣстила въ тѣсномъ союзѣ государственную вѣшность и внутренность,—и вотъ тайна ея силы! Наружная форма для нея уже не была случайною, но живою, органическою,—и торжество ея въ борьбѣ съ другими княжествами было несомнѣнно¹⁾. Слѣдствіемъ этого торжества было „распространеніе Россіи, развитіе силъ общественныхъ, уничтоженіе областныхъ правъ, угнетеніе быта общиннаго, покореніе всякой личности мысли государства, добро и зло до-петровской Россіи“. Въ заключеніе Хомяковъ говоритьъ, что теперь, когда эпоха созданія государственного кончилась, наступило уже время для воскрешенія подавленныхъ началь древнерусской жизни¹⁾.

Той же исторической программы, въ общихъ ея чертахъ, придерживается и Костомаровъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, давая въ ней видное мѣсто Украинѣ и отчасти Польшѣ. Лучшимъ выраже-

---

¹⁾) „О старомъ и новомъ“, въ полномъ собраніи сочиненій Хомякова, т. 1, стр. 369—375.

ніемъ его славяно-украинофильскихъ возрѣній мы считаемъ его статьи, помѣщенные въ журналѣ „Основа“, подъ заглавіемъ „О федеративномъ началѣ въ древней Руси“ и „Дѣвъ русскія народности“, въ которыхъ онъ довольно искренно выскажалъ свои коренные убѣжденія. Причины теперешняго различія между двумя русскими народностями, сѣвернорусскою и южнорусскою, г. Костомаровъ находитъ въ географическомъ положеніи, въ жизненныхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ сокровенныхъ внутреннихъ причинахъ и проч. Начало этого отличія теряется въ глубокой древности. „Чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древн资料го этнографического развиленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южнорусской народности, какъ одного изъ типовъ славянского міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частностей, это — поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ“. Сначала всѣ русскія области, въ томъ числѣ и южная Русь, находились въ федеративномъ союзѣ, сохранивъ свои особенности. „Южная Русь сохранила, въ теченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли они въ плоть и кровь послѣдней безсознательно для самого народа,—и южная Русь, облекшись въ форму козачества, форму, зародившуюся собственно въ древности, искала той же федераціи въ соединеніи съ Москвою, гдѣ уже давно не стало началь этой древней федерації“. Московія образовалась изъ сиѣшенія племенъ. „Новгородецъ, суздалецъ, полочанинъ, кіевлянинъ, колынецъ приходили въ Москву каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, сообщали ихъ другъ другу; но онѣ уже переставали быть тѣмъ, чѣмъ были и у первого, и у втораго, и у третьаго, а стали тѣмъ, чѣмъ не были онѣ у каждого изъ нихъ въ отдѣльности. Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ расширенію своей территории“. Въ этомъ отношеніи Москва представляетъ замѣчательную параллель съ дѣвнимъ Римомъ... Вообще, между сѣверною и южною Русью обозначились слѣдующія различія: 1) у южноруссовъ перевѣсь личной свободы, у великоруссовъ — перевѣсь общинности; 2) въ общественномъ строѣ жизни у первыхъ преобладаетъ духъ, у вторыхъ — тѣло; 3) у южноруссовъ стремленіе къ федератіи, у сѣверноруссовъ — единовластие и самодержавіе. Такая же разница существуетъ и въ духовной области. Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, опущаляемаго, осознаго тѣла для признанной разъ идеи великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ материальному и уступаетъ южнорусскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣдніемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. „Задачею вашей „Основы“, пишетъ далѣе Костомаровъ, будетъ — выразить въ литературѣ то вліяніе, какое должны

имѣть на общее наше образованіе своеобразные признаки южнорусской народности. Это вліяніе должно не разрушать, а дополнять и умѣрять то коренное начало великорусское, которое ведетъ къ сплоченію, къ слитію, къ строгой государственной и общественной формѣ, поглощающей личность, и стремленіе къ практической дѣятельности, впадающей въ материальность, лишенную поэзіи. Южнорусскій элементъ долженъ давать нашей общей жизни растворяющее начало. Южнорусское племя въ прошедшей исторіи доказало неспособность свою къ государственной жизни. Оно справедливо должно было уступить племени великорусскому, примикуть къ нему, когда задачею общей русской исторіи было составленіе государства. Но государственная жизнь сформировалась, развилаась и окрѣпла. Теперь естественно, если народность съ другимъ противоположнымъ основаніемъ и характеромъ вступить въ сферу самобытнаго развитія и окажеть воздействиe на великорусскую. Совсѣмъ другое отношеніе южнорусской народности къ польской. Если южнорусский народъ дальше отъ польского, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то зато гораздо ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера... Но зато, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа. Поляки и южноруссы—это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе—мужицтва¹⁾.

По этой программѣ написаны почти всѣ историческія изслѣдованія и монографіи Н. И. Костомарова, касающіяся какъ южной, такъ и сѣверной Россіи. На сѣверѣ и югѣ онъ слѣдитъ русскія народоправства, т. е. выраженіе самодѣятельности народной въ исторіи, и разныя внутреннія и внѣшнія причины, препятствовавшія развитію народоправства, именно—съ одной стороны московскій абсолютизмъ, съ другой—насилія Польши по отношенію не только къ южной, но и къ сѣверной Россіи.

Мы не имѣемъ права рассматривать чисто историческія сочиненія Н. И. Костомарова, но сочли нужнымъ уяснить его историческую точку зреїнія потому, что она, сама по себѣ составляя достояніе литературной исторіи, такъ или иначе должна была отразиться и на его чисто литературныхъ произведеніяхъ. Къ послѣднимъ относятся: 1) „Сава Чалий,—драматичні сцени“, 1838 г.; 2) лирическія стихотворенія, появившіяся въ разное время въ „Віткѣ“ самого Н. И. Костомарова, „Сніпѣ“ Корсунна, „Молодикѣ“ Бецкаго, „Сборникѣ“ Мордовцева и въ „Основѣ“ В. Бѣлозерскаго; 3) „Переяславська нічъ, трагедія“ въ „Сніпѣ“ Корсунна 1841 года; 4) „Загадка,—сцени“, въ „Основѣ“, за фев-

---

1) „Основа“, за мартъ, 1861 года, и „Историческія монографіи“, т. 1.

раль, 1862 г., и 5) „Черниговка, быль“, 1881 г. Кроме „Черниговки“, все они перепечатаны въ „Збірникѣ творівъ Іеремії Галки“ 1875 года, изданномъ въ Одессѣ¹⁾). Всѣ эти литературныя произведения Н. И. Костомарова частію имѣютъ въ виду изобразить внутреннія отношенія древнихъ южноруссовъ къ своимъ князьямъ и вельможамъ, частію даютъ освѣщеніе позднѣйшимъ отношеніямъ южноруссовъ къ полякамъ и сѣверноруссамъ, частію воспроизводятъ народныя южнорусскія преданія и мотивы въ художественной формѣ, частію знакомятъ малороссовъ съ поэзіей другихъ народовъ и особенно славянскихъ племенъ.

Нѣкоторыя изъ мелкихъ лиро-эпическихъ произведений Н. И. Костомарова имѣютъ своимъ предметомъ первобытныя, патріархальныя отношенія древнихъ южноруссовъ къ своимъ князьямъ и боярамъ. Таковы его стихотворенія „Ластівка“, „Співець Митуса“ и сцены „Загадка“. Въ первомъ изъ этихъ произведеній воспроизводится народное вѣрованіе о происхожденіи ласточки отъ одной вдовы, плакавшей по убитому на войнѣ сыну своему и превратившейся въ эту птичку; но это вѣрованіе у Н. И. Костомарова хронологически связано съ походомъ русскихъ противъ половцевъ въ 1103 году. На радѣ князей въ Киевѣ Владимиръ Мономахъ, князь Переяславскій, разсказываетъ о видѣніи ему знаменія въ видѣ огненнаго столпа и убѣждаетъ князей идти ратью на Донъ противъ половцевъ. Дружина святополкова возражала: „не время веснѣ воевати, хочешь погубити смерды и ролью имъ“. На это отвѣчалъ имъ Владимиръ: „дивно ми, дружино, оже лошади жалуешь, ею же ореть кто, а сего чemu не расмотрите, оже начнетъ смердъ орати, и половчинъ пріѣха ударить смерда стрѣлою, а кобылу поиметь, а въ село вѣхавъ, поиметь жену его и дѣти и все имѣніе его возьметъ? То лошади его жалуешь, а самого чemu не жалуете?“ Наконецъ, убѣженія Мономаха одержали верхъ, и противъ половцевъ собрано ополченіе. Въ этомъ ополченіи былъ и сынъ вдовы, превратившейся въ ласточку. Такимъ образомъ, въ этомъ стихотвореніи смѣшаны мотивы народныхъ преданій и нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія. На основаніи лѣтописи же написано и другое стихотвореніе Н. И. Костомарова „Співець Митуса“, котораго, по сказанію ипатьевской лѣтописи, „древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу, раздраного, аки связанного, приведоша. Н. И. Костомаровъ считаетъ Митусу народнымъ поэтомъ, обличителемъ княжескаго самовластія, и влагаетъ въ его уста слѣдующія энергическія слова:

Кончились віки! Зілля сухее огонь поїдає—
Хай поїдає! хай пропадає Русь и зъ князями!

¹⁾ Перечень малорусскихъ сочиненій Н. И. Костомарова см. въ „Показчикѣ“ М. Комарова, 1883 г.

Божье проклятти чорними хмарами висить надъ нею;
Хмари згустіють, віки проминуть, и зновъ, хочъ не скоро,
Знову розгонити ясне сонце туманъ віковічній;
Въ той чась-годину іншихъ пісень співці заспівають,
Іншимъ князямъ, та не вамъ,—іншому руському люду!..

Но, по замѣчанію М. А. Максимовича, Митуса быль не пѣсно-творець, подобный Бояну и пѣвшему Игоря Святославича, а скорѣе званій въ свое время церковный пѣвець, принадлежавшій къ пѣвчимъ владыки перемышльскаго, не хотѣвшій прежде поступить въ пѣвчіе князя Даніила Романовича Галицкаго ¹⁾). Древнія отношенія между простымъ народомъ и боярами изображаются у Н. И. Костомарова въ „Загадкѣ“, которая въ пяти сценахъ воспроизводить народныя сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ и о ѡомѣ и Еремѣ. Хитрая дѣвка, называемая у Н. И. Костомарова Марусей Поклоненковой, выступаетъ передъ паномъ въ роли Февроніи Муромской, рѣшаеть всѣ его загадки и въ свою очередь предлагаетъ ему свои загадки. Вотъ нѣкоторыя загадки пана и отвѣты на нихъ Маруси: „що е на світі надъ усе сітчішь, швидчішь и милішь“? Сытѣе цѣлого земля, быстрѣе око, а милѣе всего сонъ. Въ другой разъ панъ поручаетъ сказать Марѣ Поклоненковой, чтобы она прїѣхала къ нему, да только такъ, чтобы ни санями, ни возомъ, сама чтобы была ни боса, ни обута, ни гола, ни одѣта, ни ко-немъ, ни голоблю, ни съ гостинцемъ, ни безъ гостинца. Хитрая дѣвка достала козла, зайца и воробья, одѣлась въ „атіръ“, взяла воробья въ одну руку, зайца подъ руку. одну ногу положила на козла, который идетъ дорогою, а другую сама идетъ за дорогою. Когда она прибыла во дворъ пана, онъ велѣлъ выпустить на нее собакъ; но Маруся въ это время выпустила изъ-подъ руки зайца и имъ отвлекла отъ себя вниманіе собакъ. Пришедши въ горницу, она стала давать пану въ гостище воробья, но только-что панъ хотѣлъ взять его, какъ Маруся выпустила изъ рукъ воробья, и онъ вылетѣлъ въ растворенное окно. Послѣ этого Маруся вышла за пана замужъ, но разлражила его своимъ вмѣшательствомъ въ его распоряженія и суды. Панъ прогоняетъ отъ себя Марусю, дозволяя ей взять съ собой то, что для нея дороже всего. Тогда Маруся напоила своего пана пьянымъ и повезла его съ собой, какъ самое дорогое свое сокровище. Панъ просыпается, примиряется съ Марусей и возвращается съ ней домой. Панъ и Маруся—это главные дѣйствующія лица, около которыхъ, какъ бы для оттѣнка ихъ мудрости, толкуются два дурака, ѡома и Ерема, въ качествѣ придворныхъ шутовъ и посредниковъ въ сношеніяхъ пана съ Марусею. Сюжетъ

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, 1876 г., стр. 129 и сл.

„Загадки“ Н. И. Костомарова несомненно взяты изъ народныхъ преданій и рассказовъ и напоминаетъ собою сюжеты народныхъ сказокъ „Хитрая дѣвка и панъ“ ¹⁾ и Фома и Ерема ²⁾). Но въ свою очередь эти народныя сказки принадлежать къ числу странствующихъ повѣстей, слегка только окрашенныхъ национальнымъ колоритомъ. Повѣсть о Фомѣ и Еремѣ на сѣверѣ Россіи известна была еще въ XVII вѣкѣ и въ южнорусской редакціи носить явные следы заимствованія. Что же касается сказки о хитрой дѣвкѣ и панѣ, то мотивы ея суть не что иное, какъ отраженіе судовъ Соломоновыхъ восточного происхожденія, перешедшихъ къ славянамъ уже въ историческія времена ³⁾.

Къ эпохѣ татарщины пріурочено стихотвореніе Н. И. Костомарова „Братъ зъ сестрою“ и разсказываетъ о томъ, какъ въ эти тяжелыя времена, когда перемѣшивались и спутывались всікія родственныя отношенія, братъ, по невѣдѣнію, женился на родной сестрѣ. Во время татарскихъ набѣговъ, татары взяли въ Киевѣ въ пленъ дѣвчину, убивъ ее родителей, но не могли поймать ея брата—хлопца. Выросши, онъ пошелъ въ Сѣчь и, во время своихъ скитаній по бѣлу-свѣту, купилъ у татарина дѣвку и женился на ней. Оказалось, что это была родная его сестра. Подобныя сказанія существуютъ и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи и не составляютъ исключительного достоянія южнорусской народной литературы. Есть даже основаніе думать, что подобныя сказанія—только вариація книжной легенды о кровосмѣсителѣ, какимъ является здѣсь то Андрей первозванный, то Григорій Двоесловъ, то Андрей Критскій, замѣнившіе греческаго Эдипа ⁴⁾). Слѣдовательно, повѣсть эта относится къ такъ называемымъ странствующимъ повѣстямъ, потерявшимъ свою родину.

Трагедіи Н. И. Костомарова „Сава Чалий“ и „Переяславська ніч“ стараются изобразить трагическое положеніе нѣкоторыхъ представителей южноруссовъ въ перекрестной враждѣ между поляками и козаками.

Первая изъ этихъ трагедій служитъ развитіемъ козацкой думы о Савѣ Чаломъ, доселѣ очень распространенной въ Малороссіи, и, вслѣдъ за Із. Ив. Срезневскимъ, относить ее къ 1639 году. По смерти Остря-

1) „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, 1876 г., стр. 347—9.

2) „Кобзарь Остапъ Вересаѣ“, А. Русова, Киевъ, 1874. Мы имѣемъ еще вариантъ, записанный въ черниговской губерніи.

3) „Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“ и проч., А. Веселовскаго, 1872 г.

4) „Историч пѣсни малорусскаго народа“, Антоновича и Драгоманова, т. 1, 1874 г., № 63 и сл. Си. „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, 1876 года, стр. 130 и сл.

ницы,—передаеть драма,—козацкая старшина собралась у Петра Чалаго для избрания гетмана. Въ гетманы мѣтить смыть Петра, Сава Чалый, сподвижникъ Острианицы, и находить поддержку у товарища своего Гната Голаго; но старшина избираеть отца Савина Петра. Огорченный Сава отстаетъ отъ козаковъ, получаетъ отъ Конецпольскаго, чрезъ Гната Голаго, предложеніе быть короннымъ гетманомъ и соглашается на это предложеніе, женившись передъ отъездомъ на Катеринѣ, уже говоренной было за Гната. Козаки возмущаются переметничествомъ Савы и особенно Гнать, потерявшій свою невѣсту. Онъ черезъ Лисецкаго внушаетъ Конецпольскому недовѣріе къ Савѣ и въ то же время оговариваетъ его передъ козаками въ измѣнѣ, а о Катеринѣ распускаеть молву, что къ ней по ночамъ леталъ змѣй. Всѣдствіе этихъ интригъ Гната, Сава Чалый оказался между двухъ огней. Конецпольскій требуетъ отъ Савы присяги на вѣрность королю и обязательства содѣствовать распространенію унії, но Сава положительно отказывается отъ послѣдняго. Всѣдствіе этого Конецпольскій береть у него назадъ подаренія ему имѣнія, но впослѣдствіи позволяетъ ему жить въ нихъ. Съ своей стороны, раздраженные козаки отправились въ Немировъ, чтобы погубить тамъ Саву. Джура Хомка доносить ему, что вокругъ его двора бродятъ козаки. Саваѣдетъ домой съ темнымъ предчувствіемъ чего-то недоброго и старается успокоить испуганную жену съ сыномъ. Врываются козаки и убиваютъ Саву и Катерину, а маленькаго сына ихъ береть къ себѣ Хомка джура. Затѣмъ является Павло и уличаетъ Гната въ коварствѣ и безвинной смерти Савы и его жены. Тогда козаки убиваютъ и самого Гната. Наконецъ, вѣгааетъ отецъ Савы, гетманъ Петръ Чалый,—и смущенные козаки потупляютъ глаза въ землю.

Но козацкая дума о Савѣ Чаломъ относится не къ 1639 году, а ко временамъ гетмана Даниила Апостола, позже на цѣлое столѣтіе. Савва Чалый—это былъ известный гайдамакъ, въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка пошалившій въ польской Украинѣ. „Еще въ маѣ 1735 года графъ Вейсбахъ писалъ запорожцамъ, чтобы они послали въ польскую Украину свою команду для поимки „извѣстнаго вора Савки Чалого“, который, будучи запорожцемъ, гайдамачилъ по границѣ и пріобрѣлъ себѣ въ разбояхъ особенную славу. Этотъ гайдамакскій ватажокъ былъ приверженецъ Орлика и, выдавая себя согласникомъ короля Станислава Лещинскаго, съ шайкою воровъ и грабителей наѣзжалъ и разорилъ имѣнія помѣщиковъ партии саксонской и уѣбралъ, что онъ дѣйствовалъ по волѣ всего войска запорожскаго. Чтобы оправдать себя отъ такого подозрѣнія, запорожцы послали одного своего асаула съ козаками въ Немировъ, зная, что тамъ чаше всего подвизался Савка Чалый: но хитрый ватажокъ узналъ отъ своихъ товарищѣй о посыпкѣ запорожцевъ

и, по обычаю гайдакамъ, скрылся въ Бессарабіи. Только асауль Василій Шумка и три гайдамака изъ его шайки были пойманы и казнены. Всѣ другіе поиски были напрасны,— и русское правительство вскорѣ объ этомъ забыло. Савка Чалый, видя, что его оставили въ покой, навербовалъ новую шайку изъ козаковъ, цыганъ, польскихъ поселеній и десятка бѣглыхъ запорожцевъ (которыхъ укрывалъ полковникъ буго-гардовый Пхайко) и пустился по прежнему грабить и разорять польскія села. Между тѣмъ Лещинскій былъ сверженъ, его партія упала и присоединилась къ Августу III. Помѣщикъ уманскій графъ Потоцкій, ближайшій сосѣдъ Запорожья, желалъ усердно мира и въ польской Украинѣ, гдѣ были его и его роду безмѣрныя имѣнія, но благодаря Савкѣ Чалому никакого покоя надѣяться нельзя было. Тогда-то, говорятъ, онъ употребилъ всѣ усилия, чтобы этого ватажка завлечь въ свои сѣти, и если не погубить, то сдѣлать полезнымъ для Польши. Однажды чрезъ жидовъ узналъ онъ, что Савка съ однимъ только товарищемъ бываетъ въ Немировѣ, гдѣ, не смотря на угрозы губернатора, явно пи-руетъ и веселится. Потоцкій самъ лично съ большою командою вошелъ въ домъ, гдѣ скрывался Чалый, и, схвативъ его, предложилъ ему выбирать любое—или быть, какъ гайдамакъ и бунтовщикъ, посажену на колъ, или принять у него службу на выгодныхъ условіяхъ. Выборъ былъ нетруденъ. Савка Чалый былъ опредѣленъ въ полки пограничной козачьей милиціи, порученъ королевскому покровительству, и ему въ команду даны были помѣщики козаки съ тѣмъ, чтобы онъ воевалъ съ гайдамаками, а преимущественно съ запорожцами, коихъ всѣ жилицы были ему хорошо знакомы. Онъ такъ отличился въ этой службѣ, что въ первомъ набѣзда разогналъ команду буго-гардовой паланки, сжегъ церковь походную, зимовники и самый гардъ, т. е. плотины, между скалами на Бугѣ для лова рыбы запорожцами учрежденными, разорилъ. Этотъ подвигъ удостоился большихъ похвалъ въ Польшѣ, и Потоцкій пожаловалъ Чалому въ потомственное владѣніе с. Рубавъ и сравнялъ его съ другими своими козачьими полковниками. Но и запорожцы не дремали. Набѣзда Чалаго на ихъ земли, гдѣ его предокъ Яковъ Чалый (1696 г.) былъ кошевымъ атаманомъ, а отецъ—старикомъ куренимъ, казался для нихъ тяжкимъ бесславiemъ; ибо полки вездѣ разглашали, что запорожцы грабятъ запорожцевъ. Здѣсь документы прекращаются, и начинается сказаніе козацкой думы о насильственной смерти Саввы Чалаго въ Немировѣ отъ руки какого-то Гната Голаго¹⁾. Разумѣется, ошибочно перенесши думу изъ одного вѣка въ другой, Н. И. Костомаровъ не могъ быть вѣренъ дѣйствительности.

¹⁾ „Исторія новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго“, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 2, стр. 130—133.

Другая историческая драма Н. И. Костомарова „Переяславська ніч“ была удачнее и въ выборѣ предмета, исторически-бытоваго, и въ деталяхъ. Дѣйствіе происходитъ въ 1649 году въ г. Переяславѣ подъ великий день, т. е. пасху. Является въ этотъ городъ какой-то чужестранецъ, сообщаетъ Петру Корженку о подготовляющемся восстаніи всей Украины и Запорожья противъ Польши и подстрекаетъ къ нему жителей Переяслава, обѣщаю имъ помошь Богдана Хмельницкаго. Петро Корженко сочувствуетъ восстанію, но замѣчаетъ, что у нихъ силы мало, что они надѣялись на землика Лисенка, но что онъ погибъ-де отъ руки князя Іеремія Вишневецкаго. Ихъ разговоръ прерывается церковнымъ звономъ, который въ то тяжелое время служилъ благовѣстіемъ, что мѣстный священникъ собралъ нужное количество денегъ и купилъ за нихъ у жида-арендатора право отпереть церковь и совершилъ пасхальное богослуженіе. Но жидовская алчность не ограничивается одной арендной платой за открытие церкви и облагаетъ различными податями всѣ частнѣйшія приготовленія къ празднику и отдельные богослужебныя дѣйствія, какъ напримѣръ печеніе пасокъ, ношеніе плащаницы и т. п. Мать Опанаса взята на три дня къ старостѣ на работу за тайное приготовленіе пасокъ. Арендаторъ жида Оврамъ, увидѣвъ, что о. Анастасій обносить кругомъ церкви плащаницу, потребовалъ и за это священное дѣйствіе особой платы и даже стаціль плащаницу на землю. Народъ возмущается святотатственными дѣйствіями арендатора-жида, а чужестранецъ, судя по обстоятельствамъ то подстрекаетъ народъ къ восстанію, то усмиряетъ преждевременные всшки народа и улаживаетъ недоразумѣнія, возникавшія между народомъ съ одной стороны и арендаторомъ и старостой—съ другой. Наконецъ, наступаетъ часъ народной мести панамъ-лихамъ и ихъ пріятелямъ-жидамъ. На сцену выступаетъ сынъ покойного полковника Семенъ Герцикъ съ толпою хлопцевъ. Онъ жалуется, что староста похитилъ его невѣсту, сестру Лисенка, и возбуждаетъ народъ ко мщенню. Отецъ Анастасій старается сдерживать народъ. Но тутъ вмѣшивается въ дѣло чужестранецъ, читаетъ народу листъ Богдана Хмельницкаго съ призывомъ къ восстанію, сообщаетъ, что съ нимъ пришло подъ его командой 5000 козаковъ, и признается наконецъ, что онъ тотъ самый Лисенко, котораго переяславцы считали погибшимъ отъ князя Вишневецкаго. Лисенко дѣлаетъ распоряженія насчетъ нападенія на лиховъ и рѣзни ихъ. Между тѣмъ, пока еще не наступилъ условленный часъ рѣзни, Лисенко видится со своей сестрой Мариной, которая признается ему въ своей любви къ полку старостѣ Зацвиліховскому и борется между этой любовью и любовью къ своей народности. Наконецъ, она рѣшается вызвать Зацвиліховского ночью на извѣстное мѣсто, выдать его козакамъ и сама умереть вмѣстѣ съ нимъ, или же идти въ монахини. Дѣйствительно,

она выходит ночью со старостой на условленное место. Во время самой вспышки народного восстания Лисенко и Зацвилюховский встречаются, вступают в единоборство и оба падают смертельно раненые. Умирая, Лисенко обращается к народу с такими словами:

Народе православнай!.. знайте вси,
Що и всякъ буть мусить чоловикъ.
И християнинъ .. Усихъ лахивъ
Новицускайте завтра вранци... Хай
Идуть соби изъ Богомъ до родини...
Прощайте, братци.. Хай вамъ Богъ поможе!
Молиться вси за гришну мою душу!

Въ основѣ этой драмы не положено авторомъ какого либо цѣльнаго исторического происшествія или исторического лица, какъ въ драмѣ „Сава Чалий“. Авторъ, очевидно, преслѣдовалъ не столько историческая, сколько художественная цѣль. Но въ частностяхъ эта драма намекаетъ на нѣкоторыя историческія события и лица изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Изъ монографіи самого Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“ мы узнаемъ, что жиды действительно арендовали у поляковъ православныя церкви во времена гасилії поляковъ наль православными. Тогда жиды, смекнувъ, что въ новомъ порядкѣ вещей можно извлечь для себя новые выгоды, убѣдили пачковъ отдавать въ ихъ распоряженіе, вмѣстѣ съ имѣніями, и церкви гонимаго вѣроисповѣданія. Жидъ бралъ себѣ ключи отъ храма и за каждое богослуженіе взималъ съ прихожанъ пошлину, не забывая при этомъ показать всякаго рода нахальство и пренебреженіе къ религіи, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не въ состояніи были платить, а священники, не получая содержанія и притомъ терпя оскорблѣнія отъ жидовъ, разбѣгались. Тогда приходъ приписывали къ униатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее въ униатскую, уничтожалась, а вся святыни переходила въ руки жидовъ. Римско католические духовные подстрекали отдавать православныя церкви на поруганіе, думая этимъ скорѣе склонить народъ къ унії¹⁾. Сподвижники Хмельницкаго, переодѣтые то нищими, то странниками—богомольцами, ходили изъ села въ село и уговаривали жителей то отворить козакамъ Хмельницкаго ворота крѣпости, то насыпать песку въ польскія пушки²⁾. Къ числу ихъ принадлежитъ и чужестранецъ трагедіи, оказавшійся Лисенкомъ. Самая фамилія Лисенка сохранилась

¹⁾ „Богданъ Хмельницкій“, Н. И. Костомарова, изд. 1870 г., т. 1, введ. стр. XLVI—XLVII; си. стр. CLXXII.

²⁾ Тамъ же, т. 1, стр. 94.

въ исторіи козацкихъ войнъ Богдана Хмельницкаго. Лисенко-Вовгуря былъ въ это время предводителемъ одного загона, называвшагося вовгуревцами и отличавшагося свирѣпостю. Ихъ было сначала 150 человѣкъ, и потомъ въ ряды ихъ принимались только испытанные по силѣ и отвагѣ гайдамаки. „Не было случая, говорить лѣтописецъ,— чтобы кто нибудь изъ нихъ живѣемъ отдался въ плѣнъ, а врагамъ отъ нихъ *тлажко было, колики паче жидамъ*“¹⁾. Поляки такъ ихъ боялись, что если, бывало, скажутъ— „вовгуревцы идутъ“, то это было ужаснѣе цѣлаго войска козацкаго²⁾). Трагедія даетъ понять, что Лисенко ожесточился противъ лаховъ вслѣдствіе какихъ-то непріятныхъ отношеній его къ князю Іеремію Вишневецкому, новому измѣннику православія, но человѣку умному и энергичному³⁾). Имѣлъ ли въ дѣйствительности Лисенко какія либо неспріятанія отношенія къ князю Іеремію Вишневецкому,—исторія не знаетъ, но, кажется, съ положительностю можно утверждать, что выводимый въ трагедіи панъ Зацвиліховскій, хотя и дѣйствительно существовалъ во времена Богдана Хмельницкаго, но былъ не католикомъ, а православнымъ⁴⁾). „Что касается характера дѣйствующихъ лицъ,— говорить Б. Сементовскій,—то въ этомъ отношеніи исполненіе „Переславской ночи“ заслуживаетъ особенную похвалу... характеры дѣйствующихъ лицъ вполнѣ сообразны идеѣ, положенной авторомъ въ основаніе своего произведенія, и. вообще исполненіе идеи такъ же прекрасно, какъ и она сама... Языкъ трагедіи совершенно приличенъ предмету; стихи вообще плавны; рѣчи Анастасія во всѣхъ отношеніяхъ превосходны. Что же касается грамматической правильности языка, то, пока вѣтъ еще грамматики южнорусскаго языка, все въ этомъ дѣлѣ можетъ быть оспориваемо“⁴⁾.

Отношенія между москвичами и малороссами изображаетъ „Черниговка, быль второй половины XVII кѣла“. Содержаніе ея слѣдующее. Въ 1676 году черниговскій полковникъ Василій Кашперовичъ Борковскій, возвратившись изъ Батурина, куда онъѣздилъ по гетманскому вызову для войсковыхъ дѣлъ, объявляетъ полковой старшинѣ приказаніе гетмана Самойловича собираться въ походъ за Днѣпръ на Дорошенка и вмѣстѣ съ тѣмъ узнаетъ о прїѣздѣ въ Черниговъ нового воеводы, назначенаго московскимъ правительствомъ, Тимофея Васильевича Чоглокова, который вскорѣ и является съ визитомъ къ полковнику. Новый воевода былъ вдовы женолюбецъ-грѣховодникъ, который однако же старался закрыть свою черную душу личиной внѣшнаго благоче-

1) Тамъ же, т. 1, стр. 156.

2) Тамъ же, стр. 164 и др.

3) Тамъ же, т. II, стр. 122 и сл.

4) „Маякъ“, 1843 г., т. XI, критика, стр. 42 и сл.

стія. Воевода Чоглоковъ узнаетъ отъ сводни Бѣлобочихи, что всѣхъ красивѣе въ Черниговѣ дивчина Ганна Кусовна, дочь козака Куса, и задумываетъ овладѣть ею. Случай для этого вышалъ самый подходящій, по его мнѣнію. Ганна Кусовна считалась невѣстой козака черниговской сотни Якова Федосѣевича Молявки-Многопѣнажнаго, который, отправляясь въ походъ, просилъ у черниговскаго архіепископа Лазара Барановича разрѣшеніе обвенчаться съ нею по церковному обряду въ петровъ посты, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы „весилле“ (свадебное пиршество), съ котораго, по старинному малорусскому обычая, начинался дѣйствительный бракъ, совершено было не въ посты, а по возвращеніи изъ похода. Въ самый день вѣнчанія и отправки новобрачнаго въ походъ Ганну Кусовну похитили четыре солдата въ тайники, которымъ она отправлялась за водой къ рѣкѣ Стрижню, и прятали въ домъ воеводы Чоглокова, гдѣ онъ заключилъ ее на чердачѣ, въ особой горницѣ, и сотворилъ надъ ней свою грѣшную волю. Для покрытія своего грѣха, онъ отправилъ Ганну Кусовну со своими холопами Васькой и Макаркой въ свою подмосковную вотчину Прогной, гдѣ мѣстный священникъ о. Харитоній, бывшій холопъ Чоглокова, обвенчалъ ее, по приказанію Чоглокова, съ холопомъ Васькой. Ганна понемногу смыкалась съ тѣмъ безчувственнымъ спокойствіемъ когда все терпится, не ищется уже средства спасенія, привыкается даже къ тому, къ чему никогда, какъ прежде казалось, привыкнуть невозможно. Васька, однако, не надѣдалъ Ганиѣ предъявленіемъ своей супружеской власти надъ нею, такъ какъ онъ женился на ней не для себя, а для своего господина. Скоро смѣщенъ быль, по жалобѣ черниговцевъ, съ воеводства и Чоглоковъ и поселился въ Москвѣ, въ своеемъ домѣ, куда вытребовалъ изъ своей вотчины и Ваську съ Ганной Кусовной, чтобы она была ему наложницей. Прибывши въ Москву, Ганна Кусовна узнала отъ дворни Чоглокова, что въ Москвѣ проживаетъ бывшій гетманъ правобережной Украины Петръ Дорошенко, и отыскала его, а Дорошенко направилъ ее къ думному дьяку Ларіону Иванову, которому она и рассказала о своихъ приключеніяхъ. Вследствіе этого начались для Чоглокова мытарства въ малороссійскомъ и монастырскомъ приказахъ. Онъ ограбленъ быль въ этихъ приказахъ до ниточки, выгнанъ со двора, шатался по улицамъ, выпрашивая подаяніе на пропитаніе или, вѣрнѣе, на пропитіе, и скоро умеръ подъ заборомъ, всѣми отверженный. Ганна же Кусовна воротилась въ Черниговъ и поселилась у своихъ родителей. Она еще въ Москвѣ узнала отъ бывшаго гетмана Дорошенка о судьбѣ первого ея мужа Молявки-Многопѣнажнаго. Во время похода подъ Чигиринь, онъ былъ нѣсколько разъ отправляемъ къ Дорошенкѣ въ Чигиринь въ качествѣ лазутчика и съ предложеніемъ Дорошенкѣ сложить гетманство и присягнуть рус-

скому царю, и за аккуратное исполнение поручений возведенъ былъ въ званіе сотенного хорунжаго, а затѣмъ назначенъ былъ и сотникомъ въ Сосницу, собственно для наблюденія за поведеніемъ водвореннаго тамъ на время бывшаго гетмана Дорошенка. Пріѣхавши въ Черниговъ за молодой своей сотничахой Ганной Кусовной, Молявка пораженъ былъ на первыхъ порахъ ея безслѣдной пропаже; но, получивъ отъ Чоглокова метрическую выписку о добровольномъ якобы выходѣ ея замужъ за холопа Ваську, женился во второй разъ, но уже не на простой козачкѣ, а на „значной“ дѣвицѣ, племянницѣ черниговскаго полковника Дунинъ-Борковскаго, дочери Бутрина. Счастье, повидимому, улыбнулось Молявкѣ-Многопѣнижному и сулило въ будущемъ еще лучшую перспективу. Поселившись въ Сосницѣ для наблюденія за Дорошенкомъ, Молявка соблазнился возможностію отличиться передъ гетманомъ своею умѣлостію надзирать за Дорошенкомъ. Ему очень хотѣлось, чтобы кто-нибудь, либо самъ Дорошенко, либо иной изъ его роднѣ, переведенной на жительство на лѣвую сторону Днѣпра, проговорился, а онъ бы донесъ гетману. Его намѣренію помогъ неосторожно братъ Петра Дорошенка Андрей, допустивши на обѣдѣ у своего брата Петра непристойныя рѣчи о силахъ Юраски Хмельницкаго, которыхъ якобы Москва не одолѣть. Молявка донесъ объ этомъ гетману Самойловичу, а этотъ сообщилъ въ Москву. Результатомъ доноса было то, что Петръ Дорошенко вызванъ былъ въ Москву и тамъ оставался до своей смерти. Въ это-то время онъ и помогъ Аннѣ Кусовнѣ выпутаться изъ ея тяжелаго положенія. Но и самъ Молявка не только не выигралъ отъ своего доноса, а потерялъ и то, что имѣлъ. Самойловичъ, расположенный теперь къ Дорошенкамъ, охладѣлъ къ навязчивому доносчику Молявкѣ, а сосницкие атаманъ и писарь выпросили у гетмана возстановленіе давнаго своего права избирать сотника вольными голосами и выбрали, вместо Молявки, Андрея Дорошенка. Молявка уѣхалъ съ женой и матерью къ своему тестю Бутрину и долженъ былъ выслушивать отъ сварливой своей жены и ея родителей попреки и жалобы на то, что онъ у нихъ на хлѣбахъ живеть и не имѣть собственныхъ средствъ, и что они ошиблись, отдавши за него свою дочь.

Содержаніе повѣсти взято изъ дѣлъ малороссійскаго приказа, хранящагося въ московскомъ архивѣ юстиціи, но съ прибавленіемъ частныхъ чертъ современной эпохи изъ другихъ источниковъ. Въ особомъ изданіи повѣсти разговоры дѣйствующихъ лицъ изъ малороссовъ ведутся на малорусскомъ языкѣ, чего, конечно, не могло быть въ московскихъ официальныхъ документахъ. Но что передаетъ документъ и что сообщаетъ Н. И. Костомаровъ изъ другихъ источниковъ,—въ повѣсти отдѣлить трудно одно отъ другаго. Во всакомъ случаѣ повѣсть, въ общихъ чертахъ, удачно схватываетъ духъ того времени и изображаетъ

особенности тогдашнего быта, подтверждаемы другими источниками. Такъ напримѣръ, и послѣ эпохи Дорошенка въ Малороссіи продолжало существовать раздѣленіе церковнаго вѣнчанія и брачнаго „весілля“, такъ что нѣкоторымъ пары, обвѣнчанныя такимъ образомъ, и вовсе иногда не сходились для брачнаго сожительства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ указъ императрицы Анны Ioannovны, воспрещающей малороссамъ подобные браки. Что же касается изображенія быта и жизни Москвы и московскихъ людей того времени, то на него наложены авторомъ уже слишкомъ густыя, темныя краски, производящія отталкивающее впечатлѣніе.

Всѣ перечисленныя произведенія Н. И. Костомарова касаются прошлой исторіи Малороссіи. Но есть у него и такія произведенія, ко-торыя имѣютъ въ виду современное положеніе Малороссіи въ славянскомъ мірѣ. Это—собственно мелкія лирическія стихотворенія, въ ко-торыхъ авторъ или возстаетъ противъ увлеченія западными доктринаами, мѣшающими славянамъ познать самихъ себя, и грозить гибелю над-мennому западу, или воспроизводитъ въ художественной формѣ мотивы народныхъ украинскихъ пѣсенъ, или знакомитъ малороссовъ съ поэтическими произведеніями другихъ народовъ и славянскихъ племенъ и въ этомъ отношеніи сходится по своей дѣятельности съ А. Метлинскимъ и Корсуномъ.

Протестъ противъ началь просвѣщенія, враждебныхъ славянству, мы видимъ въ стихотвореніяхъ г. Костомарова: „Эллада“, „Давнина“, „На добра-ніч“. Въ „Элладѣ“ онъ бранить безтолковую Элладу за то, что ея посмертная память ослѣпляла маною намъ очи: „ми, на тебе глидиuchi,—говорить авторъ,—не бачили сами себе“, т. е. не имѣли славянскаго самосознанія. Въ „Давнинѣ“ онъ говорить о безпутныхъ эллинскихъ богахъ и глупыхъ людяхъ, считавшихъ ихъ дѣйствительными богами, и высказываетъ сожалѣніе о томъ, что „Прометея нового не мае“. Этотъ Прометей явится, какъ звѣзда отъ востока, т. е. со стороны славянскаго міра,—и тогда горе будетъ Вавилону, т. е. западу.

Славянское возрожденіе должно начаться съ возрожденія каждого отдельнаго славянскаго племени, слѣдовательно и малорусскаго. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ оно выражалось собираниемъ народныхъ пѣсенъ и вообще литературныхъ произведеній и воссозданіемъ ихъ въ болѣе или менѣе художественныхъ формахъ. То и другое мы видимъ и у г. Костомарова по отношению къ украинской литературѣ. Онъ занимался собираниемъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и нѣкоторые мотивы ихъ пытался воспроизвести и облагородить въ своихъ мелкихъ лирическихъ произведеніяхъ. Это—преимущественно стихотворенія, написанныя по поводу явлений видимой природы, которыхъ

г. Костомаровъ сближаетъ съ явленіями человѣческой жизни, находя между ними сходство, или противоположность. Такъ, въ одномъ стихотвореніи „Голубка“ она нарекаетъ на своего милаго, который оставилъ ее одинокою. Авторъ совѣтуетъ не нарекать на него напрасно: „растала ему головку паньска стрілка хиж“ . Въ стихотвореніи „Весна и Зима“ авторъ весною вспоминаетъ о зимнихъ „мережкахъ“ на окнѣ, а теперь зимой вспоминаетъ о веснѣ. Въ „Веснянкѣ“ сравниваются дівчата съ зірками и квітками. Стихи „Забаченія“ заключаютъ приглашеніе парубка дівчинѣ выдти „до гаю“ и идеализируютъ чистоту любви молодыхъ людей. Въ стихотвореніи „Нічна розмова“ парубокъ зоветъ дівчину въ „гай“ или въ „очереть“, обѣщаючи что-то сказать и „нишкомъ робить“; только мѣсяцъ будетъ свѣтить имъ; но дівчина не хочетъ, чтобы глядѣть на то и мѣсяцъ. Въ стихотвореніи „Вулиця“ представляется цѣлый рядъ моментовъ любви молодыхъ людей. Дівчина вызвала парубка на „вулицю“; тамъ игрались они, миловались вдоволь. Въ другой разъ дівчата опять пошли въ таночекъ, а ее мать не пустила. Милый стоитъ у окна и зоветъ ее на вулицю; но дівчина просить его не скрываться отъ людей со своею любовью, а цѣловаться съ ней въ полуденную пору. Въ стихотвореніи „Поприки“ парубокъ препекаетъ дівчину за то, что она не вѣритъ его любви. Въ стихотвореніи „Зірка“ козакъ ищетъ на небѣ зірочки—своей доли. Зірочка вспыхнула и погасла, пропало и счастье козака.

Въ этихъ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ трудно указать нагляднымъ образомъ матеріалъ народныхъ пѣсень, да едва ли и возможно. Кажется, Н. И. Костомаровъ передѣльывалъ этотъ матеріалъ довольно самостоятельно и извлекалъ изъ него только общечеловѣческие звуки. Въ этомъ отношеніи онъ не былъ въ строгомъ смыслѣ поэтъ-этнографъ украинскимъ и руководился болѣе эстетическими или художественными стремленіями. Съ этой точки зрѣнія онъ не только позволилъ себѣ довольно самостоятельно перерабатывать украинскія народныя пѣсни, но и обогащалъ украинскую литературу переводами художественныхъ произведеній другихъ народовъ. Извѣстно нѣсколько украинскихъ его переводовъ и передѣлокъ изъ Байона, какъ-то „До жідивки“, „Журьба єврейська“, „Місяць“, „Погибель Сеннахерибова“ и „Дика коза“. Есть также значительное число его украинскихъ переводовъ изъ классическихъ славянскихъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ. Стихотвореніе Костомарова „Хмарки“ есть, повидимому, подражаніе стихотворенію Лермонтова „Тучки небесныя“. Изъ Мицкевича переведены или передѣланы стихотворенія: „До Мары Потоцкой“ и „Паничъ и дівчина“. Изъ кралеворской рукописи переведены: „Олень“ и „Турнія“.

Вообще же, о всѣхъ произведеніяхъ Н. И. Костомарова нужно замѣтить, что въ нихъ сравнительно мало этнографической вѣрности

украинскому населению. Вместо чистого источника народной поэзии, онъ нерѣдко прибываетъ къ лѣтописнымъ намекамъ, легендамъ сомнительнаго происхожденія и архивнымъ дѣламъ и пользуется ими, какъ народными произведеніями. Могло это зависѣть какъ отъ того, что Н. И. Костомаровъ родился не въ центрѣ Украины и изучалъ ее попреимуществу теоретически, книжнымъ образомъ, такъ и отъ того, что въ пору молодости его, къ которой относится большинство его произведеній, онъ увлекался эстетическими, художественными стремленіями, какъ это можно видѣть изъ его первого очерка украинской литературы 1843 года, и этимъ художественнымъ стремленіемъ жертвовалъ этнографическую вѣрностію красокъ. Самый языкъ малорусскихъ произведеній Н. И. Костомарова не отличается чистотою и легкостію. Поэтому г. Кулишъ не безъ основанія замѣтилъ еще въ 1857 году, что „теперь намъ нечего дѣлать съ сочиненіями Іеремія Галки.., хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти пять—шесть стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины“¹⁾. Если же эти произведенія и пользовались въ свое время, а отчасти и теперь пользуются известной долей вниманія читающей малорусской публики, то, какъ намъ кажется, потому, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу ветерановъ украинской литературы и внесъ, въ свое время, значительный вкладъ въ тогдашнюю скучную украинскую литературу, и что онъ пользуется большимъ авторитетомъ, какъ историкъ Россіи и въ частности Малороссіи.

2

Александръ Александровичъ Навроцкій^{•2)}.

Александръ Александровичъ Навроцкій родился 28 іюля 1823 г. въ селѣ Антоновкѣ, золотоношского уѣзда, полтавской губерніи; получилъ образованіе сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, по-

¹⁾ „Взглядъ на малороссийскую словесность“ въ 12-мъ томѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1857 годъ, стр. 230.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни см. въ статьѣ Н. И. Костомарова въ журналѣ „Кievская Старина“, за февраль, 1883 года: „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“, стр. 226 и 229. Другія біографическія свѣдѣнія получены отъ самого А. А. Навроцкаго.

тотъ въ полтавской гимназии и наконецъ окончилъ курсъ даудь по первому отдѣлению философскаго факультета въ киевскомъ университѣтѣ въ январѣ 1847 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ домъ же году, въ апрѣль, по доносу студента Петрова, Навроцкій взятъ былъ, вмѣстѣ съ Н. Костомаровимъ, Кулишомъ, Шевченкомъ, Н. И. Гулакомъ и студентами Марковичемъ, Пасидой и Андруссомъ, въ Петербургъ, въ третіе отдѣленіе, и черезъ два мѣсяца, по высочайшему повелѣнію, отправленъ въ Вятку, какъ объявилъ ему Л. В. Дубельть, за приосновенность къ дѣлу объ украинско-славянскомъ обществѣ, и выдержанъ тамъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ, а потомъ опредѣленъ на службу въ одинъ изъ отдаленныхъ уѣздовъ вятской губерніи, въ г. Елабугу, писцомъ въ земской судъ. Тогдашній вятскій губернаторъ, А. И. Середа, сочувственно и гуманно принялъ Навроцкаго и въ самый день его прибытія въ Вятку, за болѣшимъ обѣдомъ у себя, сказалъ слѣдующее: „Сюда привезли молодаго человѣка; конечно, его осуждается законъ, но люди не должны осуждать“. И затѣмъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ по окончаніи тюремнаго заключенія, онъ оказывалъ молодому человѣку всевозможное вниманіе, не говоря уже о томъ, что аттестовалъ его въ Петербургъ самыи лестнымъ образомъ. Отправили Навроцкаго изъ Вятки въ Елабугу, губернаторъ, между прочимъ, сказалъ ему: „куда бы ни бросила васъ судьба, будьте честны, будьте строги къ самому себѣ. Если бы она сдѣлала меня дворникомъ, дровосѣкомъ, я бы такъ же честно исполнялъ обязанности дворника, дровосѣка, какъ теперь исполняю обязанности губернатора. Мужайтесь. Будьте спартанцемъ, будьте хохломт!“ Изъ Елабуги А. А. Навроцкій переведенъ въ 1849 г. на службу въ Курскъ; по снятіи же съ него въ 1851 г. надзора полиціи, подъ которымъ находился и въ Елабугѣ, и въ Курскѣ, онъ перешъхалъ въ 1853 г. на службу въ Петербургъ, а оттуда, въ 1858 году, сначала въ Дагестанскую область (г. Темиръ-Ханъ Шуру), а потомъ, въ 1870 году, въ Эривань совѣтникомъ губернскаго правленія, гдѣ служить и по настоящее время. Какъ писатель, онъ доселѣ извѣстенъ былъ только двумя малорусскими стихотвореніями своими, помѣщенныміи въ „Основѣ“ за іюнь и августъ 1861 года. Изъ нихъ одно „Остання вола“, повидимому, написано по подражанію Шевченкѣ. Кромѣ того, въ редакцію „Основы“ доставлено было не менѣе 22 стихотвореній Навроцкаго, написанныхъ имъ въ періодъ времени между 1847 и 1861 годами, которыя однако же не были напечатаны здѣсь частію потому, что журналъ „Основа“ въ 1862 году прекратился, частію по недостатку въ нихъ самостоятельности, живости и поэтическаго творчества. Намъ извѣстны слѣдующія неизданнія стихотворенія А. А. Навроцкаго: „Зірка“, 1847 г., „Козакъ и дівчина“ 1847 г., „Думка“ 1848 г., переводы стихотвореній Хомякова „Зорі“, „Вечірня пісня“ и „Ніч“ 1856 г.,

, „Пісня“ 1856 г., „Дума“ 1857 г., „Вісні въ Гейне“ (три) 1859 г., „Ніч“ 1859 г., переводы изъ Мицкевича „Те люблю я (баллада)“, „Панічъ и Дівчина“, „Рибка“, „Романтичесфѣр“ „Розмова“ и „Могилка Марусі“ 1861 г., „Пронеслися тихі вітри“, „Доля“, „Дума“, „Комета“ и др., написанные тоже около 1861 года. После 1862 г., А. А. Навроцкий перевелъ на малорусскій языкъ 12 поэмъ Оссіана; „Земля и небо“, „Кайнъ“, „Мавфредъ“ и нѣсколько мелкихъ стихотвореній Байрона; нѣсколько стихотвореній изъ Шиллера и Гёте (изъ послѣдняго „Римські елегії“ и „Земне життя і апофеоза художника“), переложилъ не гекзаметрами, а малорусскимъ народнымъ стихомъ Иліаду и Одиссею Гомера и написалъ стихотвореніе „На вічну пам'ять И. С. Тургеневу“. Все это лежитъ пока въ портфелѣ автора. Болѣе раннія изъ перечисленныхъ стихотвореній Навроцкаго имѣютъ немаловажное значеніе для определенія воззрѣній и руководящихъ идеи кирило-меѳодіевскаго кружка, которая высказываются у г. Навроцкаго довольно ясно и определенно. Изъ перечня его стихотвореній видно уже, что онъ въ значительной мѣрѣ вдохновлялся новоромантическими писателями Гейне, Байрономъ, Шиллеромъ, Гёте и Мицкевичемъ. Насколько мы знаемъ, стихотворенія Гейне у А. Навроцкаго въ первый разъ являются въ малорусскомъ переводѣ. Для примѣра, приведемъ одну его пѣсню изъ Гейне:

Знову поле зеленіе,
Стало густо въ гаї,
Вітерець тихенький зъ его
Тепломъ поває.
Сонце світить, сонце гріз,
Весело смієцца..
Прийшла, весно! и зъ тобою
Серце знову бъєтця!
И твій голось, соловейку!
Рознісся по гаю..
Чого жъ пісню свою щирѣ
Ти сумно співаешъ?
То тихесенько ти плачешъ,
То гірло ридаешъ...
Знаю, знаю: у тій пісні
Серце виливаешъ.

У одного только А. Навроцкаго мы встречаемъ также переводы стихотвореній Хомякова, одного изъ представителей московскаго славянофильства. Мы приведемъ здѣсь переводъ его стихотворенія „Зорі“, характеризующаго отношеніе переводчика къ священному писанию:

Опівночі, якъ все стихне,
Й лаже Божая роса,
Подивися окомъ чистимъ
У святії небеса:
Таїть далеко, въ мири тихімъ,
На широкій висоті,
Невідомо намъ творяця
Чудеса якісъ святі.
Зорі—Божі лампади—
Въ небі синему висять,
Ходать, снять—світомъ вічнимъ
Зорі нічні горять.
Придивися пильнимъ окомъ,
Сердемъ въ небо позирни,—
И побачишъ ти: глибоко
Зорі вічні въ вишні
Ходать, тонуть; другі йдуть;
А за дальними зірками
Зорі вічні зновъ пливуть.
Придивись ще—тъма за тъмою
Вище, дальше все пішла:
И огнемъ передъ тобою
Небо синее пала.
Опівночі, якъ все змовкине,
Якъ спаде съ душі кора
И засле тихо въ серці
Искра чистая добра,—
Придивися ти душою,
Придивися ти тоді
У писанія простії
Галилейськихъ рибарівъ,—
И ввесь миръ передъ тобою,
Небо, вишній мири
Зъ невідомою красою
Все розвернетца тобі
Въ тихъ писаніяхъ нехитрихъ.
И побачишъ ти: во тьмі
Зорі—думи, зорі сніта
Тайно ходать кругъ землі.
Глянь ище—и другі сходять,
Сходять, сходять и ростуть,
И світъ правди, світъ любові,

Світъ добра у миръ несуть,
Главъ ище, и зорі—думи
Сходить знову безъ числа,—
И іхъ чистими огнями
Серце сонне запала.

Въ болѣе поздніхъ стихотвореніяхъ своихъ Навроцкій высказываетъ глубокое сочувстїе къ крѣпостному русскому люду, требуетъ для него свободы и привѣтствуетъ самый фактъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. А намъ уже извѣстно, что освобожденіе крестьянъ было однимъ изъ дезидератовъ кирилло-мееодіевскаго кружка. Лучшее въ этомъ отношеніи стихотвореніе Навроцкаго, по нашему мнѣнію, есть стихотвореніе „Доля“, написанное въ духѣ стихотвореній Болыцова:

Поле мое, поле,
Не оране поле!
Доле моя, доле,
Непроглядна доле!

Сімъ літъ ходивъ зъ дому
Зароблять худобу,
Та принісь до дому
Порожнюю торбу.

Глану я на поле—
Густо зеленіе,
Не жито—пшеница
--Трава половіе.

Ой зворавъ би поле,
Та волівъ немає;
Ще бъ пошукавъ долі—
Та силъ не хватає.

Ой піду я въ хату,
Саду поміркую;
Може тамъ пораду
Собі знайду я.

Сумно стойти хата,
На бікъ похилилась,
На городі тільки
Кропива вродилась.

Холодно і пусто..
І жінка і діти
Давно виглядають
Мене на тимъ світі.

Пішовъ би до видъ я;
Такъ держусь—кріплюся.
Нехай ище горя
Трохи наберуся.

Нехай ще страшній.
Та лютні муки
Попомучать въ світі,
Поки скрутить руки.

Нехай погульє,
Нехай покепкує,
Нехай ще зо мною
Доля пожартує.

Годі ледащию
Шукать—виглядати;
Цора вже спочинокъ,
Слоказі собі дати.

Годі! потихевъку
Въ шинокъ помандрую,
Тiei лихой
Трошкы покуштую.

Покуштую въ вечіръ,
Покуштую въ-ранці,
Та й лажу гарненъко
Въ зеленімъ байраці.

Зъ вечера и зъ ранка.
Буду коштувати—
Въ зеленімъ байраці
Дозі виглядати.

Чи вигляну—вижду,
Чи вже не діжлуся,

А шукати злої
Самъ не піднімуся.

Въ стихотвореніи „Дума“ Навроцкій приглашаетъ душевладѣль-
цевъ просвѣтиться животворящимъ свѣтомъ и освободить менѣшаго
брата изъ неволи крѣпостничества:

Зречись тій срамотної
Власти нелюдської,
Щобъ людъ бідний живъ для тебе,
Для твого спокою,
Щобъ на тебе на одного
Тутъ усі робили,
Щобъ тобі душою й тіломъ
Цілий вікъ годили.

Наконецъ, А. Навроцкій дождался освобожденія крестьянъ, по волѣ
царя, отъ крѣпостной зависимости и воспѣвъ это освобожденіе въ сво-
емъ стихотвореніи „Пронеслися тихі вітри“:

Пронеслися тихі вітри,
Дали звистку дітямъ,
Що немає вже неволі
На білому світі;
Що по слову царевому
Всімъ добро настало,
Що неволі на Україні
Наче не бувало;
Що всімъ вільно, що всімъ рівно
На добро служити,
Що немає вже нікого—
Добро зупинити.
Встане теперъ Україна,
Піднімитя вгору,
Не попсує, не знівичить
Святого простору,—
Не попсує, а на правду,
На сватее діло
Щиримъ сердемъ и душою
Прокинитя смію,
И оживе, и простяне
Замучені руки
До добра—трудя святого,
До світа науки.
И тихенько, въ свой хаті,

На рідному полі,
Зробить думку свою щиру
Безъ шуму, по-волі.
Безъ гарнадеру, безъ крику,
Въ своїй сільській справі,
Свої крила приборкані
Широко розправить.
Візьме добро, що з'явили
Передній люде,
И понесе изъ собою
Тихо, безъ огуди,—
Щобъ не соромъ було ввійти
У сем'ю велику,
Поєднатися зъ братами
До вічного віку;
Щобъ не соромъ було стати
Міжъ людей на раду,
Щобъ славяне не сказали,
Що стоїмъ по-заду.
И поллютця добра ріки,
Підуть въ усі жерла,
И воскресне усе чисте,
Що було померло...

Въ этомъ стихотвореніі актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости привѣтствуется преимущественно въ его отношеніяхъ къ Українѣ и разсматривается какъ уничтоженіе одного изъ препятствій къ соединенію славянъ въ одну семью; слѣдовательно, точка зреянія у автора—славяно-украинофильская.

3.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулішъ ¹⁾.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулішъ родился въ 1819 году, въ мѣстечкѣ Воронежѣ, черниговской губерніи, глуховскаго уѣзда.

---

1) Источники: 1) „Отвѣтъ Н. А. Кулішу“, Н. Бунге, въ 12 томѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1857 г.; 2) Słownik nauczny; 3) „Жизнь Куліша“, въ галицкомъ

Происходя изъ старыхъ козацкихъ родовъ по отцу и по матери, Кулишъ съ дѣтства росъ среди чисто народного украинского быта и старыхъ поэтическихъ преданій, которыхъ въ его воспріимчивой натурѣ стали основаніемъ его поэтической дѣятельности. Онъ учился въ новгородѣ — сѣверской гимназіи, потомъ въ кievскомъ университѣтѣ; ученье шло неизрѣдь по недостатку средствъ и по другимъ обстоятельствамъ. Кулишъ не кончилъ курса въ университѣтѣ, но умѣлъ собственными неутомимыми трудами восполнить этотъ недостатокъ и рано обратилъ на себя вниманіе горячими интересами къ народности и ея званіемъ. Бывши въ университѣтѣ, онъ познакомился съ профессоромъ русской словесности, извѣстнымъ Максимовичемъ, который послѣ своихъ связями помогъ Кулишу устроить свои материальныя дѣла. Оставивъ университѣтѣ, Кулишъ былъ учителемъ въ Луцкѣ, въ Кіевѣ, въ Ровно. Въ альманахѣ Максимовича „Кіевлянинъ“ (1840—1 гг.) извѣдись первые труды Кулиша, разсказы изъ народныхъ преданій. Около того же времени Кулишъ познакомился съ извѣстнымъ польскимъ писателемъ Михаиломъ Грабовскимъ, библіоманомъ Свидзинскимъ, содѣстствіе которыхъ много помогло его изученіямъ украинской старины. Въ 1843 году Кулишъ напечаталъ свой исторический романъ „Михайло Чарнышевко“, поэму „Украина“, въ 1845 году первыи главы своей „Черной Рады“ въ „Современникѣ“ Плетнева. Въ 1845 году Кулишъ познакомился въ Кіевѣ съ кружкомъ молодыхъ украинскихъ патріотовъ, которые были одушевлены тѣмъ же стремленіемъ работать для своей родины,—Шевченкомъ, В. Бѣлозерскимъ. Между тѣмъ Плетневъ вызывалъ его въ Петербургъ, где готовилъ ему ученую карьеру: Кулишъ былъ уже въ Варшавѣ, по дорогѣ за границу, куда посыпали его для изученія славянскихъ нарѣчій, какъ былъ арестованъ здѣсь, пробылъ два мѣсяца въ крѣпости, потомъ три года прожилъ въ Тулѣ. Однимъ изъ поводовъ къ обвиненію послужила „Повѣсть объ украин-

---

журналѣ „Правда“, 1868 г., № 2, 3 и 7; 4) „Молодий вікъ П. Кулиша“, въ „Руській читанкѣ для средніхъ шкілъ“ О. Партицкого, Львовъ, 1871 г.; 5) „Читанка Барвінського“, ч. 3, Львовъ, 1871 г.; 6) „Поэзія славянъ“ Гербеля, Спб., 1871 г.; 7) „Шевченко, Максимовичъ и Костомаровъ предъ историческимъ судомъ П. улиша“, Ив—ика, въ 20 № „Кіевлянина“ за 1875 г.; 8) „Русская Старина“ за мартъ, 1878 г.; 9) „Історія славянскихъ литературъ“ Шипиця и Спасовича, т. 1, Спб., 1879 г., стр. 373—5; 10) „За крашанку—писанка“, Д. Мордовцева, Спб., 1882 г.; 11) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“, Н. И. Костомарова, въ „Кіевской Старинѣ“ за февраль, 1883 г.; 12) „Дѣятельность Кулиша“, въ 216 № „Москов. Вѣдом.“, за 1883, и въ „Гражданинѣ“, за 1883 г. Перечень его украинскихъ сочиненій см. въ „Покажчикѣ“ М. Комарова, 1883 года; но здѣсь не раскрыты многочисленные псевдонимы Кулиша.

скомъ народѣ", "помѣщена въ „Звѣздочкѣ" г-жи Иши-
мовой. Въ 1850 году Кулишу разрѣшено было вхать въ Петербургъ,
но было запрещено писать. Онъ поступилъ — было на службу, много
работалъ (безъ имени) въ журналахъ, написалъ нѣсколько повѣстей,
„Записки о жизни Гоголя"; но служба не шла; онъ вышелъ въ от-
ставку и уѣхалъ на Украину, гдѣ занялся хозяйствомъ и литерату-
рой. Въ 1856 году амнистія дала ему возможность открытой литера-
турной дѣятельности. Въ томъ же и слѣдующемъ году Кулишъ издалъ
два тома очень замѣчательныхъ „Записокъ о южной Руси"; въ 1856
году сдѣлалъ второе изданіе „Ироніовѣдей" священника Гречулевича
на малорусскомъ языке, который переработалъ и на половину написалъ
самъ; въ 1857 году напечаталъ въ „Русской Бесѣдѣ" свой давно начатый
романъ „Черная Рада, хроника 1683 года", который тогда же
издалъ на малорусскомъ языке. Въ 1860 году онъ собралъ свои „По-
вѣсти" (въ четырехъ томахъ), издалъ альманахъ „Хата"; изданіе жур-
нала ему не было разрѣшено, и когда въ слѣдующемъ году началась
„Основа", Кулишъ былъ дѣятельнѣйшимъ ея сотрудникомъ, наполняя
чуть не на половину каждую изъ ея книжекъ своими историческими,
этнографическими и критическими статьями, повѣстями, всякаго рода
замѣтками, поэмами и медкими стихотвореніями, подъ своимъ именемъ
и подъ псевдонимами. Кромѣ того, онъ издалъ сочиненія и письма
Н. В. Гоголя (6 томовъ), „Кобзарь" Шевченка 1860 г., „Повѣсти
Григорія Квитки" (2 тома) и „Народні Оновідання" Марка Вовчка.
Въ 1862 году вышелъ небольшой сборникъ его стихотвореній „До-
свѣтки". Еще въ 1857 году явилось первое изданіе его „Граматки",
съ которой пошло въ ходъ и принятое имъ правописаніе, такъ назы-
ваемая „Кулишовка". Въ 1861 году эта „Граматка" вышла вторымъ
изданіемъ. По прекращеніи журнала „Основы", Кулишъ участвовалъ
въ „Вѣстнике юго-западной и западной Россіи" и въ 1862 году по-
мѣстилъ здѣсь три отрывка изъ своего исторического романа начала
XVII вѣка, именно — „Встрѣча", „Братъ" и „Два стана". Около 1863
года стѣсненный материальными обстоятельствами побудили Кулиша искать
службы въ Польшѣ; но онъ вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку¹⁾.
Послѣ этого онъ участвовалъ нѣкоторое время въ галицкихъ изданіяхъ,
и между прочимъ помѣстилъ въ „Правдѣ" за 1868 годъ „перший
періодъ казацства ажъ до воронування въ ляхами", и издалъ „ято-
книжіе", псалтирь и четвероевангеліе на украинскомъ языке. Кулишъ
предназначалъ эти труды не для русской Украины, а только для Га-
лиції, гдѣ надо было спасать русскую народность въ тамошнемъ об-

¹⁾ О причинахъ отставки см. „Московскія Вѣдомости", 1883 г., № 216.

працтвѣ: ель хотѣлъ или былъ принужденъ устранить отъ этого дѣла ту же самую народность на Украинѣ. Какъ говорить однако, въ Галиції, по другимъ «образованіямъ», этихъ книгъ тоже боятся.. Съ 1874 года стала выходить его съ разныхъ сторонъ запѣчательная „Исторія воссоединенія Руси“, задуманная въ обширныхъ размѣрахъ, третій томъ которой вышелъ въ 1877 году. Одновременно съ ней стали появляться въ русскихъ periodическихъ изданіяхъ и другія сочиненія Кулиша, какъ-то: „Польская колонизація югозападной Руси“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за апрѣль 1874 г., „Мятель въ степи, польская поэзія“ въ „Газетѣ Гатцука“ за 1876 годъ, „Турецкая неволя“ въ „Русской Старинѣ“ за мартъ 1877 года, „О козачествѣ“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за іюнь 1877 года, и др. Въ 1876 году Кулишъ снова перенесъ центръ своей литературной дѣятельности въ Галицію и продолжаетъ работать и до настоящаго времени, срѣдка посылая свои работы и въ русскія газеты и альманахи. Изъ позднѣйшихъ его труда въ наਮь извѣстны слѣдующіе: „Малевана гайдамаки“ въ „Правдѣ“ за 1876 годъ, „Галицька Русь“ и „Хуторянка“ въ буковинскомъ альманахѣ „Руська Хата“ на 1877 годъ, „Свите письмо нового завѣту“, 1880 г., „Воспоминанія о Шевченкѣ“ въ 6 № газеты „Трудъ“ за 1881 годъ, „Хуторна поэзія“ и „Крашанка русинамъ и подакамъ на великомъ“, Львовъ, 1882 г., и „Шекспирові твори“ въ переводѣ съ англійскаго языка на украинскій, Львовъ, 1882 г., томъ 1. ¹⁾).

1) Приводимъ здѣсь списокъ извѣстныхъ намъ сочиненій и изданій Кулиша на русскомъ и малорусскомъ языкахъ: 1) „Малороссійские разсказы“ въ „Кіевляниинѣ“ на 1840 годъ. 2) „Цыганъ“, повѣсть въ „Ластовкѣ“ Гребенки; перепечатана въ Петербургѣ въ 1861 и въ Кіевѣ въ 1863 гг. 3) „Михайло Чарнышено, или Малороссія 80 лѣтъ назадъ“. Кіевъ, 1843. 4) „Україна“, поэма. Кіевъ, 1843. 5) „Ория, идиллія“, 1844 г., напечатанная въ „Запискахъ о южной Руси“, 1857 г.; издана особой брошюрой въ С.-Петербургѣ въ 1861 году и въ Кіевѣ въ 1883 г. 6) Первая главы романа „Черная Рада“ въ „Современнику“ за 1846 годъ. 7) „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ въ журнале „Звѣздочка“ за 1846 годъ и особымъ оттискомъ. 8) Стихи: „Три слези дівочи“, „Ой комиѣ я голосъ соловейка мала“ и „Вів вітеръ вадъ Кіевомъ“, 1847 года; напечатанные въ альманахѣ „Хата“ 1860 года. 9) Повѣсть „Алексѣй Однорогъ“, 1863 г. 10) „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, два тома 1866. 11) „Записки о южной Руси“, два тома, 1856 и 1857 гг. 12) „Сочиненія и письма Гоголя“, въ шести томахъ, 1857 года. 13) „Взглядъ на малороссійскую словесность“ въ „Русскомъ Вѣстнике“ за 1858 годъ. 14) „Кіевские богомольцы“ въ „Народномъ Чтеніи“ за февраль 1857 г. 15) Исторический романъ „Черная Рада“ въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1857 г. и особой книгою. 16) „Грамматика“, 1857 г., вторымъ изданіемъ вышедшая въ 1861 году. 17) „Проновѣди на малороссійскомъ языке“protoіерей В. В. Гречуловича, переработанныя и дополненные Кулишомъ, 1857 г. 18) „Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріѣ Самозванцѣ“, 1857 г. 19) „Народні оповідання“ Марка Вовчка, 1857 г. 20) „По-

Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ Кулиша указываетъ на подвижной и энергический талантъ; но въ немъ бывали известныя неровности и увлечения. Кулишъ никогда не былъ ни чистымъ этнографомъ, ни чистымъ историкомъ: въ исторію и этнографію онъ вносить поэтическое или публицистическое возбужденіе, а въ дѣятельности художественной недостатокъ чистой поэзіи восполняется искусственной обдуманностью. Подъ влияниемъ чувства, теоретическая возврѣнія ко-

---

вѣсти Квитки“, съ предисловіемъ, 1858. 21) „Маіоръ, малороссійская повѣсть“, въ „Русскомъ Вѣстнику“ за 1859 г. 22) „О Климентіѣ“, въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1859 г. 23) „Повѣсть о южной Руси“ въ „Народномъ Чтеніи“ за 1859 и 1860 гг. 24) „Народная пѣсни, подобранныя Кулишомъ“, тамъ же, за 1859 г., 2. 25) „Н. В. Гоголь“,—біографіческий очеркъ, въ книгѣ „Лицей князя Безбородко“, 1859. 26) „Кобзарь“ Т. Г. Шевченка, 1860. 27) „Повѣсти Н. А. Кулиша“ на русскомъ языке, въ четырехъ томахъ, 1860. 28) Альманахъ „Хата“, 1860 г., где между прочимъ, помѣщены: „Сіра кобила“ подъ псевдонимомъ Иродчука и „Колії“, украинская драма 1760 годовъ. 29) „На почтовой дорогѣ въ Малороссіи“ въ 49 № „Искры“ за 1860 годъ. 30) Нѣсколько малорусскихъ стихотвореній въ „Чернигов. Листкѣ“ за 1861—2 годы. 31) „Другой человѣкъ,—изъ воспоминаній былого“, 1859 г., напеч. въ „Основѣ“ за мартъ, 1861 г. 33) „Хмельницина“, 30 дек., 1860 г., напеч. въ „Основѣ“ за мартъ, 1861 г. и особой брошюрой. 34) „Обзоръ украинской словесности“ въ „Основѣ“ за январь, мартъ, апрѣль, май, сентябрь, ноябрь и декабрь 1861 года. 35) „Листы съ хутора“, подъ псевдонимомъ Хуторянина, за январь, февраль, мартъ, апрѣль, ноябрь и декабрь 1861 г. 36) „Южно-русскій словарь“, тамъ же, за февраль и слѣдующіе мѣсяцы 1861 г. 37) „Замѣтки и наброски для драмы изъ украинской исторіи Н. В. Гоголя“, тамъ же, за январь 1861 г. 38) „Характеръ и задача украинской критики“, тамъ же, за февраль, 1861 г. 39) „Знайдений на дорозі листъ“, подъ псевдонимомъ Необачного. 40) „О публичныхъ чтеніяхъ профессора Костомарова изъ исторіи Украины по смерти Богдана Хмельницкаго“, подъ псевдонимомъ Панька Казюки, тамъ же. 41) „Півнівника, гишпанська дітська казочка“, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, тамъ же, за апрѣль; перепечатана въ Кіевѣ въ 1883 году. 42) „Плачъ россійскій“ 1718 года, тамъ же, за май. 43) „Лічо-вимія пущи“, подъ псевдон. Д. П. Хоречко, тамъ же. 44) „Отрывки изъ автобіографії Василія Петровича Бѣлоопытенка“, тамъ же, за май, іюнь и юль 1861. 45) Стихи: „Народна слава“, „Солониця“, „Зза-дунаю“, „Съ того світу“ Вареоломею Шевченкѣ, „Кумейки (1637 г.)“, „Что есть мнѣ и тебѣ, жено?“ тамъ же, за сентябрь 1861 г. 46) „Украинскія незабудки, очерки изъ невозвратнаго времени“, 47) „Передовыe жиди“. 48) „О повѣсти г. Кузьменка и 49) „Історія України одъ найдавнійшихъ часівъ“, тамъ же, 50) Переводъ балладъ Мицкевича: „Русалка“, „Химери“, „Чумацькі діти“, подъ псевдонимомъ Ломуса, тамъ же, за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1861 г. 51) „Листи Шевченка до Я. Г. Бухаренка и М. С. Щепкина“, тамъ же, за октябрь 1861 г. 52) Стихи: „Самъ собі“, „Люли-люла“, „Старецъ“, „Дунайска дума“, „Гоголь и Ворона“, тамъ же, 53) „Настусл, поэма (1648 г.)“, тамъ же, за октябрь, ноябрь и декабрь 1861. 54) „Великі проводи, поэма (1648)“, тамъ же, за январь и февраль 1862 г. 55) Стихи: „Давне горе“, „Lago Maggiore“, „До Данта“, „До Марусі“, „Родина единица“.

лебались и неразъ впадали въ противомодные крайности. Такъ, за восторженными панегирикомъ Гоголю въ біографіи съдовала крайне строгій судъ надъ повѣстями Гоголя изъ малорусскаго быта: этотъ судъ, какъ бы ни были отдалыя сужденія справедливы, былъ нѣвѣренъ уже тѣмъ, что совѣтъ забывалъ отношенія времена и мѣста.

„Святина“, тамъ же, за ноябрь и декабрь, 1861 г. 56) „Выговщина“, тамъ же. 57) „Людска память про старовину“, подъ псевдонимомъ Панька Казюки (изъ „Записокъ о южной Руси“), тамъ же, за январь 1862 г. 58) „Біблиографія“ и „Переглядъ украинскихъ книжокъ“, тамъ же, за январь и мартъ 1862 г. 59) „Простакъ“ В. А. Гоголя, тамъ же, за февраль, 1862 г.; изданъ особо въ Киевѣ въ 1872 и 1882 г. 60) „Полякамъ объ украинцахъ“, тамъ же. 61) Стихи—„До братівъ на Україну“, 62) „Устна мова зъ науки“, и 63) „Отвѣтъ на письмо съ юга“, тамъ же, за мартъ 1862 г. 64) „Поїздка въ Україну“, тамъ же, за апрель 1862 г. 65) „Взглядъ южнорусского человѣка XVII столѣтія на нѣмецко-польскую цивилизацію“, тамъ же, за іюнь 1862 г. 66) Стихи „Васпівъ“, „Рідне слово“ и „Вареоломееви Шевченкови“, тамъ же, за августъ, и октябрь 1862 г. 67) „Історія испанской литературы по Тикнору“, 1861 г. (изъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1852 годъ). 68) „Досвітки, думи и поеми“, С. Петербургъ, 1852 г.; второе изд. въ Киевѣ 1878 г. 69) „Драматическая сочиненія Квитки“, С. Петербургъ, 1862 года. 70) Нѣсколько стихотвореній малорусскихъ въ львовской русинской газетѣ „Слово“. 71) Отрывки изъ исторического романа начала XVII вѣка „Встрѣча“, „Братъ“ и „Два стана“, въ „Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“ за 1862 г. 72) „Паденіе шляхетскаго господства въ Українѣ обѣихъ сторонъ Диїпра“, тамъ же, за 1862 и 1863 гг. 73) „Майоръ (потомки заднѣпровскихъ гайдамакъ)“, Спб., 1866 г. 74) „Перший періодъ козацтва ажъ до ворогування зъ ляхами“, въ галицкой „Правдѣ“ за 1868 г. 75) „Пятикнижіе“ въ приложениі къ газетѣ „Правда“ 1869 г. 76) „Іовъ“, печатавшійся въ „Правдѣ“ 1869 г. и вышедшій особо въ 1870 г., подъ псевдонимомъ Ратай. 77) „Псалтирь або книга хвали Божої“, Лейпцигъ, 1870 г., подъ тѣмъ же псевдонимомъ. 78) „Четвероевангеліе“, Вѣна, 1871 г. 79) „Польская колонизація юго-западной Руси“ въ „Вѣстникѣ Европы“ за апрель 1874 г. 80) „Історія возсоединенія Руси“, 3 тома, Москва, 1874—1877 гг. 81) „Мятель въ степи,—польская повѣсть“ въ „Газетѣ Гатцука“ за 1876 г. 82) „Лівоче серце,—идилія“. Кіевъ, 1876. 83) „Малевана гайдамашчина“, въ „Правдѣ“ за 1876 г. 84) „Турецкая неволя,—историческій очеркъ“, въ „Русской Старинѣ“ за мартъ 1877 г. 85) „О козацтвѣ“ въ „Русскомъ Архивѣ“ за іюнь 1877 г. 86) „Слава“, стихотвореніе, написанное въ Москвѣ 23 августа, 1876 г., но, кажется, неизданное. 87) „Галицка Русь“, и 88) „Хуторянка“ въ „Русской Хатѣ“, буковинскомъ альманахѣ за 1877 г. 89) „Святе илько нового завіту“, Львовъ, 1880 г. 90) „Воспоминаніе о Шевченкѣ“ въ 6 № кіевской газеты „Трудъ“ за 1881 г. 91) „Хуторна поезія“, Львовъ, 1882 г. 92) „Крашанка русинамъ и полякамъ на великанъ“, Львовъ, 1882 г. 93) „Шекспирови твори“, т. 1, Львовъ, 1882 г.; второй томъ печатается. 94) Стихи: „До кобзі та до музи“ и „На чужій чужині“, подъ псевдонимомъ Ратай, въ кіевскомъ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 г. Псевдоними Кулиша раскрыты главнымъ образомъ по указанію шурина его Н. М. Бѣло-зерского.

Такъ, подъ віязають чувства,—говорить г. Пыпинъ;—произошло послѣдній икумительный поворотъ въ міїніяхъ Кулиша. выразившійся въ „Історії въсвоедливості“ и въ статтяхъ о козачествѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1877 г., гдѣ прежніе идолы были свергнуты съ пьедесталовъ, и авторъ вообще явился злѣшшимъ противникомъ стремленій, въ которыхъ прошла однако вся его прежняя жизнь.¹⁾ Этотъ поворотъ въ міїніяхъ Кулиша и дѣлить его учено-литературную дѣятельность на два периода, противоположные между собою по направленію: въ первомъ онъ является ръянымъ украинофиломъ, во второмъ—врагомъ если не украинофильства, то нѣкоторыхъ его прежнихъ основъ.

Въ первый періодъ своей учено-литературной дѣятельности г. Кулишъ отрицательно относился къ московскому нивелирующему вліянію на Малороссію и старался уяснить и раскрыть положительныя черты украинскаго населенія и его исторіи.

Во многихъ сочиненіяхъ первого періода своей дѣятельности г. Кулишъ представлялъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ историческія и современныя отношенія московского государства и парода къ Малороссії. Къ числу его сочиненій этого рода относятся: „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ 1846 года, написанная имъ „для дѣтей старшаго возраста“, „Поѣзда въ Украину“ 1857 г., „Майоръ, малороссійская повѣсть“, 1859 г., „Другой человѣкъ,—изъ воспоминаній бывшаго“ 1859 г., „Старосвѣтское дворище“ 1860 г., „Липовая пуща“, начало романа, съ псевдонимомъ Хоречко, 1861 г., „Украинскія незабудки“ 1861 г., отчасти „Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣллохощтенка“ 1861 года, и др. Въ этихъ сочиненіяхъ съ исторической и современной точекъ зрѣнія показываются вредныя послѣдствія московского вмѣшательства во внутреннюю и внутреннюю жизнь Малороссіи. Остановимся на важнѣйшихъ изъ нихъ.

О „Повѣсти объ украинскомъ народѣ“ Ю. О Самаринъ писалъ въ 1850 году въ дневникѣ своемъ слѣдующее: „этость маслеской, прекрасно написанный очеркъ исторіи Украины замѣчательенъ въ особенности тѣмъ, что факты, въ немъ выведенныя, ясно обличаютъ односторонность возврѣнія автора и доказываютъ неопровергнуто мысль, прямо противоположную той, на которую онъ намекаетъ довольно ясно во многихъ мѣстахъ. Украина могла бы сдѣлаться самостранительною, если бы не измѣна дворянства и не владычество Москвы,—потъ что старается внушить авторъ!“²⁾ Еще рѣзче отзыается объ этой

1) „Історія славянскихъ литературъ“ Пыпина и Спасовича, т. 1, 1879 года, стр. 375.

2) „Русскій Архивъ“, 1877 г., кн. 2, стр. 229.

довѣсти самъ г. Кулишъ въ своемъ „историчномъ оповѣданнѣ“ къ „Хуторской поэзіи“ 1889 года.

Начало романа „Липовая вуши“ изображаетъ бытъ козацкаго рода Вѣниковыkh, представители которого, принадлежа къ полковой старшинѣ, пользовались обстоятельствами распадавшейся въ XVIII вѣкѣ гетьманщины для своихъ личныхъ выгодъ и эксплоатировали въ свою пользу простой народъ и козаковъ; но вина въ этомъ, по мнѣнію автора, надаетъ главный образомъ на русское правительство. „Отважное предпріятіе Мазепы, — говорить авторъ въ примѣчаніи къ роману, — открыло уму Петра для его государства страшную перспективу, которой онъ не могъ забыть во всю жизнь. Возможность разрушенія созданной въ умѣ и принятой очень близко къ сердцу имперіи слишкомъ сильно поразила тогда его воображеніе, и онъ, со свойственной одному ему гениальности, создать планъ постепенного разрушенія гетьманщины. Мы не жалѣемъ о ней, какъ объ уничтоженіи корпораціи генеральныхъ старшинъ, которые, вмѣсть съ выбраннымъ отъ цара гетманомъ, дѣлили между собой войсковое имущество, не заботясь о благѣ народа, которые окружали себя родственниками, подъ названиемъ генеральной канцеляріи, и потакали имъ въ самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ относительно беззащитной части малороссійскаго населенія, которые раздали своимъ пріятелямъ и разпродали перекрещенцамъ изъ жидовъ и разнымъ выходцамъ полковицамъ и сотничимъ мѣста почти съ неограниченной властью надъ подчиненными. Намъ нечего жалѣть о паденіи гетьманщины. Это было дѣво, подгнившее въ корѣ и не приносившее никакихъ плодовъ. Если бы не повалило его петербургское правительство, то оно рухнуло бы и сгнило, оставленное безъ вниманія народомъ. Но нельзя намъ не грустить о тяжкихъ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось выполненіе предначертанія великого разрушителя старины русской. Раздача присвоенныхъ гетьманской булавѣ и оставшихся послѣ приверженцевъ Мазепы земель великороссіянамъ, въ противоположность коренному малороссійскому праву, и притомъ со введеніемъ неслыханного въ Малороссіи закреѣщенія свободныхъ поселенъ, повлекла въ безчисленныхъ притѣ неніяхъ простаго народа и грабежу козаковъ со стороны новѣйшихъ властѣльцевъ, сильныхъ царскими милостями и посыпанныхъ въ Малороссію своихъ управителей и старость вѣмцевъ и великороссіянъ, какъ въ землю захороненную. Введеніе въ малороссійскій трибуналъ великорусскихъ членовъ породило сцены насилий и ужасовъ, отъ которыхъ становится волосъ дыбомъ у историка. Систематическое ослабленіе козацкой тавтики и изнурительная земляная работы въ финскихъ болотахъ быстро уменьшили народонаселеніе края и наполнили его калѣками. Квартированіе войскъ великорусскихъ въ Малороссіи на военномъ положеніи,

безъ всякихъ мѣръ къ ограничению своеvolства и безчинства солдатъ, и произвольные сборы порцюновъ и рационовъ, сопровождаемые безнаказанными притѣсненіями и грабежомъ, породили въ народѣ бѣдность, часто доходившую до нищенства, а многія села заставили разбрѣжаться. Не только лѣтописи, но и самые архивы, уцѣлѣвшіе отъ того времени, наполнены описаніями страшного произвола каждого чиновника, каждого командира и каждого курьера, являвшагося въ Малороссію. При такихъ обстоятельствахъ, генеральнымъ и другимъ старшинамъ малороссійскимъ ничего другого не оставалось, какъ только ладить съ правительственными лицами въ Петербургѣ и съ чиновниками, присланными въ Малороссію, и народъ сдѣлался общему добычею тѣхъ и другихъ. Съ уничтоженіемъ выбора вольными голосами, уничтожился страхъ общественного мнѣнія для начальствовавшихъ. На мѣсто его развилась канцелярская формальность и, какъ непроницаемымъ облакомъ, закрыла собою отъ народа правду на судѣ. Кто не падалъ въ это время подъ бременемъ нужды и притѣсненій, тотъ невольно клонился и падалъ душою подъ нравственнымъ гнетомъ повсемѣстного беззаконія. Все бѣдное, все смиренное и незнатное пришло молчаливо къ землѣ и образовало отдѣльную, пассивную націю; все, спримившееся къ обогащенню, къ власти, къ знатности, настѣло сверху и образовало націю активную; а эта активность обращена была на составленіе связей съ богатыми и сильными, на угодничество опаснымъ, на захватываніе разными способами казачьихъ земель, на грабежи и насилия всякаго рода и на тѣжбы съ сосѣднимъ за всякую мелочь, въ надеждѣ выиграть протори и убытки¹⁾.

Такой порядокъ вещей, по взгляду г. Кулиша, продолжался, съ несущественными измѣненіями, и до послѣднаго времени. Г. Кулишъ поставлялъ своею задачею карать своимъ вѣщимъ словомъ поэта, историка и беллетриста активный, поверхностный слой малорусской націи, чтобы поднять и ободрить нижній, пассивный ея слой. Болѣе всего видна эта задача въ повѣсти „Майоръ“ и въ очеркахъ невозвратнаго времени „Украинскія незабудки“. Выраженіемъ общаго, коренного взгляда автора на отрицательные типы въ этихъ произведеніяхъ могутъ служить слѣдующія его слова въ „Украинскихъ незабудкахъ“: „Жалкіе всѣ они болѣе или менѣе несчастные, болѣе или менѣе уроды, неизлечимые калѣки, надломанные люди, надорванные души. Выписная машина гражданственности прошла изъ конца въ конецъ по ихъ захолустьямъ и кой-кого швырнула, обработавъ наско로, въ другія губерніи, для разныхъ полезныхъ и вредныхъ употребленій, а многихъ только

1) „Основа“, май, 1861 г., стр. 22—24.

переломила, вывернула наизнанку; одурманила павъки и бросила на мѣстѣ, какъ будто только для того, чтобы труда не было спрятаться съ честными наседеніемъ другой гражданственности, болѣе естественной, болѣе разумной. И вотъ они, кончились себѣ въ умственныхъ, потемкахъ и доживаются, вѣкъ, берутся въ грязь. Сколько бы вышло дредей изъ этого общества, при другомъпорядкѣ вещей, подъ иными вѣнцами».

„Майоръ“ и „Украинскія незабудки“ довольно сходны между собою по содержанию и характеру. Главный герой повѣсти „Майоръ“, давшій ей название, лицо довольно бѣдное, болѣзенное. Это—отставной майоръ Лушникъ, происходившій изъ козаковъ, и хотя онъ дослужился до высокоблагороднаго чина, но инстинктивно любилъ простую козацкую обстановку, и жилъ въ козацкой хатѣ. Болѣе обнаруживающъ энергіи второстепенные лица повѣсти, входящія въ столкновеніе съ Лушникомъ. Это—его племянница Параса, жившая въ его домѣ съ своей матерью, затѣмъ промотавшій отставной корнетъ Капитонъ Парфеновичъ Ивангинъ, содержатель почтовой станціи, уѣздный вѣстоноша и сплетника, чувствовавшаго влеченіе ко всякой знаменитости, действительной и мнемой, и готовый для высокопоставленныхъ лицъ на безкорыстное лакейничанье, и нафонецъ молодой человѣкъ Сагайдачный, дослужившійся впрочемъ до значительныхъ чиновъ, который считалъ простой малорусскій народъ единственнымъ самостоятельнымъ обществомъ, съ коренными русскими нравами, и находилъ необходимъ сродиться съ нимъ. Сагайдачный познакомился на дѣвичьихъ народныхъ гуляньяхъ съ Парасей, которая въ свою очередь любила простоту сельской жизни и уѣзжала встрѣчи съ „судовыми панычами“, хотя послѣдніе, по ея общественному положенію, были наиболѣе подхалиющими зеваками для нея. Отдѣлись отъ изыскаго, сельскаго сорта словія,—говорить объ этихъ дамычахъ, г. Будишинъ,—этотъ классъ дредей утратилъ простоту жизни и естественность интересовъ, обратилъ душевные свои силы къ интересамъ искусственнымъ, чиновнымъ и финансовымъ, усвоилъ себѣ языкъ, выдѣланный изъ народнаго кіевскими академистами и смѣшанный потомъ съ городскимъ нарѣчіемъ московскимъ для всероссійского официального употребленія; эти люди потеряли чистое живописство обработокъ, чѣмъ поэтичности тѣхъ стереотипныхъ формъ языка, которыми пересыпаетъ сюю бесѣду въже простонародье, и, обѣднѣвшись природными дарами ума, и сердца, пустыни въ коѣ наслаждатся, полукультурескія фразы и манеры, столь же чужды народному естественному вкусу, какъ и далекія отъ изыщной простоты чистаго, образованаго общества». Отворачиваясь отъ судовыхъ панычей, Параса отвѣтила взамѣнѣ Сагайдачному, какъ сину на рода, ковсе не знає о чегъ болѣеѣ и чинахъ, и однажды на перелазѣ

во дворъ, подарила его поцѣлуй. Этотъ поцѣлуй случайно подмѣченъ бытъ людѣй — майоромъ, который объяснилъ ей себѣ въ худую сторону и въ порывѣ рѣвности вызвалъ Сагайдачнаго на дуэль. Дуэли не состоялось, такъ какъ Сагайдачный успѣхъ убѣдить майора въ чистотѣ своихъ намѣрѣй относительно его племянницы; но боязной майоръ такъ бытъ взволнованъ и потрясенъ своими страшными подозрѣніями, что вскорѣ умеръ, потеропившись завѣщать свой хуторъ князю Великдану, по внушеніямъ Капитона Павловича Иволгина. Этотъ послѣдній не имѣть въ повѣсти своего опредѣленнаго, тѣль сказать, штатнаго мѣста и прикомандированъ къ ней только для большаго оттѣшиванія другихъ лицъ. „Съ самаго дѣтства Иволгинъ никого не любилъ и не увлекался ни одною высокою мыслю. Сердце его было холодное и кустое дупло, въ которомъ гнѣздилась только змѣя: дворянской гордости, господствующей надъ всѣми иными чувствами“. Прожутавшись и остынивъ, такъ сказать, на краю пропасти, онъ взялся содѣржать почтовую станцію и поддерживать этимъ не только разстроенные свои финансы, но и упадавшее было свое значеніе въ уѣздѣ. „Черезъ городокъ NN проѣзжали разные генералы, князья, графы. Иволгинъ, обладая счастливой способностью постигать склонности и вкусы знатныхъ людей, предлагалъ имъ жстatiи свои услуги, въ качествѣ добродушнаго майороссийскаго помѣщика, — симѣшиль ихъ своими анекдотами, въ качествѣ мало-рussiйскаго юмориста, и, составляя такимъ образомъ кругъ знакомствъ въ уѣздной сфере, возвышалъ себѣ во мнѣніи самыхъ гордыхъ сосѣдей-истократовъ“. Такимъ же образомъ онъ втеря въ знакомство къ прѣѣхавшему изъ Петербурга сосѣду князю Великдану и, узнѣвъ, что ему понравилось мѣсто положеніе майорскаго хутора, убѣдилъ майора Лушнина, во время его temporъ подозрѣній насчетъ племянницы, завѣщать свой хуторъ Великдану. Но, по смерти майора, Сагайдачный не призналъ законнаго его завѣщанія и не уступилъ Великдану хутора, а Иволгинъ получилъ отказъ отъ дома Великдана и стѣль болѣе прѣнаго пьянствовать.

Въ „Украинскикъ незабудкахъ“, — очеркахъ изъ непознанного времени, являются или тѣ же самые герои, иакіе и въ повѣсти „Майоръ“, или же весьма похожіе на нихъ. Фабула очерковъ весьма незамысловата. Къ исправнику Кирилу Петровичу Квачу возвращается, послѣ институтскаго образованія, дочь Нина, тѣль приѣзду которой родители ея пригласили къ себѣ своихъ родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ. Въ числѣ гостей были братья Квача съ семействами, три старыя дѣвы Чечотки, старый холостякъ Капитонъ Павловичъ Иволгинъ, встрѣтившійся и въ предыдущей повѣsti, Протазанова съ дѣтьми разныхъ возрастовъ и др., — все отрицательные типы. Здѣсь Иволгинъ рельефныѣ выдѣляется своимъ „лавейскимъ наложеніемъ“. Онъ упирается на склонность

великороссия къ действу въ великорусское барство; какъ на обрать; потому что тамъ барство утвердилось еще при Борисѣ Годуновѣ, „у васъ же,—говорить Иволгинъ,—подъимъ подсостѣки прокрѣплены къ землѣ не болѣе 80 лѣтъ“. Дѣвица Чечотки быда здѣшнія сплетницы и шантажистки. „Воспитанная не въ помѣщичьемъ домѣ, роскошномъ и грозномъ, суетливомъ и лѣнивомъ, надменномъ и низкогодомомъ, nominalno благородномъ и фактически хищномъ, онѣ были бы украшаніемъ лучшаго человѣческаго общества: столько имъ отмѣreno щедрою украинской природой красоты, естественной граціи, ума и сердца,—сердца въ особенности. Но, подбитыя несчастной своей любовью при началѣ жизни и лавируя потомъ между женихами безъ любви, по указанію дворянской политики, онѣ мало по малу потеряли все, что можетъ привлечь въ женщины даже и такому господину, какъ Антонъ Петровичъ Мотузочка, сдѣлались извѣю всего общества, и безъ того пораженнаго всякими нечистыми вѣразами. Преслѣдуемый ими на каждомъ шагу, Иволгинъ выражался: о нихъ въ своемъ рѣжесточеніи рѣзко, но справедливо. Онъ говорилъ: „если добрые духи не сдѣлали изъ женщинъ ничего хорошаго, пока она была молода и прекрасна, то дьяволы берутъ ее къ себѣ на фабрику и выдѣлываютъ изъ нея кислую горечь, отъ которой морщится всяковое живое созданіе“. Совершенную противоположность Кирилу Петровичу Квачу съ его женой и гостями представляетъ его дочь, институтка Нина. Она смущается сборищемъ гостей, стѣхающихъ посмотрѣть на нее, стѣсняется ими, задумывается о неправедно нажитомъ, богатствѣ родителей и всѣмъ сердцемъ дѣлаетъ къ своей босоногой прислугѣ. Къ ея счастью, случайно заѣзжаютъ къ ея отцу Михаило Андреевичъ Бонашевичъ и профессоръ Нечай, изъ хозацкихъ дѣтей, знавшій ее еще съ дѣтства. Нина возобновляетъ старое знакомство съ Нечаемъ, разсказываетъ ему о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ къ родительскомъ домѣ и наконецъ влюбляется въ Нечая. Не смотри на институтское образованіе свое, Нина вполнѣ соответствуетъ Парасѣ „Майора“. Это—только другая сторона одного и того же женскаго идеала... „По своему особенному воспитанію,—говорить Кулишъ,—сердце Сагайдачнаго могло отиться такой женщинѣ, какъ Парася, женщина, образованной или народомъ въ лучшей его средѣ, или совершенѣніями людьми пресвѣщенаго общества“. Сагайдачный полюбидъ простоту Парасю потому, что встрѣтился съ нею; но онъ также могъ полюбить и истинно образованную Нину, если бы встрѣтился съ нею. Естественная простота и высокое истинное образованіе весьма близко градичатъ между собою.

Въ некоторыхъ другихъ цѣнѣстахъ и разсказахъ Кулишъ развиваетъ подробнѣе тѣ же самые сюжеты, какіе затронуты имъ въ повѣсти „Майоръ“ и въ очеркахъ „Украинскія незабудки“. Въ разсказѣ

„Повзда на Украину“ говорится о порче народных обычаев и нравственности вблизи каленых дорог и изображается станичный смотриль трезвично ярчайши красками. Повесть „Другой человек“ рассказывает об отставном офицере Зарубаеве, выслужившемся из простих крестьянъ, который теперь считалъ себя соверше другимъ ченоюкомъ, „благороднымъ“, говорилъ по-московски, стыдился честнаго труда и брезговалъ жениться на простой холушкѣ. Ему вториль низведенный въ дычки священникъ о. Потапий. Своимъ презрениемъ къ бывшимъ своимъ собратьямъ Зарубаевъ оттолкнулъ ихъ отъ себя, а къ панамъ все таки не присталъ. Въ компании съ о. Патапиемъ онъ сталъ поридочно выпивать и, по совѣту о. Патапия и его жены, женился на ихъ родственницѣ, дочери ихъ вдовы попади. Черезъ нѣсколько лѣтъ авторъ остановился въ домѣ Зарубаевыхъ. „Меня встрѣчаетъ прягожая, краснощекая женщина, — говоритъ о. о. — Покотно предлагаетъ въ мое распоряженіе свѣтлцу, самоваръ и ужинъ. Мысли мои заняты рѣднымъ хуторомъ. Въ окнѣ самовара и ужина, я рассматриваю по свѣтлицѣ и не обращаю вниманія на тѣжелое храпѣніе кого-то спящаго за перегородкою. Тутъ отворилась изъ синей двери, и дряхлая старушонка въ жалкомъ рубицѣ, крахти, появилась съ чайнымъ приборомъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть такія изможденныя лица. Отвѣтая на ея смиренный поклонъ, я съ участіемъ всматривался въ ёя полумертвыя черты, на которыхъ давно уже застыло живое выраженіе горестей житейскихъ и смынилось какимъ-то тупымъ, неяснымъ страданіемъ. Когдѣ она принесла мѣшокъ самоваръ, я спросилъ: „Ты, бабусю, въ іхъ наймичта?“ — „Ні,“ рідна мати“, — отвѣчала она. — „Хто жъ вони таки?“ — „Зарубаеви. Синъ мій — офицеръ Зарубаенко, а се (она качнула сѣдой головой по направлению къ кухнѣ), се моя невѣстка“ — Я понялъ все. Разспрашивать болѣе мнѣ было не о чёмъ“. Въ душеспасительномъ размышленіи „Старосвѣтское дворище“ изображается судовый панычъ Коло-Меду-Палецъ, отецъ котораго, бывшій секретаремъ повѣтowego суда, скопилъ теньジョンокъ и купилъ въ городѣ „Старосвѣтское дворище“, принадлежавшее прежде завѣтнымъ козакамъ. Сынъ Никодимъ Трифоновичъ пошелъ по стопамъ своего родителя и слѣдался чернильной пьяновой. Вудучи еще ничтожествомъ, онъ женился на дочери покойнаго протопопа Катеринѣ Луковнѣ Бобикъ. Это была хорошая хозяйка, не испытавшая впрочемъ чувства супружеской любви. Дѣти ихъ повѣдены были сначала просто. Но вотъ Никодимъ Трифоновичъ достигаетъ званія секретара, а наконецъ стряпчаго. Вмѣсть съ тѣмъ увеличились его доходы и завѣлась роскошь. Старшія дочери уже стыдятся за свое прежнее воспитаніе и вѣдь свои прежнія знакомства; мать дѣлается слугой; домъ перестроенъ по-барскому; и прекрасный вѣковой садъ вырубленъ.

Что же касается положительных типовъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ Кулиша, то они не отличаются живостью и определенностью своего облика и своихъ идеальныхъ стремленій, потому что большую частью это были типы выдуманные, не имѣющие подъ собою реальной почвы. Изъ числа этихъ типовъ бывшъ полно обуриованъ Сагайдачный въ повѣсти „Майоръ“. Сагайдачный, по словамъ Кулиша, — находя въ своемъ народѣ бражонечный интересъ для наблюдательности и желая войти поглубже въ его жизнь, мнѣлось иногда свой европейскій костюмъ на полуазіатскую одежду, которая такъ согласуется съ широкими стедицами пространствами Малороссіи, да такъ удобна для неупрека въ жаровъ и пыли да нашихъ дорогахъ. Въ этой одеждѣ оно разъѣзжалъ отчасти для хозяйственныхъ надобностей, а отчасти и изъ любопытства по украинскимъ шумнымъ и беспорядочнымъ ярмаркамъ походи больше, на приказчика, богатаго, или зажиточнаго торговца хуторянина, нежели на дворянина. Знаніе малороссійского языка помогало ему казаться ниже настроющаго своего званія, въ глазахъ незавидныхъ его людей". Изучивъ малороссійский народъ, Сагайдачный пришелъ къ слѣдующему заключенію о немъ: „Простой народъ нацъ есть единственное самостоятельное у насть общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждыми, несвойственными нацей славянской природѣ. Намъ слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться. Въ простолюдинѣ скрѣбѣ найдешь вѣрдаго, искренняго и живаго человѣка, чѣмъ изъ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблють никакіе разсчеты и отвѣшемія". Въ силу этихъ уображеній онъ и женился на Царасѣ, представлявшей чистый типъ украинки. Главная идея этой повѣсти есть мысль о животворности народныхъ началъ и о необходимости сближенія съ народомъ даже по видимости и костюму; но, и эта крайняя мысль является у Кулиша чисто книжною, притомъ же, заимствованной изъ чужой литературы. „Сагайдачный — не исключительное явленіе, — говорить Кулишъ. Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сфере жизни, отъ искусственности ея движений, за которою уже не видать движений чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ видѣ подъекомъ поэтъ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ наѣтъ для своего сердца движенія воды, жизни:

Gdy bys myjal iesczce das, где же сидѣтъ коши,

Oddal-byim go dziewczynie z wiejsia czego domu;

Stal-byd się z dusza suzem, ojsem tego ludi.

Godny trud życia, godne zycie trudu!

(Если бы у меня было сердце, готовое еще полюбить, я бы отдалъ его девушкѣ изъ простонародного семейства, я бы сдѣлалъ по духу сыномъ и отпемъ моего народа. Подвигъ, стоящий жизни; жизнь, стоящая подвига!). Эти стихи Мицкевича хорошо выражаютъ сущность повѣсти „Майоръ“ и могутъ служить энграffомъ къ ней.

Тепличными и книжными созданіями кажутся наѣмъ и другіе положительные типы въ беллетристическихъ сочиненіяхъ Кулеша, какъ-то: въ идилліи „Ориса“ 1844 г. и идилліи „Дівоче серце“ 1876 г., какъ показываетъ и самое наименованіе ихъ идилліами. Первая изъ нихъ называе шестою пѣснью Одиссеи и представляетъ идиллическую картины первой встречи и знакомства миргородскаго Осауленка съ его суженою дочерью сотника Таволги, обставленную таинственными преданіями о такъ называемой „Туровой кручѣ“. На этой кручѣ будто бы охотился когда-то князь за турами и проклять былъ однажды прекрасною дѣвицею, которая обремя его „блукать во пушцѣ по всі вічні роки“. По разсказу идилліи „Дівоче серце“, полюбила Олена Игната, а потомъ полюбила Павла, съ которымъ и полетѣла на край свѣта. Игнать же „единоким вік звікував, мов той суховерхій“. Кулешу же принадлежать псевдонимные разсказы „Про злодія у селі Гаківниці“ съ именемъ Хуторянна и „Сира кобила“ съ псевдонимомъ Иродчука, расчитанные на простонародный вкусъ и назначавшіеся для народнаго чтенія; но и въ нихъ отчасти замѣтны или идеализація выводимыхъ характеровъ, или утрировка южнорусскаго народнаго юмора. Разсказъ „Про злодія у селі Гаківниці“ выставляетъ симпатическій типъ набожнаго и страннопріимнаго простолюдина, который занимался когда-то воровствомъ. Разсказчикъ говорить о себѣ, что онъ однажды посланъ былъ громадою, вмѣстѣ съ титаремъ (церковнымъ старостой), собирать поданіе на построеніе церкви. На обратномъ пути они заѣхали въ село Гаківницу и попросились почевать; но никто ихъ не хотѣлъ принять къ себѣ, и всѣ указывали на одного злодія, т. е. вора, который одинъ только можетъ принять ихъ. Путникамъ показалось рискованнымъ почевать у злодія, и они рѣшились на это только по необходимости. Между тѣмъ этотъ злодій вовсе не соответствовалъ своему прозванию. Это былъ богатый человѣкъ, который правиль путьниковъ съ чолниль радушіемъ и гостепріимствомъ. Онъ рассказалъ имъ о себѣ слѣдующее. Такъ называемый злодій былъ сначала работящимъ парубкомъ, но бѣдный; дѣвчата смѣялись надъ нимъ изъ-за его бѣдности. Тогда онъ оставилъ хозяина, у которого служилъ батракомъ, укралъ пару лошадей, продалъ ихъ и началъ богатѣть понемногу. Онъ уже разбогатѣлъ и обзавелся семействомъ, но не оставлялъ воровства, наживки працьку къ нему. Однажды онъ вздумалъ было обокрасть церкви, но былъ пойманъ и присужденъ громадою къ тѣлесному наказанію. Кроме того,

громада, назначила его на три года пономаремъ при церкви и обиезда, какъ богатаго человека, три года приводить всѣхъ путниковъ и странниковъ и подождѣда до самой смерти его авѣтъ еже не иначе, какъ злодѣемъ. Прошло три года назначеннай воякты, но и послѣ этого герой разсказа просыпъ громаду оставить его пономаремъ и отсыпать къ нему всѣхъ путниковъ и странниковъ для прыюта. Что же касается до разсказа „Сіра кобила“, то, при очевидной нальницѣ содержанія, онъ отличаетъ чистымъ народнымъ дырокомъ и юморомъ. Этотъ разсказъ въ южной Россіи нерѣдко декламируютъ на литературныхъ домашнихъ вечериныхъ.

Вообще же, беллетристическія сочиненія Кулиша, особенно же тѣ, въ которыхъ выводятся положительные типы, отличаются некоторою сентиментальностью, слававостью, и въ этомъ отношеніи очень походятъ на Квяткины украинскія повѣстія, которыхъ онъ издалъ въ 1858 году. О повѣстяхъ и разсказахъ Кулиша можно отчасти сказать то же самое, что онъ говорилъ въ 1861 году о современныхъ беллетристахъ. „Въ наше время,—писалъ онъ,—постановкою повѣстей въ журналахъ занято очень много грамотнаго народу; но на повѣсть, равно какъ и на другія произведения беллетристики, большинство читателей смотритъ слегка. Автору окотно прощають у насъ не только поверхностное знаніе того міра явленій, изъ котораго взята повѣсть, но иногда и недостатокъ здраваго смысла. Скажите же, не достойны ли осмѣянія и упрековъ тѣ писатели, которые своими затѣями говорятъ: „господа, вамъ не все еще известно, положимъ, объ украинской жизни; мы вамъ покажемъ, посредствомъ повѣстіи, украинскую жизнь съ новой стороны“, и не только этого не исполняютъ, напротивъ затѣмняютъ и то, что въ ней было ясно, какъ день“¹⁾). При всѣхъ достоинствахъ беллетристическихъ сочиненій Кулиша, въ нихъ видна рефлектирующая мысль автора, и притомъ часто предвзятая и тенденціозная, служащая кривымъ зеркаламъ для отраженія украинскихъ типовъ и украинскаго быта.

Чтобы глубже понять и вѣриѣ изобразить типическія черты малороссовъ, для этого нужно было всестороннее изученіе этнографіи и исторіи южнорусскаго края и очищеніе искаженнаго облика южнорусскаго народа образованіемъ. Кулишъ болѣе многихъ другихъ соплеменниковъ своихъ понималъ нужду въ этомъ и много потрудился для этнографіи и исторіи южно-русскаго края и для народнаго образования. И эти труды его имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ беллетристическая его сочиненія.

¹⁾ „Характеръ и сущность украинской притихії“, въ „Основѣ“, за февраль, 1861 г.

По южнорусской этнографии особенного явившегося внимания сборникъ Кулиша, подъ заглавиемъ „Записки о южной Руси“, въ двухъ томахъ, 1856—7 гг. По наимѣрію Кулиша, онъ долженъ быть „представить энциклопедію разнообразныхъ съѣдѣній въ народѣ“, говорящемъ языкомъ южнорусскимъ. Эти съѣдѣнія собраны и обработаны какъ самими издателемъ, такъ и другими лицами. Первый томъ занятъ почти исключительно историческими воспоминаніями малороссовъ, представленными въ томъ видѣ, какъ они передаются въ народѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Сюда вошли преданія о событияхъ прошлаго вѣка, о запорожцахъ и гайдамакахъ, а иногда и сказанія о болѣе отдаленныхъ временахъ. Большая часть старыхъ легендъ и преданій относится къ имени Хмельницкаго, есть нѣсколько рассказовъ о Палѣ и Масей и всего болѣе о гайдамакахъ и запорожцахъ; сюда присоединяются также воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ старой Украинѣ, обѣ угнетеніяхъ жидовъ, обѣ узій и „блажестій“ (православія), о татарскихъ грабежахъ, наконецъ разсказы о новыхъ войнахъ и ополченіяхъ. Эти поэтическія думы и простые разсказы „о старинѣ дополнены“ обширными объясненіями издателя и связаны историческими разысканіями о бытѣ и судьбахъ народной малорусской поэзіи. Второй томъ составленъ изъ трудовъ многихъ лицъ, и хотя ограничивается попреимуществу тѣмъ же этнографическимъ вопросомъ, но по содержанію гораздо разнообразнѣе. Въ немъ помещены слѣдующія статьи: 1) „Сказки и сказочники“, этнографическія замѣтки съ текстами малорусскихъ народныхъ сказокъ, составленныя издателемъ по разсказамъ и запискамъ т. Жемчужникова; 2) „Рассказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ“, статья, составленная по неизданнойпольской рукописи пана Симона Закревскаго; 3) „Наймичка“, поэма Шевченка, безъ его имени; 4) „Записки Григорія Николаевича Тѣплова о непорядкахъ, которые происходять отъ злоупотреблениія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи“; 5) „Ориса“, идилія Кулиша; 6) „Малоруссія пѣсни“, положенная на ноты для пѣнія и фортепіана т. Маркевичемъ; 7) „О древности и самобытности южнорусского языка“, И. Могилевскаго; 8) „Похороны“, т. е. разсказъ о похоронахъ или погребальныхъ обрядахъ у малороссовъ, и 9) „О причинакѣ вражды между поляками и украинцами въ XVII вѣкѣ“, дѣй статья, написанная Грабовскимъ и Кулишомъ по поводу открытаго недавно универсала гетмана Остряницы.

Разнообразіе предметовъ „Записокъ“ придавало имъ особенную пестроту и занимателность, которая увеличивалась отъ новыхъ, своеобразныхъ приемовъ этнографического изслѣдованія. Кулишъ не заботился только о томъ, чтобы собрать пѣсни и напечатать ихъ въ цвѣстномъ порядке, раздѣливъ на категоріи и разряды, какъ это делали до

предшественники въ этой области, но старался остановить вниманіе читателя и на томъ процессѣ, которымъ зарождаются и сохраняются национальные произведения народной словесности, старался угадать смыслъ, какой скрывается за роди съ этими выраженіями его поэтическихъ строкъ; и вообще представлять полную картину этой любопытной стороны народа быта, съ подробностями, незванными для первого взгляда. Сборникъ выходилъ чрезвычайно занимательный и любопытныи. Получивъ его отъ Лазаревскаго, Шевченко заливалъ въ своеи дневники слѣдующее: „Въ особности благодаренъ а ему за „Записки о южной Руси“. Я эту книгу скоро изнурю и буду читать. Она миъ такъ жива, таинъ волшебно живо напомнила мою прекрасную Украину, чтобы рань болѣго съ жизнами бессѣдують ея славными лирниками и кобзарями. Прекраснѣйшии, благороднѣйшии трудъ въ современной исторической литературѣ. Пошли тебѣ, Господи, друже мой искренний, силу, любовь и терпніе продолжать эту неоцѣненную книгу“¹⁾.

Впрочемъ, при важныхъ достоинствахъ „Записокъ“ Кулиша, ученая критика находила въ нихъ и значительные недостатки. Мы не будемъ касаться здѣсь замѣчаній, поправокъ и дополнений М. А. Максимовича на эту книгу, иногда слишкомъ подробныи и интересныи только для специалистовъ²⁾; но не можемъ не остановиться на уважаіи г. Пыпинаъ къ некоторыхъ принципиальныхъ недостатковъ въ сборникеъ Кулиша, именно одностороннаго пристрастія къ предмету и недостатка сравнительного изученія его. „Въ новыхъ трудахъ, изданныхъ Кулишомъ, — говорить Пыпинъ, — одностороння любовь къ своей національности выказалась въ некоторыхъ случаяхъ, разумѣется, часто вовсе несправедливо; не менѣе вредитъ иногда правильному пониманію предмета отсутствіе научныхъ основній, дилетантскій взглядъ. Малорусская пѣсня, сказка, обыкн., преданье могутъ быть полны высокаго смысла, и, не смотря на то, еще не могутъ считаться явленіями единственными въ своемъ родѣ, какъ иногда представляется малорусскимъ исследователямъ; они забываютъ аналогичныя явленія въ жизни другихъ народовъ, развившіяся иногда столь же ярко и часто проникнуты болѣе глубокимъ значеніемъ. Аналогически могутъ быть объясняемы и вѣщная судьба малорусского племени, его тяжелая борьба за свою цѣлостность и самобытность, и характеръ его нравственной и поэтической физіономіи.. Народная, таинъ называемая дѣтской сказки у раз-

¹⁾ „Основа“, за май, 1861 г., стр. 12.

²⁾ См. въ 1-мъ томѣ „Собрания сочиненій“ М. А. Максимовича, Кіевъ, 1873 года.

ныхъ народовъ представляютъ весьма часто до того сколько содержание, что невольно является мысль объ ихъ общемъ происхождении во времена доисторическая; не только главныя мысли, но и частная подробности бываютъ поразительно похожи, не смотря на все различие национальностей. У народовъ одного племени это сходство простирается иногда до буквального повторенія однихъ и тѣкже обработокъ и присказокъ: таково, напримѣръ, отношеніе русскихъ сказокъ къ сербскимъ, чешскимъ, не говори о белорусскихъ и малорусскихъ. Единство этихъ послѣднихъ съ великорусскими легко видѣть и по тѣмъ обращавшимъ, которые напечатаны въ книгѣ Кулиша. Не смотря на то, г. Жемчужниковъ, или самъ издатель „Записокъ“, опредѣляетъ ихъ отношеніе вѣсколько иначе“. Между сѣверорусскими и южнорусскими сказками онъ думаетъ видѣть то различіе, будто бы первыя для изображенія царя и царевича ищутъ красокъ вѣтъ мужицкаго быта, тогда какъ южнорусскія сказки смѣло представляютъ царя зажиточными посеминниками, а царевича—молодцеватымъ козакомъ, и что будто бы чудесное и геройство малорусской сказки заключаются не въ торжествѣ физической силы или удальства, непремѣнномъ условіи сказки великорусской, а въ перенесеніи постигающихъ человѣка бѣдствій и выживаніи счастливыхъ обстоятельствъ. Замѣтить здѣсь у Жемчужникова или Кулиша симѣніе великорусскихъ былинъ со сказками. Пыпинъ говоритъ: „Что касается именно до сказокъ великорусскихъ, то сочинитель статьи могъ бы легко убѣдиться въ ихъ однородности съ южнорусскими, если бы прочелъ вѣсколько стравицъ въ изданіи сказокъ г. Аѳанасьевъ... Въ сѣверныхъ сказкахъ изображеніе царей и царевичей отличается той же простотой и наивностью; царя и царевичи живутъ и дѣйствуютъ среди народного быта, за предѣлы котораго сказка и не выходитъ въ представленіяхъ частной домашней жизни. И въ сѣверныхъ сказкахъ чудесное также происходитъ отъ таинственной силы, помогающей человѣку, или отъ юлдомства, и торжество физической силы никакъ не можетъ быть названо необходимыми условіемъ сказки великорусской, въ которой столь же высокий смыслъ имѣть и чисто нравственное побужденіе человѣка“. Однородность южникъ и сѣверныхъ сказокъ русскихъ идетъ еще далѣе. „Почти все сказки, изданные Кулишомъ,—продолжаетъ к. Пыпинъ,—имѣютъ свои варианты въ преданьяхъ великорусскихъ, гдѣ повторяются или цѣлые ихъ сюжеты, или отдельными подробностями съ большими или меньшими развитіемъ. Такова, напримѣръ, и первая сказка о красавицѣ и злой бабѣ. Царскому сыну понравилась одна красавица: когда эта красавица плакала, изъ ея глазъ сыпался жемчугъ, когда смеялась, то всякие цветы разцвѣтали, и онъ задумалъ на ней жениться; отецъ не позволялъ ему, но, увидѣвшій прекрасный рушникъ, вышитый красавицей, согласился. На дорогѣ злая баба выколола глаза

красавицъ и подмѣнила ее своей дочерью. Покинутую ѻвушку призналъ въ себѣ одинъ лѣдь; она выручила черезъ него свои глаза у злой бабы и вышила другой рушникъ, по которому царевичъ и отыскалъ свою настоящую жену. Другая сказка объ Иасль и сольми напечатана въ изданіи сказокъ г. Асансьева; содержаніе ея почти до буквальности сходно съ текстомъ г. Кулиша. Сказка о Соловѣѣ разбойнике и о сильномъ царевичѣ представляетъ въ сколько измѣненное повтореніе сюжета, переданного въ великорусской сказкѣ объ Иванѣ, музинецкомъ сыне, или въ волошской сказкѣ о Флорианѣ въ известномъ сборнике Шотта¹⁾.

Не смотря однако на племенную односторонность „Записокъ“ и, можетъ быть, отчасти благодаря ей, сборникъ Кулиша долженъ былъ произвѣсть освѣжающее впечатлѣніе на малорусскихъ писателей и учёныхъ, которые теперь стали особенно дорожить устной народной словесностью, пользоваться ею, какъ историческимъ материаломъ, или же почерпать изъ неї вдохновеніе для себя. „Легенды объ историческихъ лицахъ и событияхъ, — говорить Кулишъ, — уклоняясь отъ общихъ дѣлъ и фактовъ, тѣмъ не менѣе интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не привлекъ во вниманіе того и другаго, мы не пронищемъ въ самыя тайны причины историческихъ явлений въ Малороссіи и, изображая события народной жизни, будемъ — такъ сказать — скользить по поверхности. Каждый, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею южнорусского племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣе противорѣчать тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыхъ онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ и историковъ“. Эти легенды и преданія понедѣль историка „къ новому пересмотру всего“, что ни происходило въ Малороссіи Воехода въ старину во доступившемся для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало по малу разложимъ массу южнорусской исторіи на ее элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣтоточа. Этимъ свѣтоточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставить насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ ея прошедшемъ, въ связи съ жизнью политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказывается на нее болѣе и болѣе замѣчное выраженіе“. Въ другомъ мѣстѣ Кулишъ говоритъ такъ: „Наші пѣсни, сложенные народомъ, послужатъ, если не послужили уже отчасти, въ воссозданіи

1) „Современникъ“, 1857 г., № 1 и 5

върнаго образа „прощедшаго“ въ произведеніяхъ, соответствующиъ требованиемъ „вкуса новаго, „цивилизованаго общества“. Цивилизациі раздѣлила наше общество на двѣ части: касательно образа жизни и всего, что сюда относится, и слѣдѣць остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованаго человѣка съ остатками прошлаго общества, и потому, народная поэзія, возредилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра“¹⁾.

Эти понятія, свои о важности южнорусской народной словесности, для оживленія современной поэзіи народнымъ духомъ и для правильнаго уразумѣнія южнорусской исторіи. Кулишъпытался оправдать на своихъ собственныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ и историческихъ и историко-литературныхъ произведеніяхъ. Мы, впрочемъ, не будемъ останавливаться на лирическихъ стихотвореніяхъ Кулиша, частію переведенныхъ изъ Манджевича, частію написанныхъ по подражанію народнымъ южнорусскимъ пѣснямъ, такъ какъ, по признанію самого Кулиша, онъ началъ писать или печатать ихъ толькъ по смерти Цевченка и —такъ сказать— временно только исполнять должность украинскаго лирическаго поэта („До братівъ на Україну“). Несравненно важнѣе историческіе и историко-литературные труды Кулиша, аль народномъ направлениі. Онь старался популяризировать украинскую исторію, проводя въ ней новые взгляды, почерпнутые изъ устной народной южнорусской словесности, и слѣдовательно является въ нихъ историкомъ-этнографомъ и публицистомъ. Еще въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“ Кулишъ пришелъ къ признанію древней поэзіи малорусской, къ которой онъ относилъ и „Слово о полку Игоревѣ“. Ему хотѣлось привести соединительную линію между древними памятниками русского эпоса, и позднѣйшими, вполнѣ малорусскими пѣснями о временахъ кочевства и Хмельницкаго, чтобы доказать исконность и непрерывную преемственность малорусской народности и народной литературы. Эта же самая тенденція пробивается и въ его историческихъ сочиненіяхъ относительно Малороссіи. Возьмемъ для примѣра его историческія сочиненія „Исторію України одъ найдавнійшихъ часівъ“ и „Хмельвищну“. Въ первомъ есть этихъ сочиненій Кулишъ разсказываетъ, что скончъ вѣка, подяне упрадалились общественными вѣчами и влатили дань хазарамъ, пока русскіе князья не овдадѣли русской землею и не подчинили своей власти подіїпровидцу. Князья пользовались полюдою и судною, поддатю и вели торгъ съ греческою землею. Восходши въ суду, они начали нарушать общіиные права. Раздѣливши землю между своимъ

1) „Записки о южной Руси“, стр. 1-1, 181 ч. сд.

родомъ, они опустошили ее усобицами. Тѣмъ временемъ весь русскій миръ собрался подъ властью князей; въ одно цѣлое (и началъ спознаваться самъ съ собою). Греческая вѣра, еще болѣе тому способствовала и распространила польскую культуру по всѣмъ русскимъ странамъ. Появле, предѣлъ начинанийъ малороссовъ, представляется у Кулиша центральнымъ и самымъ цивилизованнымъ племенемъ въ древней Руси. Дальнѣйшая судьба этихъ полянъ-малороссовъ излагается въ „Хмельницинѣ“. Послѣ татарскаго погрома и бѣгства князей,—передается здѣсь,—южнорусскій народъ сталъ сосредоточиваться въ сельскій общинѣ и управлялся самъ собою. Независимо отъ сель, мнози города выпрашивали себѣ у польскихъ королей привилегіи—живть по старинѣ и получали жадебургское право, обеспечившее имъ значительную долю самоуправленія. Но когда поляки, вмѣстѣ съ жидами, стали мало по маку ограничивать и нарушать эти привилегіи, тогда послѣдовало восстание Богдана Хмельницкаго. Онь присоединился къ Россіи потому что москали сами запрашивали его въ свое подданство...”

По литературной отделькѣ и языку, эти историческія сочиненія Кулиша поставились его пріятелями наряду съ высокими творческими произведеніями: „Помѣщаемъ эту статью, — говорить редакція „Основы“ о „Виговщинѣ“, — въ это литературное извѣстіе о продолженіи полевнаго труда Н. А. Кулиша по предмету общедоступной исторіи України.“ Въ настоящее время подобный трудъ, представляющій, кроме исторического содержанія, образецъ литературной обработки народнаго языка, долженъ стоять наравнѣ съ высокими произведеніями¹⁾). Печатаніе „Исторію України“ одѣль найдавайшихъ часіевъ“ Кулиша, редакція „Основы“ хотѣла показать, въ какой степени язвѣтъ украинскій способъ къ строгому научному изложению столь важнаго предмета, какъ исторія²⁾.

Но строгое научное изложение историческое, хотя бы и основанное на народныхъ южнорусскихъ началахъ, вѣ-таки отѣсняло чѣсколько поэтическій долетъ имѣли Кулиша, и потому, вѣ-ратно, онъ предпочитательно предѣлъ исторіей писалъ историко-литературныя произведения: относящіяся къ Малороссіи, въ указанномъ направлении, какъ-то: историческіе романы и повѣсти, историческая думы въ народномъ вкусѣ и такіе же драматические очерки и сцены. Къ числу ихъ относятся слѣдующія произведенія Кулиша: 1) поэма „Украина“ (1843 год); 2) „Салоница“, — дума 1598 года о Наливайкѣ; 3) „Кумейли“, — дума (1637); 4) „Настуся“, поэма о женитьбѣ Морозенна, имѣвшая цѣлью

¹⁾ „Основы“, за ноябрь—декабрь 1861 г.

²⁾ Тамъ же, за сентябрь 1861 г. с. 177—178.

изобразить доманий быть казакомъ послѣ войны, или въ промежутокъ ея; 5) „Великі проводи, поэма“ (1648), восхваляющая подвиги Годки, который, будучи посланъ княземъ Еремою Вишневецкимъ противъ казаковъ, измѣняетъ ему, береть изъ Гадичъ въ цѣль плену Рарогинскую и бѣжать съ нею; 6) „Дунайска дума“ (1648—1654 гг.); 7) „Черна Рада,—краніка 1663 року“, 1657 г.; 8) „Колї, українська драма (якъ первый въ останнаго польского панування на Українѣ)“, и др. Мы остановимся только на капитальнѣшемъ изъ этихъ произведений, именно на „Черной Радѣ“, такъ какъ, по сознанию автора, это былъ первый на малорусскомъ языке исторический романъ, во всѣй строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведениямъ.

При преемникахъ Богдана Хмельницкаго, Малороссія, послѣ кѣлебаній въ разныя стороны, распалась на двѣ половины,—правобережную, тяготѣвшую къ Польшѣ, и лѣвобережную, которая оставалась въ новиковемъ московскому царю. Въ правобережной Украинѣ утвердился гетманомъ Навель Тетеря, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра сразу явились три претендента на гетманскую булаву,—перемислійский полковникъ Сомко, вѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко,—оба шуревья Богдана Хмельницкаго по двумъ его женамъ,—и запорожскій кощевой атаманъ Иванъ Мартыновичъ Бруховецкій, бывшій прежде слугой Богдана. Сторонники послѣдняго, запорожцы, просили московское правительство собрать „чорную раду“, т. е. такое собраніе, въ которомъ бы присутствовали и подавали голоса не одни казаки, а все послѣдействіе; ибо де простой народъ преданъ царю и конечно изберетъ такого гетмана, который будетъ сохранять возложеніе московской власти. Вѣдѣть сть тѣмъ, они утверждатъ народъ, что Бруховецкій желаетъ гетманства для того, чтобы внести въ Украинѣ совершенное равенство, отдать боягачей и знатныхъ на разграбленіе черни, что при новомъ гетманѣ не будетъ уже различія казаковъ и послѣднихъ, а всѣ сдѣлаютъ козаками, нѣ свободныемъ сословіемъ, не будетъ бѣдныхъ, а все будетъ обще; самъ же Бруховецкій расположалъ въ свою пользу запорожскихъ старшинъ и всѣхъ запорожцевъ. Онъ силониль въ свою пользу и князя Великогарина, явившагося въ Украину для открытия черной ради и анѣль приступить къ дѣлу съ намѣреніемъ рѣшить судьбу народа по заданному условію. Только тоща, когда сторона Бруховецкаго брала лѣвый перевѣсъ въ народѣ, Василій Золотаренко отказался отъ притязаній на гетманство и соединился съ Сомкомъ; но уже было поздно. Черная рада 17 іюня 1668 года провозгласила Бруховецкаго гетманомъ; Сомко былъ выданъ головою своему врагу, обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ. Правленіе Бруховецкаго сдѣжалось торжествомъ не равенства, а грубаго деспотизма запорожцевъ, получившихъ уряды и власть надъ чернью.

Эту-то смутную эпоху изъ истории Малороссии выбралъ г. Булгакъ для своей хроники. Героемъ сочиненія выбранъ паволочскій козыкъ-пазарь, лице дѣйствительно существовавшее, котораго Кудиль прозвалъ Шрамомъ. Оставилъ боевую жизнь и ставши синьешникомъ, этотъ богатырь снова принялъ волковицкій урядъ, когда Гетери начали склонять Украину подъ польское владычество, и, восстановивъ Паволочъ противъ Тетери, хотяъ соединиться съ Сомкомъ, но, послѣ черной рати, осажденный въ Паволочи Тетерею, отдался врагу и былъ казненъ.

Завивка „хроники“ основана на путешествії Шрама съ сыномъ Петромъ изъ Паволочи на лѣвый берегъ Днѣпра для сообщенія съ Сомкомъ. Всѣ явленія представлены въ видѣ встрѣчъ во время этого путешестія. Шрамъ съ сыномъ приѣзжаютъ въ хуторъ Хмарище близъ Біева, къ семейному сотнику Черевану, у котораго жили выкупленный имъ изъ турецкой неволи Василь невольникъ и слѣпой кобзарь, носившій въ народѣ прозвище Божьяго человѣка. Кобзарь разсказываетъ Шраму о положеніи дѣлъ въ Украинѣ и интригахъ Бруховецкаго, а Петръ знакомится съ дочерью Черевана Лесей и влюбляется въ нее. Череванъ испроцѣлъ выдать ее за Петра; но когда и Шрамы и Череванъ всѣ поѣхали въ Киевъ, жена Черевана дорогого объясняетъ Петру, что Леся уже почти соединена за гетмана Сомка. Въ Киевѣ путешественники наталкиваются на пьяную толпу мѣщанъ, видать около братскаго монастыря оригинальную сцену разгульного проціянія старого козака съ міромъ, рѣшившагося удалиться въ монастырь и просити остатокъ жизни отшельничеству, и иаконецъ отправляется въ мечерскій монастырь и встрѣчаются съ Сомкомъ, который ведеть никъ на свой хуторъ, построенный близъ монастыря для приходящихъ за богоильво-козаковъ, и получаетъ отъ Черевана урѣшительное согласіе на бракъ съ его дочерью. Сюда же приходитъ запорожцы Кирило Туръ и Богданъ-чernogорецъ. Туръ открыто высказываетъ свое намѣреніе похитить у Сомка неѣсту и бѣжать съ нею въ Черную Гору. Уже одна странность такой откровенности заставляетъ всѣхъ принимать ее за шутку, свойственную юродствующимъ запорожцамъ. А между тѣмъ Кирило Туръ ночью дѣйствительно похищаетъ Лесю; но его подстерегаетъ все еще влюбленный въ Лесю Петръ, преслѣдуетъ похитителя и вступаетъ съ нимъ въ поединокъ, въ результатѣ котораго оба крѣвеника падаютъ замертво. Въ это время подѣзжаютъ къ „шесту“ поединка Шрамъ и Сомко, которыя изѣстіли о похищении Петры чрезъ Василя-невольника, и берутъ на свое помоченіе раненыхъ: Сомко, Кирила Тура, и Шрамъ и Леся-Петру. Послѣднаго жена и дочь Черевана увозятъ на свой хуторъ для излеченія, во времена втораго Петра, и Леся еще болѣе оближались между собою и полюбили другъ друга. По

въздоровлениі Петра, Шрамъ и Череванъ будуть въ Нѣжинѣ, чтобы тамъ примирить съ Сомкомъ Золотаренка; и встали отпраздновать свадьбу, и оставляются у Гавитовки, жившагося на польской инагинѣ, которую онъ взялъ вагильюнъ убивъ ея мужа, и перенесшагоу на високомѣрное обращеніе съ присягой и простымъ народомъ. Онь извируетъ между партіей Сомка и запорожцами и подчиняется внушеніямъ послѣднихъ. Является въ Нѣжинѣ и Кирило Туръ, иѣвшиій здѣсь матеръ и сестру, подвергается наказанію отъ юноша за свой поступокъ съ Лесею и весьма благополучно выдерживаетъ это тажелое наказаніе. Между тѣмъ Шрамъ захваливъ Ворону и, узнавъ тамъ отъ сотника Бѣлозерца о наступленіи черной ради, поспѣшилъ въ Нѣжинѣ. Да же описывается весь ходъ черной ради, занимающей въ „хроникѣ“ около трети главъ. Бруховецкій остался побѣдителемъ; Сомко, выданный бояриномъ Великогалинымъ врагу, заключенъ въ тюрьму. Череванъ убѣжалъ съ ради очень иомически. Шрамъ, прощающійся съ ними, напекаетъ на какое-то отчаянное свое намѣреніе. Выбранный въ гетманы, Бруховецкій на первыхъ же порахъ обманулъ ожиданія и черни, и запорожцевъ. Сомко сидѣлъ въ тюрьмѣ; Бруховецкій беспокоился, такъ какъ недовольная имъ чернь готова была перейти на сторону Сомка, если бы онъ явился на свободѣ. Бруховецкій задумалъ убить его. Узнавъ объ этомъ, Кирило Туръ переодѣтый явился къ Бруховецкому и притворно предложилъ ему свои услуги. Бруховецкій далъ ему нерстень, съ которымъ Кирило Туръ проникъ въ тюрьму къ Сомку, чтобы спасти его; онъ уже заранѣе уговорился со Шрамомъ и велѣлъ ему въ известномъ мѣстѣ дожидаться освобожденія Сомка. Но Сомко не захотѣлъ купать своей жизни цѣнью самопожертвованія Кирила; ибо Кирило Туръ не иначе могъ спасти его, какъ оставшись самъ на его мѣстѣ въ тюрьмѣ. Въ послѣдней главѣ коротко разсказывается о смерти Шрама, о казни Сомка, обѣ отъѣздѣ Кирила Тура со своимъ побратимомъ черногорцемъ въ Черногорію и женитьбѣ Петра на Лесѣ.

Первую одѣнку этому роману сдѣлалъ самъ Куликовъ въ эпилогѣ къ своей „хроникѣ“, где онъ называетъ „Тараса Бульбу“ Геголя „эффектніемъ, поглощающимъ воображеніе“, о себѣ самомъ и своемъ романѣ говоритъ такъ: „я подчинилъ всего себя бытому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникою и драматическимъ изложеніемъ. Не забывъ правдиво воображенія и въ виду, обдумывая свое сочиненіе“, и пр. Весьма сочувственный отзывъ сдѣланъ обѣ этомъ романѣ-иронії и Н. И. Костомаровъ. Читая это сочиненіе, говорятъ оно, есть перваго взгляда можно замѣтить, что авторъ имѣлъ цѣлью изобразить собранные народные типы и рѣзкія измѣнія, выдававшія особенности страны и вѣка.. Г. Куликовъ представляетъ избранную эпоху съ разнобразныхъ сторонъ: у него изображены и различные

стремъ, и борьба эгоистическихъ побуждений, и семейный бытъ, и могущество, и слабость духовной жизни народа. Не только цѣлое проникнуто мыслию: нѣть страницы, которая бы не возбуждала думъ въ душѣ читателя. Каждое лицо выражаетъ собою какую нибудь изъ сторонъ вѣка. Ярче всѣхъ поражаетъ читателя характеръ Кирила Тура—вѣрное и до крайности странное олицетвореніе могучести духа въ эпоху броженія, въ вѣкъ юношеской силы, начинающей чувствовать начатки раниаго безсиянія. Только при многолѣтнихъ трудахъ изученія книжныхъ и пѣсенныx памятниковъ, только послѣ разносторонняго знакомства съ народомъ, можно было создать такое лицо, воскресить идеаль запорожца старого времени. Постоянная брань съ мусульманами, потребность отстаивать православіе противъ Польши развили въ малороссійскомъ народѣ религіозное настроеніе духа, внутреннее благочестіе, подчиненность жизни набожному возврѣнію; но безпрестанныя неудачи, всеобщее страданіе народа, повальный бѣдствія, какія малороссійские должны были выносить на плечахъ своихъ, частая потребность самопожертвованія, непрочность домашнаго очага, необходимость расторженія гражданскихъ и семейныхъ связей—воспитали въ этомъ народѣ сознаніе земной ничтожности, презрѣніе къ жизни, насмѣшливый взглядъ на всѣ ея измѣненія, который и теперь, послѣ долгихъ лѣтъ успокіенія, составляетъ поразительную черту малороссійскаго характера... Точно то же можно сказать о томъ юродствѣ, къ которому едва ли такъ склоненъ какой либо другой народъ, какъ малороссіянин. Этимъ юродствомъ въ старину особенно отличались запорожцы. Запорожье было населено выходцами изъ Украины, которые не уживались съ тамошнею гражданственностью и приходили въ Сѣчь, принося съ собой убѣжденіе въ ничтожности прежнихъ своихъ стремлений и трудовъ. Запорожецъ, если онъ былъ одаренъ энергіческою, высокою душою, болѣе или менѣе дѣялся юродомъ. Такой образъ представляетъ собой Кирило Туръ. Военное занятіе препятствуетъ ему обладать кротостію и незлобиемъ Христа ради юродиваго; съ презрѣніемъ къ земной жизни и насмѣшками надъ нею, свойственными послѣднему, онъ соединяетъ жестокость и грубость воина варварскаго вѣка... У него есть другаго убѣжденія, кроме того, что жизнь вичего не стоитъ, а потому онъ смеется надъ жизнью, смеется надъ смертью, смеется надъ радостями, смеется надъ страданіями, смеется надъ правдою, смеется надъ зломъ, смеется не забавляясь: если для него есть что нибудь серьезное, то развѣ его собственный смѣхъ, которымъ онъ осушаетъ невольно пробивающіяся свои слезы. Есть другой типъ сознанія земной ничтожности—это Божій человѣкъ. Онъ также разувѣрился въ господствѣ правды, но не считаетъ безполезнымъ стремиться къ ней. Онъ прозрѣваетъ ея величие въ видимомъ унженіи. Лишь зрячій, онъ не сдѣлался отшельникомъ, но

обратилъ послѣднія силы на трудъ для правды и облегченія страданій своихъ близкихъ. Стоя на рубежѣ земного міра, онъ равнодушенъ къ торжеству зла, когда другіе сокрушаются объ этомъ; убѣжденный въ непріемлемости добра людьми, онъ проповѣдуетъ его до послѣдней минуты, ибо слишкомъ проникнуть созерцаніемъ его красоты. Тѣ же побужденія, какія, при сознаніи зачатковъ безсилія и упадка, произвели юродствующаго запорожца, безъ этого горькаго сознанія, выражаются на лицѣ Шрама. Буря, вырвавшая южную Русь изъ правильнаго теченія, сдѣлала возможнымъ соединеніе въ одномъ лицѣ такихъ противоположностей, какъ православный священникъ и козакъ. Исторически известно, что этотъ типъ, столь обычный въ Черногоріи, существовалъ и у насъ. Г. Кулишъ воскрешаетъ его не столько на основаніи бумажныхъ памятниковъ, сколько по разумѣнію народнаго духа. — Бруховецкій есть выраженіе дурной стороны духовныхъ силъ описываемаго времени. Человѣкъ ума проницательнаго, сильный волею, но сосредоточившій способности на зло, эгоистъ, дѣйствующій постоянно для собственнаго возвышенія и тщеславія, готовый на всякія низости для корыстныхъ цѣлей, отлично пользующійся обстоятельствами и увлеченіями другихъ,—таковъ былъ Бруховецкій и такимъ представленье въ разбираемой нами хроникѣ. Въ лицѣ Черевана авторъ знакомитъ насъ съ образомъ малороссіянинка доброго сердца, съ благородными убѣжденіями, но съ ограниченнымъ умомъ, безъ сильной воли, способнаго къ порывамъ гражданской доблести, но скоро охладѣвающаго: это—человѣкъ массы, готовый на самопожертвованіе вслѣдъ за другими, полезный тамъ, гдѣ такихъ, какъ онъ, много; въ противномъ случаѣ,годный только на то, чтобы войти смѣшнымъ образомъ въ жизненную драму.—Леся съ первого взгляда кажется лицомъ темнымъ, мало очерченнымъ. Но, присмотрѣвшись къ этой личности, можно замѣтить, что авторъ поставилъ ее въ тѣни съ намѣреніемъ. Малороссійская девушка была существомъ безгласнымъ, неразвитымъ, осужденнымъ въ грядущей жизни оставаться безъ проявленій собственныхъ желаній и свободной дѣятельности; поэтому она и должна была явиться въ тѣни... Это—полуразвернутый полевой цветокъ, не сіяющій разнообразіемъ красокъ и отливовъ, но тѣмъ не менѣе прекрасный въ своей бѣдной, простой красотѣ—Нельзя не остановиться на изображеніи княгини, жены Гинтовки, которой безвыходное положеніе представлено художественно и и возбуждаетъ въ душѣ читатели ужасъ.—Характеры Сомка и Петра вышли слабѣе другихъ. Они довольно общі. Впрочемъ, что касается до Петра, блѣдность этого лица произошла отъ положенія, въ которомъ оно изображено въ продолженіе всего дѣйствія: этотъ юноша постоянно съ отцомъ, и самобытность уничтожается какъ родительскими отношеніями, такъ равно и высотою характера Шрама".

Новымъ и значительнымъ подиаркомъ малорусской литературы XIX вѣка считалъ „Черну Раду“ и М. А. Максимовичъ; но подъ влияніемъ эпилога къ этому роману, гдѣ Кулишъ слишкомъ строго судить о Гоголѣ и очень снисходительное оказываетъ вниманіе къ своей историко-романтической дѣятельности, г. Максимовичъ указалъ нѣсколько примѣровъ того, какъ г. Кулишъ иногда слишкомъ произвольно обходится съ историческимъ фактомъ и съ историческими лицами. „Изъ приведенныхъ примѣровъ,—говорить онъ,—можно видѣть достаточно, что романистъ не всего себя подчинилъ былому, что главнодѣйствующія историческія лица являются у него частенько не въ своемъ видѣ, и что его олицетворенная исторія нерѣдко обращается въ маскарадъ. Я очень знаю,—продолжаетъ Максимовичъ,—что романистъ и не обязанъ такою строгою покорностью къ изображаемой имъ дѣйствительности, какъ историкъ. Но если уже г. Кулишъ вполнѣ воспользовался этой свободою, зачѣмъ же говорить онъ, что въ Гоголевскомъ дивномъ созданіи мало художественной и исторической истины, а яде всего себя подчинилъ былому! и романъ мой—не романъ, а олицетворенная исторія, хроника!..“¹⁾). Гораздо неблагопріятнѣе отнеслись къ этому роману нѣкоторые сѣверно-руssкіе критики. Въ этомъ „художественномъ произведеніи,—говорится въ „Библіотекѣ для Чтенія“,—г. Кулишъ доказалъ только одно, что у него вѣрный глубоко-исторический тактъ, большія свѣдѣнія по части исторіи и древняго быта Малороссіи, рѣдкое по своей вѣрности возврѣніе на Запорожье и Сѣчь, но не столько творческихъ силъ, чтобы вполнѣ овладѣть избранной имъ тѣмой. Притомъ, давно уже известно, что всякия такъ называемыя задава мысли обыкновенно идутъ въ ущербъ художественному произведенію. Самъ Гоголь, когда вздумалъ въ послѣднее время олицетворить свои любимыя идеи въ формахъ художественного созданія, споткнулся и породилъ безобразныхъ Мурузовыкъ, Костанжогло, Уливецъ и т. п. Да и странно, съ другой стороны, доказать романомъ, какъ много Малороссія дала Великороссіи, какія богатыя энергическія силы присоединило къ себѣ московское государство съ пріобрѣтеніемъ исторически знаменитаго товарищества славнаго Запорожья. Вслѣдствіе подобной трудности, не смотря на любовь и знаніе дѣла, романъ г. Кулиша проигралъ на весь

1) „Современникъ“, за январь 1858 г.

2) „Объ историческомъ романѣ г. Кулиша „Черная Рада“. въ собраніи сочиненій М. А. Максимовича, т. 1, 1876 г. Мы съ своей стороны обратили вниманіе на слѣдующую поэтическую вольность въ романѣ г. Кулиша. Между другими героями онъ выводитъ здѣсь борзенскаго сотника Бѣлозерца и нѣжинскаго Гордія Костомара съ единственою цѣлью намекнуть на древніе происхожденіе фамилій своихъ пріятелей Бѣлозерскихъ и Костомарова.

следующего реда впечатлений. Прежде всего бросается въ глаза какая-то напряженность въ изложении событий. Оттого и характеры выходятъ у него слабыми, неяркими; главный титъ ускользаетъ: иногда, и остаются один довольно удачный, а мѣстами и достойная полной похвалы частности изъ подробностей быта малороссіанъ XVII вѣка. Но вы не живете съ этими героями и равнодушно глядите на ихъ горести и радости, что очень обидно и горько должно быть для каждого автора, хотѣвшаго создать произведеніе художественное и хоть отчасти достигшаго своей цѣли¹⁾.

Языкъ хроники,—по словамъ Н. И. Костомарова,—правиленъ и своеобразенъ, слогъ простъ, плавенъ и благороденъ. Встрѣчаются слова и обороты, вышедшия изъ употребленія, но счастливо возобновлены авторомъ; встречаются также новые, но столь удачно составленные, что малороссіанинъ, слыша ихъ въ первый разъ, тотчасъ же смыкается съ ними: авторъ не произвольно ихъ выдумалъ, а отыскивалъ въ законахъ построенія живой рѣчи народа, столь глубоко имъ понятой. „Черная Рада“ на малороссійскомъ языкѣ выигрываетъ передъ русскимъ переводомъ, напечатаннымъ въ „Русской Бесѣдѣ“²⁾.

„Черная Рада“—это лучшее литературное произведеніе Кулиша на малороссійскомъ языкѣ, отличающееся сравнительною широтою и глубиною возврѣнія, такъ какъ оно, составляя плодъ многолѣтнихъ трудовъ автора, привносило во вниманіе не только архивные исторические документы, но и устныя южнорусскія народныя произведенія, преимущественно исторического характера, и основывалось на нихъ. Но, къ великому удивленію всѣхъ, знавшихъ Кулиша, какъ писателя, въ послѣднее время онъ отвергъ тѣ самыя основанія, на которыхъ опиралась его литературная дѣятельность въ самую лучшую пору ея развитія, подвергъ себя самобичеванію и въ цѣломъ рядѣ историческихъ, публицистическихъ и поэтическихъ произведеній сталъ проповѣдывать взгляды и идеи, прямо противоположныя прежнимъ своимъ убѣжденіямъ. Объ этомъ превращеніи г. Кулиша Н. И. Костомаровъ говорить слѣдующее. Въ 60-хъ годахъ Кулиша считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ козачини; имя его неотцѣльно прилипало къ такъ называемому украинифильству... Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи вѣсковыхъ лѣтъ, занялся съ болѣшимъ вниманіемъ изученіемъ исторіи своего края и увидѣлъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе раззвѣченномъ видѣ, въ болѣе

¹⁾ „Библіотека для Чтенія“, 1857 года, т. 148, кн. 2. „По поводу Черной Рады“.

²⁾ „Современникъ“, за январь 1858 г.

плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою историческою истиной. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатіямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшой жизни. Это желаніе Кулиша видно изъ собственныхъ его отзывовъ въ послѣднихъ его сочиненіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видно изъ духа, какимъ проникнуты его сочиненія, явившіяся послѣ десятилѣтняго молчанія въ литературѣ. Г. Кулишъ совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія на все малорусское, и на прошедшее, и на современное. Можно ли обвинять его за это одно, какъ нѣкоторые думаютъ? Конечно, нѣтъ. Измѣнить свои убѣжденія не только не предосудительно, но похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ. Но, видно, справедлива старая поговорка: гони прароду въ дверь, она войдетъ въ окно. Г. Кулишъ могъ измѣнить свои взглѣды на прошедшее и настоящее Малороссіи, а своей природы измѣнить не могъ. Въ произведеніяхъ съ направленіемъ, диаметрально противоположнымъ прежнему, онъ остался тѣмъ же г. Кулишомъ, какимъ явился за нѣсколько лѣтъ, когда навекъ изъ себя упреки въ излишнемъ пристрастіи къ козачеству. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженія къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастія. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ много стремлений къ беспристрастію, а беспристрастія нѣть ни на-волосъ¹⁾. Цѣль Кулиша въ послѣднихъ его произведеніяхъ — убѣдить читателей, что козаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей беззравственности и по своимъ злодѣяніямъ, вовсе недостойные той идеализациі, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ Кулишъ паче всѣхъ), а напротивъ достойны всякаго почитанія и презрѣнія¹⁾. Выраженіемъ основныхъ взглядовъ перевернувшагося Кулиша на козачество можетъ служить его стихотвореніе „Слава“, 1876 года:

Не поляже, кажеш, слава?
От же вире, поляже,
И онуки те забудуть,
Що дідам роскаже!

Занедбають потверезу,
Що попъяну снілось,
Ніби воля в пакським правом
На Україні билась.

1) „О козакахъ“, Н. И. Костомарова, въ „Русской Старинѣ“ за 1878 г., т. 21, стр. 385—387.

Ні! з порядком господарім
Бились голікі ляки,
Через ліноші ветви,
Через хміль бурлаки.

Не герої правди й волі
В комиші ховались
Та з татарином дружили,
З турчином еднались.

Утікали туди слуги,
Що в іанів прокралися,
І, влизнувшись з рук у ката,
Гетьманами звались.

Павлюківці й Хмельничане,
Хижаки – п'яниці,
Дерли шкуру з України,
Якъ жиди з телицѣ.

А зідравши шкуру, мясом
З турчином ділилися,
Поки всі поля кісткамі
Білими покрилися.

Не поліже, камеш, слава?..
Ні, кобзарю брате!
Прокляла свое козацтво
Україна хати,

Розбишацьким заробітком
Гордувати стала
І поеми гайдамацькі
Брехнями назвала.

Все ж бо въ них була омана:
Воля, честь, лицарство,
За що світом колотило
Дике те козацтво.

Воля—шарпать панські села,
Честь—людей душити,

А лицарство—християнську
Кров річками лiti, и проч.

А такъ какъ Шевченко былъ попреимуществу п'яздомъ козач-
чина, то и ему досталось отъ Кулиша въ послѣднихъ его произведе-
ніяхъ. „Если бы возможно было,—говорить онъ,—всѣ произведенія
Шевченка пустить безразлично въ дешевую распродажу, то само об-
щество явилось бы на току критики съ лопатою въ рукахъ: оно собрало
бы небольшое, весьма небольшое количество стиховъ Шевченка въ жит-
вицу свою; остальное было бы въ его глазахъ не лучше сору, *то же*
возметаєть сильнъ отъ лица земли. Отверженіе многаго, что написано
Шевченкомъ въ его худшее время, было бы со стороны общества ак-
томъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о бы-
ломъ умонаструованіи своемъ. *Усе менеться, одна правда остается,—*
говорить наша пословица¹⁾.

Впрочемъ, въ подробномъ развитіи нового взгляда Кулиша на ко-
зацтво и Украину есть вѣкоторыя значительныя вариаціи. Въ своей
„Історії возсоединенія Руси“ и въ статьяхъ „Козаки въ отноше-
ніи къ государству и обществу“ Кулишъ представляетъ аеть
возсоединенія Малороссіи съ Россіей дѣломъ вполнѣ національнымъ,
исторически необходимымъ и законнымъ; въ позднѣйшихъ же своихъ
бронюрахъ „Хутерна поезія“ и „Крашанка“ 1882 года онъ бранить
уже и Москву, призывасть возсоединеніе Россіи историческою неспра-
ведливостію и убѣждаетъ русиновъ и полаковъ забыть историче-
скія неправды съ обѣихъ сторонъ и подать другъ другу руку при-
миренія.

Какими путями г. Кулишъ пришелъ къ этимъ выводамъ, объ
этомъ онъ нерѣдко самъ говоритъ въ позднѣйшихъ своихъ произведе-
ніяхъ. Въ нихъ онъ старается примѣнить соціологическія идеи Конта
и другихъ подобныхъ мыслителей къ разработкѣ украинской исторії и
отводить въ этой исторії самое видное мѣсто городскому или среднему
сословію, которое, по его словамъ, „въ исторії цивілізації Европы
играетъ роль шитомника всѣхъ жизненныхъ ідей“. Эти соціологическія
идеи и служать для г. Кулиша критеріемъ для оцѣнки имъ историче-
скихъ материаловъ и источниковъ. Для него достовѣрно все то, что слу-
житъ его соціологическимъ задачамъ, и не заслуживаетъ никакого до-
вѣрія то, что противорѣчитъ этимъ задачамъ, несогласно съ ними.
Исторические документы, малорусскія лѣтописи, козацкія думы и т. п.
Кулишъ считаетъ ненадежными источниками, потому что они или выду-

¹⁾ „Історія возсоединенія Руси“, т. 2, стр. 21—25.

мани и искашены духовными руководителями народа, или сочинены пьяными кобзарами. На этот основаіи онъ казнить и свою собственную „Повѣсть объ украинскомъ народѣ“ 1846 г., какъ не выдерживающую исторической критики. „Это была,—говорить оаз,—компилація тѣхъ шкодливыхъ для нашего разума выдумокъ, которая наши лѣтописцы выдумывали про ляковъ, да тѣхъ, что наши кобзари сочиняли про жи-довъ, для возбужденія или для забавы козакамъ пьянницамъ, да тѣхъ, которая разбросаны по апокрифамъ старинныхъ будто бы сказаний и по поддѣланнымъ еще при нашихъ предѣдахъ историческимъ доказумен-тамъ. Это было одно изъ тѣхъ утопическихъ и фантастическихъ сочи-неній безъ критики, изъ какихъ спита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою“. Но, отвергнувъ лѣтописи, архивные документы и возація думы, какъ невадежные источники для исторіи Украины, Кулишъ, вмѣсто нихъ, обратился къ польскимъ свидѣтельствамъ и ис-точникамъ, отдавая имъ явное предпочтеніе предъ отечественными укра-инскими. Слѣдовательно, такъ называемыя соціологическіе идеи Кулиша на самомъ дѣлѣ оказываются полонофильскими идеями.

Понятно, что ни русские украинцы, ни австрійские русины, для которыхъ писалъ г. Кулишъ, не могли быть доволены его послѣдними историческими идеями и сочиненіями и отшатнулись отъ него, какъ отъ измѣнника и врага своей народности, несмотря на то, что онъ въ своей „Хуторной поэзіи“ приглашаетъ своихъ земляковъ работать для воскрешенія украинской народности на поприщѣ украинского слова и литературы и разрабатывать народное слово въ переводахъ поэтиче-скихъ твореній великихъ народовъ и въ философіи, омырающейся на науку естествовѣдѣнія. Въ своемъ нравственномъ одиночествѣ на чуж-бинѣ Кулишъ утѣшается только надеждою на свое бессмертіе въ гря-дущихъ поколѣніяхъ Украины. Вотъ лебединая его пѣсня, напечатан-ная въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ!

І тебе вже оце не побачу до віку, мій крає коханий,
Не побачу степівъ тихъ роскішнихъ, гаївъ тихъ співучихъ,
І поляжу безъ слави въ могилі вімій і вікому незнай,
І забудуть мене на Славуті-Дніпрі, на порогахъ ревучихъ!

Не забудешъ мене, поки віку твого, моа нене Україно,
Поки мова твоя голосна у пісняхъ, якъ срібло чисте дзвонитъ...
На що глянешъ, усюди згадаешъ свого бідолашного сина:
Відъ тебе, моа нене, его туподумство людське не заслонить!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко¹⁾.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, по уличному прозванию Грушевскій, сынъ крѣпостнаго крестьянина помѣщика Энгельгардта, родился 25 февраля 1814 года, въ селѣ Моринцахъ, звенигородскаго уѣзда, киевской губерніи, но на третіемъ году своей жизни переселился вмѣстѣ со своими родителями въ село Кириловку, того же уѣзда, гдѣ и провелъ первое свое дѣтство. Съ первыхъ лѣтъ предоставленный самому себѣ, какъ и большинство крестьянскихъ дѣтей, онъ бродилъ цѣлые дни по деревнѣ, по полямъ, и рано чуткая душа его стала откликаться на голосъ природы. Чудныя картины Украины рано пробудили въ немъ чувство красоты, фантазію и анализъ окружающаго. Особенно ярко выступаетъ это въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ дѣтской жизни Шевченка. Разъ далеко-далеко въ степи, за нѣсколько верстъ отъ деревни, нашли маленькаго усталаго Тараса проѣзжіе чумаки. Онъ шелъ искать „конецъ свѣту, гдѣ небо упирается въ землю“, и „посмотрѣть, какъ тамъ бабы кладутъ на небо нальки“. Чумаки привезли его домой, гдѣ братья и сестры пороли горячку, ища его. Старшій братъ хотѣлъ его за это побить; но сестра Ирина вступилась за него, не дала бить и поставила ему на ужинъ галушки. Не успѣлъ онъ сѣсть и одной галушки, какъ сонъ одолѣлъ его, и онъ свалился. Сестра взяла

1) Капитальнѣйшимъ трудомъ по біографіи Шевченка считается книга „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“ М. К. Чалаго, Кіевъ, 1882 года; а лучшимъ изданіемъ его произведеній „Збирникъ творивъ Т. Г. Шевченка“, Спб., 1883 г., вышедший пока только въ одномъ первомъ томѣ. Бібліографическій указатель литературы о Шевченкѣ см. въ „Покажчикѣ нової української літератури“, М. Комарова, 1883 г. Послѣ выхода сего „Покажчика“ въ свѣтъ появились въ печати еще слѣдующіе материалы: 1) „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залесскому (1853—1857)“ въ „Кіевской Старинѣ“, за январь, мартъ и апрѣль 1883 г.; 2) „Эпизодъ о памятникѣ Шевченку и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи 1882 г.“, В. Г—на, тамъ же, за январь 1883 г.; 3) „П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность“ Н. И. Костомарова, тамъ же, за февраль 1883 г.; 4) „Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ“, соющ. С. Пономаревъ, тамъ же, за февраль, 1883 года; 5) „Моя воспоминанія о Шевченкѣ, какъ человѣкѣ“ Е. Ф. Юнге, урожденной графини Толстой, въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1893 г.; 6) „Воспоминаніе о Шевченкѣ“ А. Смоктія въ „Кіевской Старинѣ“, сентябрь—октябрь, 1883 г.; 7) „Тарасъ Гр. Шевченко“ С. Н. Кулябко. Кіевъ. 1883.

его на руки, положила на постель, перекрестила и примолвила, цѣлую его: „сни, бродага“¹. Этотъ случай Тарасъ завсегда вспомигалъ съ любовью. Въ другой разъ никто не рѣшался войти въ пещеру, бывшую неподалеку отъ деревни. Тарасъ смѣло пошелъ туда, и съ тѣхъ порь пещера нерѣдко служила ему убѣжищемъ отъ домашнихъ бѣдъ. Ко времени между 1820—1825 годами, когда Шевченку было 6—10 лѣтъ, относится его первое знакомство съ народными думами про колівщину, какъ объ этомъ говорить самъ Шевченко въ своей поэмѣ „Гайдамаки“.

Бувало, въ недилю, закривши мнечю,
По чарци зъ сусидомъ выпивши тыен,
Батько діда просить, щобъ той росказавъ
Про колівщину, якъ колись бувало,
Якъ Зализнякъ, Гонта ляхивъ покаравъ.
Столитній очи, якъ зори, сіяли,
А слово за словомъ сміялось, лылось:
Якъ лихи конали, якъ Сміла горила,
Сусиди отъ страху, одь жалю вимили.
И мени, малому, не разъ довелось
За тытаря плакать. И никто не бачивъ,
Що мала дытина у куточку плаче.

Этотъ дѣдъ Тараса умеръ около 1840 года, имѣя отъ роду 115 лѣтъ; сайдовательно, самъ былъ свидѣтелемъ или даже участникомъ колівщины. Живые разсказы своего дѣда Шевченко могъ лично пропрѣтъ на мѣстѣ и восполнить, отправившись вскорѣ на богомолье въ мотронинскій монастырь, бывшій центромъ дѣйствія во время колівщины¹.

Въ 1813 году, когда Шевченку было около 8 лѣтъ, умерла его мать, оставивъ патеро дѣтей, и отецъ женился на другой. Отъ нея явились у отца другія дѣти. Между сведенными дѣтьми постоянно происходили драки и слезы. Въ дѣтскихъ несогласіяхъ всегда преимущество имѣли на своей сторонѣ дѣти мачихи, а дѣти отца становились для мачихи все болѣе и болѣе немилыми. „Не проходило часа,—пишетъ Шевченко въ своихъ воспоминаніяхъ,—безъ слезъ и драки между нами—дѣтьми; не проходило часа безъ ссоры и браніи между отцемъ и мачихой“. Много вынесъ Тарасъ побоюю совершенно безвинно, много и за свою задорливость. Однажды его напрасно обвинили въ воровствѣ

¹⁾ Г. Чайль смѣшиваетъ мотронинскій монастырь съ лебединскимъ (стр. 16—17). См. объ этомъ въ „Кievskoj Stariinѣ“ за сентябрь 1882 года статью Пр. П. Л—ва: „Т. Г. Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи)“.

трехъ золотыхъ у постояльца—солдата и вставали въ продолженіе трехъ дней съ небольшими перерывами. Внослѣдствіи оказалось, что деньги украдъ сынъ мачихи Стешанко, спрятавъ ихъ въ дуплѣ старой вербы. Въ это-то тяжелое время своей жизни Шевченко разъ скрывался отъ домашнаго содома въ знакомую уже намъ пещеру недалеко отъ деревни. Отецъ Шевченка, можетъ быть, желая освободить его отъ побоевъ мачихи и замѣтивъ его способности, отдалъ его учиться мѣщанину Губскому. Но въ 1825 году отецъ Шевченка умеръ и передъ смертью, дѣли хозяйство между своими дѣтьми, объ 11-лѣтнемъ Тарасѣ сказалъ слѣдующее: „Синові моему Тарасу нічого не треба зъ моего хозяйства; вінь не буде аби-акимъ чоловікомъ; зъ него вийде або щось дуже добре, або велике лedaщo; для его мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не поможе“.

По смерти отца, начинается скитальческая жизнь Шевченка. Оставшись сиротой, онъ взять бытъ въ науку кириловскимъ дѣячкомъ Петромъ Богорскимъ, въ теченіи двухъ лѣтъ прошелъ азбуку, часословъ и псалтирь, учился вѣсколько времени письму у священника Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоныча, присматривавшаго за скотинкой ¹⁾, и снова перешель къ Богорскому. Подъ копецъ курса, по приказанію дѣячка, Шевченко ходилъ читать, вмѣсто него псалтирь надъ покойниками-крестьянами, за что дѣячекъ платилъ ему десятую копѣйку. Дѣячекъ, по обычаю того времени, сурово обходился со своими школарами и задавалъ имъ традиціонныя субботнія припарки. Самъ Шевченко былъ въ послѣднее время сдѣланъ „консуломъ“ въ школѣ Богорскаго и, по его приказанію, поролъ своихъ товарищѣй и получалъ отъ нихъ взятки, чтобы не больно сѣѣть. „Этотъ первый деспотъ,—говорить Шевченко о Богорскомъ,—котораго я встрѣтилъ въ моей жизни, вселилъ въ меня на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилию одного человѣка надъ другимъ“. Отъ треволненій школьнай жизни Шевченко отыхалъ въ саду сосѣдняго крестьянина Жениха, подъ тѣнью калины, въ собственноручно сдѣланномъ шалашѣ. Тутъ, весь отдаваясь поэтическимъ стремленіямъ, Тарасъ рисовалъ, списывалъ стихи Сковороды и напѣвалъ ихъ наединѣ. Онъ покончилъ съ дѣячкомъ тѣмъ, что, разъ заставши его до безпамятства пьянымъ, высѣкъ его, сколько силъ стало, розгами и убѣжалъ въ мѣстечко Лисинку, взявъ у дѣячка книжечку съ гравированными образами. Въ Лисинкѣ онъ нашелъ себѣ нового учителя въ лицѣ маляра діакона Ефрема, съ которымъ онъ вошелъ въ связь благодаря Богорскому же; но на четвертый день бѣжалъ отъ него въ село Тарасовку

1) О жизни Шевченка у священника Кошица см. тамъ же, стр. 563.

къ дьячку—маяру, который славился чьи околодки писатьемъ велико-
мученика Никиты и Ивана воина. Но тарасовскій дьячокъ, взглянувъ
на лѣвую руку Шевченка, отказалъ ему наотрѣзъ, сказавши, къ край-
нему прискорбю Шевченка, что въ немъ вѣтъ способности ни къ чему,
даже къ портижеству и бондарству. Потерявъ надежду сдѣлаться
когда нибудь хоть посредственнымъ майоромъ, Шевченко возвратился
въ родное село и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться пастухомъ, съ тѣмъ, что-
бы хоть за общественнымъ стадомъ читать свою любимую краденую
книжку съ гравюрами. Къ этому, конечно, времени относится содержа-
ніе слѣдующихъ стиховъ Шевченка:

Мени тринадцатый мынавъ.
Я пасъ ягнѧта за селомъ.
Чи то такъ сонечко сяло,
Чи такъ мени чого будо—
Мени такъ любо, любо стало,
Неначе въ Бога...
Уже проклыкали до паю,
А я соби у бурьянъ
Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому мени
Тоди такъ прызно молылось,
Чого такъ весело було.
Господне небо и село,
Ягни, здається, веселилось,
И сонце грило—не пекло.

Та недовго сонце грило
Недовго молылось:
Запекло, почервонило
И рай запалило.
Мовъ проклынулся! Дывлюся:
Село почорнило,
Боже небо голубее
И те помарнило.
Поглянувъ я на ягнѧта—
Не мои ягнѧта;
Обернувшись я на хаты—
Нема въ мене хаты.
Не давъ мени Богъ ничего!
И хлынули слезы,
Тяжки слезы... А дивчына,
При самай дорози,
Недалеко коло мене,

Плоскинь вибирала,
Та й почула, що я плачу.
Прийшла, привитала,
Утирала мої слезы
И поцілувала...
Неначе сонце засіяло,
Неначе все на світі стало
Мое—ланы, гаи, сади...
И мы, жартуючи, погнали
Чужи ягната до води.

Г. Ганенко догадывается, что обласкавшая и утешившая маленького Шевченка девчина была подруга его дядьства Оксана, къ которой онъ привязался съ ранняго возраста. Оксаною назвалъ Шевченко героя „Гайдамакъ“, вѣроятно, въ память о своей Оксанѣ. Говоря о бѣдности Яремы и о томъ счастьи, которое онъ нашелъ въ любви Оксаны, Шевченко вспоминаетъ и свое прошлое счастie:

Оттакий-то мій Ярема,
Сирота багатий.
Такымъ и я колись-то бувъ!
Мынуло, девчата...
Мынулось, розійшлося,
И слизу не стало.
Серце мlie, якъ згадаю...
Чому не осталось?
Чому не осталось, чому не витало?
Легше було бъ слезы, журбу вилывать.
Люде одибрали, бо имъ було мало.

Эти „люди“ не иной кто, камъ солдатъ, обманувшій Оксану, послѣ чего она—

Кудись пишила,
Нихто не знає, де подилась,
Занапастылась, одурила... ¹⁾.

Судя по возрасту Шевченка, онъ былъ пастыремъ овецъ окolo 1827 года. Старшій братъ поэта Никита попробовалъ было пріучить его къ хозяйствству, но всѣ усилия его къ тому остались тщетными. Тарасу скоро наскучили эти занятия: онъ бросаъ волевъ въ полѣ и уходилъ бродить на свободѣ. Спустя немногого времени, послѣ короткаго

¹⁾ „Новые материалы для бiографiи Шевченка“, Е. Ганенка, въ „Древней и новой Россiи“, за iюнь, 1875 г.

пребыванія у брата, онъ еще разъ попыталъ счастія найти учителя и ушелъ въ селеніе Хлѣбновку, славившуюся своими мальрами. У одного изъ нихъ онъ и пріютился, но пробылъ всего двѣ недѣли. Хлѣбновскій мальръ, хотя и нашелъ его способами съ живописи, но, боясь отвѣтственности за пристанодержательство крѣпостнаго мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Тарасу выхлопотать сперва разрѣшениe у помѣщика на свободное жительство и тогда уже поступить къ нему въ nauку. Шевченко отправился въ и. Ольшану, гдѣ находилась резиденція главно-управляющаго имѣніями Энгельгардта Дмитренка, и сталъ просить у него вида на жительство у хлѣбновскаго мальра. Но Дмитренко не далъ Шевченку свидѣтельства и взялъ его въ штатъ господской прислуги. Помѣщику П. В. Энгельгардту, наследовавшему въ 1829 г. часть имѣнія своего отца, потребовались разные дворовые—кучера, лакеи, повара, комнатные живописцы и т д. Управляющему Дмитренку было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ и, испытавъ ихъ способности въ Ольшаной, препроводить въ Вильну. Шевченко былъ причисленъ къ штату дворовыхъ мальчиковъ и попалъ на первыхъ порахъ въ поваренки, но, по испытаніи, отмѣченъ былъ „годнымъ на комнатнаго живописца“ и съ этимъ аттестатомъ отправленъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, въ Вильну къ своему барину, который, замѣтивъ его расторопность, сдѣлалъ его комнатнымъ козачкомъ, для исполненія мелкихъ приказаний. Его обизанностью было молчаніе и неподвижность въ углу передней, пока не раздастся голосъ барина, призывающій подать близь него стоящую трубку, либо налить ему передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной рѣзвости характера, Шевченко нарушалъ барскій приказъ, напримеръ чуть слышнымъ голосомъ гайдамацкія грустныя пѣсни и срисовывая украдкой образа суздальской школы, украшавшіе господскіе покои. Баринъ Шевченка былъ человѣкъ дѣятельный и постоянноѣздило то въ Киевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, и бралъ съ собою Шевченка. Переѣзжая со своимъ паномъ изъ одной гостиницы въ другую, Шевченко пользовался всякою возможностью украсть со стѣнъ образокъ и составилъ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особеннымъ его любимцами были исторические герои, какъ-то: Соловей Разбойникъ, Куль-невъ, Кутузовъ, козакъ Платонъ и др. Однажды помѣщикъ засталъ Шевченка ночью за копированиемъ козака Платова, выдралъ за ухо, надавалъ пощечинъ и на другой день велѣлъ фурману вышарить его хорошенько. Это было 6 декабря, 1829 года. Но въ заключеніе баринъ уѣздился, что изъ мальчика—лакея плохой, и попытался сдѣлать его комнатнымъ мальромъ. Тарасъ сталъ учиться у мальра въ Вильнѣ, а потомъ черезъ полгода, по совету этого же мастера, признавшаго въ мальчикѣ талантъ, помѣщикъ отдалъ Тараса къ портретисту Лампи

въ Варшавѣ. Тутъ шестнадцатилѣтній Шевченко (слѣдовательно, въ 1830 году) полюбилъ дѣвушку-польку швею, съ независимымъ образомъ мыслей, и тутъ, по словамъ самого поэта, ему впервые пришла въ голову мысль о томъ, что и они, крѣпаки, могутъ и должны пользоваться человѣческими правами наравнѣ съ другими сословіями. Любовь, какъ водится, не обошлась безъ жертвъ: коханка потребовала отъ Тараса, во имя сердечной привязанности, отреченія отъ хлопскаго языка въ пользу шляхетской национальности. Въ интимныхъ бесѣдахъ съ нимъ она не допускала иного языка, кромѣ польскаго. Волей-неволей Шевченко долженъ былъ учиться по польски. Успѣхи, какъ видно,шли весьма успѣшно, судя по тому, какъ свободно изыяснялся на этомъ языкѣ авторъ „Гайдамакъ“. Извѣдошихъ же до насть свѣдѣній о позднѣйшей эпохѣ его жизни мы узнаемъ, что онъ читалъ въ подлинникѣ Мицкевича и эстетику Либельта.

Но недолго продолжалась поэтическая пора жизни юноши въ Варшавѣ. По случаю подготовлявшагося въ 1831 году польскаго восстанія, Шевченко отправленъ былъ въ Петербургъ къ своему барину и, какъ крѣпостной дворовый, препровожденъ былъ туда по этапу. Дорогомъ у него порвался одинъ сапогъ, такъ что отпадала подошва, и Шевченко, чтобы не отморозить ноги, вынужденъ былъ перемѣнять сапоги, нальвая на время цѣлый сапогъ на мерзлую въ драномъ сапогѣ ногу. Эти остановки надоѣли этапнымъ солдатамъ, и одинъ изъ нихъ удрилъ Шевченка по шеѣ¹⁾.

„Въ 1833 году мнѣ исполнилось 18 лѣтъ,—говорить о себѣ Шевченко,—и такъ какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую распоропность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ мастеру, иѣкоему Ширяеву, который соединялъ въ себѣ всѣ качества дѣячка-спартанца, дѣячка-маляра и другаго дѣячка-хиромантика; но не смотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя осенния ночи, бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать то статуй. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ я познакомился съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ“. Объ этомъ знакомствѣ съ Шевченкомъ И. М. Сошенко передавалъ пр. П. Л—ву въ такомъ видѣ. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ салу, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ

1) О послѣдней подробности см. въ статьѣ Н. М. Бѣлозерскаго „Т. Г. Шевченко, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“, въ „Кievskoy Otarinѣ“, за октябрь 1882 г.

стагу, украшавшихъ аллеи сада. Захѣтилъ южный типъ физіономіи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма недуренъ. Тогда, ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко спросилъ: „видкиль, земляче?“ — „Зъ Вильшаной“, — отвѣтилъ халатникъ. — „Якъ — зъ Вильшаной? Я самъ зъ Вильшаной“, — сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатнику Тараса Шевченка¹). Землячество, несомнѣнныи талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился помочь ему по мѣрѣ силъ своихъ. Сошенко былъ хорошо знакомъ съ малороссійскимъ писателемъ Е. П. Гребенкой. Съ нимъ-то онъ прежде всего и пословѣдовался насчетъ того, какимъ бы способомъ помочь горю общаго икъ земляка. Гребенка близко принялъ къ сердцу жалкое положеніе юноши, сталъ часто приглашать его къ себѣ, давая ему для чтенія книги, сообщая разныи полезныи свѣдѣнія, помогая деньгами. Онъ помогъ Шевченку ознакомиться съ исторіей, словесностью, исторіей искусства и другими необходимыми знаніями. „Пушкина зналъ онъ наизусть,—говорить г. Кульчицъ о Шевченкѣ, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ, а Шекспира возилъ съ собою, куда бъ ни ходилъ²). Изъ „Дневника“ же самого Шевченка мы узнаемъ, что онъ зналъ наизусть и многія изъ стихотвореній Лермонтова, называлъ его великимъ поэтомъ, а стихи его — очаровательными. Вѣроятно, первоначальнымъ знакомствомъ съ классическими русскими писателями Шевченко былъ обязанъ Е. П. Гребенкой.

Не довольствуясь этимъ первымъ шагомъ къ облегченію участіи Тараса, Сошенко представилъ его конференц-секретарю академіи художествъ Григоровичу, съ убѣдительнѣйшею просьбою оказать свое содѣйствіе къ освобожденію его отъ невыносимаго гнета маляра Ширяева. Съ Гребенкой Тарасъ Григорьевичъ сталъ бывать у придворного живописца Венеціанова, который, по просьбѣ Григоровича, представилъ его В. А. Жуковскому. Желая ближе познакомиться съ напраaleniemъ самоучки-маляра, Жуковскій задалъ ему однажды тому — описать жизнь художника. Насколько Шевченко удовлетворилъ пытливости нашего романтика, — неизвѣстно. Извѣстно только, что съ этого именно времени онъ сталъ сильно хлопотать о выкупѣ Шевченка.

¹⁾ О первомъ знакомствѣ Шевченка съ Сошенкомъ см. „Тарасъ Гр. Шевченко“ пр. И. Д.—ва въ „Кievskoy Starинѣ“ за сентябрь 1882 г. Въ книгѣ г. Чалаго передается объ этомъ нѣсколько иначе (стр. 22 и 23). Но мы предпринимаемъ извѣстіе пр. И. Д.—ва, потому, что оно совпадаетъ съ показаніемъ самого Шевченка въ его „Автобіографіи“.

²⁾ „Основа“, за январь, 1862 года: бібліографія, стр. 60—61.

Около этого времени, въ одни изъ каникулъ, Сошенко приглашень былъ смотрителемъ Энгельгардтова дома переселиться къ нему для написанія портрета его жены. Шевченко посѣщалъ своего земляка и здѣсь, но допускалъ себѣ вольные рѣчи съ дворовыми, которые, заразившись отъ него вольнодумствомъ, и сами начали вольничать, заявленіи предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Прехтель хотѣлъ за это высѣчь Шевченка и только по просьбѣ Сошенка и своей жены отмѣнилъ это наказаніе, запретивъ ему видѣться съ дворовыми, подъ угрозой жесточайшей кары. Впрочемъ, о Прехтель Шевченко сохранилъ, повидимому, добрыя воспоминанія. Въ его повѣсти „Матросъ“ старики Прехтели представлены свѣтыми личностями, которыхъ выше всего ставить духовные достоинства и нравственную чистоту въ человѣкѣ.

Настала осень. Сошенко, окончивъ работу, переселился изъ панскихъ палатъ въ свою убогую квартирку, къ нѣмкѣ Марѣ Ивановнѣ. Таරасъ опять стала навѣщать его. По совѣту Сошенка, онъ началъ работать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ грязныхъ пробъ терпѣливо служилъ ему моделью его землякъ и приятель Ив. Ничипоренко, дворовой человѣкъ того же помѣщика. Разъ помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка работу Шевченка, и она такъ ему понравилась, что онъ сталъ употреблять его для рисованія портретовъ со своихъ метрессъ, за которые иногда награждалъ Шевченка цѣльмъ рублемъ серебра.

Межу тѣмъ дѣло обѣ основоѣденій Шевченка отъ крѣпостичества, не смотря на всѣ старанія Венеціанова, Вельегорскаго и Жуковскаго, все-таки впередъ не подвигалось. Шевченко пришелъ однажды къ Сошенку въ страшномъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ нарекалъ на своего помѣщика, не соглашавшагося отпустить его на волю. В. А. Жуковскій, узнавъ обѣ ужасномъ состояніи духа молодаго человѣка, написалъ къ нему на лоскутѣ бумаги успокоительную записку. Ближайшимъ толчкомъ къ выкупу Шевченка изъ крѣпостной неволи было, говорить, слѣдующее обстоятельство. Какой-то генераль заказалъ Шевченку портретъ за 50-рублей. Генералу портретъ не понравился, и онъ отказался принять его. Обиженный живописецъ, съ досады на генерала, выкинуль ему такую штуку. Узнавъ, что этотъ генераль акуратно посѣщаетъ одну царскую, предложилъ хозяину ея купить у него для выѣски генерала съ намыленной бородой. Тотъ согласился пріобрѣсть, почти задаромъ, такое пышное украшеніе для своего заведенія. Замѣтивъ на выѣски свой портретъ, генераль пришелъ въ бѣшенство и тотчасъ перекупилъ его для себя; а чтобы отомстить дерзкому мальцу, обратился къ помѣщику Энгельгарду съ просьбою продать ему крѣпостнаго художника, предлагая ему за него большія

деньги. Энгельгардъ чуть было не согласился на такую выгодную сделку, хотя и зналъ цѣль покупателя. Пока они торговались, Шевченко узналъ объ этомъ и, воображая, что можетъ ожидать его, бросился къ Брюлову, умоляя спасти его. Брюловъ сообщилъ объ этомъ В. А. Жуковскому, а тотъ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Энгельгарду дано было знать, чтобы онъ пристановился къ продаже Шевченка. Въ непремѣнное исполненіе ходатайства за Шевченка императрица требовала отъ Брюлова окончанія портрета Жуковскаго, давно уже Брюловымъ обѣщанного и даже начатаго, но заброшенаго, какъ это очень часто бывало съ Брюловымъ. Портретъ вскорѣ былъ оконченъ и разыгранъ въ лотерю между лицами императорской фамилии. Лотерея, по словамъ ви. Рейниной, была устроена не въ 2500, какъ сообщаетъ самъ Шевченко, а въ 10000 руб. асс., — сумму, равную платѣ, предложенной генераломъ за Шевченка помѣщику. Шевченко получилъ свободу 22 апрѣля 1838 года, съ того же дня началъ посѣщать классы академіи художествъ и вскорѣ сдѣлался одвимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ — товарищей Брюлова.

Освобожденный изъ оковъ крѣпостнаго состоянія, Шевченко поселился у Сошенка, въ квартирѣ нѣмки Мары Ивановны, и рѣшился отдаться живописи, ради которой онъ освобожденъ былъ отъ крѣпостнаго состоянія. Онъ сталъ усердно посѣщать академію художествъ. Но въ скоромъ времени живопись у Шевченка отступаетъ на задній планъ, и все сильнѣе и сильнѣе чувствуетъ онъ въ себѣ иной талантъ, зовущій его на другую дорогу. Въ лѣтнемъ саду, въ студіи Брюлова, въ загородныхъ прогулкахъ, передъ Шевченкомъ носятся художественные образы, которые такъ и рвутся на волю, такъ и ждутъ воплотиться въ звучныхъ мелодическихъ строкахъ. Шевченко началъ мало по малу оставлять живопись и предаваться поэзіи. Вотъ какъ говорить объ этой первой порѣ своей поэтической дѣятельности самъ поэтъ: „украинская строгая музъ долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью въ школѣ, въ помѣщицѣ передней, на постоянныхъ дворахъ и въ городскихъ трактирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрѣхой, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ“. Первые поэтическія произведения Шевченка относятся къ 1838 году. Въ письмѣ къ Квиткѣ отъ 11 ноября, 1838 года, Гребенка писалъ о Шевченкѣ слѣдующее: „а ще тутъ є у мене одинъ земликъ Ш(евченк)о, що то за завзятый писать вирши, то нехай ему сей да той. Якъ що напише, тильки цмокни, та вдарь руками объ полы. Винъ мени давъ гарныхъ стихицъ на сбирникъ“¹⁾. То были

¹⁾ „Украинская Старина“ Г. Данилевскаго, 1886 г., стр. 275 и 281.

стихотворенія Шевченка „Витре буйнай“, „Сиречинна“, „На вічну пам'ять Котляревскому“ и первая глава изъ поэмы „Гайдамаки“, помѣщенный въ „Ластовкѣ“ Гребенки 1841 года.

Внутренній переломъ въ жизни Шевченка въ пользу поэзіи не обошелся ему безъ внутренніхъ мученій и безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній со стороны близкихъ къ нему лицъ. „На нѣкоторое время Шевченкомъ овладѣлъ, — говорить одинъ изъ его биографовъ, — духъ разсвѣтленной, веселой свѣтской жизни. Онъ сталъ щеголять, часто ходить въ гости, вообще жилъ весело и мало брался за работу, особенно же живописную, за что не одинъ разъ укорялъ его Сошенко, порицавшій его стихотворные попытки“. Къ веселой, разгульной жизни располагалъ Шевченка и его знаменитый учитель и покровитель Брюловъ, который и самъ непрочно былъ пображничать. Наконецъ, Шевченко отбилъ у Сошенка племянницу его хозяйки — нѣмки Марью Яковлевну, за что Сощенко выгнала нашего поэта изъ своей квартиры. Эта Марья Яковлевна жаловалась впослѣдствіи на Шевченка въ академію художествъ.

Шевченко жилъ у Сошенка съ осени 1838 по февраль 1839 г. Разставшись такъ нелужелюбно съ пріятелемъ, Тарасъ Григорьевичъ поселился на Острову, въ 5-й линіи, въ домѣ Аристы. Вѣроятно, къ этому времени относятся воспоминанія Н. М —са о Шевченкѣ. Этотъ полтавскій дворянинъ познакомился съ Шевченкомъ въ концѣ 1838 г. у Е. Н. Гребенки, просилъ Шевченка сдѣлать свой портретъ акварелью и для этого їздилъ къ нему на квартиру. Квартира его была на Васильевскомъ островѣ, невдали отъ академии художествъ, гдѣ-то подъ небесами, и состояла изъ передней совершенно пустой, и другой небольшой, съ полукруглымъ вверху окномъ, комнаты. Однажды, окончивъ сеансъ, Г. М — съ поднялъ съ пола кусокъ исписанной карандашомъ бумаги и едва могъ разобрать четыре стиха:

Червоною гадюкою
Несе Альта висти,
Щобъ летили крюки зъ поля
Лашкивъ — панкивъ йисти (Тарасованичъ).

Оказалось, что такихъ клочковъ у Шевченка былъ цѣлый лубочній ящикъ подъ кроватью. „Кивши (съ дозвolenія Шевченка) бумаги, говорить М — съ, я тотчасъ же отправился къ Гребенкѣ, и мы съ большимъ трудомъ кое-какъ привели ихъ въ порядокъ и, что могли, прочитали. При слѣдующемъ сеансѣ я ничего не говорилъ Шевченку объ его стихахъ ожидая, не спросить ли онъ самъ о нихъ, но онъ упорно молчалъ. Наконецъ я сказалъ: „знаете, что, Т. Г.? Я прочитавъ ваши стихи, — дуже, дуже добрѣ! Хотете — напечатаю?“ — „Ой, ні, добродію! не хочу, не хочу, далебі що не хочу! щобъ ище

попобили! Цуръ іому!" Много труда стоило мнѣ уговорить Шевченка; наконецъ онъ согласился, и я въ 1840 году напечаталъ Кобзаря"¹⁾. Въ немъ помѣщены были, кромѣ думъ,— „Наймичка“, „Причинка“, „Утоплена“, „Перебендя“, „Топола“, „До Основьяненка“, „Іванъ Підкова“, „Тарасова нічъ“ и „Катерина“.

Въ томъ же 1839 году Сошенко, отъ усиленной работы, отъ климата, отъ недостатка питанія, заболѣлъ глазами и грудью и, по совету врача, не окончивъ курса, уѣхалъ въ Нѣжинъ учителемъ уѣзда-наго училища, на четыре рубля мѣсячнаго жалованья. Узнавъ объ его отъѣздѣ, Шевченко пришелъ съ нимъ проститься. Онъ чувствовалъ себя передъ нимъ виноватымъ и принялъ братское участіе въ бѣдственномъ положеніи земляка, которому онъ такъ много былъ обязанъ,— и недавніе соперники разстались дружески, какъ будто между ними ничего и не происходило.

Въ домѣ Аристы Шевченко оставался на квартирѣ недолго. По случаю тяжкой болѣзни поэта, товарищъ его по академіи Пономаревъ, занимавшій казенную квартиру въ академическомъ зданіи, пріютилъ его у себя на антресоляхъ, гдѣ впослѣдствіи и умеръ поэтъ. Во время болѣзни Шевченко написалъ свой портретъ, помѣщенный въ „Русской Старинѣ“ за 1880 годъ. Рядомъ съ мастерской Пономарева жилъ другой художникъ Петровскій, работавшій въ то время надъ программой „Агарь въ пустынѣ“. Всѣ три живописца, какъ ученики одного учителя Брюлова, жили между собой, какъ братья. Однажды Петровскій жаловался товарищамъ па то, что у него нѣть большой птицы для скопированія крыльевъ ангела-утѣшителя Агари. „Помимо этого горя, — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Пономаревъ, — мы всѣ трое тужили на пустоту нашихъ желудковъ, такъ какъ сидѣли буквально безъ куска хлѣба, не имѣя ни гроша наличныхъ и ни на копѣйку кредита. Петровскій предложилъ намъ идти съ нимъ обѣдать къ его матери на Пески, но мы должны были отказаться отъ такого радушнаго приглашенія, боясь опоздать къ вечернимъ классамъ. Оставшись съ Тарасомъ въ мастерской Петровскаго, мы съ горя начали пѣть малороссійскія пѣсни. Отъ матери Петровскій вернулся сытымъ да еще и съ рублемъ серебра въ карманѣ. Проголодавшемуся Тарасу пришла въ голову злая мысль: мигнувъ мнѣ запереть двери и держать Петровскаго за руки, онъ моментально вынулъ у него изъ кармана завѣтный цѣлковій, и мы бѣгомъ пустились въ трактиръ Римъ. Такъ какъ злосчастный рубль былъ припасенъ Петровскимъ совсѣмъ не для бифш-

¹⁾ „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, П. М.—са, въ „Вѣстнике юго-западной и западной Россіи“, за апрѣль, 1863 года.

тексу; а для пріобрѣтенія итицы, то нужно было во что бы то ни стало добыть ее. Шевченка озарила счастливая мысль: у помощника полиціймейстера академіи Соколова на заднемъ дворѣ имѣлся небольшой табунокъ гусей, и мы съ Шевченкомъ отправились на охоту. Накрывъ одного гуся шинелью и вложивъ ему клювъ, мы потасціли его въ мастерскую Петровскаго. Крылья ангелу были живо написаны, а гуся солдатъ-истопникъ сварилъ для насъ въ самоварѣ на тризну. Шевченко скоро разбогатѣлъ такъ, что, по уплатѣ Соколову за гуся рубли, у него осталось еще столько же. Карлъ Павловичъ (Брюловъ) очень смѣялся нашей продѣлкѣ изъ любви къ искусству. Тараса онъ очень любилъ, хотя нерѣдко и журилъ его порядкомъ".

Изъ остальной академической жизни Шевченка почти ничего неизвѣстно. Вѣроятно, все это время было посвящено Шевченкомъ больше поэзіи, чѣмъ живописи. Издание „Кобзаря“ въ 1840 году произвело впечатлѣніе на малорусскую читающую публику, познакомило и облизало Шевченка съ другими украинскими писателями, напримѣръ Квиткой и Л. Кухаренкомъ, и поощрило къ дальнѣйшимъ поэтическимъ занятіямъ. Въ „Макѣ“ за 1842 годъ помѣщены были отрывки изъ его драмы „Никита Гайдай“ на русскомъ языке, стихами и прозой пополамъ. Въ томъ же 1842 году Шевченко приступилъ къ печатанію знаменитой своей поэмы „Гайдамаки“. „Было мнѣ,—пишетъ онъ къ Г. С. Тарновскому,—съ ними горя; насили кое-какъ же увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Посыпаю три экземпляра: одинъ вамъ, другой—Маркевичу, третій—Забѣлѣ. Да не давайте читать своимъ дивчатамъ: я для нихъ пришаю „Черницю Марьину“: це вже буде не возмутительнее“. Во второй части „Мелодика“ Бецкаго, 1843 года, напечатаны были произведения Шевченка: 1) думка „Тяжко важдко въ свити жити сироти безъ роду“; 2) „Н. Маркевичу“ и 3) баллада „Утоплена“.

Получивъ въ 1843 году степень свободного художника, Шевченко сталъ рваться изъ столицы на родину, гдѣ его съ большими ветерпѣніемъ ожидали земляки. Въ письмѣ своемъ къ одному приятелю онъ пишетъ: „Карлъ Павловичъ байдаки бѣ, а Осада Пскова жде лита. А я чортъ знае що—не то роблю що, не то гуляю, снови-гаю не оцему чертову болоту, та згадую нашу Украину. Охъ, якъ бы мини можно було прііхать до соловья, весело бѣ було, та не знаю. Спигкали мене проїжджіи кацапы, такъ що не знаю, якъ и викру-чатьца“. Какъ сдалъ экзаменъ,—говорилъ Шевченко объ окончаніи своемъ курса нареченному брату своему В. Г. Шевченкѣ,—такъ на-твори-лъ такого, что стыдно теперъ и вспомнить. Да! сдалъ я экзаменъ, да какъ загулялъ, такъ очамятоvalся только тогда, когда мої гульби минуло два мѣсаца. Прочухавшись, лежу я себѣ утромъ да и думаю;

а что же теперь дѣлать? Какъ глядь, хозяйка вошла да и говоритъ: „Тарасъ Григорьевичъ! мнѣ больше нечѣмъ воевать! мнѣ съ дѣ-
дуэтъ за два мѣсяца за квартиру, столъ и працку. Либо давайтедень-
ги, либо ужъ и не знаю, что съ вами и дѣлать“. Я попросилъ не-
множко подождать, а самъ задумался, что и впрямь дѣлать? Только
ушла хозяйка, приходить цыганщики одинъ за другимъ, да все тѣ же
деньгами: „пожалуйте, говорить, по счету-съ“. Что тутъ подѣлае-
ешь? Беру „счетцы“ и говорю: „ладно! оставьте счеты, я пересмотрю
и пришлю деньги“; а себѣ на умѣ — когда-то пришли и откуда де-
негъ взоры? Только я это думал, вдругъ приходитъ ко мнѣ Поп-
левой и говорить, что думаетъ издать „двѣнадцать русскихъ полко-
водцевъ“, — такъ чтобы я ему ихъ портреты нарисовалъ. Обрадовался
я, думал: правду люди говорятъ — „голенъкій охъ, а за голенъкимъ
Богъ“! Условились мы съ Поплевымъ, дать овѣ мнѣ задатокъ; вотъ
этими деньгами я и выбрался изъ бѣды: да съ тѣхъ поръ и дальше себѣ
зарокъ всякой разъ хозяйкѣ платить за мѣсяцъ впередъ, такъ какъ
отлично зналъ, что у меня деньги въ мошнѣ никогда не залежатся“¹⁾.
Книга Поплеваго „Русскіе полководцы“ издана имъ въ 1845 году въ
Петербургѣ въ трехъ частяхъ, съ 12-ю портретами, гравированными
въ Лондонѣ по рисункамъ Шевченка.

Съ половины 1843 года и до своего ареста въ 1847 году Шев-
ченко большую частью проживалъ въ Малороссіи, собирая материалы
для изданія задуманного имъ альбома, подъ названіемъ „Живописная
Украина“. Въ Малороссіи онъ принялъ быть съ радушіемъ и хлѣбо-
сольствомъ. Къ этому времени относятся воспоминанія Аѳанасьевы-
Чужбинскаго о Шевченкѣ, съ которымъ онъ познакомился 29-го июня
1843 года, въ Москвѣ, въ домѣ Т. В. В-ской. Шевченко пріѣхалъ
съ Е. П. Гребенкою и съ первого же взгляда расположилъ А. Чуж-
бинскаго въ свою пользу. Поэтому былъ оказанъ радушный приемъ, вы-
дѣли его тронувшій; онъ былъ видимо въ духѣ и говорилъ на роди-
момъ украинскомъ нарѣчіи. Кружокъ, владѣвшій Шевченкомъ, носилъ
название „общества мочемордія“, что-то въ видѣ секты въ честь бога
пьянства, съ надлежащей іерархией и надлежащими обрядами. Стар-
шина мочемордій, носившій титулъ высокопльбашество, былъ тогда
В. А. Задревскій, отставной гусарь. Пріѣздъ Шевченка отпразднованъ
на славу: пили до разсвѣта.

Но Тарасъ Григорьевичъ скоро разочаровался въ цѣлостности
и въ украинскихъ ценностяхъ и посыпалъ всѣма немножко, несмотря

¹⁾ „Воспоминанія о Т. Р. Шевченкѣ“ В. Г. Шевченка, съ предисловіемъ
Д. Мордовцева, въ „Древней и новой Россіи“, 1876 г., т. II.

на разумные приглашения. Крѣпостной гнетъ, тяготѣвшій тогда надъ народомъ, — вотъ что отталкивало поэта и отравляло лучшія минуты его существованія. Чумбинскій разсказываетъ весьма характерный анекдотъ о посыщении Шевченкомъ одного господина въ городѣ Л. „Мы пришли, — говорить онъ, — на обѣдъ довольно рано. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Къ несчастію его, хозяинъ выглянулъ въ двери и, увидѣвъ дремавшаго слугу, разбудилъ его собственноручно, во своему, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Тарасъ Григорьевичъ покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушелъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться. Господинъ не остался впослѣдствіи въ долгу: тѣмная эта личность, действуя во мракѣ, подготовила немало горя нашему поэту. Мысль о тогдашнемъ положеніи простолюдина постоянно мучила Шевченка и нерѣдко отправляла лучшія минуты“. Не менѣе характеренъ поступокъ Шевченка съ другимъ помѣщикомъ, известнымъ собирателемъ малорусскихъ пѣсенъ Лукашевичемъ, съ которымъ Шевченко былъ знакомъ и часто бывалъ въ его имѣніи. Считая его помѣщикомъ добрымъ и гуманнымъ, поэтъ, по свидѣтельству Вареолемея Шевченка, пріѣзжалъ къ нему со своимъ крѣпостнымъ братомъ, который (будто бы) былъ принять радушно, какъ равный. Однажды, въ суровую зиму, этотъ самыи Лукашевичъ присыпаетъ пѣшкомъ своего крѣпостного человека въ Яготинъ въ Шевченку (за 30 верстъ разстоянія) по какому-то неважному дѣлу и строго наказываетъ ему возвратиться съ отвѣтомъ въ тотъ же день. Узнавъ о такомъ безчеловѣчномъ приказаніи слугѣ, Тарасъ Григорьевичъ не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ; но фактъ былъ на лицо, и ему пришлося горько разочароваться въ своемъ мѣнѣ о человѣкѣ, котораго онъ считалъ въ отношеніи крестьянъ болѣшимъ либераломъ. Не имѣя права удержать посланца до слѣдующаго дня, онъ написалъ его пану письмо, исполненное желчи и неродованія, объявляя ему, что онъ прекращаетъ съ нимъ всякое знакомство навсегда. Крѣпостникъ Лукашевичъ, однако жъ, не унылъ и отвѣчалъ Тарасу Григорьевичу письмомъ, въ которомъ все вертѣлось на томъ, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко.

Большинство новыхъ знакомыхъ Тараса Григорьевича не отличалось ни особыми нравственными качествами, ни горячей любовью къ родному языку, ни привязанностью къ родной старинѣ. Но среди этой пустыни „мертвыхъ душъ“, какъ отрадные оазисы, выдавались нѣкоторыя семейства иного пошиба, отличающиеся и гуманностью, и образованіемъ. Къ такимъ оазисамъ принадлежало семейство бывшаго украинскаго генераль-губернатора князя Репнина, который въ 1843 году пригласилъ Шевченка къ себѣ въ Яготинъ для снятія копіи съ своего портрета. Когда же копія была сдѣлана довольно удачно, то Шев-

ченка просили оставаться въ домѣ на болѣе продолжительное время, и онъ остался; страстно привязавшись къ просвѣщенному и гостепріимному семейству Репининыхъ, а къ умной, образованной, тогда 38-лѣтней книжнѣ Варварѣ Николаевнѣ онъ питалъ какое-то особенное благоговѣніе. 11 ноября, 1843 года, онъ посвятилъ ей свое русское стихотвореніе „Триана“, напечатанное въ „Малиѣ“ за 1844 годъ и изданное отдельной брошюрою. Послѣ выѣзда изъ Яготина, Варвара Николаевна переписывалась съ Шевченкомъ, предостерегала его отъ дурныхъ знакомствъ и особенно отъ знакомства съ мочемордой Закревской. „Я наѣюсь,—писала она Шевченку 20 декабря, 1844 года,—что вы уже не въ перепискѣ съ нимъ (Закревскимъ). Я этого знакомства очень боялась для васъ. Любите сколько вами угодно Капниста, Бурковскаго, Галагана, Вл. Лужаневича: съ ними все хорошее, благородное, находящееся въ васъ, разъвѣтается болѣе и болѣе. Какъ жаль, что вы не знакомы съ А. Лизогубомъ: съ какимъ теплымъ сочувствіемъ цѣнить онъ ваши поэмы, и какъ сожалѣть, что не знаетъ васъ лично“:

Къ сожалѣнію, даже вліяніе книжны не всегда имѣло силу удержать поэта отъ опасныхъ для него знакомствъ, отъ кутежей и распутности. Вскрѣ послѣ выѣзда изъ Яготина Шевченко опять является въ Москвиѣ, какъ показываетъ дата подъ его стихотвореніемъ „Чигиринъ“, написаннымъ въ Москвиѣ 19 февраля, 1844 г. ¹⁾.

Подробнаго маршрута дальнѣйшихъ путешествій Т. Г. Шевченка по Украинѣ и Россіи мы не имѣемъ, но въ подписахъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашихъ его произведеній находится нѣсколько указаний на станціонные пункты въ его страннической жизни. 25 февраля, 1844 года, т. е. по выѣздѣ изъ Москвиѣ, онъ оканчиваетъ въ Переяславѣ свою русскую повѣсть „Наймичка“ ²⁾). Въ іюнѣ 1844 года Шевченко является въ Петербургѣ, какъ это видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“ ³⁾). Въ слѣдующемъ 1845 году Шевченко является въ Киевѣ и отсюда дѣлаетъ поїздки въ разныя мѣста кіевской, полтавской и черниговской губерній. Здѣсь, въ Киевѣ, года за три—за четыре до 1847 года кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ учениемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, выѣѣтъ

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ произведеній Шевченка и даже въ „Кобзарѣ“ 1883 г. это стихотвореніе помѣчено такъ: „Москва. 19 февраля 1844 года“. Но это ошибка: вместо „Москва“ нужно читать „Мосеква“.

²⁾ „Основа“, за мартъ, 1862 г.: „Ізвѣщеніе“.

³⁾ Эта дата значится въ львовскомъ изданіи произведеній Шевченка, 1867 г., въ двухъ томахъ, которое,—кстати замѣтить,—не помѣчено въ „Показчикѣ“ М. Комарова 1883 г.

и христіанськихъ и науковыхъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и Кулишъ¹⁾). 26 сентября, 1845 года, Шевченко явился на храмовой праздникъ въ свое родное село Кириловку, гостить у татара Игната Бондаренка, подчивавшаго гостей старымъ медомъ, и слушать пѣніе кобзаря. Здѣсь онъ показывалъ своему нареченному брату В. Г. Шевченку портреты своихъ кїевскихъ пріятелей, говорившихъ работать для народного просвѣщенія. Эта работа, по его словамъ, должна была идти такимъ путемъ: каждый изъ нихъ, сообразно съ своими достоинствами, назначалъ сумму, какую онъ можетъ внести въ общественную кассу. Кассою управляетъ выборная администрація; касса пополняется какъ взносами, такъ и процентами, а какъ возрастетъ достаточно, тогда и будуть изъ нея выдавать бѣднымъ людямъ, которые, окончивъ курсъ гимназіческій, не въ состояніи поступить въ университетъ. Тотъ, кто бралъ это вспомоществованіе, обязывался, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскимъ учителемъ. Сельскимъ учителямъ предполагалось у казни и у дворянъ помѣщиковъ выплатить плату; а если эта плата окажется недостаточной, то прибавлять изъ кассы". На вопросъ, какимъ же путемъ можно добиться, чтобы правительство дало разрешеніе заводить по селамъ школы, Шевченко „отвѣчалъ, что это сдѣлается очень просто: по козачьимъ и казеннымъ школамъ правительство школъ не запрещаетъ, а завести ихъ въ помѣщичихъ имѣніяхъ—надо склонить помѣщиковъ". В. Г. Шевченко съ большимъ сочувствіемъ выслушалъ проектъ Тараса о народномъ образованіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ непріятно пораженъ его запретной поэмою „Кавказъ", которую продекламировалъ въ это время Тарасъ Григорьевичъ своему нареченному брату²⁾). Черезъ нѣсколько дней Шевченко посѣтилъ кириловскаго священника. У старого батюшки въ то время гостили сынъ его, молодой попикъ изъ новенькихъ, который, въ ожиданіи рѣдкаго гостя, пригласилъ еще одного молодаго батюшку изъ сосѣднаго села. Наперерывъ одинъ передъ другимъ они старались занять именитаго гостя разговорами въ современномъ духѣ; но гость говорилъ съ ними неохотно и весь почти вечеръ былъ занятъ бесѣдой про старину со старенъкимъ батюшкой³⁾). При возвращеніи въ Кіевъ, братья проводили Шевченка.

1) „Хуторца поэзія“, Кулиша, 1882 г., „Историчне оповіданнє“.

2) „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“ В. Г. Шевченка, въ „Древней и новой Россіи“ 1876 г., т. II.

3) Недавно напечатано извѣстіе, что въ бытность свою у кириловскаго священника Шевченко попросилъ у него руки ея дочери; священникъ отказалъ по какимъ-то соображеніямъ, и дѣло дальше не пошло. См. газету „Заря“, 1883 г., № 237.

де набака и затащили выпить на прощанье. Выпили больше, чёмъ требовалось, и вышло вотъ что: жида шинкарь началъ бранить какого-то крестьянина Тарасъ не вытерпѣлъ: „чего глядите, ребята? Растаните жида да и ведутъ!“ Эти слова, въ огонѣ, разомгли парней. Не успѣть жида глазомъ моргнуть, какъ его разломили; въ одинъ мигъ явились розги, и сѣкли жида до тѣхъ поръ, пока Тарасъ сказалъ: „будетъ!“ Нечего и говорить, что изъ этого жида сдѣлали цѣлый „бунтъ“. Попали доносы, что Шевченко проповѣдуется колівщикамъ, и для начальства, набрали его членъкъ поселенъ, хотѣль вырѣзать всѣхъ жидовъ въ Бирюзовѣ! Полиція стала на дыбы; однако кончилось тѣмъ, что Тарасовы браты откупились и възлонили собой тѣхъ, которые принимали участіе въ жидовской порѣ.

Остальное время 1845 года Шевченко провелъ въ разѣздахъ по Малороссіи. 16 октября 1845 года онъ написалъ свою поэму „Невольникъ“ въ селѣ Марьинскомъ; 22 ноября, въ Переяславѣ—посланіе къ Шафарикову съ поэмой „Иванъ Гусь“; 14 декабря во Вьюницѣ посланіе „до мертвыхъ и живыхъ“ и 17 декабря во Вьюницѣ же—„Холодный Ярь“. Поэтъ говоритъ, что для поэмы „Иванъ Гусь“ онъ прочелъ всѣ источники о гуситахъ и эпохѣ, имъ предшествовавшей; какіе только можно было достать, а чтобы не надѣлать промаховъ и противъ народности, не оставилъ въ поэзіи ни одного чека, встрѣчавшагося въ Кіевѣ или въ другихъ мѣстахъ, у котораго разспрашивала топографическая и этнографическая подробности.

Въ началѣ 1846 года Т. Г. Шевченко опять является въ Переяславѣ и 25 просинца (января) пишетъ здѣсь свое „Завѣщеніе“¹⁾, въ силу которого онъ впослѣдствіи и погребенъ былъ въ теперешней его могилѣ. Вѣроятно, это „Завѣщеніе“ написано было имъ во время его болѣзни, о которой упоминаетъ Асанасьевъ-Чужбинскій въ своихъ воспоминаніяхъ. „Сошлись мы,—говорить онъ,—ближе съ Тарасомъ Григорьевичемъ въ 1846 году. Я не зналъ, что онъ больной, въ нѣсколькохъ верстахъ отъ меня, лежитъ въ переяславскомъ уѣздѣ. И вотъ однажды, совершенно неожиданно, заѣхалъ ко мнѣ въ Исковцы, передъ масленицей—блѣдны, съ бритой головой, въ черной бархатной шапочкѣ. Поэтъ хвалился мнѣ, что онъ во время болѣзни написалъ множество стиховъ“. Онъ пригласилъ Чужбинскаго сопутствовать ему въ его археологическомъ путешествіи, такъ какъ онъ располагалъ срисовать

1) Въ львовскомъ изданіи сочиненій Т. Г. Шевченка 1867 г. это стихотвореніе помѣчено такъ: „25 просинца, 1845. Переяславѣ“. Но по другимъ извѣстіямъ, завѣщеніе писано въ 1846 году. Вѣроятно, что Шевченко писалъ свое завѣщеніе во время своей болѣзни, бывшей въ 1846 г.

древнюю утварь по церквамъ и монастырямъ черниговской губерніи. Изъ Лубенъ они выѣхали въ Нѣжинъ. На станціѣ въ Пиролукахъ они замедлили въ ожиданіи лошадей, и въ это время загорѣлась убогая лачуга какого-то еврея; единовѣрцы помогали ему, но мѣстные жители христіане отнеслись къ этому несчастію съ полнымъ равнодушіемъ. Шевченко бросился спасать имущество погорѣльцевъ и по окончаніи пожара держа рѣчь къ христіанскому населенію, которое какъ-то неохотно дѣйствовало, на томъ основаніи, что горѣть жить. При всей нелюбви своей къ этому племени, Шевченко горячимъ словомъ упрекалъ предстоявшихъ въ равнодушіи, доказывая, что человѣкъ въ нуждѣ и бѣдѣ, какой бы ни былъ онъ націи, какую ни исповѣдывалъ бы религію, дѣлается вами самымъ близкимъ братомъ. Въ Нѣжинѣ пріѣздъ кобзаря возбудилъ всеобщій восторгъ. Здѣсь Шевченко встрѣтился съ забытымъ всѣми художникомъ, бѣднымъ учителемъ рисованія, своимъ прежнимъ благодѣтелемъ И. М. Сопченкомъ, который не преминулъ уязвить пріятеля, но только не за предпочтеніе поэзіи живописи, а за плохую вещь, напечатанную имъ въ 1844 году „Тризну“. Изъ Нѣжина путешественники наши поспѣшили въ Черниговъ и тамъ нашли довольно древностей, которая необходимо было срисовать. Кромѣ того, Шевченко получиль нѣсколько заказовъ на портреты. Изъ города не-эти часто уѣзжалъ въ с. Седневъ, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ кругу дружески знакомаго ему семейства Лизогуба. Здѣсь онъ помѣщался въ особомъ флигелѣ, который называлъ „маларисомъ“; это, кажется, и была извѣстная „камъница“, съ намалеванными запорожцемъ на дверяхъ. Тамъ Шевченко „малевавъ“, а по ночамъ нутилъ съ лизогубовскою прислугою. Къ обѣду рѣдко выходилъ¹⁾.

Того же года, весною, пріятели отправились въ Киевъ, гдѣ Тарасъ Григорьевичъ нашель старого своего товарища Сажина. Послѣ воротнаго пребыванія въ номерахъ, они поселились на Кошемъ болотѣ, кажется, въ домѣ Житницкаго, гдѣ была постолинная квартира Чубинскаго во время пріѣзда его въ Киевъ. Шевченко задумалъ срисовать важайшія достопримѣчательности матери городовъ русскаго, а также иѣздоваго живописныхъ окрестностей. Сажинъ взялъ на себя отдѣлку деталей, и оба художника ежедневно пропадали съ самого утра. Рисунки развалины Золотыхъ воротъ, онъ между валами (которыхъ въ настоящее время и сѣда не осталось), нашель заблудившуюся трехлѣтнюю девочку, посадилъ ее возлѣ себя на разостланый платокъ и изъ лоскутовъ бумаги дѣлалъ ей игрушки. Онъ готовъ былъ оставить

1) О жизни Шевченка у Лизогуба см. въ „Кievской Старинѣ“, за октябрь 1882 г., въ статьѣ Н. М. Бѣлоусовскаго, стр. 72.

ее у себя, если бы подъ софийского собора не встрѣтилась мать, въ тревогѣ искавшая дѣвочку; ей онъ и вручилъ своего найденаго. „Вечеромъ,—говорить Чужбинскій,—мы всѣ трое склонились. Ничего не было пріятнѣя нашихъ вечеровъ, когда мы усаживались за чай и передавали другъ другу свои дневныя приключенія“. Собствено о своемъ костюмѣ Шевченко заботился очень мало. На деревенскихъ помѣщичихъ балахъ онъ не слишкомъ церемонился, но Кіевъ—другое дѣло. Фрака онъ терпѣть не могъ и потому рѣдко кого посѣщалъ, не смотря на частыя приглашенія. „Ходимъ лучше на Дніпро, сядемъ де небудь на кручи и заспиваемъ“, говоривъ, бывало, поэтъ, отказавшись отъ какого нибудь великослѣпскаго приглашенія. Вмѣстѣ съ А. Ф. Сенчиломъ-Стефановичемъ, учителемъ рисованія въ кіево-подольскомъ училищѣ, Шевченко любилъ иногда кататься по Днѣпу въ лодкѣ, и тогда они распѣвали одну изъ любимѣйшихъ пѣсень Шевченка:

Та по тімъ боці, та на толоці
Цвіте горошина;
А въ дівчини та чорніи брови,
Якъ у Волошина¹⁾.

Иногда, впрочемъ, случалось, что Шевченко долженъ быть посѣщать и такъ называемые аристократическіе дома, гдѣ его принимали съ уваженіемъ, но гдѣ онъ немало тяготился присутствіемъ чопорныхъ денди и барынь. Пришедши домой съ такого вечера, Тарасъ Григорьевичъ, скидавъ фракъ, ворчаль себѣ подъ носъ: „ни, не люблю я такой беседы—ни чарки горилки, ни куска хлиба“²⁾. Въ это время Т. Г. Шевченко познакомился съ Н. И. Костомаровымъ и увлекся его идею о славянскомъ общеніи и единеніи въ духѣ мира и любви.

По свидѣтельству Н. И. Костомарова, въ іюнѣ 1846 года Шевченко отправился съ профессоромъ Иваннішевымъ и Сенчиломъ-Стефановичемъ расказывать какой-то курганъ. Это были два огромные курганы, въ пяти верстахъ отъ Василькова, Переястъ и Переятыха. Найденные въ нихъ рѣдкости хранятся въ музей университета св. Владимира. Осенью Шевченко явился въ Костомарову, по возвращеніи послѣднаго изъ Одессы, въ домъ Монькиной, подъ Андрея Первозванного, съ подаркомъ: то былъ старый, но сохранившійся вполнѣ черепъ изъ разрытаго кургана. Вероятно, раскопкою кургановъ навѣяны были стихотворенія Шевченка „Великий Лехъ“ и „Розыта могила“.

¹⁾ О Сенчилѣ-Стефановичѣ, тамъ же, стр. 71.

²⁾ О литературныхъ вечерахъ у В. В. Тарновскаго-отца см. „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“ Н. М. Бѣлоусовскаго, въ „Кіевской Старинѣ“, за октябрь 1882 г.

25 декабря 1846 года происходила въ квартирѣ Н. И. Гулака известная бесѣда членовъ кирилло-меѳодіевскаго кружка, подслушанная и искаженная доносчиками и имѣвшая роковое значеніе для Шевченка и его приятелей. Ничего не подозрѣвая, Костомаровъ и Шевченко отправились въ Бровары пріискывать на лѣто дачу. Возвращаясь оттуда и переходя Днѣпръ, они едва не утонули. Затѣмъ Шевченко отправился въ черниговскую губернію. О причинахъ этой поѣздки Кулишъ разсказываетъ слѣдующее. „Въ то время,—говорить онъ,—я познакомился съ одной изъ молодыхъ украинокъ. Въ это время нашъ кобзарь былъ окруженъ глубокимъ почтаніемъ со стороны представителей малорусской интелигенціи. Новое творчество поэта подействовало и на украинку, какъ откровеніе чего-то градущаго въ торжествѣ свѣта надъ мракомъ, правды надъ ложью, любви надъ ненавистью. Никогда я не забуду восторженныхъ слезъ, съ которыми она слушала его поэтическіе плачи и торжественные пророчества. Но она не ограничилась одними слезами сочувствія къ поэту великихъ скорбей и великихъ помысловъ. У нея тутъ же явилась мысль исправить погрѣшность „щербатой доли Тараса“. Энтузиастка рѣднаго слова предложила къ услугамъ странствующаго кобзаря все свое состояніе,—все, чтобы доставить Шевченку возможность провести года три въ Италии. Устроить это было поручено мнѣ. Тогда я объявилъ поэту, что для него открывается возможность уѣхать года на три за границу. Онъ обрадовался этому съ дѣтскою простотою и согласился не звать, откуда возьмутся на то денежныя средства. Предложеніе это сдѣлано поэту въ Киевѣ. Въ торжественномъ настроеніи духа выѣхалъ нашъ кобзарь изъ Киева, чтобы собрать свои рукописи, оставленные имъ въ разныхъ домахъ, гдѣ онъ гостила въ послѣднее время“.

Въ эту послѣднюю предъ своимъ арестомъ поѣздку Шевченко довольно долго прожилъ въ борзенцинѣ и гостила въ самой Борзѣ у Над. Ник. Забѣлиной и Д. М. Щербины, въ Качановѣ у Г. С. Тарновскаго, у В. Н. Забѣлы въ окрестностяхъ Борзы, въ хуторѣ Николаевѣ у Н. Д. Бѣлозерскаго и Е. Н. Бѣлозерской, въ хуторѣ Сорокѣ у Сребольскихъ, въ хуторѣ Мотроновѣ у Бѣлозерскихъ, и др. Гостиивши у борзенцевъ, онъ услаждалъ ихъ слухъ своимъ очаровывающимъ вѣнѣемъ и забавлялъ юмористическими анекдотами. Любимѣйшими тогда его пѣснями были: 1) „Ой изїди, зїди, ты зіронько вечірня!“ 2) У Кліві на ринку пьють чумаки горілку!“ 3) „Ой горе, горе, який я вдався. брівъ черезъ річевьку та й не винувся. 4) Де жъ ти, доню, барилася, барилася?—на мельника дивилася, дивилася. 5) Пѣсня про Морозенка. 22 января 1847 года въ вознесенской церкви села Оленовки Шевченко держалъ вѣнецъ въ время вѣнчанія П. А. Кулиша съ А. Мих. Бѣлозерской, былъ въ „боиражѣ“. Когда молодые пріѣхали отъ вѣница

въ хуторъ Мотроновку, то Шевченко, подходя съ поздравленіемъ къ неѣтѣ, въ подражаніе одной колядкѣ, воскликнула: „чи ти царівна, чи королівна?“ На это женихъ, отшучиваясь, отвѣчалъ ему народною поговоркою: „на чужой коровой очей не порывай да собі дбай!“ Шевченко очень дорожилъ тою „квіткою“, которую „молода“ пришилила ему къ сюртуку¹⁾. Это была та самая щирая украинка, которая предложила къ услугамъ Шевченка все свое приданое. „Свадьбы неїдомой поэту почитательницы его генія была превращена имъ въ національную оперу,—говорить Кулишъ: новый талантъ Шевченка обнажился въ тотъ же памятный вечеръ; онъ, можетъ быть, былъ лучшій во всей Малороссіи пѣвецъ народныхъ пѣсень. Ничего подобнаго пѣнью кобзаря той поры и въ Малороссіи, въ столицахъ и нигдѣ не слыхалъ“²⁾. 28 января, со словъ Шевченка, въ Мотроновкѣ были записаны три изъ числа любимѣшихъ его пѣсень³⁾. 1 февраля 1847 года онъ былъ у В. Н. Забѣлы и писалъ въ Кіевъ письмо къ Н. И. Костомарову, прося его справиться въ университетѣ, утвержденъ ли онъ учителемъ рисованія при кіевскомъ университете.

Вѣроятно, въ февралѣ мѣсяцѣ Шевченко изъ борзенщины перешъзкалъ въ Черниговъ и, проживая здѣсь въ Цареградской гостинницѣ, навѣдывался также въ Седневъ къ Лизогубамъ. Во время пребыванія здѣсь поэта, состоялось опредѣленіе его на мѣсто учителя рисованія при университетѣ. Обрадованный такимъ назначеніемъ, Н. И. Костомаровъ поспѣшилъ увѣдомить его и звалъ скорѣе въ Кіевъ на новую должность. Назначеніемъ этимъ, по словамъ княгини Репниной, Шевченко обязанъ былъ ея матери, двоюродной сестрѣ ministra народнаго просвѣщенія гр. Уварова.

А между тѣмъ надъ Шевченкомъ уже собиралась гроза. Когда Шевченко весною 1847 года послѣдній разъ выѣзжалъ изъ Седнева, то А. И. Лизогубъ умолялъ его не брать съ собою бумагъ, а оставить у него. Шевченко ни за что не захотѣлъ разстаться съ портфелемъ. Вскрѣ полиція розыскивала Шевченка въ Седневѣ у Лизогубовъ и въ с. Бѣгачѣ (городищенскаго уѣзда, въ 4-хъ verstахъ отъ Седнева) у кн. К—ва, гдѣ Шевченко часто гостили у старика—князя⁴⁾. 1-го марта, 1847 года, еще до арестованія Шевченка, кіевская „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“, при которой онъ состоялъ

¹⁾ „Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ разныхъ лицъ“, Н. М. Бѣлозерского въ „Кіевской Старинѣ“, за октябрь 1882 г., стр. 70—71.

²⁾ „Поэтъ Шевченко въ полномъ развѣтѣ“ Кулиша, въ 6 № газеты „Трудъ“ за 1881 годъ.

³⁾ „Кіевская Старина“, за октябрь 1882 г., стр. 70—71.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 72.

въ качествѣ рисовальщика, исключила его, за своеольную будто бы отлучку его изъ Киева, изъ числа своихъ сотрудниковъ, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ¹⁾). Какъ только разнесся слухъ о предстоявшемъ Шевченку арестѣ, то многие помѣщики, поилонники поэта, сильно встревожились. Однѣ даже изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, жившій недалеко отъ Яготина, нѣкто Р—въ, хотѣлъ увезти Шевченка за границу подъ видомъ своего слуги и съ этой цѣлью разыскивалъ его у разныхъ помѣщиковъ; быть между прочимъ и у Репиныхъ Но Шевченко едва ли бы согласился на эту мѣру. „31 марта,—говорить Н. И. Костомаровъ,—меня арестовали и отправили въ Петербургъ. Черезъ пѣсколько дней послѣ того (следовательно, въ первыхъ числахъ апрѣля), Шевченко возвращался изъ Чернигова и едва вступилъ на паромъ, ходившій тѣогда подъ Киевомъ по Днѣпру во время разлива, вдругъ неожиданно задержанъ былъ полицейскимъ чиновникомъ²⁾. На паромѣ случился одинъ гусарскій (по другимъ—артиллерійскій) офицеръ С—а, родственникъ подруги Репиной Глафиры Дунпной-Борковской, большой любительницы поэзіи Шевченка. Догадываясь, что въ чемоданѣ у поэта находится запретный плодъ его музы, онъ хотѣлъ столкнуть его въ воду, но поэтъ не допустилъ его до этого, сказавши: „не треба, нехай забираютъ“³⁾.

Немедленно послѣ заарестованія Шевченка отправили въ Петербургъ. „Мене риштовали,—говорить онъ самъ,—та посадыши зъ кимъ сидѣть на возокъ, привезли ажъ у самыи Петербургъ“. Дорогою отъ Киева до Петербурга онъ былъ чрезвычайно весолъ, безпрестанно шутилъ, хохоталъ. пѣлъ пѣсни и проч. Во все время производства следствія онъ также былъ неизмѣнно бодръ. Передъ допросомъ какой-то жандармскій офицеръ сказалъ ему: „Богъ милостивъ, Таразъ Григорьевичъ, вы оправдаетесь, и вотъ тогдѣ то запоетъ ваша музъ“.—„Не яй чортъ насъ усихъ занись, коли не си бисова музъ“,—отвѣчаль ему поэтъ „Послѣ допроса,—говорить Костомаровъ, иди рядомъ со мною въ свой номеръ, Таразъ Григорьевичъ произнесъ: „не журися, Миколо, доведетца ще намъ укупи житы!“ 30 мая,—продолжаетъ Костомаровъ, я увидалъ, какъ вывели Шевченка и посадили въ экипажъ: его отправляли для передачи въ военное вѣдомство. Увидя меня, онъ улыбнулся, снялъ шляпу и привѣтливо кланялся Таразъ Григорьевичъ былъ отправленъ въ оренбургскіе линейные батальоны рядовымъ, съ воспреще-

¹⁾ „Изключение Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку“, въ „Кievskoy Starini“⁴⁾, за мартъ 1882 г., стр. 608—609. Но здѣсь невѣрно сказано, что это изключение послѣдовало послѣ ареста Шевченка.

²⁾ „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ М. Чалаго, 1882 г., стр. 62—63, и „Kiev. Star.“, за октябрь 1882 г., стр. 72—73.

ніемъ писать и рисовать. Онъ главнымъ образомъ пострадалъ за свои стихи, ходившіе въ спискахъ по рукамъ и ставшіе известными правительству. Онъ выслушалъ надъ собою приговоръ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, заявилъ, что чувствуетъ себя достойнымъ кары и сознаеть справедливость Высочайшей воли". Узнавъ о постигшей поэта карѣ, княжна В. Н. Репнина дѣятельно принялась хлопотать, черезъ своего дворянскаго брата, ministra Уварова, о смягченіи его участія и даже рѣшилась написать любезное письмо, на французскомъ языке, къ шефу жандармовъ гр. А. Ф. Орлову. Шефъ отвѣчалъ ей официальной бумагой, въ которой княжнѣ Репниной строго приказывалось не мѣшаться не въ свое дѣло и не вести переписки съ солдатомъ Шевченкомъ чрезъ капитана Левицкаго, и что въ противномъ случаѣ съ нею поступлено будетъ по всей строгости законовъ. „Черезъ пивроку,— говорить Шевченко,— выведы мене на свитъ Божій, та зновъ посадыны на чортопахайку, та отвезалы ажъ у Оренбургъ и до пріему не водызши надилы на мене салдацкю муныцію, и я ставъ салдатомъ“. Въ іюнѣ мѣсяца 1847 года его доставили изъ Петербурга въ Оренбургъ на седьмые сутки, какъ онъ писалъ объ этомъ въ „Дневникѣ“ своемъ. Г. Кулинъ оплакалъ ссылку Т. Г. Шевченка въ слѣдующихъ прочувствованныхъ стихахъ:

Віє вітеръ надъ Києвомъ,
Сади нахиляє;
Сивій Дніпръ старихъ сусідокъ
Німихъ гіръ витає:
— „Де гулає бенкетує
Синъ нашъ незабутній?
Вже й соловї одесівали,
А его не чутя.
Уже и Духъ, и Кушало
И Петро минулись,
И чумаки ись первої
Дороги вернулись;
Уже й жито половіе,
Чась за того й жати;
А вінь нейде—біли мене
Сісти заспівати“.
— Обізвались німі гори:
„Дніпре, старий дружелі
Не питавъ ти України,
По кімъ вона тужить,
Не прислухавсь, що дівчата
Плакали—співали,

Про що філі тъ берегами
Нищечкомъ шептали.
Роднай же буйнихъ вітровъ
Зъ далекого краю,
Якъ нашъ кобзарь зъ важкимъ ранцемъ
Підъ ружжемъ гуліє!“¹⁾).

По приездѣ въ Оренбургъ, Шевченко былъ представленъ корпульному командиру В. А. Обручеву, дивизионному и бригадному генераламъ, и былъ зачисленъ рядовымъ въ оренбургскій линейный батальонъ № 5, находившійся въ Орской крѣпости, куда и отправленъ былъ въ началѣ осени того же года. Въ Орской крѣпости онъ явился къ батальонному и ротному командирамъ. По мѣрѣ пониженія степеней военной іерархіи, приемы дѣлались грубѣе, и когда очередь дошла до ротнаго, какого-то пьяного полушника,, тотъ пригрозилъ поэту даже разгами, если онъ дурно поведетъ себя. Чтобы оградить себя отъ опасности, Шевченко прибѣгнулъ къ очень простой и, какъ оказалось, весьма действительной мѣрѣ: купилъ портдочное количество водки и немногого закуски, пригласилъ ротнаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ на охоту и упоилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло какъ по маслу, и когда угощеніе начало забываться, онъ повторилъ. Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что на первыхъ порахъ своей ссылки Шевченко подвергался иногда тѣлеснымъ наказаніямъ. Мнѣніе это основывается на двухъ рисункахъ, присланныхъ Шевченкомъ изъ ссылки своимъ знакомымъ въ 1847—1848 годахъ. Въ 1856 году А. И. Лизогубъ показывалъ Н. М. Бѣловерскому пять собственноручныхъ писемъ къ нему отъ Шевченка, писанныхъ въ 1847 и 1848 гг.; на одномъ едва былъ замѣтенъ счищенный резинкою рисунокъ карандашомъ. На немъ Тарасъ—въ солдатскомъ мундирѣ, и его унтер-офицеръ колотитъ тесакомъ, а внизу надпись: „оттакъ тобі“²⁾. Н. М.—съ передаетъ даже, что Шевченко приславъ одной своей знакомой, съ оренбургской линіи, свой портретъ. Нарисовалъ онъ себя безъ рубашки, только въ нижнемъ платьѣ, съ заложенными на голову руками; у ногъ лежитъ солдатская аммуниція, а съ боковъ два солдата съ поднятыми ловами; внизу надпись: „отъ якъ бачите!“ Но эти изображенія Шевченка въ роли наказуемаго, по нашему мнѣнію, могли означать только возможную въ положеніи Шевченка случайность, отъ которой онъ не застрахованъ былъ закономъ, а не фактическое наказаніе. Мы такъ думаемъ потому, что мнѣніе о тѣ-

1) Въ первый разъ напечатано въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г.

2) Объ этомъ рисункѣ см. въ „Кievskoye Starinе“ за октябрь 1882 года, стр. 72.

лесномъ наказаніи Шевченка не подтверждается другими известіями о ссыльной жизни Шевченка, и что, напротивъ, есть много данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Шевченко не испыталъ всей предписанной тяжести состоявшагося надъ нимъ приговора и пользовался чѣмъ-то льготами.

Въ Орской крѣпости Шевченко нашелъ нѣсколько конфирмованныхъ дворянъ, но что это за люди были? „Я имѣлъ случай,—говорить поэтъ,—просидѣть подъ арестомъ въ одномъ казематѣ съ колодниками и даже съ клейменными каторжниками и нашелъ, что къ этимъ заклейменнымъ злодѣямъ слово *несчастный* больше къ лицу, нежели къ этимъ растѣннымъ сынамъ беспечныхъ родителей“. Одного изъ такихъ субъектовъ Шевченко изобразилъ въ своей повѣsti „Несчастный“, напечатанной въ „Историческомъ Вѣстнике“ за январь 1881 года. Между дворянами было нѣсколько конфирмованныхъ поляковъ по разнымъ политическимъ преступленіямъ, какъ-то Сѣраковскій, Залѣскій, Желиловскій (Антоній Сова). Съ ними поэтъ скоро сблизился и вслѣдствіи вѣль дружескую переписку.

Въ началѣ 1848 года черезъ Оренбургъ отправлялась ученая экспедиція для описанія Аральского моря. Начальникъ ея, лейтенантъ А. И. Бутаковъ, узнавъ о Шевченкѣ, обратился къ ближайшему начальству Шевченка съ просьбой позволить ему отправиться въ экспедицію для снятія береговыхъ видовъ невѣдомаго дотолѣ мора. Просьба Бутакова была уважена Обручевымъ. Шевченко пѣшкомъ отправился до самаго Аральского моря и проплавалъ на шкунѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Осенью 1849 года, по возвращеніи изъ экспедиціи, Шевченко возвратился прямо въ Оренбургъ и, по приглашенію г. Герна, поселился у него въ домѣ на слободкѣ. За труды и помощь въ снятіи изслѣдованныхъ мѣстностей, особенно береговъ Аральского моря, превосходный альбомъ которыхъ представленъ былъ генералу Обручеву, Бутаковъ официально ходатайствовалъ черезъ послѣдняго о производствѣ Шевченка въ унтеръ-офицера, что составило въ то время первый и важный шагъ для разжалованнаго къ возвращенію прежнаго положенія. Но изъ Петербурга выразили Обручеву неудовольствіе за то, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ допустилъ Шевченка рисовать; Бутаковъ же подвергся тайному наблюденію III отдѣленія, продолжавшемуся еще во время его командировки въ Швецію для заказа пароходовъ. Альбомъ былъ возвращенъ Шевченку, и онъ подарилъ его Герну, въ благодарность за гостепріимство.

Вскорѣ положеніе Шевченка измѣнилось къ худшему, вслѣдствіе сдѣланнаго на него доноса. Доносъ заключался въ томъ, что, вопреки Высочайшему повелѣнію, онъ снимаетъ портреты даже съ официальныхъ и высокопоставленныхъ лицъ. По общему мнѣнію, авторомъ сего

донаса былъ пралорщикъ И---въ, негодовавшій на Шевченка за то, что тотъ помѣшилъ ему въ какой-то любовной интрижкѣ. Вследствіе доноса, генераль Обручевъ получилъ вторую непріятную бумагу и долженъ былъ отправить поэта въ отдаленное Новопетровское укрѣпленіе, съ приказаниемъ коменданту оного строго наблюдать за нимъ, чтобы онъ ничего не рисовалъ. Это было въ 1850 году.

Вскорѣ послѣ смыны Обручева генераль-адъютантомъ Л. А. Перовскимъ, на кабинетный столъ послѣднаго положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ стенныхъ рисунковъ Шевченка, въ надеждѣ, что Перовскій обратить на него вниманіе и спросить, кто его дѣлалъ, и такимъ образомъ дасть возможность походатайствовать о несчастномъ художникѣ. Но грозный генераль, лишь только увицѣлъ рисунокъ, тотчасъ догадался, чей онъ, бросилъ его на полъ и сказалъ окружающимъ, чтобы они не смѣли напоминать ему объ этомъ негодѣ. Н. С. Лѣсковъ передаетъ, со словъ самого Шевченка и своего дяди англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго, будто бы послѣдній однажды позволилъ себѣ подвергнуть Шевченка тѣлесному наказанію¹⁾. Но могъ ли быть г. Шкотъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ? Къ части Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. Этому противорѣчить также разсказъ И. С. Тургенева объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку. Какой-то черезчуръ исполнительный генераль,—передаетъ г. Тургеневъ,—узнавъ, что Шевченко, несмотря на запрещеніе, написалъ два—три эскиза, почелъ за долгъ донести объ этомъ Л. А. Перовскому въ одинъ изъ его приемныхъ дней; но тотъ грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ произмолвилъ: „генераль, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, что вы сказали!“ Генераль понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему иѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дешевый товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога²⁾.

По возвращеніи Шевченка въ Новопетровскѣ, строгости близайшаго начальства относительно Шевченка, повидимому, смягчились: къ этому времени и слѣдуетъ отнести большую часть „невольничихъ стиховъ“ кобзаря. Шевченко пользовался расположениемъ коменданта Ускова и

¹⁾ „Историч. Вѣст.“, за апрѣль, 1882 г., стр. 191.

²⁾ При пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 г.

обращался въ обществѣ офицеровъ и ссыльныхъ пленниковъ. „Я самъ бачу, — говорилъ Шевченко его сослуживецъ солдатъ Обеременко, — что ми свои, та не знаю, яль до васъ приступити; бо вы все то въ офицерами, то зъ лахами, то що¹⁾ Съ 1852 года, по возвращеніи въ Ново-петровскій, начинаясь и переписка Шевченка съ петербургскими друзьями, а съ 1853 года — съ товарищемъ по ссыльной жизни въ Орокѣ полакомъ Брониславомъ Залѣсскимъ²⁾, и др. Переписка эта, еще болѣе оживилась по востановлѣніи на престолѣ императора Александра II. Друзья и почитатели Шевченка стали теперь искать покровительства у сильныхъ міра сего для облегченія жалкой участіи солдата-горемыки. Первый лучъ надежды на освобожденіе отъ солдатчиц брошенъ въ душу поэта (по инициативѣ В. Н. Репиной), по порученію графини Анастасіи Ивановны Толстой, художникомъ Осиповымъ въ 1855 году; но Шевченко освобожденіе былъ только въ 1857 году.

Первую вѣсть о свободѣ Шевченко получилъ 1 января 1857 г., и съ 12 июня того же года началъ вести дневникъ на русскомъ языкѣ, съ цѣлью сократить время въ ожиданіи разрѣшенія возвратиться къ друзьямъ. 21 июля, 1857 года, получено наконецъ официальное извѣщеніе объ освобожденіи Шевченка. Командантъ Ново-петровскаго укрѣпленія Усковъ далъ ему отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, и Шевченко выѣхалъ изъ Ново-петровскаго укрѣпленія 2 августа 1857 года. 19 сентября Шевченко прибылъ въ Нижній Новгородъ, но здѣсь представилось ему неизвидѣвшее препятствіе къ дальнѣйшему пути: его задержали здѣсь и хотѣли отослать въ Уральскъ для получения указа объ отставкѣ. Притомъ же оказалось, что свобода ему дана неполная, съ какими-то ограниченіями: ему запрещенъ вѣзьздъ въ столицу, и онъ долженъ быть состоять подъ надзоромъ полиціи. Во время невольной остановки въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ познакомился здѣсь съ артисткой К. Б. Піуновой и посватался къ ней, но получилъ отказъ. Наконецъ, всѣ препятствія были уложены друзьями Шевченка, и 27 марта 1858 года онъ уже былъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ поселился въ академіи художествъ, гдѣ ему дали мастерскую, какъ художнику академіи.

Десятилѣтняя военная служба солдатомъ, прекращеніе всдкаго сношенія съ міромъ, съ обществомъ, особенно же недостатокъ духовной пищи, конечно, не могли не оставить своихъ послѣдствій и не повлиять

¹⁾ „Дневникъ“ Шевченка. По газетнымъ слухамъ, въ настоящее время собраны воспоминанія старожиловъ о жизни Шевченка въ Ново-петровскѣ и ждутъ изданія. См. газету „Заря“ за 1883 г., № 127 или 128.

²⁾ Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залѣсскому изданы въ „Кievской Старинѣ“ за 1883 годъ.

на душу поэта. „Собственно поэтический элементъ въ немъ проявлялся рѣдко,— говорить И. С. Тургеневъ. Шевченко производилъ скорѣе впечатлѣніе пруден资料о, замаленаго и обтерпѣвшагося человѣка, съ запасомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому взору, съ непродолжительными проявленіями добродушия и вспышками веселости. Теперь чѣмъ въ чѣмъ начали проявляться признаки чудачества и куртуаза. Въ послѣдніе годы своей жизни, вращаясь въ избранномъ кругѣ литераторовъ, читая русскіе журналы и употребляя всѣ усилия, чтобы вознаградить материальное время, онъ успѣлъ стать въ уровень съ новыми идеями; но пробѣговъ въ его образованіи осталось все-таки очень много. Притомъ же талантъ его величаго творчества теперь видимо началъ ослабѣвать. Таракъ чувствовалъ это, хотя отъ страха передъ отверзающеюся прошѣстью хотѣлъ отвернуться и уѣхать самого себя, что нѣть торо, чво ему угрожало. Читанія имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣль отъмнныхъ произведеній, которыхъ никогда читалъ онъ въ Кіевѣ. Во времена своего пребыванія въ Петербургѣ,— продолжаетъ И. С. Тургеневъ,— онъ додумался до того, что непутя стала носиться съ мыслью создать вѣчно новое, небытое, ему одному возможное, а именно поэму на такомъ языке, который бы былъ бы однажды понятенъ русскому и малороссю: онъ даже принялъ за эту поэму и читалъ мѣсѧцъ началь. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцѣнное подражаніе Пушкину¹⁾.

Черезъ годъ по возвращеніи въ Петербургъ, въ апрѣль 1859 г. Шевченко отправилъ на Украину, прѣѣхавъ въ родное село и засталь тамъ еще въ живыхъ родачей; особенно радостна была встреча поэта съ любимой сестрой Ириной. Но болѣе скжималось его сердце при видѣ близкихъ ему людей въ крѣпостной зависимости, весь гнетъ которой онъ вынесъ на своихъ плечахъ. И этому горю онъ не могъ помочь, не могъ даже материально, такъ какъ, самъ бѣднякъ, онъ въ состояніи былъ, уѣзжая, оставить сестрѣ одну рублевую бумажку. Изъ роднаго села онъ направился въ мѣстечко Борсукъ къ названному брату своему В. Г. Шевченку, который занималъ тогда должность управляющаго въ корсунскомъ имѣніи свѣтлѣшаго Лопухина, и здѣсь, измученный и тѣломъ и душой, провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ полномъ спокойствіи. Тогда же они вдвоемъ отыскивали мѣстность, удобную и живописную, где бы Шевченко могъ поселиться навсегда. Въ половинѣ юля друзья

¹⁾ Воспоминанія Тургенева при пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 года.

разстались. Тарасъ Григорьевич направилъ свой путь за Днѣпръ, на Михайлову гору, къ М. А. Максимовичу. Вареоломей Григорьевич проводилъ гостя до Межирѣчья, мѣстечка черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи, при впаденіи Роси въ Днѣпръ. 20 июля, оставилъ свой чемоданъ у Максимовича, Шевченко очутился въ Мышакъ, а потомъ въ Черкасахъ, по слѣдующему обстоятельству. Въ Межирѣчье Тарасъ Григорьевич имѣлъ какое-то столкновеніе съ панами ляхами, которые донесли на него мѣстнымъ властямъ, обвиняя его въ свободомысліи. Вслѣдствіе этого доноса Шевченко былъ арестованъ на Днѣпрѣ, когда ѿхаль къ Максимовичу на званый обѣдь, препровожденъ въ Мошны и Черкасы, а оттуда въ Кіевъ. Въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ былъ въ ту пору князь И. И. Васильчиковъ. Выслушавъ объясненіе Шевченка, Васильчиковъвелѣлъ его освободить изъ-подъ ареста и позволилъ оставаться въ Кіевѣ, сколько потребуется ему для его надобностей, подъ наблюденіемъ впрочемъ жандармскаго полковника. „Неѣзжайте отсюда въ Петербургъ,—сказалъ Васильчиковъ Тарасу Григорьевичу: тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться насчетъ ближняго“.

Объяснившись съ генералъ-губернаторомъ, Шевченко началъ квартиру на кіевскомъ предмѣстіи Преваркѣ и прожилъ въ Кіевѣ съ 24 июля по 10 августа, навѣщаючи своихъ пріятелей и знакомыхъ И. М. Сошенка, переселившагося теперь изъ Нѣжина въ Кіевъ, Сенчилу-Стефановича, М. К. Чалаго, священника Ботвионовскаго, И. Д. Красковскаго и другихъ. Изъ Кіева Шевченко отправился за Днѣпръ, направивъ свой путь въ конотопскій уѣздъ, къ матери друга своего Михайлы, „божественной старушкѣ“ Аѳ. Ал. Лазаревской, и 14 августа писалъ изъ Прилукъ письмо къ В. Г. Шевченку, извѣщаючи его, что онъ вырвался изъ св. Кіела и ёдетъ теперь безъ оглядки въ Петербургъ. Туда онъ воротился 7 сентября, 1859 года.

Въ Петербургѣ овладѣла Шевченкомъ давняя его мысль—найти себѣ скромную подругу, съ которой бы онъ могъ провести остатокъ жизни. Послѣ неудачнаго опыта съ Піуновой въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ хотѣлъ теперь жениться на дѣвушкѣ изъ простонародья. Еще въ Корсунѣ онъ видѣлъ у В. Г. Шевченка крѣпостную дѣвушку кніазя Дениухина Хариту, служившую наймичкой у Вареоломея Григорьевича. Нельзя сказать, чтобы она была хороша, но въ ней было что-то симпатическое; тихій характеръ, нѣжное и добroe сердце Хариты, чистая душа и молодость были ея красотою. Теперь Тарасъ Григорьевичъ написалъ, чтобы В. Г. Шевченко переговорилъ съ Харитою насчетъ замужества съ Тарасомъ Григорьевичемъ. В. Г. Шевченко исполнилъ его волю и спросилъ Хариту, не пошла ли бы она за Тараса.—„Что это вы придумали!.. за такого старого да лысаго...“,—отвѣчала Харита.

Не желая огорчить Шевченка прямымъ отказомъ, названный братъ его писалъ ему, что Харита ему не пара, потому что она необразованная, что она стала груба, упрями и зла¹⁾). Старались отклонить Шевченка отъ этого брака, какъ неравнаго, и другіе друзья его. Но на убѣжденія Вареоломея Григорьевича Шевченко отвѣталъ такъ: „Я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего безтаканного люду, то якъ же таки поединать себѣ зъ... паньской кровью? Та й що та панюшка одукована робитиме у моїй мужицькій хати?“ А между тѣмъ къ Харитѣ присватался молодой, красивый и хороший парень, какой то писарь, за которого она и вышла замужъ. Тарасъ Григорьевичъ огорчился, но скоро задумалъ новое сватовство на Гликеріи, своей землячкѣ, крѣпостной дѣвушкѣ гг. Макаровыхъ, служившей въ Петербургѣ. Вѣроятно, къ ней-то относятся слѣдующія слова Полонскаго о Шевченкѣ: „Говорили мнѣ, что въ это время онъ уже былъ въ связи съ какою-то бѣдною молоденькой мѣшаночкой, былъ къ ней привязанъ всей душой и ворковалъ какъ голубь, когда она приходила къ нему на свиданье въ худыхъ башмакахъ, въ одномъ платкѣ и дрожа отъ холода въ морозные ночи²⁾. Въ промежутокъ между этими двумя сватаньями, именно въ февралѣ 1860 года, Тарасъ Григорьевичъ написалъ, по желанію одного изъ редакторовъ журнала „Народное Чтеніе“, свою автобіографію. Проникнутая искренностью, она вмѣстѣ съ тѣмъ отличается тихою грустью по загубленнымъ годамъ молодости. „Краткая исторія моей жизни,—говорить онъ,—обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цѣлтовъ увѣдшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усилиями не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ тажело вспомнить въ своеѣ разсказѣ, до сихъ поръ—крѣпостные! Да, милостивый государь, они крѣпостные до сихъ поръ!“ Къ большему огорченію Шевченка, кончилось неудачно и сватовство его на Лукерьѣ, считавшейся его невѣстою съ 22 июня приблизительно до половины сентября 1860 года. Легкомысленная, малоразвитая и молоденькая дѣвушка, конечно, не могла понять Шевченка. Она скоро показалась ему вѣтреної, любящей наряды, деньги и удовольствія,—и дѣло разстроилось. Вѣроятно, къ этимъ двумъ неудачамъ жениться относятся тѣ случаи кутежей Шевченка, о которыхъ упоминаетъ Н. И. Костомаровъ

¹⁾ „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“ В. Г. Шевченка въ „Древней и Новой Россіи“, 1876 г., т. II.

²⁾ Воспоминанія Полонскаго при пражскомъ изданіи „Кобзаря Шевченка“ 1876 года.

въ своихъ воспоминаніяхъ. „Затосковавъ Шевченко,—говорить одинъ изъ его біографовъ,—и подкинула мысль о женитьбѣ, будь можетъ, до того времени, когда онъ поселится на югѣ“. Иль другихъ историковъ, впрочемъ, известно, что Шевченко въ вѣ думалъ оставлять этой мысли, а подпротивъ настойчиво добивался ея исполненія. Не успѣвши жениться въ Корсунѣ и въ Петербургѣ, онъ, началь писать въ Полтаву къ старому своему товарищу, Ф. Т., прося его пріскать ему „подсадку кирпу чорнобривку“. Ф. Т. оставилъ ее въ дочери г. В.—скаго, очевидно не простолюдина, и извѣстилъ объ этомъ Шевченка; но она вскорѣ была засватана за другаго. Тарасъ просилъ г.-на Т. найти для него другую „кирпу“, но послѣдній вѣ искалъ ее, такъ какъ Шевченко вскорѣ умеръ¹⁾.

Рядомъ съ поисками невѣсты у Шевченка шли заботы объ освобожденіи своихъ родныхъ отъ крѣпостной зависимости и о приобрѣтеніи на югѣ Россіи земли и мѣста для своей хаты. Въ ожиданіи освобожденія своихъ родныхъ правительственнымъ актомъ, на общемъ основаніи, онъ хотѣлъ ускорить облегченіе ихъ участія, какъ бы предчувствуя свою кончину, и жертвовалъ для того послѣднімъ достояніемъ. Наконецъ, при содѣйствіи уполномоченнаго отъ „общества пособія литераторамъ“ г. Новицкаго, между помѣщикомъ и братьями Шевченками было заключено формальное условіе, напечатанное въ пятой книжкѣ „Народнаго Чтенія“ за 1860 годъ. Родные Тараса Григорьевича, по сему условію, получили свободу за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія Высочайшаго манифеста 19 февраля, и поэтъ спокойно закрылъ глаза, исполнивъ свой долгъ. Найдена была подходящая мѣстность и для хаты Шевченка: на крутомъ берегу величаваго Днѣпра, на горѣ, у подошвы которой ютились рыбачьи хаты, а за горою стаилась широкая, вольная степь. Обрадованный Тарасъ Григорьевичъ уже выслалъ и деньги за землю, да вѣ суждено было ему умереть на родинѣ.

Уже въ концѣ 1860 года ему было очень худо: вода налилась быстро разливалась. Въ январѣ 1861 года онъ писалъ мрачныя письма къ друзьямъ, а въ февралѣ болѣзнь сильно развилась, вода налилась въ легкія, и 26 числа, въ 5 часовъ утра, поэта не стало. Похороны его совершились 28 февраля, причемъ произнесено было надъ его гробомъ немало задушевныхъ рѣчей. Весной того же года тѣло его перевезено было изъ Петербурга въ Україну и, согласно его поэтическому завѣщанію, написанному еще въ 1846 году, похоронено на высокомъ берегу Днѣпра, вблизи г. Канева.

---

¹⁾ „Новые материалы для біографіи Шевченка“, Е. Ганенка, въ „Древней и Новой Россіи“ за іюнь 1875 года.

„Въ Гайдамакѣ въ руссіе и полки; — говоритьъ г.-А. Т-ый, часто признаваемыи украинскаго поэта (Шевченко), какъ представителя наивѣтнаго рода национализма и пратемъ суродничества. И: въ Россіи множе смѣрѣлъ и смотрялъ на него таъ же, считая его пѣвцомъ социалистической краснинки и отеческой гетманской Украины. Но, думать таъ значить не только признавать форму за сущность, но и не различать разныхъ периодовъ развитія поэта, который никогда не стоялъ на одномъ мѣстѣ. Исторія развитія самого Шевченка, если бъ она была составлена какъ слѣдуетъ, всего бы лучше разъяснила его идеи. Но исторіи этой нѣть.. Во всякомъ случаѣ, и теперь бѣглый, но внимательный обзоръ однихъ напечатанныхъ въ Россіи произведений Шевченка даетъ возможность уразумѣть основное въ его стремленіяхъ и идеяхъ, и то мѣсто, какое занимается въ нихъ оппозицірованіе козацкаго и гетманскаго периода Украины“¹⁾.

¹⁾ „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати“, А. Т-го, Одесса, 1879 г. Эта брошюра основана главнымъ образомъ на сочиненіи барона Battaglia: T. Szewczenko, ūcie i rіšta jego, Львовъ, 1866 г. Приводимъ здѣсь списокъ произведеній Шевченка съ болѣе или менѣе опредѣленными датами: 1—4) „Причина“, баллада, одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Шевченка, „Віtre буйний“, „На вічну память Котляревскому“ и первая глава изъ поэмы „Гайдамаки“, — напечатанный въ „Ластовцѣ“ Гребенска 1841 г., но въ общихъ чертахъ упоминаемыи имъ въ письмѣ къ Квиткѣ отъ 18 ноября 1838 г. 5—14) „Наймичка“, „Утопленна“, „Перебендя“, „Тополя“, „До Основанія“, „Іванъ Підкова“, „Тарасова ніч“, „Атерина“, „Гамалія“ и думы — въ первомъ изданіи „Кобзаря“ Шевченка 1840 года. 15) „Хустына“, предназначавшаяся для второй части „Сіна“ Корсуня, первая часть котораго издана въ 1841 г. 16) „Гайдамаки“, изд. въ 1841 г. 17) Отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ на русскомъ языке въ журнальѣ „Маякъ“ за 1842 г. 18) „Черница Марьяна“, упоминаемая въ письмѣ Шевченка отъ 26 марта 1842 г. 19—20) „Н. Маркевичъ“ и думка „Тижко важко въ свити жити сироти безъ роду“ во второй части „Молодика“ Бецкаго за 1843 г. 23) „Бесталаний“, иначе „Тржна“, на русскомъ языке, на память 9 ноября 1843 г., книжкѣ Варварѣ Николаевнѣ Репиной, въ Яготинѣ, 11 ноября, 1843 г., изд. въ „Маякѣ“ за 1844 г. и особой брошюрой. 24) „Чигиринь“, 19 февраля, 1844 г., въ Москвѣ. 25) „Наймичка“, повѣсть, написанная прозою на русскомъ языке, въ Переяславѣ, 25 февраля 1844 г. 26) „Сонь“, въ С.-Петербургѣ, по львовскому изданію въ іюнѣ 1844 г. 27) „Завѣщаніе“, по львовскому изданію 26 января 1845 (1846?) г., въ Переяславѣ. 28) „Кавказъ“, не позже сентября 1845 г., такъ какъ въ это время Т. Г. Шевченко декламироваль эту поэму своему наречененному брату В. Г. Шевченку. 29) „Невольникъ“, въ селѣ Марьинскомъ, 16 октября, 1845 г. 30) Попліаніе къ Шафаріку съ поэмой „Іванъ Гусъ“, въ Переяславѣ, 22 ноября, 1845 Года. 31) Попліаніе „до мертвыхъ и жївыхъ, и венарожденыхъ земляківъ моихъ“, по изданію 1883 г., 14 декабря, 1845 г. 32) „Хододний яръ“, во Винницѣ, 17 декабря, 1845 г. 33) „Варнакъ“, прозаическая повѣсть на русскомъ языке, въ Кіевѣ, 1845 г. 34) „Великий Лехтъ“, поэма, по львовскому изданію написан-

Первых произведений Шевченка „Причиниа“, „Утоплена“, „Тополя“, какъ известно, показываютъ сочувствіе ко всякому горю и страданію, высказанное въ формѣ баллады, въ романтическомъ вкусѣ Бозьова и Жуковскаго; но скоро Шевченко начинаетъ останавливаться на томъ горѣ, которое связано съ соціальными привилегіями и гнетомъ класса надъ классомъ („Батерина“). Поэтъ долженъ быть обратиться

наа въ 1846 г. (по петербургскому изданію 1883 года будто бы въ 1845 г.). 35) „Пустка“, Щепину, по львовскому изданію, въ Киевѣ, 1846 г. 36—8) „Калина“, „Три шляхи“, „Пустка“, въ С.-Петербургѣ, 1847 г. 39) „Н. И. Костомарову“, въ С.-Петербургѣ, 19 мая, 1847 г. 40) „По-надъ полемъ иде“, въ С.-Петербургѣ, 30 мая, 1847 г. 41—42) „Хустына“ и „Вечиръ“, по изданію 1883 г., будто бы написаны въ первомъ полугодіи 1847 г.; но первое изъ этихъ стихотвореній, по львовскому изданію, написано въ 1858 году въ Нижнемъ Новгородѣ, а второе изъ нихъ, по свидѣтельству г. Чалаго (стр. 151), въ августѣ 1859 г., въ конотопскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. 43—45) „Думы мои, думы мои“, „Въ неволи тяжко“, „Мині однаково, чи буду“, и др., 1847 г., во второмъ полугодіи. 46—47) „Не для людей и не для славы“, „Чернецъ (Кулишъ)“, въ 1848 г., въ Орской крѣпости 48) „На Різдво (Ф. М. Лазаревскому)“, Кось-Араль, на Аральскомъ морѣ, 24 декабря, 1848 г. 49) „Та не дай, Господи, никому“, 1848 г. 50) „Козацька доля“, лидъ Арапомъ, 1849 г. 51) „На Україну“, надъ Арапомъ, 1849 г. 52) „Неначе степомъ чумакы“, 1849 г. 53) Лічу въ неволи дни и ночи“, 1850 г. 54) „Хатына“, надъ Каспіемъ, 1850 г. 55) „Киягиня“, прозаическая повѣсть на русскомъ языке, посланная княгинѣ Толстой 1853 г. 56) „Музыканть“, прозаическая повѣсть на русскомъ языке, 15 января, 1854 г. и 1855 г. 57) „Несчастный“, прозаическая повѣсть на русскомъ языке, 24 января и 20 февраля 1855 г. 58) „Художникъ“, прозаическая повѣсть на русскомъ языке, 26 января и 4 октября 1856 года. 59) „Матросъ, или старая погудка на новый ладъ“, иначе—„Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали“, на русскомъ языке, 30 ноября 1856 и 16 февраля 1858 г., посвященная С. Т. Аксакову. 60) „Москалевы криницы“, на память 7 мая, 1857 г., въ Новолетровской крѣпости. 61) „Дневникъ“ на русскомъ языке, съ 12 іюля 1857 г. по 13 іюля 1858 г. 62) „Неофиты“, 5—8 декабря, 1857 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 63) „До зорі“, изъ поэмы, 1858 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 64—65) „Муза“ и „Слава“, 9 февраля, 1858 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. 66) „Відьма“, передѣланная 4—6 марта, 1858 года. 67) „Весенний вечеръ“, для Максимовичевой, 18 марта, 1858 г. 68) „Прочитавши главу 36 пророка Исаіи“, 25 марта 1858 г. 69) „Сонъ“, М. А. Марковичі, 13 іюля, 1858 г. 70) „Доля“, 13 іюля, 1858 г., въ С.-Петербургѣ. 71) „Марку Вовчику на память 24 января 1859 г.“ 72) „Прочитавши XI псаломъ“, 15 февраля, 1859 г. 73) „Радуйся, ниво нефполитал“, 25 марта, 1859 г. 74) „Думы мои, думы мои, лихо мені з вами“ на память 24 февраля, 1859 г. 75) „Пісня“ (Ф. И. Черненку), 7 іюня, 1859 г., въ Лихвинѣ. 76) „Ой маю, маю я оченята“, 10 іюня, 1859 г., въ Лихвинѣ (по изданію 1883 г. въ Пирятинѣ). 77) „Сестрі“, 20 іюля, 1859 года, въ Черкасахъ, во время ареста. 78) „Колись дурною головою“, 21 іюля, тамъ же. 79) „Лякъ би то ти, Богдане пьянны“, въ Переяславѣ 18 или 19 августа 1859 г. 80) „Во Іудеи, во дни оны“, 24 октября, 1859 г., въ С.-Петербургѣ. 81) „Посажу коло катини“, 19 ноября, (по другому извѣстію, 6 декабря) 1859 г., въ С.-Петербургѣ. 82) „Ой діброво“, 16 января, 1860 г., въ С.-Петербургѣ.

къ козацкому періоду исторії своєї родини, тають какъ въ этомъ періодѣ все-таки видно стремлениe устроить разную правду для сокла, видна была горячая борьба за эту правду, или хоть месть за нарушение ей („Іванъ Підлоза“, „Тарасова ніч“), „Гамалія“, „Гайдамаки“). Но и въ это время, рисуя кровавыи картины прошлаго, поэтъ все-таки не терялъ гуманнаго чувства и съ особеннюю любовью воспѣвалъ подвигъ всепрощающей самоотверженной материинской любви („Наймичка“, какъ бы продолженіе „Катерини“) и не находилъ настоящей правды въ кровавой мести гайдамаковъ (см. монологи Гонты послѣ убіенія дѣтей). И о самомъ симпатичномъ въ этомъ прошломъ поэтъ говорить: „було колись, та що з того? не вернется“. Задумавшись глубже надъ настоящимъ и прошлымъ своей родины, наль тѣмъ, кто виноватъ въ пролитой крови и текущихъ слезахъ, поэтъ нашелъ виновныхъ между чужими и своими. „Виноваты ксендзы, іезуиты, которые именемъ Христо-вымъ зажгли нашъ рай“, — рѣшилъ онъ. А дальше? Дальше и вы, проклятые гетьманы, усобники, лажи погани, недоуми, занапостили божій рай. Безъ ножа и аутодафе людей закували, та й мордують“. Поеть перешель въ новую фазу своего развитія. Одною своей стороной онъ приближается къ идеямъ тогдашихъ передовыхъ столичныхъ западниковъ (Білинскаго и его друзей), обличая, часто смѣлѣе ихъ, недостатки общерусской дoreформенной системы. А южнорусское происхожденіе и обязательная необходимость думать и о польскомъ вопросѣ заставила украинскаго поэта подойти и къ идеямъ славянофильства, только безъ исключительности московскихъ славянофиловъ. Уже въ „Гайдамакахъ“ онъ плакалъ, что „старыхъ славянъ діти впилися кровью!“ А

бургѣ же, какъ и всѣ нижеслѣдующія произведенія. 83) „Автобіографія“, 18 февраля, 1860 г. 84) „Подражаніе сербському“, 4 мая, 1860 г. 85) „Плачъ Ярославны“, 4 июня, 1860 г. 86) „Надъ Дніпровою сагою“, 24 июня, 1860 г. 87) Роди у куничці“, 25 июня, 1860 г. 88) Продолженіе „Плача Ярославни“, 6 июля, 1860 г. 89) „Моя ты люба“, Лікериі, на память 5 авгуаста, 1860 г., въ Стрѣльнѣ. 90) Окончаніе „Плача Ярославны“, 14 сентября, 1860 г. 91) Макарову, на память 14 сентября, 1860 г. 92) „Поставлю хату“, Лікериі, 24 сентября, 1860 г. 93) „Не нарікаю я на Бога“, 5 октября, 1860 г. 94) „Минули літа молодыи“, 15 октября, 1860 г. 95) „Титарівна—Немирівна“, 19 октября, 1860 г. 96) „И тутъ и всюди—скрізь ногамо“, 30 октября, 1860 г. 97) „Въ ночі и ожеледь и мрака“, 3 ноября, 1860 г. 98) „Якъ би съ кімъ сісти“, 4 ноября 1860 г. 99) „И день иде, и нічъ иде“, 5 ноября, 1860 г. 100) „Тече вода“, 7 ноября, 1860 г. 101) „Зійшлись, побрались, поеднались“, 5 декабря 1860 г. 102) „Суботівъ“, 1861 года, передъ февралемъ. 103) Українскій букварь, 1861 г. 104) „Чи не покинуть намъ, небого“, 14 февраля 1861 г. (Хронологія выставлена здѣсь преимущественно по изданіямъ львовскому 1867 г., пражскому 1876 г. и с.-пістербургскому 1883 г.).

въ посвѣтѣ въ Шафарину она подняла и въ землю чужака. Выбравши предметомъ своей цѣни и въ сдавшейся исторіи не какихъ-либо воителей, а „славного, мужества Ивана Гуса“, а и въ современныхъ дѣятелей—ученаго. Обращаясь съ изученіемъ землянъ, Шевченко звалъ ихъ не наездъ, а изредь: „раскунеческъ, братайтесь! обнимите чаймезынаго брата, учтете своему въ чужому“,—вотъ что она внушила имъ (послание „до живыхъ и мертвыхъ и изъ народа земли землянъ монхъ“). Главнымъ образомъ надѣялся поэтъ на „алено разума святого“, которое поставлено на стражѣ склонъ людей. Но въ это время поэта застигла несчастная доля.

„Въ изгнаніи своеемъ,—говорить Дигандъ о Шевченкѣ,—онъ все-созадавъль въ своемъ воображеніи прекрасную Україну съ ея широкими степями, усыпанными курганами, съ ея садами, полными цвѣтъ, съ дѣвушками, всплетающими въ свои волосы живые цветы, съ чистеньки-ми бѣлыми домицами. Онъ грезилъ о своей прекрасной странѣ, где въ тихія лѣтнія ночи люди сидѣть на чистомъ воздухѣ на прыскахъ, окружающихъ хаты. Думалъ о своей родинѣ, онъ вновь всматривалъ впечатлѣніе этой ясной типичної родинѣ сель“. Но, что всего важнѣе для опредѣленія міросозерданія Шевченка за это время, таѣтъ это то, что во время ссылки своей онъ съ особеннымъ усердіемъ пытается погѣстіи на русскомъ языку, частію повторяя содержаніе поэмъ своего „кобзара“, частію избирая новые сюжеты, преимущественно изъ своей и окружав-шей его жизни, и посвящаетъ ихъ русскимъ своимъ покровителямъ и приятелямъ. Еще въ 1842—1845 годахъ написаны были его русскія произведения „Никита Гайдай“, „Бесталаний“ или „Триана“, „Най-мичка“ и „Варнакъ“. Во время изгнанія написаны имъ русскія повѣсті: „Кнагина“ для графини Толстой, „Музикантъ“, „Несчастный“, „Художникъ“, „Матрося“ или „Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ мо-ради“ и, по всейѣ вѣроятности, „Повѣсть о бѣдномъ Петрусе“ и „Капитанша“. Изъ цихъ видно, что Тарасъ Григорьевичъ любилъ русский языкъ, самъ, какъ оказывается, писать на немъ и желалъ печатать написанное, но не рѣшался на это по скромности, не надѣясь на до-статочное знаніе русскаго языка и на достаточность собственного обра-зованія. Слѣдовательно, въ семѣи славянскихъ народій онъ отводилъ почетное мѣсто и русскому языку.

Когда Шевченко возвратился въ среду цивилизованныхъ людей, тогда всеобщее уваженіе лучшей части русскаго общества еще менѣе могло дать ему возможности обратиться къ исключительнымъ традиціямъ. Предстоящее освобожденіе, крестьянъ поддерживало надежду на будущее, и самый живой интересъ, которымъ жилъ Шевченко въ по-слѣдніе дни своей надломленной жизни, было народное образованіе; по-слѣднія изданія имъ книжка были украинскій букварь.

Такимъ образомъ, основное міровоззрѣніе Шевченка было панславистское, въ которомъ любовно примиралась и украинцы, и чехи, и ляхи, и русские; но въ этомъ міросозерцаніи замѣтна была значительная пріимѣсть соціального оттѣника. Примиреніе смиренія и соединеніе ихъ въ одну семью возможно, по представлению Шевченка, только тогда, когда каждое изъ этихъ племенъ отречется отъ своихъ политическихъ грѣхъ и когда особенно уничтожено будетъ крѣпостное право, унижающее человѣческую личность.

Опредѣливъ основное міросозерцаніе Шевченка, остановимся нѣсколько на частныхъ періодахъ развитія этого міросозерцанія и сдѣлать избрѣзь по крайней мѣрѣ важнѣйшіе изъ его произведеній, известныя въ Россіи.

Къ первому періоду его поэтической дѣятельности относится баллады „Причинна“, „Утоплена“, „Русалка“, „Тополя“, въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго, показывающія сочувствіе ко всікому горю и страданію.

Баллада „Причинна“ (помѣшанная, порченая)—это есть сказка, взятая изъ устъ малорусскаго сельского люда. Дѣвушка сирота полюбила всѣмъ сердцемъ молодаго козака; онъ отѣрвался на войну и долго не возвращался. Ворожея сдѣлала такъ, что бѣдная дѣвушка, ставши лунатичкой, бродила ночью по берегу Днѣпра и высматривала своего милаго. Вѣрно, погибъ онъ,—думаетъ дѣвушка: не нитайкою покрылись его козацкія очи и не слеза дѣвичья омыла бѣлое лицо, а вѣрно орелъ съ чужой стороны вынулъ его очи, а волки растерзали тѣло. Не придетъ уже милый, она не поадравитъ его съ радостнымъ днемъ свободы. Широкій Днѣпъ реветь и вѣтеръ воеть. Изъ-за тучъ, гонимыхъ вѣтромъ, выглядываетъ мѣсяцъ и освѣщаетъ волны и берега. Когда утихъ вѣтеръ, по выходили изъ Днѣпра малыя дѣти некрещенныя и усыпали берегъ. Подбѣжавши къ дубу, увидѣли они дѣвушку, которая взобралась на вершину его и оттуда высматриваетъ кругомъ. Наконецъ она слезить, а русалки ее и поджидаютъ, и когда она ступила на землю, обѣ ея зацеповати, по обычай своему, съ веселымъ смѣхомъ. А между тѣмъ на утро, передъ восходомъ солнца, возвращается по этой дорогѣ молодой козакъ. Онъ торопитъ усталаго нова: хата милой уже близко, и скоро они уже тамъ отдохнутъ, пріѣзвѣніе милой. Но вотъ подъ дубомъ лежитъ дѣвушка: это—его милая. Козакъ припадаетъ къ ней, но уже не воскресить онъ ее. Съ отчаяніемъ онъ тутъ же разбивается о дубъ свою голову. На другой день дѣвушки, идущіе въ поле, нашли два трупа и въ испугѣ разбѣжались. Потомъ сошли дружки и пролили горькія слезы, а товарищи козака выкопали глубокую могилу; пришли попы съ хоругвами, зазвонили звоны, закопали мертвыхъ въ землю и насыпали надъ ними двѣ могилы. Посадили

надъ козакомъ яворъ высокій, а надъ дѣвушкой красную калину. Стали прилетать на эти могилы зозуля (кукушка) и соловей и по вечерамъ жалобно воспоминали о погибшихъ.

Прекрасный образъ малорусскихъ повѣрій представленъ въ рассказѣ „Тополя“, основанномъ на народной сказкѣ. Чернобровая дѣвушка горячо полюбила козака, но не удержала его подлѣ себѣ: онъ ушелъ и погибъ безъ вѣсти. Не полюбила бы она его такъ сильно, когда-бы знала, что онъ ее покинетъ; не пустила бы она его отъ себѣ, если бы знала, что погибнетъ; если бы знала, не ходила бы она въ сумерки по воду, не стояла бы до полуночи съ милымъ подъ вербою... Увы, если бы то знала... Но лучше ли знать напередъ, что съ нами случится? Нѣтъ, не узнавайте лучше, дѣвушки, не спрашивайте о своей судьбѣ: сердце само знаетъ, кого ему любить, и пусть оно лучше вянеть, пока не склонятъ. Не долго, вѣдь, чернобровыя, остаются румяными ваши бѣлые лица и живыми ваши каріи очи: любите же, когда и какъ вамъ сердце укажетъ. Запоеть, бывало, гдѣ-нибудь на лугу въ калинѣ соловей, и вотъ козакъ съ пѣсней выходитъ на долину, поджидаетъ, пока милая выйдетъ изъ хаты, и онъ потихоньку спросить ее: а не была ли ее мать? И постоять они, обнявшись, послушаютъ соловьевину пѣсню, затѣмъ разойдутся и счастливы оба. И никто не увидѣть, никто не допрашивай: гдѣ была? что дѣлала? Она одна о томъ знаетъ. Такъ любили другъ друга молодые люди; но сердце предчувствовало что-то недоброе, хотя и не умѣло этого высказать: не сказало оно, пока не осталась черноброва одна, покинутая милымъ, какъ голубка безъ голубя. Не щебечетъ, какъ бывало, соловей на лугу, не поетъ и черноброва, стоя подъ вербою: тоскуетъ она, сиротой оставшись въ мірѣ. Прошелъ годъ, а за нимъ другой,—дѣвушка вянеть, какъ цветокъ полевой. А между тѣмъ ей готовилось и новое несчастіе: мать сосватала ее за старого богача и говорить ей: „иди за него, онъ богатъ, ты будешь пановатъ“.—„Не хочу я пановать, не пойду за него; лучше моими свадебными рушниками спустите меня въ могилу, и пусть попы запоютъ надо мною, а дружки заплачутъ“. Но старуха мать не обращала вниманія на отказъ дочери и дѣлала приготовленія къ свадѣбѣ. Вотъ однажды въ полночь отправляется дочка къ ворожеѣ и спрашиваетъ ее о своемъ миломъ. Ворожея посыпаетъ дѣвушку къ источнику, чтобы она умылась водой изъ него на утренней зарѣ и затѣмъ выпила бы нарочно для нея приготовленного чудеснаго питья. Послушалась дѣвушка, сдѣлала все, какъ было приказано, и, ставши среди степи, какъ будто во снѣ зашѣла:

Плавай, плавай, лебедонько,
По сынѣму морю,
Росты, росты, томоленько,

Все вгору та вгору!
Росты тонка та высока
До самой хмари;
Спятай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?

Она просить тополю посмотреть въ далекій край за синим моремъ: тамъ гдѣ-то скитаются ея милый въ то время, какъ она въ слезахъ и горѣ проводить годы, все поджидая его... Скажи ему, что люди смыются надо мной; скажи, что я умру, если онъ не вернется: сама мать хочетъ похоронить меня... а кто же тогда позаботится о ея бѣдной головушкѣ, кто приглядитъ за ней, кто поможетъ ей въ страсті?" Такую вѣсну зашѣла дѣвушка въ степи,—и чары сдѣлали свое дѣло: она сама превратилась въ стройную, высокую тополь, не вернувшись уже больше домой.

Обѣ эти баллады имѣютъ значительное родство между собою по содержанию: въ обѣихъ дѣвушка тоскуетъ по любимому козаку, уѣхавшему на чужую сторону, и въ заключеніе сама погибаетъ отъ тоски. А повтореніе однихъ, и тѣхъ же мотивовъ въ нѣсколькихъ балладахъ не служить ли указаниемъ на бытовую подкладку этихъ балладъ, заключавшуюся въ жизни самого Шевченка? Мы увидимъ впослѣдствіи, что Шевченка постоянно занимали воспоминанія о своей собственной судьбѣ, и онъ неразъ, такъ или иначе, обращался къ нимъ и принарovalъ ихъ къ разнымъ вымышленнымъ героямъ своихъ русскихъ повѣстей въ разныхъ видахъ. То же, по всей вѣроятности, было и здѣсь. Мы знаемъ изъ біографіи Тараса Григорьевича, что еще на 13-мъ году онъ почувствовалъ на родинѣ вѣяніе чистой дѣвической любви, а подъ старость высказывалъ настойчивое желаніе жениться на землячкѣ, щирой украинкѣ. Вѣроятно, поэтому, что и въ разсмотрѣнныхъ балладахъ оставившій родину и любящую дѣвицу козакъ есть не кто иной, какъ самъ Т. Г. Шевченко, выражавшій въ поэтическихъ образахъ свою тоску по родинѣ и чернобровыхъ украинскихъ девчатахъ.

Послѣ этого, нѣкоторыя біографическія черты поэта можно видѣть и въ его балладахъ „Русалка“ и „Утоплена“, въ которыхъ выступаютъ на первый планъ мрачные образы злой мачихи и даже родной матери. Извѣстно, что Шевченко много натерпѣлся отъ своей мачихи и могъ получить отъ нея живые краски для изображенія героинь своихъ балладъ.

Баллада „Утоплена“ передаетъ намъ одно изъ многочисленныхъ преданій славянскихъ народовъ о прекрасной падщерицѣ и ненавидящей ее мачихѣ. Она разсказываетъ, какъ одна молодая вдова, весело гуляя съ козаками, родила дочь и отдала ее из-руки чужимъ людямъ, а когда та выросла и красотой своей совсѣмъ затмнила мать, привле-

кая молодыхъ козаковъ, она изъ ревности утонула ее. Рыбакъ, любившій безъ памяти красавицу дочку, видѣлъ это и бросился было за нею, но вытащилъ ее уже мертвою. Съ отчаяніемъ обнимаетъ онъ холодный трупъ и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ бросается и самъ въ воду. Съ тѣхъ поръ каждую ночь при лунномъ свѣтѣ выходить изъ воды на одинъ берегъ страшная злая мать и, глядя на другой берегъ, рветъ на себѣ косы, а между тѣмъ на этотъ другой берегъ выплываетъ дѣвушка со своимъ возлюбленнымъ и, посидѣвши вмѣстѣ, вновь исчезаетъ въ глубинѣ пруда.

Преданія о русалкахъ весьма распространены въ Малороссіи, о чёмъ свидѣтельствуютъ многія пѣсни. Одна изъ нихъ и послужила этой для стихотворенія Шевченка „Русалка“. Сельская дѣвушка, соблазненная паномъ, родила дочку. Посторившись съ любовникомъ, вышла она ночью съ дочкой къ Днѣпру и, пустивши ее на воду, закляла, чтобы она выплыла уже русалкою и отстила за себѣ и за свою мать, задушивши отца—соблазнители. Плыть дитятко, укачиваемое волнами; увидѣли его русалки и принесли къ себѣ. Выросши русалкой, поджидаетъ она отца своего, но онъ не приходитъ: видно, мать помиралась съ нимъ и опять рождается въ панскихъ палатахъ. Минула недѣля, а мать съ паномъ на берегъ не приходитъ. Но вотъ однажды—

Вышла мать погулять—
Не спѣться въ палатахъ;
Пана Яна нема дома,
Ни зъ кымъ розмовляти.

Истомленная, вышла она къ рѣкѣ и вспомнила о дочкѣ, но недолго думала о ней: забылось уже прежнее горе. Возвращается она сначала въ палаты, но не пришлось ей дойти до дому: русалки выскочили изъ воды и, кружась подъ нея, затаскали ее въ воду и утопили.

Но въ этой послѣдней балладѣ начинается уже новое, тенденціозное направление, имѣющее въ виду изобразить то горе, которое связано съ соціальными привилегіями и гнетомъ класса надъ классомъ. „Произведенія этого рода у Шевченка—самые многочисленные. Въ нихъ поэты имѣютъ двойную цѣль: они хотятъ держать передъ народомъ зеркало, отражающее нравственность и безнравственность, и—далѣе—представить то страданіе, которое планы причиняютъ народу. Въ стихахъ этого рода,—говорить одинъ критикъ произведеній Шевченка,—поэтъ заставляетъ насъ заглянуть въ моральную пропасть, отъ которой мы невольно отворачиваемся: они раскрываютъ предъ нашими глазами всѣ соціальные пороки, не переступамъ, однако, границъ эстетики“. Главное соціальное зло того времени было крѣпостное состояніе. „Видимъ ли,—говорить Шевченко въ одномъ своемъ произведеніи,—въ этомъ раз-

снимаютъ съ калѣки заплатанную свитку для того, чтобы одѣть недорослыхъ княжичей; тамъ распинаютъ вдову за подати, берутъ въ войско единаго сына, единственную подпору; тамъ подъ плетнемъ умираетъ съ голоду опухшій ребенокъ, тогда какъ мать жнеть на барщинѣ пшеницу; а тамъ опозоренная дѣвушка, шатаясь, идетъ съ незаконнымъ ребенкомъ: отецъ и мать отреклись отъ нея, чужіе не принимаютъ ее, нищіе даже отворачиваются отъ нея... а барчукъ.. онъ не знаетъ ничего: онъ съ двадцатою по счету (любовницею) пропиваетъ душу¹⁾. Приволь и самодурство пановъ доходили до того, что, по словамъ Шевченка,—

.... Якъ бы росказать
Про якого небудь одного магната
Исторію-правду, то перелякатъ
Саме бъ пекло можно; а Данта старого
Полупанкомъ нашымъ можно здывувать (Иржавецъ).

Особенно времена крѣпостничества славились половою распущенностью пановъ и опозоренiemъ крѣпостныхъ женщинъ. Поэтому образъ „покрытки“ у Шевченка фигурируетъ большую частью рядомъ съ паномъ или панычемъ. Шевченко изображаетъ и нравственную слабость женщины, отдающейся пану изъ-за выгодъ житейскихъ („Міжъ скалами, неначе злодій“, „Русалка“), и безсердечное легкомысліе парубка (Тытаривна). Но преобладающимъ сюжетомъ этого рода произведеній остаются у Шевченка тѣ положенія, при которыхъ несчастье „дівчины“, судьба „покрытокъ“ прямо вытекаетъ изъ существовавшихъ въ жизни соціальныхъ отношеній.

.... Покы села,
Покы паны въ селахъ,—
Будуть собі тынатыся
Покрытки весели
По шыночкахъ зъ москалями,
И не турбуйсь, брате! (Якъ бы тоби довелося).

Поэтъ представилъ намъ цѣлый рядъ бытовыхъ картинъ, небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ является скорбный образъ „покрытки“, какъ неизбѣжный результатъ извѣстныхъ соціальныхъ отношеній. Таковы его стихотворенія: „Маты покрытка“, „Не спалося, а нічъ якъ море“, „Якъ бы тоби довелося“, „Сонъ“, и др.,—но особенно двѣ его поэмы „Катерина“ и „Наймичка“. Въ этихъ и другихъ произведеніяхъ Шевченка такъ часто фигурируютъ соблазнители паны, что самъ по-

1) Покрытка—дѣвница, покрытая по-бабы платкомъ, въ знакъ потери дѣвственности.

эть въ одномъ стихотвореніи своеимъ опасается, чтобы его не сочли за клеветника на пановъ:

Неначе цвяшокъ въ сердце вбытый
Одю Марыну я ишу.
Давно бъ спысать несамовиту,
Такъ щожъ? сказады бъ, що брешу;
Що на панивъ, бачишъ, сердитый,
То все такее и пышу
Про ихъ собачны звычай.
Сказали бъ просто: дурень лае
За те, що самъ крепакъ,
Неодукованый сирякъ (Марина).

Въ стихотвореніи „Маты покрытка“ поэтъ рисуетъ двухъ матерей: счастливую, которая, тѣшась своимъ ребенкомъ и дома, и въ людяхъ, несетъ домой своего Ивана, и ей кажется, что все село весь день смотрѣло на него; а рядомъ съ нею—мать несчастную, мать „покрытку“, которой „старци навить цураютца“:

. . . . . Села
Мынаешъ, плачучи, въ ночи;
И полемъ, степомъ идучи,
Свого ты сына закрываешъ,
Бо ѹ пташка иноди пизнае
И защебече; онъ, байстри
Несе покрытка на базарь!

Пропала ея дѣвичья краса: все забрала дытыночка... и „выгнала зъ хаты“. Придется и ей услышать слово „мамо, великое, найкращее слово“. Ты обрадуешься и расскажешь всю правду своему ребенку о лукавомъ отцѣ его и будешь счастлива... только не на-долго: не выростеть на рукахъ твоихъ родное дитя,—

Пїйде собі слипца водить,
А тебе покыне
Каликою на роспутти.

Но не перестанетъ мать любить свое дитя, на горе ей и себѣ родившееся:

И любытымешъ, небого,
Покы не загынешъ
Межы псами, на морози,
Де-небудь пидъ тыномъ...

Стихотвореніе „Не спалося, а ничъ якъ море“ представляетъ разговоръ двухъ часовыхъ, которые, бесѣдуя про свое „солдатское нежитie“, вспоминаютъ, какъ они попали въ солдаты. Сошелся онъ, молодой парень, съ дѣвушкой и идетъ просить ее у пана. Дорого оцѣнилъ панъ

дѣвушку, но парень не отчаивается: онъ идетъ добывать деньги и два года проходилъ по Черноморію, по Дону, пока сколотилъ назначенню паномъ сумму. Приходитъ, наконецъ, домой въ село, но давно уже тамъ неѣтъ его Ганны, одну лишь старуху матеръ засталъ онъ умирающею въ пустой хатѣ. Онъ къ сосѣдямъ: „Развѣ ты еще не знаешь? Твоя Ганна усѣя въ Сибирь пошла: ходила, видишь ли, до панича, пока и родила ребенка, да и бросила его въ колодезь“. До сихъ поръ солдату страшно вспомнить, что было съ нимъ тогда: едва могъ выйти онъ изъ хаты и направился прямо въ панскія палаты съ ножемъ въ рукахъ. Но „панича“ уже тамъ не было. Хотѣлъ было онъ сжечь проклятныя палаты, или съ собой покончить, но—Богъ помиловалъ:

Осталыся и батько й маты,
А я пишовъ у москали...

Въ другомъ стихотвореніи Шевченко представляетъ также одну изъ „обыкновенныхъ исторій“ въ тогдашнемъ крестьянскомъ быту. На лугу гребли дивчата сѣно, а парубки складывали его въ копны. Вотъ „найкращая зѣ всего села“ пошла въ ярь къ колодцу по воду и что-то долго не возвращается. А „лановий“, строгій къ отлучкамъ, ее и не ищетъ: онъ самъ—угодникъ панича, „стара собака, та ще й быта“, онъ знаетъ, какую засаду устроилъ „паничъ несамовитый“ этой „найкращей изъ села“. Вдругъ донесся до гребцовъ раздирающій крикъ дѣвушки. Бросились на крикъ парубки, прибѣжали въ ярь, но кто жъ посмѣеть противъ панича? Нашелся одинъ, который вилами покончилъ съ паномъ на мѣстѣ его злодѣянія. И вотъ, спустя известное время, та самая дѣвушка, уже засватанная, съ веселымъ свадебнымъ поѣздомъ встрѣчается на дорогѣ:

Мижъ неволинками въ путахъ
Той самый едыній
Иіи mestникъ безталанный
Несе зѣ України
Ажъ у Сибирь ланцугъ, пута.

Взглянувъ на него, невѣста узнала, и вотъ въ ней промелькнула мысль, что вѣдь это онъ за нее несетъ эти пута, а она, отдаваясь личному счастію, не будетъ

Ни знаты, ни чуты
Его плачу вседневного.

И вотъ, во время веселаго свадебнаго пира она скрывается и пропадаетъ наѣски для роднаго села: она пошла догонять невольника и побрела съ нимъ въ Сибирь (Якъ би теби довелося).

Къ этому же роду произведеній Шевченка относятся двѣ лучшія его поэмы: „Катерина“ и „Наймичка“.

Поэма „Катерина“ посвящена Шевченкомъ поэту Жуковскому на память 22 апреля, 1838 года. Катерина горячо полюбила молодаго „москали“ павича и всей душой отдалась ему, не смотря ни на предостереженія отца и матери, ни на пересуды сосѣдей. Напрасно, бывало, ожидаетъ ее мать по вечерамъ: не одну ночь провела Катерина въ вишневомъ саду съ своимъ милымъ, пока наконецъ и люди стали толковать „недобroe“, а тутъ и горе подкралось... Объявленъ походъ, и пришлось Катеринѣ разстаться съ милымъ. Но она ему вѣрить: онъ скоро вернется, и она будетъ его женой... Но скоро, ставши „покрыткою“, Катерина лишилась уже навсегда покоя: пришлось избѣгать ей взора людскаго, въ одиночку выходить по ночамъ по воду и слезами прерывать свою пѣсню, до раннаго утра оставаясь безъ сна въ саду подъ калиною. Покрытая „живочимъ“ (бабынѣ) платкомъ, напрасно высматриваетъ она изъ окна убогой своей хаты, напрасно съ тоской глядить на дорогу: уже полгода прошло въ печальному ожиданіи. Сколько обидныхъ упрековъ должна была вынести бѣдная женщина, качая своего ребенка—солдатскаго сына!. Наступила весна. Катерина, выходитъ изъ хаты въ садъ зеленый, не поетъ уже, какъ бывало прежде, когда поджидала своего милаго,—теперь она проклинаетъ судьбу свою. Наконецъ, отецъ и мать велятъ Катеринѣ оставить родную хату и идти за своей парой въ далекую Москву. Послѣ трогательныхъ сценъ, Катерина вышла въ садъ, помолилась Богу, взяла комокъ родной земли и съ ребенкомъ на рукахъ покинула отцовскую хату... Катерина добралась уже до Киева, пытаясь подаиніемъ, ночуя подъ открытымъ небомъ. Наступила зима. Катерина, еле прикрытая убогой свиткой, встрѣчаетъ на дорогѣ команду солдатъ и наивно пускается въ разспросы о своемъ миломъ; но солдаты лишь осмѣяли ее. Наконецъ, послѣ безчисленныхъ страданій, судьба доставила ей встрѣчу съ покинутымъ любовникомъ. Во главѣ коннаго отряда, какъ начальникъ, онъѣхалъ верхомъ, и Катерина, узнавши его, съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему; но вместо ожидаемаго привѣтствія она услышала грозный голосъ: „возьмите прочь безумную!“—повторилъ онъ приказаніе, и отрядъ скоро скрылся изъ глазъ пораженной Катерины. Бросила она ребенка на дорогу, а сама въ недалекомъ прудѣ подъ льдомъ покончила съ жизнью. Черезъ нѣсколько лѣтъ по той же дорогѣ проѣзжалъ богатый экипажъ, въ которомъ сидѣлъ панъ съ женой; а на дорогѣ сидѣлъ слѣпой кобзарь-нищий, подлѣ которого стоялъ оборванный мальчикъ „новодатарь“. Экипажъ остановился, и женская рука, полавши знакъ мальчику, бросила изъ окна мѣдную монету. Господинъ тоже выглянула изъ экипажа, но, взглянувши на мальчика, быстро отвернулся: онъ узналь въ немъ своего сына, сына Катерины, узнуль по каримъ глазамъ и чернымъ бровямъ. Экипажъ тро-

нулся, и пыль покрыла мальчика, подымавшаго брошенную милостыню.

Повесть „Наймичка“ по своему содержанию представляет родную сестру „Катерины“. Въ воскресенье, рано утромъ, когда вся степь была покрыта туманомъ, сидѣла на курганѣ посреди степи молодая женщина, прижимая къ сердцу своего ребенка, рождение которого привнесло ей стыдъ и слезы. Наймичка Ганна, вспоминая свою привязанность къ покинувшему ее любовнику, рѣшается разорвать съ прошлымъ, не питать уже надеждъ на свое собственное личное счастіе, и вся отдается лишь материнской любви. На близкомъ хуторѣ жило счастливое супружество, двое старыхъ людей, Трохимъ и Настя, которые имѣли во всемъ достатокъ, не имѣли только дѣтей. Сидѣть въ воскресный день старики передъ своей хатой, задумавшись. Въ это время послышался какой то плачь; они вышли за ворота и тамъ нашли завернутаго въ платокъ ребенка, который съ плачомъ протягивалъ имъ свои ручки. Обрадовались старики, увидя въ этомъ посланное имъ Богомъ счастье; берутъ подкинутаго ребенка и сейчасъ же хлопотливо заботятся о крестинахъ. Назвали подкиныша Маркомъ. Не нарадуются старики своему пріемышу, не знаютъ уже, какъ ему и угодить. Черезъ годъ приходитъ однажды къ немъ на хуторъ молодая женщина и просить принять ее въ служанки. Принятая стариками, Ганна обрадовалась несказанно и стала усердно заботиться о хозяйствѣ, а еще больше о маленькому Маркѣ, какъ родная мать; но по ночамъ она проклинала свою судьбу и обливала Марка горячими слезами. Много воды уплыло, много лѣтъ миновало. Умерла Настя, а Марко выросъ и сталъ уже чумаковать. Пришло время подумать и объ его женитьбѣ. Настала и свадьба. Старый Трохимъ и Марко просили ее быть посаженой матерью; но Ганна отказалась паотрѣзъ и, благословивши Марка, со слезами разсталась съ хуторомъ и отправилась на богомолье въ Киевъ. Въ Киевѣ она купила на заработанныя деньги въ подарокъ Марку шапочку, освященную въ пещерахъ, чтобы голова не болѣла, а молодой его женѣ—кольцо отъ св. Варвары, и принята была молодыми съ радостью. Четыре года подъ рядъ повторяла она свое долгое путешествіе, но въ четвертый разъ уже на возвратномъ пути заболѣла и едва добрела до хутора. Молодая Катерина, какъ и всегда, радостно привѣтствовала ее, какъ родную мать, а Марко былъ въ дорогѣ. Разнемоглась Ганна и все тревожнѣе спрашивается о Маркѣ, роняя слезы изъ угасающихъ очей. Наконецъ, прѣѣзжаетъ и Марко и въ смущеніи входитъ къ больной, а Ганна къ нему: „Слава Богу, слава Богу! Подойди ближе, не бойся! А ты, Катерино, выйди отсюда! мнѣ хочется съ Маркомъ поговорить“. И Марко наклонился надъ головой умирающей. „Посмотри на меня, Марко! Знаешь ли, какъ я жизнь свою погубила? Я не Ганна-наймичка“..

и умолкла. Марко заплакалъ, а умирающая, вновь открывъ глаза, уставила ихъ на Марка: „Прости мнѣ сынку! Я сама себѣ казнила всю жизнь, искупая грѣхъ въ чужой хатѣ, на чужомъ хлѣбѣ... Я... я—твоя мать“. Упалъ Марко на землю при этихъ словахъ, а очнувшись спѣшилъ обнять свою мать, но она уже заснула навѣки..

Весь этотъ разсказъ проникнуть, такъ сказать, библейской простотою и трогательностью; а что касается до чистоты мысли христіанской,—превосходитъ всѣ другія произведенія Шевченка. Духъ кобзаря отвернулся здѣсь на время отъ непріятныхъ впечатлѣній общественныхъ и, освободившись отъ злобы и отчаянія, вознесся къ образу тихаго самопожертвованія, искупающаго страданія.

Заклятый врагъ всякаго насилия, а тѣмъ болѣе облеченаго въ законное право, Шевченко потому и избиралъ такъ часто эмоіи своихъ пѣсенъ судьбу женщины, какъ одно изъ крупнѣйшихъ пятенъ на общемъ мрачномъ фонѣ общественнаго строя жизни. Но онъ не терялъ изъ виду зависимости частныхъ явлений отъ причинъ болѣе общихъ, тяготѣвшихъ надъ народною жизнью, и мечталъ объ устраненіи этихъ общихъ причинъ, заключавшихся въ отсутствіи свободы и правды. Поэтому-то Шевченко и обратился къ козацкому періоду исторіи своей родины, такъ какъ въ этомъ періодѣ все таки видно было стремленіе устроить *равную правду* для всѣхъ, видна была горячая борьба за эту правду, или хотя месть за нарушение ея.

. . . . На всій Українѣ
Высоки могилы; дывыся, дытыни,
Уси ти могилы—уси оттаки:
Начинени нашимъ благороднымъ трупомъ,
Начинени туго... Оце воля спыть.
Лягла вона славно, лягла вона въкупи
Зъ намы козакамы. Бачышъ, якъ лежыть!
Неначе сповыта... Тутъ пана немае:
Уси мы однако на воли жыны,
Уси мы однако за волю лаглы (Бувае, въ неволи).

Къ произведеніямъ Шевченка изъ козацкаго періода исторіи Україны относятся двѣ поэмы „Гайдамаки“ и „Гамалія“ и нѣсколько мелкихъ рапсодій и эпизодовъ: „Никита Гайдай“, „Іванъ Підкова“, „Тарасова ніч“, „Невольникъ“, „Выборъ гетмана“, „Чернецъ“, „Разсказъ покойника“, „Швачка“, „Сдача Дорошенка“, „Якъ бы то ты, Богдане пьяный“, и др. Изъ нихъ произведенія, касающіяся временъ болѣе отдаленныхъ, заходящія въ глубь XVII и начала XVIII вѣковъ, изображаютъ такихъ героевъ, которые почти вовсе неизвѣстны были народу. Въ доселѣ извѣстныхъ и изданныхъ малорусскихъ пѣсняхъ часто о нѣ-

которыхъ изъ нихъ вовсе не упоминается; следовательно, Шевченко въ изображеніи этихъ лицъ не могъ следовать за народомъ. „Любопытно, говорить издатели сборника историческихъ пѣсень малорусского народа, что народная память не сохранила намъ вовсе пѣсень о чисто козацкихъ восстаніяхъ противъ поляковъ, имѣвшихъ цѣлью добѣть реестровыхъ козакамъ права шляхтичей, а нереестровыхъ—права первыхъ, каковы были въстаниія Косинскаго (1592 г.), Лободы и Наливайка (1596 г.) и даже послѣдующихъ: 1620 года, въстание Тараса Трасила (1630), Павлюка (1637), въ которыхъ уже соціально-крестьянскій элементъ сталъ принимать большое участіе. Только изъ временъ (Богдана) Хмельницкаго, когда въстаетъ противъ польскихъ порядковъ масса народа, по причинамъ соціально-экономическимъ, до насъ дошло много народныхъ не только пѣсень, но и думъ. Думы, по всей вѣроятности, обязаны первоначально своимъ происхожденіемъ козакамъ, но думы временъ Хмельницкаго принали сильно крестьянскій характеръ. Въ большей части изъ нихъ выступаютъ на видъ общенародные соціально-экономические интересы, къ которымъ привязаны національные (слабѣе) и религіозные (сильнѣе). Пѣсни же, какъ общенародны, а не кобзарская только форма поэзіи, прославляютъ преимущественно Перебійноса и Нечая, какъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ среди сподвижниковъ Хмельницкаго. При такомъ преимущественно соціально-экономическомъ характерѣ народныхъ пѣсень и даже думъ о времени Хмельницкаго, государственная сторона событій этой эпохи оставлена народомъ безъ вниманія до такой степени, что даже о переходѣ Малороссіи изъ подданства королямъ польскимъ въ подданство царямъ московскимъ не осталось ни одной пѣсни. Въ одной только пѣснѣ есть упоминаніе о желаніи козаковъ если не поддаться Москвѣ, то выселиться въ московскія земли, въ такой формѣ:

Звели намъ підъ москалівъ тікати,

Або звели намъ з лахами великий бунтъ зрывати ¹⁾.

Какъ разъ наперекоръ народнымъ пѣснямъ и козацкимъ думамъ, Шевченко воспѣваетъ большую часть неизвѣстныхъ народу предшественниковъ Богдана Хмельницкаго, какъ защитниковъ народной свободы или истителей за ея поруганіе, и наоборотъ—бранить Богдана Хмельницкаго, называя его пьянымъ за то, что онъ присоединилъ Малороссію къ Россіи.

За недостаткомъ историческихъ народныхъ пѣсень и думъ, Шевченку приходилось, по большей части, пользоваться апокрифическими

¹⁾ См. Историческія пѣсни малорусского народа, подъ редакціей и съ примѣчаніями Антоновича и Драгоманова т. II, предисловіе. стр. II—IV.

сочиненіями: исторієй Руссовъ псевдо-Конисскаго, Маркевичемъ, Бантышъ-Каменскимъ, нѣсколькими фрагментами неполныхъ лѣтописей, въ родѣ лѣтописи Рубана, и даже историко-беллетристическими сочиненіями, въ родѣ „Черной Рады“ Кулиша и др. Вслѣдствіе такой скудости исторического материала, въ каждой поэтической поэмѣ Шевченка встрѣчаются мелкія фактическія ошибки. Подкова и Гамалін, если существовали, то не предпринимали походовъ на Царьградъ и Скутаря. Есть невѣрности и въ описаніи выбора гетмановъ Лободы и Наливайка: поэтъ рисуетъ картину передачи гетманского достоинства старымъ гетманомъ болѣе молодому и приписываетъ это Лободѣ и Наливайку; въ дѣйствительной исторіи нѣчто подобное встрѣчаемъ 30—40 лѣтъ спустя въ исторіи Павлюка и Томиленка. Поэма „Чернецъ“, перелицованныя изъ одного мѣста въ „Черной Радѣ“ Кулиша, цѣлкомъ основана на фабулѣ, что Палій умеръ въ монастырѣ, чего въ дѣйствительности не было.

Не смотря однако на эти неточности, въ историческихъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка онъ искупаются другаго рода достоинствами. Художникъ нѣрѣко предугадываетъ то, что будетъ установлено исторической критикою много лѣтъ спустя. Подобное предугадываніе есть и въ историческихъ произведеніяхъ Шевченка, благодаря его могучему поэтическому таланту. Нѣкоторыя черты историческихъ произведеній Шевченка оказываются совершенно вѣрными при повѣркѣ доступными намъ теперь историческими данными. Въ стихотвореніи „Сдача Доропіенка“ время руины изображено такъ живо, что подобное наглядное представление о немъ можно составить себѣ только по прочтеніи обширной монографіи Н. И. Костомарова. Картина борьбы съ всесильнымъ дворянскимъ сословіемъ въ Цольшѣ, наполнившей первую половину XVII вѣка, мастерски очерчена въ „рассказѣ покойника“. Таковъ же цѣлый рядъ картинъ, посвященныхъ обрисовкѣ Запорожья. Мы видимъ, чѣмъ вызывалось стремленіе народа къ Запорожью, каково было тамъ житѣе, и чѣмъ заканчивалась жизнь запорожца. Въ Запорожье народъ видѣлъ осуществленіе идеального общественного строя. Поэтому-то и могла пополняться постоянно эта община. Интересно, какъ изображено у Шевченка отношеніе атамана къ остальнымъ запорожцамъ: оно состояло въ полной диктатурѣ, съ полной зависимостью въ то же время диктатора отъ избирателей. Шевченко какъ нельзя лучше понялъ и изобразилъ духъ Запорожья. Выборный атаманъ сознавалъ, что онъ, представитель общественного мнѣнія, готовъ быть подвергнутъ его контролю, и обращался къ обществу, какъ къ друзьямъ, какъ къ равнымъ. Что въ такомъ видѣ представлялъ себѣ Шевченко запорожскій строй, видно изъ поэмы „Іванъ Підкова“, где атаманъ останавливаетъ флотилію

при устьѣ Днѣпра и обращается къ спутникамъ съ рѣчью, объясняющею цѣль похода, и съ вопросомъ, продолжать ли этотъ походъ, хотя заранѣе зналъ, что отвѣтъ будетъ утвердительный. Господствовало отношеніе полнаго довѣрія къ выборному атаману. Тотъ же мотивъ выдвинутъ и въ выборѣ гетмана. Старый гетманъ указываетъ на свои преклонныи лѣта и просить избрать иного. Такая близкая связь начальствующихъ съ подчиненными указываетъ на то, что выборные были представителями общественнаго мнѣнія и могли создать общественную форму, не мыслимую при современномъ устройствѣ европейскихъ обществъ.

Лучшимъ и самымъ замѣчательнымъ изъ историческихъ произведений Шевченка считается его поэма „Гайдамаки“. Сюжетомъ ея служитъ кровавая уманская рѣзня 1768 года, о которой Шевченко слышалъ въ дѣствѣ отъ старыхъ людей¹⁾). Въ первой пѣснѣ, озаглавленной „Интродукція“, Шевченко набросилъ въ немногихъ чертахъ исторію Речи-Посполитой и въ особенности безурадицу тогдашняго правленія и шляхты. Вторая часть „Галайда“ представляетъ болѣе подробную картину. На сцену является евреи, который, пользуясь защитой польского крѣпостнаго права, жестоко обращается съ работникомъ своимъ Яремой, помыкаетъ имъ. Этотъ Ярема является впослѣдствіи подъ именемъ Галайда истителемъ кровавыхъ обидъ. Несчастный сирота безъ роду безъ племени, Ярема находитъ для себя утѣшеніе въ любви Оксаны, дочери церковнаго старости въ соседнемъ селѣ Вильшанѣ. Однажды онъ побрѣлъ навѣстить свою Оксану. Въ этотъ день конфедераты нападаютъ на домъ этого еврея, какъ обыкновенные разбойники, а еврей указываетъ имъ на церковнаго старосту въ Вильшанѣ, какъ на самаго богатаго человѣка, у котораго притомъ же есть красавица дочь Оксана. Лаки приказываютъ еврею проводить ихъ въ Вильшану. Между тѣмъ Ярема въ Вильшанѣ прощается со своей милой: онъ собрался

1) Г. М-съ передаетъ, что онъ далъ Шевченку прочитать романъ Чайковскаго на польскомъ языкѣ Werguhoga, и что будто бы содержаніе „Гайдамакъ“ и большая часть подробностей цѣликомъ взяты оттуда. Но самъ Шевченко въ предисловіи къ „Гайдамакамъ“ говорить слѣдующее: „Про то, что дѣжалось на Украинѣ въ 1768 г., рассказываю такъ, какъ слышалъ отъ старыхъ людей: напечатанного и критикованного ничего не читаль, и. ч., кажется, и нѣтъ ничего. Галайда наполовину выдуманный, а смерть вильшанскаго старости церковнаго—правдива; ибо еще есть люди, которые его знали. Гонта и Железнякъ, атаманы того кроваваго дѣла, тоже выведены у меня не такъ, какъ они были, за это неручаюсь. Дѣдъ мой, даи Богъ ему здоровья, если начинаеть рассказывать что нибудь такое, что не самъ видѣлъ, а слышалъ, то сперва скажетъ: если старые люди врутъ, то и я съ ними“.

идти въ Чигиринъ, гдѣ долженъ бытъ, приставши къ гайдамакамъ, получить освященный пожъ для истребленія ненавистныхъ лаховъ и жидовъ, для освобожденія Украины. Вечеромъ того же днѧ врываются конфедераты въ домъ старосты и послѣ страшныхъ истязаній убиваютъ старика, поджигаютъ его домъ и церковь и уносятъ съ собой несчастную Оксану. Кровавая месть слѣдуетъ скоро за совершеннымъ преступленіемъ. Наканунѣ св. Макарея было пусто и тихо въ Чигиринѣ. Люди собрались надъ рѣкою Тясминомъ, въ темной рощѣ, въ ожиданіи освященія ножей и прїѣзда гайдамаковъ, чтобы воздать лахамъ и жидамъ кровавой отплатой за кровавыя обиды. Третье пѣніе пѣтуховъ было сигналомъ къ жестокой рѣзни. Разразилась гроза по всей Украинѣ. Героями этой рѣзни являются Желѣзнякъ, Гонта, Ярема. Послѣдній бѣшено мстить и за свою Оксану, и за ея отца, и этимъ страшнымъ озлобленіемъ противъ враговъ обратилъ на себя вниманіе вождей, которые и приняли его въ свою среду, прозвавъ его Галайдою. Въ пѣснѣ „Гулавівщина“ открывается картина городовъ и деревень послѣ этой ужасной рѣзни. Поэтъ выражаетъ чувство глубокой скорби при видѣ убийствъ, (совершенныхъ „дѣтьми одной матери“, которымъ слѣдовало бы жить въ братской дружбѣ и согласіи).—Гайдамаки съ Желѣзнякомъ во главѣ продолжаютъ свой путь. Вотъ прибыли они и въ Вильшану, на мѣсто преступленія конфедератовъ, нашли ихъ въ ближайшемъ лѣсу и всѣхъ перерубили. „Банкетъ у Лысанці“ представляетъ страшную картину пира гайдамаковъ на рынкѣ среди огня, крови и труповъ. Ярема тутъ встрѣчается случайно своего прежнаго хозяина еврея Лейбу и, обѣщавъ спасти его жизнь, узнаетъ отъ него, что Оксана находится въ замкѣ. Между тѣмъ уже раздается приказаніе Гонты идти на замокъ, въ которомъ заперлись поляки; но Ярема успѣль съ помощью Лейбы счастливо спасти свою Оксану и отвести ее въ Лебединъ. Здѣсь черезъ недѣлю она обѣянчана была съ Яремой. Однако Ярема въ тотъ же вечеръ уже оставилъ молодую жену и послѣшалъ къ Умані, чтобы тамъ съ Желѣзнякомъ и Гонтою устроить кровавую свадьбу лахамъ и евреямъ. Гайдамаки окружили Умань, гдѣ заперлось множество шляхти, скоро вервались въ городъ и подожгли его. Какъ опьянѣлые, Желѣзнякъ и Гонта подаютъ своимъ гайдамакамъ примѣръ кровавой расправы. Но вотъ гайдамаки приводятъ на площадь ксендза іезуита и съ нимъ двухъ мальчиковъ, сыновей Гонты отъ жены—католички. Они—тоже католики, а Гонта далъ клятву не щадить ни одного католика,—и вотъ онъ въ своей страшной послѣдовательности умерщвляетъ собственныхъ дѣтей... Это сцена—потрясающаго трагизма... „Не похоронить ли ихъ? спрашиваются его...“ Нѣтъ, вѣдь они—дѣти католички,—отвѣчаетъ онъ и, побуждаемый страшной душевной мукой, спѣшить успокоить угрызенія своей совѣсти въ новыхъ потокахъ крови. Но когда докончили гайд-

маки свой кровавый пиръ и усѣлись за столы, они и не замѣтили, какъ кто-то въ черной длинной свитѣ пробирается городомъ и все чего-то ищетъ между трупами убитыхъ: это Гонта ищетъ дѣтей своихъ. Воть онъ нашелъ ихъ, взялъ на плечи и осторожно, стараясь, чтобы никто его не замѣтилъ, уходить въ поле. Тамъ, при заревѣ горящаго города, вдали отъ дороги, копаетъ онъ своимъ „свяченымъ“ ножемъ могилу и погребаетъ въ ней дѣтей своихъ, чтобы „козацкія дѣти“ не достались на същеніе собакамъ. Въ „эпилогѣ“ поэтъ воспоминаетъ свои молодые годы, когда онъ мальчикомъ—сиротою, безъ хлѣба, безъ одежды, блуждалъ по той самой Украинѣ, гдѣ Желѣзнякъ и Гонта такъ страшно „гуляли“.

И въ этой поэмѣ есть немало ошибокъ въ частностихъ. Смерть титара, напримѣръ,—событіе, имѣвшее мѣсто въ дѣйствительности; но совершилось оно въ иномъ видѣ¹⁾). Описываемыя въ „Гайдамакахъ“ событія занимаютъ почти годъ времени; на дѣлѣ же они продолжались не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Но за то въ поэмѣ вѣрно поняты и обрисованы всѣ истинно-трагическія обстоятельства южнорусскаго края во второй половинѣ XVIII вѣка „Народомъ, выработавшимъ извѣстные идеалы и воззрѣнія,—говорить В. Б. Антоновичъ,—владѣла небольшая группа дворянъ, чуждая ему и по идеаламъ, и по экономическимъ потребностямъ. Посредствовавшою группою являлись евреи. Такимъ образомъ, въ краѣ было три чуждыхъ одна другой группы. По общему историческому закону, не смотря на разнородность интересовъ, такія отдельныя группы могутъ выработать взаимное уваженіе, извѣстный *modus vivendi*; но это возможно лишь тогда, когда господствующая группа обладаетъ умомъ, сознаетъ, что съ одною эксплоатациею далеко не уйти, и готова сдѣлать нѣкоторыя уступки. Польская шляхта не обладала такимъ тактомъ; еще менѣе были способны къ тому евреи. Въ результатѣ получилась печальная постановка отношений, разразившаяся трагедіей во второй половинѣ XVIII вѣка. Поэтъ прекрасно понялъ это положеніе трехъ группъ населенія въ то время и обрисовалъ отношенія крестьянъ къ дворянству и евреямъ, отношенія шляхты къ схизматикамъ и евреямъ, и вывелъ типъ еврея въ его отношеніи къ козаку и шляхтѣ. Дворянство представлено въ поэмѣ всесильнымъ словою, не умѣющимъ полагать ограниченіе своей власти, своевольными, не уважающими личности. Мы видимъ толпу конфедератовъ, ловящихъ еврея, издѣлающихъ надъ нимъ, вламывающихся въ домъ

¹⁾ См. „Мелхиседекъ Значко-Яворскій Ф. Г. Лебединцева, 1864 г., и „Руководство для сельскихъ пастырей“, 1860 г., т. I, стр. 38 и 45.

почтеннаго человѣка—татаря съ корыстною цѣлію, замучивающихъ его. Дворянине изображены неуважающими человѣческой личности, недопускающими ни малѣйшаго отступленія отъ разъ принятой политической системы. Вторую группу составляютъ евреи. Они кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полной увѣренностью, что они умнѣе. Имѣемъ въ поэмѣ и крестьянскіе типы, типы людей, лишенныхъ просвѣщенія, но чувствующихъ свою правоту, долгое угнетеніе которыхъ довело до ожесточенія, прорывающагося безчеловѣчною ненавистью. Крестьянскій типъ лучше всего оттѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ кого-либо была попранная правда. Наряду съ типами Желѣзника и Гонты, обнаруживающаго крайнее самопожертвованіе въ сценѣ убиенія сыновей ради общаго блага, ложно, впрочемъ, понятаго, встрѣчаемъ болѣе глубокіе образы, напримѣръ образъ благочиннаго, освящающаго народную правду сознательныи словомъ. Типъ благочиннаго списанъ съ Мелхиоромъ Значко-Яворскаго. Автора упрекали въ томъ, что онъ, повидимому, съ сочувствіемъ относится къ изображаемымъ имъ жестокостямъ¹⁾). Но это несправедливо. Раза два встрѣчаемъ перерывъ въ поэмѣ и среди разсказа читаемъ трогательныя лирическія строфы о томъ, какъ можно было бы ужиться въ этомъ благодатномъ краѣ, если бы отношенія не были проникнуты такою исключительностью. Дважды высказывается такъ поэтъ, и нельзя не согласиться съ нимъ“.

Впрочемъ, поэзія Шевченка не была только плачемъ о прошломъ Украины, апоеозомъ этого прошлаго, козачини. Ближе познакомившись съ исторіей своей родины, онъ разочаровался въ „гетманщинѣ“ и совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ серьезнѣе изучать исторію, которая должна была убѣдить, что настоящей причиной политическихъ бѣдствій ихъ края была та „козацкая старшина“, которая погналась за личными выгодами, забывши объ интересахъ народа. Шляхетскій преданіемъ гетманства онъ противопоставляетъ идею освобожденія крестьянства и требуетъ для всѣхъ славянъ внутренней и вицѣальной политической свободы. Къ послѣднему разряду произведеній Шевченка относятся большую частію тенденціозныи его произведенія запретнаго

---

1) Между прочимъ г. Булишъ, который объ авторѣ „Гайдамакѣ“ говорить слѣдующее: „Гениальный преемникъ простонародныхъ пѣвцовъ—Шевченко, поддержанный худшими, но вовсе не лучшими умами его родины, въ своихъ козацкихъ воззрѣніяхъ возвеличилъ Максима Желѣзника, какъ народный идеалъ, за его пьянство, за его скѣптическую истинительность, за то, что у него нѣть осѣдлости, что онъ чуждъ какой либо культуры, что онъ добываетъ золото и на сушѣ и на морѣ и добычу свою называетъ славою“. См. Русскій Архивъ, 1877 г., кн. 2, стр., 115.

содержания, какъ-то: „Кавказъ“, „Невольникъ“, „Сонъ“, „Завѣщеніе“, „Холодный Яръ“, „Чигиринь“, „Суботовъ“, „Пославіе до живыхъ и мертвыхъ и неварожденныхъ земляківъ моихъ“ и поэма „Иванъ Гусь“, записанная съ тою цѣлію,—

Щобъ уси славяне стали
Добрими братами,
И сынами сонца правды
И еретыками—
Оттакими, якъ константьский
Еретикъ великий!

Но эти тенденціозныя стихотворенія не появились въполномъ видѣ въ русской печати и не могутъ подлежать нашему разбору.

Что было бы съ Шевченкомъ, если бы его не постигла извѣстная печальная участъ,—не беремся судить. Г. Кулишъ въ своей „Хуторной поэзіи“ полагаетъ, что если-бъ Шевченка не постигла извѣстная печальная участъ ссылки, то онъ путемъ науки сравнялся бы съ Пушкинымъ, и русское единство, къ которому стремились Петръ I и Екатерина II, подкрѣпилось бы Шевченкомъ еще больше, чѣмъ самимъ Пушкинимъ. Прибавимъ отъ себя, что на тенденціозныя нецензурные произведения Шевченка можно смотрѣть такъ же, какъ и на нецензурные стихотворенія Шушкина, котораго, однако, нельзя назвать сепаратистомъ въ какомъ либо смыслѣ. Но не предугадывая возможнаго направленія поэтической дѣятельности Шевченка при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, мы обратимся къ тому, что сдѣлано имъ во время ссылки и послѣ нея.

Особенную черту литературной дѣятельности Шевченка во время его ссылки составляетъ обращеніе его къ русскому литературному языку, на которомъ онъ желалъ передать для русскихъ читателей содержаніе важнѣйшихъ своихъ лиро-эпическихъ произведеній прежнаго времени. Изъ числа двѣнадцати его произведеній на русскомъ языкѣ большая часть написана во время ссылки¹⁾). Между ними есть нѣсколько рассказовъ и повѣстей съ тѣмъ самимъ содержаніемъ, которое встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ его малорусскихъ стихотвореніяхъ большого размѣра, вошедшихъ въ собраніе сочиненій Шевченка, изданное подъ названіемъ „Кобзарь“. Мы приводили содержаніе его поэмы „Наймичка“. Между русскими писаніями Шевченка встрѣчается разсказъ того же содержа-

¹⁾ Хронологія русскихъ повѣстей и рассказовъ Шевченка въ „Основѣ“, за мартъ 1882 года. Содержаніе ихъ изложено Н. И. Костомаровымъ въ 3 № „Русской Старинѣ“ за 1880 годъ.

нія, съ нѣкоторыми, однако, частностями, которыхъ нѣтъ въ малорусскомъ произведеніи, и съ превосходно изображенными чертами народнаго быта и жизни. Повѣсть эта такъ хорошо написана, что если бы напечатана была до появленія въ свѣтѣ ея малорусской стихотворной редакціи, то была бы привѣтствована публикой, какъ выходящее изъ ряда явленіе. Точно также въ бумагахъ покойнаго поэта нашлись девѣ повѣстіи—„Княгиня“ и „Варнакъ“, такого же содержанія, какъ стихотворенія, напечатанныя по-малорусски въ „Кобзарѣ“ подъ тѣми же названіями. Затѣмъ, въ бумагахъ его оказались русскіе разсказы и повѣстіи: „Близнецы“, „Музыканть“, „Художникъ“, „Несчастный“, „Матросъ, или старая погудка на новый ладъ“, иначе—„Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали“, „Повѣсть о бѣдномъ Петрусь“ и „Капитанша“.

Разсказъ „Близнецы“ беретъ содержаніе изъ быта малорусскихъ помѣщиковъ средней руки послѣдней половины XVIII вѣка. Здѣсь, между прочимъ, замѣчательно живо и интересно, кромѣ другихъ чертъ мѣстной жизни, представлены приемы воспитанія. Въ повѣсти „Музыканть“ изображена судьба крѣпостнаго человѣка у знатнаго малороссійскаго барина. Этотъ человѣкъ—съ необыкновенными способностями къ музыкѣ, но терпѣть отъ путъ крѣпостной зависимости до того, что изъ Петербурга въ Малороссию препровождается, по требованію новаго господина, по этапу; однако, при помощи добродѣтельнаго нѣца Антона Карловича, получаетъ за деньги отъ помѣщика свободу и женинется на благородной дѣвицѣ, живущей у его благодѣтеля ¹⁾). Въ повѣсти „Художникъ“ представленъ другой крѣпостной человѣкъ иной профессіи, чѣмъ прежній,—живописецъ, отданый мальчикомъ въ маляры, спасенный благодѣтельнымъ художникомъ и выкупленный на волю при посредствѣ знаменитаго Брюлова. Очевидно, поэтъ, приступая къ написанію повѣсти, имѣлъ въ виду собственную судьбу, такъ какъ въ началѣ разсказываемое въ повѣсти находится въ автобіографіи Шевченка и относится къ его собственной личности. Но этимъ только и ограничивается сходство повѣсти съ автобіографіей. Далѣе въ повѣсти съ художникомъ происходятъ иные события: онъ случайно сходится съ рѣзвою дѣвушкою, сначала шутить съ нею, потомъ влюбляется и женинется, тогда какъ она беременна отъ какого-то мичмана; наконецъ, умираетъ въ домѣ умалишенныхъ. Изъ этого видно, что Шевченка постоянно занимали воспоминанія о своей собственной прошедшей судьбѣ,

---

1) Повѣсть „Музыканть“ напечатана въ газетѣ „Трудъ“, 1882 г., № 19 и слѣд., и особой брошюрой, Кіевъ, 1882.

и онъ неразъ, то такъ, то иначе, обращался къ нимъ и приваровлялъ ихъ къ разныи вымышленныи героямъ своихъ повѣстей въ разныхъ видахъ. Повѣсть „Матросъ“ выводить на сцену матроса-украинца, который оказалъ геройскій подвигъ въ севастопольскую войну и представленъ былъ къ высокой наградѣ. Но виѣсто этой награды, онъ проситъ, какъ милости, чтобы освободили его молодую сестру отъ крестьянского состоянія. Эта сестра—раба развратнаго помѣщика Курнатовскаго, который взялъ ее въ свой крѣпостной гаремъ, но никакими угрозами не можетъ овладѣть несчастной дѣвушкой. Желаніе матроса готово исполниться, но тутъ Курнатовскій, влюбившися въ Олену, рѣшается лучше жениться на ней, чѣмъ разстаться съ нею. Рассказчикъ, прѣѣхавшій изъ Киева къ родственникамъ, сосѣдямъ Курнатовскаго, попадаетъ къ послѣднему какъ разъ въ то время, когда Олена по крестьянски справляетъ съ подругами свое „весілля“, вдали отъ своего повелителя. Сѣжій, посторонній человѣкъ, онъ видитъ омутъ, въ который попала несчастная женщина, видить и жизнь, которая ее ждетъ впереди. Онъ устраиваетъ сближеніе ея съ семьей просвѣщенного и добра го доктора Прехтеля, также сосѣда, и подъ влияніемъ этой семьи Олена нравственно закаляется противъ всѣхъ ждущихъ ее невзгодъ. Тѣ же Прехтели оказываются благотворное вліяніе и на Курнатовскаго, въ которомъ, при ихъ содѣйствіи, совершается нравственное перерожденіе. Старики Прехтели, выше всего ставящіе духовныхъ достоинства и нравственную чистоту, высоко цѣнятъ, конечно, простаго, благороднаго матроса и не задумываются отдать за него замужъ свою единственную дочь, только-что кончившую институтъ, узнавъ, что она любить его ¹⁾). Повѣсть „Несчастный“ написана авторомъ во время пребыванія его въ ссылкѣ, послѣ встрѣчи съ загадочнымъ человѣкомъ. Вдовецъ, провинціалный помѣщикъ, прѣѣхавши въ Петербургъ, женился на особѣ сомнительного свойства и скоро послѣ того умеръ, убившись на охотѣ. Вдова, искусная лицемѣрка, сдѣлавшись подною господину, всю задачу своей жизни поставляетъ въ томъ, чтобы, для пользы своего сына, оттереть дѣтей своего мужа отъ первого брака. Извѣніе сыновъ ослѣпъ въ дѣтствѣ, а дѣвочку мачиха везетъ въ Петербургъ, распуская слухъ, что намѣренна помѣстить ее въ институтъ, а на самомъ дѣлѣ помѣщаетъ сироту у своей давней пріятельницы Нѣмки, которая держитъ швейное заведеніе, береть дѣвочекъ будто бы для обучения ремеслу, а на самомъ дѣлѣ для другихъ, болѣе непозволи-

1) Эта повѣсть издана, отрывками, въ газетѣ „Трудъ“, 1881 года, № 122 и слѣд.

тельныхъ цѣлей. Черезъ нѣсколько времени эта госпожа приѣзжаетъ въ Петербургъ снова со своимъ сыномъ, чтобы докончить его воспитаніе, полученное въ деревнѣ отъ крѣпостныхъ наставниковъ, и вѣѣтъ сѣ тѣмъ чтобы окончательно отдѣлаться отъ падщерицы. Сынъ, избалованный матерью шалопай, дѣлается вполнѣ развратнымъ негодяемъ, обкрадываетъ и оскорбляетъ мать и раздражаетъ ее до того, что она, при посредствѣ правительства, засылаетъ его, ради исправленія, въ Орскую крѣпость, гдѣ авторъ и увидаль его, и гдѣ этотъ потерянный юноша играетъ роль шута между солдатами и стать извѣстенъ тамъ всѣмъ подъ именемъ несчастнаго. Но и злую мать постигаетъ заслуженная кара. Нѣмка, у которой мачиха помѣстила свою падщерицу подъ вымышленнымъ именемъ своей крѣпостной Акульки, принимаетъ отъ госпожи посудъ и порученіе выдать инимъ Акульку за какого нибудь посѣтителя веселаго дома, который бы соблазнился нѣкоторымъ приданимъ; но нѣмка сочла за лучшее открыть падщерицѣ и ея жениху всю подноготную и побудить ихъ преслѣдовать закономъ злодѣйку—мачиху. Дѣло кончается тѣмъ, что падщерица гступаетъ во всѣ права своего состоянія, похищенная у неї обманомъ, а мачиху ссылаютъ въ монастырь на покаяніе¹⁾. „Художественная выдержка характеръ,—говорить Н. И. Костомаровъ объ этой повѣсти.—трогательны, глубокоподтрясающія душу читателя сцены, чрезвычайно занимателное изложеніе,—все это дало бы этой повѣsti почетное мѣсто между лучшими произведеніями нашихъ беллетристовъ, если бъ она была напечатана.“ „Повѣсть о бѣдномъ Петрусь“ переносить читателя въ ту эпоху, когда казацкіе старшины, преобразованные въ русскіе чины и получившіе вмѣстѣ съ ними потомственное дворянское достоинство, совершили крайнія самоуправства, пользуясь крайнею продажностію и мелкодушіемъ судей. Къ сожалѣнію, авторъ наложилъ безъ удержу слишкомъ много густыхъ череячуръ красокъ, что вредить силѣ впечатлѣнія, производимаго на читателя, и строгой исторической вѣрности²⁾. Содержаніе разсказа „Капитанша“ слѣдующее. Еще во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи (1814—1815 г.) офицеръ увезъ оттуда въ Россію дѣвушку, держалъ по-мужски какъ деньщика, а когда она сдѣлалась беременною, уѣхалъ, оставивъ ее на попеченіе барабанщика. Французенка умерла, а новорожденную ея дочь держалъ у себя одинокій ба-

¹⁾ Повѣсть издана въ 1 № „Исторического Вѣстника“ за 1881 годъ. Объ оригиналѣ, давшемъ сюжетъ для повѣсти, Шевченко упоминаетъ въ своемъ дневнике.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, находится ли эта повѣсть въ какомъ либо отношеніи къ малорусской поэмѣ Шевченка „Петрусь“.

рабанщикъ до 17-ти лѣтъ, когда въ городѣ Муромѣ капитанъ жено-любецъ насильно увезъ ее; но она отъ него уѣжала, очутилась, какъ бродяга, въ тюрьмѣ и была тамъ отыскана барабанщикомъ съ рожден-ною ею отъ капитана дочерью. Барабанщикъ женился на невинной жертвѣ гнуснаго насилия, пріютился близъ Глухова, содержалъ тамъ корч-му, а выросшая дочь жены его вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика, пріятеля автора ¹⁾). Замѣчательно, что какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и въ другихъ, авторъ избираетъ для сюжета судьбу простолюдин-ки, соблазненной или изнасилованной развратникомъ изъ высшаго кла-са. Тема эта, какъ видно, почти такъ же занимала Шевченка, какъ и судьба человѣка, выбивающагося съ большими затрудненіями изъ-подъ крѣпостнаго гнета. Послѣднее для насъ объясняется близостю къ судь-бѣ资料的作者本人.

О русскихъ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка А. А. Котляревскій говорилъ слѣдующее „Есть немало произведеній стихотворныхъ и про-заическихъ, писанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, оторванныхъ по языку и по своему содержанію отъ родной ему Украины. Какія блѣдныя, безцвѣтныя созданія! Какая печальная картина усилій генія, на время уклоняющагося съ прямой дороги и позабыв-шаго свою миссію! Историкъ пройдетъ съ равнодушіемъ мимо этихъ про-изведеній: они бесполезны...“. Придетъ время (и оно, думаю, недалеко), когда беспристрастный историкъ русской литературы отмѣтить въ ис-торическомъ движеніи ея много чистыхъ освѣжающихъ струй, внесенныхыхъ въ нее поэзіей Шевченка; но онъ укажетъ, что эти струи текутъ не изъ того источника, о которомъ я теперь говорю, а изъ источника живой, „ціющей“ воды родной его „Украины“, изъ того источ-ника, который своимъ потокомъ вынесъ живую душу крѣпака изъ омута подневолья на свѣтъ божій и отмѣтилъ его великою печатью народнаго поэта“ ²⁾). Гораздо снисходительнѣе отзываются о русскихъ повѣстяхъ и разсказахъ Шевченка Н. И. Костомаровъ и В. Г—ко, „Въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, писанныхъ по-русски,—говорить Н. И. Костомаровъ,—Шевченко впадаетъ въ мелодраматичность, а нерѣд-ко и въ растянутость. Редакція русскихъ сочиненій Шевченка въ томъ

1) Фактъ переодѣванія дѣвицы мунциной, выставленный у Шевченка, не исключительный. Мы имѣли подъ руками дѣло 1778 года о женитьбѣ дѣвки Арки, дочери грека, на дѣвкѣ же Маріи Кулаконой. Арка называлась Григо-ріемъ, носила мужской костюмъ и до женитьбы была денъщикомъ у троихъ сыновей бунчукового товарища полтавского полка Бѣлухи.

2) Рѣчь А. А. Котляревскаго въ засѣданіи кіевскаго общества Пестора хѣтописца 1 марта, 1881 года; она передана въ 8 ё газеты „Трудъ“ за 1881 годъ.

видѣ, какъ они оставлены, сильно страдаетъ небрежностью. Попадаются то недомолвки, то излишнія повторенія, то явные анахронизмы, вообще такія ошибки, которыхъ несомнѣнно были бы самимъ авторомъ исправлены, если бъ онъ приготовлялъ эти сочиненія уже къ изданію. Тешерь они—болѣе наброски, чѣмъ оконченныя сочиненія, и въ настоящемъ видѣ похожи на драгоценныя камни въ уродливой оправѣ. Среди всѣхъ недостатковъ и недодѣлокъ, въ нихъ, однако, повсюду свѣтятся признаки громаднаго дарованія автора: вѣрность характеровъ, глубина и благородство мыслей и чувствъ, живость описанія и богатая образность. Послѣднему качеству, какъ видно, способствовало и то, что авторъ былъ живописецъ по профессії". В. Г.—ко, издавая отрывки изъ "Матроса", говоритъ объ этой повѣстіи слѣдующее: „Въ строгомъ смыслѣ, это, конечно, не повѣсть, а рядъ впечатлѣній, нѣчто въ родѣ „санти-ментальнаго путешествія" Стерна, только съ инымъ характеромъ". Любители „правильности" и „обстоятельности" останутся недовольны значительными длиннотами и многочисленными отступленіями, Намъ приходится сознаться въ ужасной грубости нашего вкуса: чтеніе этой не-отдѣланной вещи доставило намъ наслажденіе. Мы нашли въ этихъ наброскахъ больше искренности и души, чѣмъ въ иномъ классическіи пра-вильномъ и строго выдержанномъ созданіи. Пусть будетъ все это „не-правильно", пусть въ рукописи попадаются грамматическія ошибки. Но (скажемъ словами издателей „Дневника" въ „Основѣ"), много ли найдется здѣсь ошибокъ въ пониманіи человѣка, природы, искусства и себя самого? У многихъ ли писателей найдется такое глубокое чутье высшей человѣческой правды, такая любовь къ ближнему? Не говорить о чертахъ высокаго дарованія, которыхъ свѣтятся поминутно среди всѣхъ недодѣлокъ. Повѣсть изобилуетъ штрихами, интересными для уясненія личности поэта. Эта сторона, признаемся, занимала настъ въ ней всего болѣе. Все, что писалъ Шевченко, всегда отличалось крайней субъективностью. Такъ и здѣсь: на каждой страницѣ мы видимъ его самого, доброго, чистаго сердцемъ, благороднаго... Всѣ эти черты не составляютъ характерныхъ отличій одной „Прогулки" (Матроса). Ими отличаются и другія русскія повѣсти Шевченка, гдѣ почти сплошь былъ перемѣщана съ вымысломъ. и по прочтеніи которыхъ чистый образъ кобзаря выступаетъ еще лучезарнѣе" ¹⁾.

Независимо отъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ или недостатковъ въ русскихъ произведеніяхъ Шевченка, эти произведенія во всякомъ случаѣ имѣютъ немаловажное значеніе для опредѣленія полно-

---

1) Отзывъ В. Г-ка въ газетѣ „Трудъ", 1881 г., № 122.

ты міровоззрѣння Шевченка и его національныхъ симпатій. Въ своемъ „Обзорѣ украинской словесности“ г. Кулишъ говоритъ, что на совѣты нѣкоторыхъ писать общепринятымъ въ россійской имперіи языкомъ, изображать жизнь, которая у всѣхъ въ виду, Шевченко, обзирая съ своего подоблачного полета несравненно обширнѣйша, невѣдомая другимъ пространства, отвѣтилъ этимъ господамъ языкомъ демократа:

Правда, мудри!

Спасыби за раду!
Теплый кожухъ, тилько шкода—
Не на мене шытый,
А разумне валие слово
Брехнею пидбыте.

„И потому,—продолжаетъ г. Кулишъ,—развернувъ въ дикой прелести родныя свои степи съ кровавыми и блестательными ихъ воспоминаніями и давъ почувствовать своими слезами неразрывную связь между необузданною энергию старого времени и разумною энергию современаго гenia, онъ восклицаетъ:

Отъ—де мое добро, гроши,
Отъ—де моя слава!
А за раду спасыби вамъ—
За раду лукаву ¹⁾. (Гайдамаки)

Но Шевченко говорить здѣсь только противъ исключительного употребленія русскаго языка въ своихъ произведеніяхъ и никогда не отоносился съ пренебреженіемъ къ этому языку. Русскія его произведенія доказываютъ, что во все время своей жизни поэтъ одинаково писалъ по-малорусски и по-руссски, хотя и съ разнымъ успѣхомъ, и давалъ русской и малорусской рѣчи одинаковыя права гражданства въ семье славянскихъ языковъ и нарѣчій. А послѣ своей ссылки, подъ конецъ своей жизни, Шевченко смотрѣлъ на украинскую и русскую рѣчь, какъ на двѣ отрасли одного и того же русскаго языка, и, какъ мы видѣли, задумалъ написать поэму на такомъ языкѣ, который бы одинаково понятенъ русскому и малороссу. Слѣдовательно, Шевченко далеко не былъ исключительнымъ малорусскимъ поэтомъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ былъ панславистъ и въ своемъ панславизмѣ старался примирить и объединить всѣ славянскія племена, а въ томъ числѣ и великорусское.

Правда, произведенія Шевченка на русскомъ языке были только вицѣнциою попыткою примиренія въ дѣятельности Шевченка двухъ род-

¹⁾ См. „Обзоръ украинской словесности“ Кулиша, въ „Основѣ“, за май, 1861 г., стр. 11—12.

ственныхъ литературъ, и притомъ попыткою не совсѣмъ удачною, не имѣвшою важныхъ практическихъ результатовъ. Но эта вѣшняя попытка получаетъ для насъ важное значение потому, что она была выражениемъ и результатомъ болѣе внутреннихъ, интимныхъ связей между украинской поэзией Шевченка и русской литературой и лучшими ея представителями. Конечно, Шевченко прежде всего былъ малороссъ и оставался болѣе или менѣе вѣренъ своей украинской натурѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изучалъ эпоху гусситизма въ Чехіи, подражалъ польскимъ и сербскимъ образцамъ и переводилъ ихъ и особенно подчинялся влиянию русскихъ поэтовъ — Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и др. Съ другой стороны, и поэзія Шевченка, становясь известною другимъ славянскимъ племенамъ, должна была оказать на нихъ благотворное влияніе и содѣйствовать дальнѣйшему преуспѣянію ихъ литературъ.

Внутреннія отношенія поэзіи Шевченка опредѣляются, въ значительной мѣрѣ, зависимостію развитія его таланта отъ устной и книжной украинской литературы и отъ литературъ сосѣднихъ славянскихъ племенъ, особенно поляковъ и русскихъ.

Объ отношеніи поэзіи Т. Г. Шевченка къ народной украинской поэзіи принято мнѣніе, что Шевченко менѣе всего былъ кощистомъ и воспроизводителемъ устной народной украинской поэзіи, и что только въ болѣе слабыхъ своихъ произведеніяхъ онъ ближе подходитъ къ украинскимъ народнымъ пѣснямъ и думамъ. Мнѣніе это, хотя и высказанное г. Кулишомъ голословно, имѣть однако значительную долю правды на своей сторонѣ. Въ большихъ, лучшихъ произведеніяхъ Шевченка на малорусскомъ языкѣ народное преданіе служить для него только тѣмъ, или же даетъ ему основной мотивъ, а иногда и нѣкоторыя детали; но мелкія, сравнительно слабыя стихотворенія Шевченка нерѣдко представляютъ изъ себя только незначительную передѣлку украинскихъ пѣсенъ и преданий.

Мы уже замѣчали выше, что баллады — „Причинна“, „Тополя“ и „Утопленна“ основаны на народныхъ украинскихъ сказкахъ и преданіяхъ; но можно указать и болѣе близкое отношеніе этихъ балладъ къ устной украинской поэзіи. Такъ напримѣръ, въ балладѣ „Причинна“ смерть милой въ отсутствіи любимаго и любящаго козака, повидимому, есть воспроизведеніе одной чумацкой пѣсни, въ которой говорится слѣдующее:

Ой не виїхав молодий козак
За густні лози,—
Ой узяли молоду дівчину
Дрібненькиі слези;
Ой не виїхавъ молодий козак
За билиі хати,—

Треба ж було молоду дівчину
На вітер піднати.
Ой не виїхав молодий козак
За високу могилу...
— Вертайсь, вертайсь, молодий козаче,
Роби домовину¹⁾.

Въ поэмѣ „Наймичка“ почти буквально приводится народная украинская пѣсня о молодой вдовѣ, родившей двухъ сыновей и пустившій ихъ на Дунай:

Ой у поля могила;
Тамъ удова ходыла,
Тамъ ходыла—гуляла;
Труты-зилля шукала.
Труты-зилля не найшла,
Та синивъ двохъ прывела,
Въ кытзечку повыла
И на Дунай однесла..

Особенно въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ Шевченка замѣчають воспроизведеніе народныхъ украинскихъ мотивовъ. Для примѣра, мы укажемъ на стихотворенія Шевченка: „Ой не пьютца пива—меди“ и „У тиєї Катерини“, которымъ можно отыскать двойниковъ въ украинской народной поэзіи. Вотъ первое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Шевченка:

Ой не пьються пива—меди,
Не пьеться вода,—
Прылучилась зъ чумаченькомъ
У степу бида:
Заболила головонька,
Заболивъ жывить;
Упавъ чумакъ коло возу,
Упавъ та й лежить.
Изъ Одесы преславнои
Завезли чуму;
Цокнули товарыша,
Горенько ему!
Волы его коло возу
Понуро стоять;
А изъ степу гайвороны
До его летять.

¹⁾ См. „Чумацькія пѣсни“, Рудченка, Кіевъ, 1874 г., стр. 195

„Ой, не клюйте, гайвороны,
Чумацького трупу!
Наклювавшись, подохнете
Коло мене въкупи.
Ой полетить, гайвороны,
Мои сизокрыли,
До батечка, та скажите,
Щобъ службу служили,
Та за мою гришину душу
Ісалтиль прочитали,
А дівчини молоденький
Скажить, щобъ не ждала“.

Подобнымъ образомъ воспѣвается смерть чумака въ одной чумацкой народной пѣснѣ:

Ой сидить пугачъ та на могилі,
Та на вітер надувся:
Ой сидить чумак на переднім возі,
Та вже лиха здобувся.
Ой сидить чумак на переднім возі—
На важницю схилився,—
Ой правою та рученькою
Та за серце вхопився.
— „Ой ви чумаки, молодеэ браття,
Зробіть же ви славу:
Та викопайте мині молодому
Та глибокую иму.
Ой ви чумаки, молодеэ браття.
Ви люде пригожі,—
Та побудуйте мині молодому
Домовину з рогожі!
Ой котилася та яснеэ сонце
Та між могилками...
Ой уже ж мині не чумаковати
Та із вами чумаками.
Ой як же буде з вас который, браття,
В своїй сторононці.—
Поклонітесь отцю, моїй старій ненъці,
И моїй дівчинонці ¹⁾).

---

¹⁾ См. „Чумацкія пѣсні“, Рудченка, № 25, стр. 131—132.

Небольшое стихотворение Шевченка „У тисі Катерини“ есть довольно близкая переделка народной пѣсни о Марусѣ. О Катеринѣ Шевченко рассказывает следующее:

У тисі Катерини
Хата на полості;
Ізъ славного Запорожжя
Найихали гости:
Одинъ—Семенъ Босый,
Другой—Іванъ Голый,
Третій—славний вдовыченко
Іванъ Ярошенко.
— Эъїиздилы мы Польшу
И всю Україну,
А не бачили такои,
Якъ се Катерина.
Одинъ каже: „брате,
Якъ бы я багатый,
То оддавъ бы все золото
Оцій Катерини
За одну годину“.
Другой каже: „друже,
Якъ бы я бувъ дужий,
То оддавъ бы я всю силу
За одну годину
Оцій Катерини“.
Третій каже: „диты,
Нема того въ свити,
Чого бъ мени не зробити
Для сієи Катерини
За одну годину“.—
Катерина задумалась
И третему каже:
„Есть у мене братъ едныи
У нёволи вражій—
У Крыму десь пропадае.
Хто его достане,
То той мени, запорожци,
Дружиною стане“.
Разомъ повставали,
Коней посидлали,
Пойихали вызволять
Катериного брата.

Одни утопыся
У Дніпровимъ гирля;
Другого въ Бозлови
На киль посадылы;
Третій—Іванъ Ярошенко,
Славный вдовыченко,
Зъ лютои неволи,
Изъ Бакчысараю,
Брата вызволяе.
Заскрыпили рано двери
У великой хати.
— „Вставай, вставай, Катерино,
Брата зостричаты!“
Катерина подывылась
Та й заголосыла:
— „Се не братъ мій—се мій мылый!
Я тебе дурыла“.
— „Одурыла!..“ и Катерина
До-долу скотылася
Головонька...— „Ходимъ, брате,
Зъ поганои хаты!“
Пойхалы запорожци
Витеръ доганаты...
Катерины чернобриву
Въ поли поховалы;
А славныи запорожци
Въ степу побраталысь.

Въ народной пѣснѣ подобнымъ образомъ обманываетъ Маруся ко-
зака и за то погибаетъ отъ его рукъ:

Маруся, Маруся недужа лежала,
Марусина трой-зілля бажала:
— „Ой хто мені трой-зілля достане,
Той зо мною на вінчані станове“.
Обізвався козакъ молоденький:
— „Ой е въ мене три кони на стані—
Воронимъ конемъ до моря доїду,
Сивимъ конемъ море переїду,
Білимъ конемъ до зілля доїду“.
Ой ставъ козакъ трой-зілля копати,
Стала ему возуля ковати:
— „Покінь, козаче, трой-зілля копати!
Вже въ Марусі весілля у хаті!“.

Козакъ пріїжаєтъ ко двору нареченаго тестя своею и санмаєтъ
Марусѣ съ плечь голову:

Эй, ой а думавъ, да що вітеръ шумить,

А тожъ Марусена съ плечь головка летить... ¹⁾.

Укажемъ еще на поэму Шевченка „Петрусь“, которая представлена изъ себя воспроизведеніе исторического народнаго преданія, соединеннаго съ тѣмъ же именемъ Петруся. Поэма Шевченка повѣствуетъ, что дочь пановъ-хуторянъ выдана была замужъ за богатаго генерала, котораго она не могла полюбить. Въ приданое дали ей мальчика-свинонаса, Петруся. Молодая генеральша взяла его въ комнаты, приварила и затѣмъ отдала въ школу. Наконецъ, Петрусь окончилъ курсъ въ Кіевѣ. Генеральша полюбила молодаго своего воспитанника грѣшною любовью и отравила своего постылого мужа. Она должна была подвергнуться заслуженному наказанію за свое преступленіе; но Петрусь принялъ ся вину на себя, закованъ быть въ кандалы и отправленъ въ Сибирь.

Народная пѣсня разсказываетъ о томъ же, повидимому, Петрусь, но съ разницей въ развязкѣ. Вотъ эта пѣсня:

Ой далеко чути такую новину,

Що вбито Петруню въ глибокій долині.

Тожъ за тую паню, а що собі пана мала,

А що собі пана мала, а Петруню кахала.

Ой прііхавъ панъ вельможний у Прилуку въ гости,

Пришовъ Петро—Петруня а до вельможной въ гости.

Ой бувъ же у пана ѿрнесенъкій слуга,

Узвѣ не пожалувавъ вороненъкого коня,

Та й нагнавъ вінь пана у калиновімъ мості:

— „Вернись, вернись, пане, е Петруня въ гостяхъ“.

Була жъ у пані вірнесенъка слуга,

Вийшла у сінечки, вийшла собі стиха:

— „Тікай, Петре—Петруню, буде тобі лихо!“

Ой ставъ же Петруня зъ покою вставати,

Та й изустрівъ вельможного пана на порозі;

Ставъ же вінь у пана милості прохати:

— „Чи не можна бъ, пане, життя дарувати?“

Панъ вельтель его бросить въ Дунай ¹⁾.

Кромѣ народныхъ, въ поэзіи Шевченка есть и такие мотивы, которые заимствованы имъ изъ искусственной украинской литературы.

¹⁾ См. „Пісни про кохання“, Лавренка, Кіевъ, 1864 г., стр. 146—148.

¹⁾ См. „Пісни про кохання“, Лавренка, стр. 62—64.

Изъ предшественниковъ своихъ въ украинской литературѣ Шевченко ближе всего подходитъ къ Г. О. Квиткѣ съ его сентиментальными повѣстями изъ украинскаго быта, какъ это замѣчалъ уже и самъ Квитка. 23 октября, 1840 года, по поводу „Катерина“ Шевченка, Квитка писалъ ему слѣдующее: „А что Катерина, такъ ужъ подлинно Катерина! Хорошо, батюшка, хорошо! Больше не умѣю сказать. Вотъ такъ-то москалики военные обиравываютъ нашихъ дѣвушекъ. Написалъ и я „Сердечну Оксану“, вотъ точнечонъко какъ и ваша Катерина. Прочитаете, какъ г. Гребенка напечатается. Какъ это мы одно думали про бѣдныхъ дѣвушекъ да про бусурманскихъ солдатъ“ ¹⁾). Надобно полагать, что руководитель Шевченка Е. И. Гребенка познакомилъ его и съ произведеніями Квитки. Изъ позднѣйшихъ украинскихъ писателей Шевченко имѣть нѣкоторое отношеніе къ Гребенкѣ и особенно къ Н. И. Костомарову и Н. А. Кулишу. Они обогатили Шевченка историческими сцѣнами и взглядами къ пониманію прошлаго Малороссія, а одинъ эпизодъ изъ „Черной Рады“ Кулиша вдохновилъ Шевченка къ созданію поэмы „Чернецъ“. Романъ „Чорна Рада“, по сознанію самого автора, былъ оконченъ имъ еще въ 1846 году ²⁾ и еще въ рукописи известенъ былъ Т. Г. Шевченку. Въ этомъ романѣ, между прочимъ, есть коротенький разсказъ о поступлениі старыхъ запорожцевъ въ монахи въ кіево-братскомъ монастырѣ. „Дивлатця наши на ти на малевані лива, доходитъ уже до дзвониці, ажъ слухають—за оградою щось гуде, стугонить, наче грімъ грімить, оддалеки, и музыки играють.—„Се каже ченчикъ, що провожавъ іхъ по манастиреві,—се добрий молодці запорожці по Києву гуляють. Вачте, якъ наши бурсакій-спудеі біжать за ворота? Жадною мірою не вдергашъ іхъ, якъ зачують запорожцівъ. Біда намъ“, и проч. На основаніи этого разсказа Шевченко написалъ въ 1848 году свое стихотвореніе „Чернецъ“, съ примѣненіемъ къ Семену Палію, и посвятилъ его Н. А. Кулишу.

Изъ корибееевъ русской литературы имѣли вліяніе на развитіе Шевченка Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ. Мы уже замѣчали выше, что первыя произведенія Шевченка написаны въ формѣ баллады, въ романтическомъ вкусѣ Козлова и Жуковскаго. Что касается знакомства Т. Г. Шевченка съ поэзіей Пушкина, то обѣ этомъ г. Кулишъ говорить слѣдующее: „Пушкина зналъ онъ напузъ, даромъ, что писалъ не его рѣчью, не его складомъ“ ³⁾. Изъ „Девника“ же самого Шевченка мы видимъ, что онъ зналъ напузъ и многихъ стихотвореній Лер-

¹⁾ „Основа“, іюль 1861 г., стр. 6.

²⁾ См. „Основу“, апрѣль, 1861 г., стр. 70; съ „Хуторну поезію“ Кулиша.

³⁾ Тамъ же, за январь, 1862 г., бібліографія, стр. 60—61.

Лермонтова, называя его великимъ поэтомъ, а стихи его „очаровательны-
ми“¹⁾. Знакомство Шевченка съ этими поэтами нерѣдко выражалось
въ его стихотвореніяхъ буквальнымъ почти цитированиемъ отдельныхъ
стиховъ изъ этихъ поэтовъ. Вотъ два такихъ мѣста изъ произведеній
Шевченка:

Не спалося, а ничъ якъ море,—
Хочъ діллось не въ осени,
Такъ у неволи. До стини
Не заговоришъ ни про горе,
Ни про младенческие сны...

Въ другомъ стихотвореніи, говоря о пророкѣ Божіемъ, или поэтѣ,
Шевченко продолжаетъ:

Жыва

Душа поэгова святая,
Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
И мы, читая, оживаемъ
И чуемъ Бога въ небесахъ...

Но можно указать и болѣе тѣсныхъ связей поэзіи Шевченка съ
произведеніями нашихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова. Мы здѣсь осо-
бенно имѣемъ въ виду „Наймичку“ Шевченка и нѣсколько его отры-
вочныхъ стихотвореній о пророкѣ или поэтѣ, на которыхъ болѣе суще-
ственнымъ образомъ отразилось влияніе Пушкина и Лермонтова.

Поэму „Наймичка“ К. Шейковскій считаетъ плодомъ не нашей,
т. е. не малорусской почвы²⁾). На какой почвѣ выросла эта поэма, К. Шейковскій не говорить; но мы не можемъ не обратить своего вниманія на то обстоятельство, что сюжетъ ея еще раньше разработанъ былъ
А. С. Пушкинымъ въ его романѣ „Подъ вѣтромъ осени ненастной“, въ
которомъ выводится на сцену несчастная покрытка дѣвушка, которая
съ болью и страхомъ въ сердцѣ, со скорбными причитаньями, пробирается
осеннюю ночью; пустынными мѣстами, чтобы подбросить своего
невиннаго ребенка на порогъ чужаго дома.

Склонившись, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Свою поэму Шевченко начинаетъ совершенно такъ же, какъ и
Пушкинъ, но только ведеть ее далѣе, рассказывая о судьбѣ подкину-

¹⁾ Тамъ же, сентябрь, 1861 г., стр. 20; ноябрь—декабрь, 1861 г., стр. 11—
13; февраль, 1862.

²⁾ Въ „Опытѣ южно-русскаго словаря“.

таго ребенка и злополучной его матери, которая занимается къ привыкшимъ ея ребенка старикамъ въ работницы и лелѣть его до своей смерти, скрывая свои материнскія чувства и званіе.

Извѣстно, что Пушкинъ и Лермонтовъ неразъ изображали въ своихъ стихотвореніяхъ пророка и вдохновленного поэта, разумѣя подъ этимъ пророкомъ или поэтомъ самихъ себя. Таковы— „Пророкъ“, „Поэтъ“ и „Чернь“ Пушкина и „Пророкъ“ Лермонтова. И Шевченко любилъ иногда обращаться къ этому предмету: въ его стихотвореніяхъ мы нашли три отрывка о пророкѣ или поэте. Въ „Перебендѣ“ о немъ говорится слѣдующее:

Старый захованъ

Въ степу на могыди, щобъ никто не бачывъ,
Щобъ витеръ по полю слова розмахавъ,
Щобъ люде не чулы; бо то Боже слово
То серде новоли зъ Богомъ розмовли,
То серде щебече Господнюю славу,
А думка край свита на хмари гуля,
Орломъ сизокрылымъ литае, шырье,
Ажъ небо блакытие широкыны бье;
Спочыне на сонци, его запытае,
Де воно ночуе, якъ вено встаете;
Послухае мора, шо воно говорыть;
Сынта чорну гору: чого ты нима?
И знову на небо, бо на земли горе,
Бо на ій, шарокий, куточка нема
Тому, хто все знае, тому, хто все чуете:
Шо море говорыть, де сонце ночуе.
Его на симъ свити никто не прыйма.
Одныъ винъ мижъ нымы, якъ сонце высоке;
Его знать люде, бо носить земля;
А якъ бы почулы, шо винъ одынокий
Спива на могыди, зъ моремъ розмовля,—
На Божее слово вони бъ насымалысь,
Дурнымъ бы назвали, одь себе бъ прогнали.
„Нехай по-надъ моремъ,—скавалы бъ,—гули!“

Здѣсь основная мысль объ одиночествѣ и безпріютности поэта, о насымашахъ толпы надъ нимъ, — также самая, что въ „Пророкѣ“ Лермонтова; но Шевченко въ „Перебенда“ отчасти похожъ, по своему знанію сокровенныхъ тайнъ природы, и на Пушкинского „Пророка“, который говоритъ о себѣ:

Отверзались вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.

Моихъ ушей коснулся онъ (серафимъ),
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозибанье...

Въ другомъ стихотвореніи Шевченко говорить о пророкѣ Божі-
емъ, котораго лукавый родъ людской побилъ камнями и за это нака-
занъ былъ Богомъ:

Неначе праведныхъ дитет,
Господь любя своихъ людей,
Пославъ на землю имъ пророка—
Свою любовъ благовистыть,
Святому розуму учты;
Неначе нашъ Дніпро широкий,
Слова его лылнись—теклы
И въ сердце падалы глыбоко,
И, нибы тымъ огнемъ, пеклы,
Холодни души. Полюбили
Пророка люде и молылись
Ему, и слезы знай лылы.
А потимъ... люде, родъ лукавый,
Господнюю святую славу
Ростлили и чужыхъ богамъ
Пожерлы жертвъ, омерзылись,
И мужа свята—горе вамъ!--
На стогнахъ каменея побылы
И заходылься гулять.
Святою кровью шынкувать.
И праведно Господъ великий
На васъ на лютыхъ, на васъ дыкыхъ
Кайданы повеливъ кувать,
Глыбоки тюрмы муровать.

Это стихотвореніе Шевченка во многомъ напоминаетъ своимъ со-
держаниемъ стихотвореніе А. С. Пушкина „Чернь“.

Вліяніемъ на развитіе Шевченка нашихъ знаменитыхъ русскихъ
поэтовъ объясняется и близость языка Шевченка къ великорусскому
литературному языку, особенно Пушкинскому. „Всего удивительнѣе и
всего важнѣе,—говоритъ Кулишъ,—въ стихахъ нашего поэта то, что
они ближе нашихъ народныхъ пѣсень и ближе всего, что написано
по-малороссійски, подходитъ къ языку великорусскому, не переставая

въ то же время носить чистый характеръ украинской рѣчи. Тайна этого явленія заключается, можетъ быть, въ томъ, что поэтъ, неизъяснимымъ откровеніемъ прошедшаго, которое сказывается вѣщей душой въ настоящемъ, угадалъ ту счастливую средину между двухъ разрознившихся языкомъ, которая была главнымъ условиемъ развитія каждого изъ нихъ. Малороссіяне, читая его стихи и удивляясь необыкновенно смѣлому пересозданію въ нихъ своего языка и близости его формъ къ стилю пушкинскому, не чувствуютъ однако жъ того неизрѣдьтнаго разлада, какимъ поражаетъ его у всякаго другаго писателя заимствованіе словъ, оборотовъ или конструкцій изъ языка иноплеменного. Напротивъ, здѣсь чувствуется прелестъ, въ которой не можешь дать себѣ отчета, но которая не имѣеть ничего себѣ подобнаго ни въ одной славянской литературѣ. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно то, что поэтъ нашъ, черпая одной рукой содержаніе своихъ пѣснопѣній изъ духа и слова своего племени, другую простираетъ къ сокровищницѣ духа и слова сѣверно-русскаго¹⁾. „Оттого,—скажемъ словами Н. И. Костомарова,—поэзія Шевченка понятна и родственна великоруссамъ. Для того, чтобы сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно малороссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію... Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнить вскій, кто только близокъ вообще къ народу, кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народнаго выраженія²⁾.

Кромѣ русской литературы, Шевченко знакомъ былъ и съ лучшими представителями польской литературы. Онъ пробовалъ переводить лирическія пьесы Мицкевича. Правда, опыты переводовъ изъ Мицкевича оказались неудачными; но во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о близкомъ знакомствѣ переводчика съ поэзіей Мицкевича, который могъ, поэтому, разделить съ Пушкинымъ и Дермонтовымъ известную долю вліянія на украинскаго поэта. Недаромъ, поэтому, некоторые критики сопоставляли Шевченка съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ и ставили его на серединѣ между ними: „По красотѣ и силѣ многіе поставляли его (Шевченка) наравнѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ“,—говорить А. А. Григорьевъ. „Мы готовы идти даже дальше въ этомъ: у Тараса Шевченка есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая развѣ только искрами блестаетъ въ великихъ поэтахъ художникахъ, каковы Пушкинъ и Мицкевичъ, и которая на каждой страницѣ „Кобзаря“ поразить васъ у Шевченка... Шевченко еще ничего условнаго не боит-

¹⁾ „Русская Бесѣда“, 1857 г., кн. 3, стр. 138.

²⁾ „Воспоминанія о двухъ малярахъ“, въ „Основѣ“, за апрѣль, 1861 г., стр. 54.

ся; нужны ему младенческий лепетъ, народный юморъ, страстное воркованье; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, и все это выйдетъ у него свѣже, могуче, наивно, страстью, или жарко, какъ самое дѣло. У него дѣйствительно есть и уносящая, часто необузданная страстьнность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности, такъ что дѣйствительно по даннымъ, по силамъ своего великаго таланта, онъ стоитъ какъ бы въ срединѣ между двумя великими представителями славянскаго духа. Натура его поэтическаго шире своею многосторонностью натуры нашего могучаго, но односторонняго, какъ сама его родина, представителя русской Украины Кольцова; свѣтлѣе, проще и искреннѣе натуры Гоголя, великаго поэта Малороссіи, поставившаго себя въ ложное положеніе быть поэтомъ совершенно чуждаго ему великорусскаго быта... Да! Шевченко—послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра¹⁾.“

Изъ числа остальныхъ славянскихъ литературъ Шевченко обнаружилъ большее или меньшее знакомство съ литературами чешской и сербской. Изъ чешской онъ изучалъ періодъ гуситизма и питалъ особенное сочувствіе къ Шафарiku, которому написалъ особое стихотворное посланіе и посыпалъ свою поэму „Іванъ—Гусъ“. А свое знакомство съ сербской литературой Шевченко заявилъ только своимъ „подражаніемъ сербскому“, которое написано было имъ 4-го мая 1860 года.

Будучи однимъ изъ первоклассныхъ поэтовъ славянскаго міра, Шевченко, конечно, долженъ былъ произвести своей поэзіей въ духѣ славянскаго возрожденія болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на всѣ славянскія племена и содѣйствовать дальнѣйшему развитію ихъ литературъ. О впечатлѣніи, произведенномъ поэзіей Шевченка на весь славянскій міръ, свидѣтельствуютъ многочисленные переводы его произведеній почти на всѣ важнѣйшия живыя славянскія нарѣчія, не говоря уже о переводахъ на нѣмецкій и другіе неславянскіе языки. Извѣстны переводы всего „Кобзаря“ или нѣкоторыхъ только произведеній Шевченка на языки болгарскій, сербскій, чешскій, польскій и русскій. Но наибольшую долю вниманія Шевченко долженъ былъ оказать и дѣйствительно оказалъ на свою родную украинскую литературу и насосѣднія литературы: русскую, польскую и галицко-русинскую. Въ русской литературѣ Шевченко былъ однимъ изъ передовыхъ борцовъ за человѣческія права порабощенного крѣпостничествомъ простаго народа и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ въ параллель съ русскимъ поэтомъ

1) „Время“, апрѣль, 1861 г., стр. 626—7. Си. „Русскую Старину“, за мартъ, 1880 г., стр. 594—5.

Н. А. Некрасовыиъ, такимъ же п'евцомъ народнаго горм. Въ юльской литературѣ поэзіа Шевченка содѣйствовала образованію партіи молодыхъ поликовъ- „хлопомановъ“, примкнувшихъ къ украинскому литературному и научному движению въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка. Что же касается украинской и родственной ей галицко-русинской литературѣ, то онѣ и до сихъ поръ продолжаютъ свое развитіе подъ сильнымъ влияниемъ поэзіи Т. Г. Шевченка.

VI.

Новѣйшая украинская литература.

Новое украинофильство, начавшееся въ Россіи съ прошлаго царствованія, имѣть близкія и тѣсныя связи съ прежнімъ украинофильствомъ, отличаюсь отъ него лишь болѣею практичесностью и примѣнимостью къ дѣйствительной жизни. Прежнее украинофильство поставило въ числѣ своихъ задачъ приготовленіе простаго южнорусскаго народа къ освобожденію отъ крѣпостничества путемъ его образованія. Теперь же, съ прошлаго царствованія, освобожденіе простаго русскаго народа отъ крѣпостной зависимости стало предметомъ заботъ самого правительства и встрѣчало лишь препятствія въ значительной части душевладѣльцевъ—помѣщиковъ. Поэтому первою насущною потребностію украинской литературы, вмѣстѣ съ русскою литературою, стало—доказывать и защищать человѣческое достоинство и человѣческія права простаго народа. На этомъ пункѣ интересы русской и украинской литературы слились между собою до того, что одни и тѣ же писатели (напр. Марко Бовчокъ) одновременно писали свои повѣсти въ народномъ духѣ и по-украински и по-русски. Когда же въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка освобожденіе простаго народа отъ крѣпостной зависимости стало дѣйствительнымъ фактомъ, тогда явилась особенная нужда въ ознакомлѣніи и сближеніи привилегированныхъ классовъ съ народомъ, для чего потребовалось съ одной стороны изучить бытъ народа въ многоразличныхъ его отношеніяхъ, съ другой стороны—возвысить его умственно и нравственно путемъ образованія. Эти двѣ задачи опять таки были предметомъ общихъ усилий просвѣщенныхъ людей и на югѣ и на сѣверѣ Россіи; но въ подробностяхъ эти задачи уже нѣсколько разнѣлись у южанъ и сѣверянъ.

Изучая простой украинскій народъ, малорусская интеллигенція, вслѣдъ за прежними украинофилами Н. И. Костомаровыми и П. А. Кулишомъ, усматривала въ этомъ народѣ особое славянское плечи, со своими отличительными особенностями и языкомъ, имѣющее право па свою особую, своеобразную жизнь. Указывались особенности этнографическая, историческая, лингвистическая. Въ области изслѣдованія малорусской этнографіи болѣе или менѣе известны, послѣ Кулиша, — Л. Жемчужниковъ, И. Ревякинъ, А. Лоначевскій, М. Драгомановъ, М. Симоновъ (Номисъ), А. Русовъ, И. Рудченко и др. и особенно П. П. Чубинскій; въ истории, кромѣ Н. И. Костомарова, В. Б. Антоновичъ; въ лингвистикѣ К. Шейковскій, А. А. Потебня, П. И. Житецкій и др. Въ силу племенныхъ особенностей и преимущественно лингвистическихъ, малорусская интеллигенція стала требовать для образованія украинскаго простонародья и языка народнаго, т. е. украинскаго. Русскій литературный языкъ и русская литература, по представлению новѣйшихъ украинофиловъ, суть искусственные, ненародные произведенія, непонятны простому народу, и потому не могутъ быть орудіемъ народнаго образованія. Отсюда вытекали слѣдующіе выводы: русскій литературный языкъ первоначально самъ долженъ сживиться народными элементами для того, чтобы быть орудіемъ народнаго образованія, и неизбѣжательно для обученія малороссовъ, которые имѣютъ свой языкъ, чисто народный. Органомъ этихъ идей былъ журналъ „Основа“, издававшійся въ 1861 и 1862 гг. Въ послѣдствіи времени, впрочемъ, нашли возможнымъ совмѣстить въ дѣлѣ народнаго образованія въ Малороссіи русскій литературный языкъ съ малорусскимъ и рекомендовали или начинать первоначальное обученіе съ малорусского языка и заканчивать литературнымъ русскимъ, или употреблять двухтекстные учебники на обоихъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, обученіе на народномъ малорусскомъ нарѣчіи или, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ участіемъ его составляло особенный предметъ заботливости южнорусскихъ интеллигентицъ людей въ началѣ прошлаго царствованія. Съ 1857 по 1862 годъ, т. е. въ теченіи шести лѣтъ, явилось не менѣе десяти букварей, граматокъ и учебныхъ пособій украинскихъ для народнаго обученія, и въ томъ числѣ Кулиша, Шевченка, Шейковскаго, Гатцука, Деркача, Грещанковскаго, Дарагана, Ященка, Мороза, А Конисскаго, и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ издано было значительное число популярныхъ малорусскихъ книжекъ для народнаго употребленія, и между ними проповѣди Гречулевича и Бабченка, и множество народныхъ повѣстей и разсказовъ, подъ общимъ названіемъ „метеликовъ“, перепечатывавшихся изъ „Хаты“ Кулиша (1860 г.), журнала „Основы“ и др. Въ послѣдствіи времени эта популярная малорусская литература стѣсниена была въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но все-таки временами проявляла себя изданіемъ популярныхъ брошюръ, ка-

савшихся ближайшихъ житейскихъ интересовъ простаго украинскаго народа. Между 1874—1876 и 1881—1883 годами изданъ былъ цѣлый рядъ переводныхъ и оригиналныхъ малорусскихъ брошюре, сообщающихъ популярныя съѣдѣнія о небѣ и землѣ, земныхъ силахъ, почвѣ, воздухѣ, земледѣліи, громѣ и молніи, звѣряхѣ, насѣкомыхъ, болѣзняхъ, мировыхъ судахъ, воинской повинности, дифтеритѣ, землѣ и люляхѣ въ Россіи и проч., каковы напримѣръ брошюры Горбунова (переводы), Иванова (въ переводахъ г. Комарова), Менчица, Троцкаго, Степовика, Хвидоронскаго, К. Гамаліи, В. Чайченка и др.

Стремленіемъ изучить простой народъ, сблизиться съ нимъ и просвѣтить его опредѣлилась и изящная украинская литература первыхъ лѣтъ прошлаго царствованія. Большая часть беллетристическихъ произведеній, помѣщавшихся въ журналѣ „Основа“ за 1861 и 1862 годы, имѣетъ характеръ эскизовъ съ натуры и пересказовъ „изъ народныхъ усть“, какъ часто и озаглавливались они. Въ такомъ духѣ прежде всего писала Марко Вовчокъ, лучшая писательница этого времени: первые эскизы свои она предназначала для „Записокъ о южной Руси“ Кулиша и слѣдовательно первоначально работала, какъ чистый этнографъ. За нею слѣдуетъ цѣлый рядъ украинскихъ писателей въ томъ же этнографическомъ и эскизномъ направлениіи, изъ коихъ болѣе другихъ известны: А. Я. Конисскій, Д. Мордовцевъ въ своихъ малорусскихъ повѣстяхъ, А—ра М. Кулишъ, писавшая подъ псевдонимами Ганны Барвинекъ и А. Нечуй-Вітеръ, и М. Т. Симоновъ подъ псевдонимомъ Номиса¹). Сюда же должно отнести и И. С. Левицкаго (Нечуя) съ его повѣстями и рассказами изъ простонароднаго украинскаго быта. Но съ него уже начинается нѣкоторый поворотъ въ простонародномъ направлениіи украинской литературы, которая теперь, послѣ фактическаго уничтоженія крѣпостнаго рабства, занимается изображеніемъ другихъ неблагопріятныхъ соціально-общественныхъ условій крестьянскаго и вообще простонароднаго быта. Представителями этой разновидности и новѣйшей простонародной украинской литературы являются П. Мирный, М. Л. Кронинецкій и отчасти Я. И. Щоголевъ въ позднѣйшей своей поэтической дѣятельности²).

¹) Произведенія ихъ перечислены въ „Покажчикѣ“ Комарова, 1883 г. Изъ этихъ писателей болѣе плодовитъ А. Я. Конисскій, писавшій въ русскихъ и преимущественно заграничныхъ изданіяхъ или только подъ инициалами О. Я. К—й, или подъ псевдонимами О. Вернивола или О. В., О. Журавель, О. Кошовий, Маруся К., О. Переображенія, О. Сирота и О. Яковенко; но очень трудно собрать всѣ сочиненія этого писателя.

²) Другие менѣе замѣчательные украинскіе писатели въ простонародномъ направлениі суть слѣдующіе: П. Кузьменко (Косменко), Данило (псевдонимъ), Забочень (псевдонимъ), Модестъ Дымскій, Митро Олельковичъ (Димит. Александровичъ).

Въ такомъ направлениі своемъ, попреимуществу простонародномъ украинскомъ, новѣйшая украинская литература, по отзывамъ знатоковъ, имѣть полное право на существованіе и дальнѣйшее развитіе, удовлетворяя немногосложнымъ потребностямъ духовной жизни простаго народа и знакомя съ нимъ интеллигентныя классы общества. Но вмѣсть съ тѣмъ, включенная въ узкія рамки простонародности, украинская литература не могла бы выдерживать сравненія съ другими славянскими литературами, получившими уже значительное развитіе. Поэтому понятнымъ становится стремленіе малорусскихъ патріотовъ обогатить свою родную, скучную литературу переводами образцовыхъ произведеній изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. То и другое мы и видимъ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Изъ переводчиковъ на малорусскую рѣчъ съ другихъ языковъ известны: С. Руданскій (Слово о полку Игоревѣ и Одиссѣ), В. А. Бендерзірскій (Слово о полку Игоревѣ; Кременчугъ, 1875 г.), Л. Гѣбовъ, Мазюкевичъ и Р. Витавскій со своими переводами басенъ Крылова и др., Мордовцевъ (переводы изъ Гоголя въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“, Саратовъ, 1859 г.), М. Лобода или Лободовскій („Тарасъ Бульба, зъ Гоголи“, Кіевъ, 1873 г.), О. Пчілка („Переклады зъ Гоголи“, Кіевъ, 1881 г., также изъ Лермонтова, Козлова и Сырокомли), Вл. Александровъ („Малоруські співанки“, переводы изъ Лермонтова и Козлова, Харьковъ, 1880 г.), А. А. Навроцкій (переводы изъ Мицкевича, Хомякова и Гейне), Л. Ященко („Пташина пісня“, изъ Андерсена, въ „Основѣ“ за 1862 г.), И. С. Левицкій („Повість про те, якъ музикъ харчувавъ двохъ генералівъ“, изъ Щедрина, въ „Русской Читайкѣ“ Шартицкаго, Львовъ, 1871 г.), М. Гетьманецъ (изъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др.), М. П. Старицкій (онъ же и Стариченко), известный своими переводами изъ Крылова, Лермонтова, Гоголя, сербскихъ народныхъ пѣсенъ, Мицкевича, Сырокомли, Шекспира, Байрона, Гейне и сказокъ Андерсена; П. Нищинскій („Антигона“. Драматична дія Софокла,—Одесса, 1883 г.) Кромѣ того, въ послѣднее время г. Кулишъ издастъ сочиненія Шекспира въ малорусскомъ переводѣ. Разумѣется, лучше удались переводы тѣхъ произведеній, которыхъ ближе и понятнѣе народному сердцу и умственному развитію и потому безъ

ксандровичъ), М. Н. Александровичъ, Степанъ Нось, Ка—па, Ф. Вильшанскій, В. Г—г—ській, Вс. Каховскій, В. Тищенко, Мих. Чайка, Кузьма Шаповалъ (К. Шохинъ), Павло Шуликъ изъ крестьянъ, Л. Ященко, Влад. Александровъ, Ирохоръ Данилевскій, Алексѣй Грабина, Н. Короленко, Ф. Левицкій, М. Лобода, Григ. Лядовъ, Маркъ Онукъ, Готфридъ Оссовскій, Очеретаний, Стеценко (Нордга Черноморецъ), Цись, Бабенко, Карий Гнать, Лопухъ, В. П. Жуковскій („Юмористические разсказы и сцены изъ малорусского быта“), и др.

наташки могли быть выражены наличнымъ запасомъ малорусского словаря. Въ этомъ отношеніи лучшими считаются переводы Глѣбова—басенъ Крылова, и Старицкаго—сербскихъ народныхъ пѣсень.

Другіе малорусскіе писатели, прозаики и стихотворцы, пытались обогатить украинскую литературу болѣе или менѣе самостоятельными украинскими произведеніями, но они большею частію не выходили изъ круга подражанія своимъ и чужимъ образцамъ. Особенно много было подражателей Шевченка или продолжателей его дѣла, изъ коихъ, впрочемъ, никто почти не выдвинулся изъ ряда посредственостей. Къ числу малорусскихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, подражавшихъ Шевченку или воспроизведившихъ украинскія народныя пѣсни и преданія, относятся: Білокопитій (исевдонимъ), Бойчукъ, Вешнякъ, Ф. Галузенко, И. Горза, С. В. Куликъ, Павлусь (П. П. Чубинскій), Тирса, Таволга-Мокрицкій, помѣщавшиe свои стихотворенія въ „Основѣ“; также Гріненко, Грінченко, Н. Константиновичъ, Кохнівченко (Клейфъ), Е. Ластивка, графъ Биберштейнъ (Ф. Левицкій), К. Маляревскій, Н. Мельникъ, Ив. Подушка изъ крестьянъ, М. Семенюкъ, Старушенко, Н. Шибитко, М. Юркевичъ, Кононенко и др. Но изъ нихъ заслуживаютъ вниманія развѣ только г. Куликъ, бывшій въ Полтавѣ учителемъ († около 1874 года), и Павлусь (Чубинскій). Изъ другихъ новѣйшихъ украинскихъ писателей, подражавшихъ лучшимъ образцамъ другихъ литературъ, заслуживаютъ особенного вниманія С. Руданскій, слѣдовавшій иногда русскимъ писателямъ Кольцову и Некрасову, и И. С. Левицкій (Нечуй), въ большихъ своихъ поэматахъ слѣдовавшій за Тургеневымъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей украинской литературѣ можно замѣтить два существенные элемента, или два направленія: одно изъ нихъ идетъ вглубь народнаго міровоззрѣнія и сознанія и ищетъ въ немъ питательныхъ корней для себя; другое идетъ вширь, старается раздвинуть тѣсную сферу народнаго міросозерцанія и обогатить его заимствованіями изъ другихъ литературъ и подражаніями имъ. Но оба эти направленія не регулируются одно другимъ, расходятся въ противоположныя стороны и доходятъ до крайностей: первое не имѣетъ широты дѣйствія, а второе—надлежащей жизненности. Въ этомъ включаются существенные недостатки современной малорусской литературы, не смотря на выдающіяся достоинства нѣкоторыхъ отдельныхъ писателей.

Бѣ болѣе замѣчательнымъ писателямъ новѣйшей украинской литературы мы относимъ Марка-Вовчука, И. С. Левицкаго, П. Мирнаго, М. Л. Кропивницкаго, Я. И. Щогодева, Л. И. Глѣбова, С. Руданскаго и М. П. Старицкаго.

1.

М а р к о - В о в ч о к ъ .

Марко-Вовчокъ¹⁾ есть псевдонимъ, подъ которымъ скрывается М. А. Маркевичъ, урожденная Вилинская, получившая воспитаніе въ одномъ изъ сѣверно-русскихъ институтовъ. Въ юности своей она жила нѣсколько времени въ Орлѣ, кажется, въ семье родственниковъ своихъ Мордовцевыхъ, изъ которыхъ одинъ служилъ секретаремъ орловской гражданской палаты. Въ это самое время, когда она жила дѣвицею въ Орлѣ у своихъ родственниковъ, сюда же, въ Орелъ, былъ присланъ подъ надзоръ губернатора, князя П. И. Трубецкаго, студентъ киевскаго университета Аѳанасій Васильевичъ Маркевичъ, известный малороссійскій патріотъ и народолюбецъ. Находясь подъ надзоромъ, Маркевичъ служилъ помощникомъ правителя канцелярии орловскаго губернатора при правителѣ Порохонцевѣ. Маркевичъ былъ коротко принятъ въ домъ Мордовцевыхъ, гдѣ у всѣхъ тогда жили сильныя малороссійскія симпатіи, доставлявшія въ свое время поводъ беспокойиться мѣстному жандармскому полковнику изъ поляковъ г. Н—му. Аѳанасій Васильевичъ попалъ въ Орелъ въ ссылку по такъ называемой „Костомаровской исторіи“ и былъ очень интереснымъ лицомъ, особенно для любителей малороссійского быта и малороссійской рѣчи. Кроме своего интереснаго политического положенія, Аѳанасій Васильевичъ сосредоточивъ въ себѣ много превосходныхъ душевныхъ качествъ, которыя влекли къ нему сердца чуткихъ къ добру людей, пріобрѣтали ему любовь и уваженіе всѣхъ, кто узнавалъ его благороднѣйшую душу. Литературное образованіе его было очень обширно, и онъ обладалъ умѣньемъ заинтересовывать людей литературою. Въ этомъ отношеніи онъ принесъ въ Орль пользу многимъ. Этотъ-то замѣчательный молодой человѣкъ встрѣтился Марью Александровну Вилинскую, которая, кроме своей несомнѣнной даровитости, обладала также и прекрасной наружностью. Аѳанасій Васильевичъ полюбилъ молодую красавицу, и они сочетались бракомъ: дѣвица Вилинская стала г-жею Маркевичъ, изъ чего потомъ сдѣланъ псевдонимъ Марко-Вовчокъ. Вскоѣ имени этой молодой дамы суждено было „рости“, а имени Аѳанасія Васильевича „малитися“; но въ суммѣ вліяній, благопріятныхъ раскрытию душевныхъ силъ и таланта

1) Нѣкоторыя біографическія черты ея см. въ „Новостахъ и Биржевой Газетѣ“, 1883 г., № 187.

Марка-Вовчка, Афанасій Маркевичъ, по мнѣнію многихъ, имѣлъ немалое значеніе. Со смертю его, умерла для украинской литературы и Марко-Вовчокъ, продолжая трудиться на поприщѣ общерусской литературы.

Первые литературные опыты Марка-Вовчка относятся приблизительно къ 1857 году и предназначались для извѣстныхъ „Записокъ о южной Руси“ Кулиша. „Въ числѣ материаловъ, доставленныхъ мнѣ изъ разныхъ концовъ Малороссія для дальнѣйшихъ томовъ „Записокъ о южной Руси“, — говорить г. Кулишъ, — нѣкто, назвавшій себя Маркомъ-Вовчкомъ, прислалъ одну тетрадку. Взглянувъ на нее мелькомъ, я принялъ написанное въ ней за стенографію съ народныхъ разсказовъ, по моимъ образцамъ, и отложилъ въ мѣсту до другаго времени. Тетрадка лежитъ у меня недѣлю и другую. Наконецъ, я удосужился и принялъ читать. Читаю и глазамъ своимъ не вѣрю: у меня въ рукахъ чистое, непорочное, полное свѣжести художественное произведение! Было прислано сперва только два небольшихъ разсказа. Я пишу къ автору, я освѣдомляюсь, что это за повѣсти, какъ они написаны. Мнѣ отвѣчаютъ, что, живя долго съ народомъ и любя народъ больше всякаго другаго общества, авторъ насмотрѣлся на все, что бываетъ въ нашихъ селахъ, наслушался народныхъ разсказовъ, и плодомъ его воспоминаний явились эти небольшія повѣсти. Авторъ трудился какъ этнографъ, но въ этнографіи оказался поэтомъ“. Г. Кулишъ издалъ эти разсказы въ 1857 году, подъ заглавиемъ: „Народні оповідання“ Марка-Вовчка ¹⁾.

И. С. Тургеневъ перевелъ эти „Оповідання“ на русскій языкъ, справедливо полагая, что это лучшая рекомендациѣ для начинающаго литератора, и этотъ переводъ изданъ былъ въ 1859 году Кожанчиковымъ, подъ заглавиемъ: „Украинские народные разсказы“ Марка-Вовчка. Въ томъ же году изданы были въ Москвѣ „Разсказы изъ народнаго русского быта“ Марка Вовчка. Такимъ образомъ съ первыхъ почти годовъ своей литературной дѣятельности Марко-Вовчокъ писала и малоруссіе и русскіе разсказы и имѣла успѣхъ въ обѣихъ литературахъ. Ее разсказы постоянно печатались въ нашихъ лучшихъ журналахъ и затѣмъ нѣсколько разъ издавались отдѣльными небольшими книжками, которыи въ настоящее время почти всѣ разошлись и сдѣлались библиографическою рѣдкостю. Т. Г. Шевченко назвалъ Марка-Вовчка своей преемницей на литературномъ поприщѣ и своей нареченной дочерью и

¹⁾ Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги „Народні оповідання“ Марка Вовчка, г. Кулиша, въ „Русскомъ Вѣстнике“, 1857 г., т. XII.

до самой смерти своей поддерживалъ дружескія, теплые отношенія къ этой писательницѣ, которая, съ своей стороны, отвѣчала ему взаимностью ¹⁾). Украинскіе патріоты смущались авторствомъ Марка-Вовчка на обоихъ языкахъ, малорусскомъ и русскомъ, и однажды предложили Шевченку такой вопросъ, не слѣдуетъ ли высокоуважаемому иль писателю, т. е. Марку-Вовчу, ограничиться сочиненіями на одноимъ украинскомъ языкѣ. На это Шевченко отвѣчалъ: „ла пусть пишеть хоть по-самойдски, лишь бы въ его писаніяхъ была правда“ ²⁾). Въ послѣдствіи времени Марко-Вовчокъ совершенно оставилъ украинскую рѣчь, продолжая авторство на русскомъ литературномъ языкѣ, и, наконецъ, почти исключительно обратилась къ переводамъ на русскій языкъ педагогическихъ произведеній съ иностраннѣхъ языковъ.

Не смотря на важное воспитательное и цивилизующее значеніе переводныхъ трудовъ Марка-Вовчка по педагогикѣ, эти труды не относятся къ области русской литературы, и потому мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сообразно съ своей задачей—слѣдить развитіе украинской литературы и украинскій элементъ въ русскихъ писателяхъ, мы остановимся преимущественно на разсказахъ и повѣстяхъ Марка-Вовчка изъ народнаго украинскаго быта, не отказываясь, для полноты характеристики нашей писательницы, порой заглядывать и въ ея великорусскіе народные разсказы.

Къ малорусскимъ разсказамъ и повѣстямъ Марка-Вовчка относятся слѣдующіе: „Сестра“, „Козачка“, „Чумакъ“, „Одарка“, „Чари“, „Сонъ“, „Горпина“ (иначе—Панская воля), „Выкупъ“, „Свекровь“, Оксана (иначе—Зпай лаше), „Три долі“, „Не до пари“, „Два сина“, „Ледащиця“, „Відъ себе не втечешъ“ (иначе—Павло Чорнокрыль), „Інститутка“, Максимъ Гримачъ, „Данило Гручъ“, „Глухой городокъ“, „Тюлевая баба“, „Лемеривна“, „Пройди світъ“, „Кармелюкъ“, „Невільничка“, „Девять братівъ и десята сестрица Гала“, „Ведмідь“ ³⁾).

Марко-Вовчокъ начала писать свои народные разсказы тогда, когда только-что поднять былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и правахъ простаго, сѣраго народа на самостоятельную, человѣческую жизнь, и одна изъ первыхъ подняла голосъ противъ злоупотребленій помѣщичьей власти и въ защиту человѣческихъ правъ простаго народа. Въ этомъ заступничествѣ за народа

¹⁾ Письма ея къ Шевченку одно въ „Основѣ“ за іюнь 1861 г., другое—въ книгѣ г. Чалаго „Жизнь и произведения Т. Шевченка“, 1882 г., стр. 178.

²⁾ Значеніе Шевченка для Украины, въ „Основѣ“, за іюнь 1861 года, стр. 6.

³⁾ Подробный библиографический указатель малорусскихъ сочиненій Марка-Вовчка см. въ „Показчикѣ“ Комарова, 1883 г.

заключалась величайшая заслуга Марка-Вовчка, какъ писательницы, доставившая ей въ свое время громадную популярность, независимо отъ внутреннихъ достоинствъ ея произведеній. Рассказы и повѣсти Марка-Вовчка обратили на себя вниманіе лучшихъ малорусскихъ и русскихъ писателей и критиковъ, какъ-то: Кулиша, Костомарова, Добролюбова, Скабичевскаго и др., которые посвятили малорусскимъ произведеніямъ Марка-Вовчка болѣе или менѣе подробныя и обстоятельныя рецензіи и критическая статья ¹⁾.

Въ итогѣ всѣхъ этихъ рецензій и критикъ оказывается, что Марко-Вовчокъ своими этюдами изъ народной жизни, хотя и животрепещущими, но незаконченными, подавала большія надежды на лучшее и совершенѣйшее творчество, какія высказывались почти всѣми первыми критиками ея, но не оправдала этихъ надеждъ и остановилась на однихъ лишь этюдахъ. Но затѣмъ, мнѣнія о внутреннемъ достоинствѣ этихъ этюдовъ, независимо отъ содержанія и тенденціи ихъ, разошлись у критиковъ разныхъ поколѣній въ противоположныя стороны. Тогда какъ первые по времени критики признавали народные рассказы Марка-Вовчка, если не вполнѣ окружлennыми и законченными, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными дѣйствительности и выражающими народный духъ,—позднѣйшій изъ критиковъ г. Скабичевскаго отнимаетъ у нихъ и это достоинство и находитъ, что народные рассказы Марка-Вовчка мало имѣютъ подъ собою реальной народной почвы, задаются общечеловѣческими интересами и идеалами и иногда называются народу то, что въ дѣйствительности не принадлежитъ ему. Для насъ кажется очевиднымъ, что столь противоположныя мнѣнія критиковъ о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка вызывались и опредѣлялись не столько внутренними достоинствами произведеній Марка-Вовчка, сколько впечатлѣніями, полученными отъ этихъ произведеній подъ влияніемъ стороннихъ обстоятельствъ, именно литературной борьбы противъ отживавшаго крѣпостного права и прекращенія этой борьбы съ уничтоженіемъ крѣпостничества. Первоначально народные рассказы Марка-Вовчка нравились преимущественно за ихъ горячее заступничество за человѣческія права простаго народа. Но когда эти права уже были призваны за народомъ, то тѣ же самыя рассказы и повѣсти Марка-Вовчка стали казаться для некоторыхъ сентиментальными, романтическими, довольно

2) См. эти рецензіи и критики: г. Кулиша—въ „Русскомъ Вѣстнике“, 1857 г., т. XII, ч. 1; въ альманахѣ „Хата“, 1860 г., и въ „Основѣ“ за апрель 1861 г. (отъ редакціи); Н. И. Костомарова—въ „Современнике“, 1859 г., № 5; Добролюбова—тамъ же, 1860 г., т. LXXXIII, и Скабичевскаго—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за іюль 1868 г.

однообразными и скучными. Поэтому, для того, чтобы объективнее судить о народныхъ рассказахъ Марка-Вовчка, нужно прослѣдить саинъ актъ творчества писательницы и отношение ея къ народнымъ материаламъ, которыми она пользовалась. Къ счастію, у неа есть нѣсколько такихъ народныхъ разказовъ и повѣстей, въ которыхъ просвѣтываетъ строительный материалъ ихъ. Они могутъ дать ключъ къ оцѣнкѣ и остальныхъ произведений Марка-Вовчка.

Къ повѣстямъ и рассказамъ Марка-Вовчка, въ которыхъ болѣе другихъ замѣтенъ этнографический материалъ, относятся: „Чари“, „Демеривна“, „Данило Гручъ“, „Невольница“ и особенно „Иванъ Кармелюкъ“ и „О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ“. Изъ нихъ послѣднія двѣ имѣютъ наибольшее отношение къ памятникамъ украинской народной словесности и представляютъ изъ себя только болѣе или менѣе художественное воспроизведеніе народныхъ сказаний.

Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ одинаково известна и въ сѣверо-русской, и въ украинской народной литературѣ. Нѣсколько вариантовъ ея издано въ сборнике Рыбникова. Въ свое время она обратила на себя вниманіе А. С. Пушкина и была записана имъ, вѣроятно, съ цѣллю подвергнуть ее художественной обработкѣ¹⁾. Этую же сказку, въ малорусской ея редакціи²⁾, выбрала Марко-Вовчокъ сюжетомъ своей малорусской повѣсти съ тѣмъ же заглавіемъ, распространивъ ее и подвергнувъ лишь незначительной передѣлкѣ въ частностихъ. Марко-Вовчокъ разсказываетъ объ одной бѣдной вдовѣ, жившей близъ Кіева на Подолѣ, которая имѣла девять сыновей и одну дочь. Подростая, сыновья отирались на заработка, но вездѣ терпѣли неудачи, и наконецъ присягнули дремучему лѣсу, т. е. сдѣлались разбойниками. Долго старушка-мать ожидала возвращенія дѣтей, прислушивалась къ каждому шороху. Наконецъ, она умерла, не дождавшись сыновей, и дочь Галия осталась одна. Къ окну ея подошелъ однажды незнакомый козакъ. Онъ влюбился въ Галию, женился на ней и попалъ нечаянно къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ скрывались Галины братья разбойники. Они напали на молодыхъ, козака убили, а въ женѣ его узнали свою сестру Галию, которая съ отчаяніемъ сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ. Одинъ критикъ хвалилъ первую половину этой повѣсти Марка-Вовчка и говорить о ней слѣдующее: „если бы писательница покончила этимъ (смертью матери) свой разсказъ, или

¹⁾ См. объ этомъ „Порядокъ“, 1881 г., № 11, и „Кіевлянинъ“, 1881 г., № 45: „По поводу черновыхъ набросковъ Пушкина“.

²⁾ Малорусский вариантъ см., между прочимъ, въ сборнике А. Гулака-Артемовскаго „Українські пісні зъ голосами“, Кіевъ, 1868 г.

придумала для него другой болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній вашей литературы. Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница пришила на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному разсказу самый нелѣпый и мелодраматический конецъ. Далѣе идеть цѣлый рядъ случайностей, ни на чёмъ не основаныхъ¹⁾). Очевидно, г. критикъ и не подозрѣвалъ народной основы этой повѣсти Марка-Вовчка и ставилъ автору въ вину то, что собственно принадлежало народному пересказу и составляло известную заслугу автора, старавшагося быть вѣрнымъ народному сказанию. Марко-Вовчокъ только округлила народный разсказъ и ввела въ него психологические мотивы.

Другая повѣсть Марка—Вовчка, подъ заглавиемъ „Невільничка“, несомнѣнно основана на историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ татарской эпохи. По разсказу Марка-Вовчка, давно когда-то родился въ Овручѣ хлопчикъ Остапъ, который, чуть только началъ приходить къ сознанію, какъ увидѣлъ и понялъ, что плохо жить людямъ въ Овручѣ вслѣдствіе набѣговъ турецкихъ и татарскихъ. Однажды онъ самъ видѣлъ своими глазами, какъ вооруженный турокъ мчалъ на легкомъ конѣ свою плѣнницу-дѣвицу, которая простирала къ Остапу руки съ просьбою о помощи. Эта сцена глубоко врѣзилась въ воспріимчивую душу Остапа, который отсель не покидалъ мысли объ освобожденіи своей родины отъ турецкаго и татарскаго ига. Выросши и возмужавъ, онъ собралъ большое войско противъ татаръ и турковъ, но въ сраженіи съ ними былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ темницу. Отсюда онъ выбрался, разломавъ кирпичи въ стѣнѣ, и, при помощи видѣнной имъ въ дѣствѣ русской полонианочки, возвратился на родину; здѣсь онъ собралъ новое войско, напалъ на турокъ и освободилъ плѣнницу. Подобной пѣсни, въ которой бы передавались всѣ подробности изложенной повѣсти Марка-Вовчка, мы не встрѣчали; но частные мотивы повѣсти попадаются въ разныхъ историческихъ народныхъ пѣсняхъ изъ эпохи татарской, одинаково встрѣчающихся и на сѣверѣ, и на югѣ Россіи. Изъ малорусскихъ историческихъ пѣсенъ болѣе подходитъ къ содержанію повѣсти пѣснь о Марусѣ Богуславкѣ, хотя Марко-Вовчокъ, по всей вѣроятности, имѣла въ виду какую либо другую малорусскую историческую пѣсню, для насъ неизвѣстную.

Определеніе источники другой повѣсти Марка-Вовчка, подъ заглавиемъ „Іванъ Кармелюкъ“. Этотъ лыцарь-разбойникъ, по разсказу Марка-Вовчка, былъ сынъ вдовы и съ малолѣтства еще отличался кра-

1) „Современникъ“, 1864 г., т. 100: „Русская литература. Сказки Марка-Вовчка. С.-Петербургъ. 1864“.

сотою, разумомъ и удальствомъ. Онъ рано сталъ задумываться паче неравенствомъ людскаго счастія, надъ горькою участью бѣдняковъ, льнуль къ нимъ всю душою своею и самъ женился на бѣдной и забытой, но разумной дѣвушкѣ и нашелъ съ нею супружеское счастіе. Но его еще болѣе стало мучить людское горе и убожество, и Кармелюкъ рѣшился помочь ему. Для этого онъ оставилъ свою семью, мать, жену и дочь, набралъ себѣ вѣрную дружину и стала нападать на богачей, оставляя имъ жизнь и раздавая деньги убогимъ и бѣднымъ. Служь о красивомъ и милостивомъ къ бѣдникамъ разбойнику разнесся далеко и поднялъ на ноги мѣстное начальство, которое всѣми мѣрами старалось поймать его и устроило на него облаву. Однажды Кармелюкъ накрыть былъ сыщиками у своей жены въ саду, пойманъ и посаженъ въ тюрьму. Его присудили сослать въ Сибирь; но Кармелюкъ дважды убѣгалъ оттуда и въ послѣдній разъ, взявъ съ собою жену и дочь, безслѣдно исчезъ куда-то. Личность Кармелюка — историческая. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ нынѣшнихъ подольской и волынскій губерніяхъ уже во времена владычества Россіи. Здѣсь сохранились о немъ устныя преданія, и распѣвается малорусская пѣсня, приписываемая самому Кармелюку. Въ одной редакціи она приведена въ разныхъ мѣстахъ повѣсти Марка-Вовчка; въ другомъ спискѣ напечатана она въ сборникѣ Н. Гатцука „Ужінокъ рідного поля“, 1857 года. Т. Г. Шевченко невысоко цѣнилъ эту пѣсню о Кармелюкѣ и въ своемъ „Дневнике“ отзывался о ней такъ: „Сочиненіе этой весьма немудрой пѣсни приписываютъ самому Кармелюку. Клевещутъ на славнаго лыцаря. Это рукодѣлье какого нибудь мизернаго Падурры“ ¹⁾. Марко-Вовчокъ, взявши эту пѣсню въ основаніе своего рассказа, прибавила къ ней отъ себя романіческій элементъ о женитьбѣ Кармелюка и домашней его жизни, вслѣдствіе чего повѣсть можетъ быть раздѣлена на двѣ части: „Кармелюкъ дома“ и „Кармелюкъ на разбой“. Но эти части не связаны между собою органически и, по замѣчанію критики, рисуютъ своего героя нѣсколько противоположными чертами.

Рассказъ „Лемеривна“ тоже весь основанъ на народныхъ историческихъ пѣсняхъ. По рассказу Марка-Вовчка, молодой козакъ Шкандыбенко полюбила дѣвицу Лемеривну и, не смотря на троекратный отказъ ея, послалъ къ ней сватовъ. Мать приневолила Лемеривну выйти замужъ за Шкандыбенка; но послѣ вѣнца Лемеривна попыталась уѣхать отъ своего мужа и, когда онъ догналъ ее, зарѣзалаась. Мать Лемерив-

¹⁾ Падурра — плохой польско-украинскій стихотворецъ. Извѣстны въ печати три сборника его стихотвореній и между прочимъ Pienia 1842 года и Ukrainky 1844 г.

ны, узнавъ объ этомъ, упала мертвою, а Шкандыбенко куда-то уѣхалъ и уже болѣе не возвращался въ свое село. Эта новѣсть есть не что иное, какъ пересказъ чрезвычайно распространенной и богатой вариан-тами пѣсни о Лемеринѣ, пѣсни, начинающейся съ того, что мать Лемерика прощиваетъ свою дочку Шкандыбенку, или Синьковичу, и т. п., а оканчивающейся тѣмъ, что Лемеринна убываетъ себя, говоря:

Кипи, кипи, мое сердце на ножі,
Ніж маеш ты спочивати з нелюбомъ на ложі ¹⁾.

Подобнаго содержанія повѣсть Марка-Вовчка, подъ названіемъ „Данило Гручъ“. Въ селѣ Глыбовѣ жилъ Охримъ Полищукъ съ женой Ивгой, гордою и спѣсивою, любившій подавать милостыню вицемъ и изъ-за того обѣднѣвшій. Ивга замужрилась. У нихъ была дочь Наталья, которую полюбилъ Михайло Бруд; но, получивъ отъ матери отказъ, онъ отправился чумаковать. Въ его отсутствіе присваталася къ Натальѣ боя-гачъ Данило Гручъ, человѣкъ суровый и жесткій, убившій когда то свою родную сестру и ея коханка-лика. Ивга, разсчитывая на его бо-гатство, отдастъ за него свою дочь. Разумѣется, житѣе Натальи было некрасивое. Однажды жестокій и ревнивый ея мужъ собрался будто бы въ городъ. Пользуясь его отсутствіемъ, Наталья побѣжала въ лѣсъ, чтобы навѣдать свою мать. Слѣдившій за нею Гручъ преслѣдовала ее. Наталья бросилась въ Даѣпры, а за нею и Гручъ, поймалъ за шелко-вую косу и замахнулся на нее саблею, но и самъ потонулъ въ Днѣп-рѣ; ихъ нашли обоихъ вмѣстѣ. Повидимому, втотъ же самый историко-бытовой сюжетъ разработанъ и въ повѣсти Модеста Дымскаго „Нагаль-озеро“ (въ „Основѣ“ за августъ 1862 г.); но обѣ эти повѣсти должны корениться въ народныхъ малорусскихъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Подоб-ный мотивъ утопленія мы видимъ въ одной пѣснѣ, относимой издатели-ми „Историческихъ пѣсенъ малорусского народа“ къ турецко-татарской эпохѣ: по этой пѣснѣ, дѣвушка топится для того, чтобы изѣржать бра-ка съ „нелюбомъ“, который, по догадкѣ издателей, долженъ быть ту-рецкій панъ, упоминаемый въ началѣ пѣсни ²⁾.

Укажемъ еще повѣсть Марка-Вовчка съ этнографическою подклад-кою; это именно ея повѣсть „Чари“, разсказанная со словъ старой ба-буши. Дивчина Хима, отвергнутая своимъ коханкомъ Тимошемъ, силою ча-родѣйства превращаетъ его невѣstu Олену и ея дружекъ въ ласто-чекъ, выходитъ за Тимоша замужъ и наконецъ сама погибаетъ отъ его рукъ въ то время, когда превратилась въ чернаго ворона, чтобы пре-

¹⁾ „Историч. пѣсни малорусского народа, съ объясненіями Вл. Антоно-вича и М. Драгоманова“. Т. 1, Кіевъ, 1874 г., стр. 311.

²⁾ Тамъ же, № 68, стр. 313,

следовать кружившуюся над ними въ видѣ ласточки Олену. Въ основѣ этой повѣсти лежитъ первобытное воззрѣніе нашихъ предковъ на вѣнчаную природу и живиа, тѣсныя связи ихъ съ ней, наивное вѣрованіе въ возможность человѣка превращаться волшебною таинственnoю силою въ другія живиа существа. Обломки этихъ воззрѣній и вѣрованій сохранились въ народныхъ преданіяхъ. Въ устной народной южнорусской литературѣ встрѣчается следующій, напримѣръ, разсказъ о происхожденіи ласточки: „Это, говорить, были мужъ да жена“; мужъ что-то рѣзалъ да и запачкалъ руки въ крови, а она къ нему и пришла да такъ около него и вьется. Вотъ, онъ взялъ ее за подбородокъ: ласточка, говорить, моя! да и поцѣловалъ, да вдвоемъ и полетѣли ласточки; вотъ потому-то у нее и видать подъ горломъ красненькое¹⁾“

Всѣ перечисленныи повѣсти Марка-Вовчка очень близко держатся историко-этнографического материала и лѣтѣствительно могутъ быть названы, въ нѣкоторомъ родѣ, только этнографическими этюдами, за которыми мало остается места творческой самодѣятельности автора. Писательница сама знакомилась и знакомить настъ съ народомъ не непосредственно, а показываетъ его намъ сквозь призму историческихъ пѣсенъ и вѣковыхъ народныхъ преданій, которыи можно воспринять и усвоить и чисто книжнымъ путемъ. Этими объясняются достоинства и недостатки повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка съ этнографическою подкладкою: съ одной стороны—эпический складъ и характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ нашей писательницы, съ другой—поэтическое, идеальное представление народной жизни въ радужныхъ краскахъ. На долю писательницы осталась только выборъ мелодраматическихъ сюжетовъ, имѣющихъ отношение къ народному горю и страданію, окружленіе народного пересказа и мотивированіе его подробностей психическимъ анализомъ лѣтѣствующихъ лицъ.

Другую серию украинскихъ народныхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка составляютъ повѣсти и разсказы бытоваго содержанія и характера, преимущественно касающіеся переходной эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны рисуется въ нихъ горькое положеніе униженныхъ и оскорблennыхъ крѣпостничествомъ меньшихъ братий нашихъ, съ другой—выставляются напоказъ и бичуются дурныя склонности и привычки рабовладѣльческаго и вообще привилегированнаго сословія. Въ герояхъ первой категоріи писательница усматриваетъ свѣтлый человѣческій обликъ, не смотря иногда

1) „Малорусскія народныи преданія и разсказы“ М. Драгоманова, 1 ієвъ, 1876 года, № 20, стр. 7. См. „Южнорусскія сказки“ И. Гудченка, т. II, Кіевъ, 1870 г., стр. 124—125.

на невольное падение ихъ, тогда какъ, наоборотъ, въ представителяхъ рабовладѣльческаго сословія образъ и подобіе Божіе, по ся представленію, часто заслоняются скотскими и звѣрскими наклонностями и привычками. Такимъ образомъ, само собою создаются у Марка Вовчка два типа, положительный и отрицательный, которые проходятъ рядомъ во многихъ повѣстяхъ и разсказахъ этой писательницы, но иногда почти исключительно завладѣваютъ повѣстью или разсказомъ. Но тогда какъ сфера отрицательныхъ типовъ, какъ болѣе и ближе знакомая писательницѣ по ея происхожденію и общественному положенію, вѣрно и рельефно изображается ею, другая, чуждая ей сфера крестьянъ и казаковъ, усвоена ею только посредствомъ наблюденія и изученія, основанного притомъ на недостаточномъ числѣ фактовъ, которые восполняются у нея извѣстной гуманной тенденціей и теплотою собственного чувства, разливающаго вокругъ героя и героини какую-то елейность и сообщающаго разсказу сентиментально-элегический тонъ. Замѣтимъ кстати, что въ лучшую пору своей литературной дѣятельности Марко-Вовчекъ поперемѣнно жила въ Германіи и Италии, какъ показываютъ ея письма къ Т. Г. Шевченку, слѣдов. описывала Малороссію изъ прекраснаго далека.

Къ бытовымъ повѣстямъ и разсказамъ Марка-Вовчка изъ южнорусской жизни относятся: „Два сина“, „Не до пари“, „Ледащица“, „Три доли“, „Відъ себѣ не втечешъ“ (иначе — „Павло Чорнокрылъ“), „Институтка“, „Сестра“, „Козачка“, „Чумакъ“, „Одарка“, „Сонъ“, „Горнина“ (иначе „Панська воля“), „Выкупъ“, „Гримачъ“, „Глухой городокъ“, „Тюлевая баба“, „Пройди — світь“ и „Ведмідь“.

Болѣе вѣрными въ бытовомъ отношеніи нужно считать у Марка-Вовчка картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т. е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Къ такимъ повѣстямъ и разсказамъ относятся: „Тюлевая баба“, „Глухой городокъ“ и „Институтка“. Бабами въ Малороссіи и Польшѣ называется родъ пасокъ, приготавляемыхъ къ свѣтлому празднику съ большими усердіемъ и хлопотами. Верхомъ кулирного искусства служить въ этомъ отношеніи такъ называемая „тюлевая баба“, своей ноздреватостью и нѣжностью напоминающая тиль. Въ уѣздныхъ городахъ и захолустьяхъ печенье бабъ и досель служить предметомъ соревнованія хозяекъ и значительно различнообразить и оживить ихъ мертвую, монотонную жизнь. Предметъ этотъ недавно снова загрохотать молодою кievskою писательницей Марусяю Доброго¹⁾. Марко-Вовчекъ разсказываетъ въ своей повѣсти объ одной

1) Въ газетѣ „Киевлянинъ“ за 1882 годъ. Въ этой газетѣ помѣщены и другие повѣсти и разсказы этой писательницы, скрывающейся подъ псевдонимомъ Доброго.

барынѣ Аниѣ Федоровнѣ Журбовской, которая слыла на весь околодокъ хоянкою и лучшою мастерицею печь тюлевыя бабы. На бѣду ей, племянникъ ея Алексѣй Петровичъ женился на Графирѣ Ивановнѣ Турченковой, которая умѣла приготовить тюленую бабу лучше самой Анны Федоровны. Узнавъ обѣ этомъ, Журбовская предприняла всѣ мѣры, чтобы одолѣть и превзойти опасную соперницу въ печеніи бабъ, но ея усилия остались напрасными: тюлевая баба Глафиры Ивановны удалась гораздо лучше. Анна Федоровна не выдержала этого удара, подняла, при помощи уѣздныхъ властей, гоненіе на жидовъ, заподозрѣнныхъ ею въ продажѣ Глафиры Ивановнѣ лучшей муки, и сдѣлалась заклятымъ врагомъ своей невѣстки. Съ каждымъ годомъ война между ними возрастаетъ и кончается только смертю одной изъ воюющихъ дамъ. Другая повѣсть „Глухой городокъ“ изображаетъ обыденную жизнь уѣздного города съ его городничимъ Ерастомъ Антоновичемъ Малиновымъ и женой его Павлой Андреевной; но эта обыденная жизнь нарушенa была выходящимъ изъ риду явленіемъ, именно выходомъ племянницы городничихъ, Насти, замужъ за неровню Григорія Гавриловича Крашовку, не смотря на то, что къ Насти сватались болѣе подходящіе по общественному положенію женихи и между ними Данило Павловичъ Коныта. Къ довершенію необычайности этой свадьбы, Григорій Гавриловичъ обманываетъ городничаго, не соглашавшагося на этотъ бракъ, и вмѣстѣ со своими пріятелями похищаетъ изъ его дома свою невѣсту. Но лучшая повѣсть Марка Вочки съ отрицательными типами изъ среды привилегированного сословія есть безъ сомнѣнія повѣсть подъ заглавіемъ „Институтка“, такъ какъ писательница, сама получивъ воспитаніе въ одномъ изъ институтовъ, ближе всего могла знать институтскую жизнь и вѣрнѣе изобразить дурныхъ ея сторонъ. Нужно, впрочемъ, сознаться, что эти дурные стороны, подъ вліяніемъ народолюбія писательницы, сильно ею преувеличены и утрированы, такъ что вся повѣсть можетъ быть названа въ нѣкоторомъ родѣ словомъ о злыхъ женахъ XIX столѣтія. Рядомъ съ геройней повѣсти, институткой, выступаетъ здѣсь цѣлый рядъ безответственныхъ жертвъ ея злобы, внушающихъ въ себѣ ненависть писательницы и читателей.

Рассказъ повѣсти ведется отъ лица Устины, взятой въ господскій домъ десяти лѣтъ отъ роду. У старой барыни дворовымъ спокойно было жить, хоть и непривольно. У нея была одна только внучка, воспитывавшаяся въ кіевскомъ институтѣ, въ которой бабушка души не чаяла. Наконецъ, прѣѣхала изъ института эта внучка, панночка красавая, но капризна и злая, испорченная ложнымъ институтскимъ воспитаніемъ. Она только и выучилась тамъ музыкѣ, танцамъ, французскому языку и умѣнью туманить людей. Осмотрѣла она дворовыхъ дѣвоекъ и выбрала Устину для услуженія себѣ. Институтка стала идоломъ обожавшей ее

бабушки, забрала въ домъ все въ свои руки, заставила бабушку расстристи свои „скрини“ и пыталась даже отучить ее отъ привычного ей вязанья чулка, а съ бѣдной Устиной выдѣмывала все, что хотѣло ея жестокое сердце и капризный нравъ. Сначала панночка мечтала выйти замужъ за богатаго князя, или графа, но князь и графъ не являлись за ней, и разочаровывающаяся институтка часъ отъ часу становилась все злѣе и злѣе. Однажды ждали въ гости полковыхъ изъ города. Все было прибрано, какъ къ свѣтлому празднику. Панночка сѣла зачесываться. Неопытная Устина помогала ей, но никакъ не могла справиться съ ея длинною русою косой. „Лишечко жъ мое!“ говорить Устина. „Лучше бъ жару червоного у руку набрала, якъ міні довелось туманіти коло ії русої коси!.. И така, и онака, и геть-прічъ пішла, и зновъ сюди поступай; и пхати мене, и наскачувати на мене,—ажъ я злякалась! Та репече, та дзвякотить, та тупоче—тупоче, а далі якъ заплаче!.. Я въ двері, а вона за мною въ садъ. „Я тебе на шматки розірву; задушу тебе, гадино!“ Оглинусь я на неї,—страшна така зробилась, що въ мене й ноги захитались. Вона мене якъ скопить за шию обіручъ!.. Руки холодні, якъ гадюки!“ Устина ушла въ безпамятствѣ около яблони и только отъ холодной воды пришла въ сознаніе. „Дивлюсь,—дівчата коло мене скучились, білі усі якъ крейда. Панночка на стільчику роскинулась, плаче; а стара надъ моєю головою стоїть, и такъ-то вже мене лає, така вже люта,—ажъ ій у роті чорно“. Устина заболѣла, но и больную ее требуетъ къ себѣ панночка. Наконецъ, панночка завлекла въ свои сѣти гордаго, но бѣднаго лѣкаря. Панночка и сама была неравнодушна къ нему, и хотя согласилась выйти за него замужъ, но вмѣстѣ съ бабушкой горевала о томъ, что выходитъ замужъ не за богатаго и не за вельможнаго. Но она и любила своего жениха какъ-то странно: заставляла его исполнять всѣ ея прихоти и капризы и все-таки казалась недовольною его усердіемъ и услужливостію. У лѣкаря былъ родовой хуторъ, ва которомъ жили—старая бабуся, Назарь съ женой Катрой и парубокъ Прокопъ. Вскорѣ послѣ свадьбы молодые перебѣхали въ хуторъ, взявъ съ собой и Устину. Живши въ хуторѣ люди лѣкаря встрѣтили молодыхъ господъ съ хлѣбомъ и солью. Лѣкарь рекомендуетъ имъ свою молодую жену, но она вышла изъ себя отъ злости и заплакала. „Ти, мабуть,—говорила она мужу,—усіхъ мужиківъ такъ изучивъ, що вони зъ тобою за панібрата!.. гарно!.. оглядають мене, всміхаються до мене, трохи не кинулись мене обнімати... Охъ, я несчастлива!.. Та якъ вони сміють! викрикне на остатку“. Молодая госпожа привялася за хозяйство въ хуторѣ, и сосѣди хвалили ее за распорядительность и умѣннѣе хозяйничать; а между тѣмъ въ хуторѣ все становилось хуже и хуже. Люди надвѣялись сначала на пана; но онъ, при своей добротѣ, не имѣлъ твердой воли и не могъ сдерживать своей

строптивой жены. Тяжелѣе всего было выносить и безъ того тяжелое положеніе крѣпостничества женѣ кучера Назара Катрѣ, родившейся на свѣтъ вольною. У Катри заболѣлъ ребенокъ; но барыня, какъ видно, не признавала за крѣпостными человѣческихъ чувствъ и отношеній и отправила Катрю на работу на цѣлый день. Дитя Катрино умерло, заболѣла и сама Катри; но барыня все-таки прогнала ее на панщину. Дѣло кончилось тѣмъ, что Катря помѣшалась, бѣгала по лѣсамъ и болотамъ, ища своего ребенка, и, наконецъ, утопилась Назарь и Прокопъ задумываютъ такъ или иначе освободиться отъ злой барыни и какъ будто стороной и случайно проговариваются объ этомъ при старомъ солдатѣ поварѣ, который до того забить былъ суроюю солдатчиною прежнаго времени, что не допускалъ и мысли о возможности какаго либо протеста или самозащиты противъ господскаго самоуправства, несправедливости и жестокости. Черезъ годъ умерла старая барыня, позабывши передъ смертю о своемъ душевномъ спасеніи, и молодая госпожа сдѣлалась полною распорядительницей ея и мужчина имѣнія. Она довела струны помѣщичаго деспотизма до такой степени напряженности, что онѣ неминуемо должны были лопнуть. Прокопъ, живившися на Устинѣ, однажды защитилъ старую бабусю отъ побоевъ молодой барыни, но за то самъ былъ отданъ въ солдаты; убѣжалъ и Назарь. Сданный въ рекрутъ, Прокопъ отданъ былъ на попеченіе и обученіе дядкѣ, старому солдату изъ кантонистовъ, и скоро отправленъ былъ въ походъ, куда-то на Литву; а Устину, проводивъ его до Киева, осталась здѣсь служить. Семь лѣтъ не было никакой вѣсти о Прокопѣ, и Устину сдѣлалась вольною и могла выйти замужъ за другаго.

Эта повѣсть есть безспорно лучшая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Такою ее признавали Кулишъ и Шевченко. Характеръ институтки выдержанъ и до конца остается вѣренъ себѣ. Многія частности дышать общечеловѣческою и бытовою правдою. Нѣкоторые эпизоды каѣтъ бы случайно приставлены къ повѣсти, не имѣть органической связи съ нею и какъ бы нарушаютъ ея единство и цѣлостность впечатлѣнія; но эти эпизоды такъ хороши мѣстами, что было бы жалко, если бы они были выброшены изъ повѣсти. Таковы—разговоръ Прокопа и Назара со старымъ солдатомъ-поваромъ, рассказецъ о приготовленіи старой барыни къ смерти, характеристика Прокопова дядьки-солдата и др. Для примѣра приведемъ послѣднюю характеристику. Сданный въ рекрутъ, Прокопъ стоялъ со своей женой Устиной на квартире у старой вдовы. Тутъ же былъ и солдатъ-дядька, которому Прокопъ однажды предложилъ угощеніе. „Вечеряемо, говоримо; а дядько пье та й пье. Зблідъ на лиці и на стиль схилився. Дивитца на насть и съ чоловікомъ, та й каже: „ой ви, молодята, молодята! недовго

житиете вдупці .. Та годі, не журітца! Пожили, порескошували— і буде зъ вась. Була й така.. що зъ смозяточку ласки-добра не знаєшъ, — вікъ звікуешъ підъ падкою .. Оттакъ живи!. Безъ роду, безъ племѧ, безъ привіту, безъ совіту,— на всіхъ роскошахъ!"

А стара тоді до его: „А де жъ вашъ рідъ, дядечку? Звітиши сами?"

— Съ хантаністінъ! — одразувъ покиурно москаль.— съ тихъ, коли чули, що нась у халеру поменішало. Роду нема, не знаю и не знаю

— А матуся ваша?

— Казавъ: не знаю!.. чого дурно роспитувати?

— Оттакеньки и я теперъ безрідни! — щажайка хлипаючи.

— Іще я вона міжъ людей — гужнувъ москаль. Що твоє лихо!.. плюнуть! Онъ лихо, то лихо: що нікого тобі згадати, ніхто й тебе не згадає; нікуди шти и нігде зостатись. Усі тозі чужі, и все, усе чуже: и хата, и люде, и одежа... Дай, бабо, горілку! вип'ємо до дна, бо на дні молодні дні.

А въ самого слезы котятци-котятца. И смієтца вінь разомъ, и горілку п'є. Далі вже якъ уїзжъ на лаву, такъ и заснувъ".

Достаточно припомнить очерки быта кантонистовъ, Никитина, чтобы яснѣ и отчетливѣ почувствовать всю горечь пранды этого эпизода въ повѣсти Марка-Вовчка. Рекомендацией ему можетъ служить и то, что этотъ эпизодъ воспроизведенъ у Марка-Вовчка согласно съ вародными представлениями о прежней солдатчинѣ и совершенномъ отчужденіи солдата отъ роду и племени. Въ одной малорусской п'єснѣ, записанной въ черниговской губерніи, говорится следующее о солдатской жизни прежнаго времени:

Беруть царя у салдатушки.
У салдатахъ не батька, не мати,
Не брата, не сестриці,
И не живки, не дитянкі.
Продай, мати, сірі коровушкі,
Визволий сина зъ тижкої немолющкі!

Мы остановились сравнительно дольше на этой повѣсти потому, что она заключаетъ, какъ въ зернѣ, почти все мірюсозерданіе писательницы и можетъ быть признана средоточнымъ пунктомъ для остальныхъ ея рассказовъ и повѣстей изъ народного быта прежнаго времени. Всѣ другіе повѣсти и рассказы Марка-Вовчка изъ малорусского и великорусского быта развиваются или просто повторяютъ тѣ же самые сюжеты, какіе начѣнены въ повѣсти „Інститутка“.

Типъ двороной дѣвушки, оторванной отъ семьи, какой мы видѣли въ Устинѣ „Інститутки“, воспроизводится также въ повѣстяхъ и раз-

сказахъ „Ледащиця“, „Одарка“, „Катерина“, „Игрушечка“ и др. Рассказчица повѣсти „Ледащица“ передаетъ, что она подарена была Иваньковскими господами одной барынѣ среднихъ лѣтъ, которая тѣславилась портретомъ князя-отца, промотавшаго свое имѣніе, и любила часто говорить о немъ. Нужда заставила ее держать столовниковъ. Когда завелось много столовниковъ, барыня взяла къ себѣ крѣпостную младицу Горгину Чайчику съ дочкой Настей, вышедшую за крѣпостного человѣка изъ вольнаго рода. Настя была веселая девушка, а мать ея Чайчиха была угрюмая, пасмурная женщина. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе она становилась пасмурной и стала ходить куда-то, а вечеромъ къ ней приходили какие-то люди. Оказалось, что она искала себѣ съ дочкой воли; но она не получила этой воли, потому что барыня подкупила чиновниковъ. А чего не достигла мать, того добилась дочь Настя, но цѣною собственнаго паденія. Она стала пропадать по вечерамъ и возвращаться домой пьяною. Нашлось у Настя и дитя. Барыня срамила ее при столовникахъ и называла ее ледащицей (негодницей) и другими словами, но ничто не помогало. Однажды она сказала матери: „ну, мои матіїко! изнайшла же я чоловіка, что мене визволить“. Действительно, года черезъ два получена была бумага о волѣ. При полученіи ея Чайчиха въ первый разъ зарыдала черезъ двадцать лѣтъ и стала добroe и ласковое, но, взглянувши на дочку, опять закручинилась. А Настя уже стоять выпивши. Она начала таять все больше и больше и умерла въ бреду: „Я вільна, вільна!.. ну, добрѣ!.. И вільна, и пьянница, и ледаща!. Де-жъ мині прихилились, де? Добрий хазайнъ вижене: „пьянница, ледаща, треба ії зъ своего двора выгнati!“ скаже, и вижене... и добре зробить“. До самой смерти ей все представлялось, что ее выгоняютъ на дворъ въ суровую зиму.—Рассказъ „Одарка“ рисуетъ дикую животную страсть старого грѣховодника-помѣщика, которая оторвала отъ родительского порога молодое существо и своими собственными руками выкопала ему могилу. Мало того, что обезчещена и поругана невинности, что на мѣсто мирной тишины семейнаго счастія внесено горе, страданіе и раздоръ, — какъ вещь отдана женщина на чужбину для услугъ, и они скоро довели ее до могилы.—Катерина, героиня рассказа съ тѣмъ же заглавiemъ, вывезена была господами изъ Малороссіи въ Россію, въ совершенно чуждую ей среду, и выдана замужъ за человѣка, которого она не могла любить. Она никому не жаловалась на свою судьбу и съ мужемъ не ссорилась; а „только опустить глаза и неподвижная такая станетъ, строгая и суровая передъ нимъ“. Хотѣлось ей найти какое нибудь дѣло въ жизни, да не находилось такого дѣла. Выучилась она пѣть хорошо и пѣла на свадьбахъ, больше, впрочемъ, грустная пѣсня, но не удовлетворялась этимъ и пріучилась-было пить. Наконецъ, прослышила она про захарку въ околотѣ, выучилась

У нея, леди, болѣни и, нащедши въ этомъ здѣшніи душевное хѣло
для себѣ тогчась, и дѣть бросила, и мѣсяцемъ такая стала, пріѣхѣла.
Она тѣко скончалась въ мірѣ со своею совѣтствомъ и съ людьми-
Прѣѣсть „Игрушечка“ изображаетъ отношенія, помодой барышни дѣлъ
крестьянской дѣвочки Груши, переименованной въ Игрушечку. Барыш-
ня увидѣла на улицѣ Игрушечку и спросила ее себѣ, какъ вѣдь ка-
кую дѣбиль, чтобы играть съ нею. Да го жила Игрушечка въ господ-
скомъ дому, гдѣ ей держали для забавы, безпрестанно ванутивали и
придавливали, не смотря на то, что сама барышня и ея родители, по-
видимому, были люди мягкие и добрые. Барышня отдачалась люброма-
тельности, но, не находи удовлетворенія своей любознательности, на
15 году стала мѣшаться умомъ и вскорѣ умерла. И, послѣ смерти ба-
рышни еще продолжалась грустная исторія Игрушечки, такъ и остав-
шейся до конца жизни, игрушкою судьбы и добрыхъ господъ своихъ.
Подобился ей барскій столяръ Андрей, и она ему тоже понравилась.
Да пришли они, просить барскаго разрушенія на свадьбу въ то время,
какъ господа продали послѣднюю свою вотчину и вѣстѣ съ нею Ан-
дрея и Игрушечку. Андрей отошелъ къ новымъ господамъ и вскорѣ
былъ сосланъ въ Сибирь, а Игрушечку барышня выпросила у покупщика
себѣ и увезла съ собой.

Совершенно почти тождественна жена Назара Катри въ повѣсти
„Інститутка“ съ Горпиной въ разсказѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, иначе
„Панська вода“. Въ послѣднемъ разсказывается, какъ въ имѣніи одного
господина, который прѣѣхалъ управлять полученнымъ власлѣдствомъ съ
благими намѣреніями учить мужиковъ наукамъ и построить имъ новыя
хаты о трехъ окнахъ, у матери крестьянки умираетъ ребенокъ, остав-
ленный ею безъ прізвѣнія потому, что ей надобно было идти на бар-
шину. Этотъ ударъ былъ для нея такъ тажель, что она сошла
сь ума.

Рассказъ „Два сина“ касается помѣщичьяго права отдавать крѣ-
постныхъ въ солдаты по произволу, какъ отданъ былъ и мужъ Устивы
Прокоцъ въ повѣсти „Інститутка“. Рассказъ „Два сина“ ведется отъ
имени вдовы, которая осталась послѣ мужа съ двумя сыновьями Ан-
дрійкомъ и Василькомъ. Ихъ обоихъ баринъ сдалъ въ рекрутъ. Ан-
дрійко умеръ на службѣ, а Василько веротился домой больной, над-
ломленный царскою службой, и тоже скоро умеръ, не начинавъ еще
жити.

Стремленіе освободиться отъ крѣпостничества законными и неза-
конными путами, какое мы видѣли у Назара въ повѣсти „Інститутка“,
изображается и въ другихъ разсказахъ Марка-Вовчка, „Лedaщицѣ“,
„Выкупѣ“, и др. И замѣчательно, что стремленіе къ вольѣ и выкуду на
волью, по представлению Марка-Вовчка, прежде и сильнѣе всего проби-

валось въ тѣхъ семействахъ, въ которыхъ женщина матъ или невѣстка происходили изъ зольного крестьянского или кѣщанскаго рода. Мать ледишицы Насти была родомъ изъ зольныхъ людей и передала своей дочери стремление вырваться на свободу. Такія женщины, выходившія замужъ за крѣпостныхъ людей, по закону, имѣли право, по смерти своихъ мужей, сами лично отойти отъ своихъ господъ на свободу, но часто не знали свойки правъ, какъ не знала Олеся въ разсказѣ „Козачка“. Вышедши замужъ за барскаго человѣка, Олеся разлучена была съ мужемъ, отправленнымъ бариномъ въ Москву, а наконецъ съ двуми своими сыновьями, заступившими при баринѣ мѣсто своего покойнаго отца, сама осталась при барскомъ дворѣ и умерла здѣсь. Но за то другія козачки не иначе соглашались выходить замужъ за крѣпостнаго человѣка, какъ подъ условiemъ выкупа его на свободу. Въ разсказѣ „Выкупъ“ крѣпостной парень Яковъ Харченко посватался въ Хитляндахъ къ козачкѣ Мартѣ Кохановѣ; но Коханъ не хотѣлъ выдавать свою дочь за крѣпостнаго человѣка. Тогда Яковъ сталъ зарабатывать деньги на выкупъ, при помощи Кохана выкупился на волю за 300 рублей и женился на Мартѣ.

Нравственныи основаніемъ правоспособности простаго народа на свободу у Марка-Вовчка постоянно выставляется его человѣческое достоинство, не заглушаемое никакимъ внѣшнимъ гнетомъ. И простой народъ, не меныше привилегированныхъ классовъ, способенъ къ сильнымъ и глубокимъ страстиамъ и нѣжнымъ чувствамъ. Эта мысль лежитъ въ основе большинства повѣстей и разсказовъ Марка-Вовчка. Мы не принимаемъ здѣсь въ разсчетъ повѣстей и разсказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, такъ какъ первоисточники этихъ разсказовъ Марка-Вовчка лежать въ сферѣ крѣпостническихъ отношеній. Въ самомъ крѣпостничествѣ Марко-Вовчокъ выставляетъ сильные характеры, способные, при другихъ условіяхъ жизни, къ широкой и плодотворной дѣятельности. Таковъ, напримѣръ, Павло Чорнокрылъ въ разсказѣ подъ заглавиемъ „Відъ себе не втечешъ“.

Писательница сама какъ будто чувствовала, что міръ крѣпостнаго крестьянства представляетъ собою слишкомъ неблагодарный предметъ для повѣстей и разсказовъ съ общечеловѣческимъ содержавіемъ и характеромъ, и потому охотнѣе выбирала героями и героинями своихъ повѣстей и разсказовъ изъ народнаго быта свободныхъ козаковъ и козачекъ, однодворцевъ и кѣщанъ. Таковы ея разсказы: „Три доли“, „Сестра“, „Чумакъ“, „Сонъ“, „Свѣкровь“, „Максимъ Гримачъ“, „Пройди сіївъ“, и пр. Одни изъ нихъ не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ козаковъ и прелестнѣшихъ козачекъ и вводятъ въ простонародную жизнь много элементовъ иного быта; другіе, напримѣръ, „Не де пари“, хотя тоже посвящены любви,

но въ нихъ выводится не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сценъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Здѣсь писательница положила въ основаніе своихъ разсказовъ такое общечеловѣческое явленіе (неравенство браковъ, несходство характеровъ супруговъ), какое можно встрѣтить на каждомъ шагу во всѣхъ слояхъ общества; но въ то же время у нея по хватило красокъ и матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую вицѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предразсудка, что будто простой и неразвитый народъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣеть образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ neversega удастся и образованнѣмъ людямъ. Кроме того, некоторые герои и геройни Марка Вовчка весьма похожи одни на другихъ. Чайченко въ „Трехъ долахъ“ и „Иванъ Кармелюкъ“, жена Чорнокрыла и жена Кармелюка писаны одинѣми красками и очень скожи между собою.

Къ чести писательницы, она скоро поняла, что рано еще создавать свѣтлые, положительные типы изъ простонародной среды, искашенной неестественными крѣпостническими отношеніями и невѣжествомъ, и что нужно сначала просвѣтить затуманенный образъ нашего простолюдина и барина истиннымъ образованіемъ, и потому въ послѣдующее время оставила роль беллетристической писательницы и принялась за переводы педагогическихъ сочиненій съ иностраннѣхъ языковъ на русскій, хотя и эти переводы разсчитываются больше всего на интеллигентныя классы русскаго общества, а не на простой народъ.

О языкѣ малорусскихъ произведеній Марка-Вовчка г. Кулишъ говоритъ слѣдующее: „Нашъ Марко-Вовчекъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цветковъ нашей рѣчи, потому что полюбилъ ее, полюбилъ тотъ народъ, который вылилъ всѣ свои думы и мысли, все свое сердце тою рѣчью. Безъ любви одна юность его таланта не помогла бы ему; ничего бы онъ не сдѣлалъ и однимъ разумомъ; а то читаешь — не оторвешься отъ его рѣчи, какъ изъ ливна отъ колодца; чуешь, вѣрится, что такъ, а не иначе подумалъ, или потужиль, или порадовался человѣкъ, какъ снято на его рисункѣ. Нельзя также утверждать, что и у такихъ людей, какъ Марко-Вовчокъ, кое-что не рознить съ народною рѣчью. Нелегкое дѣло одолѣть это. Мы ушли впередъ отъ своей рѣчи, развиваясь на чужихъ поляхъ, и, взошедши на гору, иногда не слышимъ хорошенько, чтѣ она намъ голубка вѣщаетъ“¹⁾.

1) „Основа“. апрѣль, 1861 г.,

Описывая крѣпостной бытъ, М. А. Марко-Вовчокъ была, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ этомъ жанрѣ преемницей Квитки и Шевченка, а, можетъ быть, еще болѣе подражательницей И. С. Тургенева и отчасти американской писательницы Бичеръ-Стоу, автора „Хижинъ дяди Тома“.

2.

Іванъ Семеновичъ Левицкій.

Іванъ Семеновичъ Левицкій, писавшій иногда подъ псевдонимомъ Нечуя, сынъ священника, родился въ 1838 году, въ мѣстечкѣ Стеблевѣ, бывшаго богуславскаго, а нынѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи. Съ 1847 года онъ воспитывался въ богуславскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ кіевской духовной семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1859 году. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ богуславское духовное училище и проходилъ эту должностъ почти два года. Въ 1861 году онъ поступилъ въ студенты кіевской духовной академіи и, по окончаніи академического курса въ 1865 году, былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ полтавскую духовную семинарію, откуда перешель на службу, въ концѣ того же учебнаго года, въ варшавскій округъ, въ калинскую женскую гимназію, учителемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи и Польши. Черезъ годъ онъ перешель по прошенію въ г. Свѣдлець, въ женскую греко-уніатскую гимназію, учителемъ тѣхъ же предметовъ. Пробыть въ этой гимназіи шесть лѣтъ, И. С. Левицкій былъ переведенъ въ сувалкскую женскую гимназію, но перешель, вместо этой гимназіи, въ одесскій учебный округъ, въ київско-невскую мужскую гимназію, гдѣ и состоитъ учителемъ русскаго языка.

Первые разсказы и повѣсти г. Левицкаго „Экзаменъ“, „Судъ надъ нами“ (изъ студенческой жизни автора), „Двѣ московки“, „Рыбалка Панасъ Крутъ“ и „Причепа“ печатались, начиная съ 1867 года, за границей въ львовскомъ журнальѣ „Правда“, гдѣ напечатанъ былъ также его переводъ повѣсти І. Щедрина „Про те, якъ мужикъ харчувавъ двохъ генералівъ“. Изъ нихъ повѣсти „Двѣ московки“, „Рыбалка Панасъ Крутъ“ и „Причепа“ изданы были особой книгой, подъ заглавіемъ: „Повісті Івана Нечуя, томъ I. У Львові. 1871 г.“ Этотъ первый томъ повѣстей г. Левицкаго былъ пропущенъ петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ для напечатанія въ Россіи, но почему-то задержанъ главнымъ управлѣ-

ніемъ по дѣламъ печати и въ цѣломъ видѣ не былъ напечатанъ въ Россії. Изъ него напечатана въ 1874 году въ Кіевѣ особой брошюрою повѣсть „Рибалка Панасъ Крутъ“, которая въ русскомъ переводѣ помѣщена была въ газетѣ „Кіевлянинъ“ за 1874 годъ (№№ 8—10) и перепечатана въ сборникѣ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Повѣсть „Двѣ московки“ перепечатана въ Кіевѣ уже въ 1882 году. Что же касается „Причепы“, то эта болѣе капитальная повѣсть не имѣла перепечатокъ въ Россії.. Она обратила на себѣ вниманіе за границей, переведена на польскій языкъ, издана въ Познани, въ Пруссіи, подъ заглавіемъ Ргубылenda (Приблуда), ukraїnska powiesc Iwana Neczuja, и, какъ видно изъ бібліографического указателя по дѣламъ печати за 1878 годъ, дозволена въ Россії безусловно. Рецензія на „Причепу“ была помѣщена въ галицкихъ польскихъ газетахъ, и довольно благопріятная, не взирая на то, что въ „Причепѣ“ описываются поляки здѣшняго края не съ выгодной для нихъ стороны. Была еще небольшая рецензія на нее въ итальянскомъ журналѣ „Revista Europea, въ статьѣ „Il movimento literario Ukraino“, где она озаглавлена „Паразиты“. Въ Россії первымъ изъ произведеній г. Левицкаго былъ напечатанъ отдѣльною брошюрою очеркъ „Неможна бабі Парасці вдержатись на селі“, который потомъ перепечатанъ былъ и въ газетѣ „Кіевлянинъ“ за 1874 годъ (№ 11). Этотъ же очеркъ вошелъ и въ составъ книги „Повісті І. Левицкаго, Кіевъ, 1874, гдѣ, кромѣ того, помѣщены—большая повѣсть „Хмари“ изъ жизни Кіева и кіевской академіи и сказка „Запорозьці“, вышедшая также и отдѣльною брошюрою въ 1874 году. „Запорозьці“ и отрывокъ изъ „Хмаръ“, подъ заглавіемъ „Новий чоловікъ“, печатались въ „Правдѣ“ за 1873 годъ и въ 1875 году были изданы во Львовѣ особою брошюрою Въ томъ же 1875 году напечатана въ „Правдѣ“ фантазія „Бідний думкою багатіє“ и вышли въ Кіевѣ особыми брошюрами сочиненія г. Левицкаго: разсказъ „Благословіті бабі Шадажці скороостижно вмерти“, вышедший новымъ изданіемъ въ 1882 году; „Маруся Богуславка, оперета въ четырехъ діяхъ“; „На Кожум'янкахъ, комедія въ п'яти діяхъ“, и историческая популярная сочиненія—„Уція и Петро Могла“, „Перші кіевські князі Олег, Ігорь, Святослав и св. Владимір и его потомки“ и „Татаря и Литва“. Позднѣйшія произведения нашего автора суть слѣдующія: „Світогляд українського народу“, печатавшійся въ „Правдѣ“ за 1876 годъ и въ 1877 году вышедший въ Львовѣ особою брошюрою; повѣсть „Микола Джеря“ въ „Правдѣ“ за 1878 годъ, перепечатанная въ кіевскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 г.; „Український гетьманъ Богданъ Хмельницький и козаччина“, Львовъ, 1878 г.; „Історія Руси“, въ четырехъ выпускахъ, Львовъ, 1878—1881 г.; повѣсть „Кайдашева сем'я“, печатавшаяся въ „Правдѣ“ за 1879 годъ и вышедшая въ Львовѣ особою брошюрою въ 1880 году; повѣсть „Бурлачка“, Кіевъ, 1881 г.. „Приятели“

и „Шевченкова могила“ въ украинскомъ альманахѣ „Луна“ на 1881 годъ; „Гетьманни Выговській та Юрій Хмельницький“, Львовъ, 1881 года; „Автобіографія“, въ „Світѣ“, 1881 г., № 7 и 8; „Наші батюшкі й матушки“, —повѣсть, написанная въ 1882 году для журнала „Кіевская Старина“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣхъ произведеній И. С. Левицкаго, написанныхъ имъ въ теченіи 16-ти лѣтъ его литературной дѣятельности, насчитывается въ настоящее время свыше двадцати, что свидѣтельствуетъ о большой плодовитости пера автора, которая, однако, не дѣлаетъ ущерба внутреннему содержавію и достоинству его произведеній. Мы уже имѣли случай указать, что нѣкоторыя произведенія г. Левицкаго обратили на себя вниманіе и иностранной критики. Но еще большимъ вниманіемъ пользуются его произведенія у русскихъ читателей и рецензентовъ и особенно у его земляковъ. Корифеи украинской литературы сразу замѣтили недюжинный литературный талантъ г. Левицкаго и благосклонно приняли его въ свой ареопагъ. Въ прѣдисловіи къ первому тому повѣстей Ив. Левицкаго, изданному во Львовѣ въ 1871 году, издатель говоритъ слѣдующее: „Его повѣстей выходитъ первый томъ. Скорѣ можно бы ожидать намъ и дальнѣйшихъ томовъ, если Галичина хорошо встрѣтитъ этотъ прекрасный подарокъ украинскаго писателя, пріобрѣвшаго себѣ еще другими произведеніями добрую славу въ писательскомъ кругу Пантелеймонъ Кулишъ, прочитавши третью повѣсть сего тома („Причепу“), сказалъ про Ивана Нечуя, что онъ первый коснулся нашей общественной жизни и этимъ положилъ начало романамъ соціальнымъ. Критика Пантелеймона Кулиша служить доброю порукой за большое значеніе произведеній Ив. Нечуя, и потому мы смѣло просимся въ гости въ каждую правдиво-русскую хату. Съ своей стороны мы должны прибавить, что Иванъ Нечуй въ своихъ повѣстихъ, рисуетъ ли онъ ситуаціи души человѣческой, или представляетъ нашимъ очамъ виды природы, является великимъ художникомъ, и вся Украина возлагаетъ на его талантъ большія надежды“. Съ неменьшою похвалою отзыается о г. Левицкомъ и Н. И. Костомаровъ. „Г. Левицкій — говорить онъ,—безспорно талантливѣйший изъ современныхъ малорусскихъ писателей... По нашему мнѣнію,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, г. Левицкій, какъ писатель, посвятившій свою дѣятельность изображенію простонароднаго быта, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣсть въ ряду писателей этого рода у насъ въ Россіи, и очень жаль, что ими его, кроме Малороссіи, недостаточно известно публикѣ другихъ частей нашего

---

¹⁾ Подробный перечень сочиненій г. Левицкаго—въ „Показчикѣ“ М. Корова, 1883 г.

отечества. Мы высоко ценимъ произведенія такихъ писателей, какъ гг. Д. Григоровичъ, П. Мельниковъ (Андрей Печерскій), А. Потѣхинъ, Г. Успенскій, и другихъ, посвятившихъ себя специально изученію и художественному изображенію быта, нравовъ и премоловъ жизни великорусского простолюдина со всеми оттенками его мѣстной рѣчи. Но никто изъ этихъ талантливыхъ писателей не выводилъ малорусса въ своихъ произведеніяхъ. Никто, надѣемся, не станетъ возражать, что это—большой проблѣгъ въ нашей народной литературѣ. Только такие писатели, какъ г. Левицкій, и могутъ дополнить этотъ проблѣгъ, и притомъ произведеніями на мѣстномъ народѣ¹⁾. Очевидно, Н. И. Костомаровъ имѣть здѣсь въ виду собственно повѣсти и рассказы г. Левицкаго изъ простонародного украинскаго быта, не каса既ь болѣе крупныхъ его повѣстей „Причепа“ и „Хмари“, изображающихъ другія сословія и племена. Но г. Пипиръ во второмъ изданіи своей „Исторіи славянскихъ литературъ“ и эти послѣднія повѣсти ставить въ особую заслугу автору, такъ какъ онъ попробовалъ изобразить въ нихъ такие классы и общественно-политескія отношенія, которыхъ до него не касался никто почти изъ украинскихъ писателей.

Центромъ, около котораго вращается вся литературная дѣятельность г. Левицкаго, служить украинскій народъ до эманципаціи и послѣ нея, въ различныхъ его отношеніяхъ къ московскому и польскому элементамъ. Программою литературной дѣятельности автора могутъ служить слѣдующія слова его въ повѣsti „Причепа“: „Хто съ киан не памъятає часу передъ севастопольскою воїною? То бувъ тяжкий часъ для України, то було її лихоліття. Простий народъ стогнавъ у тажкій неволі підъ панами, мусівъ мовчати й терпіти гірше якъ до Хмельницького. А за кожний стонъ його московськимъ звичаємъ катувано. Україна забула историчні перекази и не могла науковою дійти до страченіхъ думокъ. На обохъ бокахъ Дніпра опинились у чужихъ порядкахъ, въ чужій шкурі, набиралися чужої мови, забували свою Згинула наука, впала просвіта, зоставши тільки въ сколастичнихъ латинськихъ духовнихъ школахъ. Університетська наука була тільки язбука европейської просвіти, обрізаної по казенній мірі.“—„Московська школа на нашій Україні,— говоритьъ авторъ въ другомъ мѣстѣ той же повѣсти,— багато одрізнила лучшихъ людей одъ своего народу, одъ своего племѧ, одъ семї, одъ батька й матері. А зновъ народъ дуже одрізнивъ самъ себѣ одъ панівъ, одъ вченихъ українцівъ и косимъ окомъ споглядає на нихъ! Межъ ними викопана велика безодна! И потрібно великої, великої праці не одного генія, щобъ за-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1882 г.: „Задачи украинофильства“, по поводу украинскаго альманаха „Луна“ на 1881 годъ.

сичати ту провалину, почату лихами, скінчану москалами, щоб звінити те, що порвала наша недбайливість, та єтика, українська байдужість, та лежача недобачливість". Засыпать эту пропасть, отдаляючу простий український народъ отъ привилегированныхъ сословій, и со-ставляєть задачу нашего автора, который, для выполнения ея, изобра-жаетъ неблагопріятныя соціальныя условія житїя простаго українскаго нароода, выставляя тѣ свѣтлыя черты нравственнаго народнаго обзора, которые видны даже изъ подъ коры виѣщихъ неблагопріятныхъ усло-вій, и караетъ вѣщимъ словомъ беллетриста-поэта интеллигентные слои мѣстного общества, испорченные польскимъ и московскимъ вліяніями. Такимъ образомъ, главная задача писателя, состоящая въ нравствен-номъ объединеніи всѣхъ слоевъ украинскаго народонаселенія на народ-ныхъ началахъ, подраздѣляется на частнѣшія задачи, именно: воспро-изведеніе въ художественныхъ образахъ прошлаго и современнааго быта малороссовъ и изображеніе пляхетско-польского и московскаго вліяній на украинскую жизнъ.

Въ художественномъ изображеніи простаго украинскаго народа г. Левецкій началъ съ того, съ чего и Марко-Вовчокъ, т. е. съ изо-браженія судьбы подневольнаго крѣпостнаго человѣка, но не остано-вился на этомъ изображеніи, равно какъ и не увлекся іллюзіями о счастливой и блаженій жизни свободнаго крестьянина, а напротивъ указалъ рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій, угнетающихъ сво-боду человѣка и послѣ освобожденія его отъ крѣпостной зависи-мости.

Повѣсти „Микола Джеря“ и отчасти „Рибалка Чапасъ Крутъ“ и „Дві московки“ коренятся еще въ эпохѣ крѣпостничества и крѣпост-ныхъ порядковъ. Женившись по любви, крестьянинъ Джеря вынужденъ былъ покинуть родное село и любимую жену и скрываться отъ пре-слѣдованій жестокаго шана. Микола служить на двухъ „сахарныхъ“ (заводахъ), а потомъ въ рыболовной ватагѣ у Аккермана, пока въ Ак-керманѣ не былъ назначенъ приставомъ близкій пріятель помѣщика Миколы. Тогда десять бѣглецовъ изъ села Вербівки, въ томъ числѣ и Джеря, были арестованы и преданы суду; но въ это время объявлена „воля“, и „бурлаки“, освобожденные отъ тюрьмы, возвращаются сво-бодными людьми на родину. Но Джеря не засталъ жены въ живыхъ; дочь его Любка, покинутая еще груднымъ ребенкомъ, незадолго до того вышла замужъ, и Микола коротаетъ свой вѣкъ „пасічникомъ“, навсегда сохранивъ ненависть противъ всякихъ притѣснителей. При на-дѣлѣ крестьянъ землею, онъ уговорилъ односельчанъ не братъ плохой земли, за что снова угодилъ въ тюрьму, но оказался правымъ и скоро выпущенъ на свободу. Вообще г. Левецкій изобразилъ въ Миколѣ крестьянина даровитаго, честнаго, врага всякаго гнета и неправды, го-

того терпеть тяжелыя лишения и невзгоды, лишь бы избавить себя от обидъ и оскорблений. Вместѣ съ тѣмъ онъ нѣжно любить свою семью, и одною изъ наиболѣе удачныхъ частей повѣсти должно считать возвращеніе Джери въ родное село, когда онъ узнаетъ о смерти любимой жены. Повѣсть читается не совсѣмъ легко и далеко не вездѣ съ одинаковымъ интересомъ¹⁾. — „Рибалка Панасъ Крутъ“ испыталъ другаго рода крѣпостное право, свойственное только юго западной Россіи и доселе еще не отмѣненное, и сдѣлался его жертвой. Онъ родился въ кievской губерніи, въ одномъ мѣстечкѣ надъ р. Росью, принадлежавшемъ помѣщику и наполненному жидами. Съ одной стороны обременительность чиншевой платы помѣщику, съ другой — еврейская эксплоатациѣ и ремесленная конкуренція парализовали ремесленную предпримчивость Панаса Круты. Сначала онъ поочередно брался за разныя ремесла: былъ скорнякомъ, портнымъ; сапожникомъ, охотникомъ и музыкантомъ, чтобы пажить себѣ если не богатство, то достатокъ. Онъ и зарабатывалъ понемногу, но не могъ, какъ говорятъ, на ноги встать. Бѣдность свела въ могилу его жену. По смерти ея, Панасъ Крутъ остановился, наконецъ, на рыболовствѣ и занимался этимъ про мысломъ около 23 лѣтъ, оставляя заработанные деньги въ шинкѣ у живодеки. Панасъ Крутъ и умеръ какъ истый рыбакъ, потонувъ въ р. Роси во время половодья. — Своего рода крѣпостничество или закрѣпленіе такъ называемыхъ кантонистовъ за военный сословіемъ, со всѣми грустными послѣдствіями этого закрѣпленія, изображаетъ повѣсть г. Левицкаго „Двѣ московки“. Въ село Момоты, по разсказу повѣсти, возвратился въ безсрочный отпускъ молодой и красивый солдатъ Василь къ своей матери, старой Хомихѣ. Не одна Хомиха обрадовалась возвращенію Василя. На селѣ были двѣ девицы Ганна и Марина, щирья подруги. Ганна была небольшаго росту, съ тихимъ взгляде мъ и характеромъ, а Марина была смуглѣ лицомъ, смѣла и проворна. Обѣ онѣ полюбили молодаго, красиваго москаля (солдата), но Ганна была счастливѣе своей подруги и вышла за него замужъ. Хорошо она зажила съ Расилемъ: работали они вмѣстѣ, устроили хозяйство и даже скопили немногій денежонокъ. Ганна подарила Василю сына Ивана. Но счастье молодыхъ супруговъ продолжалось недолго. Въ одинъ прекрасный день момотянскій осауль оповѣстилъ Василя, что его требуютъ въ Кіевъ, въ походъ. Василь ушелъ въ походъ и больше не возвращался, старая Хомиха скоро умерла, а Ганна долго еще боролась съ горемъ, зарабатывая себѣ насущный хлѣбъ и подкрѣпляясь надеждой на подростающаго сына; но и сына ея взяли въ кантонистскую школу и дли-

1) Рецензія на эту повѣсть — въ 104 № газеты „Зара“ за 1883 г.

нымъ рядомъ истязаний искажили его нравственно, заставивъ забыть родную рѣчь и безумно гордиться званіемъ какого-то писаря. Ганна умерла въ бѣдности раньше своего срока, на рукахъ Марини. Что же касается самой Марини, то она долго еще тужила по Василѣ и занималася короткому счастью Ганны; наконецъ, на зло себѣ и людямъ, вышла замужъ за первого попавшагося жениха, какимъ оказался такой же отпукской москаль, хотя и добрый, но нелюбий ей. Тоже было жить Маринѣ съ немилымъ, и потому она была если не рада, то совершенно равнодушна, когда ея мужа тоже потребовали, въ походъ. Проводивъ мужа, Марина повела свободную и веселую жизнь, собирала у себя вечерницы и пѣла и плясала на нихъ. Смерть беспомощной Ганны, послѣдовавшая въ это время, заставила Марину привадуматься на некоторое время и наль свою будущностію. Но скоро явилась въ селѣ еще какая-то московка изъ города и соблазнила Марину отпра- виться въ Киевъ на легкіе хлѣба и хороший заработокъ. Здѣсь Марина дошла до крайней степени нравственнаго униженія и паденія и умерла въ нищетѣ, гдѣ-то подъ заборомъ. Въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ эта повѣсть считается однимъ изъ лучшихъ произведеній г. Левицкаго. По отзыву одного рецензента, эта повѣсть представляетъ собою „прекрасный, полный глубокаго психического анализа рассказъ, и вообще составляетъ лучшую вещь нашего автора¹⁾.“ Она „вѣрно и трогательно, — по словамъ Н. И. Костомарова, — изобра- жаетъ судьбу солдатокъ, проживающихъ въ малорусскомъ селѣ“. „Судьба этихъ двухъ московокъ, — говоритъ другой рецензентъ, не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры. По нѣжности струнъ, которая звучать въ повѣсти, по типичности характеровъ, вы-веденныхъ въ ней, повѣсть „Две московки“ прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу не только какъ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ вариація тѣхъ испытаний судьбы, которыхъ и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ: тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана; въ добавокъ эта слашавость въ опи-саніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органический недостатокъ автора и повторяющіяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ²⁾.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и отменой кантонистомъ, не было, однако, совершенно уничтожено рабство народа, поступившаго

1) „Кievskiy Telegrafъ“, 1875 г., № 30,

2) „Kievskaya Starina“, за іюнь 1883 г.: Библіографія, стр. 364—365.

теперь въ новую кабалу къ евреямъ и другимъ мелкимъ и крупнымъ аферистамъ и эксплоататорамъ. Это не только материальное, но и нравственное иго изображается г. Левицкимъ въ разсказѣ „Приятели“ и въ повѣсти „Бурлака“. Въ „Приятеляхъ“ два крестьянина, носящіе одно имя Кузьма, одинъ Кузьма Коваль, другой — Кузьма Гулай, вмѣстѣ росли, разомъ женились, но шли по разнымъ путямъ: Коваль былъ человѣкъ трудолюбивый и расторопный, Гулай-лѣвый и безалаберный. Послѣдній жадъ соблазняетъ легкимъ способомъ пріобрѣтать деньги; сначала онъ уговариваетъ его, вмѣстѣ съ сыномъ, принимать на сохраненіе вранѣныя вещи, потомъ, мало по малу овладѣвшіи совѣтствомъ отца и сына, подбиваетъ ихъ самихъ на воровство. Сынъ, при участіи отца, обокралъ церковь. Скоро однако преступленіе открылось, и Гулай былъ обличенъ своимъ давнимъ приятелемъ Ковалемъ, который узналъ покинутыя похитителями въ притворѣ церкви щипцы, утащенныя у него Кузьмой Гулаемъ изъ кузницы. „Рассказъ живой, — говоритъ объ этомъ произведеніи Н. И. Костомаровъ, — написанный съ знаніемъ приемовъ народной жизни, хотя нешоловъ и кажется болѣе наброскомъ, чѣмъ оконченнымъ сочиненiemъ“. Въ повѣсти „Бурлака“ изображенъ жизнь малорусской дѣвушки, которую жилы увлекли на работы сначала въ панское имѣніе, а потомъ на суконную фабрику. Васыльна, такъ звали дѣвушку, подрядившись вмѣстѣ съ другими девчатами и хлопцами полоть бураки (свекловицу) къ журавскому послесбору пану Владиславу Ягушемскому, сошлася здѣсь съ парубкомъ Василемъ Краченкомъ; но еврей Лейба, желая прислужиться пану послесбору, явился сводникомъ между ними и Васыльною. Васыльна осталась служить во дворѣ пана Ягушемского, стала понемногу забывать Василя и привязываться къ пану, который, притомъ же, обѣщаѣ жениться на Васыльне. Но онъ только загубилъ молодость, красу и честь молодой дѣвушки, а потомъ выкинулъ ее изъ своего дома, задумавъ жениться на паниѣ Брониславѣ Дембинской. По указанію жида Лейбы, Васыльна отправилась пѣшкомъ въ м. Стеблевъ къ жилу Лейзору Рабиценкѣ, доставлявшему рабочихъ на сахарную и суконную фабрики стеблевскія, и уже въ самомъ Стеблевѣ, въ бурьянѣ надъ р. Росью, родила сына и въ безсознательномъ состояніи бросила его въ рѣку. Здѣсь нашли ее три бабы и одна молодица Марія Янинна, принели къ чувство и отвели въ хату къ Маріѣ Яниннѣ, работавшей на фабрикѣ Молодая натура и жажда жизни спасли Васыльну отъ смерти; она понемногу оправилась и стала работать на суконной фабрикѣ, въ свободное время отдаваясь веселію и разгулу среди фабричной молодежи. Она и здѣсь имѣла своихъ обожателей, Мину и толика Ивана Михалчевскаго, вышла замужъ за послѣдняго и имѣла двухъ дѣтей, сына и дочь. Когда они подросли, Васыльна отправилась съ

мужемъ навѣстить своихъ родителей. Свиданіемъ съ ними и оканчивается повѣсть

Главная бѣда малорусскаго простонародья зависѣла и зависить не столько отъ евреевъ и разныхъ поссессоровъ, сколько отъ недостатка элементарнаго образованія и первыхъ начатковъ общественности. Противо-общественныя явленія въ сельской жизни г. Левицкій старается изобразить въ своихъ разсказахъ: „Неможна бабі Парасці вдержатись на селі“ и „Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти“. Первый разсказъ ведется отъ лица Параски, которая никакъ немогла ужиться на сель со своими соседями и собиралась переселиться на кубанскія степи. Но особенно она жаловалась на Палажку Соловьиху, у которой будто бы „сім хур чортів сидить в однім очіпку“, и которую Параска всячески старалась очернить, взводя на нее разныя небылицы. Другой разсказъ составляетъ какъ бы продолженіе первого. Палажка Соловьиха, въ свою очередь, старается защитить себя отъ нападеній Параски, которая де „якъ скажена собака бігає по дворах, та вигадує на нее, Палажку, таке, що й купи не держиться“. Палажка не остается въ долгу у Параски, жалуется на нее всѣмъ и тоже распускаетъ всевозможныя клеветы и сплетни о ней. „Разсказы эти, по словамъ Н. И. Костомарова, лучшее произведеніе талантливоаго автора и, по некодражаемому юмору, вѣрности красокъ, могутъ стать въ уровенѣ съ Гоголевскимъ разсказомъ о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился въ Иваномъ Никифоровичемъ.“ Оба эти произведенія г. Левицкаго представляютъ весьма типичные юмористические очерки изъ народнаго быта, для болѣе вѣрнаго изображенія котораго авторъ пользуется темными народными вѣроюніями въ вѣдьмъ, катающихся клубкомъ, выдаивающихъ чужихъ коровъ, и искаженными суевѣрными молитвами. Читая эти очерки, такъ и видишь сельскихъ зубатыхъ бабъ, съ ихъ привычкою сплетничать, клеветать и осуждать ближняго, готовыхъ изъ-за пустяковъ поднимать ужасный крикъ. Это свхваченное съ натуры и мастерски представленное изображеніе человѣческаго убожества въ образѣ Парашки и Палажки предназначалось авторомъ для народнаго чтенія, съ цѣлью чисто нравоучительной. По крайней мѣрѣ, всякий грамотный малороссъ, прочитавши эти строки, сказалъ бы, что Параска и Палажка—бабы скверныя, и что подобныхъ имъ нужно исправлять, учить уму—разуму. Другая, болѣе серьезная задача этихъ очерковъ заключается въ томъ, чтобы показать, насколько еще грубъ и невѣжественъ нашъ простой народъ, который не имѣеть никакого образованія и особенно нуждается въ здравыхъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, о чёмъ другомъ, какъ не о грубомъ религіозномъ невѣжествѣ свидѣтельствуетъ слѣдующая, напримѣръ, молитва, приводимая авторомъ разсказовъ: „Ослаби, остави! одпусти, прости й припусти, присунься й

одсунься; прикотись і за село по-за цариною покотись од нині й до ніка”¹⁾.

Тотъ же недостатокъ истиннаго образованія выставляется на показъ въ комедії г. Левицкаго „На кожумъяхъ“, но съ тою разницею, что здѣсь сфера дѣйствія—не сельская жизнь, а городская, мѣщанская, въ ея соприкосновеніи съ разными мнѣмо-просвѣщенными людьми. Очевидно, въ этой сферѣ чувствуется уже потребность хоть какого нибудь образования; но это образование понимается чисто съ вѣшней стороны, какъ декоративная сторона невѣсты, дочери зажиточныхъ мѣщанъ, какъ приманка для жениховъ изъ другихъ сравнительно высшихъ словесъ. Въ Киевѣ, на уроцищѣ Кожемякахъ, жилъ мелкій торговецъ мѣщанинъ Сидоръ Свиридовичъ Рябковъ съ женой своей Евдокіей Корніевной и единственной дочерью Евфросиной, которая три мѣсяца прожила въ пансионѣ и потому считалась образованною барышнею. Она представляетъ собою капризное, тщеславное и кѣтрное существо и бранить своихъ родителей за то, что они „прости“ и говорятъ „помужачий“. При появленіи въ домѣ своихъ особыхъ знакомыхъ, съ претензіей на образованность, Евфросина высылаетъ изъ „свѣтиці“ отца „до кімнати“, а мать „до пекарнї“, и тѣ всегда безпрекословно повинуются ей и обращаются къ ней не иначе, какъ на вы. Евфросина неравнодушна къ молодому цирульнику Гострохвистому, который былъ выше своей среды только тѣмъ, что носилъ шляпу и перчатки, имѣлъ болтливый языкъ и знался не только съ семинарскими басами, но даже и съ митрополичими. При своемъ фразерствѣ, Гострохвистый былъ ужасный хлыщъ, любившій пускать „вічи туману, пройдисвіт и брехун“, для которого не было ничего завѣтнаго и святаго. Сегодня онъ одной клялся въ любви, а завтра другую увѣрилъ въ томъ же. Чтобы выпутаться изъ долговъ, онъ взымѣль намѣреніе поживиться деньгами Рябковыхъ и съ этой цѣлію сталъ ухаживать за Евфросиною. Дѣло пошло было на ладъ, и Евфросина считалась уже невѣстой Гострохвистаго. Но онъ не сдержалъ во-время своей пеганой натуришки и, къ счастію Рябковыхъ, выдалъ передъ ними самъ себя. Въ домѣ Рябковыхъ онъ увидѣлъ двоюродную сестру Евфросины, смазливую Оленку, дочь торговки Горпини, и приволокнулся за нею: но Горпина однажды застала его на свиданіи со своею Оленкою и хотѣла расправиться съ нимъ по-своему. Тогда Гострохвистый увѣряетъ Горпину, что онъ женится на ея дочери Оленѣ, и послѣ того бываетъ у Горпини въ качествѣ Оленки-ва жениха, торопясь вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленіями къ свадьбѣ съ

¹⁾ „Кievskij Telegrafъ“, 1875 г., № 30. Есть еще рецензія на эти разсказы въ „Kievskoj Stariinѣ“, за іюнь, 1883 г.: Бібліографія, стр. 363.

Евфросиной. Уже назначенъ былъ день свадьбы, и женихъ и невѣста собирались уже къ вѣнцу. Въ это время является къ Рябковымъ Горпина съ Оленкою, раскрываетъ плутни Гострохвистаго и разстрагиваетъ бракъ его съ Евфросиной. Рябковы бросаются на него съ крикомъ и бранью и прогоняютъ; уходятъ безъ выпивки и митрополичи басы, приглашенные—было Гострохвисты на свадьбу. Предметъ комедіи взять изъ той среды, изъ которой почерпалъ содержаніе своихъ комедій и Островскій. Разница только та, что герой комедіи г. Левицкаго— малороссы, и всѣ ихъ поступки и дѣйствія носятъ печать малорусскаго характера и мѣстныхъ кievскихъ условій. Н. И. Костомаровъ находить въ этой пьесѣ болѣшія комическая достоинства и желаетъ, чтобы она была поставлена на сценѣ¹⁾.

Восходя отъ низшихъ сферъ къ болѣе и болѣе высшимъ, г. Левицкій не разъ пытался бросить свой поэтическій взглядъ и на вопросы вышшаго порядка, изобразить внутреннія междууплеменные отношенія русскаго государства. Эта грандіозная задача лежитъ въ основѣ его сказки-поэмы „Запорожці“ и двухъ большихъ его повѣстей „Причепа“ и „Хмари“. Въ нихъ онъ старается обрисовать историческую и современныя отношенія Малороссіи къ Россіи и Польшѣ. Но для выполненія этой грандіозной задачи у автора не достало средствъ и беспристрастнаго, объективнаго отношенія къ дѣлу, и поэтому эти произведенія г. Левицкаго обилуютъ тенденціозностью, которая вредитъ самой художественности изложенія, хотя и въ этихъ произведеніяхъ есть много прекрасныхъ частностей.

Общій взглядъ автора на судьбы Малороссіи выражается въ его сказкѣ-поэмѣ „Запорожці“. Творческая фантазія автора переносится къ запорожцамъ, которые, благодаря своему „характерничеству“, живутъ подъ водою, на волшебномъ островѣ, между скалами днѣпровскихъ пороговъ, со своимъ гетманомъ, „высокимъ якъ Палій, гаравимъ якъ Мазепа, сміливимъ якъ Богданъ Хмельницкій“. Тамъ запорожцы располагаютъ несметными богатствами и фантастически роскошною природою, а сѣй кобзарь и прекрасная дѣвица, превращенная въ калиновый кустъ, распѣваютъ имъ украинскія пѣсни. Случайнымъ гостемъ подводныхъ запорожцевъ и очевидцемъ всѣхъ чудесъ этой страны является молодой лоцманъ Карло Летючій. Онъ взялся провести черезъ днѣпровскіе пороги купеческій байдакъ, но разбилъ его по неосторожности. Потерявъ чрезъ это репутацію ис-

---

1) Въ 1883 г., она, въ передѣлкѣ М. И. Старицкаго, была поставлена на сцену, но, по видимому, не имѣла большаго успѣха. См. газету „Заря“, 1883 года, № 240.

куснато лоцмана, а съ нею руку и сердце атаманской дочери Олеси, Карпо бросился въ бушующія волны пороговъ и очутился у подводныхъ запорожцевъ. Отъ него узнали они, что про славныхъ дѣла запорожцевъ ничего не говорять на землѣ ни „попи“, ни „чеванди“, ни „вченіи люде“, а лишь иногда вспоминаютъ о нихъ кобзари да старики, и что Украину по-прежнему опустошаютъ жиды, поляки и москали. Услышавъ это, запорожцы помолились Богу за Украину и отправили назадъ Карпа съ дѣвицею, распѣвшую имъ пѣсни. Явившись на землю, Карпо узнаетъ, что имущество его отца продано по иску хозяина разбитаго имъ байдака, и что ему самому угрожаетъ жестокое наказаніе, и уходитъ заграницу, на Дунай. Дѣвица же, увидѣвшія, что Украина и ея богатства принадлежать польскимъ панамъ и жидамъ, а народъ трудится и ничего не имѣть, заплакала и, опять превратившись въ калиновый кустъ, начала распѣвать запорожцамъ грустныя пѣсни про бѣдствія Украины. Всльдъ за ней зарыдалъ гетманъ, зарыдали и запорожцы, какъ малыя дѣти.

Частнѣйшія черты отношеній Малороссіи къ Польшѣ и Россіи изображаются въ новѣстяхъ „Причепа“ и „Хмари“.

Дѣйствіе новѣсти „Причепа“ открывается въ селѣ Нестеринцахъ, въ домѣ отца Феодора Чепурковскаго. О. Феодоръ сидѣлъ за чаркою водки съ сестрой своимъ о. Моисеемъ и, по своему обычая, хохоталъ надъ всѣмъ и всѣми, даже надъ самимъ собою, хохоталъ тѣмъ смѣхомъ сквозь слезы, который такъ извѣстенъ въ Россіи по произведеніямъ Гоголя. Веселый, толстый, полный хозяинъ представилъ рѣшительную противоположность о. Моисею, высокому, желтому, сухому и болѣгенному человеку, съ єевидными признаками запоя. Ихъ подружила и соединила между собою самая противоположность характеровъ. Батюшки полуушуты, полусерьезно разговаривали о домашнихъ дѣлахъ. Между прочими, о. Феодоръ, имѣвшій семью дочерей, высказалъ свое намѣреніе выдать старшую изъ нихъ за нѣкого Серединскаго, подписаря какого-то писаря, ополиченнаго малоросса, если только этотъ Серединскій сдѣлаетъ предложеніе. На слѣдующій день не успѣли еще отцы опохмѣлиться, какъ являются къ о. Феодору панъ Хоцинскій и панъ Серединскій, первый въ качествѣ свата, а второй въ качествѣ жениха. Въ видѣ приступа, панъ Хоцинскій проповѣдуетъ свою польско-крѣпостническія идеи. О. Феодоръ съ своей стороны не находилъ препятствія къ браку его дочери съ паномъ Серединскимъ, если только послѣдуетъ на то согласіе матери и самой невѣсты. Дочь Ганя неравнодушна была къ Серединскому, а матери очень не хотѣлось выпустить свою дочь изъ духовной касти и выдать ее за какого-то липка-панка недовѣрка, но и она, скрѣпя сердце, рѣшилась не противорѣчить мужу и дочери. Начались приготовленія къ свадьбѣ, мастерски описанныя авторомъ, а за-

тѣмъ послѣдовала и самая свадьба. Недолго Серединскій былъ писаремъ на экономії. Хоцінскій подставилъ ногу старому economu на другой половинѣ села Нестеринецъ и посадилъ на его мѣсто economомъ Серединскаго. Гана была счастлива по своему, помогала мужу въ хозяйствѣ и только по временамъ испытывала истому своего влюбленнаго, ревниваго сердца, когда ея дорогой Ясь почему либо запаздывалъ къ обѣду или и вовсе не приходилъ обѣдать. Она, наконецъ, подарила своему мужу сына. Но Серединскій, помѣшанный на польскомъ гонорѣ, на польской любви къ magnatству, на польскомъ пренебреженіи къ простому народу „быду“, не могъ удовлетвориться скромною, мирюю обстановкою своей украинской семьи и все старался пролѣзть выше и выше, попасть въ вельможные паны. По рекомендациіи Хоцінскаго, онъ перешелъ на лучшее экономическое мѣсто въ Кушнірівку, въ 15-ти верстахъ отъ Нестеринецъ, а потомъ приглашенъ былъ однимъ богатымъ княземъ на экономію въ мѣстечко Каманое. Богатое содержаніе. пищая обстановка квартиры не вскружили головы Ганѣ, продолжавшей попрежнему любить меньшую братію и запросто говорить съ наймичками и прислугою; но онѣ вскружили голову Серединскому. Онъ теперь сталъ недоволенъ Ганю за ея простое домохозяйство, за ея гуманное обращеніе съ прислугой, видѣль въ ней простую украинскую поповну, недостойную его руки, и втайвъ сожалѣль о томъ, что женился на Ганѣ. Къ довершенню семенной розы, Серединскій познакомился, по рекомендациіи Хоцінскаго, съ семействомъ сосѣдняго бѣднаго эконома Лемишковскаго. Обстановка Лемишковскаго была крайне бѣдна и неопріглядна; но среди этой обстановки прозабала завзятая полька Зося, жена Лемишковскаго, промотавшая все состояніе своего мужа на инімо-великосвѣтскія затѣи и прихоти. Эта Зося Лемишковская и показалась Серединскому тѣмъ идеаломъ польской образованной женщины, о которомъ онъ мечталъ и котораго не видѣль въ своей скромной украинкѣ Ганѣ. Отсель начинается у г. Левицкаго исторія семейства Лемишковскихъ и тянется до той, пока она не переплетается прискорбнымъ образомъ съ семенной исторіей Серединскихъ.

Лемишковскій былъ сынъ одного богатаго мѣщанина Лемишкіи въ западной Украинѣ, пстаго украинца. Старые Лемишкіи крѣпко любили своего единственного сына Якима, хотѣли научить его уму-разуму и отдали его въ духовную школу, а потомъ перевели оттуда въ гимназію. Якимъ ненавидѣль школу и науку, но все таки кое-какъ окончилъ курсъ гимназіи, вынесши оттуда панское приращаніе скій къ своей фамиліи, фанфаронство и презрѣніе къ своей рѣчи и къ своимъ простымъ родителямъ. Поздно старый Лемишкіа убѣдился, что изъ его сына не будетъ хорошаго хозяина важитому имъ добрю. Лемишковскій поступилъ въ кievскій университетъ, но плохо учился здѣсь и былъ выгнанъ отсюда

за львость, кутежи и буйство. Нравственно испорченный и неспособный ни к чему серьезному, Якимъ мечталъ только о казенной службѣ, чинахъ и крестахъ и съ этой цѣлію поступалъ канцеляристомъ въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ своего роднаго города. Здѣсь онъ встрѣчается сначала на улицѣ, а потомъ на балу у своего начальника—польяка съ Зосею Пшеницкой и ея сестрами, дочерьми становаго пристава—польака, франтихана и кокетками. Якимъ влюбляется въ меньшую сестру Зосю и женится на ней, не безъ интриги съ ея стороны, вопреки желанію старого Лемишкі. Зосѣ, съ ея панскими замашками, противно было выходить замужъ хотя и за молодаго, красиваго и образованнаго, но все-таки мѣщанскаго сына. Она утѣшалась только тѣмъ, что надѣялась прибрать со временемъ въ свои руки всю семью Лемишекъ и прочистить глаза ихъ трудовыми деньгами. Такъ исталось. Умеръ убитый горемъ Лемишкі, умерла и Лемишка, поздно разочаровавшись въ любимой ею невѣстѣ Зосѣ. Имѣніе Лемишекъ досталось Лемишковскимъ; но горячая, неугомонная патура Зоси не удовлетворилась этимъ. Зося не захотѣла оставаться въ мѣщанскомъ домѣ, котораго могли гнушаться паны—лахи, и заставила мужа продать свое имущество и перебѣгать на службу подальше, гдѣ бы не знали объ его мѣщанскомъ происхожденіи. Нѣсколько разъ перебѣгалъ Якимъ съ мѣста на мѣсто, спустилъ все свое имущество и замѣтно самъ опускался, пока наконецъ не очутился экономомъ въ Ткорівкѣ, гдѣ и навѣстилъ его Ясь Серединскій.

Визитъ молодаго управителя въ книжескомъ имѣніи, т. е. Серединскаго, оживилъ угасавшія надежды Зоси на веселую жизнь въ большомъ польскомъ свѣтѣ. Зося и ея гувернантка Теодозія, постоянно бредившая Варшавою, стали интриговать пана Серединскаго и унижать передъ нимъ его Ганю, простую украинку. Интрига имѣла полный успѣхъ. Ясь Серединскій полюбилъ гордую, пышную Зосю и охладѣлъ къ своей скромной Ганѣ. Ганя вяла, какъ нѣжный цветокъ, грустя и мужъ Зосинъ, Якимъ Лемишковскій. Дѣло окончилось тѣмъ, что о. Феодоръ взялъ свою болѣющую дочь Ганю домой, поколотивъ первоначально Серединскаго; Серединскому было отказано отъ мѣста управителя; сестры Зоси, прѣѣхавши были къ ней въ гости, были выгнаны Якимомъ изъ дома, а Зося осталась съ мужемъ и стала побаиваться его. Ганя умерла, а съ нею умерло и счастье Серединскаго. „И не разъ и не два плакалъ онъ по Ганѣ; да не вернется уже въ другой разъ то, что потонуло въ морѣ бездонномъ“.

Повѣсть имѣла въ виду представить малорусскіе и польскіе типы и изобразить племенные отношенія ихъ между собою. Между тѣми и другими лежитъ громадная пропасть, фальшиво заграждаемая переходными типами ополячивающихся или уже ополченныхъ украинцевъ. По одну сторону этой пропасти стоять свѣтлые типы истыхъ украинокъ

и украинцевъ, простой украинской поповыи Ганя и ея отца священника и старыхъ Лемишекъ, которые однако являются у нашего автора нѣсколько идеалистичными и блѣдными; по другую сторону помѣщены отрицательные типы польской народности, панны Шепшинскія, Теодози, Зоси и Ходинскіе, которые всегда были заносчивы, материальны, легко-мыслияны, недоволны настоящимъ, жестоки, егозивы, неспособны ни къ какому честному и серьезному дѣлу. Между этими двумя противоположными типами стоятъ двуличные типы Ясы Серединскаго и отчасти Якима Лемишковскаго, которые, будучи по происхожденію украинцами, заразились польскими нравами и обычаями, презрѣніемъ къ родной рѣчи и роднымъ обычаямъ, и сплошь ополячились. Смотри по обстоятельствамъ и направленію вѣтра, эти личности могутъ прымѣкать къ любому изъ противооположныхъ лагерей. И конечно, сами по себѣ эти личности не заслуживали бы ни симпатіи, ни сожалѣнія, ни любви, ни ненависти; но они становятся для насъ интересными не столько сами по себѣ, сколько потому, что они связали свою судьбу съ представителями чисто украинского типа, поставили послѣднихъ въ несвойственную имъ польскую среду или обстановку и приготовили имъ трагическую участъ. Какъ Ясь Серединскій, женившись на простой украинской поповыи, въслѣдствіи губить свою Ганю польско-шляхетскими стремленіями и замашками, такъ и Якимъ Лемишковскій, женившись на Зосѣ Шепшинской, дѣлается послушнымъ орудіемъ своей жены польки, огорчаетъ своихъ родителей и дѣлается косвеннымъ виновникомъ ускоренія ихъ смерти. Въ заключеніе и сами эти межеумки, какъ бы по вдохновенію украинской натуры своей, сознаютъ лживость пройденного ими жизненного пути, хотя уже и не въ состояніи возвратиться на истинный путь. Наученный горькимъ опытомъ, Якимъ Лемишковскій береть въ руки свою жену Зосю, а Ясь Серединскій, лишившись Гани, сталъ твердо смотрѣть на прошедшее и горько сожалѣть о загубленной Ганѣ и загубленномъ съ нею счастія. Остались неисправимыми только Зося съ своими сестрами и Теодози, сдѣлавъ лишь невольную, наружную уступку обстоятельствамъ. Все сочувствие читателей склоняется на сторону положительныхъ украинскихъ типовъ, Гани съ отцомъ и старыхъ Лемишекъ. Напротивъ, Зося, панны Шепшинскія, Теодози и др. не могутъ возбуждать никакого сочувствія. Но этимъ чисто польскимъ отрицательнымъ типамъ нельзя отказать въ значительной энергіи, въ умѣніи достигать своихъ цѣлей, чего нельзя сказать о типахъ малороссовъ, отличающихся инерціей и пассивностью. Поэтому-то, можетъ быть, повѣсть „Причеса“ полюбилась и самимъ полякамъ, переведена была на польскій языкъ и заслужила въ польской литературѣ благосклонные отзывы.

Притомъ же, эта повѣсть заключаетъ много бытовыхъ частностей, вѣryхъ дѣйствительности. Авторъ самъ прожилъ довольно долгое время среди поляковъ, будучи однимъ изъ первыхъ пionеровъ обрусенія юго-западнаго края Россіи послѣпольскаго повстанія 1863 года, кружила въ водоворотѣ племенныхъ отношеній между поляками и русскими и имѣла возможность пристально всмотрѣться въ эти отношенія, опредѣлить и изобразить ихъ. Совершенно вѣрно и согласно съ другими свидѣтельствами изображаетъ авторъ кокетство польскихъ женщинъ, не брезгающихъ выйти замужъ за русскихъ чиновниковъ, которыхъ они мечтаютъ взять въ свои руки и передѣлать на свой ладъ. Такимъ же образомъ описывается ихъ и бывшій инспекторъ татаровской гимназіи Линейкинъ (псевдонимъ М. Тулова) въ своей „Гимназической перепискѣ“¹⁾). Но тогда какъ у Линейкина звучитъ скрытая иронія, г. Левицкій не считаетъ нужнымъ скрывать своего желчного сарказма, направленаго противъ полекъ.

Совершенную параллель „Причепѣ“ представляетъ повѣсть г. Левицкаго „Хмари“, имѣющая въ виду изобразить отношенія между малороссами и представителями сѣверо-руssской интеллигентіи. Въ этой повѣсти авторъ старается изобразить жизнь кievской интеллигентіи шестидесятыхъ годовъ вынѣшняго вѣка. Ходъ повѣсти слѣдующій.

Въ кievскую академію собираются студенты изо всѣхъ концовъ Россіи и изъ предѣловъ Турціи и представляютъ изъ себя чрезвычайно пеструю смѣсь племенъ и народчай. Не смотря на разность привычекъ и развитія, волей-неволей они должны были уживаться между собою и подчиняться одничьи и тѣмъ же правиламъ общежитія. Развитѣе всѣхъ были, по представлению автора, студенты изъ южныхъ славянъ и изъ малороссовъ, грубѣе—студенты изъ великороссовъ. Представителемъ малороссовъ является Дашковичъ, а представителемъ великороссовъ—Воздвиженскій, совершенно противоположные между собою не только по происхожденію, но и по характеру. Не смотря однако на противоположность характеровъ, судьба, какъ бы въ насмѣшку, связала этихъ людей тѣсными узами на всю жизнь. Оба они оставлены были при академіи преподавателями, оба знакомятся уличнымъ образомъ съ дѣвицами Сухобрусовнами, оба дѣлаютъ предложеніе сестрамъ и женятся на нихъ; но ученая карьера ихъ была различная. Воздвиженскій, достигнувъ профессуры, махнулъ рукой на науку и занялся практическими своеокорыстными интересами, а Дашковичъ самоотверженно предался наукѣ. Онъ задумалъ создать национальную украинскую философію, но

1) „Основа“, за маі, 1861 года. „Гимназическая переписка“ издана въ 1881 году въ Кіевѣ особой книгой.

предварительно счелъ нужнымъ изслѣдоватъ исторію западно-европейской философіи, а для объясненія послѣдней обратился къ философіи азіатскихъ народовъ. Такъ онъ и засѣлъ на философіи китайцевъ, не сдѣлавъ ничего для національной украинской философіи. Только съ пробужденіемъ племенного чувства малороссовъ въ 60-хъ годахъ и стремленія малорусскихъ патріотовъ изучить бытъ и устную словесность южноруссовъ встрепенулась на время угасавшая мысль украинскаго философа, но лишь только для того, чтобы снова и окончательно угаснуть.

На смѣну этому умирающему профессору выступаетъ молодое поколѣніе, представителемъ котораго является въ повѣсти студентъ университета Радюкъ. Онъ пропагандируетъ какія-то новые идеи. Но въ его пропагандистской дѣятельности замѣчается что-то порывисто-судорожное, неопределеннное, недосказанное, противорѣчащее одно другому. „Все народолюбіе его,—говорить одинъ рецензентъ,— выражается на дѣлѣ тѣмъ только, что онъ разъ слегка помогъ больной бабѣ. Радюкъ обыкновенно только изливаются въ крикахъ, иногда безсвязныхъ, и то не столько о народѣ, сколько о народности, а еще больше занимается иѣжностями съ барышнями, которымъ безразлично носить и Шевченка и „Графа Монтекристо“¹⁾). Ареной пропагаторской дѣятельности Радюка былъ, между прочимъ, и домъ профессора Дашковича. Это было именно въ ту пору, когда Дашковичъ чуть было не измѣнилъ своей китайской философіи и не сталъ заниматься національными вопросами. Впрочемъ, Радюкъ имѣлъ въ виду не столько Дашковича, сколько его дочь, институтку Ольгу.

Воздвиженскій и Дашковичъ имѣли по дочери, на которыхъ отпечатились характеры и даже наружность родителей. Катерина Воздвиженская была некрасива, а Ольга Дашковичъ, напротивъ, отличалась красотою истой украинки. Обѣ двоюродныя сестры отданы были въ кievскій институтъ. Ольга сдѣлалась любимицей начальницы института генеральши Турманъ, плохо училась и переняла у своей начальницы ложные аристократические приемы. Катерина Воздвиженская не пользовалась въ институтѣ такимъ вниманіемъ, какъ Ольга Дашковичъ, но за то училась гораздо прилежнѣе, была задумчивѣе и самоуглубленїе. Она чувствовала, что на ней какъ будто лежитъ клеймо отверженія, проклятие Каиново, перешедшее отъ отца помимо ея воли. Еще задумчивѣе и грустнѣе стала Катерина, когда оставила институтскія стѣны и лицомъ къ лицу встрѣтилась съ жизнью. Больно было для ея дѣвическаго самолюбія, что молодежь отдаетъ предпочтеніе безсодер-

1) „Кievskij Телеграфъ“, 1875 г., № 30.

жательной красотѣ Ольга Дашковичъ передъ умомъ и серьезнымъ развитіемъ ея—Катеринѣ Воздвиженской. И воть, на одной изъ домашнихъ вечеринокъ она пропѣла надъ собой грустную лебединую пѣснь, въ которой высказала и жалобу на людскую несправедливость, и скорбь о неизвѣданныхъ, но недоступныхъ для нея радостяхъ любви.

Радюкъ познакомился съ двоюродными сестрами уличныхъ образомъ, подобно тому, какъ познакомились съ Сухобрусовнами Дашковичъ и Воздвиженскій. Онъ сталъ ухаживать за Ольгою и разывать ее въ смыслѣ своихъ идей. Но легкомысленная Ольга тупо поддавалась идеямъ Радюка и интересовалась не столько самими идеями, сколько ихъ проповѣдникомъ. Его ухаживанье за Ольгою кончилось тѣмъ, что, послѣ одного крупного разговора съ мѣстными духовными властами въ домѣ Дашковича и начавшагося преслѣдованія украинофильства, Радюкъ получилъ отъ Ольги рѣшительный отказъ.

Мы не будемъ излагать, вслѣдъ за авторомъ, родословной Радюка и не пойдемъ съ нимъ на его родину любоваться восхитительными видами украинской природы и щирими украинцами и украинками. Подобныя идиллическія картины малорусской жизни нарушаютъ целостность впечатлѣнія, производимаго повѣстю, и легко могли бы быть выпущены изъ нея, безъ ущерба дѣлу. Скажемъ только о заключительной судьбѣ героевъ и героинь повѣсти. Ольга вышла замужъ за пожилаго полковника, считывая на его богатство, котораго на дѣлѣ не оказалось. Радюкъ женился на щирой украинкѣ Галь Масюкивѣ, не испорченной институтскимъ воспитаніемъ, а Катерина Воздвиженская вышла замужъ за некрасиваго Кованька, вовсе не любившаго Катерину и только желавшаго воспользоваться ея приданымъ. Катерина знала и видѣла это и все-таки вышла за Кованька замужъ.

„Вѣрность и новость чертъ быта кіево-подольского купечества, говорить одинъ рецензентъ,—студентовъ и профессоровъ академіи, и некоторыхъ чертъ жизни полусколастическихъ ученыхъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, все это дѣлаетъ повѣсть г. Левицкаго во всякомъ случаѣ цѣннымъ литературнымъ произведеніемъ. Вполнѣ отвѣчаютъ кіевской дѣйствительности шестидесятыхъ годовъ и черты мѣстныхъ Фамусовыхъ и Загорецкихъ, которые, послѣ вечера у Дашковича, сдѣлали Радюку репутацію неблагонадежнаго человѣка“¹⁾). Но другой рецензентъ, кажется, принадлежащий къ академической средѣ, не видѣтъ въ повѣсти г. Левицкаго полноты бытовой правды. „Мѣсто дѣйствія повѣсти „Хари“,—говорить онъ, открывается въ кіевской духовной академіи, выводится на сцену профессора, студенты академіи и т. д. Прой-

¹⁾) „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 30.

деть нѣсколько десятковъ лѣтъ, и какойнибудь любознательный изслѣдователь судебнѣй киевской академії, быть можетъ, воспользуется книгою г. Левицкаго, какъ историческимъ материаломъ, для характеристики того периода, когда „ще не было вибрів ни на кафедрахъ, ни на побічно службу въ академії“, и будетъ усиливаться угадывать, какое дѣйствительное лицо разумѣть авторъ подъ тѣмъ или другимъ профессоромъ или студентомъ. Теперь, по свѣжей еще памяти, можно сказать, что всѣ усилия возсоздать по книгѣ Левицкаго историческую дѣйствительность недавняго прошлаго академії будуть довольно бесполезны. Дѣйствительность такъ видоизмѣнена въ субъективномъ представлѣніи г. Левицкаго, что истинная академія не узнаетъ своей прошлой жизни въ томъ, что выдается г. Левицкимъ за жизнь якобы киевской академіи.. Исключение составляютъ нѣкоторыя бытовыя картины, нѣсколько сходныя съ дѣйствительностью, хотя все-таки слишкомъ утрированы... Люди, близко знающіе прежній академическій бытъ и сами бывшіе студентами академіи, быть можетъ, скажутъ, что и эти картины нарисованы невѣрно“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, главная цѣль автора состояла не въ дагерротипическомъ воспроизведеніи дѣйствительности, а въ проведеніи изкѣстныхъ идей и художественномъ выраженіи ихъ. Но и въ этомъ отношеніи, — по отзывамъ рецензентовъ, — повѣсть оставляетъ желать многое лучшаго. „Въ повѣсти, — говорить одинъ рецензентъ, — дѣйствуютъ три поколѣнія: купецъ Сухобрусь, отецъ женъ Воз-движенскаго и Дацковича, эти послѣднія съ ихъ мужьями и дочерями ихъ, Катерина и Ольга, съ обожателями послѣдней; среднее поколѣніе можетъ въ равной мѣрѣ быть признано героями, какъ и младшее. Да и въ младшемъ поколѣніи киевская пансионетка Ольга, пожалуй, гораздо именыше герояни, чѣмъ кутюрская панночка Гали, которая пѣнилась сначала сердце молодаго Радюка, потомъ безъ особыхъ резоновъ забывается имъ и, наконецъ, безъ особыхъ резоновъ становится его женой, послѣ разрыва его съ Ольгой. Въ повѣсти изображены и два мѣста дѣйствія, Кіевъ съ духовной академіей, ея студентами, профессорами, со студентами университета, институтомъ, и деревня въ Полтавщинѣ съ мелкими и средними панами; затронуто слегка и третье мѣсто, село Сегединцы, родина Дацковича, съ тамошнимъ людомъ. Но всѣ эти картины, или иногда только очерки ихъ, не связаны необходимо одна съ другою, не отвѣняютъ другъ друга, не выясняютъ идеи повѣсти. Собственно говоря, и самую идею схватить трудно, если она не состоѣть въ желаніи показать, какъ лишиено бываетъ всякихъ корней воспитаніе, если оно не проникнуто національнымъ чувствомъ, національными стрем-“

1) „Киевскія епархиальные вѣдомости“, 1875 г., № 2.

лениами, если оно въ рукахъ чужихъ людей. Идея эта довольно спорная и условна, такъ какъ национальность — только форма, а не содержание. Идеи о народѣ почти что забываются самимъ авторомъ, занятымъ форжю, национальностью,—отчего у него такъ мало картинъ изъ народной жизни, такъ онѣ бѣдны и такъ мало связаны съ канвою новѣти, вообще довольно неуловимой... Въ настоящемъ видѣ повѣсть г. Левицкаго вовсе нельзя назвать удачшеюся ни по ея композиціи, ни по идеѣ, ни по изображенію главнаго ея представителя. Въ довѣрженіе, она безмѣро линна и полна повтореній, въ особенности въ описательной части, въ которой, впрочемъ, попадаются прекрасныя мѣста, дышащія неподдельнымъ чувствомъ любви къ Кіеву и дѣлающія повѣсть кіевскою по преимуществу. Красота вѣкоторыхъ описаній, вѣсколькихъ лирическихъ мѣстъ, вѣрность изображенія хуторскпхъ малороссійскихъ пановъ составляютъ во вскомъ случаѣ достопримѣчательство повѣсти. Но всѣ эти достоинства ея еще больше выдвигаютъ на видъ ея недостатки, а сравненіе ея съ прежними повѣстями и рассказами автора заставляетъ призадуматься надъ тою дорогою, на которую выступилъ онъ. Дорога эта шатка и опасна для таланта г. Левицкаго". Самый языкъ „Хмаръ“, равно какъ и другой большой повѣсти г. Левицкаго „Причепа“, отличается прозрачностию и близкостію къ русскому литературному языку и мѣстами обилуетъ иностранными выраженіями. „Какъ нарочно,—говорить тотъ же рецензентъ,—языкъ повѣстей Левицкаго, чѣмъ дальше отъ народнаго быта, тѣмъ больше становится не только иенароднымъ, но и мало оригинальнымъ, все менѣе малорусскимъ и все больше литературно-русскимъ, и языкъ повѣстей, словно написанныхъ съ цѣлью доказать, что и по-малорусски возможны не только разскѣзы, но и романы въ родѣ „Рудина“ и „Отцы и дѣти“, мѣстами оказывается какимъ-то переводомъ если не легкой малорусской подправкой языка Тургенева. Это и совершенно естественно; ибо беллетристика не можетъ упраждать жизнь и безнаказанно отрываться отъ нея“ ¹⁾.

Впрочемъ, и самъ г. Левицкій какъ будто понялъ, что ему менѣе удается изображеніе нравовъ того образованнаго общества, котораго до него не касались украинскіе повѣстнователи, и въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ уже не возвращался болѣе къ этому предмету. Шопробовалъ — было онъ пересказать украинскія народныя думы о Марусѣ Богуславкѣ въ четырехъ-актной оперѣ; но настоящимъ призваніемъ своимъ считаетъ изображеніе современнаго быта укра-

¹⁾ „Кіевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 30.

инского народа и социальныхъ его недуговъ. За эти повѣсти и разсказы онъ и пользуется въ Малороссіи заслуженною известностью, хотя и въ нихъ есть значительные недостатки, какъ-то: идеализація украинской природы и жизни, многословность, отступленія отъ главнаго предмета въ сторону и повтореніе однѣхъ и тѣхъ же картинъ природы въ различныхъ повѣстяхъ и рассказахъ.

Изъ малорусскихъ писателей г. Левицкій ближе всего подходитъ къ Марку-Вовчу. Есть у этихъ писателей даже довольно сходныя частности. Изъ русскихъ писателей г. Левицкій слѣдуетъ больше всего Тургеневу, а въ комедіи на „Кожумъякахъ“, можетъ быть, и Островскому.

3.

II. Мирный (псевдонимъ) ¹⁾.

П. Мирный, современный писатель, началъ писать приблизительно съ 1872 года и первыя свои произведения печатали за границею. Текущи его произведения: 1) повѣсть „Лихий попутавъ“, въ 8 и 9 №№ галицкой „Правды“ за 1872 годъ; 2), „Пьяница“, разсказъ, напечатанный тамъ же, въ 16—19 №№ за 1874 годъ; 3), „Хіба ревуть воли, якъ ясла повні?“ романъ пізь народного быта въ пяти частяхъ, Львовъ, 1878 года. Въ Россіи появилась пока только первая часть его романа, подъ заглавиемъ „Повія“, напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ.

О заграничныхъ изданіяхъ произведеній г. Мирного мы можемъ кое-что сказать только съ чужихъ словъ „Лихий попутавъ“ есть первое, молодое произведение писателя,— говорить В. Г-ко,— исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ, и тамъ мелькнула ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпила ее. Оказался обманъ. Наступили черные дни искуплениія, безъ надежды впереди. Этотъ раззвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увиданіе исполнены свѣжести и

---

¹⁾ Источники: 1) „Покажчикъ“ М. Комарова, 1883 г., 2) бібліографія въ „Кіевской Старинѣ“, за іюнь, 1883 г.; 3) газета „Заря“, 1883 г., № 117.

чувства. — *Польница* — другой психологический этюдъ. Молоденький чиновникъ, существо робкое, тихое, осмѣялся полюбить дочь хозяйки — мѣщанки, у которой стоять на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной, яѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью бранаго, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую победу. Маленький чиновникъ зашиль съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губенскихъ кабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ, и весь разскать дышетъ гуманнымъ чувствомъ¹⁾. Романъ „хіба ревуть воли, якъ ясли повні?“ написанъ г. Мирнымъ въ сотрудничествѣ съ другимъ украинскимъ писателемъ И. Білокомъ, переводчикомъ нѣкоторыхъ сочиненій И. С. Тургенева на украинскую рѣчъ, составляетъ одно изъ лучшихъ и законченныхъ произведеній автора и, кажется, скоро появится въ Россіи. Этому роману указываютъ видное мѣсто въ украинской литературѣ¹⁾.

Главнымъ предметомъ послѣдняго романа г. Мирнаго „Поні“ служитъ житѣе — бытие крестьянки вдовы. Тяжело жилось Параскѣ до безвременной смерти мужа; мало она знала радостей въ жизни и прежде. Непрестанная работа,—ни погулять, ни отдохнуть. А нужда, какая была, такой и осталась; „сь самаго малку якъ прицепилася, та й досі...“ Цѣло було доброго въ серці, що було живого въ душі, якъ той шашль вона проточила. И краса була, не знатъ — коли сносилася, и сила була — не знатъ, ле ділася; яки надії були — и тихъ не має“. Такъ размышляетъ Приська въ тревожномъ ожиданіи „чоловіка“ изъ города. Іже нѣсколько дній прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пилипъ поїхалъ въ городъ продать жито на уплату податей, уже односельчане его возвратились въ село, а о Пилипѣ ни слуху, ни духу. Дѣйствіе романа начинается зимио, въ суровые декабрскіе морозы; нужда погнала крестьянку на ярмарку, не взирая на стужу и вьюгу. Пилипъ былъ человѣкъ добрый; онъ скорѣе, бывало, поступится своимъ, нежели посягнетъ на чужое; иногда, разсердившись, Приська банила его „макухою“, неспособнымъ постоять за свое; а опѣй ей, бывало, въ отвѣтъ: „одъ скаженного поли вріжъ, та тікай“; ни жены, ни дочери онъ не обижаль никогда. Жили они вмѣстѣ долго, „побрались“ еще за времѧ „крѣпацтва“, 13 лѣтъ вмѣстѣ работали крѣпаками, но и воля

¹⁾ Мы, впрочемъ, не имѣли возможности прочитать этого романа.

не улучшила ихъ быта. „Въ прошломъ году стянулись на корову“, — вспоминаетъ Приська. Но годъ вышелъ неурожайный, хлѣба едва хватило для себя, о продажѣ и думать было нечего. Заработковъ на сторонѣ никакихъ. „А тутъ пристають, давай подушнѣ“. Съ весны не заплатили за первую половину, осенью давай за цѣлый годъ. Корова была продана за подать. Но все-таки тогда былъ въ семье мужчина, на немъ лежали всѣ хлопоты и тяжести. А теперь? „прійдутъ и хату разнесутъ на части...“ Що вона зробить? вона недужа, незнаюча нічого“ Тревога и опасенія Приськи оправдались. Нілипъ замерзъ въ дорогѣ, и съ этого момента начинается скорбная эпоха бѣдной вдовы — крестьянки, не могущей справиться со всѣми „случайнostями“, изъ которыхъ обыкновенно складывается жизнь подобныхъ ей существъ. Авторъ мастерски нарисовалъ условія, въ которыхъ попала крестьянка по смерти мужа, преслѣдуемая жаднымъ до чужаго добра, багатыремъ Грыцькомъ Супруненкомъ, сборщикомъ податей. Онъ взъѣлся на вдову изъ-за сына Хлѣдора, которому полюбилась дочка Приськи Христа, и поставилъ задачей выжить семью изъ села, по крайней мѣрѣ Христю. Онъ не разбираетъ средствъ для достижения цѣли, грабить беззомощную женщину, пользуясь для того своимъ положениемъ въ селѣ и своимъ влияніемъ на крестьянъ, особенно на сельское начальство, и невѣжествомъ вдовы. Грыцько — „багатырь, дука“; у него три пары воловъ, двѣ лошади, цѣлая сотня овецъ, два двора; въ одномъ онъ живеть самъ съ женой и пеженатымъ сыномъ, другой отдаетъ въ наймы. Прошлымъ Грыцько авторъ занимается мало, упоминувъ только, что онъ былъ прикащикомъ у своего помѣщика. А теперь Грыцько — сборщикъ и кулакъ, живущій въ дружбѣ съ остальными багатырями села и съ сельской старшиной, похваляющійся своей силой надъ „міромъ“ и, разумѣется, пользующійся дурной славой среди „бідноты“. Изъ пяти рублей, которые были найдены на мертвомъ Нілипѣ, Грыцько уплачиваетъ три рубля податей, а остальные два удерживаетъ у себѣ. На всѣ просьбы и мольбы вдовы отдать ей деньги „багатырь“ отвѣчаетъ бранью, смѣхомъ и издѣвательствомъ. Это былъ первый опытъ нападенія на бѣдную женщину изъ-за сына, и опытъ удачный. Съ этого времени онъ не даетъ покоя убогой семье, задумывая отнять у нея землю, присвоить ее себѣ или передать кому либо другому, кто платилъ бы и подать, и выкупные. Послѣдняя попытка впрочемъ не удастся, благодаря тому, что въ громадѣ нашлись добрые люди, которые на сельскомъ сходѣ доказали всю несправедливость заявленій Супруненка. Тогда онъ, вмѣстѣ съ другимъ багатыремъ, подѣлываетъ росписку, по которой Приська обязана или заплатить семь рублей, или отдать единственную дочь въ наймы къ минимуму кредитору. Денегъ у вдовы ни „шеляга“, и она вы-

нуждена лишиться любимой дочери-работницы. На этомъ оканчивается первая часть романа, появившагося въ „Радѣ“.

„Такова фабула романа, принадлежащаго несомнѣнно талантливому беллетристу. Въ художественномъ отношеніи романъ Мирнаго,— говорить одинъ рецензентъ,— представляетъ, правда, немаловажные недостатки. Прежде всего онъ растянутъ, особенно въ началѣ до извѣстія о смерти Пилипа; здѣсь слишкомъ много места отведено жалобамъ Приськи на свою судьбу; действительность настолько неприглядна, что правдивое изображеніе ея не нуждается въ реторическихъ прикрасахъ. Есть также немало мѣстъ въ романѣ, посвященныхъ описанию подробностей, которыхъ понятны сами собою“¹⁾.

Впрочемъ, и эти недостатки романа „Повѣя“ оспариваются другимъ рецензентомъ его г. В. Г—ко, очевидно, близко стоящимъ къ автору. „Г. Мирный,—говорить г. Г—ко,—полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь, это ясно, извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнуть народнымъ мировоззрѣніемъ.. Писать по-малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ изобразителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій заодно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малорусски. Разверните любую страницу „Повѣя“. Какое полное отсутствіе малѣйшаго усилия! какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на свое мѣсто и въ свое время! Писатель, видѣвшій народную жизнь желькомъ, налетами, заботясь о вѣрности „обстановки“, ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣть ничего подобнаго. Языкъ—живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ „ковкой“. Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобы прибѣгать къ выдумкѣ. Читая „Повѣя“, чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣеть она, когда ею, этимъ народнымъ словомъ описывается жизнь народа. Этотъ языкъ сливъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всемъ духовною природою украинца, и гдѣ найти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?“

„Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительно,—продолжаетъ В. Г—ко,—краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣть въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы вполнѣ обыденна. Вполнѣ реальная и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобы такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явле-

1) „Заря“, 1883 г., № 117.

вій онъ береть то, которое нужно для задуманной имъ романической коллизіи. Это—его право. Наряду съ жизнью этихъ женщинъ рисуются разнообразныи фигуры крестьянства, отъ бездушного, алаго стажателя и воротилы Грыцка Супруненка, алаго генія Приськи, до прымодушного, доброго Карна и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьянской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центръмъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми булами, ея вѣчной заботой. Только разъ, въ одной главѣ, разсвѣвается немного этого мрака. На дворѣ—рождественская ночь, колядки. Христи (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матери, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романиста уснastить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставаемой съ полокъ библиотеки! У г. Мирнаго на первомъ планѣ люди, а не обычай, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта цѣтая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поззіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь" ¹⁾.

4.

М. Л. Кропивницкій.

М. Л. Кропивницкій—современный малорусскій писатель и актеръ, уроженецъ екатеринославской губерніи. Изъ его произведеній извѣстны слѣдующія: 1) „За сиротою въ Богъ зъ калитою“, въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ за 1871 годъ; 3) „Турецка війна зъ ставъ-нами“, разсказъ въ 53 № „Одесского Вѣстника“ за 1877 годъ; 3) „Дай сердцу волю, заведе въ неволю“, драма въ пяти дѣйствіяхъ; 4) „Гантай або ж павукъ“, драма въ пяти дѣйствіяхъ; 5) „Невольникъ“, драматическая картина въ пяти сценахъ; 6) „Помирились, жартъ въ 1 дї.“ Постѣднія четыре пьесы вышли особой книгой, подъ заглавіемъ: „Збіранкъ творівъ Кропивницкого. Кіевъ 1“¹. Кромѣ того, игралась

1) „Киевская Старина“, за іюнь, 1883 г.

ето введеніе не изданія п'есы Кропивницкаго. 7) „Дови сонце зайде—
роса очі виєтъ“¹⁾; 8) „По ревнії“; 9) „Люю ще кожному лыхо“, и
10) „Пошлились у дурні“. Мы остановимся только на последнихъ вось-
ми пьесахъ, какъ болѣе известныхъ и интересенныхъ. Изъ нихъ „Неволь-
ника“—исторического характера, а остальная четыре касаются совре-
менного народнаго быта.

Пьеса „Невольникъ“ передѣлана г. Кропивницкимъ изъ поэмы
Шевченка подъ такимъ же заглавиемъ, относящимся, по мысли Шев-
ченко, ко времени разоренія Запорожской Сечи русскими войсками въ
1775 году и окончательного закрѣпощенія украинскаго простонародья
за помѣщиками. Но г. Кропивницкій лишилъ эту поэму ея внутрен-
няго соціально-общественного значенія и хронологической даты и до-
полнилъ свою передѣлку такими прибавленіями, которыхъ служатъ лишь
къ наружному округленію и полнотѣ пьесы и къ специальной поста-
новкѣ ея. Первое и второе дѣйствія, впрочемъ, весьма близко слѣдуютъ
за поэзіей Шевченка. У Василя Коваля, старого запорожца, росли вмѣ-
стѣ дочь его Ярина и сирота пріемышъ Степанъ, считавшій себѣ род-
нымъ сыномъ Василя. Когда Степанъ и Ярина выросли, старый Василь
Ковалъ задумалъ устроить судьбу молодыхъ людей, жившихъ доселѣ
какъ братъ съ сестрою, предварительно пославъ Степана на нѣсколько
лѣтъ въ Сѣчь Запорожскую, чтобы онъ повидать свѣта и добрыхъ лю-
дей и приобрѣлъ рыцарскую славу въ борьбѣ съ врагами христіанства
за православную вѣру. Василь призываетъ къ себѣ Степана и Ярину,
заставляетъ ихъ танцевать вмѣстѣ подъ звуки своей бандуры и, послѣ
танцевъ, объявляетъ Степану, что онъ не сынъ его, а только пріемышъ,
и чтобы онъ собирался вѣхать въ Сѣчь. Степанъ пораженъ новымъ для
него открытиемъ обѣ его происхожденій, не менѣе его поражена и
Ярина; но за то у нихъ пробуждаются новые, нѣжныя чувства и отно-
шенія другъ къ другу и открывается перспектива взаимнаго супруже-
скаго счастія. Степанъ собирается и отправляется въ Сѣчь,—и второе
дѣйствіе оканчивается трогательнымъ прощеніемъ его съ Василемъ Ко-
валемъ и особенно съ Яриной. Третье и четвертое дѣйствія написаны
г. Кропивницкимъ заново. Въ третьемъ дѣйствіи козаки Опара, Кукса.
Неплюй и другіе, отдыхаютъ около костра послѣ сраженія, на которомъ
паль прежній ихъ куреній атаманъ и на мѣсто его выбранъ въ ата-
маны отличившійся въ этомъ сраженіи своею храбростю Степанъ, со-
перничаетъ другъ передъ другомъ въ брехнѣ и пьють пресланную имъ

1) Перечень сочиненій г. Кропивницкаго и рецензій на нихъ см. въ „По-
кажчикѣ“ М. Комарова, 1883 г. Рецензію на его „Вбірникъ“ см. въ „Кievskoj
Старинѣ“, за ноябрь, 1883 г.

оть куренного атамана водку. Къ нимъ является бандуристъ Недобитий и играетъ имъ на бандурѣ, а козаки танцуютъ. Черезъ нѣсколько времени появляется Степанъ, и Недобитий передаетъ ему вѣсточку и письмо оть Ярины. Козацкій отдыхъ прерывается известіемъ о наступленіи орды на козаковъ съ двухъ сторонъ и приготовленіемъ къ бою. Въ четвертомъ дѣйствіи представляется картина турецкой тюрьмы съ невольниками-козаками въ оковахъ. Козаки сговариваются бѣжать изъ тюрьмы. Къ нимъ входить бандуристъ Недобитий въ турецкой одеждѣ съ бородою, вѣршился какимъ-то образомъ въ добѣріе къ туркамъ, и помогаетъ Степану и его товарищамъ перепилить кандалы и бѣжать изъ тюрьмы по спущенной внизъ веревкѣ. Въ пятомъ дѣйствіи изображается возвращеніе освѣпленного турками за побѣгу Степана на родину, въ общихъ чертахъ согласно съ поэмой Шевченка, его прибытіе къ Василию Бовали и женитьба на Яринѣ. Въ этой пьесѣ есть много трогательныхъ мѣсть, и чувствуется правдоподобіе описанія душевнаго состоянія и быта главныхъ дѣйствующихъ лицъ, беззечности и отваги бездѣмныхъ сѣчевиковъ; но картины, вставленныя самими г. Кропивницкими въ восполненіе поэмы Шевченка, мало имѣютъ внутренней органической связи съ существеннымъ содержаніемъ пьесы, а вся пьеса, при всѣхъ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, не дѣйствуетъ на слушателя возбуждающимъ образомъ, потому что содержаніе ея относится къ безвозвратно минувшему времени, оть насы отдаленному.

Другое дѣло—современные бытовыя пьесы Кропивницкаго „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“, „Глітай або жъ павукъ“, „Помирились“, „Доки сонце зіде—роса очі виістї“ и др. Въ нихъ затрагиваются животрепещущіе интересы современной южнорусской народной жизни, какъ она сложилась или складывается послѣ уничтоженія крѣпостничества и введенія важнѣйшихъ реформъ прошлаго царствованія.

Одну изъ важнѣйшихъ язвъ народной жизни въ послѣднее время составляютъ кулаки-міроїди, захвативши въ свои руки всѣ пружины деревенской жизни и высасывающіе изъ нея послѣдніе соки. Изображенію этой язвы посвящены у Кропивницкаго двѣ пьесы: „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“ и „Глітай або жъ павукъ“. Главными отрицательными типами въ обѣихъ пьесахъ являются именно кулаки-міроїди или ихъ сыновья,—міроїди, не принадлежащіе, строго говоря, къ народной массѣ и вышедши изъ лакеевъ. Но тогда какъ въ первой изъ этихъ пьесъ главныя пружины дѣйствія, находящіяся въ рукахъ сельского старшини, заслоняются отъ читателя второстепенными лицами и бытовыми картинами, хотя, тѣмъ не менѣе, чувствуются, такъ сказать, инстинктивно,—въ другой пьесѣ „Глітай або жъ павукъ“ эти пружины раскрываются въ самомъ процессѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ почти отталкивающихъ своихъ подробностяхъ.

Ходъ пьесы „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“, слѣдующій. Парубокъ Семенъ Мельниченко и дивчина Одарка любать другъ друга и разсчитываютъ жениться. Мельниченко отправился на заработки въ Бессарабію и теперь возвращается домой, заработавши 80 рублей на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Прежде всего онъ видится со своей Одаркой, бесѣдуетъ съ ней по-другому и отъ неи узнаетъ, между прочимъ, что бывшая подруга Одарки Маруся теперь стала на нее за что-то сердиться, „неновъ я Микиту відъ неї одворожила“. Этотъ Микита былъ сынъ старшины, избалованный парень, который воображалъ, что ему, какъ сыну властного отца, все должно быть покорно въ селѣ, и что ему не смѣть отказать въ руцѣ своей ни одна дивчина, ему полюбившаяся. Всякое, даже малѣшее препятствіе къ осуществленію его желаній и прихотей только еще болѣе раздражало его капризный нравъ. Чѣмъ менѣе обращала на него вниманія Одарка, тѣмъ болѣе преслѣдовалъ онъ ее своимъ ухаживаніемъ. Вотъ и теперь первое свиданіе Семена съ Одаркою было прервано вмѣшательствомъ Микиты, который, считая Одарку какъ бы своею собственностью, враждебно встрѣчается съ Семеномъ и съ угрозою требуетъ отъ него, чтобы онъ не ходилъ больше къ Одаркѣ. Но его не слушаютъ и относятся къ нему съ полупрезрѣніемъ. Послѣ столкновенія съ Микитой, Семенъ встрѣчается со своимъ побратимомъ сиротой Иваномъ, весельчакомъ, который проходитъ черезъ всю пьесу, какъ добрый гемій Семена и его невѣсты Одарки, и выручаетъ ихъ своимъ самопожертвованіемъ въ самые критическія минуты ихъ жизни. Оба побратима участвуютъ, затѣмъ, въ выборѣ изъ среды парубковъ „березы“, т. е. главнаго распорядителя на деревенскихъ вечерницахъ, сезонъ которыхъ и открывается въ тотъ же вечеръ въ хатѣ вдовы Морозихи. Сюда собираются и парубки и дивчата, первые съ выпивкою, вторыя—съ закускою; въ числѣ другихъ посѣтителей пришли сюда Микита, Маруся, неравнодушная къ Микитѣ и ревновавшая его къ Одаркѣ, Одарка, Семенъ, Иванъ и др. Очеркъ вечерницъ нарисованъ авторомъ превосходно, съ тщательной отдѣлкой частностей. Тутъ вы видите и бытовую обстановку малорусскихъ вечерницъ, и блескъ парубочьяго и дѣвичьяго остроумія и взаимнаго покровленія, и проявленія ревности между иними соперницами Маруся и Одаркой, и заносчивость Микиты и дружный отпоръ ему со стороны остального рядового парубоцтва. Все это такъ правдиво, такъ психологически вѣрно! Убѣдившись, что Одарка не только не любить его, но и боится его какъ черта, Микита обратился съ просьбой къ ворожбите, чтобы онъ приворожилъ къ нему Одарку. Но чары не помогли. Тогда Микита, въ самый день формальнаго сватовства Семена, черезъ Маруся вызываетъ его изъ хаты къ себѣ на улицу и пытается задушить или зарѣзать его; но Семена спасаетъ сторожившій

шю счастье Иванъ и призывасть своихъ товарищъ-парубковъ, которые называли Микиту, какъ амбъя. Свадьба Семена съ Одаркой была сыграна. Маруси помышлялась отъ безнадежной любви къ Микитѣ. Арестованый Микита бѣжалъ изъ-подъ ареста и сдѣлался бродягой. Семенъ зажилъ счастливо со своей Одаркой, но и надъ его головой вскорѣ повисла бѣда: его назначили въ рекруты. Это было передъ послѣдней русско-турецкой войной. Иванъ снова выручаетъ Семена изъ бѣды и идетъ за него въ солдаты. Черезъ четыре года послѣ этого судьба или авторъ снова, и не безъ нѣкоторой искусственности и на-такимъ, сводить главникъ дѣйствующихъ лицъ вмѣстѣ. Иванъ, воротившись съ войны раненнымъ, гостить у Семена и разсказываетъ своему побратиму о своихъ приключенияхъ на войнѣ. Въ это время къ Семену, занимавшему должность сотского, превозжатый приводить одного арестанта, для отведенія ему квартиры. Оказалось, что то былъ Микита, пойманный какъ бродяга и препровождаемый теперь для возвращенія на мѣсто жительства. Семенъ и Одарка сообщаютъ Микитѣ, что домъ и имущество его родителей сгорѣли отъ поджога помышдавшейся Маруси, а сами они умерли, и радушно предлагаютъ ему у себя пріютъ на время. Микита остался у нихъ, но, терзаемый сознаніемъ своего глубокаго паденія и завистью къ счастью Семена, ночью снова рѣшился поднять на него свою преступную руку. Слова примиренія и любви, сказанныя Семеномъ сквозь сонъ, остановили Микиту; онъ хотѣлъ бѣжать изъ хаты, но тутъ же упалъ въ изнеможеніи и скоро умеръ, принесши передъ Иваномъ страшную исповѣдь.

„Драма „Дай сердю волю“ задумана хорошо,— говорить одинъ рецензентъ; въ ней много прелестныхъ картинъ и типовъ, хотя нельзя сказать, чтобы они были одинаково полно отѣбланы. Такъ напримѣръ, этотъ Семенъ и Одарка слишкомъ сентиментальны“¹⁾. „Это—не живые люди,—говоритъ другой рецензентъ,—а какіе-то ходячіе образы солидныхъ и скромныхъ добродѣтелей. Въ лицѣ Семена и Одарки въ цѣлесѣ торжествуетъ добродѣтель; порокъ наказывается въ лицѣ Микиты. Но, какъ это часто бываетъ, отрицательный типъ вышелъ болѣе удачнымъ. Въ Микитѣ мы видимъ твердость характера, энергию и силу чувства,—задатки, которыи не могутъ сдѣлать изъ человѣка и идеального героя, и злодѣя, смотри во тому, на что направится его сила. Микита не вышелъ ни тѣмъ, ни другимъ: вся сила его характера ушла на личное чувство и, не поборовъ его, сгубила себя. Характеръ Микиты со всѣми его недостатками, съ его недюжинной смѣй, не сдержанной ни умомъ, ни стойкостью нравственныхъ прин-

1) „Южный Край“, 1882 г., № 640.

цировъ, очень живо обрисованъ авторомъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи изстрадавшіяся Микита возбуждаетъ въ читателя испренное чувство со-страданія и грусти. Кромѣ указанного недостатка, — слабой обрисовки идеальныхъ тепотъ, драма „Дай сердцю волю, заведе въ неволю“ стра-дастъ въ началѣ и концѣ растянутостью дѣйствія. Первый монологъ Семена и бесѣда его съ Одаркой въ первомъ дѣйствіи слишкомъ рас-тинуты. Сантическая изліянія утомляютъ читателя и теряютъ, на-конецъ, свой интересъ. Въ послѣднемъ дѣйствіи монологъ Микита и сцена его предсмертной агоніи тоже черевчуръ длинны¹⁾). При всёмъ томъ, эта драма считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Кропив-ницкаго.

Въ другой пьесѣ „Глатай або жъ павукъ“ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является богатый старикъ — крестьянинъ изъ лакеевъ, Осипъ Степановичъ Бычокъ, сдѣлавшійся пьякою для всего крестьянскаго населенія въ околодкѣ: всѣ остальные дѣйствующія лица этой пьесы служатъ только безотвѣтными жертвами алчности и распутства этого старого, безсердечнаго грѣховоднича, прикрывающаго свою черную душу личиной наружнаго благочестія. Бычокъ, какъ и отецъ Микиты въ предыдущей пьесѣ, происходилъ изъ лакеевъ, утаилъ деньги своего умершаго господина полковника и, для большей наживы, опугалъ кресть-янъ своими паутинными сѣтами и постепенно высасывалъ ихъ кровь. Въ этой пьесѣ есть нѣсколько явленій, которыхъ, повидимому, не имѣ-ютъ тѣсной, непосредственной связи съ главнымъ содержаніемъ ея и введены только для того, чтобы показать, какими путями и способами Бычокъ завлекалъ въ свои сѣти простой народъ и опутывалъ его. Это именно сцены встречи Бычка съ Мартынemъ Хандолей, богатымъ се-ляниномъ лѣтъ 45-ти, сдѣлавшимся жертвой Бычка, и явленіе первое въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ два крестьянина бесѣдуютъ между собою о Бычкѣ и раскрываютъ передъ нами его дѣйствія. Сцены эти введены т. Кропивницкимъ для общей характеристики Бычка и служатъ только фономъ для изображенія главнаго дѣйствія его, главной интриги пьесы. Бычку приглянулась девчина Оленка, дочь вдовы Стехи, родившіяся у ней отъ какого-то паныча. Бычокъ предлагалъ Стехѣ отдать ей свою дочь, чтобы она была „хозайкою, господинею“, убѣждая, что „не то шлюбъ, що піть звівча, а то, що Богъ благословить“. Но на этотъ разъ Стеха не поддалась убѣженіямъ Бычка и выдала свою дочь по-закону за парубка Андрія Кугута. Тѣмъ не менѣе Бычокъ продолжалъ нійтъ свои нечистые виды на Оленку. Онъ начинаетъ дѣйствовать че-резъ мать Оленки Стеху, даетъ ей въ долгъ денегъ, чтобы откупиться

1) „Одесский Вѣстникъ“, 1882 г., № 260.

отъ сборщиковъ податей, приступившихъ къ описи и продажѣ ея имущество, и задумываетъ выпроводить какимъ либо образомъ Андрія изъ села. Случай къ тому представился скоро. Заказчикъ Иванъ Павловичъ, при содѣйствіи Бычка, нанимаетъ къ себѣ Андрія въ прикашки на годъ и увозить его съ собой. Въ его отсутствіе сборщикъ опять приходитъ къ Стехѣ оцѣнивать ея имущество за недоимки въ платежѣ пошлины; Бычокъ снова предлагаетъ ей свою помощь и снова заговариваетъ съ Оленкѣ, но послѣдняя и слышать не хочетъ о Бычкѣ. Упорство Оленки еще больше раздражаетъ вожделѣнія Бычка. „Хіба я мало передававъ старій грішми, то хлібомъ?“ говорить онъ самъ съ собою. „Ta щобъ таки мое добро и пропало не за понюхъ табаки? О, ні! Якъ не вдастся теперъ, то знаю куди-небудь затошию Андрія, а ти, Оленко, таки хочъ на тиждень, ва день, а будешъ моею! Та я бъ задавивъ би себе своими руками, коли бъ пересвідчився у тімъ, що зъ грішми я не матиму чого з хочу! На що жъ и гроши тоді, на бісового батька вони, коли за нихъ не можна купити весь світъ? Спалити іхъ тоді, въ воду жбурнуть, на вітеръ пустить!..“ Бычокъ перехватилъ письмо Андрія къ Оленкѣ и, узнавъ изъ него, что онъ уже скоро воротится домой, подмѣнилъ это письмо другимъ, въ которомъ Андрей якобы писалъ о себѣ, что онъ полюбилъ на чужой сторонѣ другую и не вернется болѣе къ своей женѣ. Все подстроено было такъ, чтобы Оленка повѣрила этому подложному письму. Разбитая въ самыхъ дорогихъ своихъ чувствахъ и надеждахъ, Оленка топить свое горе въ винѣ, скрѣпя сердце соглашаются на гнусное предложеніе Бычка и переходить къ нему въ домъ въ качествѣ хозяйки и наперстницы; но она все-таки не можетъ забыть своего инічаго измѣнника, все еще дорогаго ей Андрія, постоянно бредить имъ и доходить до помішательства. Бычокъ не знаетъ, что съ ней дѣлать, и отправляетъ письмо къ становому, прося у него совѣта и помощи. Въ это самое время возвращается домой Андрій, узнаетъ отъ своей тещи о судьбѣ Оленки и является въ домъ Бычка. Помішавшися Оленка узнаетъ его и, оттолкнувшись мужемъ, падаетъ мертвою. Андрій не хотѣлъ вѣрить ея смерти и обратился къ ней съ словами прощенія и любви, но, убѣдившися въ горькой дѣйствительности, схватилъ ножъ, всадилъ его въ бокъ Бычку и затѣмъ предалъ себя въ руки правосудія.

„Въ лицѣ Есипа Ивановича Бычка, — говоритъ одинъ рецензентъ, — авторъ выводить предъ нами типъ міроѣда, который, основавшись въ деревенской средѣ, разбрасываетъ понемногу вити своей паутаны; и въ этой паутинѣ, подобно довѣрчивымъ мухамъ, зачутывается и гибнетъ бѣдный темный людъ. Шестидесяти - пятилѣтній старикъ Бычокъ — это типъ, намѣченный еще покойнымъ Шевченкомъ, но только въ другой средѣ; это именно тотъ „тыхый, да смиренный, да богоизбранный“, который

„якъ кишечка підкрається, виїде нещасливий у тебе чистъ та й запустить назурі въ печінки,—и не благай, не вимоляй ни диты, ни жинка“... Несомнѣнно, что идея этого произведения имѣеть глубокое общественное значеніе. Гнетъ и ростъ кулачества, свидшаго себѣ гнѣздо въ крестьянскомъ мірѣ,—такое явленіе, мимо котораго не можетъ пройти равнодушно ни одинъ человѣкъ изъ тѣхъ, кому близки интересы народа. На сколько жизнь выдвинула это новое явленіе, видно изъ того, что лучшіе наблюдатели народного быта посвятили не одну скорбную страницу изображенію этой язвы народной жизни. Талантливый беллетристъ Наумовъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ рисуетъ намъ образы міровѣдовъ, цѣлую сѣть „паутины“. Глѣбъ Успенскій работаетъ въ томъ же направлѣніи. Произведеніе г. Кропивницкаго является одной изъ яркихъ картинъ, проливающихъ свѣтъ на эту мрачную сторону крестьянской жизни, представляющихъ зло во всемъ его откровенномъ безобразіи¹⁾). Въ образѣ „глытая“ Бычка г. Кропивницкій правдиво свелъ всѣ черты этого типа: хищничество, лицемѣріе, беспредѣльный эгоизмъ, таящийся подъ лициною благочестія, практическій умъ, знаніе людей, умѣніе стать нужнымъ человѣкомъ, наглость съ слабымъ и полная приниженность и ужасъ въ минуту расплаты за грѣхи. Этотъ образъ дополняется характерной чертой сластолюбія. Въ этой чертѣ —узелъ драмы²⁾). „Фабула драмы—благодарна; въ ней содержится немало поводовъ къ глубокому драматизму: разлука влюбленныхъ, душевная борьба матери и особенно дочери прежде, чѣмъ отдаться окончательно въ руки паука, душевная состоянія лицъ, гонимыхъ нуждово въ его сѣти, и т. п. Но характеры и страсти только намѣчены авторомъ, а не развиты съ подобающею полнотою. Въ первомъ дѣйствіи, вообще несценичномъ, кажется не совсѣмъ правдивой сцена разлуки, когда крестьянинъ Андрій отправляется на сторону для заработка, и любящая его женщина предается нѣсколько неумѣренными лизланіямъ и жалобамъ. Во второмъ дѣйствіи вѣтъ изображенія тѣжкой борьбы, переживаемой женщиной въ виду предлагаемой измѣны возлюбленного и обольщенія со стороны „глытая“; вѣсто этого Олена слишкомъ расиространяется о своей красотѣ. За то правда и падость отличаютъ сцены вынужденныхъ, вымученныхъ нѣжностей Олени съ старымъ „глытаемъ“. Вообще, лучшую часть драмы составляютъ отношенія Олени и Бычка; есть недурные мѣста и въ роли Степи. Наибольше таланта обнаружено авторомъ въ послѣднемъ дѣйствіи, въ изображеніи душевныхъ мукъ полуопыщанной Олени³⁾.—

¹⁾ „Одесский Вѣстникъ“, 1882 г., № 260.

²⁾ Газета „Заря“, 1883 г., № 13.

³⁾ „Заря“, 1882 г., № 273.

Строгое всѣхъ отнесся къ пьесѣ рецензентъ, подписанійся Илліоганто, который дѣлаетъ о ней слѣдующій общій выводъ: „кромѣ тенденціи и отдѣльныхъ весьма немногихъ мѣстъ, въ этой пьесѣ, въ настоящемъ ея видѣ, все плохо“¹⁾.

Въ параллель съ предыдущими двумя пьесами нужно поставить изданную еще пока драму г. Броневицкаго „Доки сонце зайде-роса очі війстъ“. „Мотивъ драмы—самая живая современность“,—говорится въ одной рецензіи. „Это—картина переживаемой нами эпохи сословной розни, съ ея безчисленными жертвами. Борьба интересовъ, страстей, ионатій, весь этотъ міръ общественной и нравственной ломки, послѣдовавшей за актомъ освобожденія, розы поколѣній, хаосъ вновь устанавливавшихся сословныхъ отношеній, исканье новыхъ путей въ жизни и отстаивание старого,—все это знакомыя черты современности. Одна изъ безчисленныхъ жизненныхъ драмъ, въ которыхъ выражаются и дробятся общія черты современной эпохи, служить содержаніемъ драмы Кропивницкаго. Юноша студентъ, полный добрыхъ порывовъ, но не приготовленный и не закаленный воспитаніемъ къ жизни въ новыхъ, болѣе человѣческихъ и болѣе справедливыхъ условіяхъ, къ которой онъ стремится, любить крестьянскую дѣвушку. Противъ этой любви возстаютъ всею силой родные его: и отецъ, готовый допустить амурную щадость, но отказывающейся понять истинное чувство къ женщинѣ, стоящей ниже въ общественной лѣстницѣ, и мать, у которой любовь къ сыну не можетъ побѣдить вошедшіхъ въ кровь предразсудковъ. Они опутываютъ сытъю, сплетенной изъ хитростей и ласкъ, неустановившагося слабохарактерного юношу, чтобы отвлечь его отъ любимой дѣвушки. Въ это время на сеѣ противъ той же дѣвушки поднимается интрига, побудительной причиной которой служить ревность, а орудіемъ—темнота и невѣжество сельского люда. По наговору мнимой соперницы, сельская молодежь продѣлываетъ надъ Оксаной ужасный обрядъ отрѣзыванія косы и надѣванья смолянаго очинка. Страшное нравственное потрясеніе, испытанное дѣвушкой, вмѣстѣ съ предполагаемой измѣной „чанича“, вгоняетъ ее въ гробъ. Только надъ трупомъ ея открываются глаза у несчастнаго Бориса. Здѣсь совершается надъ нимъ то нравственное перерожденіе, которое изъ ребенка дѣлаетъ человѣка и изъ человѣка колеблющагося—убѣжденнаго. Надъ этимъ дорогимъ трупомъ онъ клинется посвятить всю любовь, талиющуюся въ его сердцѣ, на служеніе убогому и темному люду“. Отношения главныхъ, центральныхъ лицъ пьесы „оттѣняются и объясняются вводными лицами, въ характеристикахъ которыхъ схвачены также типичныя черты времени. Вотъ старикъ, крѣ-

1) „Заря, 1883 г., № 229.

шань Максимъ, человѣкъ, извѣдавшій на своей шкурѣ всѣ прелести крѣпостнаго права, скептически относящейся къ всѣмъ нормамъ „закона.“ Бориса и готовый только тогда покърить красивымъ словами, когда за ними слѣдуетъ несомнѣнное, реальное дѣло. Вотъ представительской категории юношества Горновъ, готовый бороться открыто и прямо, неся личныхъ жертвъ и ищасъ также на себѣ и общественность за свое дѣло, которое дѣлаетъ при свѣтѣ дни. Вотъ отщепенецъ деревни „саложныхъ дѣлъ мастеръ“ Гордій Микитовичъ, полный сознанія величія своего полуобразованія, представитель „тѣхъ задворковъ цивилизациі“, къ которымъ однимъ отирыть пока доступъ людямъ деревни и которые телько уродуютъ и развращаютъ ихъ. Рядъ второстепенныхъ фигуръ деревенскаго люда дополняетъ эту галлерю. Всѣ онъ, подобно главнымъ лицамъ, обрисованы типично и въ сценическомъ отношении представляютъ благодарный материалъ для актера¹⁾.

Всѣ разсмотрѣнныя досель пьесы г. Крошивницкаго какъ будто написаны по правиламъ прежнихъ героическихъ трагедій и выводить на сцену лишь съ мечутыми страстями и сильными характерами, которыхъ едва ли встрѣчаются въ обыденной жизни, особенно деревенской. Для вынаружения силы характера и страсти этихъ лицъ, авторъ иногда поставляетъ ихъ въ такія необыкновенные и неожиданные столкновенія, которыя являются у него какъ бы по мановенію волшебного жезла и отзываются предвѣренной искусственностью. Мѣстами есть у него уже очень сентиментальные сцены, неправдоподобные въ окружающей ихъ крестьянской средѣ.

Такого мелодраматизма мы не замѣчаемъ въ „жартахъ“ и водевиляхъ г. Крошивницкаго „Помирились“, „По ревизіи“, „Лыхо не кожному лысю“, „Пошлились у дурні“, уже по самому свойству жарта или комедіи и водевиля; но и здѣсь есть нѣкоторыя преувеличенія, пародіи и утрировки комического элемента. Тѣмой жарта „Помирились“ авторъ взялъ безпомощное положеніе неграмотнаго, темнаго человѣка, невѣduшаго ни о какихъ новыкъ законахъ и порядкахъ. Тѣма эта могла дать материалъ и для драмы, и для комедіи. Въ данномъ случаѣ авторъ выдвинулъ комический элементъ этой тѣмы. Хотя въ общемъ этотъ водевиль довольно скученъ, но въ немъ есть очень много бойкихъ мѣстъ, достаточно комическихъ положеній.—Шеса „По ревизіи“ представляетъ собою картину дѣятельности волостнаго суда. Старшина и писарь уже нѣсколько дней собираютсяѣхать по ревизіи, дѣлаютъ необходимыя распоряженія; все уже готово къ отѣзду, какъ вдругъ появленіе кума „псаломщика“ или кумы-матушки задерживаетъ старшину и писара;

1) „Заря“, 1883 г., № 22.

начинается кутежъ, и отъездъ по резизи откладывается. Въ тѣсны рамки этой пьесы авторъ сумѣлъ вложить прекрасныя бытовыя картины, выхваченные прямо изъ жизни. Правда, авторъ не вскрылъ внутреннихъ распорядковъ волостнаго суда, который изображенъ преимущественно съ его комической стороны, при чмъ комизмъ мѣстами неглубокій, чисто вѣшній, но попадаются въ пьесѣ превосходные моменты и живыя, типичныя лица, обнаруживающія въ авторѣ большую наблюдательность и несомнѣнныи талантъ ¹⁾. — Пьесы „Лыхо не кожному лыхо“ и „Пошлились у дурнї“ нельзя иначе назвать, какъ водевилами и, какъ таковыи, онѣ весьма недурны: смотрятся легко, разыграли весело, наполнены куплетами, словомъ—все, что требуется отъ водевилей. Противорѣчащаго народному быту вихъ ничего нѣть, но ничего нѣть и такого, что ввело бы въ васъ въ народную жизнь, за исключенiemъ развѣ разговоровъ, одежды, жилища и т. п. вѣшніхъ принадлежностей ²⁾.

„Произведенія г. Кропивницкаго, — говоритъ одинъ малорусскій критикъ, — цѣнное приобрѣтеніе для нашей небогатой украинской литературы. Въ нихъ сказывается знаніе жизни народной, которая является здѣсь не въ праздничномъ нарядѣ, а въ будничной „латаной свитынѣ“, и если и въ такомъ видѣ эта жизнь влечетъ къ себѣ симпатіи читателя своими соѣтными чертами,—эти черты въ ней неподѣльны. Дань прежнему сентиментальному направленію сказывается у г. Кропивницкаго слегка въ образахъ Семена и Одарки; въ общемъ же онъ стоитъ на вѣрномъ пути изображенія жизни народной, на которомъ нельзя не пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ“ ³⁾. „Общая всѣмъ произведеніямъ г. Кропивницкаго черта—хорошій малорусскій языкъ, обличающій въ авторѣ знатока живой народной рѣчи съ ея поговорками, пословицами и сравненіями“ ⁴⁾. Указываютъ еще на ту особенность въ произведеніяхъ Кропивницкаго, что онъ „выводить на сцену жизнь правобережной херсонщины, которая до сихъ поръ была terra incognita для малорусскихъ писателей, изображавшихъ по большей части типы нашего лѣвобережья“. Кромѣ типовъ и обычаевъ херсонщины, немало въ пьесахъ г. Кропивницкаго и провинціализмовъ ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, № 236; сн., № 247,

²⁾ Тамъ же, № 248.

³⁾ „Одесский Вѣстникъ“, 1882 г., № 260.

⁴⁾ „Заря“, 1882 г., № 273.

⁵⁾ „Южный Край“, 1882 г., № 640.

ЯКОВЪ ИВАНОВИЧЪ ЩОГОЛЕВЪ.

Яковъ Ивановичъ Щоголевъ¹⁾ родился въ 1824 году, въ г. Ахтыркѣ, харьковской губерніи, гдѣ и учился первоначально въ тогдашнемъ народномъ училищѣ, а съ 1836 года въ первой харьковской гимназіи. Пріѣзжая отсюда домой на каникулы, Щоголевъ считалъ особеннымъ наслажденiemъ сидѣть подъ нишами древней монастырской церкви (нынѣ возобновленной), на горѣ, надъ Ворсклою, въ четырехъ верстахъ отъ Ахтырки, и читать романы Вальтеръ-Скотта въ старинныхъ переводахъ. Въ гимназіи онъ познакомился съ произведеніями Батюшкова, Жуковскаго и впослѣдствії Лермонтова, и, будучи еще гимназистомъ, самъ началъ писать стихи, сначала по-русски. Учитель словесности П. И. Иноземцевъ поощрялъ молодаго стихотворца. Такимъ образомъ написаны и появились въ „Молодикѣ“ Бецкаго, 1843—1844 гг., русскія и украинскія стихотворенія Щоголева: „Мелодія“, „Яворъ (изъ греческой антологіи)“, „Чумацкія могилы“, „Мечты и пламень вдохновеній“, „Ноготокъ“, „Неволя“, „На загадуванье Климовскаго“ и „Могила“²⁾. Въ это время былъ написанъ имъ порядочный сборникъ стихотвореній, которыми онъ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ И. И. Срезневскаго и А. Л. Метлинскаго, такъ что, экзаменуясь въ 1843 г. при поступленіи въ университетъ на юридическій факультетъ, онъ во время самыхъ экзаменовъ былъ перетянутъ ими на филологическій. Метлинскій „поощрялъ всякаго рода литературное направлениe, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго дарованія. Между студентами нашего времени,—говорить Де-Пуле, поступившій въ харьковскій университетъ въ 1842 году,—было такихъ двое: Щоголевъ, изрѣдка и

¹⁾ Источники: 1) „Молодикъ“ Бецкаго, 1843 и 1844 гг.; 2) „Хата“, Кулиша, 1860 г.; 3) „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 г.; 4) „Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874 г., т. 1, стр. 103 и сл.; 5) альманахъ „Луна“, 1881 г.; 6) альманахъ „Рада“, 1883 г.; 7) „Ворскло. Лірна поэзія Я. Щоголева Харьковъ 1883“. 8) Газета „Діло“, 1883 г., № 47. 9) „Шокажчикъ нової української літератури“, М. Комарова. Кіевъ 1883 г. Мы пользовались также некоторыми свѣдѣніями о жизни Щоголева, доселѣ неизвѣстными въ печати.

²⁾ Есть, вирочемъ, извѣстіе, что Щоголевъ началъ печататься еще въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1836 годъ; но мы не провѣрili этого извѣстія.

тогда появлявшійся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, но потомъ неизвѣстно гдѣ исчезнувшій, и Н. Ф. Щербина, впослѣдствіи извѣстный лирикъ, одесскій“. А между тѣмъ знаменитый Бѣлинскій встрѣтилъ тогда всю плеяду молодыхъ стихотворцевъ, и между тѣмъ Щоголева и Щербину, злуо насыщкой¹⁾. Н. Ф. Щербина не упалъ духомъ, а Щоголевъ изломалъ перо, не сталъ давать ничего въ печать и впослѣдствіи сожегъ рукопись своихъ стихотвореній. Новую попытку писать малоруссіе стихи сдѣлалъ Я. И. Щоголевъ въ 1846 и 1848 годахъ, по просьбѣ А. Л. Метлинскаго, который составлялъ тогда свой „Южный русскій сборникъ“, изданный имъ въ 1848 году. Щоголевъ написалъ для него нѣсколько пѣсень, которыя однако же Метлинскій почему-то не помѣстилъ въ своемъ сборнике. Въ 1858 году онѣ переданы были авторомъ студенту Нѣговскому, отъ которого онѣ, вѣроятно, и достались въ альманахѣ г. Кулиша „Хату“, 1860 года. Здѣсь напечатаны были слѣдующія стихотворенія Щоголева: „Гречкосій“ („У полі“), „Поминки“, „Безтаданне“, „Безрідні“ и „Покірна“. Первая изъ этихъ пѣсень переложена кѣмъ-то на ноты и распѣвается на Українѣ, какъ народная пѣсня.

Въ 1848 году Я. И. Щоголевъ окончилъ курсъ въ харьковскомъ университѣтѣ и, поступивъ на службу, повидимому отшатнулся отъ украинской литературы; но служебные обязанности его не дали ему возможности прервать связи съ малорусскимъ простонародьемъ и его поэзіей. Онъ служилъ около шести лѣтъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, управлявшему тогда государственными крестьянами, а потомъ секретаремъ харьковской думы, и въ теченіи десяти лѣтъ жилъ по четыре мѣсяца ежегодно на дачахъ, глазъ на глазъ съ вародомъ; а потому поэтическая жилка въ немъ не замирала и временами пробивалась наружу, при извѣстныхъ слушающихъ. Въ „Поэзіи славянъ“ Гербеля, 1871 г., сказано о Щоголевѣ, будто подъ его имевемъ было напечатано нѣсколько стихотвореній въ 1859—1861 гг. въ журналахъ „Народное Чтеніе“ и „Основа“; но въ „Основѣ“ мы не нашли ничего, принадлежащаго Щоголеву. По его собственному признанію, послѣ 17-лѣтнаго перерыва своей поэтической дѣятельности, онъ возобновилъ ее въ 1864 году по слѣдующему случаю. Онъ былъ въ домѣ одного знакомаго ему семейства. Хозяйка, сѣвъ за рояль, запѣла пѣсню: „Гей у мене бувъ коняка“ („Гречкосій“ или „У полі“), напечатанную въ „Хатѣ“ Кулиша, не подозрѣвъ въ Щоголевѣ ея автора. Оба они были удивлены: Щоголевъ тѣмъ, что его пѣсня очутилась на нотахъ; а она—, что видѣть ея автора. Назвавшись родственницей Едлички, из-

1) Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, за декабрь, 1843 года.

вѣтшаго композитора малороссійскій пѣсень, она просила Щоголева дать ей чтонибудь для передачи ему. Щоголевъ написалъ и дать ей съдѣствіемъ четыре пѣсни: „Квітка“, „Орелъ“, „Діброва“, „Маруся“, и снова замолталъ до 1876 года. Въ этомъ году одинъ изъ составителей украинскаго альманаха „Луна“ высказывалъ желаніе имѣть отъ Щоголева что либо для этого альманаха, и вслѣдствіе этого написано было вѣсколько малорусскихъ стихотвореній, изъ коихъ два „Козакъ“ и „Летить орель по-надъ степомъ“ („Орелъ“) напечатаны были въ „Лунѣ“ на 1881 годъ. Съ этого времени Я. И. Щоголевъ опять сталъ, временами, браться за перо, чemu содѣствовало и то обстоятельство, что около 1880 года онъ вышелъ въ отставку. Теперь вновь составился у него сборникъ малорусскихъ стихотвореній. Изъ нихъ три „Ткачъ“, „Родини“ и „Шинокъ“ напечатаны были въ украинскомъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ. Въ томъ же году самъ авторъ, по настоянію друзей, издалъ въ Харьковѣ сборникъ своихъ стихотвореній, назвавъ его именемъ родной своей рѣки „Ворсклю“, съ эпилогомъ изъ книги Іова, относящимся къ возрожденію украинской литературы. Въ этотъ сборникъ вошло 75 малорусскихъ стихотвореній Щоголева, изъ которыхъ десять уже напечатаны были въ „Хатѣ“ Кулыша 1860 года, „Лунѣ“ 1881 года и „Радѣ“ 1883 года, а остальная 65 появились въ печати въ первый разъ¹⁾). Но въ этотъ сборникъ не вошли самыя раннія стихотворенія Щоголева, помѣщенные въ „Молодикѣ“ Бецкаго, а можетъ быть и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Перерывъ въ поэтической дѣятельности Щоголева, продолжавшійся съ 1847 до 1864 года, дѣлить ее на двѣ половины, значительно отличающіяся между собою по содержанію, тону и характеру. Тогда какъ первыя его стихотворенія отчисляются къ школѣ украинскаго художественнаго романтизма,—послѣднія его произведенія относятся къ новѣйшему направленію украинской литературы съ соціально-общественнымъ направленіемъ и характеромъ.

Въ основѣ харьковскаго образованія того времени, когда учился Я. И. Щоголевъ, лежалъ идеализмъ, лучшая сторона котораго выражалась въ литературномъ направленіи науки и въ литературномъ настроеніи учащихся. Но литературное направленіе, отучая отъ усидчиваго труда и не имѣя органа для выраженія, вырождалось въ идеальничанье и мечтательность. Въ сороковыхъ годахъ начинается противодѣйствіе, реакція противъ этихъ недостатковъ. Въ литературной сфере она выразилась въ большей реальности представленія и пластичности изобра-

1) Хронологія стихотвореній Щоголева указана имъ въ оглавленіи его сборника.

жених и въ обращеніи къ антологическимъ произведениямъ и художественнымъ русскимъ поэтамъ. Щоголевъ, выѣтъ съ Шербиною, начиная свою поэтическую дѣятельность стихотвореніями въ антологической родѣ и въ этомъ отношеніи является продолжателемъ поэтической дѣятельности Батюшкова, а можетъ быть и подражателемъ его. Первое извѣстное намъ стихотвореніе Щоголева есть „Яворь“ (изъ греческой антологии), живо напоминающее намъ антологическое стихотвореніе Батюшкова „Яворь къ прохожему“. Батюшковъ говорить:

Смотрите, виноградъ кругомъ иена какъ вьется!

Какъ любить мой чуднѣйшій ленъ!

Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;

Заваль, но виноградъ со мной не разстается.

Зевеса умоли,

Прохожай, если ты для дружества способенъ,

Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,

И пепель твой любилъ, оставшись на земли.

У Щоголева „Яворь“ тоже обращается къ прохожему, но представляется въ полной красотѣ растительности и приглашаетъ путника подъ кровь своихъ тѣнистыхъ вѣтвей:

Пріди подъ сѣнь мою, пришелецъ запоздалый!

Когда нальяется мгла надъ доломъ и рѣкой,

И горы темныя освѣтить отблескъ алый

Зарницы золотой;

Когда надъ темными, нѣими берегами

Камыть зашелестить зеленѣйши листами,—

Я, какъ вѣнцомъ, главу твою

Въ вечернемъ сумракѣ, уныло обовью

Широкими, тѣнистыми вѣтвами;

При шумѣ вѣтерка ты будешь усыпленъ,

И Панова свирѣль нашепчетъ ясный сонъ...

И въ остальныхъ стихотвореніяхъ Щоголева первого периода его поэтической дѣятельности, болѣе или менѣе оригиналъныхъ, вслѣдъ за Батюшковымъ, поэзія прикрѣплялась „къ землѣ и тѣлу, выражая свою очаровательную прелестъ осозаемой существенности“. Господствующая форма въ стихотвореніяхъ Щоголева—элегія. Но къ чувству грусти онъ не примѣщиваетъ ни меланхоліи, ни разсужденій, ни идеального. Въ его элегіяхъ просто и ясно высказывается самая причина грусти, находящаяся въ дѣйствительной жизни. Все это у него—общія черты съ Батюшковымъ; но есть большая разница въ содержаніи и складѣ малорусскихъ стихотвореній Щоголева. Онъ приложилъ свои антологическія стремленія къ изображенію козацкой, преимущественно прошлой жизни, памятниками которой считались могилы или курганы. Подобно Метани-

скому, Щоголевъ не разъ воспѣваетъ козацкія могилы и преимущественно любить останавливаться на изображеніи козацкаго боеваго коня и козацкой удали. Исключеніе представляютъ развѣ только его стихотворенія „Бесталанъ“ и „Покірка“, изъ коихъ въ первомъ говорится о бесталанкомъ чумакѣ, который семь лѣтъ ходилъ въ Крымъ за солью и семь лѣтъ на Донъ, но не нашелъ счастья ни въ чужихъ людяхъ, ни дома; а во второмъ—о молодой дивчинѣ, которая собирается умирать съ тоски отъ того, что мать хочетъ выдать ее за немилаго. Мы приведемъ послѣднее изъ этихъ стихотвореній, такъ какъ считаемъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ и близкихъ къ народной украинской поэзіи.

Хоче мене мати
За нелюба ддати...
Ой изовинь, вінку,
Вінку изъ барвінку!

Каже мині мати:
— „Иди, доню, гуляти;
Ой будь веселенька,
Бо ти молоденька!“

— „И вже, мої мати,
Мені не гуляти!
Треба мені, мати,
Про иште гадати...“

Мусишъ мені, мати,
Худібоньку дбати.
Не дбай мені, мати,
Ні якого краму;

Куци мені скриню,
Скриню-домовину:
Віщує серденько,
Що швидко загину“.

Нѣкоторые хотѣли видѣть въ первыхъ украинскихъ стихотвореніяхъ Щоголева слѣды явнаго подражанія Шевченку ¹⁾). Но г. Кулишъ даетъ Я. И. Щоголеву самостоятельное значеніе, какъ поэту, перенимавшему голосъ народной пѣсни. Напечатавъ пять пѣсень г. Щоголева въ своемъ сборникѣ „Хата“ 1860 г., г. Кулишъ писалъ о нихъ слѣ-

¹⁾ „Свѣточъ“, 1860 г., кн. IV: „Критич. Обозрѣніе“, стр. 76.

дующее: „Вотъ показалась ми въ руки поэзія какого-то господина Щоголева (вѣрою, че того героя Щоголева, что стрѣлилъ изъ пушкы подъ Одессою). Обрадовался я, прочитавъ ее. Прочиталъ земляканъ - пріятелъ въ столицѣ, и они слушали ее съ наслажденіемъ. И обрадовались мы все, что хоть одна таки струна по-человѣчески прознѣла на родной бандурѣ. Немножко этихъ пѣсень, но за то чистый медъ, а не словесная шелуха. То правда, что нельзя искать сравнивать съ Шевченковыми, чо все же и это—истинная родная поэзія. Это такъ, какъ иногда весной соловей въ саду громко и хорошо поётъ, а тутъ около тебѣ золотая пчелка ваетъ наль цвѣткомъ. Слушаешь соловья съ величимъ удовольствіемъ, но не скажешь и пчелѣ: „лети себѣ прочь, не гуди около меня!“ Складъ у этого господина Щоголева—истинно родной Нечевченковъ голосъ онъ перенимаетъ; перенимаетъ онъ голосъ народной пѣсни и ее беретъ въ основу своего произведения. А между тѣмъ, какъ истинный поэтъ, а не подражатель, онъ имѣть въ своемъ голосѣ что то свое собственное, какую-то свою важность и красоту, которой и въ пѣснѣ народной не укажешь, и въ Шевченковыхъ стихотвореніяхъ не увидишь; потому что онъ не чужое добро себѣ присвоилъ, а очаровываетъ насть своимъ собственнымъ дарованіемъ. Это все равно, какъ вотъ иногда поютъ дивчата надъ водою, и вьется по водѣ ихъ чистый голосъ, и отдается въ лѣсу, какъ будто чарующія пѣсни самой музы народной,— отдается тихо, неясно, не такъ громко, я любо слушать, и слушаешь его съ удивленіемъ“. Перенимая голосъ народной пѣсни и придавая ей художественную отдѣлку, Я. П. Щоголевъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ малорусскихъ поэтовъ, которые прорубили ей окно въ интеллигентные покол.

Тѣ же струны звучать и въ произведеніяхъ втораго периода поэтической дѣятельности Щоголева, съ 1864 года. Есть между этими произведеніями переводы или передѣлки изъ русскихъ художественныхъ поэтовъ, напримѣръ „Вечерній дзвінъ, зъ Козлова“; есть и стихотворенія въ духѣ народномъ и на народные сюжеты, напр. „Лоскотарки“, „Рыбалка“, „Чумакъ“, „Колядка“, „Веснишка“ и др. Но выдающуемся особенность новыхъ стихотвореній Щоголева составляютъ стихотворенія съ семейными и соціально-общественными мотивами, ставящія его въ уровень съ нынѣшнимъ вѣкомъ.

„Теперь мы видимъ“,—говорицъ Михайло К. по поводу сборника „Ворсклю“,—что больше всего Щоголевъ поеть намъ про долю семьи, про житые въ семье, худое и счастливое съ малолѣтства и до старости. Семьи—это любимѣшша его тема, въ дѣйствительности тутъ всего болѣе обнаруживается сила его поэтическаго таланта. Несчастная доля молодицъ, въ чужой, непріятной семье, разбитая надежда девчонки, искающей въ любви счастія, смерть дорогаго человѣка въ семье, тяжелое,

одинокое сиротство и другое несчастие, какое выпадает на долю каждому,—все это обращает на себя внимание уважаемого автора, вызывает его глубокую скорбь и тяжкою болью отзывается въ его поэзіи. Возьмите хоть его думку „Неня“. Молодая девушки стоять себѣ, не зная горя, а около нея старуха—мать, посмотрѣла на нее и задумалась объ ея судьбѣ:

Горечка теперъ не знаешьъ
Ты, моя дитино;
Підешъ заміжъ—наберешся
Всякої години.

Істимуть тебе зовиці,
Істиме свекруха;
Зліднівъ повно, діти плачуть,
Чоловікъ не слуха.

Всяке діло за тобою,
И не стане мочі
Все робити та робити
Зъ ранку и до вечі.

Отъ и склишся и станешъ
Ты, моя Маруся,
Въ тридцять літъ уже старенька,
А въ сорокъ—бабуся.

Такъ заботится о ней старуха—мать, припоминая вмѣстѣ съ тѣмъ и свое веселое девическое житѣ, и свою бѣду, когда стала замужнею. Не такой же ли тяжелой участїи ожидать и каждой женщинѣ въ теперешнемъ сельскомъ быту?... Невольно задумашься надъ этой думкою Щоголева. Посмотрѣши кругомъ себя и въ самомъ дѣлѣ увидишь безпросвѣтную долю деревенской женщины. Такова сила истинной поэзіи, что простая пѣсня про тяжкую участію одного человѣка, если эта пѣсня трогаетъ васъ и доходитъ до сердца, вызываетъ мысли о связи этой участіи съ жизнью всего общества. Или хоть возьмите вы другую его думку „На могилѣ“. Вотъ передъ вами уображеніе семьи, гдѣ—

Холодно та голодно; горе та робота;
Лихо неперестанне, злідні та голота.

Эту семью постигло новое горе: дочь незамужняя родила дитя, и родители выгнали ее изъ хаты. Бѣдняжка поплелась, куда глаза глядятъ:

Плакала ти, плакала, нила, сумовала,
Та уже якъ слези ті всі повиливали,

Оддала ти хлопчика людямъ годовати,
А сама ударила въ городъ мамковати.

Несчастная участъ этихъ бѣдныхъ дѣтей всѣмъ известна: отъ не-
досмотру оно захирѣло да скоро и умерло.

Вчула мати вістоньку та й заголосила,
До господи кинулась, билась та просила:
„Рідна голубонько, серденько—пачьматко!
Одпусти въ село мене поховать дитятко!“

Да не упросила бѣдна мать; господа не пустили, и она уже должна
была передать черезъ людей деньги, чтобы похоронили безъ нея; ста-
ралась бѣдняжка о томъ, чтобы сдѣлали гробъ и одѣли какъ слѣдуетъ,
да и этого не было сдѣлано: чужie люди не исполнили ея желанія, а
денежки пропили:

Въ понеділокъ хлопчика люди поховали;
Інъ воно чуже було, такъ не сумували.
Доле нещастливахъ, бідна сиротиніо!
Нашо вась у содомъ цей кидаютъ, дитино?

Къ этому же разряду пѣсень горя да бѣды, какія поетъ скорбная
лира Шогоleva, относится большая часть сборника, а между ними, по
силѣ поэтическаго чутья и выразительности, лучшія суть слѣдующія:
„Завірюха“, „Родини“, „Пожега“, „Новобранець“, „Горілка“, „Шинокъ“,
„Хвороба“, „Ткачъ“, „Вівчарикъ“. Послѣдняя такъ хороша, что опять
сдѣлаемъ выписку. Поэтъ рисуетъ такую картину. Лебедушка, увидѣвша
вверху яструба, кинулась оборонять своихъ дѣтей.

Въ ту пору хлопчикъ череду пригнавъ
Напувати; самъ на березі стоявъ.

Бачивъ все вінь: якъ шульпіка угорі
Тихо плинувъ, позиравъ по дітвori;

Якъ лебедята ховались въ комиші,
Якъ лебедка, що не чула въ іхъ душі,

Сумovalа, озиралася кругомъ;
Якъ прикрила и пригріла іхъ вриломъ.

И вівчарикъ на кгерликгу похиливсь,
Стиснувъ руки, побілівъ, слізми обливсь.

Мабуть, знає непривітане хлопья,
Що его не гріла рідна сім'я;

Що хилляючись підъ тинами одно,
Не тулилося до матері воно.

Но вотъ Щоголевъ, какъ истинный поэтъ, изображающій житѣе людское такимъ, каково оно въ дѣйствительности, поетъ не про одно только горе, но и про радости вседневнаго житѣя. Лучшія изъ нихъ „Вечіръ“ и „Баю-баю“. Какимъ привычливымъ тепломъ согрѣваетъ настъ картина счастія искреннихъ друзей въ первой пѣснѣ и какія сладкія и гордныя мечты матери надъ колыбелью дорогаго дитятіи вы слышите въ пѣснѣ „Баю-баю“. Есть у Щоголева и веселыя пѣсни по образцу народныхъ, какъ напримѣръ „Горішки“, очень милая и веселая пѣсенка¹⁾.

Есть у Щоголева и стихотворенія съ соціально-общественными мотивами по поводу такихъ же условій современной русской жизни и въ частности харьковщины. Общую программу стихотвореній Щоголева въ этомъ родѣ представляютъ стихотворенія его „Верцадло“ и „Струни“. Въ „Верцадлѣ“ (зеркалѣ) авторъ видѣлъ поэтическимъ своимъ взоромъ преемственно три историческія картины, изображавшія судьбы его роднаго края. Первая картина представляла слѣдующее:

Сміялися овіръ круги,
Степи, діброви и долини,
Гаї, подоли и луги
Моєї пішної родини.

Ізъ-за широкого Дніпра
Сюди одѣльядської неволі
Ишовъ народъ шукать добра,
Нікимъ нерушимої долі.

Зъ тії далекой пори
Степи побачили оселі:
Встанали въ балкахъ хутори,
Селились слободи веселі...

Другая картина:

Широка хмара округи
Покрила бідну Україну.

Въ хоромахъ аляръ и огні,
Хижактва ѹ ліні темне царство:

1) Газета „Діло“, 1883 г., № 47. Есть также рецензія В. Г.—ка на сборникъ „Ворскло“ въ „Кievskoy Старинѣ“ за январь 1884 г.

Безъ сна й покою, начі й дні
Веде бенкети господарство.

А той народъ, що зъ-за Дніпра
Колясь одъ ладської неволі
Сюди прийшовъ шукать добра,
Нічимъ нерушимої долі,

Въ важкихъ кайданахъ на ногахъ,
Зъ залізнимъ ланцюгомъ на спині
Ставъ кметомъ пана и потягъ
Свій піть гарячий въ панські скрині....

Третья картина:

Дивлюся я: зъ мужицькихъ вігъ
Упали ланцюги й кайдани.

И ждавъ я въ той великий часъ,
Щобъ сонце зъ неба засміялось,—
Такъ промінь гаснувъ и погасъ
И сонце въ хмари заховалось.

Извикиши ретязи таскатъ,
Не мавши розуму, ні сили,
Щобъ щастя въ праці одшукать,
Побрівъ народъ, якъ очманій,

Побрівъ одъ шинку до шинка,
Та й впала тамъ его рапуба;
А тричі проклята рука
Жидюги, німци й салогуба,

Простягши зъ молоду пусту,
Теперь грішми набиту жменю,
Грабаста землю золоту
У іхъ безоднью кишеню....

Верцадло чисте тепло въ мії,
Ще довго въ него я дивився,
Та тільки въ темнімъ кришталі
Ізъ неба промінь не світився....

Слідов., возобновленная музы Щоголева воспѣваетъ освобожденный отъ крѣпостной неволи украинскій людъ, продолжающій, однако, стра-

датъ отъ другіхъ притѣснителей и отъ своей собственной темноты. Въ другомъ стихотвореніи своемъ „Струни“ онъ намѣчаетъ слѣдующіе частнѣйшіе пункты своихъ пѣсочиний:

Бачивъ я, якъ сильні правду
Бішено топтали,
Якъ у бідного багаті
Крихту одривали;

Якъ сірома по підъ тиню
Згорблена тулялась;
Надъ роботою за скибку
Кровью обливалась;

И якъ мати неодмовна
Хворую дитину,
Пригортуючи до серця,
Кутала въ рядину;

Якъ ту вродницю побідну
Лихо заідало
Й молоде та пишне тіло
Дарма пропадало.

Все я бачивъ; одъ усего
Серце надривалось,—
И тоді журліве слово
На папіръ прохалось....

Много народныхъ бѣдствій происходитъ отъ невѣжества самого народа, отъ его безпомощности въ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ и отъ его пьянства („Пожега“, „Горілка“, „Шинокъ“ и др.); но эти бѣдствія въ значительной мѣрѣ зависятъ и отъ тѣхъ лицъ, которые стали теперь, вмѣсто панівъ, заправителями и эксплоататорами темнаго народа, каковы, напримѣръ, жиды, адвокаты („Стель“), подрядчики („По—закону“), старшины и сборщики податей („Горілка“) и проч. Въ результатѣ оказывается, что жизнь освобожденного крестьянина въ высшей степени неприглядна и бѣдна:

Ляжете о півночі, встанете ви рано;
Батько піде на поле, мати на вгороді;
„Доню, кажуть, день уже, гаятися годі!“
Діти прочунаютца, істи й пити просють;
Істи дати нічого, такъ вони голосють. („На могилі“).

Впрочемъ, незавидна и городская жизнь, сравниваемая съ сельскою:

Всего е багато
Въ хуторахъ и селахъ:
Неба безъ очерку,
Садовинъ веселихъ;

—
А по хатахъ пусто,—
Тильки й е, що дітокъ;
Гине на горілку
Бідний заробітокъ.

—
Старшини безъ ліку,
А віде поради;
Глить немилосердний
Ість нась безъ повади.

—
Бачу, що голоті
Доля невесела,—
Отъ я взявъ та й кинувъ
Хутори и села.

—
Въ города пішовъ и
Тихою ходою;
Мусивъ тамъ шукати
Все жъ таки цокою.

—
Въ городахъ я бачивъ
Куряжу та камінь,
Грюкотню одъ ранку,
Нічью бісівъ гамінъ.

—
Гроши, якъ полови,
Сиплюця безъ ліку;
Въ кого жъ іхъ немає—
Горе чоловіку!

—
Бенкети, безпуття,
Небагато віри;
Всі бъ одинъ другого
Шарпали, якъ звірі.

Г. Щоголевъ касается и нѣкоторыхъ другихъ соціально-общественныхъ вопросовъ, лежащихъ въ сферы крестьянского и вообще простого

народного быта; напр., современного социализма („До бурсаківъ“), и др. Но въ некоторыхъ стихотвореніяхъ этого рода отражается не столько действительное положеніе современного народа и общества, сколько личный взглядъ автора, оставившаго свѣтлые идеалы позади себя, въ прошлой своей жизни. Въ иныхъ стихотвореніяхъ проглядываетъ дидактика и резонерство, притомъ же относительно мелочнѣхъ вещей, напримѣръ новомодной женской обуви („Швецъ“) мелочныхъ злоупотребленій какого нибудь портного („Кравецъ“), или члена общества покровительства животнымъ („Членъ“). А все это—элементы, положительно враждебные поэзіи и уменьшающіе цѣну позднѣйшихъ стихотвореній Щоголева.

„Стихъ у Щоголева,—говорить Михайло К.,—по складу весьма разнообразный, но вездѣ хороший, звучный, поэтический; риѳма легкая, живая и, какъ говорить, вездѣ „до ладу та до прикладу“. Что касается языка, то и языкъ Щоголева весьма хороши и чисто народный. Это—языкъ Шевченка, Квитки и Марка-Бовчка, лучшихъ нашихъ писателей, языкъ народной пѣсни, какою она сложилась среди не испорченного ни польщиною, ни московщиною украинскаго люда, языкъ выразительный и звучный. Можно не одобрить развѣ нѣсколько словъ, которыхъ не следовало бы употреблять“.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился въ 1832 году. Онъ началъ свое воспитаніе въ полтавской гимназіи, а окончилъ въ лицѣй князя Безбородко въ Нѣжинѣ, откуда выпущенъ въ 1855 году съ чиномъ XIV класса. Первое время по выходѣ изъ лицея г. Глѣбовъ занималъ място учителя исторіи и географіи въ Черноостровскомъ (каменецъ-подольской губерніи) дворянскомъ училищѣ, но вскорѣ оставилъ это място и перешкалъ на жительство въ Черниговъ. Здѣсь, въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ издавалъ газету,, собравшую около него кружокъ людей, горячо сочув-

---

¹⁾ Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ находятся въ книгахъ: „Лицей князя Безбородко“, 1859 и 1881 гг., и „Поэзія славянъ“, Гербеля, 1871 года, стр. 195 и сл.

ствовавшихъ новымъ реформамъ. Въ настоящее время онъ состоять за-
вѣдующимъ земской типографией въ Черниговѣ. — Литературия своимъ
заслугамъ Глѣбовъ началъ очень рано; именно, еще будучи воспитанни-
комъ Полтавской гимназіи, онъ издалъ въ 1847 году небольшой томикъ
своихъ стихотвореній, подъ заглавиемъ „Стихотворенія Леонида Глѣбова“.
Затѣмъ, въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ и въ журналѣ
„Основа“ напечатанъ былъ цѣлый рядъ малороссийскихъ произведеній,
оригинальныхъ и переводныхъ, въ разныxъ родахъ. Ихъ оригинальныхъ
его произведеній приведемъ его „Пѣсню“ въ русскомъ переводѣ Гер-
беля, которая въ малорусскомъ оригиналѣ напечатана была въ журналѣ
„Основа“:

Мчится голубь въ поднебесья,
Отдыху не знаетъ;
Долы, горы и дубровы
На-вѣкъ покидаешь.

Ни сады въ цвѣту весеннемъ,
Ни лѣса густые
Не влекутъ на мирный отдыхъ
Силы молодыя.

Отдыхаетъ казачина,
Конь пасется рядомъ..
И сказалъ онъ, голубочка
Провожая взгядомъ:

„Ой, куда ты, сизокрылый,
Очи устремляешь?
Ой, зачѣмъ лѣса и долы
На-вѣкъ покидаешь?

Аль тебѣ, мой голубь сизый,
Некого голубить?
Аль никто на цѣломъ свѣтѣ
И тебя не любить?

Если такъ, спустись на землю,
Отдохни со мною,
И потомъ въ иное поле
Полети мъ съ тобою!

За горами, за лѣсами,

На иномъ на полѣ
Попытаемъ, не найдемъ ли
Мы счастливой доли.

Мы найдемъ, мой голубочекъ,
Темныя дубровы,
И луга въ цветахъ душистыхъ,
И собольи брови.

Мы найдемъ тамъ, мы увидимъ
Ясную зарницу:
Мы найдемъ тамъ и голубку,
И красу-дѣвицу.

Сизокрылая голубка
Друга приголубить,
А красавица дѣвица
Казака полюбить.

Но г. Глѣбовъ больше извѣстенъ не оригинальными своими произведениями, а переводными баснями изъ Крылова, которые однако же, по отзыву его земляковъ, приспособляются у него къ малорусской жизни и обстановкѣ. „Байки“ его имѣли уже три изданія: 1863, 1872 и 1882 годовъ. Въ примѣръ переводныхъ его басенъ приведемъ его байку „Охрімова свита“, представляющую переводъ „Тришкина кафана“ Крылова.

Була въ Охріма сіра свита,
Такъ хорошо пошита:
Иzzади вусики въ червоноого сукна;
На комирі мережечка така—що на.
Хочъ голові носити.
Дурний Охрімъ не вмівъ її гладити.
Таскавъ, коли й не слідъ таскатъ.
Разъ ставъ вінъ свиту надягати,—
Ажъ дивитъся—рукава вже продрались.
Отъ мій Охрімъ, щобъ люде не сміялись,
Налагодивсь лататъ.
А де-жъ суконьця взять?
Охрімові не вдивовижу!
— „Мы знайдемо“,—вінъ каже самъ себі—
„Рукава трохи обчикирижу,
„Та й помогу журьбі“.
Зробивъ,

И свиту зновъ надівъ.
И хороше ему здаєтьца,
Хочъ руки й голі до локітъ;
Такъ отъ біда: куди вінъ не поткнетьца,
Усакъ одъ реготу беретьца за живітъ.
Росердився Охрімъ, що зъ его такъ глузують...

— „Тривайте;—каже,—коли такъ,
Зроблю жъ я озъ-де якъ...
Нехай дурні, собі пустують;
У нихъ видно, жуки у голові,
А ми втнемо рукавця и нові,
Хиба мудрація велика“.

Охрімъ догадливий бувъ парубіка!

Прихорошенько взявъ,
Підрізавъ поли відъ чи-мало,—
Якъ-разъ, щобъ на рукава стало.—
Покраївъ, та й пипришивавъ—
И зновъ рукава якъ рукава.
И ходить мій Охрімъ, неначе та проява,
Та й думає: „ось я-то молодець,
Удався хочъ куди хлопчина!“
Дурний, дурний! а на йему свитина
Неначе той німецький катанець!

Оттакъ и зъ тимъ бувае,
Хто чортъ-зна де добро свое дівае,
А тамъ, якъ кинетьца вертить и такъ и сакъ,
Неначе горобець у клітци...
Дивись, згода: гуляє неборакъ
Въ Охрімовій куценькій світці.

„Языкъ безукоризненно хороший — говорить одинъ рецензентъ,— фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоучение высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни... Сатирический элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи“¹⁾). Но г. Кулишъ отнесся къ Л. И. Глѣбову гораздо строже. Къ сожалѣнію, говорить Кулишъ,— Глѣбовъ мало трудился надъ изученiemъ языка и иногда выражается

1) „Киевская Старина“, за іюнь, 1883 г., „Бібліографія“, стр. 358.

натянуто, не по-народному; но некоторые изъ его басенъ обнаруживають талантъ неоспоримый, которому не достаетъ только обработки¹⁾.

7.

Степанъ Руданскій ²⁾.

Степанъ Руданскій родомъ изъ подольской губерніи, воспитанникъ киевского университета, умеръ въ 1873 году въ Ялѣ, на должности врача, не достигнувъ и 40 лѣтъ возраста. Онъ оставилъ по себѣ „хорошую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому добромъ дѣлу, частному и общественному“. „Покойный Руданскій,—говорить г. Креминскій,—обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусского языка, при иныхъ условіяхъ могъ бы выработаться до степени весьма пріимѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги южно-русской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ которого страдали и истинно великие таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ“.

Первые произведенія свои Руданскій помѣщалъ въ „Русскомъ мірѣ“ въ 60-хъ годахъ. Въ 1860 году предназначался для цензуры и изданія цѣлый сборникъ его малорусскихъ произведеній, подъ названіемъ „Співомовки“ ³⁾, который, однако же, почему-то не былъ изданъ при

¹⁾ „Русский Вѣстникъ“, 1857 года, т. XII: „Современная лѣтопись“, стр. 231.

²⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни находятся: въ „Киевскомъ Телеграфѣ“ 1875 года, № 44; въ предисловіи къ „Співомовкамъ“, Киевъ, 1880 г., и въ „Киевской Старинѣ“, за іюнь, 1882 г., въ замѣткѣ г. Креминскаго о стихотвореніи „Обманутый солдатъ“.

³⁾ Разбирал бумаги покойнаго М. Г. Щербака, мы нашли въ его дневнике за 1859—1860 гг. слѣдующую замѣтку: „16 февраля (1860). Віторокъ принесъ мені изъ цензурного комитета Поповъ „Співомовки“ Винка Руданскаго. Тутъ читали и сміались. Міні пришла думка писати рецензію, щобъ була готова тоді, якъ вийде изъ печаті ци книжка. А ось я переписавъ дешо, що цензура вже певно не позволе надрукувати“. Затѣмъ, вилписаны „Приказки на москалівъ“, „Запорожці підъ Москвою“, „Запорожці у сенатѣ“, „Страшний судъ“, „Піпъ и жіль“, „Варвара“ и „Добрий человѣкъ“,—дѣйствительно нецензурнаго свойства.

жизни автора. Изъ этого сборника напечатано было нѣсколько стихотворений въ журналѣ „Основа“ за 1861 годъ и въ галицкой „Правдѣ“ за 1874 годъ. „Співомовки“ изданы были Н. Г. Волынскимъ (псевдонимъ) уже въ 1880 году, и то не въ полномъ видѣ. Еще два стихотворенія Руданскаго напечатаны въ „Кievской Старинѣ“ за іюнь 1882 и февраль 1883 гг. Кромѣ мелкихъ стихотвореній, имѣются еще, по словамъ г. Волынскаго, гораздо болѣшія произведения Руданскаго, какъ-то: переводъ Иліады, нѣсколько поэмъ про нашкъ историческихъ вождей (Мазепу, Полуботка и др.) и весьма хороший переводъ всего „Слова о полку Игоревѣ“, съ приложеніемъ къ нему предисловія, написанного тоже по-украински. Переводъ Иліады печатался въ журналѣ „Правда“ за 1872—4 и 1876 годы.

Стихотворение „Пьяница“, имѣющее отношеніе къ печальной страсти самого автора, очень живо напоминаетъ своимъ содержаніемъ и складомъ стихи Кольцова. Вотъ первая половина этого стихотворенія:

Не кыдай мене,
Моя чарочки!
Не жены мене,

¹⁾ „Киевскій Телеграфъ“, 1875 г., № 44.

Ты шиниарочко!
Не жены мене,
Дай упстыся,
Въ тебе брыдкую
Улюбытса!
Не бечь жінки я,
Не безъ хаты я,
Все у мене йе,
Распроклятал.
Хліба до-сыта,
Пара волыківъ,
Сынівъ четверо,—
Якъ соколыківъ.
Моя хатонька—
Срібна чашечка,
Моя жіночка—
Мыла шашечка;
Та тижкі моі
Болі більни.
Бо не маю я
Волі вільної.
Потомъ мыюся,
Распряжу волы,—
На бікъ хылюся.
Повались на бікъ,
Не здрімауся,
Зновъ на панцину
Підімауся!..

Другое изъ намѣченныхъ нами стихотвореній Руданскаго „Наука“ по содержанію очень сходно съ „Пѣсней Еремушкѣ“ Некрасова и, по всей вѣроятности, написано подъ вліяніемъ послѣдней. У Некрасова, какъ извѣстно, старая нянюшка и прѣзжій горожанинъ поочередно поютъ колыбельныя пѣсенки надъ малюткой Еремушкой, совершенно противоположнаго содержанія. Нянюшка напѣваетъ малюткѣ, что—

Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобъ на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально рѣкъ прожить.

Напротивъ, горожанинъ находитъ эту пѣсню нянюшки безобразною и поетъ надъ ребенкомъ свою пѣсенку, въ которой проклинаетъ растлѣвающій пошлый житейскій опытъ и зоветъ дитя къ новой человѣческой жизни, къ братству, истинѣ, свободѣ и къ борьбѣ съ лука-

вю неправдою. У Руданского роль Некрасовской ванюшки играет мать молодого человека, а роль горожанина — отецъ. Мать, провожая сына въ свѣтъ, совѣтує ему искать такихъ людей, которые не знаютъ тяжелаго крестьянскаго труда, но живутъ въ довольствіѣ:

Коли найдешъ іхъ,
Милый синочку,
Ты склони себе
Якъ былиночку,
Простели себе
Якъ радыночку!
Спина зъ похилу
Не покорчиться,
Чоло зъ пороху
Не изморщиться.
Спина зъ похилу
Не искривиться;
За те ступить панъ
Та й подывитца;
За те ступить панъ
На покірного
И прйме тебе
Якъ добірного.
И въ годыночку—
На драбыночку;
И підешъ толі,
Милый синочку!
И зъ панами самъ
Порівняється,
Въ сріблі-золоті
Закупається,
Въ сріблі-золоті
Закупаєши,
Зъ полемъ батьківскимъ
Распрощаєшся!

Напротивъ, отецъ учить сына не гнуть ни передъ кѣмъ спины, убѣгать отъ такихъ людей, которые живутъ чужимъ трудомъ, идти въ свѣтъ и узнать все:

Тоді зъ світомъ ти
Порівняєшся,
Въ добрі розумі
Закупаєшся.
Въ добрі розумі

Закупається,
Зъ полемъ батьковськимъ
Приїтається.

Кромъ подражательныхъ стихотвореній, есть у Руданского и чисто переводная. Мы уже упоминали выше о его переводахъ „Иліады“ и „Слова о полку Игоревѣ“. Извѣстны также его переложеніе пушкинского „Вѣщаго Олега“, переводы изъ польского поэта Ленартовича („Ластівка“) и сербскаго Бранка Радичевича. Остановимся нѣсколько на переводе „Иліады“.

Переводъ „Иліады“, которымъ занять былъ Руданский въ послѣднее время своей жизни, сдѣлалъ съ подлинника, во задуманъ быть не гекзаметромъ, а размѣромъ, хотя часто встрѣчающимся въ малороссийскихъ пѣсняхъ и пословицахъ, размѣромъ народнѣй и плавнѣй, но за то короче гекзаметра. Отъ этого значительная часть длинныхъ словъ, эпитетовъ гомеровскихъ, должна была пострадать. „Это очень и очень жалко, — говорить одинъ малоруссійскій рецензентъ, — особенно въ виду способности малоруссійскаго языка къ разнообразному словосоединенію“. Переводъ Руданского такимъ образомъ не удовлетворить вполнѣ знатокъ Гомера; но легкостью и простотою склада онъ подходитъ къ духу подлинника и производить вѣрное впечатлѣніе. Языкъ перевода чистый малоруссій съ кой-гдѣ пробѣгающими славянизмами и подольскими провинціализмами¹⁾). Вотъ для примѣра нѣсколько строкъ изъ разговора Пріама и Елены о герояхъ ахейскихъ въ третьей пѣснѣ:

Старий запитався и про Одисея:

— „Скажи жъ, мой доню, кто тамъ такой другой,
Головою меньшій, якъ цар Атріенко,
А плечима ширший и грудьми видніцій?
Оружѣ поклав вінъ на землю родючу,
А самъ вінъ обходить ряди війсковій,
Мов часачи въ полі барапъ пелехатий
Обходжуэ стадо біленькихъ овечокъ“.

Ему и сказала дивная Елена:

— „А се Одисей той, мудрий Лауренко,
Що зріс у Іфаці, въ землі камавистій:
Вінъ и хитрій тажко и до мови здатній“.

---

1) „Кievskij Telegrafъ“, 1875 г., № 44.

8.

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

Михаилъ Петровичъ Старицкій, помѣщикъ подольской губерніи, воспитывался въ кievскомъ университѣтѣ, но не окончилъ здѣсь курса. Изъ его переводовъ съ другихъ языковъ, передѣлокъ и самостоятельныхъ произведеній извѣстны слѣдующія: 1) „Казки Андерсена“, полное изданіе, съ портретомъ Андерсена, его біографіей и 11-ю картинками. Киевъ, 1873 г. Въ 1874 году онъ изданы и отдѣльными брошюрами. 2) „Різдвяна нічъ“, оперетта по Гоголю. Киевъ, 1874 года; второе изданіе 1876 и третье 1883 г. 3) „Вайки Крылова“. Киевъ, 1874 и 1882. 4) „Сорочинський ярмарокъ“, изъ Гоголя. Киевъ, 1875 и 1883. 5) „Пісня про цара Івана Василевича, молодого опричника та одважного крамаренка Калашникова (зъ Лермонтова)“¹⁾. Киевъ. 1875. 6) „Сербські народні думи і пісні“. Т. I, Киевъ, 1876. 7) „Чорноморці, оперетта по Кухаренку“, съ музыкой М. Лисенка. Киевъ, 1878. 8) „Зъ давнаго знатку. Пісні и думи,—переводъ изъ Байрона, Мицкевича, Сирокомли, Гейне и сербскихъ пѣсенъ. Киевъ. 1881. 9) Шесть стихотвореній и водевиль „Якъ ковбаса та чарка, то минеться й сварка“, въ альманахѣ „Луна“. Киевъ, 1881. 10) „Пісні и думи“,—сборникъ своихъ стихотвореній и переводовъ изъ Лермонтова, Некрасова и др. Ч. II. Киевъ. 1882. 11) „Гамлетъ“, принцъ Данський“, переводъ трагедіи Шекспира. Киевъ, 1882. 12) Нѣсколько стихотвореній и драма „Не судилося“ въ изданномъ имъ альманахѣ „Рада“ на 1883 годъ. Томъ I. Киевъ, 1883. 13) Комедія „За двома зайцями“, передѣланная изъ комедіи И. С. Левицкаго. „На кожумъяхъ“, 1883 г., и 14) драма „За правду“, передѣланная для сцены изъ романа Францоза съ тѣмъ же названіемъ¹⁾.

Первые опыты переводовъ г. Старицкаго были менѣе всего удачны. „Казки Андерсена“,—говорить одинъ рецензентъ,—по ихъ чисто слишкомъ немецкому, слававо-мѣшанскому характеру, а равно по языку перевода, чрезвычайно неровному, вычурному,льному рѣдкихъ провинциализмовъ, полонизмовъ, германизмовъ и неудачно скованныхъ словъ, мало могутъ разсчитывать найти себѣ читателей въ народѣ; кто же можетъ читать Андерсена и притомъ въ болѣе полномъ составѣ по-русски, тому онъ иенужны“²⁾.

¹⁾ Рецензію на послѣднюю драму см. въ газетѣ „Заря“, 1883 г., № 276.

²⁾ „Кievskij Telegraph“, 1876 г., № 3.

Большое успеха имела оперетта г. Старицкого „Різдвяна ніч“¹⁾, передаваемая из Гоголя; но и ея успехъ опредѣлялся не столько внутренними ей достоинствами, сколько побочными обстоятельствами: сравнениемъ съ другими малорусскими опереттами, заимствованными у Гоголя сюжетомъ и музыкой г. Лисенка. „Позабывшись на днихъ въ свѣтѣ оперетты,—писалъ П. Иван—вко,—внутренними достоинствами своими превосходить всѣ доселѣ бывшія произведенія этого рода („Наташка-Цыганка“, „Сватання на Гончарівці“, „Москаль-Чарівникъ“ и др.). Авторы тѣхъ произведеній не подошли такъ близко къ бытовой народной и литературно-художественной правдѣ, какъ это удалось г. Старицкому. Тамъ сюжеты частные, семейные; здѣсь желаніе усложнить частный сюжетъ элементомъ общенародной жизни посредствомъ пріуроченія дѣйствія къ первому дню рождественскихъ праздниковъ. Драматическое дѣйствіе естественнѣе; рѣчи дѣйствующихъ лицъ, ихъ нравы и обычаи ближе къ этнографической истинѣ; языки правильнѣе. Нѣкоторыя жѣста оперы представляютъ художественное воспроизведеніе народной жизни. Но, при всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, опера имѣеть и недостатки: во-первыхъ, заглавіе ея вымышленное, оно не связано органически съ содержаніемъ; во-вторыхъ, допущены погрѣшности противъ народныхъ нравовъ и обычаявъ; въ третьихъ, избитымъ комическими положеніемъ посѣтителей вдовы Солохи Чуба, дѣлчка и головы, варушается литературно-художественная правда; въ четвертыхъ, наконецъ, въ ней есть погрѣшности въ языкахъ противъ грамматической и филологической его стороны“²⁾). Впрочемъ, всѣ эти достоинства и недостатки оперетты, указываемые г. Иван—комъ, принадлежатъ самому Гоголю, а не Старицкому, на долю которого остается только одинъ языкъ оперетты. А въ языкахъ его замѣтны кованыи искусственные слова и провинциализмы. „Намъ приходилось слышать,—говорить другой рецензентъ,—что г. Старицкій заставляетъ героя въ „Різдвянной ночи“, живущихъ около Нѣжина, говорить языккомъ подольскихъ посединъ, и потому это произведеніе малороссамъ не совсѣмъ понятно“³⁾). Все-таки „языки здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ г. Старицкого; онъ менѣе страдаетъ вычурностю, и свѣжевыкованныхъ словъ въ „Різдвишній ночи“ можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица—изъ простонародья, при чѣмъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходятъ за предѣлы обыденной народной жизни, и, следовательно, народного материала языка оказывалось вполнѣ

1) „Кіевлянинъ“, 1874 г., № 3.

2) Тамъ же, 1874 г., № 15,

достаточно для передачи понятій“¹⁾). Почти то же слѣдуетъ сказать и о переводѣ „Сорочинской ярмарки“ Гоголя, съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что сюжетъ и изложеніе ея у Гоголя менѣе народны и труднѣе поддаются малорусскому переводу²⁾.

„Удачнѣе, по выбору предмета и по выполнению, переводъ басенъ Крилова, которая въ оригиналѣ именно по своей народности, а по томъ и по своему чисто великороссійскому характеру, подъ-чуть не производить должнаго эффекта въ народной и сельской школѣ въ Малороссіи“³⁾). Но и этотъ переводъ далеко уступаетъ известнымъ уже намъ „Байкамъ“ Л. Глѣбова. „Сравнивая переводъ Старицкаго съ перевodomъ Глѣбова,—говорить одинъ рецензентъ, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одному словѣ не запинешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нерѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься поневолѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованныя*, но ихъ не чувствуешь; значить, они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоится задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подрядъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, обѣ ихъ значенія догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, которого конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальне“⁴⁾). То же можно сказать и о переводѣ „Пісні про царя Ивана Василевича“, изъ Лермонтова, т. е. что этотъ переводъ можетъ помочь ознакомленію малороссовъ съ этимъ произведеніемъ Лермонтова, написаннымъ въ духѣ великорусскихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, но положительныхъ внутреннихъ достоинствъ этотъ переводъ не имѣть.

Лучше всего переводческий талантъ г. Старицкаго обнаружился въ переводѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и думъ. „Весьма заинтересованный лично сербскимъ народнымъ творчествомъ,—говорить одинъ рецензентъ,—г. Старицкій предположилъ такой же интересъ и у многихъ изъ нашей (малорусской) публики и издалъ въ свѣтъ первый томъ своихъ переводовъ на украинскій языкъ сербскихъ народныхъ думъ—большихъ эпическихъ поэмъ. Переводъ былъ сдѣланъ превосходно. Читая эти переводы г. Старицкаго, испытываешь вполнѣ цѣльное эстетическое впечатлѣніе, любуясь какъ прекраснымъ складомъ

1) „Кievская Старина“, за іюнь 1883 г.: „Бібліографія“. стр. 361.

2) Тамъ же. стр. 360 и 371. и „Кіев. Телегр.“. 1875 г., № 30.

3) „Кіевский Телеграфъ“, 1875 г.. № 30.

4) „Кievская Старина“, за іюнь, 1883 г.: „Бібліографія“, стр. 350.

рѣчи, такъ и красотою, плавнотою стиха. Время, когда были изданы „Сербскія думы“ (1876 г.), казалось, выбрано было тоже какъ нельзя болѣе удачно: это былъ годъ начала войны за освобожденіе братьевъ славянъ, время наиболѣшаго сочувствія и интереса къ нимъ. Къ тому же и самую выручку отъ продажи „Сербскихъ думъ“ г. Старицкій предназначилъ въ пользу страдавшихъ „братьевъ“. И однако же, не смотря на всѣ эти обстоятельства, не смотря на то, что, прежде всего, по одному количеству матеріала, сборникъ „Сербскихъ думъ“ Старицкаго явился первымъ во всей россійской литературѣ, изданіе это было встрѣчено вѣшею (малороссійской) публикою крайне холодно: оно почти не пошло въ продажѣ¹⁾. Вѣроятно, по этому второй томъ сербскихъ народныхъ думъ и пѣсень, въ переводѣ г. Старицкаго, явился только черезъ пять лѣтъ послѣ первого, и притомъ онъ заключаетъ въ себѣ только небольшую долю сербскихъ пѣсень, съ придачею къ нимъ переводовъ изъ первоклассныхъ европейскихъ и польскихъ писателей. Мы разумѣемъ здѣсь изданіе г. Старицкаго: „Пісні и думи, зъ давніго зшитку. Кіевъ. 1881.“ Здѣсь, между прочимъ, помѣщены бытовыя сербскія пѣсни, большою частію любовныя, вообще отличающіяся чрезвычайнымъ лиризмомъ, страстью, иногда простотой и наивностью содержанія и пластичностью. Къ числу коротко-описательныхъ пѣсенокъ относится, напримѣръ, слѣдующая, отличающаяся чрезвычайно граціознымъ выраженіемъ лирическаго порыва:

Не щебечи, соловейку, зрана,
Не буды ты господаря-чана!
Я сама прыспала его зъ ночи,
Такъ сама й збудыты его хочу:
Побіжу я на грядки квітысті,
Ta зірву тамъ василекъ душистый,
По лыди торкну его злегенъка
І скажу: „вставай, мое серденько!“

Но, заявивъ себя съ хорошей стороны переводомъ сербскихъ народныхъ пѣсень и думъ, г. Старицкій снова обратился къ неудачнымъ переводамъ произведеній европейскихъ знаменитостей на украинскую рѣчу.

Въ „Пісняхъ и думахъ“ г. Старицкаго, 1881 и 1882 гг., и въ „Радѣ“ на 1883 годъ помѣщено вѣсколько его переводовъ изъ Гейне, Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Лермонтова, Некрасова и другихъ, и кромѣ того въ 1882 году изданъ г. Старицкимъ переводъ „Гамлета“ Шекспира. Чтобы познакомиться съ переводами г. Старицкаго изъ про-

1) Газета „Трудъ“, 1881 г., № 96.

изведеній европейскихъ знаменитостей, приведемъ его переводъ „Сессы“ Гейне, извѣстной въ русской литературѣ по переводу Лермонтова:

На півочі масій въ заметахъ, у кризі,
Самотні соснина дріма;
Куня похилившись і въ білій ризи
Влагла ї пышно зіма;
І жарить та сосна про сонце бліскуче,
І синиться південь—сторона,
Де тежъ въ самотні на скелі пекучий
Красується пальма сума ¹⁾).

Нѣкоторые, правда, и въ этихъ переводахъ г. Старицкаго, особенно сдѣланыхъ съ польского языка, находять высокія достоинства ²⁾; но болѣе глубокіе знатоки малорусской рѣчи недовольны переводами г. Старицкаго ить классическихъ иностраннныхъ поэтовъ. „Мы замѣчаемъ,—говорить Н. П. Костомаровъ по погоду переводовъ г. Старицкаго,—что въ послѣднее время у малорусскихъ писателей явилась особынная охота къ переводамъ. Мы думаемъ, что переводы на малорусский языкъ могутъ быть умѣстны только тогда, когда переводимое можетъ быть близко и понятно народному сердцу и умственному развитію. Это мы видимъ уже на опытѣ. Мы избѣгаемъ превосходный переводъ сербскихъ народныхъ пѣсень по-малорусски; между тѣмъ толькъ же переводчикъ совсѣмъ не такъ удачно исполнилъ свою задачу, когда принялъ раздѣление желаніе видѣть малорусский языкъ развитымъ до такой степени, чтобы на немъ безъ натяжки можно было передавать все, что составляетъ достояніе культуры языка; но на это нужно время и значительное поднятие умственного горизонта въ народѣ... Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей и др. въ покой и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выражений, которыхъ народу непонятны и пока венужны. Что касается до интеллигентнаго-

¹⁾ У Лермонтова: На ствѣрѣ дикомъ стоять одиноко
На голой вершинѣ сосна.
И дремлетъ качаясь, и сиѣгомъ сищучашъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И синится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, где солница восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючень
Прекрасная пальма растеть.

²⁾ Газета „Трудъ“. 1881 г., № 96. См. „Фарю“, 1883 г., № 117.

класса въ Малороссіи, то для него такие переводы еще болѣе пенужны, потому что совсѣмъ этии онъ можетъ познакомиться или въ подлинникахъ, или въ переводахъ на общерусскій языкъ, который ему такъ же хорошо знакомъ, какъ и родное малорусское нарѣчіе¹⁾.

Есть у г. Старицкаго и болѣе или менѣе самостоятельные произведения, въ стихахъ и прозѣ, но и они, за немногими счастливыми исключеніями, страдаютъ такими же недостатками языка, какъ и его переводы, а особенно стихотворенія,

Оригинальные стихотворенія г. Старицкаго помѣщались въ его „Пісняхъ и думахъ“ и альманахѣ „Лунѣ“ 1881 года и „Радѣ“ 1883 г. По поводу альманаха „Луна“ и въ частности стихотвореній г. Старицкаго Н. И. Костомаровъ писалъ слѣдующее: „Любя малорусское слово и сочувствуя его развитію, мы не можемъ, однако, не выразить нашего несогласія со взглядами, господствующими, какъ видно, у нѣкоторыхъ современныхъ малорусскихъ писателей. Они думаютъ, что при недостаточности способовъ для выраженія высшихъ понятій и предметовъ культурнаго міра, надлежитъ для успѣха родной словесности вымышлять слова и обороты и тѣмъ обогащать языкъ и литературу. У пишущаго на простонародночъ нарѣчіи такой взглядъ обличаетъ гордыню, часто суевицую и неуистную. Создавать новые слова и обороты вовсе не бездѣлица, если только ихъ создавать съ надеждою, что народъ введетъ ихъ въ употребленіе. Такое созданіе всегда печти было достояніемъ великихъ дарованій, какъ это можно прослѣдить на ходѣ русской литературы.. Но что сталось съ такими на живую интуицію измышенными словами, какъ „мокроступы, тарокаталище, краткоодежіе, четвероплясіе“ и т. п.? Ничего, кроме човорнаго бессмертія, какъ обращики неудачныхъ попытокъ бездарностей! Съ сожалѣніемъ должны мы призваться, что современное малорусское писательство стало страдать именно этой болѣзни, и это тѣмъ прискорбнѣе, что въ прежніе годы малорусская литература была чиста отъ такой укоризны. По крайней мѣрѣ у Квитки, Гребенки, Гулака-Артемовскаго, Шевченка, Стороженка, Марка-Вовчка едва ли найдется чтонибудь такое, о чмъ бы можно было съ первого раза сказать, что малороссъ такъ не выразится. Теперь же не угодно ли полюбоваться хоть на это произведеніе современного поэта (Старицкаго), котораго, однако, судя по нѣкоторымъ прежнимъ его трудамъ, мы никакъ не можемъ отнести къ разряду бездарностей:

Сыдли мы, каганчики мыготівъ,
Дві тіні, тримтячи, сагады ажъ до мура,

1) „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1882 г.

А у вікно дивилась нічъ понура
І вітеръ щось сумне, гробкове вивъ.

Якъ помники холодні та німі
Сиділи мы безъ слова и безъ думы...
Іще чорнішгъ тієї ночі-стуми
Прийдешніе намъ вбачалося въ пітімі,—
Безъ просвіту, безъ жадної меты,
Якъ мертвый шляхъ въ безлюдній пустыні;
Въ микуому руина на руїні,
І смию поставлені хрести.

Чого жъ ще ждать? боління тільки мітъ...
Але мы все сиділи біля мура,
Дивилась нічъ черезъ вікно понура
І не *славаг* сердитый вітеръ вить.

„Охота къ выковыванію новыхъ словъ, геройская отвага къ совер-
шенію такихъ подвиговъ доходитъ до того, что стали выдѣлывать изъ
нарѣчій существительныя: есть, напримѣръ, нарѣчіе *байдуже*, т. е. все
ни по чемъ. Изъ этого нарѣчія выковали существительное *байдужество* (у г. Левицкаго). Что бы сказалъ русскій читатель, если бы увидаль
въ русской книжѣ существительное *всенипочемность*? Въ другихъ про-
заическихъ сочиненіяхъ, гдѣ видно притязаніе на описательность, мы
встрѣчаемъ совершенно великорусскій книжный синтаксисъ, какъ будто
авторъ сложилъ свое сочиненіе по-русски, только вмѣсто русскихъ
словъ вставили туда слова малороссійскія, съ прибавкою словъ собствен-
наго издѣлія, какъ напримѣръ „напечатокъ“ вмѣсто отпечатокъ (какъ
будто напечатокъ для малоросса понятнѣе, чѣмъ отпечатокъ), „заду-
маність, поетична мрія про исторічну микуувшість, узкі глыбокі щіли-
ни манілы до себе очи своею чарівнычею свіжыною“. (Мы слышали
слово *свіжына* только въ смыслѣ свинини)“ ¹⁾.

Въ послѣднее время г. Старицкій пробовалъ себя въ новомъ родѣ
поэтической дѣятельности, именно въ драмѣ, и написалъ водевиль
„Якъ ковбаса та чарка, то минеться й сварка“ и драму „Не судилось“.
Въ первомъ изъ нихъ нѣть ни единства дѣйствія, ни этнографической
вѣрности красокъ, ни серьезной мысли. Дѣйствіе происходитъ въ шин-
кѣ, гдѣ мирится поссорившіеся изъ-за пустяконъ на охотѣ полупанки
Шпонька и Шило. Посредницею является молодая шинкарка Горпина;
но собственно примиреніе послѣдовало лишь потому, что обоимъ полу-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, февраль, 1882 г.

шанкамъ захотѣлось выпить и закусить, тогда какъ у Шилы была только выпивка безъ закуски, а у Шоньки—закуска безъ выпивки. Это неумѣлое подражаніе Гоголю въ его „Скорбь Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“ можетъ годиться только развѣ для балаганнаго фарса. Но другое дѣло драма „Не судилось“: она производить эпоху въ поэтической дѣятельности г. Старицкаго, если только это—его оригиналное произведеніе.

„Не судилось“—серьезное, старательное произведеніе, — говорить одинъ рецензентъ,—драма съ законченными характерами и хорошо обрисованными положеніями. Узелъ пьесы составляетъ столкновеніе двухъ общественныхъ слоевъ—крестьянскаго и культурнаго, помѣщичьяго; а по времени событие относится къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда пробудившаяся общественная мысль въ нашемъ краѣ искала приложеія въ народной средѣ, когда ознакомленіе и сближеніе съ народомъ, просвѣщеніе народа и помочь ему были завѣтными мечтами лучшей части юношества, когда народныя нужды и способы облегченія ихъ были излюбленными тѣмами и устныхъ, и литературныхъ споровъ и бесѣдъ, когда народничество становилось даже модой, захватывавшей вѣнчаниемъ образомъ общественные группы, далеко стоявшія по своимъ понятіямъ и вкусамъ отъ здороваго умственнаго движенія. Авторъ коснулся въ своей драмѣ такъ называемаго хлопоманства или украинскаго народолюбства. Въ драмѣ г. Старицкаго дѣйствуетъ нѣсколько типовъ хлопомана, начиная отъ Павла, беззавѣтно отдающагося служенію народу, и кончая помѣщицей Аней Петровной, ярой крѣпостницей въ душѣ, но готовой, ради достиженія своихъ амурныхъ цѣлей, „побаловаться“ малорусской рѣчью. Между этими типами стоять Михайло, герой драмы, и упоминаемый только дядя его по отцу, женившійся на крестьянкѣ, разоѣравшій всякую связь съ помѣщиками и живущій въ ладу съ крестьянами. Въ драмѣ выведенъ также старый крѣпостникъ—помѣщикъ, говорящій по-малорусски только какъ бы для того, чтобы показать, что малорусская рѣчь не дѣлаетъ еще шана хлопоманомъ.—Уже изъ сказаннаго читатель видѣть, какъ широко ставить свою задачу г. Старицкій, какую интересную сторону нашей жизни избралъ онъ для драматической разработки. Всѣ представители культурнаго класса обрисованы въ ихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ крестьянскому жiru и его интересамъ. Михайло, умный, добрый, искреній юноша, увлекается крестьянской дѣвушкой Катрой, хочетъ жениться на ней, не взирая на протестъ со стороны окружающихъ; но у него не хватаетъ силы характера, чтобы порвать съ привычками и связями; усвоенные имъ новыя общественные понятія не преобразили его нравственного существа, не закалили его настолько, чтобы онъ былъ въ силахъ осуществлять на практикѣ свои теоретическія новозѣнія. Это

одинъ изъ тѣхъ „лишнихъ людей“, которые въ столь разнообразныхъ видахъ выхвачены были изъ жизни Тургеневымъ, которые цѣлою головою стояли выше окружающей среды по развитію, но всегда оказывались неспособными осилить практическія препятствія даже въ скромной сферѣ личныхъ чувствъ и интересовъ. Въ житейской борьбѣ Михайло побѣжденъ, и любящая, честная дѣвушка дорого расплачивается за добѣгrie къ народничающему „паничу“.—Внолив удаляется автору образъ Бѣлохвостова, родственника Михайла; онъ стоитъ за „культуру“, за приведеніе всѣхъ языковъ къ „одному знаменателю“ и въ украинофильскомъ идеалѣ видѣтъ „идеаль рака“. На самомъ дѣлѣ Бѣлохвостовъ — фатъ и карьеристъ, которому совершенно чужды какіе бы то ни было интересы отстаиваемой имъ „цивилизациі“. — Г. Старицкій гораздо болѣе занятъ въ своей драмѣ культурными героями и культурною средою; эта сторона пьесы отдѣлана вполнѣ и съ большимъ умѣніемъ, нежели другая, на которой стоять Катри, Дмитро, мать Катри и др. Въ пьесѣ отсутствуетъ повседневная обстановка этихъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ будничными заботами и радостями, которая объясняла бы и индивидуальные черты характеровъ крестьянъ. Очевидно, задачею автора было изобразить извѣстное умственное движеніе съ помощью различныхъ типовъ культурного слоя, хорошо извѣстнаго драматургу и мастерски имъ воссозданнаго. Во вскомъ случаѣ,—продолжаетъ рецензентъ,—новая драма г. Старицкаго составляетъ, по нашему мнѣнію, крупное явленіе въ украинской литературѣ какъ по замыслу, такъ и по выполненію. Недостатки композиціи несущественны. Важнѣйший изъ нихъ — растянутость послѣднаго дѣйствія, слишкомъ продолжительное умирание героини, слишкомъ нѣжная и продолжительная предсмертная ласка, которыми Катри надѣляетъ обидѣвшаго ее Михайла. Эта сцена, по нашему мнѣнію, немного портить впечатлѣніе пьесы, построенной на столкновеніи различныхъ идей и общественныхъ порядковъ¹⁾). Съ неменьшою похвалою отзываются о послѣдней драмѣ г. Старицкаго и Н. И. Костомаровъ. „По чистой совѣсти,—говорить онъ, не можемъ не признать новое самобытное произведение пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ передугъ, чувствуемый повсюду въ наше время, и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это — увлеченіе народностью, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародьемъ. Такое стремленіе

1) „Заря“, 1883 г., № 117.

может вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ, и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологіи, исторіи, филологіи и разработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій. Дѣйствующія лица въ этой драмѣ „изображены очень вынужено, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждого, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соответствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ первого разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выражилось однако такъ, чтобы на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣть. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ и скорѣе можемъ неодобрительно отзываться о финалѣ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя атрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лечившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искусственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки „Щира любовь“, по содержанію иѣсколько похожій на „Не судилось“ г. Старицкаго, несмотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, направивъ съ большою частію его произведеній“¹⁾.

Драма г. Старицкаго „Не судилось“ по сюжету очень сходна съ драмой г. Кропивницкаго „Доки сонце зійде—роса очі війстъ“, игранной еще въ 1882 г.; но какого рода родство между этими пьесами и какъ далеко оно простирается, мы не можемъ сказать обѣ этомъ ничего положительного, такъ какъ пьеса г. Кропивницкаго еще не напечатана и потому мало доступна для изученія.

---

1) „Кievskaya Starina“, сентябрь—октябрь, 1883 года: „Библіографія“, стр. 297 и слѣд.

СЧЕЧНЫХЪ ИМЕНЬ.

Лоанновна 255
Любомицъ В. Б. 9, 247, 343,
347, 370, 381
Люстдорль Дан. 248
Лючко 124
Людмилъ 353
Людмила 307, 308
Людмила 88
Людмила 54
Людмила 447
Людмисьевъ 197, 262, 283
Людмисьевъ (Чужбинскій) А. С.
15, 16, 127, 128, 165—169,
310, 311, 314, 316

Людмір гартенъ 26
Людмір одко 165, 439
Людмір Рюминъ. См. Марлин-
ский.
Людмір Носенко П. П. 21, 36—
56, 64, 101, 196
Людмірківський 129
Людміра 18
Людміри 130, 161, 162, 186, 244,
309, 329, 427, 429
Людміштейнъ графъ (псевд. Ф.
Левицкаго) 373
Людміль Стоу 392
Людміль И. (псевд.) 413
Людмілопитий (псевд.) 373
Людміла 210
Людміловичъ И. О. 11, 19
Людмірський П. 299

- Борзовъ К. И. 306, 307, 309, 350
Борзиловичъ А. 4
Борзгаришъ Ф. 48
Борзге Н. Х. 264
Борковскій 312
Борзаковъ А. И. 322
Борзинскій В. 95, 97, 129, 207,
— 209, 331, 428
Борзозерская Е. Н. 317
Борзозерскій В. М. 234, 244, 265
Борзозерскій Н. Д. 317
Борзозерскій Н. М. 149, 150, 269,
— 303, 315, 316, 318, 321
Борзокопытенко В. П. (псевд. Ку-
лиша П. А.) 268, 270
Борзуха 357
Борзургерь 47, 50.
- Борзинская М. А. 374. См. Мар-
ко-Вовчокъ и М. А. Мар-
кевичъ
- Борзильменъ 125
- Борзышанскій Ф. 372
- Борзигилій 26
- Борзиставскій Р. 372
- Борзиневскій І., кн. 221, 250, 252,
— 286
- Борзимідръ св. 55, 893
- Борзынскій Н. Г. (псевд.) 444
- Борзыньтеръ 44
- Борзынецъ (псевд.) 8, 9, 10, 14
- Борзынська Т. В. 310
- Борзынський 328
- Борзыль Ф. А. Г. 89, 90, 104
- Борзовскій 234, 369, 285, 394
- Борзыцкій 15, 134
- Борзукуша 218, 223, 224, 225
- Борзутцукъ Н. З. 5, 13, 174, 176,
— 210, 211, 236, 269, 370, 380
- Борзерацци 234
- Борзгл—ській В. 372
- Борзине 126, 259, 372, 448, 451, 452
- Борзинади 2, 56, 128
- Борзебель Н. В. 4, 10, 22, 88, 165,
— 181, 203, 236, 265, 427,
— 428, 439, 440

И. 373
Іонко Йоасафъ 88
Іоаннъ 192
Іоакім Северинъ 125
Іоанна Ал. 372
Іоаноскій М. 265, 280
Іоанка Е. П. 6, 8, 13, 25, 105,
108, 112, 127, 142, 146, 148,
149, 150, 165, 167, 168, 176,
177, 203—210, 267, 304,
306, 307, 310, 329, 362, 453
Іоановичъ В. В. 9, 266, 267, 370
Іоанковскій 370
Іоаноф'єдовъ А. С. 78
Іоановичъ 304
Іоанноровичъ В. И. 11
Іоанноровичъ Д. В. 395
Іоаннорьевъ А. А. 366
Іоаненко Е. 373
Іоанченко 373
Іоанний Іоаннъ ц. 241, 450
Іоанновскій 297. См. Шевченко Т. Г.
Іоаннукій А. 45
Іоаннукій 299
Іоаннусовичъ И. В. 37
Іоаннукъ Н. И. 234, 237, 238, 258,
317
Іоаннукъ-Артемовскій Ал. 168, 170,
378
Іоаннукъ-Артемовскій П. Н. 6,
7, 8, 12, 15, 21, 36, 56—
71, 72, 73, 74, 75, 76, 89,
90, 99, 110, 112, 113, 115,
126, 127, 136, 143, 150, 164,
199, 213, 218, 236, 453
Іоаннукъ 314, 329, 332, 349,
367

митрашковъ К. Д. 21, 36, 71,
72—77, 126. См. Копытко
митрашко-Райчъ Р. 155
митрашко-Райчъ Т. 128, 155—
159
мінинь-Борковская Гл. 318
міанд 332
мімскій М. 371, 381
мірвернуа А. А. 186

міна 447
міменко П. 24
міремъ діак. 299

мітецкій П. И. 176, 370
мітницкій 315
міуковскій В. А. 86, 87, 90 92,
94, 108, 110, 125, 126, 182,
206, 304, 305, 306, 323, 330,
333, 340, 356, 362, 427
міуковскій В. П. 372
міуравель О. (псевд. А. Конис-
ского) 371

мінъ 125
міплиховскій 250, 251, 252
мімлякъ (псевд. А. Л. Метлин-
ского) 130
мінькевичъ 174
мінгеръ 200
міачко-Яворскій Мелхиседекъ 225,
347, 348
мілотаренко Вас. 286, 288
мілотаренко Ив. Никиф. 37, 42,
45, 48, 50, 51
мітовъ В. З
мібрицкій Д. 185

мітъ 323
міоръ 393
мільницкій Л. В. 2

Кулишъ (псевд. П. А. Кулиша
8, 278
266

Новгородскій 196

- И. И. 47, 126, 127, 162,
330, 333, 362, 372, 432
А. В. 127, 261, 367,
373, 444
134, 240
М. О. 2, 4, 22, 56, 77,
82, 88, 128, 140, 165, 178,
203, 212, 236, 245,
265, 297, 312, 371, 376,
394, 412, 417, 427, 432,
439
А. Я. 13, 370, 371.
им. его псевдонимы: В. О.,
Зерниволя О., Журавель,
О. К., Кошовий О., К—скій
Я., Маруся К., Пере-
щеня О., Сирота О., Яко-
менко О.
Георгій 13, 19, 20, 30,
47, 49, 51, 77, 174, 185,
298, 344
Кузьмічко 373
Семеновичъ Н. 373
Михаїнинъ Николаевичъ вел.
166
Огольстъ 295
Дмитро К. Д. (псевд. К. Д.
Думитрашкова) 72
Василь В. 175
Ілліцкій П. 127, 128, 136,
143, 146—148
211, 213, 225
Кузьменко Н. 372
Огольстъ 116, 135
Борисъ А. А. 13, 108, 112, 115,
128, 135—140, 146, 162,
164, 236, 240, 244, 255, 329
Іванівскій 343
Кузьменко П. 371. См. Кузьменко П.
Богдановъ Н. И. 3, 4, 5, 9, 10,

- 448, 450
—скій О. Я. (Конисский А. Я.) 371
Кузьменко П. (Косменко П.) 268, 376
Кузмичъ А. 175
Лукольникъ Несторъ 129
Лукикова М. 353
Лукикъ С. В. 373
Лулишъ А—ра Мих. 317, 371.
См. псевд. ея: Барвіночъ Ганна и Нечуй-Вітеръ
Лулишъ П. А. 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 17, 25, 26, 28, 31, 32, 33, 34, 35, 59, 61, 64, 65, 73, 77, 79, 80, 81, 89, 93, 96, 98, 102, 103, 105, 106, 108, 116, 117, 119, 122, 126, 127, 128, 181, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 198, 199, 201, 202, 207, 213, 234, 235, 236, 257, 258, 264 —296, 297, 304, 313, 317, 318, 320, 321, 330, 344, 348, 349, 355, 356, 362, 365, 370, 371, 372, 375, 377, 386, 391, 394, 428, 429, 431, 442 См. псевд. его: Білокопытенко В. П., Іродчукъ, Казюка Панько, Ломусъ, Необачный, Ратай, Хоречко Д. П., Хуторянинъ
Лульневъ 302
Лулябка 116
Лулябко С. Н. 297
Луракинъ А. Б. 11, 24
Лутузовъ 302
Лухаренко С. Я. 83
Лухаренко Я. Г. 3, 13, 21, 36, 77, 79, 82—85, 229, 268, 309, 448
Лучинскій 52
Лук—чъ В. В. 37
- Лазаревскій Ф. М. 330
Ламенче 334
Лампи 302
Ластівка Е. (псевд.) 373
Лафонтенъ 19, 24, 50

- Лафонтенъ Авг. 39
Л—въ П. Г. 298, 303, 304
Лебединцевъ Ф. Г. 347
Левицкій 320
Левицкій И. С. 13, 371, 372, 373,
392 — 412, 448, 454. См.
Нечуй
Левицкій Ф. 372, 373. См. псевд.
его: Биберштейнъ гр.
Ленартовичъ 15, 447
Лермонтовъ М. Ю. 59, 66, 67,
125, 126, 127, 138, 160, 161,
162, 163, 164, 256, 304, 356,
362, 363, 364, 366, 372, 427,
448, 450, 452
Лепшинскій Станиславъ 248
Либелль 303
Лизогубъ А. И. 312, 315, 318, 321
Линейкинъ (псевд. М. Тулова) 407
- Лисенко (Вонгуря) 221, 250, 251,
252
Лисенко М. 85, 448, 449
Литовъ И. 210
Лобановъ-Ростовскій Я. Н. 23
Лобода (Лободовскій) М. 176, 343,
344, 372
Лобысовичъ 20
Ломоносовъ М. В. 40, 173, 180,
443
Ломусъ (псевд. И. А. Кулиша)
127, 268
Лоначевскій 370
Лопухинъ кн. 325, 326
Лопухъ 372
Лукашевичъ 174
Лукашевичъ Ш. Я. 311, 312
Лѣсковъ Н. С. 323
Лядовъ Гр. 372

ІІІ.

- Мазепа 8, 202, 240, 271, 280,
402, 444
Мазюкевичъ 372
Майковъ А. А. 186
Макаровскій М. М. 7, 108, 116—
118, 127, 129, 131, 135, 160
Макаровъ 327, 331
Максимовчева 330
Максимовичъ М. А. 6, 7, 9, 11,
13, 14, 88, 140, 172, 174,
175, 177—183, 184, 188,
193, 194, 207, 214, 246, 265,
281, 291, 326
Максимовъ 166
Мальчевскій 125
Малиревъ К. 373
Маркевичъ Ае В. 258, 374, 575
Маркевичъ Н. А. 37, 126, 130,
149, 280, 309, 323, 344
Маркевичъ М. А. Си. Вилинская
и Марко Вовчокъ
Марко Вовчокъ (псевд. М. А.
Маркевичъ) 4, 6, 7, 8, 9,
13, 108, 266, 267, 330, 369,
371, 373, 374 — 392, 396,
412, 439, 453. Си. Вилин-
ская и Маркевичъ М. А.
Марковъ Н. 88
Маркъ Ефесскій 219
- Марлинскій (псевд. Безгужева-
Рюминя) 129, 201, 206
Мартовицкій 207
Маруса Б. (псевд. А. Я. Конис-
ского) 3, 371
Масловъ С. А. 181
Мастакъ (псевд. или Бодянского,
или Ю. Венелина) 3, 5, 99,
100, 103
Материнка Ісько (Бодянскій О.)
6, 8, 14, 184
Мейendorффъ 24
Межовъ В. И. 2
Мельниковъ П. 895. См. Печер-
скій А.
Мельникъ Н. 373
Менчицъ Вл. 371
Мерзляковъ 178
Метлинскій А. Л. 3, 5, 6, 7, 8,
9, 11, 13, 15, 16, 21, 87,
115, 116, 117, 127, 128—
135, 142, 143, 152, 157, 159,
160, 161, 162, 174, 240, 255,
427, 428, 430, 431. См. псевд.
его: Могила А., Землякъ
Метлинскій С. Л. 127, 128, 159
— 161 См. псевд. его Ро-
дина
Мекъ 5

— VIII —

Милорадовичъ Гр. 4 Мильтонъ 57 Мирный П. (псевд.) 371, 373, 412—416 Миславскій 155 Митуса 245, 246 Михаилъ царь 239 Михайловъ 166 Мицкевичъ А. 13, 16, 66, 67, 73, 123, 124, 125, 126, 127, 141, 142, 144, 145, 240, 256, 259, 268, 278, 284, 303, 366, 367, 372, 448, 451, 452 Могила А. (см. А. Метлинскій) 6 Могила Петръ 75, 393 Могилевскій І. 280	Мольво 42 Мольеръ 20 Мономахъ Влад. 245 Моњкина 316 Морачевскій Ф. С. 7, 128 Мордовцевъ 374 Мордовцевъ Д. Л. 13, 56, 176, 212, 236, 244, 265, 310, 371, 372 Морозенко 285, 317 Морозъ Д. 370 М—сь П. 149, 307, 321, 345 Муравьевъ М. Н. 211 Муръ Томасъ 124, 125, 126 Мюнстеръ А. 235

■.

Навроцкій А. А. 126, 127, 235, 257—264, 372 Надеждинъ 186 Надхінъ Г. П. 197 Наливайко 285, 343, 344 Наполеонъ I имп. 184 Нарвжній 174 Науменко В. 88 Наумовъ 423 Недоборовскій З. О. 82 Некрасовъ Н. А. 145, 368, 372, 373, 444, 445, 448, 451 Необачный (псевд. П. А. Кули- ша) 268 Несторъ лѣтоп. 211, 253 Нечай 345 Нечуй-Вітеръ А. (псевд. А. М. Куликъ) 13, 371, 394	Нечуй И. (псевд. И. С. Левиц- каго) 13, 371, 373, 392, 393 Никитинъ 387 Николай I имп. 172 Ничипоренко И. 305 Ницинскій П. 372 Н—ій 374 Новиковъ Е. П. 186 Новицкій 328 Нововъ И. П. 36 Номисъ (псевд. М. Т. Симонова) 13, 370, 371 Нордега 372. См. Стеценко Носенкова А. П. 36 Нось Іоаннъ 36 Нось С. 13, 372 Нѣговскій 428 Нѣмцевичъ 15

○:

Обеременко 324 Обручевъ В. А. 321, 322, 323 Овидій 74 Одисей 447 Одмінець 15, 125, 134 Олегъ 393, 447 Одєльковичъ Митро 13, 371. См. Александровичъ Д. Онукъ Маркъ 372 Онишкевичъ 4, 13 Орликъ 248	Орловъ А. О. гр. 320 Орфей 210 Осиповъ 324 Осишовъ 19, 21, 30 Основяненко (псевд. Г. О. Квит- ки) 6, 13, 58, 59, 308 Оссиянъ 259 Оссовскій Г. 372 Островскій А. Н. 166, 402, 412 Остряница 247, 248, 280 Очеретяній Н. 372

— IX —

III.

Шавловский 24, 35
Шавловъ М. Г. 178
Павлусь (псевд. И. П. Чубинского) 373
Павлюкъ 211, 221, 343, 344
Шанаевъ 203
Падурра Тимко 128, 380
Палій Семенъ 50, 280, 344, 362, 402
Партицкий О. 265, 372
Пасекъ В. 130
Пасяда 258
Первозванный Андрей ап. 247, 316
Перебендя О. (псевд. А. Я. Конисского) 371
Перебійносъ 343
Перовский Л. А. 323
Петгарка 126
Петровъ 238, 258
Петраченко И. 4, 7, 128
Петренко М. Н. 7, 13, 16, 127, 131, 136, 161—164
Петровскій 308, 309
Петръ I имп. 36, 271, 349
Цечерскій А. 395. См. Мельниковъ П.
Писаревская Мареа (псевд.) 126
Писаревскій П 108, 112—114, 136, 207
Писаревскій С. 13, 108—112, 126, 136, 145, 200, 207. См. его псевд. С. Шерепера
Писемскій 166
Піунова К. Б. 324, 326
Плавть 20
Платовъ 302

Плетнєвъ 92, 93, 96, 104, 265
Погодинъ М. И. 182, 239
Подкова Ив. 331, 342, 344
Подушка Ив. 373
Полевой Н. А. 63, 64, 171, 175, 200, 310
Полонский 327
Полуботокъ 444
Пономаревъ 308
Пономаревъ С. И. 141, 177, 181, 297
Поповъ 443
Порохонцевъ 374
Потебня 88, 370
Потемкинъ 198
Потоцкій гр. 226, 227, 249
Потѣхинъ А. 395
Прехтель 305, 351
Прибура М. 128
Пріамъ 447
Прижковъ 3
Пушкинъ А. С. 16, 66, 87, 91, 92, 108, 110, 111, 112, 118, 125, 126, 127, 129, 138, 142, 145, 146, 147, 160, 161, 178, 180, 182, 189, 193, 200, 201, 204, 205, 206, 240, 304, 325, 349, 356, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 372, 378, 447
Шайко 249
Пчілка О. (псевд.) 176, 372
Пыпинъ А. Н. 4, 7, 8, 12, 13, 14, 18, 22, 62, 88, 94, 97, 142, 178, 181, 184, 213, 235, 236, 265, 270, 281, 282, 395

IV.

Радичевичъ 447
Раевскій И. 176, 177, 228—231
Разумовскій Кир 186
Расинъ 57
Ратай (псевд. И. А. Кулиша) 269
Р—въ 319
Ревякинъ И. 370
Репнина В. А. 24
Репнина В. Н. 306, 312, 318, 319, 320, 324, 329

Репнинъ Н. Г. 23, 27, 311, 319
Ржевускій А. 166
Ригельманъ 185
Ригеръ 170
Рижскій И. П. 39
Родина (псевд. С. Л. Метлинского)
Ростиславичъ А. В. 175
Рубанъ В. 19, 344
Руданскій С. 13, 127, 373, 443

III.

Шаповалъ Кузьма (псевд. К. Шохина) 372 Шафарикъ 185, 234, 314, 329, 332, 367 Шаховскій 5, 21, 23, 174 Швачка 342 Шевченко В. Г. 268, 269, 309, 310, 311, 313, 325, 326, 327, 329 Шевченко Т. Г. 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 17, 25, 82, 83, 98, 105, 115, 116, 118, 126, 127, 131, 132, 139, 149, 150, 152, 155, 157, 166, 169, 178, 181, 204, 207, 234, 235, 237, 258, 265, 266, 267, 268, 269, 280, 281, 284, 295, 297—368, 370, 373, 375, 376, 380, 383, 386, 392, 408, 417, 418, 422, 431, 432, 439, 444, 451, 453 Шевыревъ С. 129, 171 Шейковскій К. 98, 363, 370 Шекспиръ 124, 126, 127, 267, 269, 304, 372, 448, 452, 457	Шеллингъ 178 Шерепера Стецько (псевд. С. Пицаревскаго) 108, 109, 119, 127 Scherer Jean Benoit 49 Шериданъ 42 Шестакова Л. И. 149 Шеховичъ С. 119 Шибитко Н. 373 Шиллеръ 42, 66, 124, 126, 200, 259 Ширяевъ 303, 304 Шишацкій-Илличъ А. В. 7, 128, 188 Шишковъ А. С. 41, 58 Шкотъ 323 Шлегель 125 Шмидтъ Ю. 125 Шотть 283 Шохинъ К. 372. См. псевд. его Шаповалъ Кузьма Штернбергъ 149 Шулиевъ П. 372 Шумка В. 249 Шумъ 37, 51

III. Ю. Я. Э.

Щедринъ (псевд. Салтыкова) 372, 393 Щенкинъ М. С. 268, 330 Щербакъ М. Г. 36, 443 Щербина Д. М. 317 Щербина Н. О. 428, 430 Щоголевъ Я. И. 3, 13, 127, 371, 373, 427—439 Юнге Е. Ф. 297. См. Толстая Е. Ф. Юркевичъ М. Д. 373	Ягеллонъ 54 Якимовъ 173 Яковенко О. (А. Я Конисскій) 371 Яценко Л. 370, 372 Эдинъ 247 Эзонъ 99, 144 Энгельгардъ 297, 302, 305, 306 Эней 25, 30 Эрманарихъ 54

— XI —

Тищенко В. 372 Толбинъ 165 Толстая А. И. 324, 330, 332 Толстая Е. О. 297. См. Е. О. Юнге Томашъ 51 Томиленко 344 Тополя К. 7, 8, 13, 108, 119-- 122 Т—ра П. С. 38 Тедельяковскій В. К. 189 Троцкій 371	Тротчинскій Д. П. 11, 78, 79, 80 Трубецкой П. И. 374 Трисило Тарасъ 343 Тудошъ М. 407. См. Линейкинъ Тургеневъ И. С. 259, 323, 325, 373, 375, 392, 411, 412, 313, 456 Т—чъ Ив. 174 Т—ый И. О. 38 Т—й Л. 329 Тапинскій 18
Уваровъ гр. 182, 318, 320 Украинецъ (псевд.) 11, 14, 15 Ульфіла 54	Усковъ 323, 324 Успенскій Г. 229, 395, 423
Федоровъ Е. Я. 78, 79 Федръ 144 Фельковичъ 3 Фетъ 59, 71 Филаретъ архіеп. черниг. 2	Флетчеръ 185 Фонвизинъ Д. И 21 Франкъ 4, 13 Французъ 448
Ханенко 185 Харита 326, 327 Хвидоровскій 371 Хмельницкій Богданъ 41, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 137, 174, 175, 186, 187, 219, 221, 222, 224, 237, 238, 239, 250, 251, 252, 268, 280, 284, 285, 286, 330, 342, 343, 393, 395, 402	Хмельницкій Ю. 254, 394 Ходаковскій З. 183 Хомякошъ 9, 126, 180, 242, 258, 259, 372 Хоречко Д. П. (псевд. И. А. Ку- лиша) 268, 270 Хуторянинъ (И. А. Кулишъ) 268, 278
Церетелевъ Н. А. 13, 174	Цись 372
Чаевъ 178 Чайка Мих. 372 Чайковскій М. 5, 445 Чайченко 371 Чалый М. К. 149, 178, 181, 297, 304, 319, 326, 330, 376 Чалый Сава 34, 236, 244, 247, 248, 249 Чалый Я. 249 Челяковскій 134	Чередниченко 231 Черненко О. И. 330 Четвертицкій кн. 211 Чеховскій Вильг. 108 Чоглоковъ Т. В. 252, 253 Чубинскій П. П. 370, 373. См. Павлусь Чужбинскій (псевд. А. С. Ає- нальєва) 15, 152 Чуприна (псевд. А. А. Котлярев- скаго) 59, 67

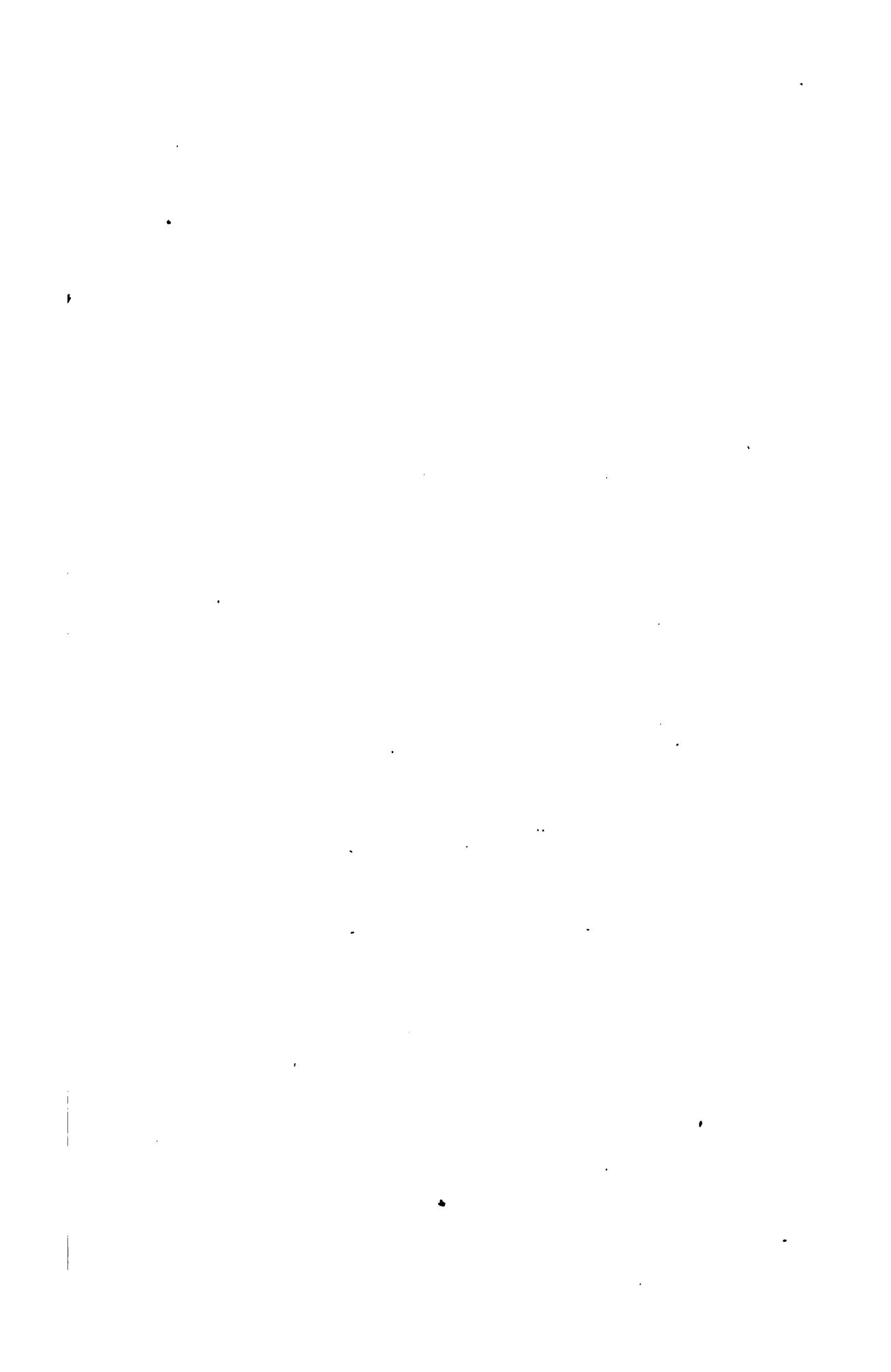
— XIV —

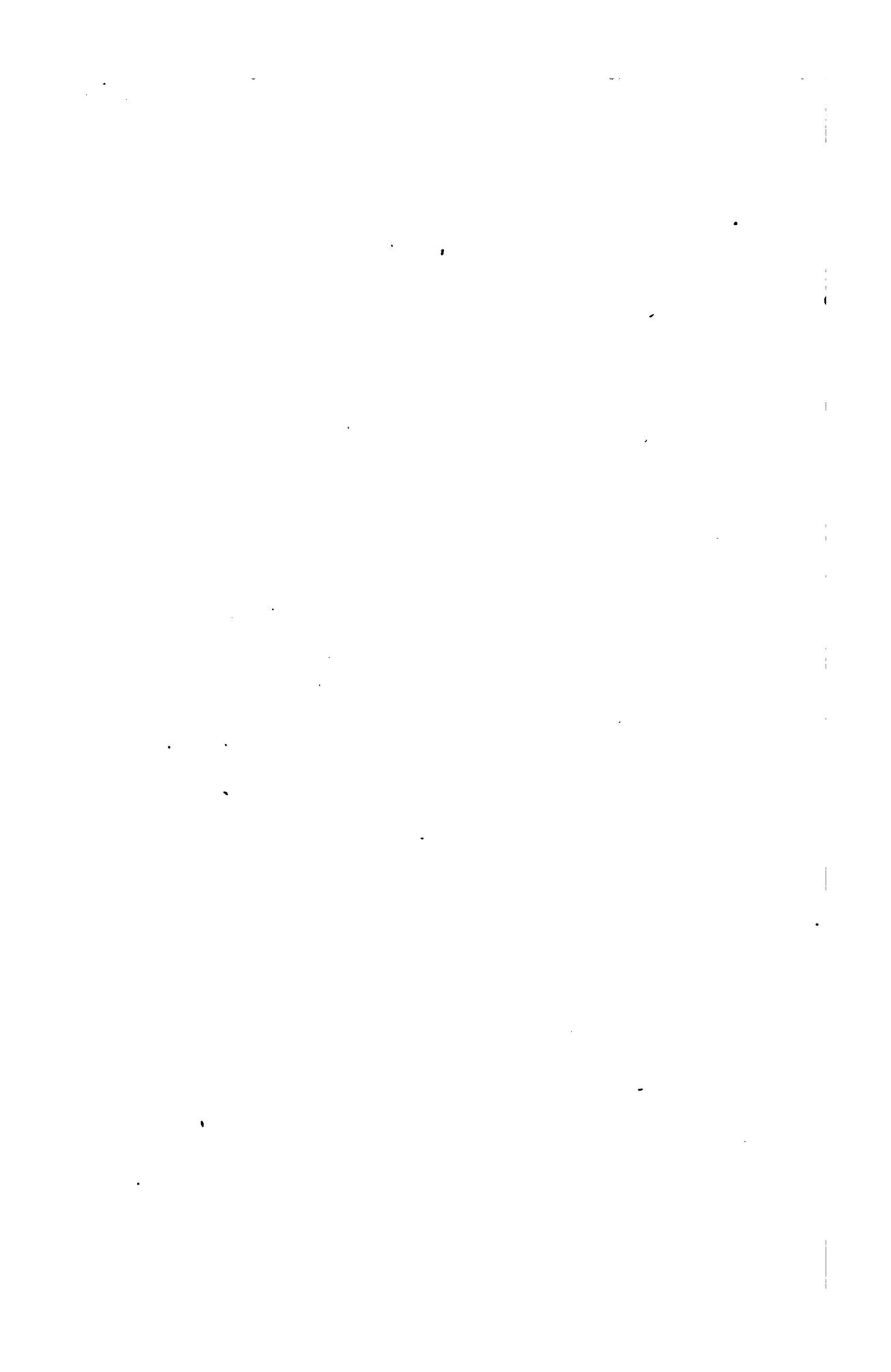
188	8	всѣй	всей
—	24	обратит	обратить
—	28	5	3
189	13	титературѣ	литературѣ
192	23	правамъ	правамъ
197	17	присутствіе	присутствіе
201	41	Гоголи	Гоголя
203	11	свою свою	свою
209	12	Чайковскаго	Чайковскаго
217	9	Подобный	Подобный
221	7	Хмельницкаго	Хмельницкаго
228	24	элементъ	элементъ
230	31	Булава	Булавы
233	30	появились	появились
240	27	аудиторія	аудиторія
241	23	въ тѣни онъ;	въ тѣни; онъ
245	14	произведеній	произведеній
—	33	Співень	Співень
250	9	сылы	сили
—	20	ч о	что
252	4	принимались	принимались
—	28	кѣка	кѣка
263	37	простягне	простягне
265	34	ушиша	Кулиша
266	14	малорусскомъ	малорусскомъ
271	2	1889	1882
273	12	инстинктивно	инстинктивно
278	1	сердце	сердце
—	18	той.	той дуб
291	29	Муразовыхъ	Муразовыхъ
292	18	Бесѣдѣ	Бесѣдѣ
296	2	этотъ	этотъ
—	30	крае	краю
298	28	1813	1823
301	28	камъ	какъ
303	10	Успѣхи .. шли	Ученые... шло
304	11	посовѣдовался	посовѣтовался
305	24	крѣпостничества	крѣпостничества
311	18	Вареолемей	Вареоломей
313	39	вященника	священника
320	16	солдацкую	солдацкую
323	40	ри	При
324	37	2	1
—	40	3	2
325	3	грубоватаго	грубоватаго
327	16	олубь	олубь
329	42	жтыыхъ	жтыыхъ
344	1	сочиненіями.	сочиненіями:
362	7	обманываютъ	обманываютъ
396	41	Левицкій	Левицкій

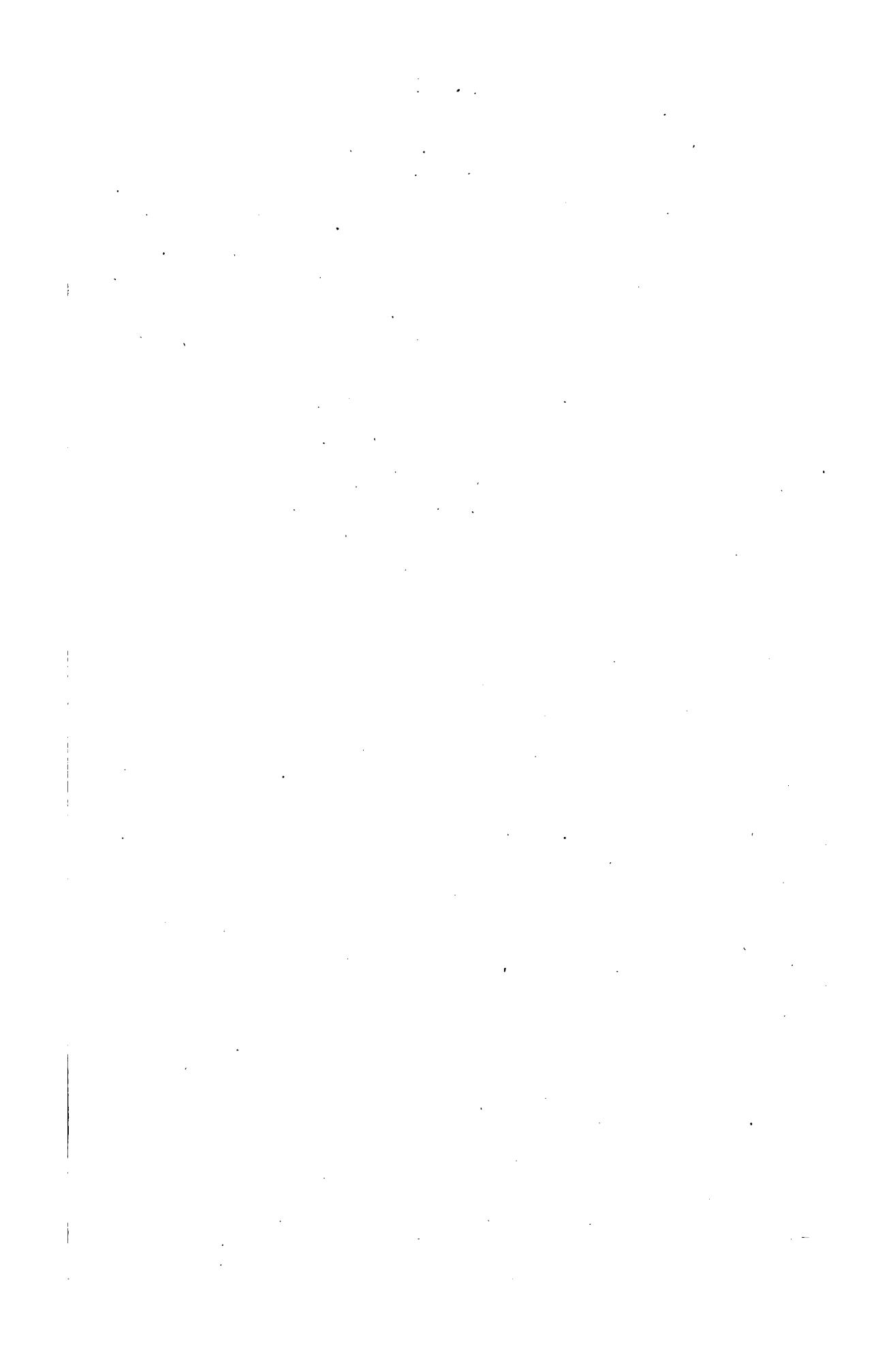
— XV —

399	7	жъвый	жънвый
400	14	разказъ	рассказъ
401	21	цирульнику	цирюльнику
412	33	Кievской	Киевской
413	13	ясли	ясла
414	40	бгаатыремъ	багатыремъ
415	24	налетами	налетами
417	40	Старинѣ	Старинѣ
419	12	полюбившася	полюбившаяся
424	11	розь	рознь
426	12	нихъ	въ нихъ
—	13	въ васъ	васъ
432	36	говоригъ	говоритьъ
442	11	и нові	и нові
448	16	Шісні	Шісні
—	25	Левицкаго.	Левицкаго
453	34	Топерь	Теперь
455	14	приложевія	приложенія
II	25	Вишневскій	Вишневецкій

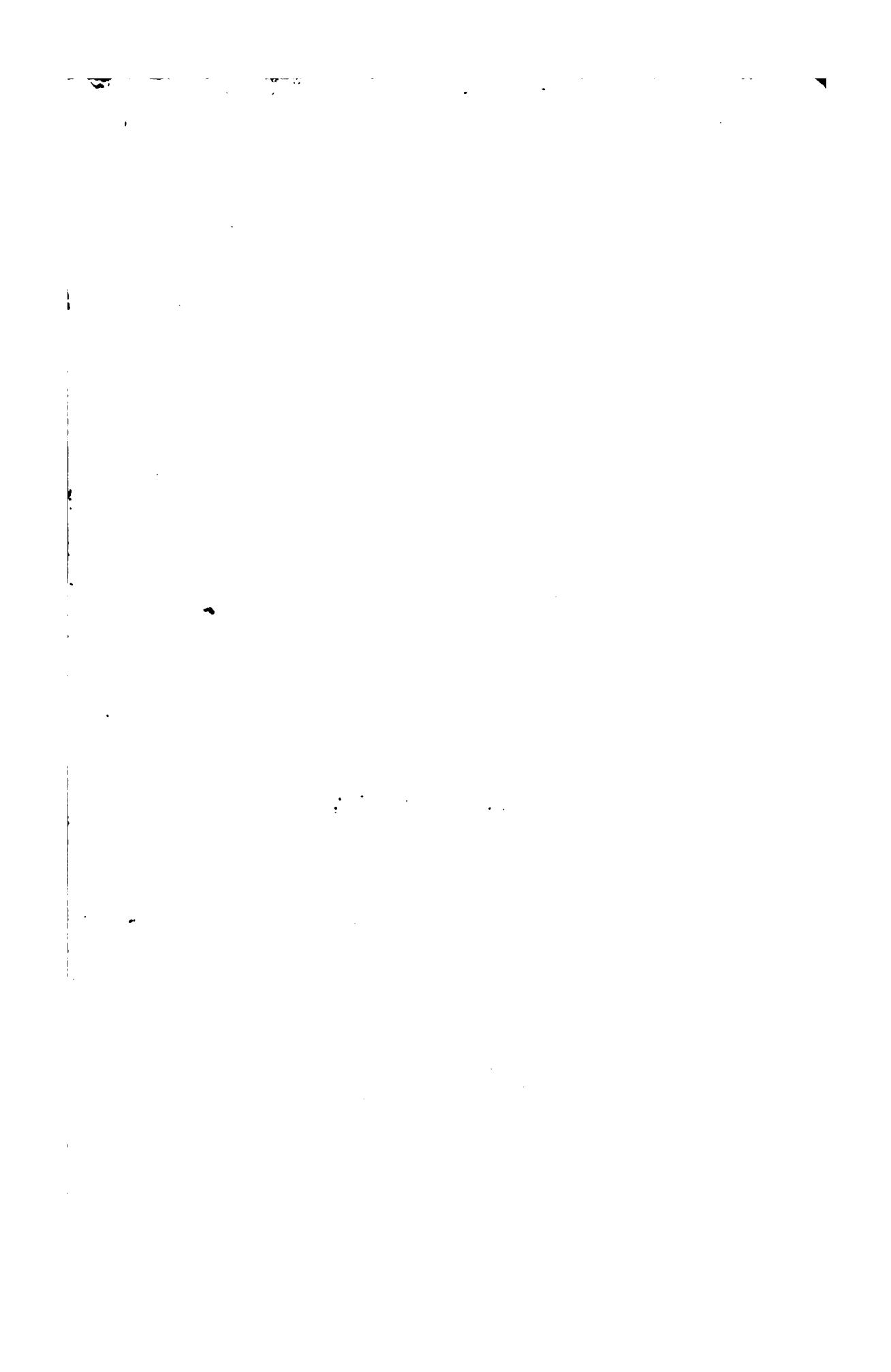

Цѣна з руб.

На пересылку за 2 фунта.

Складъ изданія у автора, профессора Н. И. Петрова (Кievъ, Ильинская ул., д. № 4) и въ редакціи журнала „Труды Киевской Духовной Академіи“. Тамъ же можно получать другое изслѣдованіе того же автора „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“, оставшееся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ. Цѣна 1 р.; на пересылку за 1 ф.

SEARCHED - INDEXED

SEARCHED - INDEXED

SEARCHED - INDEXED

SEARCHED - INDEXED

PG
3916
.P37

C.1
Cecil H. Green
51-2001

PG 3916 .P37
Ocherki istorii ukrainekol II
Stanford University Libraries

C.1

412-45,87

3 6105 036 935 976

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D	FEB 14 1996	JUL 3 0 1996
28D	MAR 1 3 1996	AUG 25 1996
28D	APR 1 0 1996	OCT 0 0 1 1996
28D	MAY 0 4 1996	NOV - 5 1996
28D	JUN 2 1996	DEC 0 3 1996

JUN

